САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

На правах рукописи

АРХИПОВ
Владислав Владимирович

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПРАВА В УСЛОВИЯХ МЕДИАЛЬНОГО ПОВОРОТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант
доктор юридических наук, профессор
Козлихин Игорь Юрьевич

Санкт-Петербург
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

ГЛАВА 1. Постановка проблемы в свете методологического подхода, эмпирического материала и социокультурного контекста 74

§ 1. Общие замечания о методологическом подходе исследования: лингвистическая философия и социальный конструкционизм 74

§ 2. Правовые коллизии игровой деятельности в цифровой среде как исходная посылка исследования 84

§ 3. Взаимосвязь правовых коллизий игровой деятельности в цифровой среде с другими подобными коллизиями 101

§ 3.1. Оговорки о «художественном» в критериях запрещенной в Интернете информации 104

§ 3.2. Защита детей от информации и правовая квалификация «насилия» в компьютерных играх 110

§ 3.3. Уголовно- и административно-правовая защита исторической памяти 116

§ 3.4. Правовая оценка объективной стороны преступлений, совершенных с использованием имитации оружия 118

§ 3.5. Дискуссии в области права относительно пределов допустимого художественного творчества 120

§ 3.6. Шутки, анекдоты и пародии в пределах и за пределами допустимого с точки зрения права 127

§ 3.7. Материалы, утратившие свою актуальность в контексте «права на забвение» 131

§ 3.8. Проблемы юридического разграничения азартных игр и игр, не являющихся азартными 133

§ 4. Концепция медиального поворота как обобщение ключевых признаков социокультурного контекста проблемы 136

§ 5. Формирование гипотезы о семантических пределах права: виртуальная реальность, абсурд и здравый смысл 162

ГЛАВА 2. Поиск методологии разрешения проблемы и реконструкции семантических пределов права 173

§ 1. Попытки реконструкции пределов права исходя из позиций философии морали 173

§ 2. Спор Г. Харта и Л. Фуллера и последующее переосмысление дискурса данного спора 188

§ 3. Оценка семантических пределов права с точки зрения подходов к толкованию права, претендующих на осмысление абсурда 198

§ 3.1. Отдельные примеры отсылок к абсурду в отечественной правоприменительной практике 199

§ 3.2. Развитие «доктрины абсурдности» в контексте зарубежной правоприменительной практики 213

§ 3.3. Оценка представлений об абсурдности в праве через призму представлений о здравом смысле 220

§ 3.4. Предварительные заключения о признаках и видах абсурда в толковании и применении права 226

§ 4. Реконструкция семантических пределов права средствами деонтической логики: опыт переосмысления 228

§ 4.1. Критический анализ теории семантической нормативности права М. Клатта 229

§ 4.2. Общие замечания о семантических пределах права, эксклюзивном позитивизме и деонтической логике 238

§ 5. Междисциплинарная концепция «магического круга» в игровых исследованиях 243

§ 6. Концепция обобщенных символических посредников в теоретической социологии 264

ГЛАВА 3. Реконструкция концепции семантических пределов права: содержание, значение, методологический потенциал 281

§ 1 Переосмысление проблемы «магического круга»: от квалификации общественных отношений к квалификации их предмета 281

§ 2. Критерий серьезности или несерьезности предмета отношений: «социально-валютная ценность» 286

§ 3. Моделирование коммодификации как методология определения конвертируемой социально-валютной ценности 292

§ 4. Критерий функциональной адекватности или «фантазийности» предмета общественных отношений 301

§ 5. Теоретическое моделирование применения критериев социально-валютной ценности и функциональной адекватности 318

§ 6. Сопутствующие результаты: аналогия права и игры, серьезность как принцип моральности права, притязание права на серьезность 334

§ 6.1. Аналогия права и игры в истории правовой мысли и в контексте настоящего исследования 334

§ 6.2. «Притязание на серьезность» и девятый принцип внутренней моральности права 343

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 353

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 360

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 361

Источники на русском языке 361

Нормативные источники 361

Правоприменительная практика 365

Научные статьи 370

Монографии и иные книги 377

Диссертационные исследования 381

Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов 382

Источники на иностранных языках 384

Нормативные источники 384

Правоприменительная практика 384

Научные статьи 385

Монографии и иные книги 390

Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов 391

Приложение 1. Структурная схема логики концепции семантических пределов права 395

Приложение 2. Функциональная схема аналитического процесса применения концепции семантических пределов права («пограничная ситуация» толкования). 396

Приложение 3. Таблица соответствия выражений юридической догматики и понятий концепции семантических пределов права 401

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Право сейчас все больше находится в «области полутени», представление о которой, в специальном смысле философии права, было сформулировано в дискуссии между Г. Хартом и Л. Фуллером в середине XX века.[1] Происходящая сейчас цифровая трансформация общества подразумевает не просто развитие технологий – многие из них не оторваны от повседневной жизни и изменяют социальную реальность в той же степени, в которой они изменяют технологический ландшафт. Современные цифровые технологии предопределяют формирование информационной культуры, в которой появляются новые коммуникативные практики и видоизменяются старые. В культурологическом и социологическом дискурсе особое значение обретают исследования, посвященные различным аспектам *медиального поворота* и *виртуальной реальности*. Среди актуальных технологических феноменов социально-гуманитарному дискурсу интересны, в первую очередь, те, которые непосредственно нацелены на социальное взаимодействие. Возможности социальных сетей, мессенджеров и различных иных многопользовательских сред (среди которых для целей настоящего исследования, прежде всего, выделяются игровые) на практике уже породили ряд, на первый взгляд, *частных и курьезных*

[1] См.: Hart H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. – 1958. – Vol. 71. – P. 593–629; Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. – 1958. – Vol. 71. – P. 630–672. Дискуссия была опубликована в переводе на русский язык в журнале «Известия высших учебных заведений. Правоведение» в 2005 году, см.: Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В.В. Архипова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 5. – С. 102–136; Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву – ответ профессору Харту / пер. с англ. В.В. Архипова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 124–159. Фундаментальное значение данной дискуссии для юриспруденции можно считать общеизвестным фактом в юридической науке, и о нем писали многие зарубежные и отечественные авторы. См. напр.: Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Философские взгляды «раннего» Г. Харта и проблемы языка права // Харт Г.Л.А. Философия и язык права. – М., 2017. – С. 7–26.

юридических проблем, которые в настоящем исследовании интерпретируются, прежде всего, как *проблемы теории права*, а именно – толкования правовых текстов и применения права.[2] Например, принятие отдельных правоприменительных решений о блокировке интернет-ресурсов, содержащих информацию об объектах, относящихся к игровым контекстам, как это произошло в случае с блокировкой информации об изготовлении виртуальных «взрывчатых веществ» в компьютерной игре *Minecraft*, подразумевающей такой результат толкования права, как если бы речь шла о реальных объектах,[3] или несколько дел, связанных с применением норм имущественного права к отношениям, связанным с виртуальной собственностью в других многопользовательских онлайн-играх.[4] Однако частными и курьезными юридические проблемы, отраженные в данных решениях, могут казаться лишь на первый взгляд. В основе настоящего исследования лежит принципиальное убеждение автора в том, что правоприменительные решения такого рода, в

---

[2] Этим обстоятельством и обусловлена специальность 12.00.01, с которой соотносится настоящее исследование, в котором вопросы действия права в медиапространстве рассматриваются с точки зрения, прежде всего, общетеоретических проблем толкования права, а также реализации и применения права, с последующей их интерпретацией как относящихся также к проблематике онтологии права. Соответственно, речь идет о пп. 1.14, 1.13 и 1.1 Паспорта специальности 12.00.01 по состоянию на сентябрь 2019 года.

[3] См.: Роскомнадзор попросил не запрещать Minecraft из-за рецепта динамита, 03 фев. 2017 [Электронный ресурс] // Информационное агентство РБК. – [Сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/02/2017/58946a839a7947e35f09cc7d (дата обращения: 04.07.2018). Решение суда, которое подразумевается в указанном материале: Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 12 июля 2016 года по Делу № 2-662/2016. – [Сайт]. – URL: https://zavodoukovsky--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2018). Принципиальная особенность данного казуса связана с тем, что он, действительно, относится к «области полутени» – однозначные критерии оценки именно такой информации, в отличие от других видов информации, запрещенной к распространению в Интернете, на тот момент (как и на момент написания настоящей работы) установлены не были.

[4] Обзор и анализ отдельных репрезентативных дел представлен, в том числе, в следующих публикациях: Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей // Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – 528 с.; Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. – № 9. – С. 69–90; Семенюта Б. Онлайн-игры: правовая природа отношений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 8. – С. 38–45. Глубокий анализ правовой проблематики виртуальной собственности с точки зрения гражданского права также представлен в работах А.И. Савельева, в частности в Главе 6 «Цифровой контент и виртуальная “собственность”» книги: Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. – М.: Статут, 2016. – 640 с., а также в статье: Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 127 – 150.

действительности, свидетельствуют о наличии *общей и серьезной*,[5] а не частной и курьезной, проблемы, которая при этом не сводится к отраслевым проблемам гражданского или информационного права. Проблема эта гораздо шире, и она связана с философско-правовым дискурсом правосознания и правовой культуры, а также переосмыслением догматических аспектов действия права, применения права, толкования права и правотворчества. Право как социальный институт консервативно, историческое развитие права во всем было ориентировано на социальную реальность, в которой доминировала этика «реального» и «серьезного», тогда как игровой элемент долгое время вытеснялся из общественного сознания и табуировался.[6] Современная же информационная культура в условиях общего медиального поворота может быть охарактеризована, в том числе, условным термином «*игровой поворот*» (условным, поскольку здесь он как раз используется как фигура речи; характеристика может быть не точна – в философском, психологическом и социологическом смысле речь, возможно, должна идти в большей степени о «несерьезном», чем об «игровом»). Помимо собственно беспрецедентного развития в массовой культуре различных игровых практик, за счет принципиально нового темпа и качества технологий, обеспечивающих обмен информацией, в повседневности появляется все больше ситуаций, которые можно считать спорными в свете возможного правоприменения – среди прочего, эта проблема интенсифицируется по мере появления все новых юридических

[5] Как будет показано далее, слово «серьезный» в контексте настоящего исследования используется не просто как прилагательное, соответствующее легкому литературному стилю, а как специальный термин, подразумевающий отсылку к теоретико-социологической концепции обобщенных символических посредников. Подробнее см. § 6 Главы 2 исследования.

[6] Оценки данного факта культурологами весьма характерны. Например, О.С. Потапова отмечает, что «в начале XX столетия вряд ли кто-то расценивал только что изобретенный кинематограф как новый вид искусства. Достижения технического прогресса волновали и поражали зрителей, но не побуждали задуматься о месте кинематографа в пространстве культуры. Сейчас ситуация кардинально изменилась: есть настоящее искусство, а вот голливудские блокбастеры часто осуждаются. Компьютерные игры, завоевавшие определенное культурное пространство в начале XXI века, столь же часто критикуют за излишнее влияние на умы подрастающего поколения. Психологи предупреждают о возможном негативном влиянии игр на сознание, и в такой обстановке редко кто заговаривает о том, что компьютерная игра претендует на звание нового вида искусства». См.: Потапова О.С. Компьютерная игра в пространстве культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (1). – С. 349.

ограничений и правил распространения информации, что, в свою очередь, обусловлено развитием концепций государственного суверенитета и распространения его на информационное пространство.[7] При каких условиях *шутка* как, по общему правилу, феномен «несерьезного» может быть признана экстремистским материалом?[8] Может ли художественное произведение, основанное на «воображаемом», а не «реальном», содержать юридические признаки оскорбления?[9] Представляется, что данные вопросы, особенно актуальные для общества на данном этапе (раньше темпы производства и распространения информации были другими и такие вопросы возникали значительно реже), формируют единый контекст и могут быть подвергнуты теоретическому обобщению, в результате которого главным вопросом станет следующий: можно ли концептуализировать в одном понятии, относящемся частично к философии, а частично – к догме права, условную границу, при нарушении которой обращение к

---

[7] Так, например, А.А. Ефремов отмечает, что тенденция «суверенизации» в информационном пространстве выражается, в частности, в установлении правил относительно «информации, распространение которой запрещено», деятельности организаторов распространения и информации и блогеров (правила в отношении последних ныне отменены), ограничений для иностранных СМИ, блокировок информационных ресурсов, нарушающих правила обработки персональных данных, введения дополнительных требований к операторам связи и организаторам распространения информации. См.: Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 202. См. также: Ефремов А.А. Тенденции развития правового регулирования информационного пространства // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 80–83; Ефремов А.А. Защита государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. – М. НОРМА, 2017. – 128 с.

[8] Общественная значимость данной проблемы обусловила принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» и последующих изменений, отраженных в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”».

[9] В данном случае речь идет о художественных произведениях с узнаваемыми или практически тождественными реальными прототипами, в том числе, историческими деятелями. Вопрос, однако, может быть сформулирован и в противоположном ключе: в какой степени допустимо использование реально живущих или живших людей в качестве прототипов для художественных произведений? Примечательно, что в нынешних условиях и теоретически, и практически можно применять к таким случаям законодательство о персональных данных – в смысле защиты персональных данных реальных прототипов персонажей художественных произведений, которые не могли бы появиться без использования таких персональных данных. Не случайно п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» предусматривает в качестве отдельного основания обработки персональных данных «литературную или иную творческую деятельность», но при условии, что при этом не нарушаются права и законные интересы субъекта персональных данных.

праву в случае столкновения с тем или иным феноменом медиареальности будет абсурдным, противоречащим здравому смыслу, и каким образом ее можно выявить? Это вопрос, который, в некотором смысле, связан с концепцией «открытой текстуры» юридического языка Г. Харта,[10] и может быть при этом осмыслен как проблема толкования понятий, используемых в правовых текстах, и, как следствие, как проблема семантики в праве.

В определенной степени вопрос, на самом деле, уже косвенно затрагивался в философии права. Вот, например, цитата из «*Анатомии права*» (1968) Л. Фуллера (отметим, что с точки зрения философско-правовой методологии настоящее исследование можно соотносить с продолжением, как минимум, части традиции, заложенной данным теоретиком права, и развитием идей, предложенных автором этой работы ранее в кандидатской диссертации,[11] с учетом последующего развития данного дискурса):

> «В рамках любого общества есть позиции, которые *настоль противны общеразделяемым положениям, что их с легкостью отметет любой здравомыслящий* (выделено мною – ***В.А.***) судья. Человек убивает своего отца; отвечая на предъявленное ему обвинение в убийстве, он утверждает, что его отец был добродетельным человеком, который был убежден в существовании рая; таким образом, лишая его жизни, он отправил его в край бесконечного счастья, которое его отец никогда не познал бы на земле; а значит, тот, кто дарует такое благо, должен быть вознагражден, а не наказан. Чиновник присваивает огромную сумму

[10] Как отмечает В.В. Оглезнев, «склонность правил обладать “периферийной неясностью” (fringe of vagueness) [1. С. 126], т.е. становиться неопределенными в пограничных случаях, Харт называет «открытой текстурой» правил (и языка в целом) [1. С. 131]. Добавляя при этом, что “открытая текстура” правовых правил должна рассматриваться скорее как преимущество, чем недостаток, в том смысле, что это позволяет разумно истолковать правила в тот момент, когда они применяются в ситуациях и проблемных случаях, которые их создатели не предвидели и не могли предвидеть». См.: Оглезнев В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 2 (34). – С. 237–238. Здесь В.В. Оглезнев отсылает к изданию «Понятия права» Г.Л.А. Харта в переводе на русский язык, соавтором которого он является, см.: Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.

[11] См.: Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. Автореферат кандидатской диссертации автора был опубликован в «Российском ежегоднике теории права» в 2011 году (номер за 2009 год), см.: Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. – 2011. – № 2-2009. – С. 186–203.

> государственных денег; в ответ на выдвинутое против него обвинение он цитирует преамбулу к конституции, декларирующую, что государство существует для того, чтобы способствовать наибольшему счастью наибольшего количества граждан; деньги, которые подсудимый присвоил, сделали его очень счастливым; при этом следующее из этого факта уменьшение богатства каждого из остальных граждан бесконечно мало и не было способно произвести ощутимое уменьшение *их* счастья (если эти иллюстрации кажутся неуместными к контексте столь же серьезном, сколь и этот, то можно отметить, что Св. Фома Аквинский уделил определенное внимание первой из них, тогда как Иеремия Бентам – второй)… Позиции, подобные только что предложенным, отвергаются не на основании статута, судебного решения или обычая. Их отрицание зависит не от права. Напротив, можно сказать, что право зависит от их отрицания, когда они представлены на суд обыденного непрофессионального суждения. Определенный внеправовой консенсус относительно того, что с очевидностью преступает границы, необходим для того, чтобы сузить периферию эксплицитного права до работоспособных измерений. Как ни парадоксально, именно позитивист, настаивающий на том, что все истинное право создано эксплицитно, выступает в роли бенефициара этого молчаливого ограничения; без такого ограничения его "право" станет излишне хаотичной вещью для того, чтобы предложить какое-либо пристанище его вере».[12]

Л. Фуллер осторожен и не указывает на *однозначное* отнесение проблемы к дискурсу философии морали. Сама «*Анатомия права*» была написана позже «*Морали права*» (или «*Моральности права*», англ. "*The Morality of Law*", 1964),[13] и такой подход вполне оправдан в контексте развития взглядов ученого. В некоторых случаях право не может применяться потому, что такое применение будет *абсурдным*, а не противоречащим морали в строгом смысле слова. Но почему оно будет абсурдным? Ответ на этот вопрос, которому во многом и посвящено данное исследование, не так прост, как может показаться, если включить в предмет рассмотрения ситуации, которые будут менее ясны для понимания, чем

---

[12] Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 313–314. Здесь и далее цитаты из англоязычных источников приводятся в переводе автора исследования.

[13] См.: Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p. В переводе на русский язык книга вышла в 2007 году, см.: Фуллер Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 308 с. О нюансах перевода с точки зрения автора настоящего исследования см.: Архипов В.В. «Мораль права» Лона Фуллера: к выходу в свет русского перевода книги // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 5 (280). – С. 113 – 121. Особенность подхода Л. Фуллера, часто идентифицировавшего себя как сторонника «процедурного естественного права», предполагает незначительное внимание субстантивным моральным ценностям. «Естественность» в его юснатурализме – это естественность разума и, как раз, здравого смысла, конституирующего социальную реальность, картину которой разделяют субъекты права.

представленные в приведенной цитате.[14] Кроме того, обратим внимание и на отсылку к семантике – то, что право зависит от отрицания позиций, противоречащих здравому смыслу, означает, что у семантики права есть пределы. Однако подчеркнем, что Л. Фуллер по вполне объективным причинам еще не мог в 1960-х гг. прошлого столетия оценить принципиально новый и богатый эмпирический материал, связанный с виртуальной реальностью XXI века.

В современных пограничных ситуациях толкования и применения права, связанных с медиареальностью, необходимо переосмыслить проблему абсурда в толковании и применении права, а также в правотворчестве. Мы часто можем почитать или послушать о соотношении права и разумности, но очень редко – о соотношении права и абсурдности. Настолько редко, что последний вопрос часто неправильно подается как самоочевидный.[15] В итоге, когда дело становится серьезным, и требуется по-настоящему глубокое обоснование, почему то или иное правоприменительное решение или норма (которые при этом могут и не противоречить морали – ни в мягкой форме, ни в случае, соответствующем «Формуле Г. Радбруха»[16]) являются абсурдными,[17] а потому не подлежат

---

[14] Предваряя содержание исследования, если обращаться к примеру многопользовательских онлайн-игр, достаточно ясным с точки зрения здравого смысла будет почему мы не распространяем диспозицию ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации («Убийство») на «убийство» игровых персонажей, даже если внутри игры они соотносятся со словом «человек». Однако, в этом смысле, гораздо менее очевидным является вопрос о том, допустимо или нет применять реальное право к отношениям между игроками, предмет которых составляет оборот «виртуальных» ценностей за «реальные» деньги. Как подмечает, например, С.Л. Будылин, в решении Верховного суда Нидерландов HR31-01-2012, NJ 2012, 536 отражен подход о том, что виртуальное имущество в многопользовательской онлайн-игре *RuneScape* следует считать имуществом. «По заключению нижестоящего суда, в данной игре владелец виртуальных объектов имеет “фактическое и исключительное господство” над ним, то есть возможность их единоличного использования и распоряжения ими по своему усмотрению (как в реальном мире собственник имеет господство над вещами). После перехода объектов к обвиняемым потерпевший утратил это господство, а обвиняемые приобрели. Это значит, что “волшебные предметы” удовлетворяют признакам имущества, сформулированным в “деле о краже электричества”». См.: Будылин С.Л. Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста. – М.: «Инфотропик Медиа», 2017. – 308 с. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[15] Здесь уместно привести цитату философа Ф. Гиренка: «Абсурд превращает реальное во что-то страшное, опасное, в то, от чего хочется убежать, спрятаться, сделать вид, что тебя нет. Невозможность уклониться от встречи приводит к агрессии, к вспышке страха и злобы». См.: Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. – М.: Академический Проект, 2012. – С. 44.

[16] Б. Бикс акцентирует внимание на двух составляющих «Формулы Радбруха»: «(1) Позитивное право, обеспечиваемое законодательством и властью, имеет приоритет даже тогда, когда его содержание несправедливо и не

применению, внезапно не находится рациональных аргументов, столь необходимых юридическому дискурсу. Тем не менее, как отмечал Л. Фуллер в той же «Анатомии права» с отсылкой к Аристотелю, изучение патологии может дать больше результатов, чем изучение здорового состояния. Патологии в праве не сводятся только к нарушению правил юридической техники, отдельных норм или принципов, либо чего-либо еще привычного и понятного. Есть гораздо более «основательные» патологии, которые распознать очень сложно – настолько близко они порой к нам находятся, а смотрим мы, в основном, вдаль или вглубь. Л. Фуллер, в частности, не без иронии отмечал:

> «В попытках раскрыть понимание проблем, с которыми сталкиваются труженики юридического сада, нашего особого внимания должны заслуживать те ситуации, где что-то неправильно, но не радикально и с очевидностью неправильно, а неправильно неявно и неприметно. Никто не сможет многое узнать о проблемах садоводства, если он изучает сад, разрушенный ураганом или полностью истощенный в результате засухи. Однако всегда можно узнать много интересного, если обратить внимание на два растения одного и того же вида, которые растут в слегка отличающихся друг от друга местах, и при этом одно из них тянется вверх, а второе – увядает. Поэтому мы заинтересованы прежде всего не в грубых нарушениях – коррупции, беззаконных деспотиях и тиранических попраниях права, – а в менее значимых ошибках, которые появляются вопреки разумным добросовестным намерениям из-за невнимательности и отсутствия должной проницательности… Может показаться полезной и другая

отвечает пользе людей, если только конфликт между законом и справедливостью не достигает столь невыносимой степени, что закон, будучи “порочным правом”, не должен уступить справедливости. (2) В тех случаях, когда нет даже попытки реализовать справедливость, там, где равенство, основа справедливости, произвольно предается изданием позитивного права, в таких случаях закон это не просто “порочное право” – он полностью лишен правовой природы. Ибо право, включая позитивное право, не может быть определено иначе как система и институт, самим значением которого является служить справедливости» (пер. с англ. В.В. Архипова). См.: Bix B. Radbruch’s Formula and Conceptual Analysis // The American Journal of Jurisprudence. – 2011. – Vol. 56. – P. 46. Б. Бикс цитирует классическую работу Г. Радбруха «Законное бесправие и надзаконное право» 1946 г., опубликованную в переводе на английский в 2006 году, см.: Radbruch G. Statutory Lawlesness and Supra-Statutory Law (1946) // Oxford Journal of Legal Studies. – 2006. – Vol. 26. – No. 1. PP. 1 – 11.

[17] При этом из объема семантических пределов права ни в коем случае не исключаются случаи, когда право противоречит морали, хотя они теперь не единственные таковые, и более того – противоречие морали, вероятно, является не безусловным, не необходимым и не достаточным признаком выхода за семантические пределы права. С точки зрения методологии, развиваемой в настоящем исследовании, условно говоря, в некоторых случаях будет некорректно сказать «закон не применяется, потому что он противоречит морали». Не каждое нарушение морали будет говорить о выходе за семантические пределы права. Отметим, что слово «мораль» в данном контексте используется в том широком смысле, в котором оно применяется в большинстве дискуссий о соотношении права и морали в философско-правовом дискурсе.

> аналогия – на этот раз из области медицины. Давным-давно Аристотель отметил, что мы можем изучать здоровье человека в тех случаях, когда человек болен. Когда мы здоровы, здоровье кажется нам такой простой и очевидной вещью, что оно не требует никакого изучения. “Только когда человеку плохо, он может осознать сложность устройства своего тела”. При этом наш интерес к правовым заболеваниям имеет клинический характер, и он далек от того интереса, который мог бы испытывать патологоанатом. Соответственно, предметом нашего рассмотрения станут более мягкие случаи юридической патологии, а не отсутствующие органы и конечности».[18]

В работе мы будем следовать именно этому методологическому подходу, но также будем учитывать, что исследуемые проблемы поиска семантических пределов права, в действительности, представляют собой более чем актуальную проблему для современного контекста смещения общей цивилизационной парадигмы, подразумевающей не просто видоизменение средств производства в условиях цифровой экономики, но и изменение общественных отношений как таковых.

Подчеркнем, что отсылки к трудам Л. Фуллера в начале работы не случайны и еще по одной, весьма значимой причине. Формулируемая проблема семантических пределов права может быть рассмотрена как **проблема разумных границ осмысленной [правовой] коммуникации**. Как отмечалось в предшествующих работах, «идея общения (коммуникации) в определенном смысле пронизывает все творчество Л. Фуллера».[19] Ученый отмечал, что «коммуникация – это нечто большее, что способ оставаться в живых. Это способ быть живым».[20] Закономерно еще одна, более развернутая цитата, поясняющая такой подход исследователя, приводится А.В. Поляковым в качестве эпиграфа к статье “*The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought”*, опубликованной в книге “*Russian Legal Realism*” (2018): «Я убежден в том, что если бы нас заставили выбрать один принцип, который поддерживает и пронизывает все человеческие устремления, мы

---

[18] Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 210.

[19] См. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 63.

[20] Fuller L.L. The Morality of Law. – P. 186.

найдем его в цели поддержки коммуникации с нашими собратьями… Человек смог выжить до текущего момента благодаря своей способности к коммуникации».[21] Представляется, что подход, предлагаемый в настоящей работе, развивается в контексте Санкт-петербургской школы философии права. Идеи современной медиафилософии, которые частично предопределяют методологию настоящего исследования, находятся в необходимой связи с представлением о коммуникации в социально-гуманитарном дискурсе. В свою очередь, как отмечает А.В. Поляков, в свете разработки постклассической теории права социальная и юридическая реальность должны рассматриваться как коммуникативная реальность, и при этом:

> «…когда субъект наблюдает область социального, он воспринимает все “социальные” феномены как бесконечное и многообразное сочетание стандартов, мнений, эмоций, суждений, временных горизонтов, ассоциаций и т.п. Однако этот широкий круг социальных феноменов всегда субъективно структурирован, т.е. организован определенным образом. Такая организация определяется тремя ключевыми факторами: вид лингвистического единства, посредством которого информация организуется определенным образом и трансформируется в бесконечный текст; отличительные культурные свойства, которые заставляют нас сосредотачиваться на некоторых социальных феноменах, но в то же время игнорировать другие; и индивидуальные когнитивные структуры, необходимые для восприятия как такового. Человек не смог бы быть социальным существом, если бы у него не было возможности структурировать многообразие социальной реальности, окружающей его. У нас должна быть способность упорядочивать информацию, фильтровать ее и подготавливать для возможной коммуникации другому».[22]

И содержание настоящего исследования, в определенном смысле, направлено именно на анализ тех принципов, которые позволяют структурировать социальную реальность для целей правовой коммуникации. В настоящей работе предлагается устранить теоретический пробел, предполагающий отсутствие в достаточной степени разработанных подходов к объяснению того, в каких случаях право может

---

[21] Polyakov A., The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – P. 1 (здесь и далее пер. с англ. автора настоящего исследования).

[22] Ibid. P. 21.

противоречить здравому смыслу в тех случаях, которые связаны с контекстом медиального поворота, за счет разработки философско-правовой и догматической категории **семантических пределов права**.[23] Она позволит обосновать случаи, когда толкование, применение или создание права противоречит здравому смыслу в том значении, в котором данная категория определяет границы нашей социальной реальности в медиапространстве. Сопутствующая цель исследования заключается в развенчании мифа о том, что абсурд в юриспруденции возникает там и тогда, когда речь идет только о каком-либо одном специфическом контексте – например, моральном или игровом. Как будет показано далее по ходу работы, игровой характер социального взаимодействия сам по себе не обусловливает возможность или невозможность юридической квалификации отношений.

Актуальность настоящей работы обусловлена и более прагматичными обстоятельствами, которые стоило бы более подробно раскрыть в начале, если бы только настоящее исследование не представляло собой, прежде всего, работу, относящуюся к предметной области философии права. Но, так или иначе, конкретные вызовы современного информационного общества[24] и цифровой

---

[23] В целом, дискуссия о том, что праву (или правовому регулированию), особенно в цифровую эпоху, свойственны некие пределы, развивается достаточно активно и к общей проблеме поиска таких пределов обращаются разные исследователи независимо друг от друга. Параллельно с последними на данный момент публикациями автора настоящего исследования по вопросу о пределах права как таковых (правда, в нашем случае, семантических) вышла емкая статья Н.А. Дмитрика «Пределы правового регулирования в цифровую эпоху». Автор выделяет «четыре группы факторов, выступающих пределами правового регулирования общественных отношений. К ним относятся однородность регулируемых отношений, познаваемость правил, установленных нормой, территориальная ограниченность государства и наличие частной жизни. Поскольку наличие таких пределов не учитывается господствующей в правовой науке позитивистской доктриной, это влечет проблемы как в правотворчестве, так и в правоприменении». См.: Дмитрик Н.А. Пределы правового регулирования в цифровую эпоху // Информационное общество. – 2018. – № 3. – С. 47. Можно сказать, что автор придерживается социолого-правового подхода, указывая, что в основе разумного подхода к развитию правового регулирования с учетом рассматриваемых пределов необходимо исходить из баланса интересов, но такой баланс не должен «насаждаться» императивно – право должно закреплять уже сложившийся в обществе баланс.

[24] Как отмечает А.В. Белов: «Теорий информационного общества достаточно много. Однако, по нашему мнению, они достаточно легко группируются в два основных подхода. Первый включает теории, связанные с концепциями постиндустриализма … В целом они, как и постиндустриальная доктрина, лежат в русле того направления европейской философии, в котором эволюцию человечества принято рассматривать сквозь призму прогресса знания. Второй подход связан с концептуальными схемами О. Тоффлера, Р. Дарендорфа, Ф. Феррароти, а также скорректированной теорией Д. Белла (первый подход – ***В.А.***). Именно в их фундаментальных трудах были

экономики[25] в значительной степени также определяют значимость темы, поскольку приводят к необходимости применения права к отношениям, предметом которых является информация. Именно это и отражено в примерах, связанных со «сбоями» в функционировании механизма действия права применительно к «игровому» и «несерьезному» информационному контексту. Исследователи при этом отмечают, что в условиях информационной эпохи, действительно, изменяются социальные практики, которые в целом можно охарактеризовать как «игровые».[26] Полагаем,

---

сформулированы основные черты общества, которое Э. Тоффлер назвал «третьей волной». Так, Д. Белл основными признаками нового общества считает превращение теоретических знаний в источник инноваций и определяющий фактор политики». См.: Белов А.В. Информационное общество и информационная культура в России: к постановке проблемы // Вестн. Волгогр. гос. Ун-та. Сер. 7, Филос. – 2009. - № 1 (9). – С. 198-199. Отметим, что пдп. «г» п. 4 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 определяет «информационное общество» как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан».

[25] Как и в случае с понятием информационного общества, имеется несколько подходов к определению понятия «цифровая экономика». Так, согласно одному из возможных подходов, термин «цифровая экономика» обозначает «тип экономики, характеризующийся активным внедрением и практическим использованием цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах человеческой деятельности; систему социально-экономических и организационно-технических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-телекоммуникационных технологий; сложную организационно-техническую систему в виде совокупности различных элементов (технических, инфраструктурных, организационных, программных, нормативных, законодательных и др.) с распределенным взаимодействием и взаимным использованием экономическими агентами для обмена знаниями в условиях перманентного развития». См.: Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2017. – Т.10. – №3. – С. 12. В Разделе I Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р (в настоящее время утратила силу), понятие цифровой экономики соотносится с тем, что данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет.

[26] Как, например, отмечает Т.Д. Лопатинская, «игровая деятельность, традиционно рассматриваемая исследователями как важнейший способ адаптации человека к окружающим условиям, в информационную эпоху приобретает новую специфику и функции. Наиболее значительные изменения оказались связаны с процессом виртуализации, одним из проявлений которой является перемещение объектов культуры в виртуальное пространство, созданное с помощью информационных технологий. Однако характер этих изменений, как и сущность самого процесса виртуализации, еще не имеют достаточной степени разработанности в науке. При этом изменения в области технологии и их влияние на игровые практик столь существенны, что анализ этих процессов требует актуализации внимания со стороны современных исследователей». См.: Лопатинская Т.Д. Феномен игры в условиях виртуализации современной культуры / Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», 2013. – С. 3.

такие изменения не обходят стороной и право, что будет продемонстрировано на примере эмпирического материала работы.[27]

Следует отметить, что как в рамках специальной отраслевой теории информационного права, так и в рамках философско-правовых исследований данная проблематика, в том ракурсе, в котором она представлена в работе, несмотря на имеющийся задел в философии права, может рассматривается как принципиально новая. Основных причин этому усматривается две. Во-первых, с исторической точки зрения, переход к информационному обществу случился совсем недавно, а к современному этапу развития информационного общества, характеризуемому, в том числе, понятием цифровой экономики, – в течение лишь последних десятилетий. Общество уже сталкивается с вызовами и угрозами информационного перенасыщения, что приводит публичную власть к необходимости создания новых правовых норм, часть предмета регулирования которых составляют отношения по поводу распространения различных видов информации. Во-вторых, со сравнительно-правовой точки зрения, значительный массив юридических исследований, развивавшихся в условиях западной правовой культуры естественным образом отсекал рассматриваемую проблематику в силу конституционно-правовой традиции, предполагающей не только приоритет прав на свободу слова и свободу

[27] В прикладном аспекте настоящее исследование отражает методологию юридической аргументации в правоприменительной деятельности, связанной с информацией, относящейся, в том числе, к виртуальной и дополненной реальности, а также к спорным случаям реализации конституционного права на распространение информации. В этом смысле, направленность исследования соответствует и стратегическим приоритетам Российской Федерации, определяемым, в том числе, следующими документами: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. – 15 мая 2017 г. – № 20. – Ст. 2901; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2019); Концепция информационной безопасности детей [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.12.2015 г. № 2471-р – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2019); Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2019) и др.

выражения,[28] в том числе творческого, но и преимущественно частноправовые способы защиты данных прав. Это, в свою очередь, приводит к условиям, при которых, например, вопросы пределов вмешательства государства в свободу художественного творчества в целях обеспечения различных видов национальной безопасности, актуализируются прежде всего в правовых системах, в которых государства активно и прямолинейно отстаивают свой суверенитет в информационном пространстве, к числу которых относится, прежде всего, Российская Федерация[29] и Китайская Народная Республика,[30] где на текущем этапе проблематика семантических пределов права в том виде, в котором она реконструируется в рамках настоящего исследования, и проявляется наиболее наглядно.

В рамках общей методологической парадигмы постклассического типа научной рациональности невозможно обойти стороной и интроспективный анализ субъективной значимости темы исследования, поскольку это может пролить свет и

---

[28] Однако, несмотря на отсутствие (на момент написания настоящей работы) во многих западных юрисдикциях именно прямых законодательных норм, непосредственно предусматривающих публично-правовые ограничения на распространение определенных видов информации в том же смысле как это установлено в России, было бы заблуждением считать, что такой приоритет является абсолютным. Как известно, например, распространение романа В.В. Набокова «Лолита» в середине XX века ограничивалось властями Великобритании и Франции (наряду с Аргентиной, Новой Зеландией и Южной Африкой). См. напр.: Lolita / The Hunger Games Reaches Another Milestone: Top 10 Censored Books // Time. Sept. 28, 2008 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://entertainment.time.com/2011/01/06/removing-the-n-word-from-huck-finn-top-10-censored-books/slide/lolita/ (accessed: 02.10.2018). При спорной тематике книги следует отметить, что в свете прямых положений российского законодательства она не рассматривается в качестве юридически противоречивой. Другой релевантный случай – это «мягкая цензура», в результате которой, из последних примеров, в школьных библиотеках Графства Аккомак, Вирджиния, США, под запретом оказались книги «Убить пересмешника» Харпера Ли и «Приключения Гекльберри Финна» классика Марка Твена за высказывания, которые были сочтены расистскими. См. напр.: Allen N. To Kill a Mockingbird and Huckleberry Finn banned from schools in Virginia for racism // The Telegraph. 5 Dec. 2016. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/05/kill-mockingbird-huckleberry-finn-banned-schools-virginia-racism/ (accessed: 02.10.2018).

[29] Примером этому могут послужить как правовые нормы, ориентированные на ограничение распространения отдельных видов информации – например, ст. 15.1 или 15.2 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так и нормы нацеленные на признание подсудности российских судов в спорах с участием иностранных лиц в связи с деятельностью, осуществляемой через сеть Интернет, в частности пп. 2, 10 и 11 ч. 3 ст. 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

[30] См. напр.: Jiang M. Authoritarian Informationalism: China's Approach to Internet Sovereignty // SAIS Review of International Affairs. 2010. No. 30(2). PP. 71-89. – Available at Social Science Research Network [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1702128 (accessed: 02.10.2018).

на его объективное значение в силу того факта, что автор во многом сам является «продуктом» своей эпохи. Научный интерес автора к предмету настоящего исследования исторически проистекает из научного интереса к частной междисциплинарной (на стыке игровых исследований[31] и юриспруденции) проблеме правовых аспектов виртуальных миров и многопользовательских компьютерных игр, в центре которой исторически находилась проблематика ***«виртуальной собственности»***. Гипотеза о научной значимости данного исследования возникла, в свою очередь, из интуитивного понимания перспектив компьютерных технологий в раннем возрасте. Тем не менее, субъективный интерес к какой-либо теме не является гарантией ее объективной научной значимости, поэтому данное направление исследований должно было пройти проверку на методологическую прочность. Изучение данной проблематики с точки зрения предмета юридической науки, на первый взгляд, поднимает, прежде всего, частные вопросы гражданского и информационного права, однако вскоре переходит к более широкой проблеме ***соотношения «виртуального» и «реального»*** в разрезе гипотетической границы, где не могут действовать «реальные» правовые нормы (в качестве условного примера, который еще не раз встретится на страницах настоящей работы, можно привести запрет «реального» уголовного права на убийство, который, как многим кажется, очевидно не действует применительно к виртуальным отношениям между компьютерными персонажами). Концепции, связанные с объяснением такой гипотетической границы традиционно соотносятся в науке с понятием ***«магического круга»*** – метафорой из трудов выдающегося нидерландского культуролога Й. Хейзинги, который в своей книге *Homo Ludens* («Человек играющий»)[32] в числе

[31] Игровые исследования (*game studies*) – область, которая междисциплинарна сама по себе и объединяет, прежде всего предметы культурологии, социологии и философии применительно к играм и, в первую очередь, компьютерным играм (*прим.*).

[32] Как отмечал Й. Хейзинга, «формально функция такой отгороженности и ради священной цели, и ради чистой игры совершенно одна и та же. Ипподром, теннисный корт, площадка для игры в “классики”, шахматная доска функционально не отличаются от таких вещей, как храм или магический круг», и даже применительно к праву:

первых концептуализировал, во-первых, представления о роли игр в человеческой культуре, а во-вторых провел аналогию между игрой и правом как таковым (ориентируясь, прежде всего, на архаичное право). В процессе анализа литературы, посвященной данному ракурсу рассмотрения проблемы, становится очевидно, что концепция «магического круга», как она была впоследствии развита, подвергается критике, и нередко заслуженной, поскольку в действительности грань между «виртуальным» и «реальным» оказывается достаточно тонка, если она вообще есть. При этом, однако, возникает и другой закономерный вывод. Концепция «магического круга» может быть интерпретирована иначе, более широко, и объединять комплекс отношений, связанных не только с играми, но и с другими феноменами и практиками ***современной информационной культуры***, или же ранее известными феноменами и практиками, которые в рамках современной информационной культуры переосмысливаются. К числу таких феноменов и практик, заметных при восхождении на более высокий уровень теоретических обобщений, относится широкий круг явлений, связанных с понятиями «игры», «несерьезного» и «вымышленного» (в произвольных комбинациях) – это и художественное творчество, и народный фольклор, основанный на различных видах юмора и сатиры, и иные подобные социальные практики. С высоты данного обобщения в современных условиях становится понятно, что такая постановка задачи неожиданно вскрывает *sui generis* проблему, относящуюся к области философии права и юридической догматики. В чем она заключается? В рамках современной информационной культуры возникают, при первом приближении, принципиально новые правовые конфликты. Причина их возникновения, в том

«Всякое место, где свершается правосудие, – это подлинное *теменос*, освященное место, отрезанное, отгороженное от обычного мира. Таким образом, сначала *выделяют* место для суда, а затем *созывают* суд. Это поистине магический круг, игровое пространство, внутри которого привычное деление людей по их рангу временно прекращается. На время они делаются неприкосновенными». См.: Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997 – 416 с. Нельзя не отметить, что в терминологии Й. Хейзинги «магический круг» выступает в качестве инструмента обеспечения формального равенства.

числе, связана с тем, что ***государство начинает отстаивать суверенитет в информационном пространстве***, и как следствие нормы права рассматриваются публичной властью как распространяющиеся и на чисто информационные отношения. В ряде случаев, это приводит к ситуациям, которые интуитивно могут показаться странными – например, к блокировке интернет-сайтов, содержащих рецепты «динамита» в компьютерных играх, на основаниях установленных запретов и ограничений на распространение информации в связи с целью противодействия терроризму.[33] При более детальном анализе становится понятно, что уже сейчас российское (и не только) законодательство содержит множество норм, в отношении которых можно ставить вопрос о пределах их применения с точки зрения ***здравого смысла, поскольку иное применение и толкование будет абсурдным***.[34] Данная постановка проблемы определенно выводит рассматриваемую проблематику за пределы частных и отраслевых проблем, поскольку подразумевает недвусмысленную параллель с давно известными истории правовых и политических учений примерами абсурда в праве (от диалога пирата и Александра Македонского[35] до упомянутых ранее примеров Л. Фуллера). Острота проблемы сейчас, тем не менее, обусловлена тем, что аналогичные ситуации перестают составлять лишь область умозрительных моделей философско-правовых исследований или историко-

[33] В связи с этим аспектом представляется, что настоящее исследование соотносится не только с таким приоритетным направлением Программы развития Санкт-Петербургского государственного университета до 2020 года как «Социальные исследования и технологии», но и «Информационные системы и технологии». См. Раздел IV Программы развития федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет до 2020 года», утв. Распоряжением Правительств РФ от 07.10.2010 г. (ред. от 22.11.2017) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2019).

[34] Подчеркнем, что при более детальном рассмотрении ограничение распространения информации о способах изготовления динамита в компьютерных играх, в действительности, не может казаться странным лишь потому, что речь идет о компьютерных играх. Дело в другом, а именно в том, насколько предмет отношений, складывающихся в связи с такими играми, в действительности, отвечает реальным признакам динамита, и насколько это социально значимое явление. В исследовании не оспаривается общий тезис о том, что отдельные виды информации могут представлять собой опасность в случае неконтролируемого распространения.

[35] Имеется в виду популярный исторический анекдот о диалоге Александра Македонского и пирата, отметившего, что право хозяйничать на море пират получил от того же, от кого Александр получил право хозяйничать на суше, а разница (в интерпретации пирата) только в том, что пират это делает на своем единственном судне, тогда как Александр – с помощью огромной армии.

философских анекдотов. Как раз в контексте современной информационной культуры актуализируются практические проблемы обоснования ***семантических пределов права*** как концептуализации рассматриваемого дискурса. При этом предлагаемый подход, как представляется, актуален не только на текущем этапе развития информационного общества. Например, он обладает существенным прогностическим потенциалом, поскольку создает прямую методологическую базу для анализа проблем ***виртуальной и дополненной реальности***, при этом не теряя связи с традицией философско-правовой мысли. Существенная связь данного подхода прослеживается в отношении ***доктрины абсурдности*** в толковании права, и в предлагаемом ракурсе также становится очевидно, что содержательные аспекты данной доктрины наталкиваются на «стену очевидности» – в теории права и толкования права в целом отсутствует состоятельная и полноценная теория, объясняющая то, почему конкретно применение права в определенных случаях бывает абсурдным. Здесь, и, возможно, неожиданно усматривается соотношение с классическим дискурсом философии права о ***соотношении права и морали***, поскольку именно противоречие морали нередко используется как универсальное объяснение абсурдности толкования или применения права. Как показывает исследование, это не так. Противоречие морали не является ни необходимым, ни достаточным условием для того, чтобы считать применение или толкование права абсурдным, даже в случае с «Формулой Радбруха». В связи с этим появляется идея рассматривать отдельные семантические пределы права как, образно (или не образно) говоря, ***правила языковой игры права*** в терминологии Л. Витгенштейна. Невозможно при этом игнорировать и ***математическую теорию игр***, в свете которой рождается глубокая и масштабируемая *метафора* права как языковой игры с нулевой суммой. Таким образом, концепция семантических пределов права, которая изначально была намечена, отталкиваясь от необходимости определения

критериев абсурдности правоприменения применительно к модели игровых отношений в узком и техническом смысле слова – может ли право вмешиваться в отношения в многопользовательских компьютерных играх – находит применение в контексте проблематики ***игровой аналогии*** в философии права. В процессе исследования становится понятно, что игровая аналогия представляет собой достаточно интересное, но крайне слабо разработанное направление, которое явно нуждается в переосмыслении в рамках современной информационной культуры, поскольку сейчас в культуре мы наблюдаем своего рода «игровой поворот». Любопытно, что «игровая аналогия» в праве прослеживается в трудах таких ученых как, например, Г. Харт[36] и А. Росс.[37] Небольшое количество специальных исследований по данной теме (например, М. Мидгли[38] и Б. Джексон[39]) содержит интересные наблюдения, в целом развивающиеся в рамках общих подходов «магического круга», только в большей степени ориентированных на юриспруденцию как таковую, а не на игры. Однако подчеркнем, что взгляды мыслителей XX века могли бы, как минимум, существенно дополниться, но скорее – измениться в принципе, если бы они застали современные компьютерные игры,

[36] Г. Харт основывал свою интерпретацию аналогии на идее о том, что правовая система представляет собой набор определенных правил, которые можно сравнить с правилами игры в сквош и теннис. При этом и в одном, и в другом случае есть «центральное значение» правил и случаи, в которых они по-разному применяются в конкретных ситуациях. Удачное обобщение игровой аналогии в трудах Г. Харта представлено, например, у Дж. В. ван Дорена, см.: Van Doren J.W. Theories of Professors H.L.A. Hart and Ronald Dworkin – A Critique // Cleveland State Law Review. – 1980. – Vol. 279. – PP. 279 – 309. Интересно, что бы сказал Г. Харт, если бы внимательно изучил современные игры?

[37] В основе аналогии А. Росса лежала игра в шахматы. «Понимание» игры подразумевает не причинно-следственную связь, а взаимную определенность событий посредством правил игры, при этом в рамках одной игры интерпретация правил и событий должна быть одинакова, иначе не будет игры как таковой. См.: Ross A. On Law and Justice. – Clark, New Jersey: 2007. – PP. 12–15. Тот же вопрос, что и Г. Харту, мы можем адресовать и А. Россу.

[38] М. Мидгли развивает анализ проблемы серьезности игры как таковой, по сути, отмечая, что было бы наивно полагать все случаи игр несерьезным занятием – на примере спортивных игр у многих, не только профессиональных спортсменов, но и болельщиков, игры занимают очень серьезное место в жизни, и это можно считать социологическим фактом. См.: Midgley M. The Game Game // Philosophy. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: https://www.jstor.org/stable/3750115 (accessed: 26 July 2018).

[39] Б. Джексон – автор одной из наиболее последовательных и глубоких публикаций, в которых анализируется аналогия права и игры в контексте современного типа научной рациональности и структуралистского подхода. См.: Jackson B.S. Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence // Droit et société. – 1991. – No. 17–18. – PP. 99–123. – doi: https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105.

представляющие собой намного более методологически богатое явление, нежели чем игры, известные на тот момент.

Но, возвращаясь к последовательному изложению внутренней логики исследования, отметим, что на основе представленных ранее ключевых методологических подходов формируется концепция семантических пределов права, представляющая собой совокупность теоретических положений, нацеленных на решение научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое и культурное значение. Политическое – поскольку, как будет продемонстрировано в работе, правовая политика в области свободы информации имеет серьезное значение в современных условиях. Социально-экономическое – в прикладном правовом аспекте. Культурное – поскольку подход к семантическим пределам права во многом определяет свободу художественного творчества и создания иных культурных артефактов. Как будет далее показано в настоящей работе, семантические пределы права наилучшим образом объясняются посредством двух ключевых концепций: ***«открытой текстуры» правовых норм***,[40] развитой в трудах Г. Харта, и ***обобщенных символических посредников***, идея о которых развивается в теоретической социологии, начиная с трудов Т. Парсонса.[41] В итоге,

[40] Отметим, что в контексте настоящего исследования принципиальным является представление о том, что в процессе толкования правовых текстов необходимо установить функциональную адекватность между «центральным значением» спорного понятия и фактом медиареальности. Хотя основным способом установить такую адекватность видится применение представлений позднего Л. Витгенштейна о «семейном сходстве», нельзя не отметить и близость данного подхода к той интерпретации корреспондентной теории истины, в которой соответствие понимается как относительный изоморфизм, применительно к замкнутому универсуму права. Корреспондентная теория истины, пожалуй, наиболее известна из всех возможных теорий истины. Она предполагает «соответствие» высказывания факту. Изоморфизм при этом предполагает не просто соответствие, а структурную адекватность реальности. См. напр.: Marian D. The Correspondence Theory of Truth [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/truth-correspondence/#6 (accessed: 03.10.2018). Критика такой теории истины, основанная на представлении о фрагментарности и разобщенности реальности, в постклассическом типе научной рациональности не затрагивает юриспруденцию, поскольку право, как раз, представляет собой «сконструированную» особым образом модель реальности – в этом и заключается его предназначение в социальной жизни, подразумевающее как бы договоренность об условностях и правилах игры

[41] Говоря современным языком, обобщенный (генерализованный) символический посредник – это «токен» какой-либо социальной (т.е. общезначимой) ценности, соответствующих одной из подсистем социальной системы. Например, деньги – это обобщенный символический посредник материальных ресурсов, соответствующий экономической подсистеме, а власть – легитимной монополии на физическое насилие, соответствующий политической

результаты исследования позволяют как дополнить философско-правовые представления о природе права, так и определить методологию юридической аргументации в прикладных ситуациях, требующих юридически-значимого объяснения абсурдности или разумности применения, или же толкования отдельных правовых норм в пограничных ситуациях, связанных с медиапространством.

Степень разработанности темы. Настоящая диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой решена научная проблема реконструкции семантических пределов права, имеющая важное политическое, социально-экономическое и культурное значение. Это потребовало, в первую очередь, осуществить постановку данной проблемы, поскольку в том ракурсе, в котором она с учетом эмпирического материала выделяется в рамках настоящего исследования, данная проблема ранее не подвергалась и не могла быть подвергнута обобщению. Ближе всего к постановке проблемы ранее подошел Л. Фуллер, обозначивший в «Анатомии права» зависимость права от «общеразделяемых положений», противоречие которым приводит к абсурдности той или иной правовой позиции. В то же время, данная идея не нашла принципиального развития и явного отражения в последующем творчестве ученого и его последователей. Кроме того, следует подчеркнуть, что уникальность опыта концептуализации проблемы семантических пределов права в настоящей работе также объясняется актуальностью проблемы именно для современного информационного общества, для которого характерен новый и малоисследованный контекст современной информационной культуры, соответствующий условиям медиального поворота –

подсистеме. См. напр.: Johnson H.M. The Generalized Symbolic Media in Parsons' Theory // Sociology & Social Research. – 1973. – PP. 208–221; Chernilo D. The Theorization of Social Co-Ordinations in Differentiated Societies: The Theory of Generalized Symbolic Media in Parsons, Luhmann and Habermas // British Journal of Sociology. – 2002. – Vol. 53. – Issue 3. – PP. 431–449; Turner T.S. Parsons' Concept of "Generalized Media of Social Interaction" and its Relevance for Social Anthropology // Sociological Inquiry. – 1968. – Vol. 38. – Issue 2. – PP. 121–134. Наиболее актуальный современный подход в отношении обобщенных символических посредников отражен в трудах С. Абрутина, см. напр.: Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. – 2015. – Vol. 51. – No. 3. – PP. 445–471.

данные обстоятельства объективно не были и не могли быть известны авторам, изучавшим проблемы философии права в XX веке и ранее.

При этом подход, предлагаемый в настоящем исследовании, соотносится, как минимум, с тремя основными *предметными областями* теории и философии права (естественная методологическая связь настоящего исследования с коммуникативным подходом к праву была отмечена ранее), каждое из которых в отдельности находило отражение в работах широкого круга авторов. *Во-первых*, концепция семантических пределов права соотносится с представлением о том, что право (закон) нацелено или должно быть нацелено на регулирование не любых, а «наиболее важных»[42] общественных отношений. Данное наблюдение может считаться «обманчивым общим местом» теории права, и в том или ином виде оно отражено в работах, выступлениях и иных материалах многих отечественных и зарубежных авторов работ – от учебников до монографий, – в которых затрагивается проблематика источников права (С.С. Алексеев, В.В. Лазарев, О.Э. Лейст, М.Н. Марченко, В.С. Нерсесянц, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина и др.). В то же время, критерии, позволяющие с разумной степенью точности и достоверности определить, какие общественные отношения являются «важными», а какие – нет, нельзя считать разработанными именно в юридической науке хотя бы в минимально удовлетворительной степени. *Во-вторых*, концепция семантических пределов права соотносится с дискурсом о соотношении права и морали, в том числе в разрезе дискуссии между позитивистами и юснатуралистами XX века. Представление о пределах права (в англ. – "*the limits of law*"), как правило, рассматривалось через призму *моральных* пределов права. Так, например, Дж. Стентон-Айф, систематизируя представления о пределах права, анализирует труды преимущественно тех зарубежных авторов, которые прямо или косвенно занимались

[42] См. напр.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – С. 305.

проблематикой соотношения права и морали (Р. Дворкин, Д. Льюис, Н. МакКормик, Дж. Раз, Дж. Ролз, Дж. Фейнберг, Дж. Финнис, Л. Фуллер, Г. Харт, Дж. Хэмптон и др.),[43] и именно к моральному дискурсу сводит саму постановку вопроса.[44] Одна из составляющих научной новизны настоящего исследования как раз и заключается в обосновании «области абсурда», исключающей не только применение права, но и взвешивание (балансировку)[45] ценностей, имеющих моральную природу. *В-третьих*, ключевая область применения концепции семантических пределов права – толкование правовых текстов. Доктрина юридического толкования находится в двояком положении. С одной стороны, можно найти примеры обращения к проблематике толкования права в широком круге источников – от работ указанных выше отечественных авторов по общим проблемам теории права до философских и социологических трудов, в которых с необходимостью затрагиваются и предпосылки толкования права. Из последних следует, прежде всего, отметить авторов, исследования которых относятся к предметной области аналитической и лингвистической философии (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Дж. Мур, М. Шлик и др.), герменевтики и феноменологии (В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, Э. Гуссерль и др.), социального конструкционизма в теоретической социологии (П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Остин и др.). С другой стороны, специальных исследований в

---

[43] См.: Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/ (accessed: 17.10.2018).

[44] В частности, автор цитирует Лорда Девлина, который сказал: «Я, таким образом, полагаю, что теоретические пределы власти Государства законодательствовать против аморальности установить нельзя. Нельзя установить заранее исключения общему правилу или определить неизменные области морали, в которые праву никогда будет не позволено войти». Цит. по: Stanton-Ife J. The Limits of Law. См. напр.: Devlin P. The Enforcement of Morals. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p.

[45] Здесь и далее, упоминая «взвешивание» или «балансировку» мы будем подразумевать отсылку к концепциям, характерным для конституционного права и судебной аргументации. См. напр.: Белов С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. – 2016. - № 1. – С. 63–75; Тимошина Е.В. Проблема юстициабельности прав человека в ситуациях их конкуренции и принцип пропорциональности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. - № 4. – С. 464–485; Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 14. – Вып. 3. – 2015. – С. 4–34. Какая-либо особая разработка таких процедур сама по себе не входит в предмет настоящей работы.

области теоретических основ методологии именно толкования права, как ни странно, достаточно мало. Неизбежно затрагивали в своих работах данную проблематику указанные ранее зарубежные авторы, занимавшиеся проблематикой соотношения права и морали (характерным примером дискуссии в данной области и является, конечно, спор Л. Фуллера и Г. Харта). Из наиболее релевантных рассматриваемой проблематике специальных работ зарубежных и, прежде всего, англо-американских авторов следует отметить труды, посвященные анализу отдельных *практических* принципов толкования – «правила общеупотребительного значения» (англ. "*plain meaning rule*"),[46] «правила вреда» (англ. "*mischief rule*")[47] и «золотого правила» (англ. "*golden rule*"),[48] – а также наиболее актуальных тенденций судебного толкования, выраженных в терминах «текстуализм» (англ. "*textualism*")[49] и «доктрина абсурдности» (англ. "*absurdity doctrine*").[50] Речь идет о работах таких авторов как В. Догерти, Ф. Истербрук, Дж. Мэннинг, А. Скалиа, Л. Солум, К. Уиттингтон и др. С учетом специфики англо-американского права, часть подходов в этой области нашла также отражение в различных прецедентных судебных решениях, среди которых можно отметить, например, *Chung Fook v. White, 264 U.S. 443 (1924)* (США),[51] *Re*

[46] «Правило общеупотребительного значения» можно рассматривать как аналог принципа применения буквального толкования по объему, если иное не требуется исходя из ситуации, в рамках российской правовой доктрины.

[47] В основе «правила вреда» лежит принцип, согласно которому при толковании статута суд должен определить, на устранение или предотвращение какого вреда была направлена созданная Парламентом норма, чтобы опираться на это представление при правоприменении. Аналог телеологического толкования.

[48] «Золотое правило» по своей сути наиболее близко к проблематике настоящего исследования, поскольку его суть – избегать буквального толкования в тех случаях, когда такое толкование приведет к откровенному абсурду или к противоречию общественному порядку.

[49] Концепция текстуализма, в таком виде более характерная для США, чем для Великобритании (в отличие от вышеуказанных принципов) предполагает, что при толковании статута необходимо руководствоваться его текстом и исключить из объема рассмотрения иные возможные источники информации о правовой норме (намерение законодателя, проблему, на решение которой нацелен закон, абстрактные представления о справедливости и т.п.).

[50] Доктрина абсурдности, напротив, постулирует необходимость применения здравого смысла в противовес буквальному толкованию в тех случаях, когда буквальное толкование приведет к абсурдным результатам. Отметим, что несмотря на развитость самой доктрины абсурдности, представления о том, что именно следует считать абсурдным, в современной юридической науке далеки от системности и эксплицитной обоснованности.

[51] *Chung Fook v. White, 264 U.S. 443 (1924)* [Electronic resource] // FindLaw. – [Site]. – URL: https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/264/443.html (accessed: 18.10.2018).

Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98[52] (Великобритания).[53] Однако в указанных источниках развитие представлений о здравом смысле и абсурде в толковании права достаточно ситуативно и обусловлено конкретными практическими задачами, что еще не означает разрешение общей научной проблемы. В российской доктрине толкования права также крайне мало работ, посвященных теоретическому обоснованию не только каких-либо семантических границ в толковании права, но и способов толкования как таковых.[54] Пожалуй, в наибольшей степени близки к такому методологическому направлению классический труд Е.В. Васьковского «Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов» (1901),[55] а также современные работы А.Г. Карапетова, А.Ф. Черданцева и Е.В. Тимошиной.

Настоящее исследование также предполагает рассмотрение проблематики игровой деятельности через призму социально-гуманитарных наук. С одной стороны, данное направление связано с проблемной соотношения «виртуального» и «реального», с другой – с диалектической связью основной проблемы, изучаемой в рамках предметной области диссертации, с игровой аналогией в праве. Первое системное исследование игр как явления культуры представлено в книге нидерландского историка и культуролога Й. Хёйзинги “Homo Ludens” (лат. «Человек играющий», 1938). С его трудами традиционно соотносят интерпретацию соотношения «виртуального» и «реального» через метафору «магического круга».

---

[52] *Re Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98* [Electronic resource] // E-Lawresources.co.uk. – [Site]. – URL: http://www.e-lawresources.co.uk/Re-Sigsworth.php (accessed: 18.10.2018).

[53] Отметим, что примеров из практики судов Великобритании и США, в действительности, намного больше, однако раскрытие теоретических оснований методологии толкования права применительно к вопросам абсурда и здравого смысла закономерно нельзя считать достаточным.

[54] Весьма характерно, например, что в статье «Толкование права в контексте различных типов правопонимания» А.В. Корнев в большей степени ориентируется на классиков отечественной правовой мысли, труды которых посвящены главным образом общим проблемам юридической науки и лишь частично затрагивают собственно проблемы толкования права (Б.А. Кистяковский, С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич и др.). См.: Корнеев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 29 – 43.

[55] См. напр.: Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. – 508 с.

Однако, как отмечают критики такого подхода (например, Э. Циммерман или М. Консалво), хотя у Й. Хёйзинги данная метафора используется не один раз, но при этом проработанной считаться не может.[56] Другое и вполне естественное ограничение фундаментального труда Й. Хёйзинги отражено М. Консалво и полностью соответствует одному из ключевых положений настоящего исследования:

> «Когда Хёйзинга (1950) писал о магическом круге, наше чувство пространства и места радикально отличалось от сегодняшнего. При постулировании места, «оторванного» от повседневной жизни, такое место может быть достаточно легко представлено в географическом смысле – как в случае с игровой площадкой, рингом для бокса или игрой в классики».[57]

Тем не менее, развернувшаяся с началом развития игровых исследований (англ. "*game studies*") дискуссия вокруг магического круга в целом (Р. Бартл, Э. Кастронова, М. Консалво, Я. Стенрос, Э. Циммерман и др.) и применительно к праву в частности (Б. Дюранске, Г. Ластовка, Ш. Кейн, Дж. Фэйрфилд, Д. Хантер и др.) может рассматриваться как существенный научный задел в области определения разумных границ применения права к некоему условному пространству общественных отношений, связанных с потенциально «виртуальным» и «несерьезным» контекстом. В трудах предшественников при этом не усматривается идея оценки предмета правовых или в целом общественных отношений для целей различения «виртуального» и «реального» (а равно «серьезного» и «несерьезного»). При этом в процессе рассмотрения проблем в точке пересечения права и игровой деятельности с необходимостью обнаруживает себя диалектическая связь данного дискурса с представлением об аналогии права и игры, которая полностью или

---

[56] См.: Zimmerman E. Jerked Around by the Magic Circle – Clearing the Air Ten Years Later [Electronic resource] // Gamasutra. – [Site]. – URL: https://www.gamasutra.com/view/feature/135063/jerked_around_by_the_magic_circle_.php (accessed: 18.10.2018).

[57] Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // Games and Culture. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408 – 417. – URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575 (accessed: 02.07.2018). – P. 410.

частично следует из трудов отдельных философов (Л. Витгенштейн, М. Мидгли и др.), и не игнорировалась юристами (Б. Джексон, А. Росс, Дж. Финнис, Г. Харт и др.) – данный ракурс рассмотрения проблематики также находит отражение и развитие в настоящем исследовании.

Несмотря на то, что проблема соотношения «виртуального» и «реального» прослеживалась в истории философии уже достаточно давно, следует согласиться с тем суждением, что современные технологии виртуальной реальности (понимаемой в узком смысле слова) существенным образом изменяют социальную реальность – речь идет и об изменениях концептуальных подходов к правовому регулированию общественных отношений под влиянием информационно-телекоммуникационных технологий (Е.А. Войниканис, Г.А. Гаджиев, В.Б. Наумов, А.И. Савельев, С.В. Сарбаш и др.), и об изменении информационной культуры в целом (О.Ю. Волков, Ю.К. Волков, А.А. Лисенкова, В.В. Савчук, О.В. Сергеева и др.). Представления об общей цифровой культурной трансформации, рассмотренные через призму юридических импликаций художественных и игровых практик, формируют обоснование теоретически и практической значимости исследования, а также определяют аргументацию того положения, что в том виде, в котором данная проблема может быть поставлена и разрешена сейчас, она не могла быть поставлена и разрешена ранее.

Наконец, в основе подходов к решению проблемы семантических пределов права, помимо общей предметной области толкования правовых текстов и предпосылок такого толкования, лежит дисциплинарная область теоретической социологии (в разрезе проблематики обобщенных символических посредников и социального капитала в широком смысле слова). Предпосылками теоретического осмысления семантических пределов права выступают преимущественно труды авторов, относящихся к направлению социального конструкционизма (П. Бергер, Т.

Лукман, Дж. Остин), а предпосылками реконструкции самой проблемы – труды авторов, развивавших теорию социального действия (Т. Парсонс, его последователи и интерпретаторы, в первую очередь Х. Тревиньо). Для объяснения одного из критериев семантических пределов права в работе развивается концепция «обобщенного символического посредника» (Т. Парсонс, Н. Луман, Ю. Хабермас, С. Абрутин), не нашедшая ранее подобного применения.[58]

Цели и задачи исследования. *Целью исследования* является обоснование и разработка научной концепции семантических пределов права в контексте современной информационной культуры и актуальных задач адаптации правовой системы общества к условиям, характерным для информационного общества и цифровой экономики, медиального поворота. Цель исследования определяется представлением о концепции семантических пределов права как относящейся к области (1) толкования права – поскольку она определяет общие семантические границы данного процесса; (2) применения права – поскольку она позволяет выявить случаи абсурдного либо противоречащего здравому смыслу, а значит – несправедливого правоприменения; (3) правотворчества – поскольку она лежит в основе представления о границах правовых норм и, как следствие, может использоваться при моделировании нормативных предписаний; (4) онтологии права – поскольку, семантические пределы права могут рассматриваться как новое измерение для действия правовых норм, – а именно, относящееся к медиареальности, – наряду с территориальными или субъектными границами; (5) проблематике развития права в условиях цифровой экономики и медиального поворота в целом – поскольку, отвечая на ключевые вопросы семантики права в отношении спорный ситуаций, связанных с артефактами медиапространства, она

[58] В ходе личной научной дискуссии автора с Д-ром Хавьером Тревиньо, одним из наиболее значимых исследователей творческого наследия Т. Парсонса, Х. Тревиньо подчеркнул научную новизну такого подхода (переписка от сентября 2018 года из личного архива автора).

может использоваться в разработке инструментов алгоритмизации права, построения экспертных систем и искусственного интеллекта в юридической области.

Задачи исследования определяются целью исследования и включают:

— постановку, описание и обоснование исходной гипотезы о проблеме определения семантических пределов права в актуальных социокультурных и экономических условиях;

— выявление и описание ключевых признаков современной информационной культуры как контекста, определяющего актуальность проблемы семантических пределов права;

— выбор и описание репрезентативного нормативного и эмпирического материала, позволяющего обосновать актуальность и содержание проблемы семантических пределов права;

— научно-методологическую квалификацию содержания проблематики семантических пределов права в междисциплинарном дискурсе социально-гуманитарных наук;

— изучение концепций игровой деятельности в социально-гуманитарных науках как области, в которой впервые в явной форме был поставлен вопрос о границах между «серьезным» и «несерьезным»;

— анализ и интерпретацию аналогии права и игры в истории философии права, находящейся в диалектической связи с проблематикой игровой деятельности в социально-гуманитарных науках;

— выбор и обоснование философско-правовых концепций, позволяющих осуществить проблемно-теоретическую реконструкцию семантических пределов права;

— анализ и критическое переосмысление существующих подходов к проблемам определения принципов синтаксиса и семантики в юриспруденции и деонтической логике;

— разработку методологии и формирование конкретных критериев определения семантических пределов права с опорой на междисциплинарный дискурс, ориентированный на теоретическую социологию и логику;

— осуществление мысленного экспериментирования (теоретического моделирования) с выработанными критериями семантических пределов права с целью верификации полученных научных результатов;

— реконструкцию полноценной масштабируемой концепции семантических пределов права для применения в толковании права и правотворчестве.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой первое комплексное монографическое исследование, в котором представлена актуальная для современных условий медиального поворота концептуализация семантических пределов права как понятия, обобщающего комплекс теоретических и практических проблем юриспруденции, объединенных проблематикой виртуальной реальности, а также дихотомией абсурда и здравого смысла, и представлено обоснование общей методологии решения данных проблем.

В процессе исследования получены следующие обладающие научной новизной результаты:

1) Предложен обоснованный вариант интерпретации и развития как положений концепции права Л. Фуллера, содержащихся в поздних исследованиях ученого (прежде всего, в «Анатомии права» и «Принципах социального порядка»), так и намеченных автором настоящего исследования в кандидатской диссертации. В частности, сама концепция семантических пределов права отчасти призвана объяснить представление Л. Фуллера об «общеразделяемых положениях» субъектов

права, которые исключают из рационального и эксплицитного рассуждения все то, что не согласуется со здравым смыслом.

2) Изучена, обобщена и существенно дополнена историко-философская аналогия права и игры, развивавшаяся как в культурологических исследованиях (Й. Хейзинга), так и в собственно философско-правовых (Г. Харт, А. Росс и др.). Аналогия права и игры переосмыслена с учетом состоявшегося в современной информационной культуре «игрового поворота» и появлением принципиально новых видов игр – многопользовательских компьютерных, нередко сейчас включающих элементы виртуальной и дополненной реальностей в узком технологическом смысле слова. Обоснована позиция о наличии связи и методологическом потенциале изучения такого рода игр как моделей нормативных систем.

3) С учетом развития современной информационной культуры и необходимости осмысления общественных отношений, являющихся предметом регулирования права, осуществлена оценка возможных квалификаций коммуникации в социальной реальности по критериям воображаемого и реального, серьезного и несерьезного, игрового и неигрового. Обоснованы подходы к тому, как правовые конфликты, относящиеся к коммуникации, которая может быть охарактеризована различными комбинациями указанных характеристик, может расцениваться с точки зрения самого права. Философское, социологическое и культурологическое качество серьезности определено как один из ключевых признаков релевантности того или иного социального феномена праву.

4) Развита система представлений об абсурде и здравом смысле в праве с точки зрения действия права, применения права, толкования права и правотворчества. Изучены различные концепции абсурда в разрезе, необходимом для разрешения задач диссертации. Проанализированы системы представлений о

здравом смысле. Обобщены различные по своей природе интерпретации данного понятия, которые подразумевают в одних случаях отсылку к морали, в других – к базовой парадигме реальности, разделяемой в обществе, в прочих – к формальной логике. Продемонстрирована прямая связь между дихотомией абсурда и здравого смысла, с одной стороны, и семантикой содержания нормативных предписаний – с другой.

5) Выявлены отдельные ограничения деонтической логики, используемой в качестве основного инструмента нормативизма и аналитической философии права в отношении выявления критериев для определения значений понятий, используемых в правовых текстах в контексте методологии аналитической юриспруденции. Инструментарий деонтической логики позволяет с достаточной ясностью структурировать и формализовать в целях изучения и использования синтаксис юридической аргументации, однако не всегда позволяет принципиально разрешать проблемы в «области полутени», по сути относящиеся к глубинному уровню семантики права. Дополнительно развито представление о том, что при таком положении дел полноценное использование экспертных систем (программного обеспечения, использующего машинное обучение и искусственный интеллект) в юриспруденции на современном этапе должно учитывать особенности выявления абсурдных случаев толкования правовых текстов в контексте медиареальности.

6) Разработана концепция необходимых и достаточных критериев определения семантических пределов права, которые могут выступать в качестве наиболее общих принципов юридической семантики – качества «серьезности» и «реальности», применимые к предмету общественных отношений, а не к самим общественным отношениям. Применительно к концепции семантических пределов права данные термины следует рассматривать в специальном смысле, реконструируемом с опорой на представление о функциональном соответствии

артефакта медиареальности и «центрального значения» понятия, используемого в правовом тексте («реальность»), а также с опорой на теоретическую социологию и представление об «обобщенных символических посредниках» («серьезность»). Разработаны примеры применения концепции семантических пределов права, основанные на теоретическом моделировании.

Методология и методы исследования. В диссертации применяются следующие основные методы: формально-юридический (догматический); сравнительно-правовой; интерпретации и проблемно-теоретической реконструкции; теоретического моделирования; интроспекции; включенного наблюдения; аналитической юриспруденции.

Формально-юридический (догматический) метод, являющийся специальным методом юридической науки, предполагает использование двух составляющих – дедуктивно-аксиоматического и гипотетико-дедуктивного способов рассуждения, применение которых в тексте исследования отражено в явной форме или подразумевается. Дедуктивно-аксиоматический способ рассуждения предполагает анализ нормативной источниковой базы диссертации с условным принятием в качестве аксиом положений действующего позитивного права и последовательным применением приемов толкования права. Гипотетико-дедуктивный способ рассуждения во всем аналогичен дедуктивно-аксиоматическому, за исключением того, что в первом используется постановка гипотезы о возможном конечном результате юридического толкования, которая затем подтверждается или опровергается. Формально-юридический метод в целом позволяет ответить на два основных вопроса: во-первых, каково позитивно-правовое регулирование определенных общественных отношений на данный момент времени; во-вторых, в каких случаях отсутствует формальная определенность правовых норм. Для целей настоящего исследования, ориентированного на концептуализацию и разрешение

фундаментальной проблемы определения семантических пределов права, формально-юридический метод имеет инструментальное значение, поскольку главная задача его применения – продемонстрировать границы этого метода на конкретных эмпирических примерах и соотнести их с представлением о семантических пределах права.

Сравнительно-правовой метод, также являющийся специальным методом юридической науки и развивавшийся в отечественной и зарубежной доктрине сравнительного правоведения, в том числе, в работах И.Ю. Козлихина, предполагает сопоставление юридических феноменов одного порядка, относящихся к различным правовым системам, в целях выявления сходства и различия между ними. Использование сравнительно-правового метода в настоящей работе обусловлено гипотезой о том, что проблема семантических пределов права должна рассматриваться как универсальная для всех правовых систем.

Метод интерпретации, частью которого является *метод проблемно-теоретической реконструкции*, может рассматриваться как основной метод, применяемый в целях исследования истории правовых идей. Данный метод, обоснованный Д.И. Луковской, развитый А.В. Поляковым и нашедший отражение и творческое переосмысление в исследованиях Е.В. Тимошиной,[59] предполагает создание оригинальных интерпретационных концепций в процессе предпосылочной и контекстуальной интерпретации текста как первичной реальности гуманитарных

[59] Краткое историографическое обобщение развития традиции этого метода в рамках преемственности исследований кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета можно найти на страницах юбилейной статьи, опубликованной в 2014 году на страницах журнала «Правоведение». См.: Юбилей Дженевры Игоревны Луковской // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 241–242. Отдельно отметим, что идея о тексте «как первичной данности и исходной точке всякой гуманитарной дисциплины» восходит в этом контексте к М. Бахтину, труды которого во многом предопределяют отраженное в отечественной литературе осмысление игрового поворота в культуре. Концептуальные основы данной методологии были выражены Д.И. Луковской в докторской диссертации, см.: Луковская Д.И. Теоретико-методологические проблемы истории политических и правовых учений: диссертация … доктора юридических наук: 12.00.01. – Ленинград, 1986. – 412 с. См. также: Луковская Д.И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 3. – С. 197–211.

наук.[60] В рамках настоящего исследования он используется преимущественно для интерпретации и реконструкции не общих, а частных концепций, развиваемых отечественными и зарубежными мыслителями и релевантных основной проблеме, на разрешение которой нацелена данная работа.

Метод теоретического моделирования в интерпретации, применимой к юридической науке, предполагает, с одной стороны, создание абстрактных моделей общественных отношений, а с другой – моделей возможных норм позитивного права, с последующим применением последних к первым в целях создания общей модели правоприменения. В контексте целей и задач настоящего исследования метод теоретического моделирования необходим для выявления различных примеров семантических пределов права и демонстрации методологического потенциала концепции, развиваемой в диссертационной работе. В частности, применение метода теоретического моделирования раскрывается на примере применения концепции семантических пределов права в правотворческой деятельности.

Метод интроспекции, изначально разработанный в психологической науке, предполагает наблюдение и описание собственных ценностных установок исследователя и обусловлен представлением о том, что в условиях постклассического типа научной рациональности личность исследователя, его опыт

[60] Как отмечает Е.В. Тимошина, «сущность данного метода раскрывается в следующих основных положениях: 1) текст –первичная реальность гуманитарных наук, обладающая по отношению к познающему субъекту определенной онтологичностью; 2) процесс интерпретации имеет предпосылочный и контекстуальный характер, который определяет выбор исследовательской гипотезы и отбор текстуальных «фактов»; 3) возможность «диалога» с автором интерпретируемого текста связана с соблюдением в процессе интерпретации определенных этических принципов; 4) знание рассматривается как имеющее личностный и социокультурный характер; 5) интерпретация представляет собой коммуникативный процесс – выявление актуального интерсубъективного смысла правовых идей прошлого происходит в «пространстве» современного научного диалога, опосредуемого текстами мыслителей прошлого; 6) результат исследования выражается в создании оригинальной интерпретационной концепции (теоретической модели) правового учения, актуализация которого вносит вклад в современную теорию права; 7) многообразие интерпретационных концепций является «нормальным» научным явлением. См.: Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого: генезис постклассического правопонимания в русской философии права (начало XX в.). – Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 11.

и парадигмальные особенности мышления объективно не могут не влиять на направленность научных выводов в социально-гуманитарном научном исследовании. При этом, однако, не исключается рациональное описание таких ценностных установок, что может выступать в качестве необходимого условия интерпретации данного научного текста.

Метод включенного наблюдения используется в работе применительно к изучению феноменов современной информационной культуры (в первую очередь, социальных сетей и многопользовательских компьютерных игр), составляющих часть эмпирической базы исследования. Эксплицитное упоминание метода включенного наблюдения нацелено на демонстрацию опыта автора как участника соответствующих социальных практик и, соответственно, пользователя известных продуктов цифровой экономики.[61]

Аналитический метод, понимаемый в смысле аналитической юриспруденции, связан с обращением к лингвистическому контексту языковой практики, характерного, прежде всего, для российской правовой системы, и связанного с представлениями о здравом смысле. Настоящее исследование также во многом отражает опыт переосмысления правой проблематики в контексте *«лингвистического поворота»* в научной рациональности в целом и, как следствие, в явной или неявной форме использует методологический потенциал отдельных

[61] В частности, автор участвовал и продолжает участвовать в качестве пользователя в отдельных многопользовательских игровых и киберспортивных проектах с 2005 года по настоящее время (среди которых, в хронологическом порядке ознакомления, *Ultima Online, Second Life, Achaea: Dreams of the Divine Lands, Discworld, Aardwolf, World of Warcraft, Rift, Everquest II, Star Wars: the Old Republic, Magic: the Gathering Online, Аллоды Онлайн, Skyforge, Perfect World, Dota 2, League of Legends* и некоторые другие). Также автор является опытным пользователем и – временами – заядлым читателем социальных медиа (*ВКонтакте, Facebook, Twitter, LinkedIn, Livejournal, Blogspot, WordPress*) с момента их актуализации в российском сегменте Интернета в первой декаде XXI века. Хотя конкретно в период, соответствующий написанию данной работы, – данный комментарий, наверное, сопоставим с тем, чтобы заявить, что «автор является опытным читателем книг» или даже «автор является опытным участником процесса коммуникации» (хотя и то, и другое, конечно, – не лишнее), позволим предположить, что долговременный опыт практического изучения соответствующих ресурсов и практик, в большинстве случаев, *с момента их непосредственного появления*, не может не быть релевантным для контекста работы, посвященной правовой проблематике виртуальной реальности в широком смысле слова. Тем более в условиях, когда не по всем из доступных публикаций в области юридических наук, даже конкретно по проблемам игровых исследований и социальных медиа, прослеживается аналогичный порядок вещей.

учений, развивавшихся в рамках философии языка, применительно к проблемам философии и теории права. При анализе проблем абсурда и здравого смысла в контексте настоящего исследования применяется аналитический метод, характерный для аналитической философии («поздний» Л. Витгенштейн и др.) и аналитической юриспруденции (Г. Харт и др.) и предполагающий прояснение понятий с точки зрения их использования в естественном языке.[62]

Дополнительно необходимо указать, что в отношении нормативных источников и эмпирического материала, отобранных для настоящего исследования, использовался *индуктивный* метод научного познания, а также подход, предполагающий построение текста на основе *репрезентативных примеров*. Исчерпывающее приведение в тексте работы указанных источников и материала не является необходимым для целей и задач исследования и может затруднить системное обоснование концепции семантических пределов права. Принцип, определяющий репрезентативность соответствующих примеров, в каждом конкретном случае определен и обоснован в явной форме или посредством контекста.

В диссертации также используются общенаучные методы познания, в числе которых следует особо выделить логический и, включающий в себя, в том числе, – применение логического приема доведения до *абсурда* (“*reductio ad absurdum*”), который соответствует задачам исследования по содержанию и стилю, а также его предмету как таковому.

---

[62] Так, например, в интерпретации С.Н. Касаткина, метод аналитической юриспруденции выражается в следующих этапах: «1) разъясняемый термин (понятие) рассматривается на изолированно, а в составе целостных высказываний, образующих наиболее характерные случаи его употребления в юридической практике данной правовой системы; 2) на базе и в контексте этих высказываний термин (понятие) объясняется посредством: а) установления условий истинности подобных высказываний (условий, при которых соответствующий термин употребляется уместным, надлежащим, результативным образом); б) определения речевой функции высказывания, прежде всего того, как эти высказывания (и соответствующий словарь) используются при производстве юридического вывода на основании правил в конкретном случае». См.: Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 1. – С. 52–53.

Источниковую базу диссертации составили, в первую очередь, (1) российские и зарубежные нормативные источники и эмпирический материал, относящиеся к следующим основным областям: критерии оценки информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей; обработка информации, утратившей свою актуальность в силу последующих событий; административные правонарушения и преступления, связанные с распространением информации; создание творческих произведений с конкретными прототипами персонажей; игровая деятельность, не относящаяся к азартным играм; применение отсылок к абсурду и (или) здравому смыслу в юридической аргументации; (2) научные труды в области анализа игровой деятельности в социально-гуманитарных науках, в том числе таких авторов как Р. Бартл, Р. Кайуа, М. Консалво, М. Мидгли, Я. Стенрос, Й. Хёйзинга и др.; (3) научные труды в области социальной философии и философии права, принадлежащие авторам, развивавшим подходы, предполагающие анализ соотношения игр и права, изучение аналогии права и игры либо установление рациональных границ юридического толкования и семантики права или же границ здравого смысла в праве, в частности работы Б. Джексона, А. Росса, Дж. Финниса, Л. Фуллера, Г. Харта и др.; (4) научные труды в области теоретической социологии, прежде всего, основанные на методологии социального конструкционизма, и предполагающие изучение вопроса о принципах формирования ценности предметов общественных отношений и природе такой ценности, что прямо или косвенно предполагает относимость тех или иных общественных отношений к области правового регулирования, в частности работы П. Бергера, Т. Лукмана, Т. Парсонса, Х. Тревиньо, С. Абрутина и др.

С точки зрения *теоретических основ исследования*, реконструкция проблемной области семантических пределов права предопределила необходимость обращения к работам российских ученых – специалистов по философии, теории и

социологии права, истории правовой мысли: С.С. Алексеева, М.В. Антонова, Н.В. Варламовой, В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова, С.Н. Касаткина, И.Ю. Козлихина, В.В. Лазарева, В.В. Лапаевой, Д.И. Луковской, В.С. Нерсесянца, В.В. Оглезнева, А.В. Полякова, Н.Н. Тарасова, Е.В. Тимошиной, А.Ф. Черданцева, И.Л. Честнова и др., а также зарубежных теоретиков и философов права – Р. Алекси, Е.В. Булыгина, Б. Бикса, Р. Дворкина, Г. Кельзена, А. Мармора, Дж. Раза, Г. Радбруха, А. Росса, Р. Саммерса, Л. Фуллера, Г. Харта и др.

Концепция семантических пределов права рассматривается, в первую очередь, в разрезе проблематики анализа игровой деятельности в социально-гуманитарных науках, представленной в работах авторов междисциплинарных исследований, относящихся к области медиафилософии и игровых исследований (англ. “game studies”), в частности, следующих авторов: зарубежных – Р. Бартл, Р. Кайуа, Э. Кастронова, М. Консалво, М. Мидгли, Я. Стенрос, Й. Хёйзинга и др. и отечественных – В.В. Савчук и др., а также авторов специальных юридических и экспертных исследований в области отношения теоретической и практической юриспруденции к игровой деятельности, в том числе следующих ученых и практиков, зарубежных – Б. Дюранске, Г. Ластовка, Ш. Кейн, Дж. Фэйрфилд, Д. Хантер и др. и отечественных – А.И. Савельев и др.

Поскольку актуальность проблемы семантических пределов права обосновывается не только через системность специально-юридических проблем толкования права, но и посредством обращения к контексту современной культурологии, а реконструкция одного из ключевых критериев семантических пределов права осуществляется с использованием методологического потенциала теоретической социологии, теоретические основы исследования включают идеи и концепции авторов, чьи работы относятся к указанным областям знаний. В частности, речь идет об отдельных отечественных – О.Ю. Волков, Ю.К. Волков,

А.А. Лисенкова, О.В. Сергеева и др. – и зарубежных – С. Абрутин, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман, Дж. Остин, Т. Парсонс, Х. Тревиньо – исследователях.

Обращение к общей методологии, определяемой лингвистическим поворотом постклассической научной рациональности, которая при этом формирует органическую часть контекста социального конструкционизма в теоретической социологии, предопределяет в качестве теоретических основ исследования труды ключевых авторов в данной области, прежде всего зарубежных, а именно представителей аналитической и «постаналитической» философии, с одной стороны, – Л. Витгенштейн, А. Кожибски, Дж. Мур, Б. Рассел, – и герменевтики с другой – В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, Э. Гуссерль и др.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что данное исследование представляет собой оригинальную концепцию, в рамках которой предлагается модель объяснения юридической семантики и определения границ толкования и применения права, проходящих по линии соприкосновения абсурда и здравого смысла и применимых, в первую очередь, к отношениям, опосредуемым виртуальной реальностью. Представляется, что логика концепции может быть распространена и на правотворчество. Концепция семантических пределов права позволяет выстроить рациональную аргументацию, объясняющую возможность или невозможность применения права в том или ином контексте, актуальном, в первую очередь, для информационной культуры общества в условиях цифровой экономики – в частности, определить, в каких случаях «вмешательство» права в область медиареальности может быть обоснована, а в каких – нет. Выводы диссертационного исследования могут быть положены в основу дальнейших научных разработок методологии теории и философии права, юридического толкования, информационного права, а также междисциплинарных исследований, связанных с использованием методологии социального конструкционизма, в том

числе в области изучения игровой деятельности. Результаты исследования могут быть также использованы как в практике преподавания, так и при разработке учебников и учебных пособий по основным курсам бакалавриата и магистратуры «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «История политических и правовых учений», «История и методология юридической науки», «Современные проблемы юридической науки», «Философия права», «Социология права», а также при разработке специальных курсов, включая «Толкование права», «Публичное и частное право в цифровую эпоху», «Правовое регулирование отношений в сети Интернет».

Положения, выносимые на защиту. Указанные ранее аспекты научной новизны диссертационного исследования раскрываются, в том числе, в следующих основных положениях, выносимых на защиту.

1. Одной из приоритетных задач современной теоретико-правовой науки является переосмысление права в условиях **медиального поворота**, составляющими которого являются цифровой поворот и игровой поворот. Концепция медиального поворота, обоснованная в российских междисциплинарных исследованиях В.В. Савчуком, отражает фундаментальные изменения социокультурной жизни, частью которой является право. Понимание самого термина «право» в настоящем исследовании определяется методологией аналитической юриспруденции в интерпретации Г. Харта. Данная методология была задана «лингвистическим поворотом» в развитии научного познания и предполагает скептицизм по отношению к традиционным методам определения, однако допускает описание «центрального значения» термина исходя из здравого смысла. Медиальный поворот в целом задает необходимость концептуализации и осмысления медиареальности как таковой. В свою очередь, цифровой поворот обусловливает развитие технологий виртуальной и дополненной реальностей, которые качественно видоизменяют

медиапространство. Наконец, игровой поворот, осмысленный в медиафилософии и игровых исследованиях, включая подходы Й. Хейзинги, Р. Кайуа и позднего Л. Витгенштейна, предполагает легитимацию игровых практик в культуре и обостряет проблему *симуляции* в медиапространстве. Таким образом, в общем смысле ключевой предмет исследования – отношение права к «изменчивому» медиапространству,[63] которое часто может быть охарактеризовано виртуальностью и симуляцией. На более низком уровне теоретических обобщений главный вопрос теории права в условиях медиального поворота может быть поставлен так: в каких случаях правовые нормы в медиапространстве действовать должны, а в каких – нет по причине того, что симуляция исключает действие права, и каким *конкретно* образом это можно объяснить со степенью ясности, достаточной для юридической аргументации. Наличие такого рода симуляции при этом и составляет ключевой объединяющий признак для отбора эмпирических примеров правовых коллизий, возникающих или актуализирующихся в условиях медиального поворота и позволяющих дать обоснование гипотезы о семантических пределах права.

2. Эмпирический материал исследования подтверждает наличие проблемы, выражающейся в необходимости определения того, какие из общественных отношений, опосредуемых медиапространством, могут **исключаться из области действия права** в связи с наличием симуляции. С учетом принятой методологической установки, в качестве правовых коллизий, определяющих исходные посылки исследования, следует рассматривать правовые коллизии игровой деятельности в цифровой среде, выражающиеся в спорных случаях применения норм позитивного права, исключающих возможность судебной защиты требований,

[63] Здесь и далее гипостазирование права в словосочетании «отношение права [*к чему-либо*]» следует интерпретировать исключительно как литературный прием естественного языка, нацеленный на выражение наиболее общего ракурса рассмотрения проблемы, что подразумевает объединение в одном контексте различных догматических категорий – действия права [в медиапространстве], применения права [к артефактам медиареальности], толкования правовых текстов [применительно к общественным отношениям, опосредуемым медиареальностью] и т.п.

вытекающих из организации игр и участия в них, а также правовой квалификации оборота «виртуальной собственности» за реальные деньги. Однако признание *симуляции* в качестве основного проблемного фактора позволяет отнести к рассматриваемой правовой проблематике и правовые коллизии, опосредованно связанные с виртуальной реальностью, но не обязательно подразумевающие анализ игрового процесса как такового – например, связанные с принятием правоприменительных решений об ограничении доступа к паратекстам компьютерных игр, в случае, когда в основе таких решений лежит спорное принятие виртуальных игровых объектов за реальные объекты (например, квалификация описания вымышленного способа изготовления «взрывчатого вещества» в мире компьютерной игры как соответствующего реальным законодательным ограничениям). Следуя этой логике, к эмпирическому материалу исследования также необходимо отнести и примеры правовых коллизий, в которых в общем смысле вопрос не связан с играми и ставится не столько в отношении возможности «проникновения» реального права в виртуальную реальность, сколько в отношении возможности применять право к общественным отношениям, связанным с чем-либо несерьезным, воображаемым или неактуальным, без нарушения здравого смысла. Примером характерной проблемной области в данном случае являются коллизии, связанные с интерпретацией критериев информации, запрещенной к распространению в Интернете. Все рассматриваемые в исследовании коллизии могут быть логически объединены за счет следующих инвариантных признаков, определяемых контекстом медиального поворота и характеризующих юридически значимые особенности общественных отношений, опосредуемых медиапространством: **(1)** предмет таких общественных отношений не сводим к материальным объектам или специальным юридическим конструктам; **(2)** в каждой из рассмотренных коллизий необходимо разрешение дополнительной проблемы об

относимости медиареальности к объему правового регулирования; **(3)** ошибочное толкование правовых текстов и (или) применение права предполагает интуитивную постановку вопроса о соответствии результата такого толкования или применения здравому смыслу.

3. Рассматриваемая проблема отношения права к симуляции в медиапространстве является не отраслевой, а универсальной. Она входит в предметную область теории права и относится к проблематике **применения права и толкования правовых текстов**. Вопрос об определении условий, при которых правовые тексты могут быть интерпретированы таким образом, что в объем используемых в них понятий будут включаться предметы общественных отношений, опосредуемые виртуальной реальностью, подвергался научному анализу на данный момент преимущественно в рамках отраслевых исследований в области гражданского и информационного права, однако разносторонний эмпирический материал, отобранный на основе исходной методологической гипотезы, позволяет продемонстрировать потенциальную практическую актуальность проблемы для всех областей юриспруденции, что обусловлено тотальностью медиального поворота. Данное обстоятельство уже само по себе позволяет постулировать общетеоретическую значимость изучаемой проблемы. В то же время, диахронный анализ развития правовой мысли позволяет прямо обосновать и легитимировать дискурс данной проблематики в контексте философии и теории права, в частности, трудов Л. Фуллера и Г. Харта, а также их последующего критического переосмысления. Так, проблема отношения права к симуляции в медиапространстве может быть интерпретирована как проблема *критериев абсурдности в применении права* исходя из намеченного в книге Л. Фуллера «*Анатомия права*» (англ. “*Anatomy of the Law*”, 1968) представления об определяющих границы здравого смысла в праве имплицитных «общеразделяемых положениях» (англ. “generally shared assumptions”).

В некоторых случаях, связанных с виртуальной реальностью, допустимо усмотреть противоречие здравому смыслу. В свою очередь, рассматриваемая проблема может быть интерпретирована и как проблема толкования правовых текстов в рамках общей аналитико-юридической методологической посылки Г. Харта о «центральном значении» и «полутени» (англ. “core and penumbra”) понятий, используемых в правовом тексте, отраженной в дискуссии с Л. Фуллером и далее развитой в книге «*Понятие права*» (англ. “*The Concept of Law*”, 1961), поскольку в свете такой методологии спорные *вопросы распространения правовых текстов на артефакты медиапространства образуют «полутень» значений*. Однако, несмотря на то что указанные подходы позволяют интерпретировать проблему отношения права к симуляции в медиапространстве как проблему философии и теории права, они не позволяют разрешить данную проблему, что обусловливает дальнейший научный анализ.

4. Наиболее релевантные из существующих общих подходов, прямо или косвенно предназначенных для объяснения **абсурдности в применении права и толковании правовых текстов**, не дают убедительной возможности определить отношение права к симуляции в медиапространстве. Отдельная часть эмпирического материала исследования, связанная с использованием отсылок к абсурду или здравому смыслу в юридической аргументации правоприменительных решений, позволяет методологически легитимировать рассматриваемую проблему как проблему *абсурдности*. При этом включение симулякров медиапространства в область правового представляет собой специальный случай именно абсурдности, а не бессмысленности, в применении и толковании права. В данном случае абсурд отражает фундаментальное противоречие здравому смыслу как имплицитной рациональности права. Такое противоречие выражается в применении «реального» и «серьезного» права к замкнутому игровому симулякру, в том числе, виртуальной

реальности, именно в том особом аспекте, который не предполагает *последствий* (интерпретируемых в свете трудов Й. Хейзинги и Э. Кастроновы) для социальной реальности повседневности, а потому не имеет интерсубъективной социальной значимости. Тем не менее, как показывает исследование, несмотря на устоявшуюся практику юридической аргументации, предполагающей отсылки к абсурду или здравому смыслу, в современной теории и философии права нет подходов, которые позволяют с достаточной степенью ясности реконструировать пределы права в пространстве смыслов медиареальности. Известные юридической науке представления о «моральных пределах права» не могут быть интерпретированы как основание для разрешения поставленной проблемы, поскольку противоречие морали не является необходимым признаком абсурдности в праве. Зарубежная «доктрина абсурдности» в толковании права также не позволяет этого сделать, поскольку не содержит эксплицитного рационального обоснования критериев такой абсурдности. Ограничены возможности концепций деонтической логики установить семантическое отношение в относящейся к медиареальности области «полутени» между фактом и понятием (англ. “word-concept”), используемым в правовом тексте, что не позволяет, в частности, применять концепцию семантической нормативности в интерпретации М. Клатта для разрешения поставленной проблемы. Данные обстоятельства обусловливают необходимость разработки специальных критериев абсурдности в праве, ориентированных на симуляцию в медиапространстве.

5. Разработка специальных критериев абсурдности, определяющих пределы действия права в медиапространстве, не может игнорировать **концепцию «магического круга»**, разработанную в игровых исследованиях (англ. “game studies”), непосредственно ориентированных на осмысление актуальных симулятивных игровых практик, характерных для медиареальности. В то же время, известные юридической науке попытки обосновать пределы применения права к

симуляции в медиареальности, основанные на таком методологическом подходе, не позволяют реконструировать искомые критерии. Сам же методологический подход, основанный на концепции «магического круга», изначально проистекающей из метафоры Й. Хейзинги, на сегодня подвергается строгой критике в игровых исследованиях, поскольку он традиционно интерпретировался как основание для разграничения «реального» и «виртуального» пространства, а основания такого разграничения в свете современных культурологических и социологических концепций представляются сомнительными – с точки зрения социального конструкционизма, можно сказать, что виртуальное реально, и наоборот. Тем не менее, в исследовании обосновывается подход, согласно которому критически оцениваются аргументы как сторонников, так и противников концепции «магического круга». С одной стороны, нельзя согласиться с представлением о том, что социальные практики могут быть строго разграничены по критерию относимости к замкнутой области игровых практик, не имеющих серьезного значения, поскольку социологический и иной анализ таковых показывает, что игра подчас может быть вполне серьезным явлением. С другой стороны, именно для целей юриспруденции нельзя принципиально отказать в необходимости переосмысления концепции «магического круга» или разработки аналогичной концепции: одно из главных предназначений права заключается в том, чтобы придать конвенциональную определенность неопределенной социальной реальности. Соответственно, юриспруденция, в отличие от многих других социально-гуманитарных наук, не может позволить себе примириться с неопределенностью в отношении вопроса о том, что именно следует признавать симуляцией. При этом методологический потенциал специальных юридических подходов, основанных на метафоре «магического круга» и предложенных Б. Дюранске, Дж. Фэйрфилдом и другими авторами, также представляется

ограниченным и не позволяет реконструировать семантические пределы права как универсальную категорию, соответствующую условиям медиального поворота, и не сводимую лишь к проблемной области многопользовательских компьютерных игр. Одно из основных ограничений известных концепций «магического круга» отражено в попытке квалифицировать с точки зрения «виртуального» и «реального» изучаемые общественные отношения, действия сторон, или субъективную сторону, тогда как достаточная ясность в разрешении поставленной проблемы может быть достигнута лишь при изучении именно *предмета* общественного отношения. Квалификация действия сторон, интерпретируемая через концепцию согласия или субъективной стороны, также ограничена в применении, поскольку в правовых системах, предусматривающих значительное количество императивных норм, согласие сторон не может отменить правовую квалификацию их действий с точки зрения реального права. Более того, узкие концепции «магического круга», ориентированные только лишь на компьютерные виртуальные миры, не рассчитаны на иные артефакты виртуальной реальности, подразумевающие опосредованную коммуникацию, такие как, например, художественное творчество. Таким образом, разработка критериев абсурдности применения и толкования права в связи с симуляцией медиареальности может быть интерпретирована и как переосмысление юридической метафоры «магического круга».

6. Необходимым, но недостаточным критерием для установления той абсурдности в применении права и толковании правовых текстов, которая связана с симуляцией в медиапространстве, является отсутствие **функционального соответствия** (адекватности) предмета общественных отношений центральному значению понятия, используемого в правовом тексте (**«критерий реальности»**). Толкование правового текста, предполагающее необходимость определения того, входит или нет предмет общественных отношений, опосредованный

медиареальностью, в объем находящихся в «полутени» возможных значений используемого в нем понятия, как и последующее применение права, требует установить соответствие между таким предметом и понятием. В текущих социокультурных условиях факты медиареальности находятся на «периферии» значений понятий правовых текстов. Определение функционального соответствия представляет собой установление, говоря языком позднего Л. Витгенштейна, «семейного сходства» между значениями, относящимися к простым случаям центрального значения, и периферическими фактам медиареальности. Функциональное соответствие при этом представляет собой юридически значимый критерий подобного «семейного сходства». Исходя из здравого смысла, сама функциональность определяется тем, как предмет общественных отношений может быть использован акторами (субъектами права) в *значимом* для интерсубъективной социальной реальности смысле. При таком подходе, если, например, сформировался социальный институт торговли виртуальными предметами – артефактами медиареальности – между ними и центральным значением юридического термина «собственность» может быть установлено «семейное сходство». Также следует учитывать, что новые медиа определяются такими качествами как фрактальность, автоматизация, вариативность и транскодирование (Л. Манович), и это, в большинстве случаев, предопределяет невозможность структурного соответствия артефактов современной медиареальности и центрального значения понятий тех правовых текстов, которые ориентированы на установление *технологически нейтральных* правил поведения. В контексте исследования понятию функционального соответствия противопоставляется «фантазийность» предмета общественных отношений по отношению к правовой реальности. Необходимо особо подчеркнуть, что в настоящей работе речь идет не о фантазийности предмета как такового (в виртуальной реальности все объекты в некоторой степени фантазийны),

а о фантазийности репрезентации ключевых функциональных свойств предмета в виртуальной реальности (т.е. того, «что делают» предметы, а не «как они выглядят»). Собственно, рассматриваемый критерий и обозначен как «критерий реальности» потому, что объективное право по определению невозможно как симулякр. Если в обществе нечто имеет внешние признаки права, но представляет собой симулякр, то права в таком обществе нет. Наличие общепризнанных и общеобязательных правил поведения (один из основных признаков права), даже если они имплицитны или отличаются от формально декларируемых, представляет собой эмпирический факт интерсубъективной социальной реальности. Отдельный правовой текст либо иной правовой феномен как симулякр возможен, а право в целом – нет. Таким образом, право – не симулякр, и в правовую реальность симулякры включаться не могут, за исключением случая, когда симулякр сам по себе выступает в качестве общественно *значимого* предмета отношения. С учетом этого обстоятельства и возникает необходимость определить второй критерий абсурдности в применении права и толковании правовых текстов в связи с медиареальностью.

7. Для установления той абсурдности в применении права и толковании правовых текстов, которая связана с симуляцией в медиапространстве, критерий функциональной адекватности должен быть дополнен критерием **конвертируемой социально-валютной ценности**, который может быть обоснован исходя из концепции *обобщенных символических посредников*, разработанной в теоретической социологии (**«критерий серьезности»**). Истоки концепции обобщенных символических посредников (англ. “generalized symbolic media”) могут быть усмотрены в ранних социологических и экономических исследованиях, однако в юриспруденции данная концепция еще не применялась, несмотря на ее методологические перспективы, определяемые следующими исходными посылками. Обобщенные символические посредники представляют собой коммуникативные

средства социального конструирования реальности. Согласно Т. Парсонсу, они характерны для каждой социальной подсистемы. Так, например, власть, понимаемая как право (и в дальнейшем – монополия) на особый вид принуждения, представляет собой «символический посредник» для политической системы. Власть, прямо или косвенно, легитимно или нет, может приобретаться посредством влияния, а влияние – это еще один «символический посредник» социальной системы. Это, по Т. Парсонсу, пример конвертации «социальной валюты». Вывод, релевантный для настоящего исследования, заключается в том, что общественная значимость, в том числе для целей разрешения спорных вопросов применения права и толкования правовых текстов, определяется такой интерсубъективной «меновой стоимостью», а не просто некоей субъективной ценностной значимостью. При этом С. Абрутин предлагает дополнить концепцию представлением о «внешнем референте ценности» – конкретном объекте, который сообщает ценность обобщенного символического посредника, например, определенная денежная купюра, атрибут власти, религиозная принадлежность и т.п. Всего он выделяет десять институциональных областей, каждой из которых соответствует обобщенный символический посредник и внешние референты ценностей, между которыми возможен обмен на институциональном и индивидуальном уровнях. Из этого следует, что если предмет общественных отношений, интерпретируемый как внешний референт ценности, обладает конвертируемой «социально-валютной ценностью» – а речь идет о таких обобщенных символических посредниках, как деньги, политическая власть, влияние и прочие конституирующие социальную реальность носители интерсубъективных ценностей, – то применение права к отношениям с таким предметом находится в рамках здравого смысла. Если нет, то применение права к таким отношениям будет *потенциально* (в зависимости от того, удовлетворен или нет также и «критерий реальности») абсурдным. Возможная критика наименования критерия, исходящая из

того, что слово «серьезность» подразумевает субъективное отношение, а не интерсубъективное качество, тогда как более удачным был бы термин «значимость», не представляется убедительной. «Значимость» также вполне может быть субъективной. Важно и то, что противопоставление игры и серьезности в контексте симуляции признается в игровых исследованиях, составляющих принципиальную часть методологии рассматриваемого в настоящей работе подхода.

8. В целом предлагаемый подход может быть концептуализирован в термине *«семантические пределы права»*, подразумевающем указанные критерии реальности и серьезности, и **выражающем философско- и догматически-правовую концепцию отношения реального права к симуляции**, актуализированной в условиях медиального поворота. При этом использование данного термина может быть легитимировано в научном дискурсе посредством аналогии с действием правовых норм в «обычном» пространстве и обращения к концепции *медиапространства* как символического пространства, в котором встречаются и социально значимые смыслы, и симулякры, задающие направленность рассматриваемой проблематики отношения между знаком и означаемым в юриспруденции. Философско-правовое значение концепции семантических пределов права выражается в осмыслении и объяснении проблематики права в условиях медиального поворота. Догматическое значение концепции семантических пределов права выражается в том, что она позволяет применять критерии реальности и серьезности для определения и обоснования абсурдных, не соответствующих здравому смыслу случаев толкования правовых текстов и применения права, а потому может использоваться как в научном анализе правовых текстов и правоприменительных решений, так и в прикладной юридической аргументации. При этом прикладное применение концепции семантических пределов права предполагает следующие действия: **(1)** постановка гипотезы об абсурдности

результата толкования правового текста или применения права исходя из здравого смысла, понимаемого как имплицитная рациональность права, усвоенная субъектом юридической деятельности, прошедшим профессиональную социализацию в условиях данного правопорядка; **(2)** установление именно того предмета общественного отношения, анализ качеств которого необходим для разрешения данного дела, из сложного фактического состава, определяющего спорное общественное отношение; **(3)** аналитическое определение центрального значения понятий, используемых в правовом тексте, для последующего использования в качестве «точки отсчета» для проверки функциональной адекватности («реальности») выявленного предмета общественного отношения; **(4)** проверка функциональной адекватности выявленного предмета общественного отношения центральному значению соответствующих понятий правового текста; **(5)** оценка конвертируемой социально-валютной ценности предмета общественного отношения с точки зрения теоретической и эмпирической социологии; **(6)** структурирование юридической аргументации посредством «перевода» ключевых аргументов проведенного анализа на язык юридической догматики. Представленная методология позволяет сделать имплицитные правила юридически значимого словоупотребления эксплицитными в терминологии Р. Брэндома.

9. Концепция семантических пределов права имеет **многоаспектный методологический потенциал**, позволяющий развить теоретико-правовые представления об *онтологии права, соотношении права и морали, аналогии права и игры*, а также прикладные междисциплинарные представления, относящиеся к *нормотворчеству в условиях цифровой экономики*. Допустимо вынести на защиту тезис о правомерности постановки гипотез, непосредственно вытекающих из исследования в качестве его сопутствующих результатов. Так, переосмысление концепции права Л. Фуллера, основанной на представлении о «внутренней

моральности права» (англ. “internal morality of law”) в контексте настоящего исследования, позволяет предложить гипотезу о том, что *серьезность*, понимаемая в качестве конвертируемой социально-валютной ценности, в данном случае, потенциального предмета правового регулирования, представляет собой девятый принцип внутренней моральности права, поскольку общие, перспективные, непротиворечивые и пр. правовые нормы имеют *смысл* только при том условии, если они нацелены на регулирование общественных отношений в том аспекте, в котором их предмет будет интерсубъективно значим, а не будет представлять собой симулякр. В свою очередь, представление Р. Алекси о «притязании на правильность» (англ. “claim to correctness”) может быть аналогичным образом и по той же причине дополнено «притязанием на серьезность». Из этих двух методологических гипотез следует релевантность концепции семантических пределов права как области онтологии права, так и «разделительному тезису», определяющему дискуссию о соотношении права и морали. Отдельно следует отметить, что развитие представлений об аналогии права и игры является закономерным следствием разработки представленной концепции в силу обоснования значимости игрового поворота для юридических исследований и переосмысления известных представлений в данной области в условиях цифровой трансформации общества. Наконец, методологическая ценность концепции семантических пределов права для развития прикладных вопросов нормотворчества в условиях цифровой экономики определяется следующими обстоятельствами. *Во-первых*, обоснованный в исследовании критерий серьезности может быть интерпретирован в контексте методологии не только осуществления и оценки толкования правовых текстов и применения права, но и научно-обоснованного определения целесообразности правового регулирования общественных отношений по поводу «новых» предметов: до того, как такой предмет станет «серьезным», в разумности его регулирования

можно усомниться. *Во-вторых*, обоснованный в настоящей работе критерий реальности предполагает дополнение относящихся к семантике представлений о специальном виде абсурда, связанном с симуляцией в медиареальности, что имеет значение для проблемной области разработки инструментов алгоритмизации права, построения экспертных систем и развития технологий искусственного интеллекта в юридической области.

Приведенные выше основные положения, выносимые на защиту, отражают последовательность развития методологии концепции семантических пределов права. Данная концепция представляет собой систему «масштабируемых» общетеоретических представлений об абсурде и здравом смысле в контексте отношения права к медиапространству, виртуальной реальности и симуляции. Как следует из последнего положения, выносимого на защиту, такие представления могут быть развиты и за пределами аспектов, детально затронутых в настоящей работе. Например, они могут быть использованы для оценки правотворческих инициатив и отдельных подходов к толкованию права в инновационных областях (отдельным особенностям применения концепции в областях правового регулирования робототехники, больших данных и искусственного интеллекта посвящен § 6 Главы 3 исследования). Кроме того, согласно с выносимыми на защиту положениями, концепция семантических пределов права может быть «переведена» на язык юридической догматики (в том числе, на язык тех терминов, которые по определению рассматриваются как «априорные» и просто соответствующие здравому смыслу в праве) и использоваться как прагматический принцип при толковании и применении права, а также при моделировании правовых норм. Соответствующие обобщения, логика и примеры приведены в Главе 3 и Приложениях № 1–3 к настоящему исследованию в краткой и практичной форме.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность исследования определяется его эвристическим потенциалом, подтвержденным как содержанием самого исследования, в том числе в части применения метода теоретического моделирования, так и апробацией результатов. Диссертационное исследование прошло апробацию при его обсуждении на кафедре теории и истории государства и права СПбГУ 19 апреля 2019 г. Ранее часть положений, которые определили исходную направленность и содержание исследования, были представлены автором научном докладе «Развитие права в условиях цифровой экономики» на заседании Ученого совета СПбГУ 30 октября 2017 года.[64] Кроме того, лежащая в основе концепции семантических пределов права методология использовалась автором в процессе осуществления юридической практики в качестве советника международной юридической фирмы Dentons при разработке правовых позиций по спорным и не урегулированным законодательством напрямую вопросам правовой оценки различного контента, распространяемого в цифровой среде. Основные положения исследования отражены в публикациях диссертанта, посвященных проблемам теории и философии права, включая творческое переосмысление концепции права Лона Л. Фуллера, а также иным предметам, в том числе, отдельным существенным составляющим методологии исследования, анализу отдельных правовых проблем, находящихся в «области полутени» и относящихся к юридической проблематике цифровой экономики, а также примерам применения методологии, основанной на концепции семантических пределов права, в отношении конкретных юридических проблем. Основные положения исследования также используются в практике преподавания на

[64] См.: Архипов В.В. Развитие права в условиях цифровой экономики. Научный доклад на заседании Ученого совета СПбГУ 30 октября 2017 г. [Электронный ресурс] // YouTube. – [Сайт]. – URL: https://youtu.be/1B5fM9Tb00s (дата обращения: 11.09.2019); Повестка дня заседания Ученого совета СПбГУ 30 октября 2017 г. [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет. – [Сайт]. – URL: https://spbu.ru/openuniversity/documents/povestka-dnya-zasedaniya-uchenogo-soveta-spbgu-10 (дата обращения:11.09.2019).

юридическом факультете СПбГУ основных дисциплин бакалавриата, магистратуры и аспирантуры *«Теория права и государства», «Современные проблемы юридической науки», «История и философия науки»*, *«Информационные технологии в юриспруденции»,* а также специальных курсов *«Толкование права»* (в том числе, в рамках образовательной программы магистратуры «Юридическая лингвистика»), *«Публичное и частное право в цифровую эпоху», «Правовое регулирование отношений в сети Интернет»*.

Помимо этого, отдельные результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в открытом онлайн-курсе «Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива», размещенном на платформах Coursera и «Открытое образование» в 2017 году[65] и удостоенного Премии Правительства Санкт-Петербурга за развитие инновационной деятельности в образовательном учреждении.[66]

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:[67]

---

[65] См.: Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива [Онлайн-курс] // Coursera. – [Сайт]. – URL: https://ru.coursera.org/learn/regulirovaniye-interneta (дата обращения: 08.11.2018 г.) и Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива [Онлайн-курс] // Открытое образование. – [Сайт]. – URL: https://openedu.ru/course/spbu/PRAVREG/ (дата обращения: 08.11.2018 г.).

[66] Распоряжение Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга от 07.05.2018 № 47 [Электронный ресурс] // Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга. – [Сайт]. – URL: http://knvsh.gov.spb.ru/closedcontests/view/188/ (дата обращения: 08.11.2018 г.).

[67] Приведенные публикации посвящены различным предметам, однако те из них, в названии которых прямо не отражен методологический подход, развиваемый в настоящей работе, также непосредственно с ним связаны, поскольку представляют собой отражение практического применения такого подхода и находятся в системной целостности с общим направлением исследования. Среди прочего отдельно подчеркнем, что публикации по теоретико- и философско-правовой проблематике соотносятся с той частью работы, в которой анализируются взгляды Л. Фуллера и Г. Харта, а также рассмотрение проблемы пределов права с точки зрения соотношения права и морали; публикации по правовым аспектам компьютерных игр и киберспорта – с методологической составляющей игровых исследований, отраженных в настоящей работе; публикации по инновационным правовым проблемам цифровой экономики (робототехника, персональные данные в условиях больших данных, интернет вещей и пр.) – с эмпирическим материалом и с областью приложения концепции в «условиях полутени», характерной для медиального поворота. Аналогичное пояснение применимо и к конференциям, о которых речь пойдет далее.

Статьи в российских рецензируемых периодических изданиях, включенных в перечень ВАК *(на момент публикации)*

1. Архипов В.В. Компьютерные игры, «магический круг» и смысловые пределы права // Международный журнал исследований культуры. – 2019. – № 1 (34). – С. 73–87.

2. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective (на англ. языке) // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – № 6. – С. 94–123.

3. Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. – 2018. – № 5. – С. 80–92.

4. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. – 2018. – № 2. – С. 52–68.

5. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – Вып. 6(55). – С. 46–62.

6. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.

7. Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. – 2017. – № 1. – С. 19–27.

8. Архипов В.В., Наумов В.Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2016. – № 2. – С. 186–196.

9. Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. – Москва, 2016. – № 2. – С. 18–25.

10. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. – Москва, 2015. – № 11. – С. 61–69.

11. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – Москва, 2014. – № 9. – С. 69–90.

12. Архипов В.В., Килинкарова Е.В., Мелащенко Н.В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. – Москва, 2014. – № 6. – С. 120–143.

13. Архипов В.В., Азизов Р.Ф. Отношения в сети Интернет формата Web 2.0: проблема соответствия между сетевой архитектурой и правовым регулированием // Закон. – Москва, 2014. – № 1. – С. 90–104.

14. Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – СПб., 2013. – № 2 (307). – С. 93–114.

15. Антонов М.В., Архипов В.В., Поляков А.В. Научная полемика на берегах Майна: XXV Всемирный конгресс по философии права и социальной философии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 4 (297). – С. 7–20.

16. Архипов В.В. Postmortem: «Анатомия права» Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. – 2011. – № 2-2009. – С. 186–203.

17. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. – 2011. – № 2-2009. – С. 708–711.

18. Архипов В.В. «Мораль права» Лона Л. Фуллера: к выходу в свет русского перевода книги // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 5 (280). – С. 113–121.

19. Архипов В.В. Лон Фуллер о соотношении права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 6 (257). С. 145–152.

Статьи в иных российских рецензируемых периодических изданиях

20. Архипов В.В. Правила игры как нормативная система, или что общего между юриспруденцией и гейм-дизайном // Философско-литературный журнал Логос. – Москва, 2015. – Т. 25. – № 1 (103). – С. 214–225.

21. Архипов В.В. Игра всерьез: многопользовательские ролевые онлайн-игры в фокусе российской правоприменительной практики // Петербургский юрист. – СПб., 2013. – № 1. – С. 56–61.

Статьи в зарубежных рецензируемых периодических изданиях

(Web of Science Core Collection)

22. Arkhipov V., Naumov V., The Legal Definition of Personal Data in the Regulatory Environment of the Russian Federation: Between Formal Certainty and Technological Development // Computer Law and Security Review. – Dorchester (UK), 2016. – Volume 32. – Issue 6. PP. – 868–887.

Разделы в монографиях

23. § 8. Правила игры и нормы права в контексте социального конструкционизма // Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под ред. В.В. Савчука. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – С. 135–149.

24. Виртуальные миры и многопользовательские ролевые онлайн-игры в юридической теории и практике // Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования / Под ред. В.В. Савчука. Издательство: Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2014. – С. 105–117.

25. Глава 6. Робот – субъект права (?). Развитие дискуссии (в соавт. с А.В. Незнамовым, В.Б. Наумовым, С.В. Сарбашем, К.М. Смирновой) // Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 79–93.

25. Глава 12. Роботы и персональные данные (в соавт. с А.В. Незнамовым и В.Б. Наумовым) // Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 186–197.

Диссертационные исследования

26. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009.

Учебники и учебные пособия

27. Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 249 с.

28. Архипов В.В., Краевский А.А., Тимошина Е.В. Теория права и государства. Практикум. – Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2015. – 201 с.

Публикации в сборниках научных трудов

29. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: от виртуальной реальности к теории права // Правопорядок и его институциональные основы. Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – С. 56–65.

30. Архипов В.В. Предпосылки концепции смысловых пределов права в контексте современной информационной культуры // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. – М.: ИГП РАН, 2018. – С. 272–286.

31. Архипов В.В., Наумов В.Б. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» // Право и информация: вопросы теории и практики. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Сер. «Электронное законодательство» / Научный редактор Н.А. Шевелева. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2017. – С. 220–228.

Тезисы докладов на российских и зарубежных конференциях

32. Архипов В.В. Правовые риски использования социальных сетей в науке и образовании // Получение, хранение использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Сер. «Электронное законодательство» ФГБУ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина; Науч. ред. Н.А. Шевелева. – СПб.: 2013. – С. 213–218.

33. Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. Speaking About Law: General Fiction of Legal Theory // 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Frankfurt am Main, 2011. – PP. 248–249.

34. Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research // 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Frankfurt am Main, 2011. – P. 248.

35. Arkhipov V.V. Evgeny Pashukanis: Legality and Economic Calculation // Abstracts. Special Workshops and Working Groups (II) of IVR 24th World Congress "Global Harmony and Rule of Law". – Beijing, 2009. – PP. 365–368.

Основные положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на российских научных конференциях: Круглый стол «Искусственный интеллект, нейротехнологии, этика, право и безопасность: междисциплинарный диалог» (Университет ИТМО, 28 июня 2019 г.); Научно-практическая конференция «Алексеевские чтения» (СПбГУ, 13 мая 2019 г.); Российско-китайская конференция по сравнительному праву Российской Федерации и Китайской Народной Республики (СПбГУ, 9-10 апреля 2019 г.); Научно-практическая конференция с международным

участием «Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы» (СПбГЭУ, 9 апреля 2019 г.); Международная научно-теоретическая конференция XIX Спиридоновские чтения на тему «Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы» (Санкт-Петербургский филиал Университета прокуратуры Российской Федерации, 5-6 апреля 2019 г.); Международная научно-практическая конференция «Вторые Бачиловские чтения» (ИГП РАН, 8 февраля 2019 г.); Научно-практическая конференция «Компьютерные игры: культурные интерфейсы и социальные интеракции» (Социологический институт РАН, 19–21 октября 2018 г.); Секция «Киберспортивное право: миф или реальность?» на Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ, 17 мая 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право – Первые Бачиловские чтения» (ИГП РАН, 15–16 февраля 2018 г.); Международная конференция «Творческое наследие Л.И. Петражицкого: история и современность (к 150-летию со дня рождения)» (СПбГУ, 14–15 декабря 2017 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Право и информация: вопросы теории и практики» (Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 15 апреля 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности» (V Международный культурный форум, СПбГУ, 1 декабря 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Правовое регулирования индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики» (СПбГУ, 30 сентября 2015 г.); Всероссийская научная конференция «Компьютерные игры – театр активных действий» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 20 июня 2013 г.); Научно-практическая конференция «Мониторинг правоприменения» (СПбГУ, Министерство юстиции Российской Федерации, 11 июня 2013 г.) Международная научно-практическая конференция «Получение, хранение и использование

информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование» (Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, Санкт-Петербург, 11–12 апреля 2013 г.); Международная научно-теоретическая конференция «Право и глобализация: вопросы теории и истории» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 28 ноября 2008 г.); Всероссийская межвузовская конференция «Принципы права» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 30 ноября 2006 г.),

а также на зарубежных научных конференциях: 29-й Мировой конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR) – “Dignity, Democracy, Diversity” (Университет Люцерна, Швейцария, 7-12 июля 2019 г.); IV Международная конференция “More Than Just a Game” – “Culture, Identities, Freedoms & Artificial Intelligence” (Queen Mary, University of London, Centre for Commercial Law Studies, Лондон, 5–6 апреля 2018 г.); 25-й Мировой конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR) – “Law, Science, Technology” (Университет Гёте, Франкфурт-на-Майне, 15–20 августа 2011 г.); 24-й Мировой конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR) – “Global Harmony and Rule of Law” (Китайское юридическое сообщество, 15–20 сентября 2009 г.).

Эмпирический материал исследования и интерпретация его актуальности и эвристической ценности в значительной степени обусловлены результатами экспертного участия диссертанта в российских и зарубежных научно-практических, практических и деловых мероприятиях, связанных с индустрией компьютерных игр и компьютерного спорта: Winter Nights: Mobile Games Conference 2014 (Санкт-Петербург, 7–8 февраля 2014 г.); DevGAMM Minsk 2014 г. (Минск, 17–18 октября 2014 г.); Games Industry Law Summit 2015 (Вильнюс, 23–24 апреля 2015 г.); DevGAMM Moscow 2015 (Москва, 15–16 мая 2015 г.); Mastering the Game 2015 (Всемирная организация интеллектуальной собственности, Министерство культуры

и национального наследия Польши, Краков, 4–5 ноября 2015 г.); Games Industry Law Summit 2016 (Вильнюс, 28–29 апреля 2016 г.); DevGAMM Moscow 2016 (Москва, 12–13 мая 2016 г.); Mastering the Game 2016 (Министерство культуры и национального наследия Польши, Варшава, 17–18 ноября 2016 г.); Games Industry Law Summit 2017 (Вильнюс, 27–28 апреля 2017 г.); Mastering the Game 2017 (Министерство культуры и национального наследия Польши, Варшава, 16–17 ноября 2017 г.); Games Industry Law Summit 2018 (Вильнюс, 3–4 мая 2018 г.); Games Industry Law Summit 2019 (Вильнюс, 2–3 мая 2019 г.).

Основные положения диссертационного исследования прошли научную экспертизу: в рамках взаимодействия с участниками исследовательского проекта при финансовой поддержке гранта РНФ № 16-18-10162 «Новый тип рациональности в эпоху медиального поворота» (СПбГУ) – в части подготовки раздела в монографии «Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр»; в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Определение и оценка аспектов влияния компьютерных игр на общественно-экономические процессы: анализ и обобщение зарубежных исследований (психология и юриспруденция) в 2016 – 2017 гг. (СПбГУ); в рамках научно-исследовательской работы при поддержке СПбГУ «Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до “виртуальной собственности”» в 2013 году (СПбГУ). За рукопись статьи «Концепция права Л. Фуллера: опыт неклассической интерпретации», отражающую опыт применения методологии философии «позднего» Л. Витгенштейна к философско-правовым концепциям Решением Ученого совета СПбГУ (Протокол № 6 от 27.06.2005 г.) диссертант был признан победителем конкурса научных трудов молодых ученых и специалистов СПбГУ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, объединяющих семнадцать параграфов, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы и трех приложений.

ГЛАВА 1. Постановка проблемы в свете методологического подхода, эмпирического материала и социокультурного контекста

§ 1. Общие замечания о методологическом подходе исследования: лингвистическая философия и социальный конструкционизм

Прежде чем перейти непосредственно к предмету настоящей работы, целесообразно конкретизировать основные методологические представления, определившие содержание и направленность исследования, поскольку *в условиях постклассической научной рациональности невозможно игнорировать особенности субъекта научного познания*. Такая «методологическая декларация» основных подходов автора в начале работы позволит объяснить выбор темы исследования, заранее очертить его парадигмальные пределы и соотнести его с определенной научной традицией. Задачей настоящего параграфа не является при этом исчерпывающее описание собственно методов решения проблемы реконструкции семантических пределов права – этому посвящены Главы 2 и 3 исследования.

В целом, настоящее исследование отражает опыт *философско-правового* осмысления той части процессов трансформации общества в условиях цифровой экономики, которая связана с явлением, часто именуемым как «виртуальная реальность». Содержательным поводом к исследованию послужил интерес автора к тому, каким образом развитие именно социальных практик (т.е. общественных отношений как таковых, а не их предмета – информации), связанных с участием социальных субъектов во взаимодействии в «виртуальной реальности» влияет на фундаментальные представления о праве. Одним из основных же методологических поводов к исследованию послужила общая для философии права XX века

проблематика, концептуализированная Г. Хартом в понятии «область полутени».[68] Если Г. Харт считал, что к наиболее ярким примерам такой области относится первобытное право и международное право, то в настоящей работе, по сути, обосновывается тезис о том, что на текущем этапе развития общества основную «область полутени» как раз и составляют явления, относящиеся к взаимодействию людей в виртуальном пространстве, которое в самых общих чертах нередко, на первый взгляд, предполагает «серьезные» отношения по поводу «несерьезного» предмета. Подобно тому, как Л. Лессиг полагал, что изучение вопросов «киберправа» позволит пролить свет на ряд общих проблем юриспруденции,[69] так же и в настоящей работе может быть усмотрена, прямо или между строк, мысль о том, что изучение вопросов взаимодействия людей в новых виртуальных средах может пролить свет на практики и феномены, предшествующие современной «виртуальной реальности».

Что касается различных способов исследования, то общий контекст работы, как уже было намечено, определен постклассическим типом научной рациональности,[70] одним из центральных аспектов которого является т.н.

---

[68] Как, например, Е.А. Баженова описывает сущность данной проблематики в изложении Г. Харта: «И в системе прецедентного права, и в системе статутарного (законодательного) права юридические нормы отличаются качеством неопределенности. Такая неопределенность связана с природой языка, поскольку многие понятия в языке носят общий характер и не могут охватить собой все случаи и факты, которые возникнут в будущем. Тезис о неопределенности правил и юридического языка Харт основывает на различении «ядра» / «сердцевины» (*core*) и «полутени» (*penumbra*) значения, присущего правовым нормам (составляющим их словам и выражениям). В пример Харт приводит понятие “транспортного средства” и запрет на нахождение транспортных средств в парке. Ясно, что это понятие включает в себя такие определенные случаи, как автомобили, автобусы или мотоциклы. Однако включает ли оно с такой же неизбежностью велосипеды, игрушечные машинки с электрическим двигателем или роликовые коньки?». См.: Баженова Е.А. Философия права Г.Л.А. Харта: учеб. пособие / Е.А. Баженова; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: изд-во ВлГУ, 2016. – С. 30. Отметим, что взгляд Л. Фуллера, критиковавшего саму постановку проблемы «полутени» значений, согласно которому мы никогда не сможем определить «центральное» и «периферическое» значение слов, прежде чем определим цель законодательного акта (или правовой нормы прецедентного права), определяющую контекст и пространство возможных коннотаций, саму постановку проблемы в контексте настоящего исследования вовсе не исключает.

[69] См.: Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website. – [Site]. – URL: http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (accessed: 26.01.2019).

[70] В вопросе периодизации науки автор разделяет позицию, предложенную Е.В. Тимошиной об избыточности «постнеклассики» в теории права. Как отмечает Е.В. Тимошина, «выделение в теории права еще одного этапа – так

«лингвистический поворот» или «лингвистическая революция», предопределившие внимание ученых к основному инструменту познания социально-гуманитарных наук, а именно к естественному языку. На первых порах – к его логике, на последующих – к семантике, осмысливаемых как ключевые факторы, определяющие отношение субъекта к значению и роли результатов процесса познания. Автор в целом придерживается комплекса общих методологических идей, проистекающих из философии «позднего» Л. Витгенштейна[71] и исходит из того, что значительная часть научных рассуждений, многие из которых сосредоточены вокруг терминов и их принципиальной «правильности» и «неправильности», методологически ошибочна. В большей степени в социально-гуманитарных науках, и в меньшей – в

называемой постнеклассики, в свое время заимствованной из концептуальной схемы В.С. Степина, видится избыточным. Как известно, В.С. Степин, прежде всего применительно к истории естествознания, выделял три типа научной рациональности – классический, неклассический и постнеклассический. Однако его позиция даже в качестве концептуализации истории и современного состояния естествознания не стала общепризнанной. В социогуманитарном же знании, в том числе – в теории (философии, социологии) права, такая типология представляется избыточной, так как положенные в ее основание и ориентированные на историю естественных наук критерии: типы изучаемых наукой системных объектов (соответственно, простые, сложные, саморазвивающиеся), а также «глубина рефлексии по отношению к самой научной деятельности» – не соотносимы с историческим развитием собственно теоретико-правового знания. Во всяком случае без разработки критериев соответствующей типологии правопонимания, которые позволили бы обосновать выделение также и постнеклассического правопонимания, говорить об этом несколько преждевременно… Соответственно, методологически оправданным видится выделение классического и постклассического (или, что то же самое, – неклассического) правопонимания. Поддержку такой позиции можно найти у В.С. Швырева, который, комментируя предложенную В.С. Степиным типологию, предлагал исходить "прежде всего, из различения классической и неклассической в широком смысле, или, может быть, во избежание терминологичесокй путаницы лучше говорить – постклассической рациональности". Кроме того, и сам автор данной концептуальной схемы В.С. Степин в своей последней монографии исходит уже из разделения научной рациональности на классическую и неклассическую…». См.: Тимошина Е.В. Классика, постклассика… неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 4 (315). – С. 8–9. Приведенные позиции представителей истории и методологии науки отражены в следующих публикациях (ссылки позаимствованы у Е.В. Тимошиной): Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М., 2000. – С. 633 – 635; Швырев В.С. Мой путь в философии // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2009. – С. 231–232; Степин В.С. Человеческое познание и культура. – СПб., 2013. От себя отдельно отметим еще одну причину избыточности постнеклассики в периодизации юридической науки: предполагается, что в трехзвенной периодизации на неклассической стадии происходит лингвистический поворот. Казалось бы, он должен был бы отразиться на стиле и структуре мышления и использования языка в юридических исследованиях – но, к несчастью, отражение осознания зависимости результатов познания от используемого языка в большинстве конкретных примеров юридических текстов мало отличается от подходов, свойственных XIX веку…

[71] Весьма характерна следующая цитата из Л. Витгенштейна: «Для большого класса случаев хотя и не для всех, где употребляется слово "значение", можно дать следующее его определение: значение слова — это его употребление в языке. А значение имени иногда объясняют, указывая на его носителя» (§ 43 «Философских исследований», написанных в 1945 году). См. напр.: Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 347 с.

естественных, ученые, скорее, формулируют определенные инструментальные вербальные концепции, которые должны оцениваться, в первую очередь, с точки зрения системности, внутренней логической непротиворечивости и «работоспособности». Можно сказать, что, согласно Л. Витгенштейну, «сущность» обретается в грамматике языка, значение слова есть его употребление, и, соответственно, используемые, в том числе, и в науке термины не могут претендовать на семантическую универсальность – их значения реконструируются в контексте.[72] Такой подход допускает определенную долю терминологической гибкости в исследовании. Кроме того, с точки зрения терминологии учения «позднего» Л. Витгенштейна, речь идет о «языковых играх», которые, тем не менее, ведутся на самом высоком уровне и, уже в свете иных концепций, относящихся, скорее, к области социологии знания, представляют собой своего рода способ не столько «открытия» в естественно-научном смысле, сколько средство воспроизводства и развития самого «изучаемого» явления.[73]

---

[72] Комментируя п. 3.262 «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна («То, что нельзя проявить в Знаке, обнаруживается в его употреблении. То, что проглатывают Знаки, проговаривает их употребление»), В. Руднев отмечает: «Имя (простой Знак) лишено Смысла, оно обладает только референцией (Bedeutung). Но стоит Имени появиться в Пропозиции, в конкретном употреблении, как Смысл его как бы проговаривается наружу. Имя «стул» просто указывает на стул, но, появившись в пропозиции «Он сидел на стуле», Имя раскрывает свой Смысл, имплицитно заложенный в нем. В Имени, таким образом, заложена Возможность Смысла (т.е. Имя не вовсе бессмысленно), который актуализируется при употреблении в конкретной Пропозиции. *Данный раздел в свернутом виде уже содержит семантическую теорию, разработанную Витгенштейном в "Философских исследованиях", в соответствии с которой значение слова и есть его употребление (для позднего Витгенштейна понятия Значения и Смысла сливаются) [Wittgenstein 1967: § 43]* (выделено мною – ***B.A.***)». См.: Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 68.

[73] Данная интерпретация основана как на упомянутых трудах самого Л. Витгеншейна, так и на последующих интерпретациях. Подробный и глубокий анализ идей мыслителя на русском языке можно также найти в следующем издании: Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М.: Институт философии Российской академии наук, 1996. – 169 с. Приведем несколько высказываний М.С. Козловой о концепции языковых игр: «Преодолевая прежние, ранее казавшиеся ему безупречными, позиции, Витгенштейн приходит к выводу: постижение сути высказываний, значений слов – и не в последнюю очередь важнейших философских положений, понятий – требует е искусства проникать в их *скрытую* логическую структуру, заключенный в них смысл, а предполагает нечто совсем иное. Что действительно необходимо, – таково теперь его убеждение – так это умение ориентироваться в *действии, функциях* языка, его практическом использовании в "ткани" самой жизни, поведения, - то есть там, где работа слов, фраз вполне открыта взору. При таком реалистичном (его еще называют прагматическим), земном взгляде на вещи базовыми структурными образованиями языка Витгенштейну представились не искомые прежние некие его *предельные* элементы в виде *элементарных* предложений, соотнесенных с простейшими (тоже *предельными*) *ситуациями* и якобы составляющими своего рода «субстанцию» языка. В рассуждении, повествовании, чтении, письме и иных формах речевого разумения

Необходимость данного комментария во многом обусловлена практиками, распространенными в современной юридической науке. Как отмечает Дж. Фэйрфилд в недавней статье, название которой содержит намек на применение рассматриваемой общей методологии в области юриспруденции («Языковая игра неприкосновенности личной информации» – "*The Language-Game of Privacy*"):

> «Ученые-юристы, однако, страдают необходимостью определять. Они осуществляют это посредством ассоциирования слова с примерами или случаями, которые представляет слово, а также посредством исключения примеров и случаев, которые, как они полагают, выпадают из значения. Такое определение часто искусственное. Представим себе определение «добросовестности» в договоре, которое дается юристами, составляющими его текст, так, чтобы оно включало вещи, не имеющие очевидной связи со значениями «добра» и «совести». Разумеется, такой подход необходим в случае с задачами вроде договорного права, поскольку договорные определения представляют собой основу для внимательного осуществления судами своей власти. Но юристы время от времени неспособны понять, что их тщательно отчеканенные определения в точности таковыми и являются – изувеченными, искалеченными и выдавленными версиями слов, которые живут более богатой жизнью за пределами договора или университета. Технико-юридические термины (англ. "*legal terms of art*") с необходимостью лишаются большой части их естественного значения посредством самого процесса определения. Юридико-технические термины представляют собой экспликации: *особые инструменты для особых контекстов, а не объяснения значения терминов* (выделено мною – ***В.А.***)».[74]

Автор далее отмечает, что

высвечивались "семейства" более или менее родственных друг другу, подвижных и живых функциональных систем, практик. Витгенштейн назвал их *языковыми играми»* (с. 7); «*Языковые игры* – своеобразный аналитический метод (совокупность приемов) *прояснения* языка, *высвечивания* его функций, работы. Он мыслится как поиск выходов из разного рода концептуальных тупиков, которыми изобилует философская традиция» (с. 10); «Идея языковой игры предполагает, что язык – явление в *принципе* нестатичное, что он – подобно исполнению музыки, сценическому действию, спортивным и иным играм – динамичен по самой своей природе, живет лишь в действии, деянии, в практике коммуникации. Витгенштейн подчеркивал: знаки как нечто "вещественное" – в звуковом, письменном, печатном виде – мертвы, но это не значит, что к ним, дабы вдохнуть в них жизнь, нужно добавить что-то принципиально иное по сравнению с материальным – нечто сугубо *духовное*. Это старое-престарое затруднение философ разрешает по-своему: жизнь знаку дает его применение! А таковое, понятно, предполагает реальную *жизнь* языка или языковую *игру*. Толкование значения знака как способа его *употребления* и принцип языковых *игр* – аспекты по сути единой позиции» (с. 12). См.: Козлова М.С. Идея "языковых игр" // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М.: Институт философии Российской академии наук, 1996. С. 5 – 24.

[74] Fairfield J., The Language-Game of Privacy // Michigan Law Review. – 2018. – Vol. 116. – Issue 6. – PP. 1174–1175.

> «…нет ничего плохого в точно определенных юридико-технических терминах. Проблема возникает тогда, когда юристы-практики и ученые не оговаривают, что они используют общеупотребительный термин как юридико-технический – что они применяют лишь одну экспликацию термина, а не все его значение. И это особенно актуально в случае, когда они делают заявления о сущностном значении терминов. Для мыслителя в области права сказать, что неприкосновенность личной информации «является» чем-то – посредством отсылки к праву, статуту и юридической теории – очень часто означает то же самое, что сказать, что неприкосновенность личной информации «не является» тем, что мы привыкли понимать под этим в обычной ситуации. С точки зрения лингвиста это неправильно. И даже юристы должны понимать, что «неприкосновенность личной информации» не является технико-юридическим терминов. Она не может им быть. Мы задаемся вопросом о том, есть ли у обычных людей разумные ожидания о неприкосновенности их личной информации. Значение данного термина в большой степени зависит от того, что ожидают люди, когда считают что-либо «неприкосновенным». Неприкосновенность личной информации практикуется в спальной и ванной комнатах, но не в комнате суда. И нам необходимо идти по пути лингвистов».[75]

Функционально в данном тексте приведенные цитаты проясняют одновременно две вещи: подход автора настоящего исследования к юридической терминологии (термины не «высечены в камне», не отражают какие-либо «сущности», а инструментальны) и, в то же время, иллюстрируют один из тезисов работы – в особом смысле приведенной методологии Дж. Фэйрфилда, концепция семантических пределов права нацелена на определение правил соотнесения семантики «юридико-технических терминов» с семантикой их прототипов, соответствующих естественному языку.

В развитие приведенных идей имеет смысл также заострить внимание и на том аспекте, что социальный конструкционизм (который составляет часть методологии определения семантических пределов права во взаимосвязи с концепцией обобщенных символических посредников, как это будет показано в Главах 2 и 3 настоящего исследования), лежит и в основе общего научного мировоззрения, предопределившего содержание и направленность настоящего исследования, а также методику его построения. Идеи, выраженные в книге П. Бергера и Т. Лукмана

[75] Ibid. P. 1169.

«Социальное конструирование реальности»,[76] часто выступающие предметом анализа, переосмысления и дискуссии в рамках Санкт-Петербургской школы философии права, позволяют рассматривать право как социальный институт, имеющий субъективно-объективную природу. Сложно не согласиться с концепцией правогенеза, представленной в трудах А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной, согласно которой право представляет собой явление, конструируемое в процессе коммуникации субъектами, осуществляющими последовательность коммуникативных действий, в результате которых и формируется данный социальный институт. Действия социальных субъектов, проявляющих себя вовне, т.е. осуществляющих экстернализацию, проходят процессы хабитуализации (опривычивания) в случае, если они позволяют наилучшим образом достичь социально значимой цели.[77] Опривыченные действия впоследствии взаимно типизируются и формируют образцы поведения социальных субъектов. Типизированные действия интернализируются – усваиваются социальными субъектами в процессе коммуникации. Таким образом формируются социальные институты, и право представляет собой один из таких социально-конструируемых институтов.[78] Что это означает для методологии юридической науки?

Как минимум, что такие термины как «наука», «исследовать», «разрешать научную проблему» и прочие им подобные, столь привычные для академического дискурса, обладают некоторой долей условности или метафоричности. С уважением

---

[76] См. напр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

[77] Отметим, что вопрос о том, какие цели рассматриваются в качестве «социально-значимых» и составляют, в определенном смысле, предмет настоящего исследования. Можно легко принять данное выражение за самоочевидное, но юридическая практика нуждается в четких ориентирах, которые, как нам кажется, и может предложить «соединенная» с теорией [предмета] правоотношения в юриспруденции концепция обобщенных символических посредников из теоретической социологии.

[78] См.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – С. 75 – 81. Как отмечают авторы: «Институциональный мир, как и любой отдельный институт, – это объективированная человеческая деятельность. Это означает, что, несмотря на то что социальный мир отмечен объективностью в человеческом восприятии, тем самым он не приобретает **независимости от человеческой деятельности**, в процессе которой он создается» (с. 80).

относясь, например, к своего рода платонической традиции юснатурализма, тем не менее, отметим, что о праве в целом нам известно главным образом то, что оно «существует» в качестве коммуникативной практики, которая воспроизводится в процессе взаимодействия людей, разделяющих определенный минимум общих ценностей. Более того, когда мы произносим слово «право», не следует питать иллюзии о том, что мы однозначно имеем в виду строгое, раз и навсегда определенное смысловое поле. Напротив, вся история развития правовой мысли показывает многообразие возможных значений или, если быть точным, нюансов значений и различного распределения удельного веса между различными смысловыми составляющими термина «право». Здесь натуральным образом можно высказать фразу: «Юридическая наука принципиально отличается от естественных и точных наук». С одной стороны, она точно выражает смысл. С другой стороны, она может быть интерпретирована как иносказание фразы «Термин “наука” используется в отношении юриспруденции и в отношении естественных и точных наук в разных смыслах». Что совершенно нормально, просто таковы правила устоявшейся «языковой игры» в терминологии Л. Витгенштейна. И право, и указанные неюридические науки, действительно, объединяет принцип формирования знаний за счет абстрактных терминологических моделей. В то же время, в самом общем виде, такие абстрактные терминологические модели юриспруденции отличаются от естественно-научных и тех, что свойственны точным наукам. Наивный вопрос о том, как можно считать наукой право, если право – это то, что создается людьми, на деле становится выражением фундаментальной природы юридического знания. Юридическая наука лишь частично изучает объективные по отношению к конкретному субъекту факты. В другой части юридическая наука эти факты изменяет и создает в рамках сложной коммуникативной деятельности.

Таким образом, общая методология настоящего исследования, определяющая субъективный, но научно-обоснованный взгляд автора на то, каким образом исследование должно строиться, предполагает следующие основные посылки:

Во-первых, термины «юридическая наука», «исследование», «разрешение научной проблемы» и прочие подобные отчасти представляют собой иносказание для процесса конструирования правовой реальности как субъективно-объективной реальности, предполагающей «картографирование» действительности в рамках моделей нормативных общественных отношений.

Во-вторых, «конструирование» такой субъективно-объективной реальности, хотя и содержит в себе элемент творческого усмотрения, развивается в рамках *sui generis* «языковой игры» (в терминологии «позднего» Л. Витгенштейна). Дискурсивная практика юридической науки, в рамках которой осуществляется настоящее исследование, – это практика языковой игры. Однако уже сейчас отметим, что игра как таковая – не всегда несерьезна.

В-третьих, языковая игра – это, прежде всего, игра. И, как у всякой игры, у нее есть правила, которые и определяют ее как явление. Если не соблюдать правила игры, то игра исчезает. Если обращаться к «несерьезным» примерам настоящей работы, лучше всего это видно на примере настольных ролевых игр.[79] Право также может быть представлено как своего рода языковая игра, а любая игра существует лишь постольку, поскольку соблюдаются ее правила.

В-четвертых, как уже было отмечено, если нарушать правила языковой игры под названием «право», то такая языковая игра перестает существовать. Нарушитель этой игры, говоря уже языком Й. Хёйзинги, – «шпильбрехер»,[80] который портит

[79] Они «существуют» лишь постольку, поскольку их участники поддерживают коммуникацию «как если бы» (вспоминая “*als ob*” Х. Файхингера) разговор шел о событиях, происходящих «на самом деле».

[80] Нем. spielbrecher, букв. «ломающий игру».

игру, разрушает ее. В итоге, уже сейчас становится очевидно, что семантические пределы права определяются пограничными случаями права как «языковой игры».

Завершая разговор об общей методологии, отметим, что основной посыл работы двойственный и, в некотором смысле, «авторефлексивный». С одной стороны, исследуемый феномен, обозначенный термином «семантические пределы права», представляет собой явление, которое актуализируется на современном этапе информационного общества, культура которого характеризуется дуализмом *вымышленного* (художественного, виртуального, симулятивного, несерьезного) и *настоящего* (документального, реального, настоящего, серьезного), эпитомией чего являются виртуальные игровые контексты. С другой стороны, в свете такой методологии, к праву как к коммуникативной практике, конституирующей институт субъективно-объективной социальной реальности, самому по себе применима метафора «языковой игры», и объяснение семантических пределов права весьма органично строится на такой методологии, имеющей в своей основе лингвистический поворот постклассического типа научной рациональности и социальный конструкционизм. Таким образом, закономерно, что и право само по себе может быть рассмотрено как [языковая] игра. В самом таком взгляде, несмотря на некоторую, возможно, кажущуюся спорность с консервативных эстетических и этических позиций, *модель* описания права, – подчеркнем, одна из возможных, – предполагающая опору на игровые метафоры представляется вполне работоспособной. Более того, как ни странно, такая точка зрения, в социально-гуманитарном дискурсе в целом, и философии права в частности, уже встречался опыт осмысления юридической реальности именно в таком направлении, что и продемонстрировано в настоящем исследовании.

§ 2. Правовые коллизии игровой деятельности в цифровой среде как исходная посылка исследования

Игровая деятельность в цифровой среде,[81] не относящаяся к азартным играм в юридическом смысле слова,[82] и возникающие в связи с ней правовые коллизии, определяет исходные посылки настоящего исследования. В настоящем параграфе исследования заострим внимание на наиболее релевантных аспектах проблемы, стремясь не повторять (кроме нескольких принципиальных) те положения и тезисы, касающиеся юридических исследований в области игровой деятельности, которые развивались автором с 2011 года.[83] Отметим только, что интерес к данной проблематике только растет, о чем свидетельствуют и последние публикации, в которых отражаются идеи, по существу созвучные тем, которые были представлены автором настоящего исследования уже более пяти лет назад, что, вероятно, можно только приветствовать с точки зрения легитимации проблемы в научном дискурсе.[84]

---

[81] Здесь в контексте настоящей работы мы подразумеваем отсылку к гипотетическим и актуальным правовым коллизиям, возникающим при взаимодействии между игроками и игровыми компаниями, а также между самими игроками без участия игровых компаний, применительно, в первую очередь, к разного рода «виртуальным мирам» и многопользовательским ролевым онлайн-играм, поскольку в продуктах индустрии цифровых развлечений этого жанра в наибольшей степени проявляется свойство *постоянства* (“*persistence*”) виртуального мира, понимаемого в узком технологическом смысле. Подразумеваются примеры от классического объекта социально-гуманитарных наук – *Second Life*, – до современных проектов вроде *The Elder Scrolls: Online*, а также малоисследованные, но весьма перспективные для *game studies* классические текстовые игры – *Achaea*, *Aardwolf* и др.

[82] Юридические критерии азартных игр в России и за рубежом предполагают существенное отличие таковых от не азартных компьютерных игр, как иммерсивных, так и киберспортивных. Отграничение азартных игр от не азартных более подробно исследуется в следующем параграфе, поскольку эти явления остаются во многом в одном контексте обсуждения и критики. Любопытно, что право давно выработало подходы к азартным играм, но к современным компьютерным – еще нет, и время от времени правовые коллизии вызваны именно несоответствием подходов, применимых к азартным играм, природе отношений, возникающих в связи с иммерсивными компьютерными играми.

[83] Речь идет, в частности, о следующих публикациях: Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper [Electronic resource] // Social Sciences Research Network. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019) и Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – СПб., 2013. – № 2 (307). – С. 93-114, а также более поздних работах, приведенных в настоящем исследовании.

[84] См. напр.: Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Том 13. – № 2. – С. 9–35.

На наш взгляд, как практические, так и теоретические[85] проблемы многопользовательских онлайн-игр с постоянной (англ. “persistent”) средой представляют крайне удачный срез правовой проблематики цифровой эпохи и медиального поворота[86] – не только «до сих пор» (основной этап исследований пришелся на первую декаду XXI века), но и «особенно сейчас», поскольку именно переосмысление общей социокультурной значимости данной проблематики заставляет задуматься о том, что дело, наверное, не только в играх – оно в изменении социальных практик в условиях медиального поворота в целом. Данная точка зрения основана, в том числе, и на той оценке, которую методологическому потенциалу правовых коллизий игровой деятельности в цифровой среде давали ведущие современные теоретики права, включая Р. Познера.[87]

Для простоты, но без потери смысла, мы можем использовать термин «виртуальный мир» для того, чтобы отразить ту область социальных практик, которые являются основным предметом исследования в настоящем параграфе. В контексте информационных технологий данный термин означает симулируемую компьютерными средствами относительно постоянную среду, в которой пользователи взаимодействуют друг с другом посредством обособленных виртуальных репрезентаций («аватар»). Так, один из первых современных исследователей виртуальных миров в юридическом контексте Б.Т. Дюранске отмечал, что все виртуальные миры представляют собой симулируемые компьютерными средствами пространства (среды), все предназначены для

[85] На практике эти проблемы периодически проявляются, однако нельзя сказать, что количество дел и их значимость для экономического и социокультурного пространства столь велики, чтобы такое положение дел можно было бы считать критическим для всего общества. В то же время, мы придерживаемся тезиса о том, что это не отменяет фундаментальной значимости примера для цифровой эпохи и общества в условиях медиального поворота.

[86] Более подробное обоснование данного тезиса было представлено в следующей публикации: Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – СПб., 2013. – № 2 (307). – С. 93–114.

[87] См. напр.: Au W.J. Second Life of Judge Richard A. Posner [Electronic resource] // New World Notes. – [Site]. – URL: https://nwn.blogs.com/nwn/2006/12/the_second_life.html (accessed: 04.02.2019).

«заселения» аватарами, все допускают взаимодействие между пользователями, многие обеспечивают сохранение пользовательского контента (англ. “user generated content” или “UGC”), во многих есть экономические системы.[88] История виртуальных миров насчитывает уже не один десяток лет, первые из наиболее значимых появились на рубеже 1980-х гг.[89] С точки зрения как теоретической социологии, так и игровых исследований (англ. “game studies”), может вызывать интерес то обстоятельство, что в играх складывается обособленный контекст общения, который позволяет задуматься о квалификации отношений в них как «виртуальной социальной реальности», подобно тому, как в социальном конструкционизме концептуализируется социальная реальность как таковая.[90] В таких условиях определенные артефакты виртуального мира начинают восприниматься пользователями как достаточно ценные для того, чтобы тратить на них реальные ресурсы. За счет этого сформировалась и экономическая модель, используемая в игровой продукции, предполагающая возможность «продажи» виртуального контента за реальные деньги пользователям игровыми компаниями, а также «[в основном] серый[91] рынок» торговли виртуальными предметами между самими игроками.

Появление относительно реального экономического компонента виртуальных правовых отношений породило три взаимосвязанных вопроса. *Во-первых*, можно ли применять «реальное» право к отношениям в игре, и если да – то в каких случаях.

---

[88] Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. 2008. P. 2.

[89] См.: Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований. С. 96–97.

[90] Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований. С. 98. Более подробно данное направление мысли было развито автором в работе, подготовленной для целей участия в 25 Мировом конгрессе Международной ассоциации философии права и социальной философии, см.: Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper [Electronic resource] // Social Sciences Research Network. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019).

[91] «Серый» – поскольку пользовательские соглашения чаще всего содержат запреты игрокам на совершение «сделок» с виртуальными предметами.

Во-вторых, каким образом квалифицировать «виртуальное имущество» с точки зрения гражданского права. *В-третьих*, если мы допускаем возможность вмешательства «реального» права в отношения с «виртуальным имуществом», в какой степени и в каких случаях возможно вмешательство «реального» права *в другие области виртуальных отношений*. Контекст этих вопросов наглядно может быть отражен в аннотации к книге «Виртуальная справедливость» (англ. "*Virtual Justice*", 2010)[92] Г. Ластовки, профессора Школы права Рутгерского университета (ныне, к сожалению, почившего), одного из ключевых исследователей правовых аспектов виртуальных миров:

> «Десятки миллионов людей сегодня проживают часть своей жизни в виртуальном мире. В таких местах как *World of Warcraft*, *Second Life* и *Free Realms*, люди находят друзей, организуют сообщества, создают предметы искусства и зарабатывают реальные деньги. Расцветает виртуальный бизнес, и миллиарды долларов идут в оплату пикселей на экране. Но иногда дело может пойти не так, как надо. Виртуальные преступники обманывают онлайн-сообщества в поисках реальной выгоды. Люди чувствуют себя обманутыми, когда их аватары теряют виртуальную собственность по вине злоумышленников. Все больше и больше в поиске решений они обращаются к [реальным] правовым системам. Но какой закон может вам помочь, если ограблен ваш аватар?»[93]

Обратимся к примерам правовых коллизий игровой деятельности в цифровой среде, но подчеркнем, что **для целей настоящего исследования нам необходимо выявить общетеоретическую проблему, репрезентативным примером которой они выступают**. Вопросы подхода и правовой квалификации игровых отношений и виртуальной собственности в узком смысле слова нам интересны только в той части, в которой они служат делу развития основного содержания исследования. В связи с этим, в настоящем параграфе будет приведен далеко не весь комплекс дел,

---

[92] См.: Lastowka G. The New Laws of Online Worlds (Annotation) [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice (accessed: 04.02.2019).

[93] Lastowka G. The New Laws of Online Worlds (Annotation) [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice (accessed: 04.02.2019).

связанных с отношениями в рамках компьютерных игр, а лишь иллюстративные примеры, иначе мы рискуем уйти от основного тезиса настоящей работы, который заключается в том, что в условиях медального поворота (отражением которого в полном и совершенном смысле слова и являются виртуальные отношения в играх), может и должна быть переосмыслена универсальная проблема, которая может быть определена как проблема семантических пределов права.[94] Для этого обратимся к нескольким репрезентативным делам из российской правовой системы, затем представим краткий обзор развития юридической практики в данной области в зарубежных странах.

Одни из первых дел в России, в которых была затронута рассматриваемая проблематика, связаны с исковыми требованиями пользователя, которого заблокировали в нескольких онлайн-играх в связи с подозрением о нарушении правил игры. Пользователь полагал, что нарушены его права как потребителя, однако суд счел необходимым применить положения Главы 58 ГК РФ («Проведение игр и пари»). Напомним, что п. 1 ст. 1062 ГК РФ предусматривает, что требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите, за исключением требований лиц, принявших участие в играх или пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари, а также требований, указанных в пункте 5 статьи 1063 ГК РФ (о требованиях, связанных с неисполнением организатором игр обязанности по выплате выигрыша). Применение данной статьи, ориентированной на собственно внутриигровые события, будь то азартные, спортивные и иные, в том числе, многопользовательские компьютерные

[94] Как бы автору не хотелось превратить это исследование в книгу, аналогичную «Виртуальной справедливости» Г. Ластовки или «Виртуальному праву» Б. Дюранске.

игры, сомнительно, но в этом и заключается суть проблемы.[95] Пример такого правоприменения отражен, собственно, в Определении Басманного районного суда города Москвы от 01.06.2011 по делу № 11-43/11 и делу № 11-115/09, Определении Московского городского суда от 10.03.2011 по делу № 4г/1-1668 и, наконец, сам подход нашел отражение и в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.06.2011 № 684-О-О (в котором термин «игра» в ст. 1062 ГК РФ был сочтен формально-определенным).

В деле, которое слушалось в Басманном районном суде города Москвы, истец требовал возмещения материального ущерба, взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами и компенсации морального вреда. В период с 16.02.2009 г. по 23.02.2009 г. ответчиком (игровой компанией) учетная запись истца была заблокирована, в связи с чем, по мнению истца, сокращением на три дня срока пользования виртуальным предметом, а также сокращением на семь дней срока пользования платной подпиской на игровой сервис, ему был причинен материальный ущерб. Суд первой инстанции вынес решение об отказе в удовлетворении иска (что впоследствии подтвердил и суд апелляционной инстанции). Хотя суд согласился с тем, что сама возможность участия в игре опосредуется договором, он пришел к выводу, что возможность применения права как бы завершается в тот момент, когда пользователь согласился с правилами игры. Дальнейшая правовая оценка действий пользователя, в свою очередь, зависела уже от оценки того обстоятельства, соблюдал или нет пользователь данные правила, но

[95] Точное и всестороннее обобщение дискуссии по поводу термина «азартная игра» в ст. 1062 ГК РФ приводит Е.А. Останина в следующей статье: Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей [Электронный ресурс] // Право в сфере Интернета: Сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», С. 188–210. Е.А. Останина также приводит в пример несколько исследований, в которых рассматривается возможность уточнения терминологии ст. 1062 ГК РФ и включения прямого указания на «азартные игры…». См., в частности: Багно Ю.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из игр и пари: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004; Павленко П.В. Гражданско-правовое регулирование игр, пари и смежных с ними институтов гражданского права (сравнительный аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009.

данная квалификация уже не входила в предмет рассмотрения суда. В доктрине, включая специальные работы по вопросам виртуальной собственности и автора настоящего исследования, данная правовая квалификация считается спорной. Причина в том, что в случае, когда пользователь осуществляет оплату какой-либо ценности (пока не будем утверждать, что это, например, услуги) *«реальными» деньгами* в «виртуальном» мире, потенциально возможно действие Закона Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».[96] Момент, действительно, сложный для аргументации: с одной стороны, в отношениях фигурирует ценность, имеющая однозначно «реальное» значение (деньги), с другой стороны вопрос о возможности соответствующего возмещения пользователю зависит от правил игры.

Другой подход был впоследствии реализован в аналогичных по фактам последующих спорах. Так, Б. Семенюта, приводящий актуальный на 2014 год обзор практики по данному вопросу,[97] ссылается на Определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26.05.2013 г., в котором суд указал, что

> «…в интерактивной компьютерной онлайн-игре... отсутствует условие о "выигрыше", т.е. о денежных средствах или ином имуществе, в том числе имущественных правах, подлежащих выплате или передаче участнику азартной игры при наступлении результата азартной игры, предусмотренного правилами, установленными организатором азартной игры, в связи с чем отсутствует существенное условие "азартной игры" или "пари". В связи с тем, что интерактивная компьютерная онлайн-игра... не является азартной игрой или пари, положения главы 58 ГК РФ, в том числе и ст. 1062 ГК РФ, применению не подлежат».

---

[96] Игровой сервис в целом вполне укладывается в основополагающие определения данного закона, согласно которым «потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» (абз. 3 Преамбулы), а «исполнитель – организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, выполняющие работы или оказывающие услуги потребителям по возмездному договору» (абз. 4 Преамбулы).

[97] См.: Семенюта Б. Онлайн-игры: правовая природа отношений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 8. – С. 38 - 45.

В указанном деле суд квалифицировал правовые отношения между игровой компанией и игроком как отношения между профессиональной стороной (исполнителем) и потребителем. Эта квалификация, на первый взгляд, выглядит более разумной, поскольку в отношениях между игровой компанией и пользователем, определенно присутствует, как минимум, элемент договора оказания услуг, который является (в случае с подпиской) или может быть (в случае с условно-бесплатной или "*free to play*" моделью виртуального мира) возмездным. Оставим вопрос о фактах и их оценке суду и частноправовым исследованиям, а для целей нашей работы подчеркнем, что возмездность услуг, возможно, является основанием для применения законодательства о защите прав потребителей вполне обоснованно не только в силу догматических или отраслевых соображений, но и в силу определенных фундаментальных особенностей отношений, возникающих между пользователями и игровыми компаниями.

В этом контексте подход, согласно которому отношения между игровой компанией и пользователем, как минимум, в части могут быть квалифицированы как потребительские, был развит в, пожалуй, самом значимом и серьезном деле по поводу правовой природы виртуальной собственности (таково действительное положение дел, с формальной же точки зрения данное дело было делом о налоговой ответственности и не более). Речь идет о споре Федеральной налоговой службы Российской Федерации и Обществом с ограниченной ответственностью «Мэйл.Ру Геймз», который нашел свое отражение, в частности, в следующих судебных актах: Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 18.06.2015 г. № Ф05-7093/2015 по делу № А40-91072/14 и Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 12.10.2015 г. № Ф05-13554/2015 по делу № А40-56211/14. Если делать обобщение, то суть спора заключалась в следующем. Игровая компания опиралась на представление о том, что отношения между ней и пользователями по

поводу виртуального имущества могут быть полностью объяснены концепцией лицензионных отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности. Виртуальная собственность – это часть интеллектуальной собственности игровой компании, которая лицензируется игроку. Для налоговых целей такая квалификация критически важна, поскольку пдп. 26 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – «НК РФ») устанавливает, что не подлежит налогообложению НДС (освобождается от налогообложения) реализация (а также передача, выполнение, оказание для собственных нужд) на территории Российской Федерации исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, **программы для электронных вычислительных машин** (о них и речь), базы данных, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности на основании лицензионного договора. Опираясь на возможность применения данного исключения к отношениям по «реализации виртуальной собственности», игровая компания не уплачивала НДС. В свою очередь, ФНС РФ посчитала это необоснованным и только по одному из дел доначислила 184 023 052 рубля НДС (точек и запятых нет – более ста восьмидесяти четырех миллионов рублей – сумму из судебного акта приводим как лишнее подтверждение экономической значимости такой, казалось бы, узкой области отношений). Аргументация ФНС РФ, если излагать по существу, заключалась в том, что отношения по поводу результатов интеллектуальной деятельности в данной ситуации может быть и есть, но это не устраняет другого пласта отношений между пользователем и игровой компанией. Для того, чтобы использовать «дополнительный игровой функционал» пользователю не только необходимо предоставить право использования соответствующих результатов интеллектуальной деятельности, но и обеспечить определенные изменения в деятельности по организации игрового процесса, а это уже услуги. Что

нам важно в этом деле в специфическом общем ракурсе настоящего исследования: суд обратил внимание на то, что один и тот же комплекс общественных отношений (по поводу игры и виртуального мира) может рассматриваться с разных сторон – в нем может быть выделен отдельный предмет отношений. Именно об этом более подробно мы поговорим в Главах 2 и 3 настоящего исследования, когда речь пойдет о выделении критериев семантических пределов права.

Приведенные примеры, безусловно, не исчерпывают весь комплекс дел по вопросам виртуальной собственности. Более того, практика продолжает развиваться. В последнем на момент написания данного текста деле по иску игрока популярной игры к игровой компании (Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2018 г. по Делу №33-10610, впоследствии отмененное Постановлением Президиума Московского городского суда от 18.09.2018 по Делу №44г-259/18 таким образом, что дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции, см. далее Решение Чертановского районного суда г. Москва от 07.12.2018 г. по Делу № 02-4488/2018) суд применил правила Главы 58 Гражданского кодекса Российской Федерации, но необычным образом. Суд согласился с истцом в том, что рассматриваемое дело – о защите прав потребителей, но указал, что положения указанной Главы 58 (требования, вытекающие из игр, не подлежат судебной защите, за исключением особых случаев) – это *lex specialis* по отношению к законодательству о защите прав потребителей, из чего следует, что гарантии, установленные данным законодательством, не применяются к виртуальным покупкам. Что может быть более значимо, однако, так это то, что в ходе фактической подготовки позиции в рамках слушаний,[98] существенное значение для разрешения спора имел факт «обвинения» игровой компанией истца в нарушении **правил игры** (использовании «неправомерных» способов получения игровых

[98] По данным представителя игровой компании, с которым консультировался автор настоящего исследования.

преимуществ) и признание такого факта пользователем. В то же время, такая аргументация как раз и была возможна под тем условием, что суд квалифицирует отношения между пользователем и игровой компанией как нечто, относящееся к виртуальной среде. С точки зрения автора настоящего исследования, эта позиция – спорная, поскольку речь шла о реальных деньгах. В любом случае, вопрос о пределах возможного вмешательства права в игровые отношения в контексте многопользовательских онлайн-игр (и, как показывает последнее из приведенных дел, не только ролевых), остается открытым.

Зарубежная практика в отношении аналогичных споров развивается в сопоставимом ключе. Поскольку принципиальные аспекты, актуальные именно для предмета настоящего исследования, вполне раскрываются уже на приведенных выше примерах, мы, вслед за Е.А. Останиной, можем остановиться лишь на упоминании двух примеров. Первый из них – дело, рассматривавшееся в штате Пенсильвания, США, *Bragg v. Linden Research, Inc.* (2007).[99] Адвокат Марк Брэгг, являвшийся пользователем Second Life, в 2005 году приобрел на виртуальном аукционе виртуального мира земельный участок за реальные деньги, используя изъян в механике игры, в связи с чем его учетная запись была заблокирована. М. Брэгг требовал возмещения денег, вложенных в учетную запись, а суть спора сводилась к оценке вопросов договорного и процессуального права – при наличии реальной стоимости у виртуального имущества у суда не возникло принципиальных сомнений в возможности применить «реальное» право в данному случае. В том числе, поскольку ответчик сам позиционировал механику виртуального мира таким образом, что она позволяет иметь некие имущественные права в виртуальной

[99] Хотя для нарративных целей мы приводим последовательность изложения примеров, соответствующей статьи Е.А. Останиной (которая, в свою очередь, в своей работе цитирует и более ранние труды В.В. Архипова, что с благодарностью подмечает автор настоящего исследования), отметим один из непосредственных источников: Bragg v. Linden Research, Inc., 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007) [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-paed-2_06-cv-04925/summary (accessed: 11.02.2019). По этой ссылке нам интересна вторая закладка, содержащая отсылку к основному судебному меморандуму по делу.

собственности.[100] В свою очередь, в деле *Blizzard Entertainment* (правообладатель *World of Warcraft*), которое слушалось в 2014 году в Берлине,[101] суд счел возможным применить законодательство о защите прав потребителей к отношениям между игровой компанией и игроками, оценивая правомерность определенных пунктов пользовательского соглашения. Особых затруднений при этом по вопросу о применимости реального права к виртуальным отношениям у суда не возникло, поскольку тот аспект, в котором дело рассматривалось, был сочтен вполне реальным.

Но подчеркнем, что все приведенные выше примеры касаются отношений именно между игровыми компаниями и отдельными игроками (пользователями). Судебной практике пока, к сожалению,[102] не известны случаи споров между самими пользователями, тогда как в них, вероятно, рассматриваемая проблематика проявилась бы в полной мере. Возможно, такие споры применительно к прежним виртуальным мирам уже и не появятся, поскольку технологии в частности и информационная продукция в целом меняются очень быстро. Тем не менее, попробуем теоретически смоделировать еще одно возможное направление правовых коллизий.

На первый взгляд, «виртуальная собственность» (понимаемая в узком смысле слова как предметы «существующие» в виртуальных мирах и представляющие собой ценность для пользователей в рамках имитации экономической системы – дома, транспорт, оружие, валюта и т.п.) представляет собой частный социальный институт,

---

[100] Memorandum of May 30, 2007 / Bragg v. Linden Research, Inc., 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007) [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: http://www.paed.uscourts.gov/documents/opinions/07D0658P.pdf (accessed: 20.02.2019).

[101] См.: Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей [Электронный ресурс] // Право в сфере Интернета: Сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[102] С точки зрения обывателей этическая оценка интереса юристов такого рода сродни, вероятно, этической оценке интересов патологоанатома, жаждущего новых знаний в своей профессиональной области и сожалеющего о недостатке эмпирического материала.

относящийся к игровым практикам. Однако именно на примере виртуальной собственности наиболее прямолинейно обнажается проблема семантических пределов права, менее очевидная в контексте «классического» художественного творчества или в пространстве несерьезной коммуникации. Более того, именно проблема виртуальной собственности совершенно очевидно затрагивает специальные юридические аспекты проблемы, которым и посвящено настоящее исследование.

Рассмотрим данную импликацию на известном примере одной из первых действительно массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр "*Ultima Online*", которой 24 сентября 2018 года исполнился уже двадцать один год. Эта игра во многом предопределила дальнейшее развитие индустрии интерактивных развлечений. Игра относится к жанру графических MMORPG. Она не была первой в этом жанре, именно она вошла в Книгу рекордов Гиннесса как первая игра такого рода, которая насчитывала сто тысяч игроков в 2008 году. Через четыре года, в 2012 году, она вошла в список 100 величайших компьютерных игр в истории по версии журнала "TIME". Примеры, которые дает материал данной игры, актуальны как для социально-гуманитарных наук в целом, так и для юриспруденции в частности.

> «Архитектурные свойства игры, в том числе отсутствие на определенных серверах со старыми, наиболее строгими правилами, каких-либо гарантий, заложенных игровой механикой, в части обеспечения неприкосновенности виртуальной собственности, явно способствовали такому положению дел. Отметим, что большинство новых многопользовательских ролевых игр после *Ultima Online* до текущего момента, в основном, предусматривают своего рода «техническую неприкосновенность» виртуальной собственности, запрещая произвольные действия с собственностью других игроков на уровне программного кода… Сейчас эта тенденция, возможно, вновь сменяется на модель «открытых» в этом плане виртуальных миров, однако новые проекты с аналогичной механикой носят, в основном, все же экспериментальный характер. В формате классических правил игры *Ultima Online* объекты виртуальной собственности существуют не только в инвентаре игроков, при выбытии из которого они «уничтожаются», а как бы объективно в самом виртуальном мире: если игрок выбросит предмет из своего инвентаря, то условно этот же предмет

> может быть, например, подобран другим.[103] При этом параллельно формируется рынок обмена виртуальных предметов в игре на «реальные» деньги, что в итоге стало причиной для совершенно нестандартной ситуации: внутри игры предмет может быть украден одним персонажем у другого, и это допускается правилами игры, но такой предмет мог быть куплен за «реальные» деньги. Соответственно, возникает противоречие: правила игры допускают «кражу» в виртуальном мире, но такая разрешенная в игре кража в действительности приводит к определенному ущербу в реальном мире».[104]

Этот пример также заставляет нас задуматься о том, можно ли каким-либо образом квалифицировать такого рода действия игроков в виртуальном мире с точки зрения реального права, и если да, то каким образом.

Рассмотрение вопросов виртуальной собственности уже само по себе дает хорошую пищу для размышлений о том, в какой степени право может быть разумно применимо к виртуальному миру. Но можно сделать и еще один шаг на пути построения теоретических обобщений высокого уровня. Уходя от отраслевой специфики проблем виртуальной собственности, можно изменить угол рассмотрения и переформулировать проблему. Действительно, вполне возможно взглянуть на ситуацию иначе и поставить вопрос так: **при каких условиях правовые тексты могут быть интерпретированы таким образом, что в объем возможных значений будут входить общественные отношения, опосредуемые виртуальной реальностью (причем, заранее отметим, в широком смысле слова)?** Такая постановка вопроса о семантических пределах правах, поводом для которой служат вполне прямолинейные проблемы виртуальной собственности, представляется весьма перспективной для теории права в целом, задачи которой сейчас, в условиях медиального поворота, должны быть частично переосмыслены.

---

[103] Эта особенность механики важна, поскольку в виртуальном мире она способствует имитации как объективности виртуальной собственности, так и иллюзии «фактического господства» над [виртуальной] вещью.

[104] Архипов В.В. Предпосылки концепции смысловых пределов права в контексте современной информационной культуры // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. – М.: ИГП РАН, 2018. – С. 279–280.

Семантические пределы права, действительно, нередко осознаются интуитивно, в том числе, самими правоприменителями. Практическая проблема, как уже было отмечено, заключается в отсутствии разработанной правовой позиции о способах разрешения данной проблемы, вытекающих из теоретических обобщений высокого уровня, поскольку проблема семантических пределов права – это, в том числе, и проблема правовой онтологии. Так, в одном из материалов СМИ отражен пример и от работников Роскомнадзора, также относящийся к контексту многопользовательских игр:

> «Однажды к нам поступило решение суда о блокировке сайта с информацией об изготовлении динамита в игре Minecraft. На сайте было сказано, что если смешать песок и уголь, то получится динамит. *И вот думаешь, а что с этим судебным решением делать: нельзя же его исполнять и блокировать Minecraft* (выделено мною – ***В.А.***). В итоге мы поговорили с юристами и написали в прокуратуру, чтобы они обратились в суд с просьбой пересмотреть решение».[105]

Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области, которое подразумевается в этом отрывке, уже упоминалось на страницах настоящего исследования.[106] Проблема, которая была затронута в таком, казалось бы не самом значительном деле, в действительности, весьма серьезна. При попытке рационально объяснить, почему именно «нельзя его исполнять и блокировать *Minecraft*» возникают трудности.

С точки зрения позитивного права определенный законом критерий оценки информации, потенциально подлежащей блокировке, в данном случае отсутствует. Эта ситуация отличается от других оснований – например, связанных с

---

[105] Я работаю в Роскомнадзоре [Электронный ресурс] // The Village. 26 июня 2018 г. – [Сайт]. – URL: https://www.the-village.ru/village/people/howtobe/316129-zapreschalschik (дата обращения: 28.01.2019).

[106] Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 12 июля 2016 года по Делу № 2-662/2016. – [Сайт]. – URL: https://zavodoukovsky--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2018).

информацией, относящейся к детской порнографии или наркотикам.[107] Для текущей правоприменительной практики характерна следующая ситуация: если какая-либо информация так или иначе противоречит публичному порядку, но при этом отсутствует прямое основание или критерии для такой квалификации, она может быть заблокирована по решению суда, вынесенному после обращения прокурора, действующего в интересах неопределенного круга лиц в порядке ст. 45 ГПК РФ. При вынесении решения суд *de facto* вступает в «область полутени» или «пограничную ситуацию», поскольку опирается лишь на п. 2 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».[108] В такой «области полутени», очевидно, должна подразумеваться определенная рациональная аргументация. Кроме того, как в рассматриваемом случае с *Minecraft*, возникает вопрос о разумных пределах права в отношении игровой, художественной и иной «несерьезной» информации. Возвращаясь к решению из самого примера, мы не можем объяснять такого рода позицию свободой слова и творчества, или *только* этим, потому что речь принципиально идет не об этих свободах как таковых – в некоторых случаях, очевидно, что такого рода информация может быть ограничена. Тот факт, что информация связана с «игрой» сам по себе также говорит мало. С одной стороны, любому, кто играл в *Minecraft*, ясно, что эта игра как таковая вряд ли может составлять угрозу безопасности (если не брать в расчет содержание возможной коммуникации недобросовестных пользователей в редких и, не исключено, гипотетических случаях). С другой стороны, слово «игра» явно недостаточно определенное для того, чтобы оно могло служить каким-либо критерием, ведь «русская рулетка» – тоже своего рода игра.

---

[107] Для этого есть прямые критерии, установленные как в ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», так и на уровне подзаконных актов.

[108] Данный пункт устанавливает, что основанием для включения в Единый реестр [запрещенных сайтов] является, в том числе, вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Или карточные игры на деньги. Данный пример интересен тем, что заставляет задуматься о том, какие аргументы, поддающиеся рациональной научной реконструкции, могли бы быть использованы для объяснения того, почему критикуемое работником Роскомнадзора судебное решение является ошибочным. Кроме того, он указывает на то, что проблемы, с которыми сталкивается юриспруденция в отношении виртуальных миров, возможно, не ограничены узким игровым контекстом, а связаны с более широким контекстом изменения коммуникативных практик на современном этапе развития информационного общества, о чем речь и пойдет далее.

Значение рассмотренного в настоящем параграфе репрезентативного эмпирического материала следующее: конкуренция подходов, один из которых предполагает возможность «реального» права вмешиваться в «виртуальный» игровой процесс (включая квалификацию отношений как потребительских, рассмотрение виртуальной собственности как иного имущества и т.п.), а другой – исключение возможности такого вмешательства (на основании положений о том, что отношения из игр не подлежат судебной защите либо, например, исходя из лицензионной природы отношений между игровой компанией и пользователем), по сути, представляет собой дискуссию о границах «магического круга» в терминологии Й. Хейзинги или же, в терминологии настоящего исследования, – смысловых или семантических пределах права. С одной стороны, эмпирический факт, который выражается в том, что указанные противоречия сохраняются на практике, следует рассматривать как еще одно подтверждение постулируемой универсальной проблемы. С другой стороны, решение данной проблемы, развиваемое в рамках данной работы, позволит структурировать и аргументировать системный подход к применению и толкованию права, а также правотворчеству и в данной области тоже.

§ 3. Взаимосвязь правовых коллизий игровой деятельности в цифровой среде с другими подобными коллизиями

Системный взгляд на правоприменительную практику в современных социокультурных и технологических условиях позволяет предположить, что проблемы, с которыми сталкиваются пользователи и производители многопользовательских компьютерных игр, в действительности, представляют собой срез проблем более широкого характера. На текущий момент в различных правовых системах мира (Россия не является исключением) уже, можно сказать, сформирован корпус правоприменительной практики, определяющий постановку проблемы о семантических пределах права. Речь идет, прежде всего, о тех делах, в которых применение права или отдельные подходы к толкованию правовых норм *интуитивно* воспринимаются как неправильные по причине «абсурдности». Подробнее об абсурде как о категории, имеющей отношение к праву, а также о «доктрине абсурдности» в системе подходов к толкованию права будет сказано в Главе 2 исследования, посвященной методологии разрешения проблемы семантических пределов права. Здесь же отметим, что такие дела сами по себе известны истории права достаточно давно (пожалуй, одним из наиболее ярких мифолого-исторических примеров мог бы быть приказ царя Ксеркса высечь море, однако такой пример может быть оправдан лишь с наивно-современной точки зрения, исключающей контекст и другие обстоятельства ситуации[109]). Известны

[109] Так, Д. Брикель, с точки зрения фактов, отмечает, что, согласно Геродоту, помимо того, чтобы высечь море, Ксеркс приказал обезглавить надсмотрщиков за возведением моста через Геллеспонт, а это уже может несколько изменить общую оценку произошедшего. Кроме того, автор предлагает оценивать поступок Ксеркса в контексте господствовавших в социальной реальности того времени представлений о богах и героях. «Его поведение интерпретировалось греческими наблюдателями как акт *гибриса* [нарушение воли богов, проистекающее из желания сравниться с ними, своего рода гордыня в языческом обществе], – пишет Д. Брикель, – но истинное значение иное: согласно идеям, относящимся к доисторическим индоевропейским временам, герой должен был доказать свою ценность посредством преодоления сопротивления со стороны воды. Это следствие концепции “огня в воде”, которая может быть реконструирована посредством многих параллелей за пределами Ирана – например, в Риме, Ирландии или даже Греции». См.: Briquel D. The Punishment of the Hellespont by Xerxes: Perception of Religious Behaviour of the Enemy

подборки курьезных, смешных или поражающих своей нестандартностью иным образом судебных решений из англо-американской правовой системы,[110] характер которой, помноженный на представления о невозможности отказать в судебной защите, «естественным образом» издревле располагал к различным смелым (иногда – «смелым») поворотам. Несомненно, и континентальное право богато различными примерами правоприменения, подразумевающего факты или аргументацию на грани здравого смысла, однако создание подборок таких решений на данный момент не стало культурным феноменом современного Интернета.[111] Интересная подборка ярких и нестандартных дел (причем реальных, а не гипотетических), в которой нашлось место и виртуальной собственности, представлена С.Л. Будылиным в книге «Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста».[112]

---

in Conflict Situations [Electronic resource] // Graeco-Latina Brunensia. – 2016. – No. 2. – P. 51. – URL: https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/136219 (accessed: 28.01.2019). В свете методологии настоящей работы данный пример может быть раскрыт следующим образом: наказание в отношении моря (оставим за пределами рассмотрения обезглавливание тех, кто организовывал постройку моста) кажется абсурдным, в том числе, с точки зрения права, *сейчас*, но, возможно, не было абсурдным *тогда*. Причина – в изменениях, связанных с субъективно-объективной социально-конструируемой реальностью.

[110] Подборки такого рода можно часто встретить в Интернете. См. напр.: Roberts W. The Dumbest Lawsuits in Recent History [Electronic resource] // Ranker. – [Site]. – URL: https://www.ranker.com/list/the-13-dumbest-lawsuits-in-recent-history/williammtx (accessed: 28.01.2019); Unger R. 25 Insane Court Cases That Never Should Have Made It To Court [Electronic resource] // MoneyVersed. – [Site]. – URL: http://moneyversed.com/absurd-court-cases/ (accessed: 28.01.2019); 10 Weird and Wonderful Cases Every Law Student Should Know About [Electronic resource] // Oxford Royale Academy. – [Site]. – URL: https://www.oxford-royale.co.uk/articles/weird-wonderful-law-cases.html (accessed: 28.01.2019) и т.п. Что любопытно, в последней из подборок в качестве «странных и замечательных» судебных дел упоминается *R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC*, одно из дел, которое легло в основу “дела спелеологов” Л. Фуллера (см.: R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC [Electronic resource] // The University of Texas at Austin. – [Site]. – URL: https://la.utexas.edu/users/jmciver/357L/QueenvDS.PDF, accessed: 28.01.2019). Также упоминается дело *Leonard v. Pepsico, Inc., 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) aff'd 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000)* (см.: Leonard v. Pepsico, Inc., 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) aff'd 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/88/116/2579076/, accessed: 28.01.2019). В последнем в аргументации суда постоянно упоминается **дихотомия «серьезный» – «несерьезный»** применительно к восприятию рекламы и оферты, из которой следовало, что за определенное количество очков в маркетинговой акции можно было приобрести военный истребитель «Харриер» так, что его стоимость оказывалась в несколько десятков раз ниже рыночной.

[111] Читатель, располагающий свободным временем, может сравнить количество ссылок по ключевым словам “funny US court decisions” и “funny EU court decisions” (или аналогичным) и увидеть, что Европа куда более серьезно относится к своим органам правосудия. С освещением подобных дел в России ситуация развивается вместе с правовой системой. Не так давно подборку сделал коллектив сайта Право.ру, см.: Топ-10 самых нелепых судебных споров в России [Электронный ресурс] // Право.ру. – [Сайт]. – URL: https://pravo.ru/story/204500/ (дата обращения: 28.01.2019).

[112] Будылин С.Л. Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста. – М.: «Инфотропик Медиа», 2017. – 308 с. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Собственно, занимательные противоречия юридической практики, давно служившие причиной улыбок либо, в зависимости от случая, негодования юристов, и составляют часть эмпирического материала, на основе которого сформулирована первоначальная гипотеза о семантических пределах права. Тем не менее, проблема семантических пределов права актуализируется именно на современном этапе информационного общества в условиях медиального поворота. В данных условиях информация становится основным «родовым» объектом правоотношений, а правовая коммуникация в цифровой среде по определению имеет информационное измерение. И, в первую очередь, именно в отношении информации (в отличие от осязаемых объектов «реального мира») возможна постановка вопросов, сводимых к релевантным поставленной проблеме дихотомиям «воображаемое и реальное», «серьезное и несерьезное» и иным аналогичным.

Однако если бы пример с *Minecraft*, который служит иллюстрацией поворота угла зрения от узкой группы вопросов виртуальной собственности к более широкому контексту, был единственным возможным, проблема вряд ли могла бы претендовать на универсальность. В ходе предварительной работы с эмпирическим материалом были выявлены и иные, указанные далее области, к которым относятся репрезентативные примеры нормативных источников и практики, релевантные предмету настоящего исследования о семантических пределах права. Отметим, что для целей настоящей работы нормативные источники и эмпирический материал отобраны преимущественно в отношении правовой системы Российской Федерации, поскольку настоящее исследование, прежде всего, ориентировано на развитие отечественной правовой доктрины в свете актуальных проблем российской правовой системы. В то же время, в случаях, когда примеры полезны для развития соответствующих тезисов, приводится эмпирический материал и из иных юрисдикций. Каковы основные области, в которых мы видим правовые коллизии,

аналогичные (по крайней мере, на каком-либо уровне теоретического обобщения) правовым коллизиям игровой деятельности в цифровой среде?

§ 3.1. Оговорки о «художественном» в критериях запрещенной в Интернете информации

Один из наиболее близких и наглядных примеров – нормативные источники и эмпирический материал в области **критериев оценки информации, распространение которой в сети Интернет запрещено**.[113] В действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации, устанавливающих ограничения на распространение информации исходя из публичного интереса, в некоторых случаях содержатся исключения, связанные с художественным характером соответствующей информации. Данный факт свидетельствует о том, что рассматриваемая проблема уже начинает осознаваться на уровне правотворчества, однако в указанной системе норм не всегда прослеживается системность, по крайней мере, на первый взгляд.

Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 251, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017[114] конкретизирует критерии информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено в соответствии с п. 1

[113] Если иное прямо не следует из содержания настоящего исследования (как, например, в случае с представлением о промежуточной между абсурдом и здравым смыслом области «взвешивания» - см. Главу 3 настоящей работы, а также Приложение № 1 к ней), данные и последующие аналогичные примеры мы рассматриваем вне контекста проблем цензуры и реализации конституционных прав на свободу слова и свободу информации – это предмет отдельного исследования.

[114] Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 251, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (зарегистрирован в Минюсте России 27.06.2017 г. № 47207).

ч. 5 ст. 15 Закона об информации (далее – «Критерии запрещенной информации»).[115] В трех случаях из двадцати семи содержится оговорка о «художественных произведениях», а в двух случаях – о «художественной ценности».

Так, рассмотрим для сравнения общий критерий, имеющий в своей основе наличие материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера (Глава I Критериев запрещенной информации). Оговорка о художественных произведениях или ценности отсутствует, например, в п. 1.1 Критериев запрещенной информации, относящих к запрещенной информации любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные[116] откровенно

---

[115] Перечень такой информации по состоянию на 21.02.2019 г. включает материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера (пдп. «а» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации), информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений (пдп. «б» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации); информацию о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства (пдп. «в» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации); информацию о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами (пдп. «г» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации); информации, нарушающей требования Федерального закона от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 11.11.2003 г. № 138-ФЗ «О лотереях» о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети «Интернет» и иных средств связи (пдп. «д» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации); информации, содержащей предложения о розничной продаже дистанционным способом алкогольной продукции, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, и (или) этилового спирта, и (или) спиртосодержащей непищевой продукции, розничная продажа которой ограничена или запрещена законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции (пдп. «е» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации). В самом конце 2018 года вступили в силу поправки, которые дополнили критерии еще одним – «информация, направленная на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц (пдп. «ж» п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации).

[116] Здесь в контексте настоящего исследования также можно упомянуть примечания к статье 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации («Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних»), введенные Федеральным законом от 23.06.2016 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статью 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях противодействия обороту порнографической продукции с использованием несовершеннолетних и (или) среди несовершеннолетних и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Так, к числу подобных материалов, в том числе, относятся: любое изображение или описание в сексуальных целях несовершеннолетнего, совершающего либо *имитирующего* половое сношение или иные действия сексуального характера, а также совершеннолетнего лица, *изображающего* несовершеннолетнего, совершающего либо *имитирующего* данные действия (отметим – в последнем

сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка в сексуальных целях. Сложно не согласиться с таким разумным и обоснованным подходом. В то же время, в п. 1.4 Критериев запрещенной информации в качестве таковой рассматривается информация, направленная на возбуждение сексуальных чувств по отношению к несовершеннолетним либо оправдывающая сексуальное поведение в отношении несовершеннолетних. И вот к этому критерию добавлена следующая оговорка:

> «…за исключением художественных произведений, в которых описываются оправданные их жанром и (или) сюжетом отношения между несовершеннолетними, а также несовершеннолетними и взрослыми, не подпадающие под критерии, указанные в пунктах 1.1 – 1.3 настоящей главы».

По-видимому, подразумевалась классика мировой литературы – например, роман В.В. Набокова «Лолита». Категорически не принимая детскую порнографию как допустимое явление, можно в то же время заметить, что п. 1.3 Критериев запрещенной информации, например, упоминает такой критерий, как «информация о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера, содержащие сведения о местах проведения зрелищных мероприятий либо контактную информацию». Каких-либо оговорок о художественных произведениях применительно к данному пункту не содержится, однако будет ли (и должен ли) данный критерий подлежать применению к художественному произведению, допустим, в детективном жанре, в котором указанная информация, в том числе о местах проведения таких мероприятий является полностью вымышленной и относится к иллюстративным

случае, в рамках модели, отраженной в правовом тексте, совершеннолетний *изображает* несовершеннолетнего и при этом также *имитирует* соответствующие действия). При этом, однако, что второе примечание к данной статье предусматривает исключение для материалов или предметов, имеющих историческую, художественную или культурную ценность либо предназначенных для использования в научных или медицинских целях, либо в образовательной деятельности в установленном федеральным законом порядке.

элементам произведения, направленного на демонстрацию, в том числе, неотвратимости наказания за соответствующие преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних? Аналогичный вопрос, к слову, возникает и в отношении исторически-значимой информации, например, из судебных сводок XIX века, которая может содержать сведения, буквально соответствующие данному критерию, но утратившие свою актуальность для повседневности.

Схожая ситуация и с приведенными в Главе II Критериев запрещенной информации критериями оценки информации о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, аналогов наркотических средств и психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее, для краткости – «наркотические средства»). Так, п. 2.1.1 Критериев запрещенной информации устанавливает в качестве такового информацию, описывающую либо дающую представление о порядке действий по изготовлению, разработке и использованию тех или иных видов наркотических средств (в том числе описание процессов и (или) инструкций (схем) их разработки, изготовления и использования), а также способах использования прекурсоров для их изготовления. Устанавливается и оговорка: «За исключением художественных произведений, в которых описывается информация, оправданная их жанром». Действительно, мировая литература и кинематограф (а равно и другие произведения) особенно XX века, содержат отдельные примеры, где такая информация, по-видимому, сюжетом или жанром оправдана. Такая же оговорка содержится и в п. 2.1.6, устанавливающим в качестве критерия информацию, направленную на формирование у целевой аудитории положительного образа лиц, осуществляющих изготовление, разработку и использование наркотических средств, предоставляющих услуги по их приобретению либо осуществляющих культивирование растений, содержащих наркотические средства.

Вряд ли нужно далеко идти за примерами из популярной культуры – можно вспомнить и отечественный фильм «Игла» (в той части, в которой в фильме, говоря предельно формальным языком, демонстрируются лица, осуществляющие использование наркотических средств),[117] с участием Виктора Цоя и Петра Мамонова в главных ролях и – возможно, это будет более наглядно, – американского сериала «Во все тяжкие» (англ. "*Breaking Bad*"),[118] который, вероятно, можно считать направленным на формирование у целевой аудитории положительного образа лиц, осуществляющих изготовление Наркотических средств.

Более сложная в свете настоящего исследования картина представлена в Главе III Критериев запрещенной информации, раскрывающей критерии оценки информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства, необходимые для принятия решений, являющихся основаниям для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети Интернет, а также сетевых адресов в Единый реестр. Оговорка о художественном применима только в отношении п. 3.2.2 Критериев запрещенной информации – «*наличие информации о совокупности необходимых для самоубийства условий (выбор места, времени. Способа, иные подготовительные действия, которые необходимо совершить для достижения цели самоубийства)*». При этом сама оговорка выражена более строго, чем в предшествующих случаях, поскольку упоминает она охраняемые законодательством произведения, имеющие значительную историческую, научную, художественную или иную культурную ценность для общества. Оставив в стороне специальные отраслевые вопросы и сомнения, связанные с системным толкованием данного положения,[119] отметим, что речь идет

[117] См. Игла (1988) [Электронный ресурс] // КиноПоиск. – [Сайт]. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/igla-1988-42576/ (дата обращения: 21.02.2019 г.).

[118] См. Во все тяжкие (сериал, 2008 – 2013) [Электронный ресурс] // КиноПоиск. – [Сайт]. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/404900/ (дата обращения: 21.02.2019 г.).

[119] Например, следует ли толковать термин «произведение» в том же ключе, как это предусмотрено для положений части четвертой ГК РФ (подразумеваются объекты авторского права) в свете того принципа лексического

уже не просто о художественных произведениях, в которых описывается информация, оправданная их жанром. Как же быть тогда, например, с охраняемыми законодательством произведениями, имеющими незначительную художественную ценность, или с неохраняемыми произведениями (если таковые можно представить), художественная ценность которых, тем не менее, значительна? В область сомнений могут войти следующие примеры. Так, п. 3.1 Критериев запрещенной информации ограничивает распространение «призывов к совершению самоубийства». К таковым относится, например, наличие указания самоубийство как на способ решения проблемы (п. 3.1.2). Будет ли отнесен, в таком случае, к запрещенной информации какой-либо очевидный образец черного юмора? Комментарий с такой же логикой представляется уместным и в отношении п. 3.1.5 – «*выражение осуждения, высмеивания неудавшейся попытки совершить самоубийство*». И как быть с историческими и современными культурными различиями? П. 3.1.3 немногим ранее указывает еще на один из критериев, по которым подлежат выявлению призывы к совершению самоубийства, а именно «*выражение положительно оценки либо одобрение: совершения самоубийства либо действий, направленных на самоубийство, или намерений реального (воображаемого) собеседника или третьего лица совершить самоубийство, а также призыва, побуждающего совершить самоубийство*». В свете культурных различий совершенно очевидно, что данные критерии могут быть применимы к культуре ритуальных самоубийств средневековой Японии (впрочем, в мире современных ценностей, данная проблема, скорее, относится к событиям, утратившим свою актуальность, о чем речь также пойдет далее в работе).

филологического толкования, согласно которому нельзя без достаточных оснований наделять одни и те же термины из разных отраслей права одним и тем же значением. Подчеркнем, что в контексте законодательства о культурном наследии термин «произведение» может толковаться более широко, чем для целей права интеллектуальной собственности.

§ 3.2. Защита детей от информации и правовая квалификация «насилия» в компьютерных играх

В контексте настоящего исследования нельзя обойти стороной и особый случай прямого применения правовых норм к общественным отношениям, в которых информация выступает в качестве непосредственного предмета. Наиболее наглядны, в этом смысле, положения различных нормативных актов, ориентированные на **защиту детей от информации, которая может причинить вред их здоровью и развитию**. Нормы такого рода в разной форме существуют во многих странах мира. В одних случаях они закреплены на уровне саморегулирования,[120] в других – на уровне гетерономных правовых текстов, устанавливающих нормы официального права.[121] В Российской Федерации реализована как раз последняя модель, и критерии соответствующей информации закреплены в Федеральном законе Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – «Закон о защите детей»). Проблематика данной предметной области в том ракурсе, который представлен в настоящем исследовании, отчетливо раскрывается на примере дискуссий о компьютерных играх. В частности, о «жестоких компьютерных играх». Не отрицая необходимость серьезных научных исследований о влиянии новых медиа на психику и социальные процессы,[122] с

---

[120] Речь идет о системах оценки возрастных рейтингов, таких как, например, PEGI (Pan European Game Information) или ESRB (Entertainment Software Rating Board). См. соответственно: PEGI Age Ratings [Electronic resource] // PEGI. – [Site]. – URL: https://pegi.info/page/pegi-age-ratings (accessed: 21.02.2019) и ESRB Ratings Guide [Electronic resource] // ESRB. – [Site]. – URL: http://www.esrb.org/ratings/ratings_guide.aspx (accessed: 21.02.2019).

[121] В Германии, например, действует смешанная модель: присвоение рейтингов осуществляется саморегулируемой организацией USK, но при этом действует общий закон о защите детей – Jugendschutzgesetz (JuSchG) от 23 июля 2002 г. См.: USK - Unterhaultungssoftware Selbstkontrolle [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/en/ (accessed: 21.02.2019) и Protection of Young Persons Act (Jugendschutzgesetz, JuSchG) of 23 July 2002 [Federal Law Gazette BGBI. I p. 2730, 2003 I, p. 476] [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/fileadmin/documents/Publisher_Bereich/2017_JuSchG_englisch.pdf (accessed: 21.02.2019).

[122] Среди примеров научно обоснованных социологических и междисциплинарных исследований можно отметить, в частности, недавние работы О.В. Сергеевой. См. напр.: Сергеева О.В. Глава 16. Компьютерные игры в

сожалением отметим, что в *юридической* периодике, как российской, так и зарубежной, прослеживается тенденция: если автор говорит о вреде новой информационной продукции, то весьма вероятно, подобные утверждения будут лишены достаточной и последовательной аргументации.

Например, Е.М. Никитина пишет:

> «Что касается игр, в которые играют, находясь в сети, подростки, то эти игры опасны для детей тем, что сами по себе они содержат элементы агрессии, убивая других персонажей игры в сети онлайн (то же можно сказать и о содержании большинства обычных компьютерных игр, покупаемых детьми на простых компьютерных дисках), дети становятся более жестокими».[123]

К сожалению, в статье не приводится каких-либо научных обоснований к данной позиции, позволивших бы считать должным образом аргументированной, а не выражающей субъективное эмоциональное мнение автора, не говоря уже о данных психологических, медицинских и социологических исследований, которые ведутся в мире уже более 25 лет и в большинстве случаев доступны.[124] Автор далее приводит пример убийства одним игроком онлайн-игры другого на почве ссоры,[125] однако, во-первых, осужденному в приведенном автором примере 22 года – он совершеннолетний, и пример с ним мало соотносится с проблемой влияния компьютерных игр на психику детей (как и с проблемами ювенальной юстиции – статья опубликована в одноименном журнале), а во-вторых, из факта совершения

повседневных практиках взрослых петербуржцев // Социальное пространство большого города [монография] / Отв. ред. Г.В. Еремичева; Социологический институт РАН – Филиал ФНИСЦ РАН. – СПб.: СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 2018. – С. 371 – 388; Сергеева О.В. Время компьютерных игр в этике современных детско-родительских отношений / Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2017. С. 159–163; Sergeyeva O., Tsareva A., Zinoveva N., Kononova O. Social Skills Amongst MMORPG-Gamers: Empirical Study // SHS Web of Conferences. – 2018. – No. 50. PP. 1–5. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001008.

[123] Никитина Е.М. Как уберечь наших детей от негативного влияния СМИ? // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019). – Абз. 18.

[124] См. напр.: Amini T., 25 Video Game Violence Studies, Summarized // Kotaku. 1/17/13 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://kotaku.com/5976781/25-video-game-violence-studies-summarized (accessed: 11.01.2019).

[125] Никитина Е.М. Как уберечь наших детей от негативного влияния СМИ? // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019). – Абз. 18.

такого преступления само по себе никак не следует, что противоправное поведение находится в причинно-следственной связи с игрой. В мире более двух миллиардов игроков в компьютерные игры,[126] и устанавливать взаимосвязи такого рода кажется не очень убедительным. Подчеркнем, однако, что для контекста нашей работы иллюстративной является постулирование связи между реальной агрессией и «насилием» в играх. На наш взгляд, и об этом мы скажем подробнее в Главе 3 настоящего исследования, вопрос о том, что считать насилием в играх, может быть адресован не только психологам, но и юристам – речь идет о вопросах юридического толкования и функциональной адекватности между тем, что является насилием в реальности, и что условно называется «насилием» в играх. При таком повороте вопрос соотносится с проблематикой семантических пределов права. Приведем наглядную и условную[127] иллюстрацию: реалистичное изображение насилия, функционально-адекватное реальному насилию или же восприятию такового (которое, в действительности, есть в небольшом количестве по-настоящему жестоких игр вроде серии *Manhunt*[128]) вполне может подпадать под объем правового регулирования законодательства о защите детей, но если в игре присутствует лишь несколько «квадратов» (условных пиксельных объектов), один из которых исчезает при столкновении с другим, на геймерском сленге это вполне может быть «убил». Но с таким же успехом мы можем позиционировать шахматы как игру с рейтингом «18+», поскольку шахматы – игра, полная жестокости и насилия, где подчас ни много ни мало слоны едят королев.

---

[126] По данным The European Mobile Game Market, 2016 общее количество игроков в компьютерные игры – более чем 2,5 миллиарда человек. См.: Video Gaming Industry Overview // WePC. May 2018. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.wepc.com/news/video-game-statistics/ (accessed: 11.01.2019).

[127] Условную – поскольку в большинстве современных игр дизайн находится где-то посередине между указанными полярными примерами.

[128] См.: Manhunt [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: https://www.rockstargames.com/manhunt/ (accessed: 21.02.2019).

Взвешенная позиция по вопросу насилия в играх в российской периодике представлена в работах А.Д. Белоусова. Автор проводит анализ современных исследований вопроса о возможной связи между компьютерными играми и преступлениями в реальной жизни и заключает, что в этой области не все очевидно. Основной вопрос, по его утверждению, следующий –

> «…в контексте проблемы преступности несовершеннолетних наиболее актуальной нам представляется задача установления не только корреляционной, но и причинно-следственной связи между увлечением подростками компьютерными играми, содержащими сцены насилия, и характеристиками отдельных составляющих их структуры личности, которые, в свою очередь, могут обусловливать и их преступное поведение».[129]

Автор отмечает наличие ряда корреляций, но указывает, что

> «при этом остается открытым вопрос: меняется ли деструктивно личность несовершеннолетнего под воздействием игр, содержащих сцены насилия и немотивированной жестокости, либо, напротив, подростки с соответствующими психологическими особенностями выбирают аудиовизуальную продукцию преимущественно такого содержания? Более того, высказываются мнения о положительной роли данных игровых ситуаций, позволяющих снимать излишнюю агрессию как детям, так и взрослым вне реальных межличностных отношений. К этому стоит добавить, что некоторые исследователи считают, что вероятность негативного развития личности под влиянием увлечения компьютерными играми следует считать сильно завышенной».[130]

Опираясь на опыт изучения информации в системе МВД России, а также собственного исследования предполагаемой взаимосвязи, А.Д. Белоусов делает вывод об отсутствии достоверной связи между соответствующими показателями, однако указывает на то, что «жестокие» компьютерные игры могут выступать в качестве одного из нескольких внешних средовых воздействий, частично

---

[129] Белоусов А.Д. К вопросу о влиянии компьютерных игр на преступное поведение несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2007. № 6. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019). – Абз. 13.

[130] Там же. Абз. 14–17.

предопределяющих последующее поведение, и выступает за разработку системы возрастных рейтингов (впоследствии и выразившуюся в системе норм Закона о защите детей, принятого уже после данной публикации), а также за проведение дальнейших исследований.[131] Сходные результаты сравнительного анализа современных исследований отражены и в результатах проекта Санкт-Петербургского государственного университета.[132]

В контексте вышеуказанной дискуссии интересен и опыт признания компьютерного спорта видом спорта.[133] В частности, не все виды (жанры) компьютерных игр, как может показаться, соответствуют спортивной этике и, как следствие, – не все из них признаны. Причина заключается в том, что некоторые из них, как предполагается, основаны на насилии, а это в некоторых случаях противоречит олимпийскому подходу. В то же время, своего рода «насилие» встречается и в признанных «видах программы дисциплины» компьютерного спорта (т.е. конкретных компьютерных играх). И здесь мы также подходим к вопросу о том, каким образом дискуссия о «жестоких» компьютерных играх связана с предметом настоящей работы. Разумеется, спор о пользе или вреде компьютерных игр выходит далеко за рамки настоящего исследования, однако *спор о том, как следует юридически толковать термин «насилие», используемый в Законе о защите детей*, имеет прямое отношение к изучаемой проблематике семантических пределов права.

---

[131] Там же. Абз. 18–25.

[132] См.: Полезные игры: мировые исследования интерактивных развлечений. Экспертный Совет Игровой Индустрии и СПбГУ о недоказанности вреда видеоигр // DTF. – [Сайт]. – URL: https://dtf.ru/gamedev/5940-poleznye-igry-mirovye-issledovaniya-interaktivnyh-razvlecheniy (дата обращения: 21.02.2019).

[133] В 2016 году Минспорта России во второй раз включило компьютерный спорт в число признанных видов спорта (Приказ Минспорта России от 29.04.2016 г. № 470), в 2017 году – в число видов спорта, развиваемых на федеральном уровне (Приказ Минспорта России от 16.03.2017 г. № 183 в ред. Приказа Минспорта России от 22.01.2018 г. № 49), тогда как Федерация компьютерного спорта России была аккредитована в качестве общероссийской спортивной федерации (Приказ Минспорта России от 05.07.2017 г. № 618). Подробный анализ правовых аспектов киберспорта автором приведен в следующей публикации: Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. 2018. № 5. С. 80 – 92. Также приведем общую статью Дж. Хамари и М. Сёблома: Hamari J., Sjöblom M. What is eSports and why do people watch it? // Internet Research. – Vol. 27. – Issue 2. – PP. 211–232.

Для прояснения указанного тезиса рассмотрим три примера из игровой индустрии: одну из первых популярных игр "*Space Invaders*",[134] киберспортивную дисциплину "*Dota 2*"[135] и запрещенную в ряде стран мира «определенно жестокую» игру "*Manhunt*".[136] На примере конкретных материалов из данных игр заметно, что с внешней точки зрения «насилие» выражено совершенно по-разному – от столкновения пикселей с минимумом контекста и коннотаций в первом случае (вряд ли это то же самое насилие, которое мы видим в реальном мире), до фотореалистичного интерактивного процесса в последнем случае. Для целей настоящей работы как раз интересен не столько вопрос о том, следует ли, и если да, то каким образом ограничивать доступ несовершеннолетних к информационной продукции, содержащей изображение или описание насилия, сколько вопрос о том, *в какой момент и при каких условиях совокупность абстрактных пикселей на экране монитора может быть юридически интерпретирована как «насилие»*.[137] Данный вопрос непосредственно связан с одним из критериев семантических пределов права, развиваемых в Главе 3 данного исследования.

---

[134] См.: Space Invaders. Electronic Game [Electronic resource] // Encyclopaedia Britannica. – [Site]. – URL: https://www.britannica.com/topic/Space-Invaders (accessed: 21.02.2019).

[135] Dota 2 [Electronic resource] // Dota 2. – [Site]. – URL: http://ru.dota2.com/ (accessed: 21.02.2019).

[136] Manhunt [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: https://www.rockstargames.com/manhunt/ (accessed: 21.02.2019).

[137] Кстати, с точки зрения социологии права можно предложить следующую гипотезу. В XX веке в целом устанавливается все больше и больше запретов насилие как «способ решения проблемы», в том числе как способ защиты чести и достоинства. Развязывание драки (не говоря уже о вызове на дуэль) в ответ на оскорбление в рамках современных правовых систем приведет к применению наказания не к оскорбившей, а к оскорбленной стороне. В некотором смысле, пострадавшие от посягательств на нематериальные блага, лишаются тех моделей поведения, которые еще не так давно были и социально приемлемыми, и социально одобряемыми. В моральном смысле человек становится беззащитным перед теми, кто не посягает на его физическое тело. Нельзя вызвать на поединок, нельзя дать сдачи. Как следствие – и как реакция на это – обостряется чувство необходимости в равнозначной юридической замене исторических средств защиты чести и достоинства. Отсюда и возникает внезапное «обострение» информационной чувствительности как отдельных граждан, так и общества. Развивается практика в области защиты чести и достоинства (отдельные граждане) и ограничения информации (общество). Соответственно, развитие правового государства и юридического мировоззрения предопределяет ограничение права на свободу слова. Буквально по Гоббсу «война всех против всех» заменяется на тотальные запреты Левиафана.

§ 3.3. Уголовно- и административно-правовая защита исторической памяти

Обратимся к другим примерам. Вопрос о художественном (или, возможно, ином «виртуальном» характере информации) актуален и для **областей административного и уголовного права, связанных с защитой публичного интереса в области исторической памяти**. Практике хорошо известна ст. 20.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – «КоАП РФ»), ч. 1 которой предусматривает административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. При этом ни ст. 20.3 КоАП РФ, ни Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», к которому она отсылает,[138] не содержит каких-либо оговорок не только о художественных произведениях, ни о научных или каких-либо иных подобных источниках. На практике это успело породить уже не одну спорную ситуацию. Полностью и искренне разделяя ценности, отраженные в преамбуле к указанному федеральному закону,[139] отметим концептуальное юридическое противоречие,

[138] Абз. 3 ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» запрещается пропаганда либо публичное демонстрирование атрибутики или символики организаций, сотрудничавших с группами, организациями, движениями или лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны.

[139] Как гласит преамбула: «Исходя из традиций народов России хранить и беречь память о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость, принимая во внимание, что забота об участниках, о ветеранах и жертвах войны является историческим долгом общества и государства, учитывая народный,

которое возникает при буквальном или расширительном толковании термина «публичное демонстрирование» в рассматриваемом случае. Если запрещенная символика не может публично демонстрироваться, значит юридически-значимое решение о том, что относится к такой символике, а что – нет, будет выноситься на основании сведений, которые публично не доступны. В свою очередь, смысл принципа, отраженного в ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации подразумевает не только то, что законы и любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободны и обязанности человека и гражданина (а в данном случае речь идет как об обязанностях, так и о конституционных правах, в том числе свободно распространять информацию, заниматься творчеством, преподаванием и получать доступ к культурным ценностям) подлежат официальному опубликованию, но и то, что диспозиция правовых норм полностью известна гражданину. Иначе не может действовать презумпция знания закона. Собственно, данное соображение служит или может послужить формально-юридическим аргументом для оговорки о научных и иных целях в отношении иных норм, ограничивающих распространение информации. Тем не менее, в рассматриваемом случае оно проигнорировано. Безусловно, можно прибегнуть к историческому толкованию и сказать, что на данный момент, когда приведенное ограничение в исторической перспективе актуально, всем «и так понятно», о какой символике идет речь, однако данный аргумент вряд ли может рассматриваться как рациональный и соответствующий природе юридической аргументации. Скорее, в данном случае следует говорить о пробеле в законе или о необходимости ограничительно толковать используемый в КоАП РФ термин «публичное распространение». В этом контексте можно вспомнить и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – «УК РФ»). Ч. 1 ст.

освободительный характер Великой Отечественной войны, участие в ней народов Европы и других континентов, необходимость международного сотрудничества в целях поддержания всеобщего мира и согласия, недопущения проявлений фашизма в любой форме, принимается настоящий Федеральный закон».

354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма») предусматривает, в том числе уголовную ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично. В принципе, каждый из элементов объективной стороны, отраженный в диспозиции данной правовой нормы может быть осмыслен в контексте проблематики настоящего исследования, но заострить внимание можно на двух наиболее релевантных аспектах юридического толкования в данном случае, связанных с терминами «отрицание фактов» и «заведомо ложные сведения». Могут ли они быть применимы, например, к художественному творчеству или к интерактивным играм, допускающим развитие событий во внутриигровом мире по сценариям «альтернативной истории»?

§ 3.4. Правовая оценка объективной стороны преступлений, совершенных с использованием имитации оружия

Кроме того, очевидно, что правовая оценка информации, в широком смысле слова, может иметь юридическое значение **практически для любых иных преступлений, не обязательно связанных с ней непосредственно** (в этом, кстати, отражается основополагающая роль социальной коммуникации, в том числе с точки зрения теоретической социологии). Примером могут послужить самые разные преступления. Например, п. 13 утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» указано, что

> «…если виновный угрожал заведомо негодным оружием или *имитацией оружия*, например *макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т.д.*, не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни, его действия (при отсутствии отягчающих обстоятельств) следует квалифицировать как разбой, предусмотренный ч. 1 ст. 146 УК РСФСР».

П. 4 действующего на момент написания настоящей работы Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержит следующую формулировку:

> «Если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, *имитирующими оружие* (здесь и далее выделено мною – ***В.А.***), например, *макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и т.п.*, не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств, предусмотренных в качестве признаков преступления) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью первой статьи 162 УК РФ, а в том случае, *если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметам, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж*».

Независимо от уголовно-правовой оценки изменения подхода к рассматриваемым случаям отметим, что проблема в уголовном праве осознается достаточно давно, и что в последнем из процитированных актов также содержится критерий субъективного восприятия потерпевшего, перекликающийся с «теорией согласия» для интерпретации «магического круга» в компьютерных играх, предложенной Дж. Фэйрфилдом (см. § 5 Главы 2 настоящего исследования).

Кроме того, весьма характерна и оценка указанных случаев в современной доктрине уголовного права. Как отмечает Р.С. Гасанов:

> «В таких случаях решающее значение для правильной квалификации имеет то, чем *на самом деле* (здесь и далее выделено мною – ***В.А.***) являлся предмет (оружием или макетом), и намерения нападающего. Если квалификация угрозы заведомо для

нападающего негодным оружием или макетом оружия по ч. 1 ст. 162 УК РФ логична (потерпевший рассматривает его как *реальное оружие*), то этого нельзя сказать о случаях угрозы годным оружием, даже если лицо и не собирается его применять для причинения вреда. Если незаряженное оружие по степени опасности (способности, вернее неспособности, причинить вред) и может быть ближе к макету оружия, то заряженное оружие создает *непосредственную и реальную* угрозу (*фактическую, а не мнимую* потерпевшими) жизни и здоровью потерпевшего. Для *реального* причинения вреда в данном случае достаточно нажать на курок, что при определенных условиях может быть сделано даже инстинктивно».[140]

§ 3.5. Дискуссии в области права относительно пределов допустимого художественного творчества

Обратимся к методу аналитической философии, взяв в качестве объекта саму приведенную только что цитату. Разумеется, конкретно в данном случае вряд ли требуется особая философия для того, чтобы объяснить, что значат слова, которые автор использовал – «реальный», «фактический», «мнимый», – и достаточно философии здравого смысла. Ведь в цитате идет речь о причинении вреда жизни и здоровью, а это понятно. Отметим, однако, что если бы речь шла даже об имуществе (не говоря уже об информации), то интерпретация указанных слов в правовом контексте будет уже довольно сложной задачей – собственно, настоящее исследование и посвящено ее разрешению. Однако, что важно, природа проблемы одна и та же – что считать «серьезным» («реальным», «фактическим» и т.п.) для целей толкования и применения права, а также правотворчества. Полагаем, что

[140] Гасанов Р.С. Проблемы квалификации и доказывания разбойных нападений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 35 – 39. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019). – Абз. 68. Отметим, что помимо грабежа и разбоя, с точки зрения уголовного права, данная проблема также актуальна для такого преступления как хулиганство. В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» указано, что «применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо *декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п.* дает основание для квалификации содеянного по пункту "а" части 1 статьи 213 УК РФ» (т.е. с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия). В доктрине отмечается непоследовательность позиции Верховного Суда в данном вопросе – см. напр. Абубакиров Ф.М. Квалификация причинения вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Российский следователь. 2016. № 13. С. 17 – 20. Однако данная «непоследовательность», собственно, и может рассматриваться в качестве лишнего подтверждения актуальности рассматриваемой проблематики.

данных примеров из области уголовного права, отражающих проблемы восприятия информации вполне достаточно в качестве иллюстрации для исследования, предметом которого не является административно- или уголовно-правовая проблематика.

Оговорки о «художественном» или «историческом» в позитивном праве – одна сторона вопроса. Мы также располагаем весьма любопытным эмпирическим материалом, на примере которого также можно поставить вопрос о **пределах художественного творчества**. Это взгляд как бы с другой стороны: рассуждение начинается не с вопроса о [семантических] пределах права, а напротив – с вопроса о пределах свободы творчества. Речь идет о достаточно хорошо известной проблеме свободы обращения автора с реальным и историческим материалом, например, в случае создания творческих произведений, посвященных реальным историческим фигурам, но относящихся к художественному жанру. С точки зрения права, данные вопросы связаны, в первую очередь, с гражданско-правовым институтом нематериальных благ. Может ли литературное или кинематографическое произведение художественного, а не документального характера, например, в принципе нарушить право реального субъекта или его наследников на честь, достоинство и доброе имя? Может ли творческий и художественный характер произведения в отношении общеизвестного лица давать иммунитет автору от применения законодательства о персональных данных? А об экстремизме? Отметим, что подобные вопросы также особо актуализируются именно в современной информационной культуре. В условиях, когда средства производства, поиска, передачи и распространения стали общедоступными, интенсифицировались и практики, относящиеся к художественному или квази-художественному (подразумеваются произведения, созданные непрофессиональными пользователями) творчеству, а также их обсуждение и, как следствие, накал страстей.

Соответственно, обострились и противоречия на фоне правовой неопределенности относительно подходов к разрешению проблемы семантических пределов права в теории и на практике. Рассмотрим несколько практических примеров.

Поскольку в настоящем исследовании заострено внимание именно на современной информационной культуре, будет вполне правомерно взять в качестве одного из примеров комиксы как характерный пример современного массового искусства. Так, в 2019 году издательство «Комильфо»[141] отказалось от публикации одной из глав комикса про Дэдпула,[142] ориентируясь на консультацию с экспертом Роспотребнадзора.[143] Вопрос был связан с одной из историй,

> «в которой рассказывается о борьбе Дэдпула с неонацистом по имени Барон Земо. Часть комикса написана от имени отрицательного персонажа: он рассуждает о величии белой расы, восхваляет Гитлера и говорит о необходимости холокоста. Параллельно он восстанавливает Ку-Клукс-Клан и готовит провокацию, чтобы развязать в США межрасовую войну. Перед финальной битвой Дэдпул переодевается в костюм еврея-хасида и называет Барона Земо “нацистским куском [удалено по этическим соображениям]”. Этот выпуск сопровождается послесловием автора, где Дэвид Лафем пишет об отрицательном персонаже: “Самое ужасное, что таких в реальном мире полно”. Кроме того, он советует читателям “погуглить про холокост”, предупреждая, что это будет “не смешно”».[144]

Как отмечается в СМИ,

---

[141] См. Издательство «Комильфо» [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: http://www.komilfobook.ru/ (дата обращения: 15.01.2019).

[142] Дедпул (“*Deadpool*”) – известный с 1990-х гг. персонаж вселенной комиксов *Marvel Comics* (автор – Фабиан Ницеза), антигерой, обладающий циничным чувством юмора. Неоднократно встречается в кино- и телефильмах, компьютерных играх и, собственно, комиксах. См.: Deadpool // Marvel. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.marvel.com/characters/deadpool-wade-wilson (accessed: 15.01.2019).

[143] Согласно российскому законодательству, за некоторыми исключениями, освещенными в настоящем исследовании, Роспотребнадзор не относится к числу органов, осуществляющих экспертизу информационной продукции, однако это снижает ценности и репрезентативности возникшей дискуссии, особенно, с учетом последующих исторических примеров из практики США.

[144] См.: Черных А., Карпенко М., Миронова К. Роспотребнадзор победил супергероя. Часть комикса о Дэдпуле не допущена к печати в России // Коммерсант. 15.01.2019, стр. 5. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3854153 (дата обращения: 15.01.2019); В России отказались допускать к печати часть комикса о Дэдпуле // Lenta.Ru. 15 января 2019 г. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: https://lenta.ru/news/2019/01/15/deadpool/ (дата обращения: 15.01.2019).

«несмотря на очевидную антинацистскую направленность истории, эксперт Роспотребнадзора заявил, что с точки зрения российского законодательства[145] публикация подобного комикса недопустима. "Эксперт указал на наличие нацистской символики и на неоправданные сюжетом (выделено мною – ***В.А.***) высказывания Барона Земо о необходимости холокоста, одобрении действий национал-социалистического режима в Германии и Ку-Клукс-Клана, – сообщил "Ъ" Роман Дмитровский. – Эксперт признал, что образ злодея является карикатурным, а произведение – сатирой, но заявил, что холокост, нацизм и расизм не могут являться объектами сатиры и юмора. Это якобы сделает проблему менее существенной, заставит читателя не считать ее важной, а, следовательно, это пропаганда нацизма».[146]

Развернувшаяся дискуссия прямо относится к предмету исследования – подпадает или нет такой предмет отношений как сюжет комикса в рассматриваемом варианте, тем более что соответствующие спорные высказывания не просто осуждаются автором произведения, но и вложены в уста антагониста (!). Весьма характерно, что с экспертом выразил несогласие Президент Российского еврейского конгресса Юрий Каннер:

«"Я не видел этого комикса, но для меня очевидно, что в таких вопросах необходимо учитывать контекст. Давайте вспомним фильм "Семнадцать мгновений весны", где Штирлиц носит форму СС. И никому не придет в голову называть это пропагандой, – сказал господин Каннер. – Я не понимаю, *какая тут может быть экспертиза, если речь идет об искусстве* (выделено мною – ***В.А.***)". Он отметил, что не видит ничего плохого в том, чтобы рассказать историю холокоста в комиксах: "В наше время подача материала должна быть такой, чтобы зацепить целевую аудиторию. Если молодежь получит знания еще и из комиксов, ничего страшного. Важно, чтобы это

---

[145] Между делом отметим, что это лишний раз доказывает, насколько полезным было бы участие юристов в экспертизе контента, поскольку в профессиональные компетенции специалистов из других областей знаний *не входит толкование правовых норм*, – допустимость или недопустимость публикации определяется исходя не только из экспертной оценки содержания как такового, но и из системы правовых норм, правовых позиций Конституционного суда и иных составляющих правовой системы, определяющих пределы реализации конституционных прав, включая право на свободу слова и распространения информации. Кроме того, упоминаемое далее понятие «пропаганды», как оно используется в законе, представляет собой специальный юридический термин, который не обязательно совпадает с тем значением, которое ему придается в неюридических науках, хотя и пересекается с ним (такой же наглядный пример, как и в случае с «азартными играми» - многое, являющееся «азартным» с точки зрения психологии, не является таковым с точки зрения действующего на момент написания настоящей работы российского законодательства). Другое дело, если в комиксе используется символика, до степени смешения схожая с символикой нацистских и иных запрещенных организаций, – в таком случае речь, с формально-юридической точки зрения, действительно, может идти об ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, но этот вопрос мы уже рассмотрели отдельно.

[146] Черных А., Карпенко М., Миронова К. Роспотребнадзор победил супергероя. Часть комикса о Дэдпуле не допущена к печати в России.

> происходило с правильной расстановкой акцентов”. Также Юрий Каннер заявил “Ъ”, что шутить можно “по самым разным поводам”, и даже привел пример: “Однажды я был участником официальной российской делегации в Польше, и мы посетили музей нацистского лагеря смерти в Освенциме. За обедом официант спросил у одного известного московского раввина, какую воду тот предпочитает. Раввин ответил: "Обычно я пью воду с газом, но именно в Освенциме, пожалуй, попрошу без газа". Все посмеялись, никого эта шутка не задела. В тонком вопросе юмора не стоит быть ханжами”».[147]

На примере данного, казалось бы, частного вопроса вскрывается проблема пределов действия ограничений на распространение информации. Сам факт наличия такой дискуссии (а это лишь один из возможных примеров в данной области) демонстрирует отсутствие разделяемого в профессиональном сообществе на данный момент решения. В то же время, отметим, что приведенная дискуссия представляет собой обмен частными мнениями, а не правоприменительную практику.

Кстати, вопрос о содержании именно комиксов актуален не только для современной России. В США он возник еще в середине XX в. на фоне волны популярности данных изданий. Авторы статьи в «Коммерсанте» приводят мнение эксперта в области комикс-культуры, автора тематического канала в Telegram Ульяна Чеснокова, который упоминает “Кодекс комиксов” (“*Comics Code*”) США 1954 года.[148] Создание данного «Кодекса», представлявшего собой акт саморегулирования индустрии, было обусловлено тем фактом, что в стране, часто воспринимаемой как «колыбель свободы слова», в некоторых городах в 1940-х годах были установлены запреты и организованы *публичные сожжения* тиражей комиксов.[149] В 1955 году в США состоялись слушания Сената по вопросу комиксов со спорным содержанием (при этом ориентированным на взрослую аудиторию).

---

[147] Там же.

[148] Там же.

[149] См.: Costello M.J. Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America. New York: Continuum. 2009. P. 7; Nyberg A.K. Seal of Approval: The Origins and History of the Comics Code. Vol 1. Jackson: University Press of Mississippi, 1994. P. 26. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://books.google.ru/books?id=WGDschFUKRQC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed: 15.01.2019).

Слушания были связаны с комиксом ужасов Ф. Уэртама (F. Wertham) "*Seduction of the Innocent*", на обложке которого был изображен рисунок отрубленной головы женщины.[150] М. Костелло приводит следующий диалог между Уильямом Гэйнсом (издателем комикса) и сенатором Эстесом Кефаувером:

> «*Кефаувер*: Вы полагаете, что это хороший вкус?
> *Гэйнс*: Да, сэр. Полагаю, именно так, для обложки комикса ужасов. Обложка, исполненная в плохом вкусе, изображала бы голову выше, чтобы было видно, как капает кровь из шеи и течет дальше по телу, так чтобы шея была запятнана кровью.
> *Кефаувер*: На вашей картинке кровь течет из ее рта.
> *Гэйнс*: Немного.
> *Кефаувер*: Кровь и на топоре. Я думаю, большая часть взрослых будет этим шокирована».[151]

В итоге, индустрия пошла по пути самоцензуры и создала «Кодекс Комиксов» 26 октября 1954 года.[152] Любопытно, что содержание Кодекса отражает многие из известных сейчас запретов и ограничений информационного законодательства в отношении публичного распространения определенных видов контента, в том числе в Интернете. Отметим здесь несколько примеров. Так, предусматривается, что «преступления никогда не должны изображаться в таком ключе, чтобы возникала симпатия к преступнику, формировалось недоверие силам правопорядка и правосудия или чтобы у других возникало желание имитировать преступников». Согласно Кодексу, «полицейские, судьи, государственные служащие и соответствующие органы никогда не должны изображаться таким образом, чтобы выражалось неуважение к действующей власти». Среди прочего, Кодекс указывает, что «сцены или инструменты, связанные с ходячими мертвецами, пытками,

---

[150] См.: Wilson M.D. Comics Bogeyman: A Look Back at 'Seduction of the Innocent' // Comic Alliance. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://comicsalliance.com/history-fredric-wertham-seduction-of-the-innocent/ (accessed: 15.01.2019).

[151] Costello M.J. Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America. P. 7.

[152] См.: The Comics Code of 1954 // Comic Book Legal Defense Fund. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://cbldf.org/the-comics-code-of-1954/ (accessed: 15.01.2019).

вампирами и вампиризмом, упырями, каннибализмом и оборотнями запрещаются». Запрещаются бранные и нецензурные слова, а также слова и символы, которые получили «нежелательные значения». Устанавливается запрет на насмешку над какой-либо религиозной или расовой группой, или посягательство на нее. Примечательно, что Кодекс комиксов США также стоит на защите традиционных семейных ценностей вплоть до запрета на ироничное отношение к разводу или изображение данного акта как желательного. Это лишь несколько характерных примеров. В целом, Кодекс использовался как инструмент саморегулирования, позволяющий определять отношение к информационной продукции и третьим лицам, в том числе рекламодателям. К 2000-м годам, с учетом в целом изменившейся обстановки, издатели постепенно начали отходить от строгого применения маркировок, предусмотренных Кодексом в пользу альтернативных и более мягких способов классификации контента.[153] Однако такое развитие событий не сказалось на остроте самой проблемы, характерным примером чего является дело *Castillo v. Texas, 79 S.W. 3d 817 (Tex. 2002)*.[154] В данном деле суд подверг уголовному наказанию продавца комиксов «для взрослых», который продал один из таких комиксов из специальной ограниченной секции для взрослых совершеннолетнему (как потом выяснилось – полицейскому в гражданской одежде), убедившись в его совершеннолетии. Прокурор, однако, высказал «железный» аргумент о том, что все равно «всем известно», что комиксы сами по себе, в любом случае, предназначены для детей.

В то же время, создание Кодекса комиксов можно считать началом долгого процесса развития саморегулирования и самоцензуры американских организаций, которая сейчас преимущественно выражается в развивающихся правилах

[153] Abandonment / Comics Code Authority // Wikipedia. – [Electronic Resource]. – [Site]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Comics_Code_Authority#cite_note-3 (accessed: 15.01.2019).

[154] См.: CBLDF Case Files – Texas v. Castillo [Electronic resource] // Comic Book Legal Defense Fund. – [Site]. – URL: http://cbldf.org/about-us/case-files/cbldf-case-files/castillo/ (accessed: 21.02.2019).

относительно контента на различных пользовательских платформах (например, известный *YouTube*[155]) и содержательно, но с поправкой на другие приоритеты политического и социокультурного контекста, мало чем отличается от содержания норм публичного права в юрисдикциях, следующих по пути преимущественно прямого законодательного регулирования информационных отношений.

§ 3.6. Шутки, анекдоты и пародии в пределах и за пределами допустимого с точки зрения права

Ранее мы рассмотрели примеры семантических пределов права, относящиеся к областям художественного. Помимо этого, очевидно, релевантна еще одна область, но она немного отличается от произведений, охраняемых в той или иной степени авторским правом. Речь идет о «несерьезном» – **шутках, анекдотах и прочих подобных артефактах культуры** (обратим внимание на интернет-мемы XXI столетия), которые относятся к области юмора и сатиры. Одно из наиболее острых бытовых проявлений семантических пределов права на протяжении всей истории человечества косвенно выражается в относительно извечном вопросе о том, можно ли «сесть» за анекдот. Семантические пределы права, в данном случае, определяют ту линию, которая разграничивает юмор или сатиру от оскорбления или иного подобного юридического феномена, связанного с нарушением неимущественных прав. Методология построения описательной характеристики такого разграничения напоминает «воображаемое» – «реальное». В то же время, рассматриваемая дихотомия несколько иная. Смешное – не обязательно воображаемое.

В связи с упоминанием авторского права имеет смысл вспомнить еще и такое явление, как *пародии*. В контексте настоящей работы мы предлагаем рассматривать

---

[155] См.: YouTube Policies and Safety [Electronic resource] // YouTube. – [Site]. – URL: https://www.youtube.com/intl/en-GB/yt/about/policies/#community-guidelines (accessed: 21.02.2019).

особенности правового режима пародий с точки зрения авторского права, предполагающего определенную степень исключений из общих правил. Так, например, п. 4 ст. 1274 ГК РФ («Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях») прямо указывает, что создание произведения в жанре литературной, музыкальной или иной пародии либо в жанре карикатуры на основе другого (оригинального) правомерно обнародованного произведения и использование этих пародий либо карикатуры допускаются без согласия автора или иного обладателя исключительного права на оригинальное произведение и без выплаты ему вознаграждения. Что это как не пример позитивного закрепления семантических пределов права в отношении исключительного права? В обычной ситуации, в которой предметом общественных отношений не выступают пародийные произведения (а, напротив, – серьезные) для создания и, тем более, использования пародии (карикатуры) оригинального произведения, необходимо получение соответствующего разрешения от обладателя исключительного права на оригинальное произведение. Здесь – нет. Причина заключается в том, что*, с точки зрения здравого* смысла, положения об исключительном праве не могут применяться к тому, что является своего рода шуткой.[156] Тем не менее, следует учитывать и судебную практику, которая

[156] Отметим, что в литературе приводится точка зрения, согласно которой правовая природа пародий отличается от производных произведений, и именно поэтому в законодательстве различных стран мира, включая Российскую Федерацию, включено «сверхисключение» относительно пародий. Так, например, С. Зыков отмечает, что «то, что на пародию не распространяется режим производного или составного произведения, дает ответ и на поставленный выше вопрос о причине отсутствия пародии в примерном перечне производных произведений, т.е. созданных в результате переработки. Можно было бы сформулировать, что переработка охватывает создание производного произведения (перевода, обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки и тому подобного), за исключением пародии. Если же присмотреться внимательнее, то усматривается и содержательное отличие пародии от переработки: во втором случае сохраняется по меньшей мере внутренняя форма произведения. Изменения претерпевает внешняя форма произведения, например, при переводе с одного языка на другой или при переложении прозаического произведения в сценарное. При пародировании же внутренняя форма претерпевает существенные изменения, система образов представляется в новом соотношении с целью достижения комического эффекта, который является существенным и необходимым признаком пародии». Далее автор ссылается на опыт США и говорит о таком необходимом признаке пародии, как узнаваемость. См.: Зыков С. Проблема отнесения пародий к производным произведениям: не пора ли ставить точку? [Электронный ресурс] // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 4. – С. 41–46. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Именно

предполагает не формальный, а содержательный подход к определению того, может ли какое-либо производное произведение считаться пародией.

Вернемся к юридической проблематике юмора и сатиры. Как отмечают С.В. Борисов и А.В. Жеребченко,

> «применение уголовного законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности также должно учитывать … положения Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации»,[157] в частности, о том что «юмор и сатира… допускают высокую степень преувеличения, даже провокации, при условии что общество не вводится в заблуждение относительно фактической стороны дела».[158]

В данном случае, как можно отметить в контексте настоящего исследования, семантические пределы права выстраиваются по критерию введения общества в заблуждение относительно фактической стороны дела.

Одним из наиболее ярких примеров определения семантических пределов права в коммуникации, которой (как установил суд – неправильно) придавался характер «несерьезного», в практике Европейского суда по правам человека является содержание Решения ЕСПЧ от 20.10.2015 г. по делу «М'Бала М'Бала (M'Bala M'Bala) против Франции» (жалоба № 25239/13).[159] Обстоятельства дела, изложенные в решении, следующие:

поэтому позволим себе не согласиться с подходом, поскольку он не включает рассмотрение вопроса об авторских правах, в частности, на персонажей. Дело в том, что согласно п. 7 ст. 1259 ГК РФ, авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонажа произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают требованиям, установленным п. 3 ст. 1259 ГК РФ.. Представляется крайне сложным избежать создания производного произведения от персонажа при создании пародии именно в условиях, когда узнаваемость является необходимым качеством пародии.

[157] Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. Монография / Отв. ред. С.В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. – 264 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018). – Абз. 695 / 2233.

[158] Цит. по: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. – Абз. 703 / 2233

[159] Информация о Решении ЕСПЧ от 20.10.2015 г. по делу "М'Бала М'Бала (M'Bala M'Bala) против Франции" (жалоба № 25239/13) [Электронный ресурс] // Бюллетень Европйского Суда по правам человека. – 2016. - №. 3. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

«В декабре 2008 года заявитель, артист-комик, известный под именем Дьедонне, являвшийся политическим активистом, предложил преподавателю университета, которому во Франции несколько раз выносились обвинительные приговоры за негационистские и ревизионистские высказывания, отрицающие наличие газовых камер в концентрационных лагерях, выйти вместе с ним на сцену в конце его представления. Затем заявитель позвал актера, одетого «в чем мать родила», то есть в полосатую пижаму, напоминающую одежду депортированных евреев с нашивкой в виде желтой звезды и словом «еврей», чтобы вручить этому преподавателю «награду за нелюдимость и высокомерие». Эта награда представляла собой трехствольный канделябр (семиствольный канделябр является символом иудаизма), каждый ствол которого был увенчан яблоком. Произошедшее было зафиксировано полицией. В октябре 2009 года трибунал большого процесса признал заявителя виновным в публичном оскорблении лица или группы лиц в связи с их происхождением или с тем, принадлежат или не принадлежат они к какому-то конкретному этносу, нации, расе или религии, в данном случае лиц еврейской национальности или вероисповедания. Суд назначил заявителю наказание в виде штрафа в размере 10 000 евро, а также обязал его выплатить по одному евро каждому гражданскому истцу в качестве компенсации ущерба. Данный приговор был оставлен без изменения апелляционным судом, а Кассационный суд Франции оставил кассационную жалобу заявителя без удовлетворения».

Ключевая часть решения, имеющая значение для рассматриваемого вопроса, отражена в следующем параграфе:

«Европейский Суд счел, что в ходе оскорбительного эпизода представление утратило характер развлекательного зрелища и превратилось в политическое мероприятие. В конкретных обстоятельствах дела и, принимая во внимание его контекст в целом, заявитель не мог утверждать, что он выступал в качестве актера, имеющего право выражать свои мнения посредством сатиры, юмора и провокации. Фактически под видом комедийного представления он пригласил одного из самых известных французских негационистов, который за год до этого был осужден за отрицание преступления против человечности, с целью оказать ему честь и предоставить ему возможность выступить. Кроме того, во время подчеркнуто нелепой постановки он вывел на сцену актера в одежде, которую носили депортированные евреи в концентрационных лагерях, поручив ему вручить преподавателю награду. Из-за того, что в этой пропаганде негационизма центральное место было отведено преподавателю университета, а евреи, пострадавшие от депортаций, были поставлены в унизительное положение, сопряженное с отрицанием того, что они подвергались истреблению, Европейский Суд усмотрел в ней проявление ненависти и антисемитизма, а также сомнений в реальности Холокоста. Европейский Суд не может допустить, чтобы на представлении, пусть даже сатирическом или

> провокационном, подпадающем под защиту статьи 10 Конвенции, выражались идеи, которые противоречат основополагающим ценностям Конвенции, нашедшим отражение в Преамбуле к ней, таким как справедливость и мир».[160]

В предлагаемом в настоящей работе методологическом ключе допустимо утверждать, что Европейский Суд, таким образом, определил семантические пределы права в данной ситуации.

§ 3.7. Материалы, утратившие свою актуальность в контексте «права на забвение»

Области художественного (воображаемого) и несерьезного (юмора и сатиры), о которых шла речь ранее, и область игрового, о которой речь шла в предыдущем параграфе и пойдет дальше, – не единственные релевантные предмету исследования. **Материалы, которые можно назвать «историческими» или, более широко, утратившими актуальность**, также непосредственно связаны с проблемой семантических пределов права. Как было показано ранее, проблемы с толкованием правовых текстов, направленных, например, на установление ограничений на распространение информации, могут быть актуальны не только для вымысла, но и для реальности – в части событий минувших дней, многие из которых уже не актуальны для настоящего.

В качестве иллюстрации того, что данный ракурс проблемы уже начинает осознаваться в законодательстве, можно обратить внимание на то, как сейчас в Законе об информации реализовано «право на забвение»,[161] предусмотренное ст.

---

[160] Там же.

[161] Отметим, что условное название «право на забвение» применительно к специальной норме об обязанностях оператора поисковой системы, которое в России имеет в большей степени значение специальной правовой нормы из области публично-правового регулирования отношений в Интернете, не полностью совпадает с аналогичным «правом на забвение» (“right to be forgotten”) в GDPR, которое сейчас интерпретируется как специальная норма законодательства о персональных данных. Однако источник у обоих подходов общий – это дело ЕСПЧ Марио Костехи Гонсалеса. См.: Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и

10.3 указанного нормативно-правового акта. Указанная статья возлагает на оператора поисковой системы, на которого распространяется данная норма по критерию направленности,[162] обязанность по требованию физического лица прекратить выдачу сведений, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, являющейся, в том числе, «*неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость*».

Можно сказать, что данная статья, в некотором смысле, содержит пример отдельных критериев семантических пределов права: утрата значения в силу последующих событий или действий заявителя. При этом за семантические пределы права, в таком смысле, не выходит указанная информация о деяниях, относящихся к области уголовно-правовой практики. Пример с «правом на забвение» представляется весьма уместным для данной части исследования. С сожалением вынуждены отметить, что пояснительная записка к проекту федерального закона, которым, в итоге, была введена ст. 10.3 Закона об информации, не раскрывает подходы к тому, как следует понимать иные признаки «неактуальности» информации.[163]

Марио Костехи Гонсалеса [Электронный ресурс] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2014. – № 9. – С. 22–23. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

[162] Ст. 10.3 Закона об информации, в силу прямого указания, распространяется на операторов поисковой системы, которые распространяют в сети Интернет рекламу, которая направлена на потребителей, находящихся на территории Российской Федерации. Такое указание само по себе представляет собой один из дискуссионных подходов к определению юрисдикции в Интернете, но рассмотрение данных специальных вопросов информационного права находится за пределами настоящей работы.

[163] Пояснительная записка с Законопроекту № 804132-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» в части установления обязанностей операторов поисковой системы

§ 3.8. Проблемы юридического разграничения азартных игр и игр, не являющихся азартными

В качестве еще одной области, которая может послужить источником для примеров, можно вспомнить проблему определения того**, является или нет та или иная игра азартной с точки зрения права**. Проблема разграничения азартных и не азартных игр, на первый взгляд, является узкой и отраслевой. Однако, в то же время, в данной проблеме может быть усмотрено и философско-правовое измерение, соответствующее предмету настоящего исследования. В большинстве юрисдикций и культур азартные игры рассматриваются как социокультурная практика, имеющая негативную ценность, и требующая вмешательства законодателя для установления запретов или, как минимум, ограничений. В связи с этим и возникает проблема правовой квалификации игр как азартных и не азартных, осложненная многозначностью слов «азарт» и «игра» в обыденном языке. Кроме того, есть и еще одна грань проблемы правового регулирования азартных игр как таковых. В правовых системах многих стран мира отношения, связанные с организацией азартных игр и участием в них, рассматриваются как допустимый предмет правового регулирования с точки зрения запретов и ограничений. В то же время, требования, вытекающие из данных отношений, часто не подлежат судебной защите в силу прямого указания закона. Этот аспект также непосредственно связан с предметом настоящего исследования.

Прежде чем перейти к рассмотрению игровой деятельности, не относящейся к азартным играм, приведем краткий анализ ситуации с нормативным регулированием самих азартных игр – данная область представляет собой весьма наглядный пример оценки предмета общественных отношений с точки зрения критериев несерьезности

при распространении информации о гражданах [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД). – [Сайт]. – URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/804132-6 (дата обращения: 21.02.2019).

и фантазийности, которые более подробно будут раскрыты далее, в контексте методологии настоящего исследования.

Правовая политика, отраженная в действующем российском законодательстве, ограничивает и строго регламентирует деятельность по организации и проведению азартных игр. В отличие от культурологических, этологических и иных интерпретаций,[164] законодательное определение азартной игры не связывает данный процесс *непосредственно* с психологическим феноменом азарта как таковым (иначе бы практически любую игру можно было бы считать азартной). Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ,[165] азартная игра представляет собой основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное между двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры. На первый взгляд, данное определение может или же должно быть применено к какой-либо игре как таковой (например, игре в покер или игре в рулетку). Однако, в действительности, это определение подразумевает правовую квалификацию не игры как таковой, а *договоренности о том, как следует в какую-либо игру играть*. В контексте настоящей работы здесь очевидна параллель между тем, что об играх говорили как М. Мидгли, так и А. Росс (см. § 6.1 Главы 3 настоящего исследования), подчеркивая, что любая игра с необходимостью отсылает к договоренностям о том, как в эту игру следует играть, имея в виду не только игровую механику, но и само отношение к игре. Предметом «основанного на риске соглашения о выигрыше…» может быть любой процесс, результат которого заранее не известен и при этом

---

[164] См. напр: Понукалина О.В. Игры общества потребления: конструирование повседневности // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. - №1. – С. 1–7; Ахундова Л.А., Азарова Е.А. Гемблинг как форма нехимической аддикции в современном обществе // Инновационная наука. – 2016. - № 4–5 (16). – С. 91–93.

[165] О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 25.12.2018 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

случаен. Причем в доктрине права, относящейся к проблематике правового регулирования деятельности по организации азартных игр, справедливо подчеркивается принципиальная важность надлежащего толкования слова «риск», используемого в приведенном определении. «Риск» в целом понимается как *возможность случайной утраты имущества*, принадлежащего игроку.[166] Вы можете играть в покер, не делая ставки, а наслаждаясь процессом. Такая игра азартной в законодательном смысле не будет. Напротив, играя в шахматы со ставками, деятельность игроков будет представлять собой азартную игру, несмотря на то, что по своей природе шахматы с трудом могут быть рассмотрены как азартная игра в том смысле, в котором это слово употребляется в обыденном языке – в шахматах нет элемента случайности, который был бы предусмотрен самими правилами игры (для целей данного анализа мы не учитываем все возможные «случайности», проистекающие из индивидуальной реакции игроков).

Подводя промежуточные итоги отметим, что во всех приведенных выше примерах можно выделить нечто общее – это связь предмета общественных отношений с чем-то оторванным от «серьезной» повседневности, а также вытекающие из этого проблемы толкования права применительно к соответствующим ситуациям, которые, по крайней мере, в некоторых случаях могут привести к результатам, абсурдным с точки зрения обыденного языка и здравого смысла. Попробуем более точно охарактеризовать контекст, в котором значимость таких проблем качественно изменяется, и сформировать сообразную такому контексту гипотезу для дальнейшего анализа.

---

[166] См.: Иванова О.А. Азартные игры: понятие и признаки в концепции российского законодательства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2 (82). –С. 111–117.

§ 4. Концепция медиального поворота как обобщение ключевых признаков социокультурного контекста проблемы

Актуальный социокультурный контекст, обусловливающий проблему семантических пределов права, может быть охарактеризован двумя основными факторами. *Во-первых*, это **цифровой поворот**, подразумевающий такие изменения материальных основ производства, распространения и потребления информации, которые влекут изменения социокультурных практик.[167] *Во-вторых*, это **игровой поворот**, в результате которого, с одной стороны, появляется новая форма [массовой] культуры и искусства (в том числе, влекущая переоценку «серьезности» происходящего в социокоммуникативном измерении), а с другой – поляризующая социальные группы, поскольку в отношении значения компьютерных игр высказываются радикально противоположные мнения.[168] Представление об указанных «поворотах» для целей настоящей работы условно и инструментально. Их можно систематизировать и разделять по-разному. Так, руководитель Центра медиафилософии Института философии СПбГУ и *de facto* основатель российского направления медиафилософии В.В. Савчук в книге «Медиафилософия. Приступ реальности»[169] отмечает:

> «В современной философии мы без труда обнаружим различные повороты: онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный,

---

[167] См. напр. Udupa S., Costa E., Budka P. The Digital Turn: New Directions in Media Anthropology / Discussion Paper for the Follow-Up E-Seminar on the EASA Media Anthropology Network Panel "The Digital Turn" at the 15th European Association of Social Anthropologists (EASA) Biennal Conference, Stockholm, Sweden, 14-17 August 2018 [Electronic resource] // Media Anthropology Network. – [Site]. – URL: http://www.media-anthropology.net/file/udupa_costa_budka_digital_turn_discussion_paper.pdf (accessed: 03.08.2019).

[168] Пожалуй, наиболее точно игровой поворот в культуре и в теории медиа описан в следующей работе: Raessens J. The Ludic Turn in Media Theory / Lecture. 2012 [Electronic resource] / Utrecht University Repository. – [Site]. – URL: https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/255181 (accessed: 03.08.2019).

[169] Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА. – 2014. – 162 с. Здесь и далее мы преимущественно сосредоточим внимание на этой работе В.В. Савчука как первом и главном в России монографическом исследовании медиафилософии, по мере необходимости обращаясь и к некоторым зарубежным авторам.

> постмодернистский, медиальный, антропологический, риторический, пространственный. Их число растет. Оглядевшись пристальнее, кто-то непременно добавит новые, неучтенные».[170]

В смысле такой рабочей классификации, и цифровой поворот, и игровой поворот могут рассматриваться как части общего **медиального поворота** (или «медиаповорота»). Такая квалификация имеет двойной смысл в контексте настоящей работы, ведь «обобщенные символические *посредники*», концепция которых лежит в основе разрабатываемого подхода о семантических пределах права, в оригинальных текстах Т. Парсонса и его англоязычных последователей – это "*generalized symbolic media*", тогда как «посредник» – скорее, традиция перевода в теоретической социологии, но по существу, речь идет и о «медиа» в смысле медиафилософии.[171]

Один из новых ракурсов, который представлен в настоящей работе, заключается как раз в том, чтобы дать **юридическую оценку медиальному повороту**, характеристика которого приведена в настоящем параграфе далее. Право является частью социокультурного измерения жизни общества, а значит такое тотальное явление, как медиальный поворот, с неизбежностью воздействует и на право. Как отмечает И.Л. Честнов, «право – это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует, и с обществом как социальным целым… Таким образом, нет правовых явлений (законов, индивидуальных актов, правоотношений), которые одновременно

---

[170] Там же. С. 7.

[171] Осознание конституирующей социальную реальность роли «медиа» как посредника коммуникации характерно для многих научных направлений XX в. Например, в «*Социологии права*» Ю.И. Гревцов следующим образом воспроизводит взгляд П.А. Сорокина на структуру правового отношения: «П.А. Сорокин, уделивший много внимания анализу социального взаимодействия, выделил в структуре взаимодействия три элемента: *стороны* (субъекты) социального взаимодействия; *акты* или поведение, действия сторон взаимодействия и ***проводники*** (выделено мною – ***В.А.***). Под последними он понимал самые различные явления, с помощью которых или по которым «взаимные акции и реакции взаимодействующих индивидов передаются друг другу, или, выражаясь языком энергетики, по которым энергия, в частности психическая энергия, передается от индивида к другому». Правовые нормы относятся, по схеме П.А. Сорокина, к проводникам». См.: Гревцов Ю.И. Социология права. Курс лекций. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 163. Ю.И. Гревцов при этом цитирует П.А. Сорокина по следующему изданию: Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. М., 1993. С. 172.

не были бы психическими (как писал в свое время Л.И. Петражицкий), экономическими, политическими и т.д. – в широком смысле – социокультурными феноменами».[172] Соответственно, если современное общество характеризуется медиальным поворотом, то право нуждается в переосмыслении в контексте таких социокультурных изменений.

Медиальный поворот представляет собой системное явление, которое видоизменяет парадигму социокультурной жизни, едва ли до конца осмысленное в философии, очевидно, существенным образом влияет на круг актуальных проблем юриспруденции. В некотором смысле, данное исследование – исследование о праве в условиях медиального поворота, а проблема семантических пределов права актуализируется именно сейчас, поскольку значительная часть эмпирического материала, в отношении которого данная проблема проявляется прямо, связана с действием права в медиапространстве.[173] Как отмечает В.В. Савчук,

> «…после череды важнейших для XX и начала XXI в. поворотов все настоятельнее слышны голоса признать суммирующим и, одновременно, фундаментальным медиальный поворот (medial turn)»;[174] «…медиа – и способ коммуникации, и орудие производства, и **изощренный способ симуляции** (выделено мною – ***В.А.***), и орудие политической борьбы».[175] Важно и следующее наблюдение: «…после лингвистического приходит медиальный поворот – онтологическое свидетельство изменения реальности, – что бытие и медиареальность отождествляются и взаимозаменяются, растворяясь друг в друге. Этапы его становления таковы: действительность опосредована мышлением, мышление – языком, язык – знаком, знак – медиа. Надстраиваясь друг над другом, “бытие” в современных условиях дается только через медиа».[176]

---

[172] Честнов И.Л. Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 5 (310). – С. 119.

[173] В этом контексте рискнем предположить, что проникновение терминологии, характерной для современной симулятивной реальности медиального поворота, в юридические дискуссии само по себе является признаком медиального поворота. Так, например, в статье В.В. Лазарева 2016 года, посвященной толкованию права, подчеркиваются методологические перспективы изучения мемов в юриспруденции. См.: Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. – С. 15–28.

[174] Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 19.

[175] Там же. С. 23.

[176] Там же. С. 24.

В этом контексте отметим подсказку к сути общефилософской проблемы исследования: право нацелено на регулирование реальности, но «жесткая реальность» доинформационного общества, в котором сложились основные институты права и само право как социальный институт, трансформируется в современную «игривую медиареальность», в которой сложно (но при этом необходимо!) найти принцип, по которому мы сможем определять ту область применения норм, имеющих предоставительно-обязывающий характер, которая не будет противоречить здравому смыслу, иными словами – не приведет к абсурду. Прослеживается аналогия между рассуждением М.М. Бахтина и Ж. Бодрийяра: в некотором смысле, если раньше *карнавал* представлял собой изолированное в пространстве или, по крайней мере, во времени игровое действие, то сейчас мы находимся в условии «карнавализации» пространства, обусловленной его *медиатизацией*.[177] Основная проблема и выражается в том, что симулякры медиареальности сейчас не изолированы в рамках особого действа, а непредсказуемо распределены в медиапространстве. Данное наблюдение соответствует и тому, какие отличия от игр прошлого, в связи со взглядами М.М. Бахтина, можно усмотреть в современных примерах компьютерных игр (см. § 5 Главы 1 настоящего исследования). Образно говоря, с точки зрения истории культуры, **до медиального поворота медиареальность была объектом права, но сейчас происходит осмысление того, что право действует в медиареальности и само выступает в качестве ее объекта**.

Медиафилософия формируется в эпоху «новых медиа». Хотя «нет более скоропортящегося интеллектуального продукта, чем слово новое»,[178] в контексте данной работы понятно, о чем идет речь. Во избежание путаницы и исключительно

---

[177] См. напр.: M. Raei. Jean Baudrillard and the notion of modernity and media // Medium.com. Feb. 11, 2018. – [Site]. – URL: https://medium.com/@raeimohsen/jean-baudrillard-and-the-notion-of-modernity-and-media-4b5fc1a92f7c (accessed: 09.09.2019).

[178] Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 50.

для целей настоящего юридического исследования (но не для целей медиафилософии) мы можем заменить слово «новый» на слово **«цифровой»**, это будет более точно.

> «При всей очевидности и интуитивной ясности, выражение “новые медиа” не имеют терминологического статуса, – отмечает В.В. Савчук, – скорее, его окружает облако смыслов, отсылающих к компьютеру, всевозможным мобильным устройства и Интернету».[179]

На рубеже XX и XXI в. Л. Манович противопоставил «новые» медиа «старым» именно по линии разграничения «аналоговый – цифровой», выделив пять основных принципов «новых медиа».[180] Как полагает В.В. Савчук, «по прошествии короткого, но насыщенного событиями и открытиями времени многие отличительные характеристики новых медиа становятся инвалидными, либо уходят во второстепенные и несущественные».[181] Тем не менее, данная оценка зависит от предмета исследования. Если для инновационной медиафилософии она, вероятно, будет верна, то для консервативной по своей природе юриспруденции, – нет. Каждый из признаков, выделенных Л. Мановичем, сохраняет актуальность для права, о чем мы ниже скажем отдельно, а в практике правоприменения актуализируется лишь тогда, когда становится *значимым* в смысле конвертируемой «социально-валютной ценности» обобщенных символических посредников (о чем более подробно будет сказано в Главах 2 и 3 настоящего исследования). В современных российских условиях системная юридическая значимость всех

---

[179] Там же. С. 49.
[180] См.: Manovich L. The Language of New Media. – London: MIT Press: Cambridge, Massachusets, 2001. – 202 p.
[181] Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 50.

признаков, пожалуй, и возникла вместе с Программой «Цифровая экономика Российской Федерации».[182] Какие же принципы формулирует Л. Манович?

Во-первых, новые объекты медиа,[183] независимо от того, создаются ли они на компьютере изначально, либо оцифровываются впоследствии, состоят из цифрового кода и в своей основе представляют **числовые репрезентации**. Из этого следует, что новые объекты медиа могут быть описаны математически, и что они могут быть объектом манипуляции посредством алгоритмов. «Если кратко, – отмечает Л. Манович, – медиа становится программируемым».[184] В широком смысле, для права это влечет действительно разнообразные последствия. Например, объекты нового медиа *по определению* будут представлять собой не только *sui generis* объекты правового регулирования (произведения искусства для права интеллектуальной собственности, предмет юридически-значимой коммуникации для договорного права и т.п.), но также всегда – информацию и, потенциально, результат интеллектуальной деятельности. Последнее актуально не только для упомянутого права интеллектуальной собственности, но и для других областей. Возможность манипуляций посредством алгоритмов серьезным образом влияет на оценку новых медиа с точки зрения доказательственного права.[185]

Во-вторых, новые объекты медиа **«модулярны» или, иными словами, «фрактальны»**.

---

[182] Принятие данной Программы – прямой признак «социально-валютной ценности» ряда феноменов, поскольку она была принята институтом политической власти. Опять же, подробнее о таком подходе – далее в работе. Здесь мы все же остановимся на социокультурном контексте.

[183] Подчеркнем, что «медиа» в данном контексте мы рассматриваем широко – не в смысле феноменов эстетики (не только в этом возможном смысле), но в смысле медиафилософии.

[184] Manovich L. The Language of New Media. P. 27.

[185] По крайней мере, в российских реалиях, несмотря на то что частично такой подход может быть устаревшим (при использовании усиленной квалифицированной электронной подписи), к собственноручным подписям на бумажном носителе доверия больше, чем к электронным. Это вытекает, в том числе, и из текста Федерального закона от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», в ст. 6 которого в качестве «эталона» рассматривается именно документ на бумажном носителе, подписанный собственноручной подписью.

> «Элементы медиа, будь это изображения, звуки, формы или паттерны поведения, представлены в виде коллекции дискретных образцов (пиксели, полигоны, воксели, знаки, скрипты). Данные элементы собираются в объекты большего масштаба, но продолжают сохранять свои отдельные идентичности… Если кратко, новые объекты медиа состоят из независимых частей, каждая из которых состоит из независимых частей поменьше, и так далее, вплоть до уровня самых маленьких “атомов” – пикселей, 3-D точек или текстовых символов».[186]

Как отмечает Л. Манович, полностью модулярная структура и у Интернета – речь идет не о сайтах (представлять Интернет в виде совокупности сайтов – упрощенная модель, которая поддерживается главным образом производителями браузеров), а о разнообразных информационных объектах.[187] Юридическое значение данного обстоятельства пересекается с наблюдением, связанным с предыдущим принципом. Кроме того, очевидно и то, что, если не принимать во внимание атомарный уровень, который чаще всего не может оцениваться в таком смысле, каждый «модуль» или «фрактал» может выступать самостоятельным предметом правового регулирования, и при этом такое регулирование средствами «старого» права может вступать в конфликт с регулированием целого большого объекта, состоящего из таких модулей. Аналоговые объекты редко бывают настолько фрактальны именно в этом смысле. Иными словами, приумножается сложность весьма философского, на первый взгляд, вопроса, который на примере гражданского права может быть сформулирован как вопрос о том, в какой момент прекращается право собственности на материалы, и возникает право собственности на вещь, созданную из таких материалов.

В-третьих, это **автоматизация**. Л. Манович подчеркивает, что из нумерического кодирования медиа и модулярной структуры объекта следует возможность автоматизировать множество операций, связанных с созданием и манипуляцией объектом, а также доступом к нему. Участие человека, по крайней

---

[186] Manovich L. The Language of New Media. PP. 30-31.
[187] Ibid. P. 31.

мере, в части может быть устранено из данных процессов.[188] Несложно заметить, что данное обстоятельство существенным образом влияет на юридическую оценку – как сейчас, так и в перспективе. Обзор всех возможных юридических проблем, связанных с автоматизированными действиями, выходит далеко за рамки настоящего исследования и заслуживает нескольких самостоятельных монографических исследований. Очевидны импликации проблемы в области искусственного интеллекта и робототехники.[189] Естественным образом возникают проблемы в определении «автора» произведения, исходного или переработанного, если оно создавалось с помощью инструментов автоматизации.[190] Автоматизированная обработка персональных данных (которая, таким образом, стала возможным после того, как такие данные приняли форму цифрового объекта новой медиареальности) урегулирована специальным образом.[191] Количество примеров потенциальных и актуальных юридических коллизий, связанных с данным принципом, сложно исчислить.

В-четвертых, речь идет о принципе **вариативности**. Как и в случае с предыдущим принципом, в связи с нумерической репрезентацией и модулярной структурой, «новый объект медиа не представляет собой нечто раз и навсегда зафиксированное, но нечто, что может существовать в различных, потенциально

---

[188] Ibid. P. 32.

[189] См. напр.: Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – Вып. 6(55). – С. 46–62; Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170; Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. – 2017. – № 1. – С. 19–27; Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. – Москва, 2016. – № 2. – С. 18–25; Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.

[190] См. напр.: Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7–18.

[191] Специальные правила, например, предусмотрены в ст. 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 31.12.2017 г.) «Права субъектов персональных данных при принятии решений на основании исключительно автоматизированной обработки их персональных данных». Автоматизированная обработка персональных данных упоминается в пп. 15, 67, 68, 71 Преамбулы, ст. 2, 4, 15 и др. Общего регламента ЕС по защите данных – General Data Protection Regulation (GDPR) – Постановления ЕС 2016/79.

бесконечных версиях».[192] Если взглянуть на этот принцип с юридической точки зрения, становится ясно, что количество потенциальных правовых импликаций этого принципа также велико. Ранее статичный и зафиксированный предмет правового регулирования в условиях медиального поворота становится изменчивым, могут меняться, в том числе, те его свойства, которые значимы для правовой квалификации. Как и в предыдущем случае, примеров может быть множество. В качестве одного наглядного примера можем привести следующий, достаточно простой и даже немного устаревший и с точки зрения юриспруденции: материал, размещенный по гиперссылке какого-либо сайта, может изменяться произвольно. Раньше там была запрещенная (или разрешенная) информация, а теперь – наоборот. Это порождает ряд вопросов, связанных с юридической ответственностью участников правоотношений, с эффективностью и целесообразностью юридических процедур, нацеленных на блокировку или снятие блокировки с ресурса и т.п. Сам автор приводит развернутый пример «гипермедиа», представляющего собой информационный продукт, состоящий из «лоскутков» информации, объединенной посредством гиперссылок. Понятно, что правовое измерение такого продукта как предмета регулирования будет не менее запутано, чем его техническая структура.

Наконец, *в-пятых*, выделяется принцип **транскодирования**. Л. Манович рассматривает его как самый серьезный по эффекту для культуры. Если кратко, его суть сводится к тому, что происходит «перевод» объектов старого медиа из артефактов человеческой докомпьютерной культуры в число артефактов цифровой реальности. Лучше всего это выразил сам ученый:

> «Примером может послужить компьютерное изображение. На уровне репрезентации оно принадлежит к одной стороне человеческой культуры, автоматически входя в диалог с другими изображениями, другими культурными “семами” и “мифемами”. Но на другом уровне, это компьютерный файл, который состоит из машиночитаемого

[192] Manovich L. The Language of New Media. PP. 36.

> заголовка, за которым идут числа, представляющие значения цветов его пикселей. На этом уровне оно входит в диалог с другими компьютерными файлами. Измерения этого диалога не составляют содержание, значения или формальные качестве изображения, но размер и формат файла, тип сжатия и т.д. Если кратко, эти измерения принадлежат собственной космогонии компьютера, а не человеческой культуры… На языке новых медиа, "транскодировать" что-либо – значит перевести это в другой формат. Компьютеризация культуры постепенно предпринимает аналогичное транскодирование в отношении всех культурных категорий и концептов. Иными словами, культурные категории и концепты заменяются на уровне значения и/или языка новыми, которые проистекают из компьютерной онтологии, эпистемологии и прагматики. Новые медиа, таким образом, выступают в качестве провозвестников этого более общего процесса реконцептуализации культуры».[193]

Но реконцептуализация культуры – это реконцептуализация социальной реальности, а реконцептуализация социальной реальности – это, в то же время, сущностные изменения многочисленных предметов правовых отношений.

Подчеркнем, что основной целью настоящего параграфа является систематизация основных предпосылок цифрового поворота. Количество новых технологий и практик растет. Например, не меньший методологический потенциал для настоящего исследования имеют **технологии виртуальной и, особенно, дополненной реальности**, которые будут рассмотрены в Главе 2 настоящего исследования применительно к ситуации с толкованием правового текста, содержащего правовую норму о запрете «транспортных средств» в парке из дискуссии между Г. Хартом и Л. Фуллером.

В целом приведенные выше признаки в интерпретации Л. Мановича описывают ту составляющую медиаповорота, которую мы обозначили как «цифровой поворот». Цифровой поворот задает **условия**, в которых формируется эмпирическая база для концептуализации проблемы семантических пределов права. Но **содержание** этой проблемы, хотя и зависит от этих условий, но определяется другой составляющей медиального поворота, *ориентированной не на объекты, а на*

---

[193] Ibid. P. 46-47.

социальные практики. Речь идет об **игровом повороте**, и о том, что именно компьютерные игры, которые теперь мы рассматриваем, в том числе, как новые медиа, представляют собой яркий и репрезентативный материал для поставленной нами проблемы. Отметим, однако, что и другие социальные практики, задаваемые цифровым поворотом (в том числе, практики общения в социальных сетях как новой разновидностью новых же медиа, о которых, кстати, Л. Манович на момент написания своей книги знать не мог – первые современные социальные сети возникают только в первой декаде XXI века[194]), также подталкивают нас к проблеме семантических пределов права, но, в отличие от игр, подобные практики изначально были ориентированы на *реальную*, даже если не всегда *серьезную,* коммуникацию, а потому они менее репрезентативны и наглядны в качестве основного эмпирического материала.

Гипотеза **об игровом повороте** может быть намечена уже в связи с ростом и значимостью рынка игровой индустрии с точки зрения экономики.[195] В культуре он определяется следующим контекстом. Как отмечает В.В. Савчук применительно к играм в целом,

> «После Й. Хёйзинги, Л. Витгенштейна и Р. Кайуа всерьез говорить о понимании существа игры как онтологического условия культуры, функций, ею исполняемых, ее видов, не учитывая результаты их исследования – самонадеянно. Современные компьютерные игры или сетевые игры, о коих классики – по более чем понятным причинам – писать не могли, а из пишущих ныне преобладают осуждения педагогов, журналистов, психологов, врачей, все еще являются слепым пятном гуманитарных исследований. **Тем не менее, они – точное измерение “температуры” общественных ожиданий, накала противоречий и социальной дисгармонии довольно заметных слоев общества** (выделено мною – ***В.А.***)».[196]

---

[194] Например, первая версия *Facebook* была запущена в 2004 году. См.: Facebook. Our History [Electronic resource] // Facebook Newsroom. – [Site]. – URL: https://newsroom.fb.com/company-info/ (accessed: 26.01.2019).

[195] Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. – Москва, 2015. – № 11. – С. 62.

[196] Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 135.

Отметим, что настоящее исследование не посвящено моральной оценке компьютерных игр, а также юридическим запретам и ограничениям в отношении таковых самим по себе (кроме отдельных специальных примеров из эмпирического материала), поэтому конкретно для юриспруденции проблема негативного восприятия самих исследований, направленных на изучение компьютерных игр как предмета регулирования и правовых отношений, складывающихся по их поводу, не стоит в принципе. И в самом деле, если бы юридическая наука не занималась анализом правового регулирования и иной юридической проблематики всех тех явлений, которые «осуждаются» педагогами, журналистами, психологами и врачами (справедливости ради, отметим, что далеко не все последние исследования свидетельствуют о негативной роли компьютерных игр, – ряд последних исследований говорит об обратном), то количество научных работ по юриспруденции сократилось бы наполовину, а уголовно-правовые и криминологические исследования можно было бы в принципе отбросить за ненадобностью.

Но вернемся к основной теме. Для нас важно следующее наблюдение:

> «Компьютерные игры – результат мутации в конце XX века игры как таковой. Они вбирают все типы игр, выделенные Кайуа: Agôn (состязательные игры), Aléa (игры случая, «азартные»), Mimicry (подражательные) и Ilinx (экстатические). Ни раскованная дохристианская античность, ни Средние века с их конвенциональной стыдливостью, ни, тем более, Возрождение с его героическим утверждением гуманизма, ни увлеченное разумом Новое время, с пафосом решившее взвесить все на его весах, не смогли запретить азартные игры».[197]

Подчеркнем, что «азарт» в смысле игровых и медиа-исследований и «азарт» как признак ограничиваемых или запрещаемых юридически игр – это разные, хотя и родственные термины. Как правило, право ограничивает строго определенные

[197] Там же. С. 136–137.

категории игр по причине их «азартности» и данный термин специально ограничивает для целей правоприменения. О принципах данного ограничения скажем позднее. Пока отметим, что компьютерные игры представляют собой интересный и репрезентативный объект для исследования не только по той причине, что они соединяют все «старые» игры, но и потому, что они отражают культурные изменения, сопутствующие цифровизации, несмотря на некоторую остаточную маргинализацию, являются стержневым явлением современной информационной культуры и, кроме того, объединяют в себе различные направления искусства.

В целом культурологи отмечают, что

> «кардинальная смена практик социализации, идентификации, коммуникации позволяет говорить о существенных социокультурных изменениях, а развитие и внедрение новых технологий оказывают непосредственное влияние на общество и на культуру в целом. Цифровизация, с одной стороны, выступает объединяющим и интегрирующим началом, с другой – вызывает еще большие разломы в обществе и порождает новые формы неравенства и сегрегации».[198]

Автор данного наблюдения, А.А. Лисенкова, среди новых социокультурных вызовов современной эпохи, отмечает, в том числе, «появление сетевых мультиличностей: (Я-один перестает существовать, создаются многопользовательские миры и фэндомные сообщества). Влечет за собой трансформацию способов социализации и идентификации (синтаксис сохранен – ***В.А.***)»,[199] а также «трансформацию языковых практик: цифровое поколение говорит на другом языке, языке гиков, используя повсеместно иностранные слова с другими значениями. Эти процессы вызывают изменения языковой культуры и смещение смысловых значений».[200]

---

[198] Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Том 7. – № 3. – С. 217.

[199] Там же. С. 220.

[200] Там же.

Как отмечают О.Ю. Волков и Ю.К. Волков,

«…соглашаясь с субъектно-объектной интерпретацией коммуникативного действия, нельзя не указать на его интерсубъективное продолжение. Речь идет о том, что в системе опосредованных объектом субъектно-объектных отношений понимание или непонимание значения и смысла отчужденного знания связано с процессом нового смыслопорождения и субъективирования объективного [3, с.263]. Именно подобная диалогово-коммуникативная семиотическая трактовка информации легла в основу создания персональных устройств, использующих *информационные технологии* с целью общения, что и составило главный системный ресурс информационного общества».[201]

Отмечая роль и значимость информационных технологий в жизни современного общества, авторы подчеркивают, что

«информационные технологии в обществе современного типа реализуются во всех основных сферах человеческой жизнедеятельности, включая самую сложную и масштабную область, идентифицируемую в понятии культура. Более того, степень влияния информационных технологий на область современной культуры оказалась столь значительна, что привела даже к появлению особой информационной культуры»[202].

При этом авторы подмечают, что

«наряду с другими формообразующими признаками культуры информационного общества (клиповость, фрагментальность, модульность, изобразительность, метафоричность, многозначность, использование графики и т.д.), ее качественно новым состоянием является наличие зрелой формы т.н. “экранной культуры”, чаще всего определяемой как виртуальная реальность (от лат. *virtualis* – возможный)».[203]

Продолжая рассуждение, исследователи указывают, что

---

[201] Волков О.Ю., Волков Ю.К. Компьютерная игра как технологический и эстетический феномен культуры информационного общества // Приволжский научный вестник. – 2015. – №6-3 (46). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-igra-kak-tehnologicheskiy-i-esteticheskiy-fenomen-kultury-informatsionnogo-obschestva (дата обращения: 01.10.2017). – С. 80.

[202] Там же.

[203] Там же. С. 80 – 81.

> «в информационном культурном пространстве современного социума особое место занимает феномен компьютерных игр» , и заключают, что «…оставаясь по форме современным технологическим устройством, по своей эстетической сути компьютерная игра выступает в культуре информационного общества как сложный синтетический аналог игрового искусства и художественного творчества, единства образотворчества и смыслотворчества, одновременно содержащий в себе “бессознательно-художественные” и сознательно-волевые элементы деятельности, оценки и понимания»[204].

Иными словами, в общем, на современном этапе развития информационного общества формируется информационная культура, одним из значимых эстетических феноменов которой являются компьютерные игры. Однако это лишь одно из возможных проявлений данного аспекта развития.

Как подчеркивает В.В. Савчук,

> «с развитием компьютерной техники и технологий виртуальной реальности совершенствовались и компьютерные игры. Изменения коснулись не только формы выражения – графика, сцены, образы, – но и внутренних структур компьютерных игр, которые стали обладать более сложным сюжетом и идеологией. Это привело к тому, что изменился состав играющих. Если ранее, на заре эры компьютеризации, в компьютерные игры играли, в основном, дети и подростки, то с распространением компьютерной техники и последующим развитием виртуальных игр, их потребитель стал более взрослым (он взрослел вместе с развитием и совершенствованием самих игр) и образованным. Особняком – поскольку их принимают безусловно, а создание и развитие субсидируют – стоят обучающие игры, тренинги, симуляторы сложных машин и средств ведения войны… Одним из частных, но все же важных следствий является разоблачение мифа о компьютерных играх как о явлении низовой культуры, свойственном детскому возрасту или инфантильным личностям; игры не маргинальны, они являются таким же важным элементом культуры, как и игры психологические, спортивные, художественные, любовные. При этом традиционные игры все чаще прибегают к посредничеству новых медиа».[205]

Таким образом, **игровой поворот выражается, в социальной легитимации компьютерных игр** как предмета исследования в социально-гуманитарном научном

---

[204] Там же.
[205] Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 139–140.

дискурсе в частности, а в целом – в легитимации компьютерных игр в культуре.[206] Кроме того, из системного осмысления представленных в настоящем параграфе источников следует и еще один важный вывод – **игры не только становятся разновидностью массового искусства, которое нельзя игнорировать, но и сама культура «игрофицируется»**.[207] На наш взгляд, последнее критически важно для понимания направленности исследования, посвященного юридическим способам преодоления конфликта между серьезным и несерьезным, здравым смыслом и абсурдом. Терминологический аппарат описания происходящих в рамках игрового поворота событий и тенденций не разработан на системном уровне и в широко применимой редакции. В то же время, ясно, что игры прошлого принципиально отличаются, как минимум, количественно и в юридически-значимом контексте, от современных примеров – раньше игры и область несерьезного не были настолько распространены и «растворены» в повседневной жизни, что может быть объяснено экономически (появление большего количества «свободного времени»), психологически (напротив, обращение к развлечениям в минуты кризиса) и, очевидно, технологически (перенос игр в распространенный потребительский технологический ландшафт). В современных исследованиях подчеркивается, что виртуальная реальность хотя и изменяет, на первый взгляд, лишь «форму презентации игрового действа», тем не менее, «ведет к качественно иной вовлеченности игрока в игру и диктует свои особенности игрового поведения и восприятия».[208] Медиальный поворот вновь предлагает обратить внимание на феномен игры как таковой. М.М. Бахтин продемонстрировал, что «коренное отличие

---

[206] Особенно следует подчеркнуть факт признания компьютерного спорта официальным видом спорта в некоторых странах, в первую очередь – в Российской Федерации, где это было сделано впервые в истории. Подробнее см.: Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. 2018. № 5. С. 80 – 92.

[207] Оригинальный английский термин – “gamification”. Адаптирован, а не транслитерирован, для благозвучности и исключения не относящихся к предмету исследования коннотаций.

[208] Тендрякова М.В. Старые и новые лики игры: игровая специфика виртуального пространства // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 2. – С. 60.

искусства от игры заключается в том, что в игре принципиально отсутствуют зрители и авторы. Игра в них не нуждается, она будет игрой и без них. Сам играющий не видит свою игру в целом, не имеет ее целостного эстетического образа. Произведение искусства всегда что-то изображает, а игра ничего не *изображает*, но лишь *воображает*».[209] Соответственно, игра становится искусством, «именно драматическим действием», когда появляется «безучастный участник – зритель»,[210] что мы и наблюдаем в современных социокультурных практиках, окружающих компьютерные игры. В то же время, у «игры и искусства… общее заключается том, что они не являются действительной жизнью. Однако их "недействительность" разная: игра *воображает* жизнь, а искусство *изображает*».[211] Подчеркнем, что **в условиях цифрового поворота такая грань между воображением и изображением стирается**. Более того, и в случае с воображением, и в случае с изображением, мы усматриваем наличие симуляции в специальном смысле настоящего исследования. Отметим при этом, что для культурологии и родственных ей дисциплин вопрос о том, претерпели ли в условиях медиального поворота игровые практики качественные изменения, связанные с их природой как таковой, отличается от вопроса о том, влекут ли *какие-либо* характерные для таких условий изменения, связанные с игрой в человеческом обществе, *последствия для права*. В контексте настоящего исследования именно последний вопрос связывается с представлением о симуляции как о феномене, исключающим возможность такого применения права, которое соответствовало бы здравому смыслу. Так или иначе, игровой поворот в культуре связывается, конечно, не только и не столько с самими компьютерными играми, опосредуемыми технологической виртуальной

---

[209] Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1999 [Электронный ресурс] / PSYLIB. – [Сайт]. – URL: http://psylib.org.ua/books/demid01/txt04.htm (accessed: 09.09.2019).

[210] См.: Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Издательство «Искусство», 1979. – С. 67–68.

[211] Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1999 [Электронный ресурс] / PSYLIB. – [Сайт]. – URL: http://psylib.org.ua/books/demid01/txt04.htm (accessed: 09.09.2019).

реальностью, а в целом с осмыслением культуры с игровой точки зрения – при таком подходе и труды самого М.М. Бахтина следует считать свидетельством игрового поворота в XX веке.

В свете данных рассуждений весьма характеры высказывания и лидеров самой индустрии компьютерных игр. В предисловии к книге Р. Костера, ключевого разработчика многопользовательской ролевой онлайн-игры *Ultima Online*, другой авторитетный гейм-дизайнер Уилл Райт[212] пишет:

> «В первые десятилетия разработки интерактивных игр, медленно и с трудом овладевая этим непростым ремеслом, мы позволяли себе игнорировать глобальные вопросы, стоящие за нашей деятельностью. Но теперь мы понемногу начинаем проявлять интерес к ее философским аспектам. Работники игровой индустрии задаются вопросом: "А что, собственно, представляет собой та новая среда [в оригинале – "medium"], в которой нам приходится работать?". Этот научный интерес обусловлен двумя факторами. Во-первых, мы начинаем понимать, что компьютерные игры представляют собой принципиально новое средство взаимодействия, новую область дизайна и, возможно, даже новый вид искусства. И все это заслуживает пристального изучения. Во-вторых, на этих играх вырастает новое поколение, и кто-то из сегодняшних подростков впоследствии захочет войти в ряды разработчиков… Игры (как компьютерные, так и обычные) нелегко изучать в силу их многоаспектности. Их можно рассматривать с самых разных точек зрения. Для разработки и производства игр необходимы знания в области когнитивной психологии, информатики, дизайна игровой среды и написания сценариев – и это далеко не все! Чтобы до конца понять суть игры, вам нужно изучить каждый ее элемент [в оригинале – "from all these points of view"]».[213]

С распространением компьютерных игр стал востребован их анализ не только с точки зрения самого ремесла (или, иногда, искусства) разработки игр, но и их анализ как артефакта социальной реальности, а также как предмета правового регулирования в широком смысле слова – анализ компьютерных игр с точки зрения

---

[212] Уилл Райт (род. 1960) – сооснователь компании *Maxis*, впоследствии работавший в компании *Electronic Arts*, разработчик известных игр-симуляторов серии *SimCity*, *The Sims* и др. «До Уилла Райта компьютерные симуляции были областью деятельности для военного дела, научных исследований и сообщества. Он же передал их всем». См.: Lifetime Achievement [Electronic resource] // PC Magazine. December 22, 2004. – [Site]. – URL: https://www.pcmag.com/article2/0,2817,1744159,00.asp (accessed: 23.01.2019); Will Wright [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,4217/ (accessed: 23.01.2019).

[213] Костер Р. Разработка игр и теория развлечений. – Москва: ДМК Пресс, 2018. – С. x-xi.

права интеллектуальной собственности, скорее, относится к первому направлению. Нам же больше интересны отношения между пользователями, опосредованные компьютерными играми, и определение той тонкой грани, когда связанные с ними отношения становятся настолько *реальными и серьезными*, что право уже не может их игнорировать.

Актуальность и репрезентативность компьютерных игр и значение самого игрового поворота связана не только со «светлой стороной» методологического потенциала исследования игровых отношений как таковых. В.В. Савчук, подходя уже очень близко к юридической плоскости, подмечает, что,

> «…исходя из факта возрастающего распространения и совершенствования компьютерных игр, последние требуют пристального внимания и мониторинга, в том числе отслеживающего появление порнографии, пропаганды наркотиков, расовой и национальной ненависти – это оборотная сторона медиареальности в целом, и компьютерных игр в частности. Это явление рождает все новые феномены, проникая в кино, средства массовой информации, образование (подготовка и обучение специалистов и т.д.). Не следует забывать и такой важный аспект, как возможность использования компьютерных игр в качестве средства манипуляции общественным сознанием. Способность производить преобразования в реальности намного превосходит ее осознание теоретиками и практиками игры. Игра “играет роль” катализатора сплочения общества и регулирует его морально-этическое поведение. Нельзя не заметить, например, необходимости деконструкции способов идеологического воздействия на формирование американской версии Второй мировой войны, отношения к исламским странам, России, третьему миру в конкретных играх».[214]

Отметим, что в этом наблюдении уже содержится потенциальная «подсказка» направлению, в котором следует искать вопрос о том, в каких случаях отношения, связанные с содержанием компьютерных игр, формированием такого содержания, а также отношения внутри виртуальной реальности могут неожиданно стать предметом правового регулирования. Кроме того, приведенная цитата возвращает нас к вопросу о пределах права не только в том специальном *семантическом*

[214] Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. С. 141.

смысле, который развивается в рамках настоящей работы, но и к вопросу о «моральных пределах права», о которых речь пойдет в § 1 Главы 2.

В разговоре о «темной стороне» современной социокультурной трансформации, некоторое (и, возможно, ироничное) пояснение тому, в каком именно ракурсе актуальный социокультурный контекст – информационного общества эпохи постмодерна – интересен в настоящей работе, может дать следующее наблюдение. Упоминающийся далее на страницах настоящего исследования (в § 1 Главы 2) Дж. Фейнберг в книге «Посягательство в отношении других [“*Offense to Others*”][215]: моральные пределы уголовного права» предложил читателю мысленный эксперимент. Смысл эксперимента заключается в том, что вы опаздываете на важную встречу, садитесь в автобус (соответственно, возникает замкнутое пространство) и на ваших глазах другие пассажиры начинают осуществлять действия, которые **не соответствуют понятию вреда** в терминологии Дж. Милля, автора основополагающих постулатов для моральных теорий западного мира, но которые явно вам не нравятся. Причем не нравятся настолько, что вы будете готовы рассмотреть возможность установления уголовно-правового запрета в отношении таких действий.

Гарольд Л. Далтон, строгий рецензент Дж. Фейнберга и автор рецензии под названием «“Отвращение” и наказание» («*“Disgust” and Punishment*»),[216] отбирает ряд примеров, из которых в настоящей работе мы, с учетом высоких стандартов отечественного академического стиля, пожалуй, не рискнем полностью привести ни одного, ограничившись лишь общим абстрактным описанием, и при этом дополнительно подчеркнем, что целью отсылок к данным примерам в рамках

---

[215] Точный перевод “offense” как понятия, отличного и от правонарушения как такового, и от «вреда» в миллевском смысле, вряд ли возможен. Дж. Фейнберг, как мы полагаем, имеет в виду нечто, объединяющее посягательство, оскорбление и правонарушение одновременно. Но гораздо меньшей интенсивности, чем «вред» по Дж. Миллю.

[216] Dalton H.L. “Disgust” and Punishment // The Yale Law Journal. – 1986-1987. – Vol. 96. – PP. 881–913.

настоящей работы ни в коем случае не является оскорбление чьих-либо чувств. Самые «яркие» примеры Дж. Фейнберга начинаются с шестой истории, в которой вы становитесь свидетелем поглощения вашими соседями «еды», которая обычно вызывает отвращение. В седьмой – обед перерастает в пир с древнеримским размахом, но с модификацией: соседями поглощается не только свежая еда, но уже и частично переваренная. В восьмой встречается разнообразие поглощаемых соседями продуктов жизнедеятельности людей. В одиннадцатой истории напротив вас (подразумевается, что вы добропорядочный христианин) садится молодой человек в футболке, со злой карикатурой в отношении центральной личности вероучения. В двадцать третьей – рядом с вами совершается акт зоофилии.[217] Смысл мыслительного эксперимента Дж. Фейнберга заключается в том, чтобы убедить читателя посредством живой эмоциональной реакции в том, что миллевский принцип вреда не является единственным основанием для возможного государственного принуждения. Цивилизованное общество, по мнению автора, должно ограждать своих членов, в том числе, за счет вмешательства в свободу других лиц, не только от вреда как такового, но и от «посягательства» (англ. "*offense*"),[218] которое не может быть однозначно интерпретировано как вред. Впрочем, такого рода рассуждения актуальны прежде всего именно для западного морально-философского дискурса, во многом основанного на утилитаристской традиции, и неизбежно включающего критику или переосмысление трудов Дж. Милля практически в любой дискуссии о моральных измерениях права.

В контексте данного параграфа настоящего исследования о трансформации общества в современных условиях нам интересно другое – помимо рассмотренных ранее примеров, связанных с появлением новых феноменов и практик

[217] Ibid. P. 884.

[218] Здесь есть некоторые трудности перевода, поскольку в исходном варианте автор оперирует тонкими семантическими различиями отдельных английским слов, которые соответствуют разной степени общественной опасности правонарушения.

информационной культуры, относящихся к цифровым технологиям непосредственно, таких как многопользовательские компьютерные игры и компьютерный спорт, появляются и некоторые культурные практики, предположительно – не без элементов воздействия тех же процессов либерализации производства и распространения информации. Есть такое воздействие или нет – отдельный предмет исследования социологии и культурологии, однако мы, в любом случае, можем постулировать корреляцию данных процессов, поскольку это вопрос факта. Главный ракурс для настоящего исследования выражается в том, что некоторые из описанных выше Дж. Фейнбергом абстрактных примеров оскорбительного поведения, предложенных автором в большей степени как продукт воображения, за последние десятилетия нашли свое косвенное выражение в **акционизме**,[219] часто интерпретируемом как практика, относящаяся к области искусства.[220] Данный культурный феномен заслуживает особого внимания в

[219] В настоящем исследовании термин «акционизм» используется в узком смысле – в том, в котором он описывает деятельность П. Павленского и Pussy Riot, с обязательным элементом взаимодействия с социально-значимыми предметами общественных отношений и, как следствие, с неизбежным переходом коммуникации в правовую плоскость. Есть и альтернативные, более широкие трактовки. Как, например, отмечает В.О. Петров, «цель авторов акций, в том числе и музыкальных, – создать художественные образцы (не полностью зафиксированные в пространстве опусы), являющиеся *свободной реализацией конкретной идеи*. Получалось подчас и так, что единственно-значимой задачей художников и всех людей, принимавших участие в реализации акции, при этом становилось генерирование идей и концепций. Авторские текст представляет собой своеобразную «инструкцию по применению». Реализуют ее в музыкальном искусстве *исполнители*. Концептуальным объектов (в большинстве случаев, с обилием авторских комментариев) в музыкальном произведении могут стать графики, схемы, диаграммы, формулы, словесные пояснения и изобразительные рисунки, а также объекты, не имеющие определенного функционального назначения. Словом, получался, как правило, идейный пласт, не имеющий конкретной реализации. Иногда частью словесного выражения идеи акции становилось и указанием среды, в которой мог демонстрироваться сам концептуальный объект. Акции могли проводиться везде – на улице, на дороге, в поле, в лесу, у горы, в конкретном населенном пункте, галерее, концертном зале. Концептуальная идея автора носит, скорее, хаотичный характер, задача же исполнителей – привести хаос в гармонию». См.: Петров О.В. Акционизм и его проявление в вокально-инструментальных сочинениях Джона Кейджа // Проблемы науки. – 2018. – № 5 (125). – С. 103–104. Такая трактовка заостряет внимание на спонтаннной передаче идеи, но не идет дальше в ограничении термина «акционизм» случая прямого внедрения в материал эстетического объекта «внешних референтов ценности» (в терминологии С. Абрутина).

[220] Сразу отметим, что относить акционизм к искусству в обычных, классических интерпретациях последнего, можно только в том случае, если мы рассматриваем оба термина в ключе языковых игр Л. Витгенштейна, согласно которому между значениями слов в реальной практике языка редко бывает прямая и иерархическая логическая связь, но чаще встречается «родственная связь». В рамках интерпретационной концепции настоящей работы «материалом» для создания «произведений» акционизма являются обобщенные символические посредники в терминологии Т. Парсонса, более подробно раскрытые в Главах 3 и 4 настоящей диссертации, и это сущностно отличается от материала для традиционных произведений искусства, хотя эстетический эффект последних ситуативно также может говорить о

контексте нашей работы как второй (после многопользовательских игр) полярный пример столкновения серьезного и несерьезного, однозначно имеющий правовое измерение и вновь сталкивающий нас с вопросом о возможных пределах вмешательства права не только с точки зрения морали, но и с точки зрения здравого смысла.

Возвращаясь к главной теме настоящего параграфа, подчеркнем, что современная информационная культура в условиях медиального поворота – это тот социокультурный контекст, в котором актуализируется проблема семантических пределов права.[221] Развитие информационных технологий, позволяющих всем и каждому произвольно производить информацию и свободно делиться ей, становится одной из основных предпосылок интенсификации коммуникативных практик, предметом которых является «несерьезная» информация – от сложных и многоаспектных реконструкций социальных систем в игровых многопользовательских компьютерных средах до более простых случаев новых популярных форм юмора и сатиры, которые в некоторых случаях приобретают социальную значимость. Что важно для нас, представленный далее эмпирический материал наглядно показывает, что правоприменительные органы в настоящее время в целом не располагают необходимым инструментарием для юридической аргументации в случае возникновения рассматриваемых *особых* правовых коллизий, и именно на преодоление данного пробела и нацелено настоящее исследование.

«социально-валютной ценности» в некоторых случаях. В связи с этим правовая оценка радикальных примеров акционизма не может представляться абсурдной с точки зрения юриспруденции, а максимум может находиться в «пограничной зоне» взвешивания различных ценностей при применении права.

[221] Подчеркнем связь данного наблюдения с основными подходами, отраженными в теоретико-правовой науке. Так, например, С.С. Алексеев отмечал: «Каждое исторически конкретное общество объективно требует строго определенной меры социального регулирования, иначе неизбежны отрицательные последствия для социальной системы – ее неорганизованность или, наоборот, ее излишняя регламентация («заорганизованность»). Эта мера, выражающая объем и интенсивность социального регулирования, зависит от требований существующей общественной системы, от этапа развития общества, уровня его организованности». См.: Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. – С. 31.

В культурологии и социологии обосновывается точка зрения, согласно которой на текущем этапе развития информационного общества формируется новая информационная культура. В основе данного подхода лежит представление о том, что сейчас количественные изменения в социальном воздействии информационно-телекоммуникационных технологий и «новых медиа» в целом переходят в качественные, что приводит к появлению новых социальных практик и ценностей, а также к изменению старых. Данные факторы предопределяют изменения общественных отношений и, как следствие, приумножают проблемную область юриспруденции. Как было намечено ранее, помимо частных и, нередко, догматических проблем философии права, это позволяет задуматься о новых аспектах правовой онтологии. В некотором смысле, здесь будет уместно привести позицию представителя гарвардской школы права Л. Лессига (который, в дополнение к общеизвестным биографическим сведениям, был не только одним из основателей научного дискурса интернет-права или «киберправа», а также активистом в области авторского права и со-основателем *Creative Commons* как организации, продвигающей систему моделей свободных лицензий, но и может рассматриваться в качестве продолжателя методологического направления «принципов социального порядка», заложенного предшественником Л. Лессига – Л. Фуллером). В споре с Ф. Истербруком, возражавшим против введения в университетское расписание дисциплин, связанных с изучением правовых аспектов цифровой среды и построенных по принципу интеграции правового знания вокруг новых технологических феноменов и практик, Л. Лессиг отметил, что изучение указанных проблем на современном этапе через призму технологической архитектуры, может пролить свет на фундаментальные вопросы права.[222] Как нам

[222] Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website. – [Site]. – URL: http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (accessed: 26.01.2019).

кажется, эта мысль вполне соответствует и методологии, последовательное применение которой позволяет постулировать проблему семантических пределов права как проблему правовой онтологии.

В заключение подчеркнем, что основная цель настоящего параграфа – определить актуальный именно *социокультурный* контекст проблемы семантических пределов права. Безусловно, цифровой и игровой повороты как составляющие медиального поворота имеют и экономическое измерение. Факты из экономики также вполне могут использоваться для подтверждения актуальности указанных направлений развития общества. И цифровизация, и игровая индустрия связаны с весомыми экономическими показателями. В то же время, предмет настоящей работы и ее научная новизна связана, прежде всего, с междисциплинарным исследованием, ориентированным на юриспруденцию, культурологию и теоретическую социологию, поэтому экономический аспект рассматриваемых явлений отмечается по мере необходимости и представлен в распределенном между частями исследования виде.[223]

Таким образом, в качестве ключевого социокультурного фактора, определяющего актуальность и содержание проблемы семантических пределов права в контексте социально-гуманитарного и юридического научного дискурса, усматривается **медиальный поворот**. Медиальный поворот определяет смещение внимания науки и социокультурных практик в сторону медиа как основного инструмента конструирования социальной реальности. Наиболее важные составляющие медиального поворота – это **цифровой поворот** и **игровой поворот**.

---

[223] Тем не менее, можем отметить следующие примеры. Так, по мнению экспертов, объем цифровой экономики в России к 2021 году может вырасти до 7-8,76 трлн рублей, если темпы роста составят порядка 10-15% в год. См.: Эксперт: объем цифровой экономики может достичь 9 трлн рублей к 2012 году [Электронный ресурс] // ТАСС. 6 апреля 2018 г. – [Сайт]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/5100974/ (дата обращения: 26.01.2019). Если говорить о глобальном игровом рынке, то, по данным аналитической компании Newzoo, мировой рынок игр оценивается в 137,9 млрд Долларов США по состоянию на конец 2018 года. См.: Семенов А. Мировой рынок игр заработает $137,9 млрд за 2018 год [Электронный ресурс] // App2Top.ru. – [Сайт]. – URL: https://app2top.ru/industry/mirovoj-ry-nok-igr-zarabotaet-137-9-mlrd-za-2018-god-120106.html (дата обращения: 26.01.2019).

Цифровой поворот характеризуется «компьютеризацией» культуры, задающей новые частные юридические проблемы и общий контекст универсальной проблемы семантических пределов права. Игровой поворот характеризуется как переосмыслением значения игр в культуре, так и распространением игровых артефактов в культуре. И, что особенно актуально для контекста настоящего исследования, игровой поворот обостряет проблему *симуляции* в медиапространстве, в том числе проблему *распознавания* такой симуляции, поскольку не все, что кажется симуляцией, таковой является, по крайней мере, для целей права. В 2010 году Й. Рессенс приводил следующий пример: «…использование медиа может поначалу казаться безвредным, нейтральным развлечением. Вспомните все эти творческие адаптации Звездных войн на YouTube. Но оно, однако, может оказаться связанным и с политическими целями. Обратите внимание, что турецкий суд недавно заблокировал доступ к YouTube, поскольку на нем были размещены видео, посягающие на Ататюрка, основателя Турецкой Республики; элемент выдумки [англ. "*make-believe*" – слово многозначное, также отсылающее и к виртуальности, и к притворству] отсылает к дуальной природе медиа».[224] Помимо собственных игр формируются новые культурные практики, обостряющие конфликт между серьезным и несерьезным, вымышленным и реальным, такие как акционизм. Универсальные средства правовой аргументации, позволяющие разрешать новые коллизии, на данный момент отсутствуют, и концепция семантических пределов права нацелена именно на преодоление данного научного и практического пробела.

[224] Raessens J. The Ludic Turn in Media Theory. P. 14. Лекция, на которой был подготовлен данный материал 2012 года, была прочитана в 2010 году.

§ 5. Формирование гипотезы о семантических пределах права: виртуальная реальность, абсурд и здравый смысл

Безусловно, предметные области репрезентативных нормативных источников и эмпирического материала, относящегося к теме исследования, не исчерпываются вышеуказанными – перечень вряд ли можно считать закрытым. Тем не менее, именно в указанных областях сосредоточены наиболее яркие примеры, позволяющие сформировать достаточно материала для эмпирически-обоснованной предварительной постановки проблемы о семантических пределах права. Отметим, что некоторые другие примеры также встречаются в настоящей работе, но не выделены в отдельные структурные единицы и распределены по ее тексту. Принципиальная задача, которая достигается посредством анализа специально приводимых далее примеров, заключается в том, чтобы выделить набор характерных признаков фактического состава и (или) аргументации, свойственных для типичных примеров, которые, в свою очередь, позволят аргументированно высказать интуитивную гипотезу об абсурдности толкования или применения права, а также, в некоторых случаях, и правотворчества.

Может показаться, что указанные выше примеры достаточно разнородны. Однако, когда мы говорим о проблеме определения семантических пределов права в контексте настоящей работы, мы имеем в виду вполне определенный круг случаев, для которых характерен **набор инвариантных признаков, определяемый контекстом медиального поворота**. Обобщим данные признаки для того, чтобы еще более четко ограничить предмет исследования. Итак, *в каждой из рассмотренных ситуаций*:

— правовая квалификация общественных отношений зависит от внешних по отношению к предмету юриспруденции, в центре которого находятся

предоставительно-обязывающие нормы, обстоятельств[225] (так, например, разрешение вопроса о противоречии нормам нравственности зависит от норм нравственности; разрешение вопроса о том, относится информация к категории информации, запрещенной для распространения, или нет – от соответствия критериям такой информации и т.д.);

— предмет общественных отношений не относится к *вещам* или *императивно установленным юридическим конструкциям* (таким как, например, юридические лица или обязательства). Иными словами, можно сказать, что предмет не находится в причинно-следственной связи с фактами реального мира, относящимися к настоящему или прошлому.[226] Он относится к виртуальному, вымышленному или духовному миру (например, проблематика виртуальной собственности относится к виртуальному миру в узком смысле слова, а использование игрушечного оружия в разбойном нападении – к вымышленному миру в широком смысле слова, тогда как разрешение вопроса о противоречии нормам нравственности связана с духовным миром);

— отсутствует прямой легитимный нормативный способ разрешить вопрос о возможности **толкования и (или) применения права** к рассматриваемому случаю на данном нормативном уровне или на уровне вышестоящей (в кельзеновском смысле[227]) нормы. Для целей настоящего исследования мы в целом не рассматриваем

---

[225] Примером случая, когда правовая квалификация общественных отношений зависит от юридических концептов, может послужить вопрос права в корпоративном праве (конструкция юридического лица и связанные с ним юридические конструкции составляют достаточно четкий и по-своему виртуальный мир юридической логики) или в праве интеллектуальной собственности (результат интеллектуальной деятельности – прежде всего, искусственно созданный юридический объект с теми же особенностями, что и концепты корпоративного права).

[226] Подчеркнем, что данный признак не находится в противоречии с такой группой примеров, которая относится к «информации, утратившей свою актуальность в силу последующих событий». Как раз в случае с этим примером и необходимо установить, актуальна ли информация (и тогда она находится в причинно-следственной связи с фактами реального мира) или нет (в таком случае как раз и отсутствует причинно-следственная связь с фактами реального мира).

[227] Напр.: «…при этом основная норма как последнее основание действительности этих [правовых] норм вовсе не установлена актом воли, но предпослана в юридическом мышлении». См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – С. 36.

ситуации, в которых есть норма права, прямо исключающая возможность соответствующей правовой квалификации (в качестве таких гипотетических норм можно представить следующие весьма определенные формулировки: «*Каждый вправе говорить, что он хочет, без ограничений. Данное право не может быть ограничено ничем, в том числе никаким частным или публичным интересом*» или, напротив: «*Каждому запрещено высказываться на данную тему, даже если такое высказывание является шуточным, относится к неактуальным событиям или к художественному вымыслу»*). Но рассматриваем такие, в которых вышестоящая норма не позволяет легитимировать нижестоящую или в этом есть сомнения.[228]

— возможно, выделение данного признака как инвариантного, крайне субъективно, но на данном этапе исследования позволим его оставить. Речь идет о том, что в случаях, которые потенциально составляют предмет дискурса семантических пределов права, принципиально возможна постановка вопроса об «абсурдности» вывода о применимости права к соответствующим общественным отношениям. Речь идет о той разновидности абсурдности, которая связана с семантическими связями отдельных понятий, а не правил в целом (абсурдно распространять уголовно-правовой запрет на убийство на «убийство» персонажей компьютерных игр, потому что «и так понятно, что речь совсем не об этом»).

Почему указанный набор признаков определяется контекстом медиального поворота? Дело в том, что рассматриваемый круг ситуаций стал возможным и распространенным именно в условиях медиального поворота, и обоснованием этого тезиса для целей настоящей работы можно считать содержание всей Главы 1

[228] Как в случае со ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая вполне прямо и однозначно запрещает, в том числе, публичное демонстрирование нацистской символики на известных исторических фотографиях, демонстрирующих опущенные солдатами нацистской Германии знамена на Красной площади в Москве после капитуляции. Текст ч.1 ст. 20.3 КоАП однозначно запрещает публичную демонстрацию такой фотографии, но возникает, тем не менее, вопрос о целесообразности такого запрета для исторических или научных целей. Возможно, он целесообразен, однако это не исключает необходимости рационального объяснения, почему такой запрет нужен, и тем более не исключает теоретической постановки вопроса об этом.

исследования. В самом общем смысле, можно высказать гипотезу о том, что ключевой признак здесь – **виртуальная реальность**, которая может быть интерпретирована в контексте настоящей работы достаточно широко. Случаи абсурдного толкования и применения права в условиях медиального поворота происходят в связи с феноменом виртуальности, и потому сейчас мы видим **специальный и новый случай абсурда в праве**, который нуждается в изучении. Одна из главных методологических посылок настоящего исследования заключается в том, что *далеко не во всех случаях причины того, что мы считаем нечто в праве абсурдным, связаны с противоречием морали*. В то же время, как покажет дальнейший анализ, его изучение будет полезно и для осмысления известной правовой проблематики.

Виртуальная реальность или просто «виртуальность» в этом понимании перекликается с той интерпретацией, которую феномену игры давал Э. Кастронова, переосмысливая в условиях медиального поворота труды Й. Хейзинги и Р. Кайуа, подчеркивая, что в игровых (и, можем предположить шире, – виртуальных) условиях мы действуем «как если бы»[229] что-то имело значение и [моральные] последствия. Кроме того, крайне важно отметить, что нас интересует та виртуальная реальность, которая **интерсубъективна и коммуникативна**, либо по своей природе (таковы компьютерные виртуальные миры), либо при определенном ракурсе рассмотрения (как, например, в случае с художественными произведениями, в которых нас, в контексте настоящего исследования, интересует аспект «диалога» автора с воспринимающей аудиторией).

Собственно, то, что мы понимаем под виртуальностью отношений для целей настоящего исследования – это «руины магического круга», оставшиеся после переосмысления предшествующей гипотезы о строгом отделении игровых или

[229] Здесь прослеживается связь с философским фикционализмом.

несерьезных пространств. Наглядно суть концепции видна в работах М. Консалво и Р. Стенроса, о которых пойдет речь далее (см. § 5 Главы 2 настоящего исследования). В этом и заключается суть проблемы: если с наивно-лудологической точки зрения есть четкая грань между серьезным и несерьезным, то в условиях современного медиального поворота – а научное осмысление представляет собой в данном случае отражение процессов, происходящих в социальной реальности, – такой четкой грани уже нет. То, что в трудах по игровым исследованиям называется «игрой», как показывает текстуальный анализ, значительно шире – речь идет о широком круге практик, которые и составляют часть объекта настоящего исследования. С учетом того, что основной методологический потенциал данной работы усматривается в теоретической социологии, на данном этапе мы можем ограничиться упоминанием подхода П. Бергера и Т. Лукмана, на котором заостряет свое внимание Р. Стенрос при оценке теорий «магического круга».

В «*Социальном конструировании реальности*» (англ. “*The Social Construction of Reality*”, 1966) социологи отмечали, что

> «по сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии. Это становится понятнее на уже приводившихся примерах реальности сновидений или теоретического мышления. Аналогичны “переключения” с мира повседневной жизни на мир игры, как играющих детей, так и взрослых. Блестящая иллюстрация такой игры — театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель “переносится” в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устройством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель “возвращается к реальности”, вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад. Эстетический и религиозный опыт богат

> такого рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений».[230]

Если следовать философии здравого смысла (см. § 3 Главы 2 настоящего исследования), то не должно требоваться особых доказательств тому, что *право, в терминологии социального конструкционизма, действует в реальности повседневной жизни*.

Таким образом, основной вопрос настоящего исследования, который концептуализирован нами в термине «семантические пределы права», (независимо от типа правопонимания – для нас *в данный момент*[231] не важны противоречия между ними, поскольку каждый из типов правопонимания все равно рано или поздно ориентирован на применение права в реальности повседневной жизни), заключается в том, в какой степени право может применяться в иной реальности, отличной от реальности повседневной жизни, в реальности, которую мы инструментально и обозначаем как «виртуальную реальность». Альтернативные реальности, о которых говорят П. Бергер и Т. Лукман, определяются «конечной областью значений», и потому постулируемые в настоящей работе пределы допустимо обозначить как «семантические».

Ключевое качество, встречающееся у объектов медиа- и виртуальной реальности, интерпретируемой в контексте настоящего исследования, – **симуляция** (она же – *имитация* или *подражание*[232]) как таковая, а не технологический базис.

---

[230] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995 – 323 с. [Электронное издание] // «Библиотека скептика». – [Сайт]. – URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf (дата обращения: 21.02.2019). – С. 15.

[231] В конце рассуждения, отраженного в настоящем исследовании, однако, мы придем к вполне определенным выводам о том, в рамках какого типа правопонимания развивается методология, предлагаемая для решения проблемы семантических пределов права в условиях медиального поворота.

[232] С одной стороны, подражание, особенно в терминологии «Поэтики» Аристотеля, сопровождало человеческую культуру с самых ранних времен, но с другой стороны – только в условиях современного медиального поворота подражание становится не дискретным отражением какого-либо текста в индивидуальном сознании, а формирует **постоянную** (англ. "*persistent*") виртуальную среду референтов.

Как отмечают исследователи, «…постмодерн представляет собой эпоху в развитии человечества для которой характерно нелинейное развитие, качественное увеличение неопределенности многих социальных реалий, что связано со случайностью, многовариантностью и альтернативностью развития, а также с возникновением *виртуальных реальностей, в которых господствуют симулякры и симуляции* (выделено мною – ***В.А.***)».[233] Для настоящего исследования мы сосредоточимся на инструментальном понимании данных феноменов в дискурсе, сформированным Ж. Бодрийяром: «Симулякр в постмодернистском смысле – это знак, не имеющий референта, оторванный от него, и, следовательно, потерявший связь с той реальностью, которую он должен был бы обозначать».[234] Поэтому, например, электронные сигареты без никотина или безалкогольное пиво[235] в терминологии настоящего исследования – это такое же явление виртуальной реальности в условиях медиального поворота, как и «виртуальная собственность» в многопользовательских [ролевых] онлайн-играх (эти два новых примера неслучайны – они вполне остро вписываются в актуальные проблемы практической юриспруденции). Однако, хотя в настоящем исследовании и используются понятия «симуляции» и «симулякра» в общем в том смысле, в котором их использовал Ж. Бодрийяр в «Симуляции и симулякрах» (фр. "*Simulacra et simulation*", 1981),[236] на этом принципиальное пересечение методологии настоящего исследования и подхода данного классика постмодерна заканчивается. В работе не отстаивается тезис о том, что мы живем в обществе, практически сплошь состоящем из симулякров, иное означало бы деконструкцию права как такового, что лишило бы смысла

---

[233] Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: Моск. гос. инт-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, 2010. – С. 12. Цит. по: Бронзино Л.Ю. Постмодернизм: сущностные идеи и их представители // Вестник МГИМО. – 2010. – № 3. – С. 98.

[234] Бронзино Л.Ю. Постмодернизм: сущностные идеи и их представители // Вестник МГИМО. – 2010. – № 3. – С. 104.

[235] Аналогия может быть продолжена пытливым читателем, мы же воздержимся по этическим соображениям.

[236] См. напр.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

юриспруденцию в целом. Напротив, предлагается изыскать, метафорически выражаясь, «якоря реальности», устанавливающие точки отсчета в праве для определения «настоящего», а не иллюзорного, которые *формально* можно усмотреть в представлении об опосредованной правом социальной реальности как о некоем относительно замкнутом универсуме смыслов (см. § 4 Главы 3 настоящего исследования), а *содержательно* – в теоретической социологии и концепции обобщенных символических посредников (см. § 6 Главы 2 и § 2 Главы 3 настоящего исследования). Представители философских наук отмечают, что сейчас, в условиях антропологической и цифровой революции «мы уже сами с трудом различаем, где продукт нашей виртуальной деятельности, а где реальные объекты»,[237] при этом «у нас есть избыточность в репрезентации, мы вынуждены разбираться, какие репрезентации иллюзорны, а какие относятся к реальности».[238]

С учетом изложенного выше подхода, в настоящем исследовании мы осознанно отказываемся от повсеместного использования термина «виртуальное пространство» и, тем более, «киберпространство»[239] и аналогичных терминов, предполагающих сочетание пространственных метафор с технологическим ландшафтом. Причина аналогична тем, по которым сейчас социологи и культурологи отказываются от классической концепции «магического круга» – для взаимодействий между людьми, а не между персонажами виртуальной среды, нет

---

[237] «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы круглого стола / В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, Г.Д. Левин, А.С. Карпенко, Е.А. Мамчур, С.В. Пирожкова, А.В. Родин, Н.М. Смирнова, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 16.

[238] Там же. С. 20.

[239] Данный термин популярен в исследованиях проблем информационного права. Так, А.А. Ефремов, например, ссылается на определение Д.В. Грибанова, который «*определяет кибернетическое пространство* как *совокупность общественных отношений, возникающих в процессе использования электронной компьютерной сети, складывающихся по поводу информации (информационных ресурсов), обрабатываемой с помощью ЭВМ и услуг информационного характера, оказываемых с их же помощью* (выделение сохранено – ***В.А.***), совокупностью отношений, участвовать в которых можно только посредством ЭВМ и средств связи компьютерной сети». См.: Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 204. В данном случае А.А. Ефремов приводит цитату по следующей статье цитируемого автора: Грибанов Д.В. К вопросу о правовой теории кибернетического пространства // Государство и право. – 2010. – № 4. – С. 60.

отдельного технологически обусловленного пространства. То, что изменяется – это оценка предметов правоотношений. Подробнее об этом – в Главе 2 настоящего исследования. Такой подход не исключает использование указанных терминов как инструментальных для формирования моделей регулирования ограниченного применения, однако исключает представление об информационном пространстве как о чем-либо, обладающем серьезной онтологичностью (собственно, это следует и из определения, данного Д.В. Грибановым, приведенном в сноске выше). Но подчеркнем, что у исследователей информационного пространства и у настоящей работы разный предмет. В рамках настоящей работы мы изучаем не особенности реализации государственного суверенитета в информационном обществе, а особенности толкования права в том случае, если общественные отношения каким-либо образом связаны, широко говоря, с игрой или симуляцией, которые становятся неотъемлемой частью современной культуры, но не всегда предполагают серьезность.

Тем не менее, полагаем возможным использовать более широкую категорию *медиапространства*. Можно сказать, что к XXI веку человечество переместилось из «обычной» реальности и «обычного» пространства, соответственно, в медиареальность и медиапространство. В таком ракурсе данные феномены уже стали предметом изучения в преимущественно неюридических исследованиях, например, в политической науке. Согласно С.В. Володенкову, «политическая реальность трансформируется при помощи средств массовой коммуникации в политическую медиареальность, в большинстве случаев существенно искажающую восприятие в общественном сознании реальных политических процессов, событий и явлений»,[240] подчеркивая, что «Мишель Фуко писал о том, что современный человек существует в рамках созданного именно информацией мира, а не мира, о котором у

[240] Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. – С. 126.

него есть какая-либо информация».[241] Позиция отдельных политологов при этом может показаться довольно пессимистичной (если, в частности, разделять нигилистический пафос Ж. Бодрийяра): «Специфика политической реальности сегодня задается тенденцией применения элементов шоу в политике; теоретическим основанием данного концепта можно назвать “общество спектакля” Ги Дебора. В свою очередь, Ж. Деррида выделяет традиционный и свободный театр. В современной политической реальности на телевидении и на площадках сети Интернет транслируются шоу, видео, на которых происходит обсуждение актуальной политической повестки. В политической реальности шоу-политика поддерживается акционизмом, мемами на политические темы. В результате вся наша реальность превращается в театр, где люди являются актерами, которые не слышат ответной реакции зрителей. Шоу подменяют реальность, человек смотрит на этот мир через экраны телевизоров и через мониторы компьютеров. Интернет во многом начинает повторять логику телевидения».[242] В этом контексте Л.Б. Зубанова отмечает, что «под медиапространством в эмпирически-фиксируемом значении принято понимать все поле возможности использования потоков информации (значимые для большинства людей газеты, радиостанции, телевизионные каналы) … Мы имеем дело с особой организацией пространства, связанной с символическими формами – широкой совокупностью текстов и образов, которые создаются и узнаются субъектами в качестве смысловых конструкций, образующих культурный порядок через модели объяснения реальности».[243]

В этом контексте, однако, принципиально важно пояснить теоретическую и практическую возможность противопоставления права симулятивной

---

[241] Там же.

[242] Кафтан В.В., Рязанова Л.В. Концепции виртуальной и симулятивной реальности в условиях цифровой трансформации // Власть. 2019. № 3. – С. 53–54.

[243] Зубанова Л.Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. № 2 (14). – С. 6.

медиареальности. Опираясь как на позиции аналитической юриспруденции, так и на общие позиции здравого смысла, позволим предположить, что **объективное право по определению невозможно как симулякр**. Если в обществе нечто имеет внешние признаки права, но представляет собой симулякр, то права в таком обществе нет. Наличие общепризнанных и общеобязательных правил поведения (один из основных признаков права), даже если они имплицитны или отличаются от формально декларируемых, представляет собой эмпирический социальный факт интерсубъективной социальной реальности. Отдельный правовой текст либо иной правовой феномен как симулякр возможен, а право в целом – нет. Таким образом, право – не симулякр, и в правовую реальность симулякры включаться не могут, за исключением случая, когда симулякр *сам по себе* выступает в качестве общественно *значимого* предмета отношения. С учетом этого обстоятельства, собственно, и возникает необходимость определить критерий, по которому можно установить такого рода значимость и, как следствие, отделить иллюзию от реальности в медиапространстве для целей юриспруденции.

ГЛАВА 2. Поиск методологии разрешения проблемы и реконструкции семантических пределов права

§ 1. Попытки реконструкции пределов права исходя из позиций философии морали

«Пограничные ситуации» толкования права, в которых сталкивается абсурд и здравый смысл, в истории юридической мысли часто рассматриваются именно *в контексте дискуссии о соотношении права и морали, а также о телеологическом способе толкования*. Как правило, результат толкования рассматривается абсурдным в случае, если он противоречит устоявшимся моральным (нравственным) нормам – содержательно или за счет нарушения пропорциональности. Для того, чтобы объяснить, почему необходимо избегать такого результата толкования, – а он может соответствовать буквальному толкованию по объему, – прибегают к концепции телеологического толкования. Данный способ рассуждения характерен как для известных направлений рассуждения о пределах права (англ. "*limits of law*"), так и для дискуссий, посвященных соотношению права и морали, таких как спор Л. Фуллера и Г. Харта. Однако содержание каждого из аспектов рассуждения может быть рассмотрено в контексте проблем семантики нормативных предписаний, а в итоге может быть поставлен вопрос о том, является ли противоречие морали в широком смысле слова необходимым и достаточным критерием для определения абсурдности результатов юридического толкования правового текста.

Попытки *напрямую*[244] концептуализировать общие представления о пределах права как таковых в смысле, близком к постановке проблемы в настоящем

[244] В качестве косвенных попыток концептуализировать пределы права можно рассматривать содержание юридической мысли в целом с древнейших времен до наших дней, поскольку попытка ответить на вопрос о том, что есть право, совершенно естественным образом также может рассматриваться как определение семантических пределов

исследовании, известны преимущественно зарубежной теории права. Остановимся поподробнее на нескольких известных подходах. Так, Дж. Стентон-Айф, автор статьи «Пределы права» (“*The Limits of Law*”), одной из немногих работ, непосредственно посвященных поиску, хотя бы частично созвучному настоящему исследованию, в Стэндфордской философской энциклопедии, отмечает, что

> «у права, очевидно, есть пределы. Право имеет практические пределы в области средств и целей (англ. “*‘means-end’ limits*”); то, что пытаются сделать законодатели, может дать осечку множеством различных способов. Однако, что более интересно, есть ли у права пределы, *обусловленные какими-либо принципами*? Наиболее известный положительный ответ на данный вопрос был дан Джоном Стюартом Миллем... Поиск принципиальных пределов права, как мы отметим, – трудноуловимая задача».[245]

Упомянутая в качестве эпиграфа цитата из Лорда Девлина призвана подчеркнуть «моральную» направленность рассмотрения проблематики:

> «Я, таким образом, полагаю, что теоретические пределы власти Государства законодательствовать против аморальности установить нельзя. Нельзя установить заранее исключения общему правилу или определить неизменные области морали, в которые праву никогда будет не позволено войти».[246]

Каким образом Дж. Стентон-Айф далее развивает свою мысль?

Пределы права, очевидно, могут определяться целесообразностью. Законодатель может принять жесткие меры против, например, уличной преступности или потребления алкоголя, но такие меры, в зависимости от того, как они будут реализованы, напротив, могут привести к повышению насилия в обществе

права. Однако если это можно считать общим с настоящим исследованием объектом, его *предмет* иной, и раскрывается в точке определения общих границ семантического поля правовых текстов.

[245] Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/ (accessed: 17.10.2018).

[246] См. напр.: Devlin P. The Enforcement of Morals. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p. Здесь и далее цитаты на источники, приведенные Дж. Стентоном-Айфом, приводятся согласно данным основной публикации, но после дополнительной проверки, и при необходимости уточняются по первоисточнику в свете подхода, развиваемого в настоящем исследовании.

или к появлению подпольной торговли алкоголем. Но это своего рода практические и инструментальные пределы права, которые могут быть установлены в каждом конкретном случае посредством тщательного анализа обстоятельств. «Есть пределы тому, что право может достичь, поскольку некоторые из его инструментов грубы».[247] С отсылкой к Л. Фуллеру, автор отмечает, что право может принуждать, оно может создавать правила, может разрешать споры, но все, чего оно может достичь, ограничено данными инструментами. Однако, хотя можно спорить о конкретных случаях и оценках, сама дискуссия о таких пределах права не вызывает разногласий, и такое направление мысли можно считать общим местом. Другое дело – вопрос о том, могут ли пределы права определяться какими-либо принципами. В данном случае автор обращается главным образом к философии морали.[248]

Отбирая концепции, которые могут стать основой для постановки принципиальных пределов права, автор сосредотачивает свое внимание на нескольких ключевых мыслителях из области философии морали и философии права и их концепциях.

Во-первых, это **Дж. Стюарт Милль**,[249] классик британской философии морали, и его «принцип вреда». Как писал британский автор,

> «единственная цель, которая полностью обосновывает вмешательство человечества, индивидуальное или коллективное, в свободу действия любого из своего числа, это самозащита. Ведь единственная цель, в связи с которой власть может справедливо применяться к любому члену цивилизованного сообщества против его воли, – это предотвращение вреда другим. Его собственное благо, будь оно физическим или моральным,[250] не дает достаточного основания».[251]

---

[247] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “1. Means-Ends Limits”.

[248] Ibid.

[249] Джон Стюарт Милль (1806 – 1873) – британский философ, экономист и политический деятель, влиятельный утилитарист, развивавший идеи Джереми Бентама. См., напр.: Macleod C. John Stuart Mill [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (August 25, 2016). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/mill/ (accessed: 23.01.2018).

[250] Здесь отметим, что слово “moral” мы традиционно переводим как «моральный», но подразумеваем предельно широкий контекст и коннотации, характерные для английского языка. В английском – «неимущественный» это тоже “moral” (как «неимущественные права» в гражданском праве – “moral rights”).

Дж. Стентон-Айф акцентирует внимание на том, что, согласно Миллю, речь идет именно о причинении вреда другим, и только об этом, а – это единственный главенствующий принцип. Причинение вреда себе, причинение вреда другому по согласию, посягательство на интересы другого (англ. "*offence*") или не регулируемая моралью нейтральная деятельность (англ. "*bare immorality*") не могут служить основанием для вмешательства цивилизованного сообщества в деятельность кого-либо из его членов.

> «Государство может легитимно остановить А от избиения В, даже если это ограничивает свободу действия первого, поскольку это предотвращает вред В, защищает интерес последнего в безопасности. И оно может остановить А от хищения у В, поскольку оно защищает *среди прочего* свободу В распоряжаться своей собственностью как он того пожелает. Но Государство *выходит за собственные границы* (выделено мною – ***В.А.***), определяемые таким подходом, если оно будет препятствовать А разрушать свою собственность; или будет защищать С от посягательства со стороны А, которое осознается С».[252]

В широком смысле и с учетом направленности данного исследования, можно заключить, что по Миллю у права есть пределы, и они определяются «принципом вреда [другому]», поскольку именно в свете такого принципа необходимо, например, устанавливать смысл статута в спорном случае.

---

[251] Дж. Стентон-Айф цитирует Милля по следующему изданию (приводим оригинальную сноску): Mill, John Stuart (1993), *Utilitarianism, On Liberty and Considerations on Representative Government*, London: Dent. Нами же цитата воспроизведена по следующему изданию: Mill J.S. Utilitarianism, Liberty and Representative Government, London: Dent. 1920. PP. 72–73. Отметим, насколько близко при этом содержательно стоит развитие мысли у Дж. Ст. Милля к примерам абсурдных ситуаций, приводимых Л. Фуллером. Вот что на тех же страницах пишет Милль: «Он [представитель цивилизованного сообщества] не может быть правомерно принужден делать или не делать что-либо потому, что так будет лучше для него, потому что это сделает его более счастливым, потому, что, по мнению других, это будет мудрым или правильным. Это все – повод его уговаривать, приводить ему аргументы, убеждать его, просить, но не принуждать его и не причинять ему какого-либо зла в случае, если он поступает иначе. Чтобы оправдать это, поведение, которое он должен изменить, должно точно причинять зло кому-либо другому». Однако углубленное рассмотрение вопросов утилитаризма – это тема, которая соответствовала бы рассмотрению собственно моральных пределов права, а не семантических, которым и посвящена настоящая работа. Здесь остановимся на кратком упоминании в целях разграничения предмета исследования пределов права различной природы.

[252] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел "2. Candidates for Principled Limits to the Law".

Во-вторых, это **Дж. Фейнберг**,[253] влиятельный представитель американской юриспруденции второй половины XX века, развивавший утилитаристские идеи Милля о принципе вреда преимущественно в области уголовного права. Тогда как Милль говорил о том, что принцип вреда – это единственная цель, которая может оправдать государственное принуждение, Дж. Фейнберг интерпретирует этот принцип не как единственную цель, а как «достаточное основание» для государственного принуждения. Как отмечает Дж. Стентон-Айф,

> «его заявление о том, что вред другим всего лишь "обставляет" (англ. "*furnishes*") "достаточное основание", позволяет ему обратиться к другому "достаточному основанию" для государственного принуждения – "принципу посягательства" (англ. "*the offence principle*")».[254]

Характерная цитата из Дж. Фейнберга:

> «Всегда есть достаточное основание поддерживать предлагаемый уголовно-правовой запрет, если таковой вероятно предотвратит серьезное посягательство по отношению к иным, нежели чем действующий субъект, лицам, и будет вероятно эффективным способом для достижения данной цели, если он будет установлен».[255]

При этом Дж. Фейнберг выступает против «жесткого юридического патернализма», предполагающего возможность ведения какого-либо запрета в

---

[253] Джоэл Фейнберг (1926 – 2004), исследователь проблем философии права и этики, профессор Университета Аризоны (последняя академическая позиция). См., напр.: Feinberg, Joel [Electronic resource] // Encyclopedia.com. – [Site]. – URL: https://www.encyclopedia.com/humanities/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/feinberg-joel-1926-2004 (accessed 23.01.2019).

[254] Ibid.

[255] Дж. Стентон-Айф цитирует следующий труд Дж. Фейнберга: Feinberg J. Harm to Others. – New York: Oxford University Press. – 1984. – P. 27. В контексте настоящего исследования также любопытно, что Дж. Фейнберг стал автором примечательных мыслительных экспериментов, объединенных темой «поездки на автобусе», уже затронутых ранее. Среди прочего, автор предлагает читателю представить, что он торопится на важную встречу, не может отвлечься, но при этом вынужденно становится наблюдателем действий, выражающих серьезное посягательство (англ. "*offence*"), хотя при этом не причиняющих вреда в миллевском смысле – скрежет ногтями по стеклу, поедание отвратительно несъедобных вещей, публичная сексуальная близость, оскорбление государственного флага и т.п. Как полагает Дж. Фейнберг, из подобного рода примеров очевидно, что вред другому в строгом смысле слова не обязательно необходим для криминализации определенного поведения.

интересах субъекта, но вопреки его воле, хотя допускает «мягкий юридический патернализм», когда запрет вводится в интересах субъекта и при этом не противоречит личной автономии субъекта.[256] Прежде чем перейти к следующим мыслителям из числа указанных, обратим внимание на то, что вопрос о моральных пределах права, как его поднимал Дж. Фейнберг применительно к уголовному праву, стоит очень близко к предмету настоящего исследования, где предпринимается попытка обосновать семантические пределы права, которые нельзя с необходимостью и достаточностью отнести к числу моральных. Это отличается от точки зрения, представленной в трудах Дж. Милля, поскольку последний все же был в большей степени обеспокоен вопросами философии морали.

В-третьих, автор рассматривает пример рассуждения **Лорда Девлина**.[257] П. Девлин известен в теории права спором с Г. Хартом, поводом к которому послужил Отчет Комитета по гомосексуальным правонарушениям и проституции 1957 года, известный как Отчет Вулфендена (Wolfenden Report).[258] По мнению Девлина, право может и в ряде случаев должно вмешиваться в такие отношения, которые существенным образом противоречат общественной морали. В целом разделяя принцип вреда Дж. Милля, Девлин распространял право на «самозащиту» на общество и государство. Как отмечает Дж. Стентон-Айф, «с точки зрения Девлина, общество в части составляется его моралью, и как следствие имеет право защищать себя от любой атаки на свою мораль»,[259] приводя следующую цитату из Девлина:

---

[256] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “2. Candidates for Principled Limits to the Law”.

[257] Патрик Артур Девлин, Барон Девлин (1905 – 1922), британский судья Высокого суда правосудия и философ права, активно участвовавший в полемике западных теоретиков права середины XX столетия. См., напр.: Morton J. Obituary: Lord Devlin [Electronic resource] // Independent. 11 August 1992. – [Site]. – URL: https://www.independent.co.uk/news/people/obituary-lord-devlin-1539619.html (accessed: 23.01.2019).

[258] Report of Committee on Homosexual Offences and Prostitution (Cmnd 247). 1957 [Electronic resource] // The National Archives. – [Site]. – URL: http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C1386377 (23.01.2019).

[259] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел “3. Legal Moralism”

> «Общество не есть нечто, что держится вместе физически; его объединяют невидимые скрепы общих суждений. Если скрепы будут сильно ослаблены, то члены общества разбредутся в разные стороны. Общая мораль – это часть таких скреп, которые составляют цену общества; и человечество, которому общество необходимо, должно платить эту цену».[260]

В Отчете Вулфендена содержалась идея о том, что есть область морали и аморальности, которая не подпадает под объем правового регулирования, но позиция Девлина, как указывает Дж. Стентон-Айф, в том, что такой взгляд не просто неточен или приблизителен, а полностью ошибочен.[261] Однако, в то же время, Девлин не утверждает, что общественная мораль универсальна – он говорит о том, что в каждом конкретном обществе можно установить такие скрепы на данный момент времени. Позиция Девлина была настолько заметна, что его взгляды не обошли вниманием известные теоретики права. Помимо упомянутого Г. Харта отдельную статью взглядам судьи Высокого суда правосудия посвятил и Р. Дворкин. Вот как последний обобщает позицию Девлина: (1) в современном обществе есть моральные стандарты, без которых общество не будет существовать, тогда как *общество имеет право существовать*; (2) если у общества есть такое право, то оно может создавать институты уголовного права для его реализации; (3) в то же время, право должно обращать внимание не на все случаи аморальности, а на те, при столкновении с которыми «общественное мнение сильно, стойко и непреклонно» (англ. “*high, enduring and relentless”*) так, что в нем отражается «нетерпимость,

[260] Ibid.
[261] Ibid.

возмущение и отвращение» (англ. *"intolerance, indignation and disgust"*).[262] Дж. Стентон-Айф называет подход Девлина «юридическим морализмом».[263]

В-четвертых, предметом анализа становятся взгляды **Дж. Раза**,[264] переосмыслившего принцип вреда Дж. Милля и фактически переместившего его из области субстанциальной морали в область процедурной (тем самым сближаясь с Л. Фуллером). С точки зрения Дж. Раза, хотя принципиальные лимиты для преследования моральных целей со стороны государства отсутствуют, тем не менее, есть пределы средств, которые могут быть легитимно использованы для повышения благополучия людей и реализации моральных идеалов.[265] В центре моральной философии Дж. Раза находится личная автономия. По общему правилу, принуждение не является допустимым, поскольку,

> «…во-первых, оно нарушает состояние независимости и выражает отношение доминирования, а также неуважение к индивиду, к которому оно применяется. Во-вторых, принуждение посредством уголовных наказаний представляет собой глобальное и неразборчивое вторжение в автономию».[266]

Принуждение может применяться в некоторых случаях, в которых социально-желаемое поведение или ограничение не может быть достигнуто посредством использования других средств. Для дискуссии о пределах права с точки зрения философии морали вывод из трудов Дж. Раза и его последователей заключается в том, что к принуждению в целом и к ограничению свободы в частности необходимо

---

[262] См.: Dworkin R. Lord Devlin and the Enforcement of Morals // The Yale Law Journal. – 1965-1966. – Vol. 75. P. 989. В данном случае, отметим, дискуссия о моральных пределах права становится несколько неструктурированной, характерным признаком чего является использование приемов художественной литературы вместо рациональной аргументации. Не отрицая возможность оценки каким-либо обществом явления, рассматриваемого Девлином подобным образом в определенный момент времени определенным обществом, отметим, что «юридический морализм» не позволяет сформулировать строгие, масштабируемые и формализуемые пределы права.

[263] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел "3. Legal Moralism".

[264] Джозеф (Иосеф) Раз (род. 1939) – ученик Г. Харта, профессор Колумбийского университета в США и Королевского Колледжа в Лондоне, один из последовательных защитников позитивистского правопонимания в современном мире. См.: Joseph Raz [Electronic resource] // Columbia University. – [Site]. – URL: https://www.law.columbia.edu/faculty/joseph-raz (accessed: 26.01.2019).

[265] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел "4. A Perfectionist Harm Principle".

[266] Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Oxford University Press. – 1986. – P. 418.

относиться с большой осторожностью.[267] Несомненно, рассуждения Дж. Раза глубоки, интересны и составляют значительный вклад в развитие философии морали, однако заметно, что они также мало способны дать ответ или хотя бы указать направление для определения семантических пределов права в рамках настоящего исследования.

В конечном счете, Дж. Стентон-Айф предлагает обратиться еще к одной группе взглядов из области философии морали, в центре которых находится принцип **нейтральности обоснования** (англ. *"neutrality of justification"*). Как отметил еще Дж. Ролз, несогласие в обществе относительно моральных принципов вряд ли исчезнет в средне- и долгосрочной перспективе, поэтому обоснование тех или иных законов не должно включать отсылку к суждениям о достоинствах или недостатках тех или иных жизненных путей.[268] В целом автор заключает, что в условиях реальной жизни крайне сложно приблизиться к более или менее универсально приемлемым представлениям о принципиальных пределах права, если только это не инструментальные пределы.[269]

В чем смысл рассмотрения дискуссии о моральных пределах права в контексте настоящей работы? Дело в том, что в юриспруденции до текущего момента именно они рассматривались как основные и для юридической семантики тоже. Например, на предыдущих этапах развития правовых систем вопрос о возможности или невозможности, например, публикации и распространения определенных художественных произведений (не отклоняясь далеко от магистральных примеров, можем остановиться на «Лолите» Набокова) вполне мог решаться исходя из концепций о соотношении моральной философии и права, какими бы они не были. Тем самым использовался бы подход, предполагающий собственно выявление

[267] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел "4. A Perfectionist Harm Principle".
[268] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел "5. Neutrality and Epistemic Restraint".
[269] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел "Conclusion".

«моральных пределов права». Но сейчас проблема в том, что многие практики и случаи, похожие на предыдущие, и, казалось бы, также допускающие применение моральных концепций для прояснения возможности правоприменения, в действительности имеют совсем другую направленность и не позволяют опираться только лишь на морально-философский дискурс. Другой магистральный пример исследования – блокировка сайта с «рецептом изготовления динамита» в игре *Minecraft* – наглядно это демонстрирует.

На практике в большинстве случаев наблюдается тенденция, согласно которой вопрос о каких-либо пределах права и вопрос о критериях абсурда в толковании или применении права прямо или косвенно соотносится с вопросом о соотношении права и морали. Термин «мораль» при этом используется в широком смысле и включает в себя также и то, что обозначается словом «нравственность» при обращении к соответствующей традиции словоупотребления. Примеры, приведенные ниже, относятся к той части рассуждения, которая нацелена на реконструкцию критериев абсурда в контексте проблематики пределов права, поскольку именно интерпретационные и правоприменительные акты, противоречащие нравственности, чаще всего и приводятся в пример как абсурдные.

Пожалуй, одним из наиболее очевидных и релевантных примеров в общем контексте работы будут нормы действующего позитивного гражданского права Российской Федерации, которые вполне отражают и общий подход, свойственный романо-германской правовой системе. Так, в первой части ГК РФ (редакция от 01.09.2018 г.) слово «нравственность» используется в четырех случаях. Прежде всего, в абз. 2 п. 2 ст. 1, согласно которому гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты, в том числе, и нравственности (аналогично ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Согласно же п. 4 ст. 167 ГК РФ, суд вправе не применять

последствия недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности. Ст. 169 ГК РФ прямо закрепляет совершение сделки с целью, противной основам правопорядка или нравственности, как основание для признания такой сделки недействительной. Аналогично, в соответствии с п. 4 ст. 181.5 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, решение собрания будет ничтожно, в случае если оно противоречит основам правопорядка или нравственности.

Весьма характерны позиции ведущих цивилистов относительно интерпретации понятия «основы нравственности» в ст. 169 ГК РФ (и, собственно, в иных случаях, где это или аналогичное понятие используется в тексте кодекса). Так, в комментарии 2018 г. под ред. А.Г. Карапетова отмечается, что

> «под основами … нравственности следует понимать фундаментальные этические ценности, разделяемые большинством внутри населения страны… требуется превышение некого **интуитивно определяемого критического уровня этической невыносимости** (выделено мною – ***В.А.***) сделки. Например, тот факт, что сделка может показаться не вполне справедливой, сам по себе не позволяет признать ее ничтожной по ст. 169 ГК РФ; требуется **вопиющее, “шокирующее совесть” противоречие сделки самым базовым представлениям о нравственности** (выделено мною – ***В.А.***)».[270]

Нельзя не отметить (в положительном ключе) эстетическое и содержательное сходство данного комментария с содержанием «Формулы Радбруха», которая, в общем, и относится к таким ситуациям. Авторы комментария подчеркивают сложность применения оценочных понятий, особенно в контексте возможных индивидуальных личных этических представлений судьи или многонациональности и мультикультурности Российской Федерации. Однако при этом в своем

[270] Карапетов А.Г. Комментарий к ст. 168–169 Гражданского кодекса Российской Федерации // Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018 [Электронное издание. Редакция 1.0]. 1264 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018). – С. 260.

Определении от 8 июня 2004 г. № 226-О,[271] на которое также и ссылаются авторы комментария, Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что

> «понятия "основы правопорядка" и "нравственность", как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они не являются настолько неопределенными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. Статья 169 ГК Российской Федерации указывает, что квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит - заведомо и очевидно для участников гражданского оборота - основам правопорядка и нравственности. Антисоциальность сделки, дающая суду право применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий».[272]

Авторы комментария под ред. А.Г. Карапетова предлагают три возможных догматических интерпретации понятия сделки, противной основам правопорядка и нравственности. *Первая:* сделка может быть признана противной основам правопорядка и нравственности, если она противоречит императивным нормам права, которые сами по себе нацелены на защиту основ правопорядка и нравственности. В таком случае речь идет о «квалифицированном случае незаконной сделки». Авторы считают, что данный подход «максимально ограничительный, крайне сомнительный и не соответствует континентально-европейской традиции».[273] *Вторая:* гипотезы ст. 168 и ст. 169 ГК РФ не смешиваются, а ст. 169 ГК РФ при это применяется лишь к тем сделкам, «которые законом прямо не запрещены, но посягают на фундаментальные принципы нравственности и основы

---

[271] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Уфимский нефтеперерабатывающий завод" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации».

[272] Там же.

[273] Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 273.

правопорядка».[274] Смысл такого подхода – «исключить ситуацию, когда закон не справляется с задачей запрещения всего того, что со всей очевидностью должно быть запрещено, и формально не запрещает сделки, которые посягают на основы правопорядка и основы нравственности, но терпеть которые право не может».[275] Как указывают авторы, такой подход характерен для зарубежных правопорядков, говоря о «добрых нравах» или «публичном порядке». *Третья:* ст. 169 ГК РФ может применяться к обоим случаям.

Подчеркивается, что российская правоприменительная практика до текущего момента исходила из первого подхода, однако что при этом такой подход должен быть пересмотрен и принят должен быть третий подход из числа указанных выше, иначе не имеет смысла устранение правового последствия в виде взыскания полученного по сделке в доход государства (без прямого указания на это в специальной норме).[276] Авторы, однако, приводят в пример позицию, отраженную уже впоследствии в п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, согласно которому

> «в качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и

---

[274] Там же.

[275] Там же. С. 274.

[276] Авторы упоминают Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации», которым и был закреплен первый, узкий подход. См.: О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 г. № 22. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019 г.).

> ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми».[277]

Авторы комментария заключают, что, по-видимому, это означает отход от первой и переход к третьей интерпретации «антисоциальных сделок».[278]

К сожалению, на момент написания настоящей работы не было выявлено каких-либо наглядных примеров судебных решений, связанных со ст. 169 ГК РФ, в которых бы подчеркивался, по выражению авторов рассматриваемого комментария, «интуитивно определяемый критический уровень этической невыносимости сделки» и в котором однозначно прослеживалось бы «вопиющее, “шокирующее совесть” противоречие сделки самым базовым представлениям о нравственности». Доступные в справочных правовых системах на данный момент судебные решения ориентированы на ситуации, в которых противоречие основам правопорядка и нравственности (одновременно) прослеживается, но совесть такие примеры все же не шокируют.[279] Ряд убедительных примеров, однако, приводят сами авторы комментария. Например:

> «сделка, согласно которой кинокритик с репутацией, от которого общество ожидает объективной оценки, за вознаграждение от прокатной компании обязуется расхваливать тот или иной кинофильм этого прокатчика и критиковать фильмы, выпускаемые конкурентами, или сделка, по которой известный блогер обязуется вводить своих подписчиков в заблуждение в отношении того, что он является поклонником той или иной марки автомобиля, которой у него на самом деле нет, как представляется, очевидно противоречат основам нравственности. Как представляется, если суд столкнется в обоих описанных случаях с иском заказчика к исполнителю о неисполнении последним своим обязательств (например, в ситуации, когда у

---

[277] См.: О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019 г.).

[278] Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 276.

[279] Либо сердце автора настоящего исследования очерствело за годы юридической практики. Отдельные примеры: Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2016 г. № 16-КГ16-30; Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014; Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014 и др.

> кинокритика или блогера вдруг взыграет совесть, и они решат воздержаться от прямой публичной лжи и лицемерия), ему следует констатировать аморальность и ничтожность таких сделок».[280]

Так или иначе, отметим, что для целей настоящей работы нам не столь важны нюансы цивилистической трактовки. В контексте нашей дискуссии нам интересен именно тот потенциальный способ построения рассуждения, который предполагает явное или подразумеваемое отождествление «вопиющего» противоречия сделки основам нравственности, с одной стороны, и абсурда в применении или толковании права, с другой. Любопытно, что многие из примеров, приводимых авторами приведенного комментария, вполне соответствуют тому значению, которое термин «абсурд» получает в обиходе как у теоретиков, так и практиков юриспруденции. В каком смысле? Представить себе юридическую защиту, например, сторон «гражданско-правовой сделки» между «женщиной [или, тем более, мужчиной] с пониженной социальной ответственностью» и сутенером в обществе, которое разделяет семейные ценности, причем именно традиционные семейные ценности, тогда как право *est ars boni et aequi*, действительно, абсурдно. Условный принцип абсурда в данном случае – взаимоисключающие ценности, с одной стороны, права как такового, а с другой – предмета общественных отношений, который мы подвергаем правовой квалификации.

Тем не менее, проблема, затрагиваемая в настоящем исследовании, и связанная с правовыми коллизиями, которые возникают при «столкновении» реальности с виртуальным (в широком смысле слова) миром очевидно, не может быть разрешена посредством обращения ни к морально-философским аргументам как таковым, ни к нормам действующего права, содержащим прямые отсылки к морали и (или) нравственности. Речь должна идти о другом. Но о чем же? Возможно, больше

---

[280] Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 276.

ясности могут пролить те дискуссии, которые отталкиваются в целом от проблемы соотношения права и морали, но при этом имеют более инструментальную направленность. Образно говоря, мораль может дать ответ на вопрос, регулирует ли право, например, сделки такого толка, где объектом купли-продажи будут люди, но не может дать ответ на вопрос о том, распространяется ли право, например, на сделки с виртуальными образами людей в онлайн-играх.

§ 2. Спор Г. Харта и Л. Фуллера и последующее переосмысление дискурса данного спора

Поворотная для философии права XX века **дискуссия между Л. Фуллером и Г. Хартом** может послужить хорошей отправной точкой в продолжении рассуждения. Как правило, она рассматривается как спор о соотношении права и морали и об основаниях правовой системы. Вместе с тем, в этой дискуссии очень сильно направление, касающееся пределов толкования права, созвучное проблематике настоящего исследования. Именно в рамках этой дискуссии Г. Харт, развивая дискурс о соотношении права и морали, обозначает «проблемы полутени» на примере с правовой нормой о запрете использования средства передвижения (англ. “*vehicle*”) в парке. Что характерно, данная проблема ставится в развитие вопроса о соотношении права, какое оно есть, от права, какое оно должно быть (последний вопрос рассматривается авторами как интерпретация вопроса о соотношении права и морали).

> «Ясно, что запрет касается автомобиля, но касается ли он велосипедов, роликовых коньков и игрушечных машин? Касается ли он самолетов? Являются ли эти устройства “средствами передвижения” с точки зрения данной нормы или нет?» – спрашивает Г. Харт.[281]

[281] См.: Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В.В. Архипова // Философия и язык права / Герберт Лайонел Адольф ХАРТ. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 185.

Данную проблемную область ученый и называет «полутенью» права. По его мнению, наличие указанной проблемной области свидетельствует о том, что юридическая аргументация не может быть во всех случаях реконструирована или организована посредством силлогизмов – требуется также *оценочное суждение с точки зрения должного по отношению к сущему*. При этом, как отмечал ученый:

> «Из того, что противоположным по отношению к решению, принятому по слепому формализму или буквализму, является решение, разумно достигнутое при обращении к какому-либо представлению о должном, не следует, что мы сталкиваемся со связью между правом и моралью. Мы должны, я полагаю, остерегаться думать о слове "должное" в чересчур наивной манере. Но не потому что между правом, какое оно есть, и правом, каким оно должно быть, нет никакого различия. Далеко не поэтому. *А по той причине, что разграничение следует проводить между сущим и должным со множества различных позиций. Слово "должное" подразумевает лишь наличие некоего оценочного критерия; один из этих критериев — моральный, но не все они таковы* (выделено мною – ***В.А.***). Мы говорим нашему ближнему: "Ты должен избегать лжи", — и это, без сомнения, моральный критерий, но нам нужно иметь в виду, что и несостоявшийся отравитель может сказать: "Я должен был дать ей вторую дозу". Суть вопроса в том, что разумные решения, которые мы противопоставляем механическим или формальным, с необходимостью не тождественны решениям, которые можно обосновать с точки зрения морали. О многих решениях мы можем сказать: "Да, это правильно; так и должно быть", — и мы можем только иметь в виду, что в данном случае таким образом лишь способствовали принятой цели или политике; и можем не стремиться подтверждать моральную правильность политики или решения. Так, различие между механическим и разумным решением можно будет обнаружить и в системе, направленной на наиболее порочные цели. Оно присуще не только таким правовым системам, которые, подобно нашей, широко признают принципы правосудия и моральные требования индивидов».[282]

Таким образом, Г. Харт, с одной стороны, развивает представления о «полутени», принципиально близкие к предмету настоящего исследования (поскольку в нем мы тоже сосредотачиваемся именно на проблемах «полутени» в хартовском смысле) как продолжение дискуссии о соотношении права и морали. С другой стороны, он разводит субстанциальную мораль и представления о должном в

[282] Там же. С. 193.

праве, поскольку последние могут определяться не только собственно «добропорядочной» моралью. Л. Фуллер видит здесь противоречие, поскольку в рамках представлений Г. Харта остается соблазн и последний из стандартов должного также соотносить с термином «мораль». Кроме того, американский критик Г. Харта также подвергает сомнению возможность определить «центральное значение» отдельных слов вне контекста – то есть вне учета целей (представлений о должном) тех, кто создавал правовой текст, в котором используется данное слово, в целом, с учетом смысла всего абзаца, статьи или даже акта как такового. Вопрос о «центральном значении» и его критика Л. Фуллером имеют важное значение для настоящего исследования и будут подробнее рассмотрены в Главе 3. Здесь же, в завершение рассмотрения морального дискурса о пределах права, отметим несколько принципиальных выводов.

Исторически, представления о семантических пределах права могут быть интерпретированы как продолжение или, скорее, ответвление от дискуссии о соотношении права и морали и, в первую очередь, о возможных *моральных* пределах права. Именно поэтому развитие концепции семантических пределов права имеет смысл начинать с обзора и переосмысления дискурса о соотношении права и морали в современном социокультурном контексте. В то же время, следует подчеркнуть, что известные подходы о моральных пределах права не дают возможность разрешить противоречия, демонстрируемые в магистральных примерах настоящего исследования – они либо не применимы, либо недостаточно детальны, либо их явно недостаточно как таковых.[283] Тем не менее, в своей известной дискуссии именно

[283] Вопросы о том, можно ли применять законодательство о противодействии терроризму к выдуманному рецепту изготовления «взрывчатого вещества» в компьютерной игре или нормы права собственности как института гражданского права к «виртуальной собственности» в данном конкретном ракурсе как бы слишком технические и мало соотносятся с ценностями субстанциальной морали. Так, например, из упомянутых иллюстраций, в истории с блокировкой сайта *Minecraft* «что-то пошло не так» с применением права задолго до того, как мы достигли точки, на которой имеет смысл обсуждать моральные ценности. Допустим, мы попробуем разрешить данную проблему исходя из морали и заявить, что общественная мораль не допускает возможность права вмешиваться в содержание игр. Это, очевидно, не так с социологической точки зрения, потому что условный характер практики – игровой или неигровой –

Г. Харт и Л. Фуллер ближе всего подошли к собственно «семантической» постановке проблемы. Несмотря на разногласия по поводу природы «полутени» в толковании и применении права, оба автора признавали многозначность слов и возможность возникновения разного рода абсурдных противоречий при толковании права без учета проблемы значений слов. Однако и Г. Харт, и Л. Фуллер полагали, что основным способом избавиться от «полутени» в каждой конкретной ситуации будет учитывать цели правовой нормы. Противоречие между ними заключалось, скорее, в том, что Л. Фуллер, говоря словами Г. Харта, полагал, что «полутень» – это не редкий, нестандартный пограничный случай, а естественное свойство любого правового текста. Проблема в том, что для магистральных примеров настоящего исследования простой констатации того, что учет целей правовой нормы необходим для разрешения проблем «полутени» недостаточно. Мы можем согласиться с общей терминологией спора между правоведами и считать, что занимаемся именно механизмом определения цели – так можно сказать, но это непринципиально для задач исследования, – важно то, что такой механизм сейчас не разработан. Более того, и это критически важно для определения значимости и направленности данной работы, до текущего момента в фундаментальной теории и философии права отсутствует полноценный учет тех последствий, которые влечет цифровая трансформация общества и медиальный поворот в целом, для определения подхода к указанной проблемной области.

Так, один из центральных примеров дискуссии Л. Фуллера и Г. Харта о правой норме, запрещающей размещать «транспортные средства» в парке относится к

не может служить таким *универсальным* барьером (да, мораль может запрещать все игры, но разрешать все игры она не может – дело не в социальной практике, потенциальное применение права к которой мы рассматриваем, а в конкретном предмете такой практики, ее вариации). В процессе попыток сформулировать почему право не может (или может) вмешиваться в такие отношения мы, напротив, придем к весьма формальным критериям, которые будут не только определять возможность применения (и, соответственно, толкования таким образом) права, но и возможность применять к таким отношениям и саму мораль. В таком смысле, именно эта идея и раскрывается последовательно на дальнейших страницах настоящей работы.

классическим примерам, используемым в философско- и теоретико-правовых дискуссиях. Однако авторы, пик творчества которых пришелся на середину XX столетия не знали и не могли знать о том, как в дальнейшем будут развиваться компьютерные и информационные технологии.[284] Авторы обсуждали вопрос о помещении «реального» объекта в «реальный» парк. Но современные информационные технологии допускают и альтернативные сценарии развития событий. Речь идет о технологиях *виртуальной* и, особенно, *дополненной* реальности. Подчеркнем, что пример дополненной реальности особенно важен для предмета настоящего исследования.[285] Представим себе тот же гетерономный правовой текст, в котором содержится норма, запрещающая размещать транспортное средство в парке. Представим теперь, что некая компания, специализирующаяся в

[284] Самый первый экспериментальный этап развития информационно-телекоммуникационных технологий, как правило, относят к 1960-м гг. XX в., но и тогда он был уделом специалистов, привлекаемых к различным государственным, в том числе военным и засекреченным, исследованиям, а также энтузиастов в области технологий, а не философии права. См.: Rustad M.L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Social Science Research Network Website, URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799578 (accessed: 24.01.2019). На том этапе в принципе было рано даже прогнозировать (за пределами научной фантастики и футурологии) развитие технологий виртуальной и дополненной реальности, о которых пойдет речь в ближайших абзацах настоящего параграфа исследования, *с точки зрения социальных практик и связи с правовой проблематикой*.

[285] Как отмечают специалисты, «авторство термина "дополненная реальность" принадлежит Томасу Престону Коделлу, инженеру исследовательской лаборатории Боинга. В 1992 г. он применил принципы технологии в системе, созданной для помощи рабочим в монтаже электрических кабелей в самолетах. Дополненная реальность (Augmented reality, AR) – это технология наложения информации в форме текста, графики, аудио и других **виртуальных объектов** на **реальные объекты** в режиме реального времени. Именно **взаимодействие вычислительных устройств с картинкой реального мира** отличает дополненную реальность от виртуальной (выделено мною – ***В.А.***)». См.: Яковлев Б.С., Пустов С.И. История, особенности и перспективы технологии дополненной реальности // Известия ТулГУ. – Технические науки. – 2013. – № 3. – С. 479. См. также: Кравцов А.А. Использование технологии дополненной реальности для визуализации виртуального объекта в реальном интерьере [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 84. – [Сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologii-dopolnennoy-realnosti-dlya-vizualizatsii-virtualnogo-obekta-v-realnom-interiere (дата обращения: 24.01.2019). Среди современных технологий дополненной реальности отмечаются (часть этих технологий, однако, является экспериментальной или уже либо устарела, либо не используется по разным, в том числе, юридическим соображениям) очки дополненной реальности Google Glass, очки Microsoft Hololens, нейронный чип виртуальной реальности DARPA, водительские очки BMW и др. См.: Дрокина К.В., Дарбинян Т.А. Анализ возможностей применения технологии дополненной реальности в современных условиях // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2016. – № 2. – С. 114–116. При этом вдвойне интересен, в свете настоящей работы, опыт применения технологий дополненной реальности в игровой индустрии. Авторский верхнеуровневый практический анализ правовой проблематики одной из таких игр – Pokémon Go (см.: Pokémon Go [Electronic resource] // Pokémon Go. The Pokémon Company International, Inc. – [Site]. – URL: https://www.pokemongo.com/en-us/, accessed: 24.01.2019) – представлен в следующей видеолекции: Архипов В.В. Информационные отношения в рамках Pokémon Go [Электронный ресурс] // LF Академия. – [Сайт]. – URL: https://lfacademy.ru/course/13479 (дата обращения: 24.01.2019).

области инновационных информационных технологий, разработала программный продукт, который содержит точное отображение парка, обновляемое в режиме реального времени. Наконец, представим, что у данного программного продукта есть функционал, позволяющий пользователям размещать произвольные объекты в виртуальной репрезентации парка. Допустим, один из пользователей разместил некое «виртуальное» транспортное средство в «виртуальной» копии парка. Вроде бы, невинная ситуация, которая, на первый взгляд, находится за пределами права. Однако могут быть нюансы. Парк не принадлежит разработчикам приложения. Транспортное средство помещено в «живую» цифровую копию настоящего парка. Это уже может вводить в заблуждение посетителей парка. А если транспортное средство будет, в то же время, не простое, а отображающее ограниченную к распространению информацию? Также мы, например, можем допустить, что в результате подобного рода действий возникло и распространяется уже за пределами приложения некорректное изображение парка, которое приводит к существенному искажению юридически-значимой достоверной информации о парке. И так далее. Вопрос, который интересует нас в данном случае, заключается в том, можно ли распространять исходную норму о запрете «помещать транспортные средства в парк» на отношения, предметом которых является точная и «живая» виртуальная копия парка и такая же точная и живая симуляция «транспортного средства». В контексте настоящего параграфа исследования необходимо подчеркнуть, что данный вопрос несколько более *технологичен*, чем требовалось бы для того, чтобы обращаться к моральной философии. Возможный взгляд, согласно которому вдохновленная Л. Фуллером позиция о том, что и здесь мы просто сталкиваемся с вопросом о цели закона, представляется довольно упрощенной – **сперва нам необходимо ответить на вопрос о том, почему хотя бы теоретически можно**

допускать, что такая цель может охватывать и виртуальные транспортные средства, *не будет абсурдным*.[286] Телеологический подход не устраняет проблему.

Вернемся, однако, к вопросам философии морали. Прямой источник представленного ранее обобщения Дж. Стентона-Айфа о пределах права и косвенный теоретический повод дискуссии Л. Фуллера и Г. Харта – это основной принцип утилитаристской моральной философии. В основе взглядов Дж. Милля лежало представление о том, что «безвредное» (т.е. неспособное причинить вред другим) поведение не может составлять предмет правового регулирования. В дальнейшем данный подход был переосмыслен Г. Хартом.[287] Отметим, что «вред» как критерий, определяющий возможность применения права, рассматривается в философии утилитаризма и последующих ее интерпретациях как своего рода основной признак специального предмета общественных отношений, выступающий в качестве критерия применимости права и определяющий стандарт юридического толкования. Однако в настоящей работе демонстрируется, что «вред» не является единственным возможным таким критерием. С точки зрения той модели теоретической социологии, которая является определяющей для методологии данного исследования, «вред» выделяется в утилитаризме именно потому, что он имеет «социально-валютную ценность» – понятие, которое более подробно будет раскрыто к завершению настоящей Главы 2. Полагаем, однако, что теория Дж. Милля, при всем уважении к классической утилитаристской мысли, не полностью отвечает на вызовы современного правоприменения, толкования и правотворчества.

---

[286] Вопрос, который ставится в настоящем суждении аналогичен вопросу о том, должны ли писатели делать так, чтобы их персонажи всегда «соблюдали» правила дорожного движения в художественных произведениях. Сама постановка вопроса при этом не абсурдна в свете отмеченных тенденций развития законодательства об ограничении распространения информации.

[287] Ibid.

Проведем мысленный эксперимент, обращаясь к одним из сквозных примеров настоящей работы – компьютерным играм и толкованию ст. 105 УК РФ таким образом, что она распространяется на «причинение смерти» другому «человеку» (персонажу) в многопользовательской онлайн-игре. Ключевой вопрос в свете применимости утилитаристской концепции (и последующих ее интерпретаций) – *можно ли смоделировать такую ситуацию, при которой «вред» в миллевском смысле будет, а возможность соответствующего толкования и применения права по-прежнему будет вызывать интуитивные сомнения*? Представляется, что да. В некоторых многопользовательских онлайн-играх, допускающих «убийство» одних персонажей другими, возможны, например, следующие ситуации:[288]

1) *В случае если игра допускает произвольное «убийство» одного персонажа другим в любое время.* Игрок А низкого уровня выполняет «мирные» задания открытого игрового пространства. Игрок Б высокого уровня внезапно нападает на Игрока А и «убивает» его без видимой причины. Когда Игрок А возвращается к исходной точке и продолжает свои «мирные» занятия, его уже подстерегает Игрок Б и вновь «убивает» его. Ситуация повторяется несколько раз. С одной стороны, очевидно, что Игрок Б вмешивается в игровой процесс Игрока А, возможно даже портит тому игру с субъективной точки зрения последнего. С другой стороны, такие ситуации, если их допускает игровая механика, именно что и являются частью игрового процесса, даже если он неприятный (здесь уместно вспомнить рассмотренные выше взгляды Дж. Фейнберга). Вред, вероятно, есть, однако представить судебный иск о защите прав, если таковые есть, Игрока А довольно сложно, хотя пока не будем исключать такую возможность принципиально.

[288] Отметим, что приведенные далее примеры сконструированы в отношении виртуальных миров, котором присущи, полностью или в части, качества *виртуальной социальной реальности* (см. § 5.8 Главы 1 и § 1 Главы 2 настоящего исследования).

2) *В случае если игра допускает свободный обмен «виртуальной собственностью» между игроками*. Игрок А, посредством выполнения внутриигровых заданий накопил значительную сумму «виртуальной валюты» и решил купить дорогой предмет у Игрока Б. При этом отсутствует возможность приобретения «виртуальной валюты» за «реальные» деньги. Хотя игровая механика предусматривает многоступенчатый интерфейс подтверждений, Игрок Б находит способ обмануть Игрока А: он делает вид, что его клиент игры дает программный сбой, отменяет обмен и возобновляет его снова, но подменяет желаемый Игроком А предмет на другой, похожий, но значительно более дешевый. С расчетом на то, что Игрок А не будет перепроверять вторую «сделку», которую он посчитает аналогичной. В данном случае Игрок А также, вероятно, будет испытывать обиду и разочарование, однако и в этом случае сложно представить судебный иск о защите прав Игрока А, даже при том, что им могло быть вложено немало времени и интеллектуальных усилий в то, чтобы заработать «виртуальную валюту».[289]

Примеры в данной области можно продолжать очень долго.[290] Отметим главное: в каждом из рассматриваемых случаев можно констатировать наличие «вреда» в миллевском или близком к миллевскому смысле. В то же время, есть интуитивные сомнения в том, что такой «вред» соответствует предмету правового

---

[289] Такие случаи мошенничества автор настоящей работы наблюдал в некоторых играх, например, в игре *Аллоды Онлайн*.

[290] Собственно, подобные практики встречаются почти во всех компьютерных играх рассматриваемой группы, игровая механика которых позволяет совершать такие действия. Но наиболее ярким примером, пожалуй, по-прежнему остается виртуальный мир игры *Ultima Online*. См.: Леонов А. История убийств в Ultima Online: как игроки-преступники противостояли разработчикам [Электронный ресурс] // DTF.RU. 5 июля 2018 г. – [Сайт]. – URL: https://dtf.ru/games/22604-istoriya-ubiystv-v-ultima-online-kak-igroki-prestupniki-protivostoyali-razrabotchikam (дата обращения: 23.01.2019 г.). Автор подчеркивает следующие примеры от ключевого разработчика игры: «Если Лихой Гарри подстерегает путешественников на большой дороге и говорит им “Прошу прощения, господа, но я заберу у вас либо кошелёк, либо жизнь”, это гораздо менее проблематично, чем Баша, которая обучает медведей и натравливает их на ничего не подозревающих путников, или Лорд С’Мерть, который считает забавным испытывать свой новый свиток «Огненной стены» прямо посереди кузницы. С’мерти нет прощения. Тем не менее, все три варианта действий абсолютно легальны». Исходный источник текста: Костер Р. Разработка игр и теория развлечений. Москва: ДМК Пресс, 2018. – 288 с. Раф(-аэль) Костер (род. 1971) известен не только Ultima Online, но и другими виртуальными мирами, оставившими заметный след в истории компьютерных игр. См.: Raphael Koster [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,327570/ (accessed: 23.01.2019).

регулирования. Однако ситуация может поменяться, если в каждом из случаев, при наличии соответствующих устоявшихся социальных практик, параллельно с «виртуальными» будут и вполне «реальные», например, *денежные* отношения – скажем, если можно подсчитать стоимость в «реальной» валюте игрового персонажа в целом или принадлежащей ему «виртуальной» валюты с возможностью перевести (конвертировать) одно в другое.[291] То, что философы и теоретики права прошлого не учитывали данные примеры неудивительно – в их время отсутствовали социальные практики, связанные с «постоянной» (англ. "*pervasive*" – поддерживаемыми в момент отсутствия участника) симуляцией игровой среды, поскольку тогда еще не было инструментов, позволяющих это сделать, – компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий.

Подводя итоги, отметим, что основной вывод, который можно сделать из данного предварительного рассмотрения вопросов соотношения права и морали в свете проблем телеологического толкования и семантики нормативных предписаний, заключается в том, что **семантические пределы права, как они понимаются в настоящей работе, не могут быть объяснены исходя из философии морали**. Вопрос о соотношении права и морали перетекает в вопрос о возможности, допустимости и целесообразности телеологического толкования. В свою очередь, последний вопрос выходит за пределы морального дискурса и заставляет нас обратиться к логике и семантике правовых текстов. Данные обстоятельства при этом становятся особенно заметны в актуальном социокультурном контексте медиального поворота, в котором актуализируется проблема семантических пределов права.

---

[291] По этому пути, собственно, и идет аргументация в некоторых судебных решениях, в которых отношения между пользователем и игровой компанией, предметом которых является «виртуальная собственность», приобретенная за реальные деньги, квалифицируются как отношения между потребителем и профессиональной стороной.

§ 3. Оценка семантических пределов права с точки зрения подходов к толкованию права, претендующих на осмысление абсурда

Итак, философия морали, а также ее переосмысление в споре Л. Фуллера и Г. Харта, не дает нам достаточно методологического материала для реконструкции семантических пределов права, по крайней мере, в условиях медиального поворота. Поскольку эмпирический материал подталкивает нас соотнести вопрос о семантических пределах права не только с представлениями о виртуальной реальности в широком смысле слова, но и с представлениями об абсурде и здравом смысле, а сама проблема, по сути, может быть представлена как собственно проблема толкования права, попробуем обратить дальнейшее внимание в поисках решения проблемы о критериях семантических пределов права в область проблем юридического толкования. С интересом можно отметить, что *у слова «абсурд», как в теории, так и в практике толкования права, необычная судьба – его используют практически все (более того – в самих нормативных и правоприменительных актах), но не определяет практически никто*, и речь идет даже не о строгом формально-логическом определении, а буквально о любом – контекстуальном, ином, – которое позволило бы понять, о чем идет речь с достаточной степенью определенности, а не получить иллюзию такого понимания. Возможно, автор настоящего исследования просто стал жертвой заговора своих коллег, которые за несколько, как минимум, столетий развития права в современной редакции уже давно договорились о терминах, но решили держать всех остальных в неведении. Не имея лучшего, тем не менее, попробуем работать с тем материалом, который есть.

Для начала, ориентируясь на научные источники и эмпирический материал, попробуем обобщить те скудные и разрозненные сведения об абсурде, которыми мы располагаем на данный момент, и заодно посмотрим, сможет ли нам помочь теория юридического толкования, которая прямо называется «доктрина абсурдности» (даже

при том, что она развивается в рамках англо-американской юридической мысли, объект исследования в сущности одинаков для всех правовых систем или семей – это правовой текст, т.е. текст, который служит основой для реконструкции предоставительно-обязывающих норм). В итоге, что мы знаем об абсурде?[292]

§ 3.1. Отдельные примеры отсылок к абсурду в отечественной правоприменительной практике

Отсылки к абсурду и здравому смыслу встречаются как в нормативных источниках, так и в правоприменительной практике. Один из наиболее известных примеров первого – п. b ст. 32 Венской Конвенции о праве международных договоров (заключена в Вене 23.05.1969 г.),[293] согласно которой возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31,[294] или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31 приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными. Один из немногих примеров прямого применения данной статьи в практике международных юрисдикционных органов отражен в Постановлении Европейского суда по правам человека от 24.01.2017 г. «Дело “Хамтоху и Аксенчик (Khamtohu and Aksenchik) против

[292] При анализе эмпирического материала не будем забывать о том, что анализ аргументов, основывающихся на абсурдности чего-либо, для нас имеет главным образом инструментальный характер, а основным предметом нашего исследования является поиск возможных аргументов для формирования концепции о том, в каких случаях право принципиально может применяться к отношениям, связанным с виртуальной реальностью, а в каких – нет.

[293] См.: О праве международных договоров [Электронный ресурс]: Венская конвенция, заключена в Вене 23.05.1969 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

[294] Статья 31 Конвенции устанавливает общие правила толкования договоров.

Российской Федерации”» (жалобы № 60367/08 и 961/11).[295] П. 23 данного Постановления, в частности, отмечает, что

> «установление нарушения статьи 14 Конвенции по основаниям различия в обращении с подобными группами в отсутствие объективного и разумного оправдания могло требовать одного метода возмещения: "повышения", а именно, распространения более благоприятного обращения на всех лиц в подобной ситуации. "Понижение", то есть прекращение преференциального обращения для тех лиц, которое имели на него право, недопустимо в соответствии с Конвенцией. Успехи, достигнутые в защите прав человека, просто не могут быть отброшены. Сама Преамбула к Конвенции устанавливает цель защиты и "развития" прав человека и основных свобод. В этом отношении ясно, что европейская защита требует продвижения таких прав и запрещает их разбавление на дискреционной основе по политическим соображениям. Кроме того, исполнение постановления Европейского Суда не должно отменять, ограничивать или сужать существующие права в национальном правопорядке, как предусмотрено в статье 53 Конвенции. *Любой другой результат толкования был бы явно абсурдным* (выделено мною – ***В.А.***) (статья 32 b Венской конвенции о праве договоров)».

Что касается практики национальных судов в Российской Федерации и ЕСПЧ в целом, то по состоянию на 17 сентября 2018 года[296] справочно-правовая система «КонсультантПлюс» при использовании в критерии поиска запроса «абсурд*» (слова, содержащие сочетание букв «абсурд», в том числе производные от данного термина) выдает 649 результатов. В отношении критерия поиска «здравый смысл» – 488. На момент ознакомления читателя с материалами настоящего исследования данные показатели могут измениться. Таким образом, указанные термины используются в текстах правоприменительных актов (на примере судебной практики Российской Федерации и ЕСПЧ, на которую был ориентирован указанный поиск). Разумеется, в некоторых случаях они используются как фигура речи, но среди доступного материала есть и логически-содержательные примеры. Особый интерес

---

[295] Постановление Европейского суда по правам человека от 24.01.2017 г. «Дело “Хамтоху и Аксенчик (Khamtohu and Aksenchik) против Российской Федерации”» (жалобы № 60367/08 и 961/11) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

[296] Дата проведения исследования, предполагавшего работу по сбору практики в указанном направлении.

при этом составляют случаи, в которых указанные слова и сочетания используются не сторонами по делу, а судами. Остановимся на них поподробнее, приводя те цитаты, в которых использование слова «абсурд» и производных для целей исследования понятно из контекста и без изучения доказательств, составляющих материалы соответствующего дела. Сразу отметим, что во всех остальных случаях, не процитированных в настоящем параграфе, из всей представленной выборки аргументы об абсурдности использовались сторонами по делу. Для удобства последующих отсылок снабдим примеры сквозной нумерацией.

1) В Определении Приморского краевого суда от 23.06.2014 г. по делу № 33-5131 суд указывает, что

> «…утверждение ответчика о невозможности установить личность лица, отбывающего наказание в исправительной колонии, **абсурдно** (здесь и далее слово с корнем «абсурд» выделено мною для удобства читателя – ***В.А.***) и ставит под сомнение постановленный в отношении этого лица приговор по уголовному делу».[297]

В данном случае «абсурдность» увязывается с тем, что в соответствии с действующем порядком отбытия наказаний юридически – полностью, а фактически – во всех *разумных* случаях невозможно отбывать наказание анонимно.

2) В Постановлении Суда Еврейской автономной области от 13.03.2013 г. по делу № 4-А-8/2013 суд отмечает, что

> «…вместе с тем, вопреки утверждению заявителя, из акта проверки от 20.09.2012 следует, что с копией распоряжения о проведении внеплановой проверки директор предприятия Л.С. ознакомлена 03.09.2012 в 12 часов, о чем ею собственноручно в названный акт внесена соответствующая запись (л.д. 9 - 10). Причем исправление в дате на третье число выполнено и заверено также ею, что, исходя из надзорной жалобы, не отрицается самой Л.С. В этой связи ссылка последней о невозможности

[297] Определение Приморского краевого суда от 23.06.2014 г. по делу № 33-5131 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

> установления даты ознакомления проверяемого лица с распоряжением о проведении проверки вследствие исправления в акте является **абсурдной**».[298]

Здесь «абсурдность» может быть объяснена исходя из верхнего уровня логической интерпретации абсурда через суждения или высказывания о фактах, между которыми есть простое противоречие.

3) В Решении Ленинского районного суда г. Владивостока от 18.06.2008 г. по делу № 2-228/08 суд указывает:

> «Кроме того, порядок доведения до подчиненного личного состава приговоров суда и последующих судебных актов на подведение итогов, совещаниях, читках приказов сам по себе вносит ясность и гласность в содеянном и не требует объяснений. Кроме того, доводы истца З. о том, что он вынужден был избегать встреч с сослуживцами – **абсурден**, так как последний проходил военную службу по призыву в воинском подразделении, проживал в расположении части, служил согласно распорядку дня - что само по себе исключает возможность уединения и избегания встреч с сослуживцами».[299]

Здесь «абсурдность» ситуации, как и в первом примере, увязывается с тем, что в силу как обычно складывающегося, так и нормативно урегулированного положения дел, усматривается явное противоречие высказываниям участника процесса.

4) Как указал суд в Апелляционном определении Пермского краевого суда от 04.02.2015 г. по делу № 33-887,

> «…с учетом изложенного выше, не усматривает судебная коллегия правовых оснований и к снижению размера компенсации морального вреда, на чем настаивает в апелляционной жалобе ответчик. Грубой неосторожности в действиях Б. судом не установлено, ответчиком соответствующих доказательств и доводов в суде первой инстанции не заявлялось, наличие в действиях Б. небрежности при осуществлении

---

[298] См.: Постановление Суда Еврейской автономной области от 13.03.2013 г. по делу № 4-А-8/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

[299] См.: Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 18.06.2008 г. по делу № 2-228/08 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

> перехода четырехполосной проезжей части не подтверждается ни материалами гражданского дела, ни материалами административного производства. Ссылка ответчика на надетый на голову истицы капюшон во время перехода проезжей части является **абсурдной** и не свидетельствующей о грубой неосторожности в силу правового смысла данного понятия».[300]

Исходя из высокой степени обобщений, можно сказать, что продолжается логика предыдущего примера, но здесь обычное толкование юридического понятия не соответствует обычному положению дел на практике (надетый капюшон сам по себе не исключает возможности проявить должную осмотрительность при переходе дороги).

5) В Решении Самарского областного суда от 26.06.2014 г. № 21-311/2014 суд указывает следующее:

> «Ссылки в жалобе на необходимость применения в качестве процессуального права при рассмотрении настоящей жалобы арбитражного и гражданского процессуального законодательства с соответствующими процедурами и сроками представляется **абсурдной**, противоречащей как основным принципам права в общем, так и установленным КоАП РФ процессуальным нормам в частности».[301]

Здесь аргумент, предполагающий отсылку к абсурду, увязывается с нарушением юридической логики и распределения предметов между различными, специально созданными – каждая для своего предмета – отраслями права (в административном производстве применение ГПК РФ и АПК РФ, действительно, невозможно по определению, а потому – абсурдно, хотя в теории можно сконструировать редкие пограничные ситуации, где разумный спор об этом может возникнуть).

---

[300] См.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 04.02.2015 г. по делу № 33-887 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

[301] См.: Решение Самарского областного суда от 26.06.2014 г. № 21-311/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

6) В Апелляционном определении Пермского краевого суда от 02.04.2013 г. по делу № 33-2961-2014 суд отмечает, что

> «…доводы апелляционной жалобы ответчика о том, что истец осуществляя трудовую деятельность на заводе сознательно допускал возникновение неблагоприятных последствий для здоровья, не влекут снижение ответственности работодателя перед работниками и по своей сути **абсурдны**».[302]

В данном случае «абсурдность», по-видимому, возникает из-за смешения двух совершенно различных групп общественных отношений, которые юридически между собой не связаны – деятельность работника, повлекшая причинение вреда ему же, с одной стороны, и исполнение публично-правовой обязанности работодателя, которое само по себе не зависит от того, что делают работники.

7) Любопытное заключение содержит Апелляционное определение Пермского краевого суда от 12.11.2012 г. по делу № 33-10042:

> «Доводы апелляционной жалобы о том, что, по мнению Н., сам статус ответчика причиняет нравственные страдания, которые не подлежат доказыванию, являются **абсурдными** и не могут быть приняты во внимание с правовой точки зрения».[303]

Пример абсурдности в данном случае более интересен, поскольку более абстрактен и затрагивает неартикулированные «общеразделяемые положения» права, которые подразумевают, что наличие какого-либо правового статуса, тем более процессуального, является инструментальным и не может само по себе причинять нравственные страдания.

8) Как указывает суд в Апелляционном определении Самарского областного суда от 11.09.2012 г. по делу № 33-8461,

---

[302] См.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 02.04.2013 г. по делу № 33-2961-2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

[303] См.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 12.11.2012 г. по делу № 33-10042 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

«…не может судебная коллегия признать убедительными доводы апелляционной жалобы о том, что ответчик не может нести ответственности за действия своих контрагентов в силу того, что он действовал добросовестно, проявляя должную осмотрительность и осторожность, поскольку об обратном свидетельствует сами обстоятельства заключения договоров с неустановленными лицами от имени ООО "Форсаж", а именно крупные сделки (на суммы, как правило, более одного миллиона рублей), со слов самого ответчика, заключались им в автомобилях на автомобильной стоянке, при этом ответчик не представил суду ни паспортные данные лиц заключавших сделки от имени ООО "Форсаж", ни данные доверенностей, на основании которых они действовали, между тем, ответчиком фактически не оспаривается, что номинальный руководитель ООО "Форсаж" – И.В. лично указанных сделок не совершала, при этом доводы стороны ответчика о том, что заключения крупных сделок в таких условиях является обычной деловой практикой **абсурдны** по сути, поскольку ввиду таких обстоятельств невозможно установить истинных контрагентов по сделкам, истинные условия совершенных сделок и факт исполнения ответчиком указанных условий».[304]

Описание, данное судом, наглядно поясняет «принцип абсурдности» в данном случае – прежде, чем квалифицировать нечто как крупную сделку, оно должно соответствовать признакам сделки как таковым.

9) В Апелляционном определении Пермского краевого суда от 08.08.2012 г. по делу № 33-6866 по делу о причинении ответчиком вреда на служебном автомобиле в состоянии алкогольного опьянения указано, что

«…в апелляционной жалобе Щ. приводит доводы о несогласии с выводом суда о том, что он управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения со ссылкой на то, что справки N <...> и <...> о результатах судебно-химического исследования не заверены печатью медицинского учреждения, а потому являются ненадлежащими доказательствами. Далее указывается на то, что спирт в кровь ответчика мог попасть при обрабатывании ран Щ. медицинскими работниками». В отношении последнего обстоятельства уже суд указывает, что «ссылки ответчика на обстоятельства, при которых спирт мог попасть в кровь Щ., являются **абсурдными** и не могут быть приняты во внимание».[305]

---

[304] См.: Апелляционное определение Самарского областного суда от 11.09.2012 г. по делу № 33-8461 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

[305] См.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 08.08.2012 г. по делу № 33-6866 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

Здесь очевидно противоречие таких ссылок обычному положению дел и фактам медицинской науки – по крайней мере, в представлении суда.

10) Как указывает судебная коллегия в Апелляционном определении Самарского областного суда от 26.06.2012 г. по делу № 33-5960,

> «…вместе с тем, не может судебная коллегия признать убедительными выводы суда первой инстанции о заключении рассматриваемого договора займа с целью исключения квартиры приобретенной ответчиком по указанному договору долевого участия в строительстве многоквартирного жилого дома из возможного раздела совместно нажитого имущества ответчика и его супруги, поскольку все денежные суммы ответчиком были уплачены застройщику до заключения договора займа, то есть до ДД.ММ.ГГГГ, а брак между ответчиком и его супругой был заключен только ДД.ММ.ГГГГ, а учитывая что ответчик имеет высшее юридическое образование, указанные доводы стороны ответчика высказанные в обоснование непризнания иска выглядят абсолютно **абсурдными**».[306]

В данном случае абсурдность увязывается с предполагаемым разумным поведением лица, имеющего высшее юридическое образование. Этот случай «абсурдности» отличается от других, поскольку в нем как бы говорится, что сторона по делу не может заявлять определенный довод «всерьез», поскольку владеет специальными знаниями.

11) В постановлении Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 19.04.2012 г. № 44-г-7, суд указывает:

> «Однако решение Чамзинского районного суда Республики Мордовия от 8 ноября 2011 г. не может быть признано в полном объеме законным и обоснованным, поскольку, отказав в удовлетворении всех заявленных ООО "Автозапчасть" к О. встречных исковых требований в связи с пропуском срока исковой давности, суд по существу оставил возникший между сторонами спор по поводу зенковочного станка неразрешенным, создав по сути **абсурдную** ситуацию, когда станок оказался не имеющим собственника».[307]

---

[306] См.: Апелляционное определение Самарского областного суда от 26.06.2012 г. по делу № 33-5960 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

[307] См.: Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 19.04.2012 г. № 44-г-7 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

В данном случае «абсурдность» имеет иную, чем в предыдущих примерах, природу – здесь речь идет о логически невозможной, с точки зрения позитивного права, ситуации.

12) Занимательный вывод отражен в Апелляционном определении Калининградского областного суда от 14.08.2013 г. по делу № 33-3468/2013:

> «С учетом того, что закон не ограничивает количество вещей, которые могут находиться в собственности гражданина, ссылку в апелляционной жалобе на **абсурдность** вывода суда о принадлежности должнику Л.В. с супругой двух холодильников и двух телевизоров нельзя признать обоснованной».[308]

По-видимому, сторона по делу пыталась апеллировать к обычному положению дел, когда у граждан, живущих в месте, один холодильник и один телевизор. В аргументации суда, однако, сравнение, в отличие от предыдущих случаев, осуществляется не с обычной практикой (во многих случаях у семьи, действительно, один холодильник – как подсказывает здравый смысл – но он же подсказывает, что это необязательно), а с принципами гражданского права, не ограничивающими число холодильников и телевизоров, которыми могут владеть граждане.

13) В Апелляционном определении Верховного суда Республики Карелия от 14.05.2013 г. по делу № 33-1306/2013 суд взвешенно отмечает, что

> «указание в апелляционной жалобе на циничность и **абсурдность** выводов суда первой инстанции носит экспрессивный характер и не может быть расценено судебной коллегией как мотивированный довод, подлежащий рассмотрению в качестве позиции юридического лица».[309]

---

[308] См.: Апелляционное определение Калининградского областного суда от 14.08.2013 г. по делу № 33-3468/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

[309] См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 14.05.2013 г. по делу № 33-1306/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

Смысл данного примера не столько в том, чтобы показать в чем именно заключалась предполагаемая абсурдность, а в том, что здесь суд *de facto*, указывает на то, что сама по себе отсылка к абсурдности не может приниматься во внимание при осуществлении правосудия. Как видно, однако, это не универсальная позиция.

14) Санкт-Петербургский городской суд в Определении от 18.04.2012 г. № 22-2281/2012, опровергая один из доводов стороны, отмечает, что

> «…вопреки доводам кассационной жалобы Г.Д. об **абсурдности** полученных судом сведений о невозможности установления местонахождения свидетеля <...>, являющегося сотрудником полиции, в материалах дела имеется документ об увольнении <...> из органов внутренних дел, и об отсутствии этого свидетеля по имеющимся данным о его месте жительства».[310]

Данный пример похож на первый, но с обратным исходом – если невозможно или практически невозможно отбывать наказание в местах лишения свободы анонимно, то «пропасть» из поля зрения государства, находясь на свободе, вполне возможно. По крайней мере, пока интернет вещей в области общественного порядка не стал по-настоящему глобальным.

Отдельного внимания заслуживает использование отсылок к абсурду (абсурдности) в отдельных особых мнениях судей Конституционного Суда Российской Федерации.

15) Так, например, в Особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.М. Казанцева к Постановлению по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера содержится, в частности, следующее рассуждение:

---

[310] См.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.04.2012 г. № 22-2281/2012 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

> «Вместе с тем при вынесении определения или постановления о прекращении уголовного дела вопрос о судьбе вещественных доказательств и в том числе о конфискации может быть решен не только судом, но и руководителем следственного органа или следователем. При этом по буквальному смыслу пункта 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, если уголовное дело и уголовное преследование прекращаются формально при наличии даже реабилитирующих оснований (отсутствие в деянии состава преступления, непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления и др.) и уж тем более любых нереабилитирующих оснований. Конечно, конфискация при условии прекращения уголовного дела или преследования по реабилитирующим основаниям вряд ли может применяться ввиду очевидной **абсурдности** такого толкования оспариваемой нормы, но и вопрос о возможности конфискации при условии прекращения уголовного дела или преследования по нереабилитирующим основаниям в правоприменительной практике тоже не может решаться в соответствии с буквальным толкованием».[311]

Здесь подмечается абсурдность постановки вопроса о конфискации при условии прекращения уголовного дела или преследования по реабилитирующим основаниям. Т.е. подразумевается противоречие природы и целей конфискации случаю с таковыми.

16) В Особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова к Определению от 2 апреля 2009 года № 484-О-П приведено следующее рассуждение:

> «Поскольку какие-либо правила, критерии и конкретные требования к мотивам в законе отсутствуют – любой повод и предлог отвечает условию мотивированности. Уже материалы жалоб показывают, насколько заведомо избыточно, и порой **абсурдно** исполнительная власть и судебные органы выдвигают и оправдывают такого рода мотивы. Так, органы публичной власти легко запрещают проведение мероприятий под предлогом возможного проведения ремонта дорог и коммуникаций, высокой посещаемости мест проведения митингов и демонстраций, аварийного состояния культурных объектов и угрозы их сохранности и даже наличия обращения церковного

[311] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 N 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

> иерарха о деструктивности проводимого мероприятия. Имеются также примеры, когда органы публичной власти заведомо создают подобные мотивы для запрета митингов и манифестаций, инициируя проведение в то же время и в том же месте иных публичных акций. Таким образом, требование мотивировать предложение органа публичной власти об изменении времени и места проведения мероприятия не представляет никаких гарантий реализации права мирных собраний и фактически используется как предлог для их запрещения».[312]

Случай «абсурда», с которым мы встречаемся здесь несколько сложнее – в данном случае, речь, скорее, идет об очевидной, по суждению автора особого мнения, несоразмерности между охраняемыми ценностями.

17) В Особом мнении судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова к Постановлению от 28.06.2007 г. № 8-П содержится, в том числе, следующая позиция:

> «Достоинство личности, как оно интерпретируется в европейской правовой традиции, означает, прежде всего, что человек не может быть бесправным объектом государственной деятельности. Это касается не только и не столько уже умершего, но прежде всего его родных и близких. О каком достоинстве может идти речь, если тело умершего становится даже не объектом, а предметом, вещью, присвоенной государством, позволяющим себе установить на него монополию и распоряжаться им по своему усмотрению? Родственникам погибших при этом предлагается ни много ни мало как вступать с государством в судебный спор по поводу тел их близких, а Конституционный Суд видит свою задачу в том, чтобы защитить это право на судебный иск, который не имеет уже никакого смысла. Конечно, это **абсурдно**, унизительно и бесчеловечно, тем более учитывая конкретные трагические обстоятельства данного дела, когда тела погибших были тайно кремированы задолго до обращения в Конституционный Суд. Между прочим, ни Конституция Российской Федерации, ни международные нормы по правам человека категорически не допускают никаких оснований для умаления достоинства личности».[313]

---

[312] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2009 года № 484-О-П по жалобе граждан С.М. Шимоволоса, А.В. Лашманкина, Д.П. Шадрина о нарушении их конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

[313] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона "О погребении и похоронном деле" и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

В данном случае термин «абсурд» также связан, скорее, с резкой непропорциональностью между определенными ценностями. Кроме того, вспоминая подход Н.А. Дмитрика, в предмете спора прослеживается потенциальное столкновение права с пределами частной жизни, которые формируют один из пределов такового.

18) Прямое отношение к предмету настоящего исследования имеет пример использования термина «абсурдный» в п. 6 Особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева к Определению от 02.11.2006 г. № 444-О (приведем развернутую цитату, чтобы можно было оценить логику аргументации, не обращаясь к полному тексту особого мнения):

> «Как уже отмечалось, в случае выявившейся неясности нормы налогового законодательства все методы (способы) толкования должны применяться в совокупности. Один из них – телеологическое толкование, т.е. уяснение смысла нормы в контексте целевых установок законодателя, когда правоприменитель учитывает не только исторически обусловленное намерение законодателя, но и цель, которую он ставил перед собой. Судя по содержанию подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации, имущественный вычет предоставляется при продаже не любого имущества, а такого, сделки по поводу которого подлежат не просто регистрации, а государственной регистрации. Государство не в состоянии контролировать все сделки, заключаемые физическими лицами при распоряжении своим имуществом. Поэтому в данной норме речь идет о сделках по распоряжению объектами недвижимости. В статье 164 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что сделки с землей и другим недвижимым имуществом подлежат государственной регистрации в случаях и порядке, предусмотренных статьей 131 данного Кодекса и Законом о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (пункт 1). Вряд ли можно истолковать слова в подпункте 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации "а также при продаже иного имущества" как означающие, что при продаже любого движимого имущества (скажем, пары голубей) надо платить с полученного дохода налог на доходы физических лиц. Это – пример так называемого **абсурдного истолкования, которое не может осуществляться правоприменителями** (выделено мною – ***В.А.***). Согласно пункту 2 той же статьи законом может быть установлена государственная регистрация сделок с движимым имуществом определенных видов. Такая государственная регистрация предусматривается в единичных случаях. Так, согласно статье 11 Закона Российской

> Федерации "О залоге" при залоге имущества, подлежащего государственной регистрации, договор залога должен быть зарегистрирован».[314]

Использование отсылки к абсурду в данном судебном решении (равно как и помещение такого аргумента в контекст телеологического толкования) весьма показательно, поскольку неявно связано и с определенными представлениями о пределах права.

19) Не менее интересно и содержание Особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации Б.С. Эбзеева к Определению от 11.03.2005 № 3-О, в котором, в частности, указано:

> «Попытка же интерпретировать нормативное содержание ее [Конституции] статьи 119 ("Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации") и части 2 статьи 121 ("Полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом") как дозволение федеральному законодателю действовать по собственному произвольному усмотрению или игнорировать иные положения Конституции Российской Федерации **абсурдна по сути, поскольку лишает ее рационализирующего и стабилизирующего значения и качества верховенства и высшей юридической силы** (выделено мною – ***В.А.***) (статья 4, часть 2; статья 15, часть 1)».[315]

Отсылка к абсурду в данном случае имеет двоякий смысл. Во-первых, подразумевается абсурдность толкования, не учитывающего иные положения

---

[314] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.11.2006 г. № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

[315] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.03.2005 № 3-О «По жалобе гражданина Смакова Рината Миргалимовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 14 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации" (в редакции Федерального конституционного закона от 15 декабря 2001 года), пункта 3 статьи 6.1 и абзаца второго пункта 1 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 15 декабря 2001 года)» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

Конституции, во-вторых – подчеркивается, что абсурд противоречит рациональности права.

Полагаем, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы проиллюстрировать обзор типовых случаев использования аргументации, предполагающей отсылку к абсурду в праве на примере отечественной правоприменительной практики. В целях набора критической массы эмпирического и связанного с ним теоретического материала, обратимся теперь к зарубежному опыту и доктрине.

§ 3.2. Развитие «доктрины абсурдности» в контексте зарубежной правоприменительной практики

Обобщенный, но вполне точный взгляд на подход к абсурду в праве в зарубежных (как англо-американских, так и романо-германских) юрисдикциях может представить анализ дискурса **«доктрины абсурдности»** в толковании права. У этой доктрины многообещающее название, однако, забегая вперед, отметим, что она тоже дает поразительно мало ясности о том, что же такое абсурд конкретно.[316] Одно из системных критических обобщений «доктрины абсурдности» в праве США, которая, в действительности, известна, как минимум со второй половины XIX века, было сделано Дж. Мэннингом в статье «Доктрина абсурдности» (2003).[317] Данная статья, однако, прольет мало света на проблему в интересующем нас ракурсе – как в плане конкретных критериев абсурдности в праве, так и в части общих вводных в теорию юридического абсурда. Из двух других системных статьей, написанных в ответ на статью Дж. Мэннинга – статьи Г. Стажевского «Избегая абсурдности»

[316] «Поразительно мало» – поскольку ожидания, которые провоцирует название доктрины, не соответствуют итогу осмысления.

[317] Manning J.F. The Absurdity Doctrine // Harvard Law Review. – 2003. – Vol. 116. – PP. 2387–2486.

(2006)[318] и статьи Л. Джеллум «Но это абсурд! Почему конкретная абсурдность подрывает текстуализм» (2011)[319] – мы остановимся на последней, поскольку она более последовательно раскрывает логику развития доктрины абсурдности и основные представления об абсурде в праве через призму своей правовой культуры и системы.

Доктрина абсурдности в США развивалась, как ни странно, в качестве необходимой составляющей текстуалистского подхода. Суть текстуализма заключается в том, что для уяснения смысла правового текста используются лишь такие способы толкования, которые связаны с самим текстом непосредственно. Особенно критически текстуалисты оценивают другое направление – интенционализм, т.е. попытку определить намерение законодателя, и использовать его как основополагающий принцип для определения содержания закона, даже если усматриваются отдельные расхождения с текстуальным выражением нормы.

Как указывает Л. Джеллум, три основных направления для критики интенционализма следующие. *Во-первых*, есть сомнения в том, что законодательное намерение только одно (подразумевается сложный процесс согласования противоречивых интересов при разработке законопроекта), и даже если он один, то судьи вряд ли могут его точно установить. *Во-вторых*, участие судей в определении намерения законодателя может рассматриваться как нарушение принципа разделения властей. *В-третьих*, в отличие от интенционализма, текстуализм сам по себе служит сдерживающим фактором для «самодеятельности» судей.[320] Текстуализм, таким образом, очень похож на привычные и для российской действительности практики толкования права, хотя может отличаться в некоторых и,

[318] Staszewski G. Avoiding Absurdity // Indiana Law Journal. – 2006. – Vol. 81. – PP. 1001–1065.

[319] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism // Brooklyn Law Review. 2011. – Vol. 76. – PP. 917–939.

[320] Ibid. PP. 920–921.

возможно, несущественных деталях, вызванных конституционно-правовыми различиями.

Л. Джеллум рассматривает доктрину абсурдности как синоним доктрины «Золотого правила» и как исключение к канону толкования об общеупотребительном значении слова (англ. "*plain meaning canon*"). Суть доктрины «Золотого правила» сводится к тому, что во всех тех случаях, когда следование правилу приведет к абсурдным (sic!) или противоречащим, пока условно говоря, здравому смыслу, результатам, необходимо отходить от буквального общеупотребительного значения слова. Известно, как минимум, два случая более или менее прямого отражения такого подхода в прецедентах Великобритании, в обоих случаях формулировки принадлежат Лорду Уэнслидейлу. Так, в деле *Becke v Smith (1836)* он отметил:

> «Крайне полезное правило в толковании статута – придерживаться обычного значения использованных слов и следовать грамматической структуре, если только получившийся результат не будет противоречить воле (намерению) [англ. "*intention"*][321] законодателя, или не приведет к откровенному абсурду или противоречию [англ. "*repugnance"*], а если это произойдет, то формулировка может быть изменена или модифицирована но в степени, не большей, чем необходимо, чтобы полностью избежать такого затруднения».[322]

Впоследствии Лорд Уэнслидейл в решении по делу *Grey v Pearson (1857)* уточнил формулировку следующим образом:

> «В процессе толкования статутов, как и всех письменных текстов, необходимо следовать тому значению слов, которое соответствует их грамматическому и обыденному значению, если только это не приведет к некоторой **абсурдности** (выделено мною – ***B.A.***) или несоответствию по отношению к остальному тексту; если

---

[321] Мы намеренно используем перевод, который поместит подход в контекст российской правовой терминологии, чтобы подчеркнуть сходство в некоторых деталях.

[322] *Becke v Smith (1836) 2 M&W 195,* цит. по: Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

> же это произошло, то в таком случае грамматическое и обыденное значение слов может быть изменено для того, чтобы избежать такого абсурда или несоответствия, но не более того».[323]

Данное правило обычно рассматривается в двух возможных интерпретациях – узкой,[324] когда речь идет о формальных противоречиях текста, и широкой,[325] когда речь идет о противоречиях принципам морали или публичной политики.[326] Золотое правило (толкования, а не морали) в истории правовой мысли и моральной философии интерпретировалось и само по себе достаточно узко и преимущественно было связано с анализом моральных оснований права либо иных способов реконструкции связи между правом и моралью в конкретных случаях. [327] Как кратко заключает Л. Джеллум,

> «…доктрина абсурдности позволяет судьям игнорировать обычное значение законодательного текста в случаях, когда обычное значение текста приведет к абсурдным результатам».[328]

В США история внимания судей к абсурду началось в 1868 году с дела *United States v. Kirby*.[329] Обвиняемые, которые служили в местном офисе шерифа, арестовали почтальона, которого разыскивали за убийство. Однако в то же время действовала норма, согласно которой запрещалось осознанно и намеренно препятствовать или затруднять доставку почты или деятельность кучеров [англ. "*driver*"] или экипажей. Получилось, что обвиняемые буквально нарушили закон,

---

[323] *Grey v. Pearson (1857) 6 HL Cas 61, 106; 10ER 1216, 1234,* цит. по: Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

[324] См.: *R v Allen* (1872).

[325] См.: *In re Sigsworth* (1935).

[326] Здесь отметим, что эти два классических подхода соответствуют предлагаемой нами классификации абсурда на синтаксический и семантический, но не учитывают два уровня семантического абсурда.

[327] См.: Duxbury N. Golden Rule Reasoning, Moral Judgment, and Law // Notre Dame Law Review. – 2009. – Vol. 84. – Issue 4. PP. 1529–1605.

[328] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 921.

[329] *United States v. Kirby, 74 U.S. 482 (1868)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/74/482/ (accessed: 24.02.2019).

однако суд, по сути впервые, применил доктрину абсурдности и отметил: «Все законы должны толковаться разумно. Общие положения должны быть ограничены в своем применении в случае, если они ведут к несправедливости, угнетению или абсурдным результатам. Отныне всегда следует исходить из того, что законодатель подразумевает исключения для своих формулировок, которые позволят избегать подобных результатов. В таких случаях в праве разумность должна преобладать над буквой закона».[330] Примечательно, что судья также процитировал С. Пуфендорфа, ссылавшегося на пример болонского закона, согласно которому «каждый, кто пролил кровь на улице, должен быть наказан наиболее жестоким образом», и который, однако, на практике не был применен к случаю с хирургом, открывшем для цели оказания медицинской помощи вену человека, упавшего на улице.[331] Автор, однако, подчеркивает, что «пролить кровь» может рассматриваться как словосочетание, имеющее два разных значения, и потому в этом примере не обязательно подразумевается именно абсурд – пример этот может быть рассмотрен и строго в контексте обычных текстуалистских позиций.

Наиболее влиятельным делом о применении доктрины абсурдности, однако, автор полагает уже упоминавшееся решение 1892 года по делу *Holy Trinity Church v. United States*,[332] в котором суд применил достаточно широкое толкование абсурда, увязав его с намерением законодателя, постановив, что норма о запрете найма иностранных работников не может распространяться на священнослужителей, хотя буквально деятельности пастора, ставшего основным «фигурантом» дела, могла рассматриваться в качестве таковой. Суд при этом вынес решение, из которого

[330] Цит. по: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 924.
[331] Ibid.
[332] *Church of the Holy Trinity v. United States, 143 U.S. 457 (1892)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/143/457/ (accessed: 24.02.2019).

следовало, что такое толкование должно распространяться на все подобные дела, в которых основной вопрос касается «работников умственного труда».[333]

История доктрины абсурдности прервалась в 1940 гг. в связи с развитием интенционалистской доктрины, однако возобновилась в 1986 г. в связи со вступлением в должность судьи А. Скалиа, и на момент анализируемой публикации была распространена в нижестоящих судах, хотя не являлась доминирующей в актах Верховного Суда США, который обращался к ней лишь пять раз.[334]

Особое достоинство работы Л. Джеллум по сравнению с другими публикациями на тему «Золотого правила», текстуализма, абсурдности и аналогичных понятий из других правовых культур, заключается в том, что автор не пытается замаскировать проблему неясности термина «абсурд» за рассуждениями исключительно лишь о моральных основаниях права. Автор отмечает, что абсурдность не определяется в юриспруденции последовательно – напротив, судьи предпочитают определять абсурдность посредством простого перечисления конкретных случаев, которые кажутся им абсурдными (отметим некоторое сходство и с современной российской практикой).[335] Как указывал Дж. Мэннинг,

> «…стандартная доктрина толкования (возможно, тавтологично) определяет “абсурдный результат” как вывод настолько противный разделяемым социальным ценностям, что Конгресс не мог намереваться [заложить его в закон]».[336]

Л. Джеллум подчеркивает, что даже в случае, который интерпретируется как прецедентное основание такого исключения – имеется в виду дело *Holy Trinity Church v. United States, 143 U.S. 457 (1892)* – Верховный Суд США лишь отметил, что значение, которое вступает в конфликт с волей законодателя является

---

[333] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 926.
[334] Ibid. P. 926–927.
[335] См. напр.: *Pub. Citizen v. U.S. Dep't of Justice, 491 U.S. 440, 470-71 (1989) (Kennedy, J., concurring)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/440/ (accessed: 24.02.2019).
[336] Manning J.F. The Absurdity Doctrine // Harvard Law Review. 2003. Vol. 116. P. 2390.

абсурдным, но никак более не раскрыл представление об абсурде в праве. Как правило, Верховный Суд также отождествляет понятия «абсурдный» и «странный» (“odd”), но среди некоторых судей встречается и более резкое определение абсурдного как «ведущего к настолько грубым результатам [толкования], что они являются шокирующими с точки зрения общей морали или здравого смысла».[337] Автор заключает, что первый из подходов к абсурдности может показаться узким и спорным с точки зрения концепции воли законодателя («намерения Конгресса»), тогда как второй может, напротив, открыть дверь для внетекстуальных соображений в толковании права слишком широко. Соответственно, истина должна быть где-то посередине. Но факт остается фактом, подмечает Л. Джеллум, – юриспруденция не может **определить где конкретно лежит эта истина**,[338] а судьи, при определении абсурда, просто ссылаются на другие дела, где кто-то уже сослался на абсурд, и применяют подход «Я узнаю это, когда увижу».[339] В дальнейшем на страницах своего исследования автор обращает внимание на два возможных вида абсурда в праве – конкретном и общем.[340] Конкретный абсурд наличествует там, где абсурдным будет толкование по конкретному делу.[341] Общий – где абсурдным будет любой случай толкования соответствующего акта.[342] Данная классификация интересна сама по себе, но она также существенно не проливает свет на проблемы природы абсурда. Особенно, в том ключе, который необходим для разрешения

---

[337] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 921.

[338] Именно этим и объясняется наше обращение к теоретической социологии на страницах настоящего исследования.

[339] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 922.

[340] Ibid. PP. 927–932.

[341] См. напр.: *Ohio Division of Wildlife v. Clifton.* Суд признал абсурдным налагать наказание за неправомерное обращение с животным на человека, который такое животное спас от неминуемой гибели и приютил у себя. Цит. по: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. PP. 927–932.

[342] См. напр.: *Amalgamated Transit Union Local 1309 v. Laidlaw Transit Services, Inc.* Суд признал абсурдным правило, согласно которому буквально «апелляция может быть подана в срок не менее чем спустя 7 дней после вынесения решения», признав, что «менее» означает «более», поскольку иначе это получился бы срок ожидания и неопределенный срок на обжалование. Цит. по: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. PP. 927–932.

проблем выявления абсурдного толкования или применения права в условиях медиального поворота.

§ 3.3. Оценка представлений об абсурдности в праве через призму представлений о здравом смысле

Есть достаточно много примеров и попыток поместить представления об абсурде в определенный контекст. Строгих определений, однако, мы пока не видим. Может быть, пойти от обратного? Абсурд обычно противопоставляют **здравому смыслу**. Возможно, ситуацию прояснит обращение к соответствующей философской школе? Действительно, в определенном смысле, основная задача настоящей работы и заключается в том, чтобы *осмыслить и теоретически структурировать применение здравого смысла в юридической аргументации*. При этом понятие здравого смысла нельзя осознать в отрыве от своего, согласно рабочему предположению, антонима – абсурда. Что же представляет собой здравый смысл и как он рассматривается в современной социально-гуманитарной литературе?

Представитель философских наук А.А. Ивин в своем учебнике «Основы теории аргументации» примерно характеризует здравый смысл как «общее, присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с опытом»[343] и анализирует использование данного понятия в истории подходов к аргументации, включая Аристотеля,[344] Фому Аквинского[345] и более поздних

[343] Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 185–186.

[344] «Апелляция к здравому смыслу высоко ценилась в античности и шла в русле противопоставления мудрости («софии») и практического знания («фронесис»). Это противопоставление было теоретически разработано Аристотелем и развито его последователями до уровня жизненного идеала. Практические знание, руководящее поступками человека, - это особый, самостоятельный тип знания. Практическое знание направлено на конкретную ситуацию и требует учета «обстоятельств» в их бесконечном разнообразии. Жизнь не строится, исходя из теоретических начал и общих принципов, она конкретна и руководствуется конкретным знанием, оцениваемым с

мыслителей. Из указанных наблюдений можно отметить характеристику взглядов А. Шефтсбери, который

> «…истолковывал здравый смысл как понимание общего блага и одновременно как приверженность общине или обществу, как естественные чувства, гуманность, любезность. Здравый смысл – это скорее добродетель сердца, нежели ума, являющаяся не просто обиходной добродетелью, но предполагающая некоторую моральную и даже метафизическую основу».[346]

В общем, заметно, что «здравый смысл» – также понятие весьма туманное, которое осмыслить, скорее всего, возможно только с помощью, по-видимому, самого здравого смысла. Тем не менее, отметим, в приведенном взгляде связь здравого смысла с «приверженностью общине или обществу» и отсылку к моральной основе. Сложно удержаться от возможного дополнения в первой части – «с **[семантической]** приверженностью общине или обществу». Заслуживает более пристального внимания упоминание автором философии шотландской школы и приводимая им по этому поводу цитата Х.-Г. Гадамера, согласно которой

> «…понятие здравого смысла концентрируется на обществе: «Он служит для того, чтобы направлять нас в общественных делах или в общественной жизни, **когда наши способности к рассуждению покидают нас в темноте**» (выделено мною – ***В.А.***).[347]

Философия здорового человеческого разума у представителей шотландской школы выступает не только как целительное средство против “лунатизма” метафизики, она еще и содержит основы моральной философии, воистину

точки зрения здравого смысла». См.: Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 186.

[345] «В схоластике, например, у Фомы Аквинского, здравый смысл – это общая основа внешних чувств, а также опирающейся на них способности судить о данном, присущей всем людям». См.: Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 186.

[346] Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 187.

[347] Там же.

удовлетворяющей жизненные потребности общества».[348] С учетом выделенного в приведенной выше цитате фрагмента сложно удержаться от проведения аналогии, согласно которой здравый смысл парадоксальным образом оказывается «бессознательным» (в юнгианском смысле) права. Заслуживает упоминания и значение моральных мотивов в понятии здравого смысла в рамках представлений А. Бергсона, согласно которому

> «…хотя здравый смысл и связан с чувствами, но реализуется он на социальном уровне. Чувства ставят нас в какое-то отношение к вещам, здравый смысл руководит нашими отношениями с людьми. Он не столько дар, сколько постоянная корректировка вечно новых ситуаций, работа по приспособлению к действительности общих принципов».[349]

Для нас важно и заключение А.А. Ивина относительно современного значения здравого смысла:

> «Существенное значение придает здравому смыслу современная философская герменевтика, выступающая против его интеллектуализации и сведения его до уровня простой поправки: **то, что в чувствах, суждениях и выводах противоречит здравому смыслу, не может быть правильным** (выделено мною – ***В.А.***)».[350]

Но именно такая презумпция и лежит в основе большинства изученных источников, представляющих собой эмпирические примеры юридической аргументации, относящейся к теме исследования.

Завершая обсуждение представления концепции здравого смысла А.А. Ивиным в приведенном источнике, следует отметить, что оно оказывается по существу недостаточно раскрытым для целей настоящего исследования, хотя рассмотреть приведенные суждения было довольно полезным. Автор отмечает, что

---

[348] Там же.
[349] Там же.
[350] Там же. – С. 187–188.

> «…приложим здравый смысл прежде всего в общественных, практических делах. С его помощью судят, опираясь не на общие предписания разума, а скорее на убедительные примеры. Поэтому решающее значение для него имеет история и опыт жизни. Здравому смыслу нельзя выучить, в нем можно только упражняться. Он имеет двойственный, описательно-оценочный характер: с одной стороны, он опирается на прошлые события, а с другой является наброском, проектом будущего».[351]

Надо отметить, что и иные представления, характеризующие понятие здравого смысла, довольно туманны. Они явно не дают возможности строить рациональную юридическую аргументацию (а юридическая аргументация не может не быть рациональна), однако в ряде случаев сколь естественно и закономерно делается вывод об отсутствии здравого смысла или об абсурдности того или иного толкования или действия, ведь оно *не имеет смысла*.

Интересно обратиться и к отдельным отечественным исследованиям, тем более, что по поводу здравого смысла как такового написано мало. Так, видный дореволюционный отечественный последователь шотландской школы философии здравого смысла Исидор Саввич Продан писал:

> «Люди практики не задают себе вопросов относительно знания: что такое истина и, как она достигается. Действуя по врожденному познавательному инстинкту, они ошибаются в своей деятельности реже, чем иные философы в своих сочинениях. Мало того, людьми науки и практики, чуждыми философии познания, делаются важные научные открытия; применением этих открытий порой изменяется весь социальный строй жизни: следовательно, эти открытия – не заблуждения. Ими несомненно подтверждается правильность познания и мышления у людей, сделавших эти открытия. Особенно блестящие успехи сделаны человеческим умом в истекшем столетии в области естественных наук и техники».[352]

Далее автор приводит примеры того, как человек подчинил себе природные силы и поставил их на службу прогрессу. Довольно прямолинейно (и, вероятно,

---

[351] Там же. – С. 188.
[352] Продан И.С. Познание и его объект. Оправдание здравого смысла. – Харьков, 1913. – С. 11.

здравомысляще – по крайней мере, на первый взгляд) выглядит и дальнейшее рассуждение автора:

> «В противоположность этим быстрым успехам естественных наук и техники, философы истекшего века нередко шли наперекор здравому смыслу и спорили о том, что вызывает улыбку у людей, чуждых философской премудрости. Кто прав, философы или люди здравого смысла? Не отвечая на этот вопрос, мы повторим и докажем мысль Рида, что философия значительно позже появилась на свет, чем здравый смысл человечества: люди в общем рассуждали правильно и до появления философии. Так напр., человечество тысячелетия мыслило в общем логично, прежде чем гениальному Аристотелю удалось написать первую логику. И теперь еще сотни миллионов людей рассуждают логично, не зная даже слова «логика» и ничего не подозревая о существовании этой науки. Следовательно, в уме этих людей без их ведома действует врожденная им логика. Так же точно тысяча племен правильно говорит на своих языках, не зная правил грамматики; однако эти правила, без ведома говорящего, соблюдаются им. И теперь еще существуют сотни языков, грамматики которых еще не написаны. Тысячелетия уже существуют разные искусства, хотя до сих пор еще никому из философов не удалось создать удовлетворительную теорию искусств, хотя философы до сих пор спорят даже о самом понятии «искусство». То же самое можно сказать и о гносеологии, или теории познания. Хотя философы еще не пришли к согласию даже относительно основных вопросов этой теории, но самое познание, несомненно, существует и развивается в общем правильно. Удивительным может показаться такое несоответствие между практикой и теорией познания! Ужели можно действовать человеку по правилам, не зная этих правил? Ужели можно открывать новые истины, не зная, в чем состоит истина, в чем состоит знание? Очевидно, это возможно, если оно бывает в действительности. Так же точно можно пользоваться паровозом, пароходом, автомобилем, телеграфом, телефоном, электрическим фонарем, не зная ни точного устройства этих машин, ни даже самой движущей причины. Так же пользуются люди своей познавательной деятельностью, не зная ее механизма и устройства».[353]

И все бы хорошо, но только такого рода «здравый смысл», действительно, представляет собой в большей степени реакцию на скептицизм, которая выражает социально-сконструированные парадигмальные конструкты, а не научное мышление. Тем временем, до осознания зависимости результатов познания от языка оставались считанные годы… Отдельно можно отметить, что «здравомыслие» (англ. “*sanity*”) того же А. Кожибски – это понятие совершенно противоположное

[353] Там же. – С. 12–13.

«здравому смыслу» шотландской школы. Здравомыслие в рамках общей семантики как раз означает критическое отношение к языку.[354] В общем, в этом контексте можно отметить, что разработка нового термина «семантические пределы права», который может включать в себя понятие здравого смысла, но не обязательно, является методологически-оправданной задачей. Предлагаемый нами на последующих страницах исследования подход также перекликается с собственной интерпретацией абсурда в трудах Т. Рида, который писал, в частности, что

> «…если есть определенные принципы, а я думаю, что они есть, верить в которые нас заставляет конституция нашей природы, и которые с необходимостью принимаем за данность в повседневных жизненных заботах, без возможности дать им обоснование – именно их мы и называем принципами здравого смысла; а то, что явно им противоречит, мы называем абсурдом».[355]

Кстати, в этом контексте надо отметить, что и восемь принципов внутренней моральности права Л. Фуллера могут рассматриваться как критерии не-абсурдности, а их нарушение – как доказательство абсурдности.[356] В целом же, в рамках настоящего исследования, здравый смысл в юриспруденции рассматривается как своего рода имплицитная рациональность права, усваиваемая субъектами юридической деятельности в процессе профессиональной социализации в рамках того или иного правопорядка. Представители философских наук отмечают, что «философу противопоказано высокомерное отношение к здравому смыслу, «народной психологии», а тем самым и к естественному языку, ибо в них аккумулирован многовековый практический опыт, в все наши «философские

---

[354] См.: Korzybski A. Science and Sanity. 5th Ed. 2nd Printing. Brooklyn, New York: Institute of General Semantics, 2000. – 825 p.

[355] Цит. по: Thomas Reid Quotes [Electronic resource] // Goodreads. – [Site]. – URL: https://www.goodreads.com/author/quotes/17381.Thomas_Reid (accessed: 24.02.2019).

[356] Было бы неправильно говорить, что абсурд – не юридическая категория. Социологический и социолингвистический факт в том, что абсурд – это более чем юридическая категория!

онтологии» так или иначе привязаны к естественному языку».[357] Представляется, что данное заключение вполне можно экстраполировать и в область юриспруденции.

§ 3.4. Предварительные заключения о признаках и видах абсурда в толковании и применении права

Проанализированные методологические подходы пока не позволяют сделать каких-либо ясных выводов. Однако попробуем сделать обобщение. Что мы знаем об абсурде теперь?[358]

— *Во-первых*, «абсурд» в праве может относиться к результату юридического толкования. Процесс толкования правового текста завершается реконструкцией правовой нормы. Такая реконструкция представляет собой результат толкования, и в некоторых случаях, он получается «абсурдным».

— *Во-вторых*, «абсурд» – нечто плохое, абсурд необходимо в праве избегать. Абсурдный результат может быть несправедливым. Например, один из главных вопросов теории толкования права согласно А.Г. Карапетову: «Может ли суд дать вполне ясной норме закона толкование, явно расходящееся с ее буквальным смыслом, в случаях, когда он приводит к абсурдным и несправедливым результатам?»[359]

— *В-третьих*, однако, вышеизложенная точка зрения не является универсальной или, по крайней мере, не означает того, что право применяться не

---

[357] «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы круглого стола / В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, Г.Д. Левин, А.С. Карпенко, Е.А. Мамчур, С.В. Пирожкова, А.В. Родин, Н.М. Смирнова, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 11.

[358] В процессе будем обращаться к некоторым взглядам, представленным в свое время А.Г. Карапетовым, как автором одной из ключевых отечественных монографий по вопросам толкования права, хотя название этой книги толкование напрямую и не упоминает. См.: Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[359] Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». С. 1.

может или не должно. Как отмечает А.Г. Карапетов применительно к истории французского правоведения, «в науке стало общепринятым считать, что, “даже если закон хоть тысячу раз абсурден, он все равно должен применяться буквально”».[360]

— *В-четвертых,* абсурд вступает в противоречие здравому смыслу и разуму (рациональности). Так, например, «пробел возникает тогда, когда буквальный смысл закона приводит к явно абсурдным выводам и здравый смысл требует учета не реальной буква закона, а того регулирования, которое бы установил разумный законодатель».[361]

— *В-пятых*, что любопытно, бывает и наоборот: используя большую часть способов толкования, в том числе логический, мы приходим к результатам, которые вроде бы формально и не абсурдны, а «в действительности» абсурдны, и в таком ключе не применяются.

— *В-шестых,* формально не абсурдные результаты толкования, которые являются абсурдными «в действительности», могут быть связаны с понятиями справедливости и (или) общественной морали (нравственности) и предполагать шокирующее или вопиющее противоречие либо несоразмерность (непропорциональность) определенным моральным идеалам или принципам, но и это не обязательно.

В общем и целом, мы можем заключить, что **абсурд** (по крайней мере, в контексте предмета настоящей работы) **– это качество результата юридического толкования и (или) применения права.** При этом та разновидность абсурда, которая связана с противоречием, условно говоря, здравому смыслу, а не морали, не может быть объяснена грамматикой, логикой или только лишь ими, поскольку такой абсурд проистекает из социокультурно-обусловленных представлений о социально-

---

[360] Там же. С. 10. Автор цитирует Лорена (Laurent) по: Caenegem R.C. van. An Historical Introduction to Private Law. – 1992. – P. 151.

[361] Там же. С. 89. Здесь А.Г. Карапетов цитирует следующее издание: Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. – М., 1949. – Т. 1. – Полутом 1: Введение и общая часть. – С. 191–192.

значимых объектах. В случае с таким видом абсурда необходимо изучать соответствие выводов общественной морали (нравственности), справедливости или, в свете настоящего исследования, *с чем-то еще*. В настоящем исследовании мы и пытаемся найти это «что-то еще», поскольку морального дискурса недостаточно для рационального обоснования абсурдности отдельных случаев толкования и применения права в условиях медиального поворота. Обобщая все предшествующее рассуждение, следует отметить, что интересующая нас разновидность абсурда отражает фундаментальное противоречие здравому смыслу как имплицитной рациональности права. Такое противоречие выражается в применении «реального» и «серьезного» права к замкнутому игровому симулякру, в том числе, виртуальной реальности, именно в том особом аспекте, который не предполагает *последствий* (интерпретируемых в свете трудов Й. Хейзинги и Э. Кастроновы) для социальной реальности повседневности, а потому не имеет интерсубъективной социальной значимости. Такого рода абсурд будет составлять «альтернативу принятого [здравого] смысла (контрсмысла)» (А.П. Огурцов)[362] в праве.[363]

§ 4. Реконструкция семантических пределов права средствами деонтической логики: опыт переосмысления

Попытка увязать представления о семантических пределах права (буквально) с определенной нормативностью известны философии права, однако, как мы увидим далее на примере подхода М. Клатта, опирающегося на фундаментальные труды Р.

---

[362] Огурцов А.П. Абсурд [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. – [Сайт]. – URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe586d0704b972adec8eae5 (дата обращения: 11.09.2019). В то же время, использование термина «абсурд» применительно к социальной реальности неоднозначно. См. напр.: Антонова И.Б. «Абсурд и вокруг»: построение типологической модели // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – № 1 (123). – С. 26–35.

[363] А. Мармор интерпретирует абсурд не как признак ложности прескриптивного высказывания, а свидетельство того, что оно не состоялось (в отношении асбурдного значения, добавим мы в контексте исследования). См.: Marmor A. The Pragmatics of Legal Language // Ratio Juris. – 2008. – No. 4. – P. 450.

Брэндома, они касаются преимущественно синтаксических противоречий и, к сожалению, также не позволят достичь достаточной ясности в прояснении *семантического абсурда «глубинного» уровня*. Главный недостаток такого подхода заключается в том, что он все еще не раскрывает природы семантической нормативности права с точки зрения отношений между понятиями и миром, однако у него есть и существенное достоинство – он позволяет обосновать имплицитную нормативность представлений о семантических пределах права. Подчеркнем, что к идеям, которые нашли отражение в работе, выступающей предметом последующего анализа, автор настоящего исследования пришел до ознакомления с ними и исходя из несколько иных методологических позиций (не от «раннего», а от «позднего» Витгенштейна), однако тем более значим общий методологический подход.

§ 4.1. Критический анализ теории семантической нормативности права М. Клатта

Ученым, предложившим развитие идеи семантической нормативности, проделаны достойные усилия в деле прояснения семантических пределов права даже в интерпретации, которая сама по себе не позволяет реконструировать необходимую семантическую связь, – М. Клатт, автор книги «Эксплицируя право. Нормативность юридической аргументации» (2004, 2008),[364] предпринял попытку осмыслить проблему, продолжая немецкий подход к праву как к рациональному дискурсу и обращаясь при этом к философии языка. Основные положения его монографии в сжатой и наглядной форме были представлены в статье «Семантическая нормативность и объективность юридической аргументации», удостоенной приза

[364] Klatt M. Making the Law Explicit. The Normativity of Legal Communication. – Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2008. – 303 p.

молодого ученого Международной ассоциации философии права и социальной философии в 2003 году,[365] ее мы и возьмем в качестве основного текста для анализа.

Автор задается двумя основными вопросами. *Во-первых*, каким образом идея трансцендентальной по отношению к контексту объективности [права] может быть приведена в гармонию с существующим плюрализмом языковых игр и концепций мира? *Во-вторых*, как общее представление о том, что значение возникает из конвенциональных практик языкового сообщества, возможно без обращения к «*трюизмам здравого смысла*» Куайна?[366] Предваряет эти два вопроса он постановкой тезиса о том, что **за представлением о правовом тексте как обстоятельстве, *определяющем* содержание правовой нормы, с необходимостью должно лежать представление об «объективности значения» такой правовой нормы**.[367] Разделяя, скорее, релятивистские представления о значении слов, тем не менее, отметим, что с автором сложно не согласиться в его критике на этом основании школ правового реализма и критических правовых исследований, которые подводят к тому, что значение нормативного акта превращается в «множество языковых игр и релятивистских интерпретаций, которые противостоят друг другу с равными шансами».[368] М. Клатт полагает, что подходы, релятивистские в таком смысле, ошибочны, и развивает свою аргументацию.

Ученый подчеркивает, что

> «…одним из центральных тезисов… является тезис о том, что практика наделения [слов и высказываний] значениями подразумевает, что значения понятий предопределяют их использование. Концепция семантических пределов представляет собой нормативную концепцию. А значит концепция значения должна быть

---

[365] См.: Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation // ARSP: Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. – 2004. – Vol. 90. – No. 1. – PP. 51–65.

[366] Ibid. P. 52.

[367] Ibid. P. 51.

[368] Ibid.

нормативной, и ее анализ должен выделить условия для корректного использования норм и предложений».[369]

М. Клатт отмечает, что концепция нормативности основана на презумпции, согласно которой **невозможно сказать нечто осмысленное, если только мы не будем допускать возможность использовать слова неправильно**. Основываясь на этой посылке, автор предлагает «основной тезис семантической нормативности», который звучит следующим образом: «Есть интерсубъективно приемлемый [англ. "*valid*"] способ провести разграничение между правильным и неправильным использованием понятий [англ. "*concepts*"]».[370] Отсюда, по мнению ученого, следует, *во-первых*, наличие нормативной связи между значением понятия и его использованием, а *во-вторых* – необходимость прояснить условия семантической нормативности, поскольку одного лишь утверждения о таких условиях недостаточно.[371] М. Клатт предлагает рассмотреть и интегрировать четыре основных подхода к определению условий семантической нормативности:

— интерпретация семантической нормативности через представления об **истине**, в первую очередь, с опорой на корреспондентную теорию истины;

— интерпретация семантической нормативности через представление о **нормативности связей между понятиями** («грамматические предложения» Л. Витгенштейна);

— увязывание семантической нормативности с **общей рациональностью** в интерпретации Дж. Раза, полагавшего, что рациональность представляет собой способность усматривать нормативное значение фактов и действовать соответственно;

---

[369] Ibid. P. 52. В подтверждение М. Клатт ссылается на Ю. Коулмана, см.: Coleman J. The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. – Oxford, 2001. – P. 175.

[370] Ibid. P. 53.

[371] Ibid.

— теория речевых актов Дж. Сёрля, согласно которой **говорить, используя язык, это форма поведения, предполагающая следование правилам**.[372]

Методологию интеграции данных подходов для обоснования семантической нормативности М. Клатт выстраивает с опорой на работу Р. Брэндома «Сделаем это явным. Рассуждение, репрезентация и дискурсивные обязательства» ("*Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*").[373] Основная позиция Р. Брэндома в интерпретации М. Клатта заключается в том, что в наших эксплицитных дискурсивных социальных практиках есть имплицитные правила, которые позволяют нам оценивать речевые акты как правильные и неправильные, а его методологический подход предполагает соединение нормативной прагматики и семантики выводов через общий концепт «проявления» (англ. "*being made explicit*"), что приводит к постанове модели деонтического «подсчета очков» (англ. "*deontic scorekeeping*"), притом что данная методология реконструируется следующим образом.[374] В контексте **нормативной прагматики** подчеркивается, что люди оценивают и действуют на основе рациональных мотивов (англ. "*reasons*") и, в итоге, в социальной практике институционализируются имплицитные нормы. Контекст **семантики выводов** акцентирует внимание на том, что корректность употребления пропозиций зависит от сущностных выводов, не сводимых только к формально-логическим связям (вывод о том, что «Мюнхен находится на юге от Гамбурга», сделанный из высказывания о том, что «Гамбург находится на севере от Мюнхена», семантически корректен в силу значений «юг» и «север»).[375] При

---

[372] Ibid. P. 53.

[373] Brandom. R.B. Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard University Press, 1994. – 741 p.

[374] Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation. P. 54.

[375] Уже сейчас отметим, что из концепции М. Клатта вовсе не следует, что конкретные способы определения понятия «юг» и «север» сами по себе должны подчиняться или подчиняются каким-либо особым правилам. Если быть точным, данный вопрос не затрагивается. Что если мы скажем, что «Север находится в Мюнхене от Гамбурга»? Или, если приводить, возможно, более реалистичный пример, скажем, что «юг» и «север» означает финансовое благополучие и финансовый упадок соответственно (безотносительно реальных показателей, просто как пример)?

использовании высказываний при этом говорящий естественным образом учитывает условия произнесения высказывания и последствия высказывания, системность того и другого определяет семантическую нормативность. Далее, в части модели **деонтического подсчета «очков»**, лингвистическая практика для определения нормативности базируется на двух основных деонтических статусах для оценки правильности высказывания – «обязательстве» (англ. "*commitment*") и «управомочивании» (англ. "*entitlement*"). Делая утверждение, мы можем принять на себя имплицитное обязательство – сказав одно, другое мы должны будем говорить с учетом этого, – или аналогичным образом наделить «правомочием» другого.[376]

Далее автор рассматривает возможную критику концепции семантической нормативности со стороны С. Крипке и У. Куайна, помещает ее в контекст представлений Г. Харта о «простых» и «сложных» делах и переходит к примеру применения аргументации, исходя из развиваемой концепции. Остановимся на нем поподробнее, предварительно отметив еще одну ключевую посылку. Как полагает М. Клатт, семантический скептицизм сторонников теории языковых игр и аналогичных «лингвоанархистов» не обоснован по двум причинам. *Во-первых*, нельзя делать выводы о дискурсивной практике в целом, концентрируясь на индивидуальных акторах и особенностях их индивидуальной практики, оторванной от интерсубъективной коммуникации. *Во-вторых*, «эпистемический доступ к значению заключается в том, чтобы сделать имплицитные правила эксплицитными», что Р. Алекси называл лингвистически-аналитическим дискурсом. Такой дискурс является разновидностью нормативного дискурса, но аргументация в нем ограничена специальными семантическими аргументами.[377]

---

[376] Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation. P. 54–57.
[377] Ibid. P. 59.

«Темой такого специального дискурса являются семантические структуры значения, которые могут быть проанализированы с использованием терминологии Брэндома. Частью функции такого дискурса является изменение и улучшение таких семантических структур и, тем самым, значений понятий. Однако, эта, ориентированная в будущее, задача, которая может окончиться установлением нового значения, должна быть тщательно отделена от задачи, ориентированной в прошлое, которая заключается в установлении существующих выводимых (англ. "*inferential"*) и нормативных структур посредством эксплицирования их. Установление и фиксация значения остаются двумя различными формами семантико-аналитического дискурса».[378]

Далее автор предлагает использовать способ формализации правил использования слов (англ. "*word usage rules*"), который предлагал использовать Р. Алекси в качестве семантических аргументов для внутреннего обоснования юридических решений, а именно учитывать свойства (P) объекта (x), которые должны удовлетворяться для того, чтобы соответствовать юридическому понятию (C). Получается следующая формула: (x) (Px → Cx).[379]

М. Клатт подчеркивает значимость эксплицирования правил использования слов. В качестве основной категории нарушения (англ. "*transgression*") семантических пределов автор видит ложное предположение (англ. "*assumption*") об отношениях вывода (англ. "*inferential relations*"), связанных с понятием. Такое ложное предположение возможно в контексте четырех возможных утверждений по классификации Р. Брэндома (здесь подразумевается, что в семантической дискурсивной практике утверждения могут быть связаны либо с настоящим, либо с будущим и иметь форму логических обязательств или управомочиваний): условное (англ. "*conditional*") обязательство, последственное (англ. "*consequential*") обязательство, условное управомочивание и последственное управомочивание. Отметим, что в контексте нашей работы, ложные посылки, связанные с указанными семантическими и деонтическими статусами, вполне могут соотноситься с

[378] Ibid. P. 59–60.
[379] Ibid.

представлениями об абсурде в широком смысле слова. Непосредственный пример, приводимый М. Клаттом, связан с применением понятия «банды» (данный перевод используется для простоты, в исходном контексте речь может идти об аналоге понятия «группы лиц» из уголовного права – англ. “*gang*”) в § 244 I № 2 Германского Уголовного Кодекса. Данная норма возлагает более строгую ответственность на тех, кто совершил преступления в составе банды. Предшествующим решением Федерального Верховного Суда Германии было установлено, что для наличия «банды» необходима договоренность, как минимум, двух субъектов о совершении преступления в будущем.[380] Критики, однако, возразили, что необходимо, минимум, три человека. Их аргументация основывалась на том, что, согласно социально-языковой практике, необходимо именно три человека. Автор полагает, что мы можем теперь без проблем идентифицировать суть спора – она заключается в правиле использования слова «банда». Если представить, как отмечает М. Клатт, что данное понятие связано с качеством P_2 (двоих достаточно для банды), что является условным по отношению к понятию банды – G, то противоположная точка зрения исходит из качества P_1 (нет, для банды нужны, минимум, трое). После этого автор заключает:

> «Здесь **предполагается** (выделено мною – ***B.A.***), что лучшие аргументы – в отношении того мнения, что имплицитные нормы практики высказывания утверждений оценивают концепт банды как правильный, только если преступление совершено, минимум, тремя субъектами. Соответственно, предыдущее решение Высокого Федерального Суда Германии нарушает семантический предел условного логического обязательства, исходя из некорректной квалификации P_2 при оценке правил использования слов. В отношении конкретного случая “a” (уголовное сообщество из двух субъектов) эта семантическая ошибка ведет к некорректному утверждению о качестве, а значит к семантически ошибочному применению концепта банды к случаю “a”».[381]

---

[380] Ibid. P. 63–64.
[381] Ibid.

С нашей стороны рискнем отметить, что подход М. Клатта точен по форме и, вероятно, позволяет решить те задачи, которые ставил сам автор. В то же время, несмотря на схожесть некоторых используемых терминов, данный подход не дает достаточных инструментов для решения задач, поставленных в рамках настоящего исследования. В частности, мы все еще не может достичь достаточной ясности в вопросе о том, почему мы должны предпочесть один подход к наделению терминов значениями другому, и почему мы не можем произвольно такой подход изменить (что не раз наблюдалось в истории права в России и за рубежом – не на примере «банды» или не только на таком примере, а во многих других случаях).

В каких пределах, однако, теория, предложенная М. Клаттом, может быть верна и применима для целей разрешения именно той проблемы, которая поставлена в настоящем исследовании? Она позволяет сконструировать формальный способ рассуждения о семантике нормативных предписаний, а также демонстрирует, что толкование юридических текстов зависит от имплицитных правил.[382] Но, если серьезно, в чем заключаются ее существенные ограничения для целей реконструкции критериев абсурдности в праве, связанных с симуляцией в

[382] Такого же подхода придерживается и автор настоящего исследования в курсе «Толкование права», краткое обобщение основных принципов которого было отражено в одной из публикаций по проблемам толкования законодательства о персональных данных. «Данный подход к толкованию права основан на концепции «прагматической (реалистической) теории юридического толкования», использующегося автором при преподавании курса «Толкование права» на юридическом факультете СПбГУ. Данная концепция основана на обобщении юридической методологии, разрабатывавшейся учеными преимущественно XX в. и основана на следующих посылках: (1) факт социальной жизни заключается в том, что субъекты юридического толкования имеют разные интересы; (2) методология правового реализма (О.У. Холмс-мл., К.Н. Ллевеллин, Дж. Фрэнк и др.); (3) идея «моральности права» Л. Фуллера в части функционального анализа профессиональной деятельности юристов; (4) концепция «внутренней точки зрения» Г. Харта – для понимания того, как реально функционирует право, необходимо учитывать отношение субъектов права; (5) концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана – посредством коммуникации и, собственно, интерпретации; (6) объективность социальных конфликтов – «недоброжелательная общительность людей» И. Канта. Таким образом, различные субъекты толкования права, преследуя свои интересы и подчас состоя в конфликтных отношениях, посредством толкования права осуществляют социальное конструирование реальности. Данная концепция претендует на реалистичность в том смысле, что предполагает скептическое отношение к несколько идеалистической идее о «всесторонности» и «объективности» как определяющих принципах юридического толкования, отдавая предпочтение обоснованности выводов (аргументации) и определенности заключений». См.: Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. – 2018. – № 2. – С. 56.

медиапространстве, и почему она недостаточна для разрешения проблемы семантических пределов права в условиях медиального поворота?

Во-первых, концепция семантической нормативности не проясняет, в чем заключаются сами имплицитные нормативные дискурсивные практики или как их следует определять. Представление Р. Брэндома о «заявлениях» и «управомочиваниях», которые «связывают» участников дискурса (т.е. «говорящих»), представляется методологически обоснованным, но проблема данных подходов заключается в том, что способ совершать такие речевые акты сам по себе может быть имплицитно обусловлен социальной реальностью.

Во-вторых, и это связано с предыдущим критическим замечанием, вся концепция семантической нормативности базируется на презумпции рациональности и – имплицитно – добросовестности участников юридического дискурса. Концепция может быть хороша для описания «здоровой» ситуации в праве, но недостаточна для описания и, тем более, разрешения «патологии» (в фуллеровском смысле) права. Иными словами, недостаток концепции семантической нормативности – в отсутствии прямого внимания по отношению к абсурду в праве.

В то же время, концепции семантической нормативности нельзя отказать, по крайней мере, в том, что она достаточно наглядно показывает, что такое – последовательное, а что такое – непоследовательное рассуждение в праве, когда речь заходит о семантике пропозиций или отдельных слов.

Однако, возвращаясь к одному из исходных примеров, представим, что некто утверждает, что ст. 105 УК РФ можно применить к игроку, совершившему «убийство» игрового персонажа. Попробуем применить к такому речевому акту концепцию семантической нормативности. Да, это «утверждение». Но что дальше? Хорошо, можем сказать, что это далеко не первое утверждение – тогда оно должно оцениваться в рамках всей системы предыдущих утверждений. Мы тогда приходим

к выводу о том, что такое утверждение противоречит предыдущим речевым актам в системе «утверждений» и «управомочиваний». Прекрасно. Но значит ли это, что новое утверждение, ломающее последовательность старой цепочки утверждений невозможно? С точки зрения концепции семантической нормативности, да. Но с точки зрения реальной жизни – нет. Иначе, например, мы до сих пор видели бы примеры легального и легитимного рабства в тех странах, где оно ранее было распространено. А дело в том, что рациональный нормативный дискурс вполне может быть переломлен политической волей и изменен. Но у такого волевого акта, вполне возможно, также могут быть свои «семантические границы» – границы между абсурдом и здравым смыслом. Только искать их, по всей видимости, следует все же не непосредственно в деонтической логике, а в областях знаний, которые занимаются вопросами социального конструирования реальности.[383]

§ 4.2. Общие замечания о семантических пределах права, эксклюзивном позитивизме и деонтической логике

Как видно, концепция семантических пределов права равноудалена и от исследований нормативистского толка, акцентирующих внимание на деонтической логике, и от юснатурализма, сосредоточенного на соотношении права и ценностей. Отметим, что в исторической и современной литературе по деонтической логике прямо не прослеживается методологии определения конкретных семантических отношений между знаком и означаемым в том смысле, который составляет предмет настоящего исследования. Данная литература сосредоточена в большей степени на изучении внутренних взаимосвязей системы знаков. Иными словами, деонтическая

[383] Справедливости ради, отметим, что та критика, которой автор удостоился и у своих англо-американских рецензентов, не помогает разрешить проблемы настоящего исследования. См. напр.: McIntyre J. Making the Law Explicit: The Normativity of Legal Argumentation. By Matthias Klatt // The Cambridge Law Journal. – 2011. – Vol. 70. – No. 3. – PP. 674–676.

логика в текущей редакции преимущественно не позволяет объяснить на основе содержательных, а не формальных критериев, почему, толкуя термин «убийство» из ст. 105 УК РФ, мы подразумеваем определенный круг явлений «реальной» жизни, но не включаем в этот круг «убийства», происходящие в компьютерных играх. Современный нормативизм как «чистое учение о праве» выносит этот вопрос за пределы юридической науки, хотя именно семантические проблемы составляют значительную часть острых противоречий юридической практики на современном этапе.

Например, подход, который предлагает Е.В. Булыгин, несомненно, глубокий, интересный и последовательный. В то же время, ученый остается верен научному позитивизму в том смысле, что вопросы содержательных и социокультурно-обусловленных принципов семантики выносятся за скобки собственно юридической науки (в результате побочного эффекта чего мы, вероятно, сталкиваемся с ограниченным объемом внятной литературы по методологии юридического толкования). Наглядный пример – рассуждение Е.В. Булыгина в отношении примера Р. Дворкина с Томом и Тимом, подписавшими, возможно, «святотатственный» договор в воскресенье. Как развивает пример сам Е.В. Булыгин:

> «Допустим, что законодательный орган принял закон, согласно которому “святотатственные договоры с этого времени признаются недействительными”. Общественное мнение разделилось в связи с вопросом о том, считать ли договор святотатственным исключительно на основании того, что он был подписан в воскресенье. Известно, что большинство законодателей не задумывались над этим вопросом при голосовании, а также то, что их мнения разделились в отношении того, следует ли подобным образом толковать новый закон. Том и Тим подписали контракт в воскресенье, и теперь Том подает иск против Тима о признании законной силы данного договора, что, в свою очередь, оспаривает Тим… Судье предстоит решить, имеет ли данный договор юридическую силу, а для этого он должен определить, является ли предложение “Договор, подписанный Томом и Тимом, является святотатственным” истинным… Для того, чтобы установить истинность предложения “Договор, подписанный Томом и Тимом, является святотатственным”, ему предстоит выяснить только одно: обладают ли договоры, подписанные в воскресенье, свойством

быть святотатственными, т.е. включает ли экстенсионал предиката “святотатственный” экстенсионал понятия “договоры, подписанные в воскресенье”. Надо сказать, в нашем примере предикат “святотатственный” является неопределенным, что помещает все случаи договоров, заключенных в воскресенье, в **область полутени** (выделено мною – ***В.А.***). Согласно этой гипотезе, судья не в состоянии выяснить, являются ли подобные договоры святотатственными или нет, так как нет никакого устоявшегося в языке словоупотребления касательно отношения между этими двумя выражениями. В подобных случаях судьи должны принять решение включить договоры, подписанные в воскресенье, в экстенсионал предиката “святотатственный” или исключить их из него. Допустим, наш судья решил, что такие договоры являются святотатственными. Поступая подобным образом, он не утверждает никакого истинного или ложного предложения, но скорее дает (частичное) определение предиката “святотатственный”».[384]

Как заключает автор свое дальнейшее рассуждение,

«…трудности при решении проблем субсумции (как индивидной, так и родовой) проистекают из двух различных источников: нехватки знаний о фактах (пробелы в знании) и **семантической неопределенности или расплывчатости используемых предикатов (пробел в распознании или случаи полутени)** (выделено мною – ***В.А.***). То, что расплывчатость какого-либо предиката может потребовать от судьи принятия решения, без сомнения, верно. Однако, как правильно отмечает Маккормик, это нельзя счесть за аргумент против дедуктивной природы аргументации в праве. Даже если принятие решений иногда и составляет часть задачи по установлению посылок подобной аргументации, это не исключает возможность реконструировать эту аргументацию от посылок к заключению в виде дедуктивного вывода. **Весь этот вопрос не имеет никакого отношения к праву** (выделено мною – ***В.А.***) и, в частности, к аргументации в праве, но является характерной чертой любой прикладной логики».[385]

Приведенное рассуждение, несомненно, выглядит стройно и логично. Одна проблема: в реальной ситуации неявных посылок было бы значительно больше. Например, Том и Тим могли бы быть иудеями или мусульманами в христианском обществе, в котором, тем не менее, на уровне конституции провозглашены

[384] Булыгин Е.В. Границы логики и аргументация в праве / Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. Пер. с английского, немецкого, испанского / под научн. ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2016. – С. 157–158. Данная статья представляет собой развитие дискуссии Е.В. Булыгина с Н. Маккормиком и его взглядами, изложенными в следующей публикации: MacCormick N. Legal Deduction, Legal Predicates and Expert Systems // Revue Internationale de semiotique juridique. – 1992. – Vol. 5. – P. 181–202.

[385] Булыгин Е.В. Границы логики и аргументация в праве. С. 161.

принципы равенства независимо от религиозной принадлежности. Для них договор, заключенный в воскресенье, не мог бы быть святотатственным в силу факта заключение в этот день недели (условно говоря, не в пятницу и не в субботу). Но это не главное возражение. Главных возражения, в действительности, три.

Первое из них основано на подходе Л. Фуллера, который (насколько известно автору настоящего исследования) так и не дождался прямого ответа на свое утверждение о том, что,

> «…как ни парадоксально, именно позитивист, настаивающий на том, что все истинное право создано эксплицитно, выступает в роли бенефициара этого молчаливого ограничения; без такого ограничения его “право” станет излишне хаотичной вещью для того, чтобы предложить какое-либо пристанище его вере».[386]

Второе основано на представлении, восходящем корнями к правовому реализму, согласно которому **реальное «право в жизни», в действительности, критическим образом определяется семантикой**. Ясные конструкции юридической аргументации, следующие из деонтической логики, хотя они формально действительно ясные, часто дают мало средств (или не дают никаких) для разрешения правовых конфликтов и коллизий в области полутени. Однако юриспруденция в XXI веке представляет собой, метафорически выражаясь, одну большую область полутени.

Третье частично связано со вторым и заключается в том, что чистое учение о праве – одна из возможных моделей теоретико-правовой реконструкции права, но эта модель более идеалистична по своей сути, чем интегративные или реалистические концепции права, которые, впрочем, тоже представляют собой модели.

---

[386] Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. - № 2. – С. 313–314.

В этом контексте особенно важно вспомнить то, что говорил Г. Харт в ключевой для развития философии права дискуссии с Л. Фуллером, хотя этот аспект их дискуссии во многом остался не до конца разработанным. По замечанию британского ученого, применение норм права «в конкретных случаях… не может быть делом логической дедукции»,[387] поскольку «логика не содержит предписания относительно толкования терминов; она не дает ни глупого, ни умного определения высказываний. Логика лишь гипотетически говорит, что если вы дадите определенному термину определенное толкование, последует определенный вывод. По поводу того, как следует классифицировать частности, логика молчит, а ведь **в этом и заключается сущность судебного решения** (выделено мною – ***В.А.***)».[388] Со своей стороны добавим, что в этом заключается сущность не только судебного решения, но и права вообще, особенно сейчас, в условиях смены общей цивилизационной парадигмы и всеобщей цифровизации общества.

Заметим, что предложенный Г. Хартом подход к открытой текстуре правовых норм, основанный на редуцировании проблемы до уровня судейского усмотрения и телеологического толкования (и, как следствие – к проблеме взвешивания ценностей) был весьма неплох для своего времени, но сейчас может рассматриваться как своего рода изящный уход от ответа по существу. Хорошо, это область взвешивания ценностей и судейского усмотрения, но как объяснить тогда эти процессы? Основная гипотеза настоящей работы, собственно, и заключается в том, чтобы выделить, как минимум, один основной общетеоретический принцип права в данном контексте и обосновать его. Такой результат мы полагаем достижимым при междисциплинарном анализе и развитии аналогии права и игры с учетом

---

[387] Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву – ответ профессору Харту / пер. с англ. В.В. Архипова / Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6. С. 124–159 [Электронный ресурс] // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – [Сайт]. – URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1220794 (дата обращения: 24.02.2019).

[388] Там же.

современного, принципиально отличного этапа развития игр, а в качестве такового принципа, немного забегая вперед, мы предлагаем рассматривать **притязание права на серьезность** (которое может дополнить принципы внутренней моральности права Л. Фуллера и представления Р. Алекси о притязании права на правильность – см. § 6.2 Главы 3 настоящего исследования).

§ 5. Междисциплинарная концепция «магического круга» в игровых исследованиях

Итак, к текущему моменту мы успели: оценить попытки реконструкции пределов права с точки зрения философии морали; определить почему подходы Л. Фуллера и Г. Харта неполны в условиях медиального поворота; выяснить, что широко используемое понятие «абсурда», явно связанное с семантическими пределами права, еще не было определено с достаточной ясностью даже в «доктрине абсурдности»; установить, что теория права как рационального дискурса и деонтическая логика могут помочь нам с квалификацией отдельных формальных видов абсурда (или, возможно, бессмыслицы), но в случае с «глубинным» семантическим абсурдом они могут быть полезны лишь для констатации и формального же описания проблемы. Каждый из представленных подходов, стоит признать, не очень подходит для формирования краткой и масштабируемой концепции семантических пределов права в условиях медиального поворота. Например, мы по-прежнему не можем обосновать невозможность толкования ст. 105 УК РФ применительно к «убийствам» в компьютерных играх, и напротив – обосновать возможность применения норм реального права к обороту виртуальной собственности за реальные деньги. Продолжая дополнять эстетику научного текста языковой игрой *game studies*, зададимся следующим вопросом: возможно, если не

помогают исследования с серьезным объектом, нам помогут исследования с несерьезным объектом – самими играми?

Термин «магический круг», уже упоминавшийся на страницах настоящего исследования, широко используется в культурологии, социологии и междисциплинарном направлении игровых исследований. Он означает предполагаемую условную границу между «пространством» игры и «реальной жизни». В контексте настоящей работы концепцию магического круга можно рассматривать, ***во-первых*, в качестве исторически первой попытки концептуализировать семантические пределы права именно в условиях медиального поворота, а *во-вторых*, как междисциплинарный опыт такой концептуализации, опирающийся, в том числе, на теоретическую социологию**. Безусловно, теория магического круга (либо исследования, в которых данный термин используется исключительно как некий условный ярлык, как это прослеживается, например, в трудах Дж. Фэйрфилда) достаточно проработана сама по себе. В то же время, она заостряет внимание только на одной области социальных практик – играх. Вероятно, именно поэтому она особенно уязвима к критике. Концепция семантических пределов права, в этом смысле, может рассматриваться как расширяющая содержание понятия «магический круг» и распространяющая его на более широкое пространство социальных практик. История использования данного термина в науке по принципу метафоры восходит к труду Й. Хейзинги "*Homo Ludens*" (лат. «*Человек играющий*», 1938).

В недавних исследованиях правовых аспектов многопользовательских компьютерных игр и виртуальных миров (конкретно в данном случае мы не рассматриваем социологические и культурологические концепции магического круга и определения его пределов – предмет юриспруденции отличается от предмета иных социально-гуманитарных наук, пусть даже и имеющих прямое отношение к

междисциплинарной методологии исследования), наметилось несколько подходов к определению границ магического круга. Подчеркнем, что они созвучны междисциплинарному дискурсу в данной области. Последнее на момент написания настоящего текста исследование, обобщающее проблемы интерпретации «магического круга» применительно к играм, принадлежит финскому исследователю Я. Стенросу. В статье «В защиту магического круга: социальные и ментальные границы игры» ("*In Defence of Magic Circle: The Social and Mental Boundaries of Play*", 2012),[389] после оценки аргументов критиков данной концепции (которые частично нами были использованы для реконструкции представлений о виртуальной реальности как части медиального поворота в § 5 Главы 1 настоящего исследования), приводит три основных современных подхода к определению границ игры и игрового процесса:

Во-первых, это «психологический пузырь» – «защитная рамка», окружающая игрока, который находится в психологическом состоянии, соответствующем процессу игры. Речь идет о

> «…личном, феноменологическом опыте безопасности в игровом (партелическом/автотелическом) состоянии ума. Если кто-то играет один, ему не требуется вступать в договорные отношения или метакоммуникацию с другими (хотя обычно игра с сигналами происходит бессознательно). Его опыт окружен «границей», «кадром», который направляет его интерпретации ситуации. Игрок должен себя чувствовать безопасно для того, чтобы действовать играючи, хотя это не обязательно необходимо для того, чтобы он действительно был в безопасности».[390]

Во-вторых, это собственно «магический круг» как метафора социального контракта, который конституирует игровую деятельность.

---

[389] Stenros J. In Defence of Magic Circle: The Social and Mental Boundaries of Play [Electronic resource] / Proceedings of DiGRA Nordic 2012 Conference: Local and Global – Games in Culture and Society // Digital Games Research Association. – [Site]. – URL: http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/12168.43543.pdf (accessed: 06.02.2019).

[390] Ibid. P. 14.

«*Магический круг* – это социальный контракт, который создается посредством имплицитных или эксплицитных социальных переговоров или метакоммуникации в игровом акте (игре). Данный социальный контракт может стать социетальным, и также и другие социальные схемы (право, экономика) могут его признать. Он создается тогда, когда в игровой активности участвует более одного человека, хотя после того, как он создан, никто уже не должен постоянно находиться в психологическом состоянии, соответствующем игровому процессу. Есть связь между игровым состоянием ума и игровым процессом, но в результате социальных переговоров и разделяемого структурирования события, можно находиться в телическом состоянии ума и оставаться в рамках социально согласованных границ. Это применимо и к однопользовательским играм: хотя в них можно играть одному, они социально признаются областями специального значения, будучи играми. Однако если достаточно участников перейдут в телическое состояние ума, тогда может возникнуть вопрос о том, остается ли нечто внутри границ игровым процессом [англ. "*play*"], даже если оно все еще будет игрой [англ. "*game*"]».[391]

Наконец, *в-третьих*, это представление о магическом круге как об арене для игрового процесса, представляющей собой темпоральное или пространственное «место», которое

«…культурно признается как структура для игровой деятельности, или как **инертный лудический продукт** (выделено мною – ***В.А.***). По мере того как социальные переговоры о магическом круге признаются культурой и физические границы обозначаются, арены возникают как «осадок» [англ. "*residue*"] игрового процесса (теннисный корт, День дурака, **игровая продукция** – выделено мною – **В.А.**) Данные места признаются структурами, которые способствуют [англ. "*foster*"] игровому процессу, даже если они пустые (и они могут быть сконструированы таким образом, что они могут способствовать «игривости»), но они требуют использования для того, чтобы начать действовать, поскольку граница магического круга остается социальной. Будучи социально признанными, они не требуют включения в процесс с игривым настроением ума».[392]

Переходя от области игровых исследований к юриспруденции, подчеркнем, что у данных дисциплин различный **предмет**. Причем сам Я. Стенрос не претендовал на поиск решения для юриспруденции, хотя и подмечал очевидные параллели. Но, несмотря на это, достаточно очевидно прослеживается соответствие

---

[391] Ibid.
[392] Ibid. PP. 14-15.

между известными и намечающимися *юридическими* концепциями магического круга и тремя культуролого-социологическими интерпретациями данного феномена. Они, соответственно, следующие.

Первый подход в праве – «субъективный». Он был прямо предложен Б.Т. Дюранске в книге «Виртуальное право. По юридическому ландшафту виртуальных миров» ("*Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*", 2008).[393] В данной работе автор, в большей степени юрист-практик, нежели чем представитель теоретического направления в юриспруденции, представил попытку предугадать дальнейшее развитие «виртуального права» как области, связанной с применением общих норм в контексте виртуального пространства в узком смысле слова. Предлагаемый автором «тест магического круга» представляет собой, скорее, процессуальную теорию в смысле американской юриспруденции, нежели чем наблюдение, относящееся к онтологии права. Буквально данный «тест» звучит следующим образом:

> «Деятельность, которая совершается в виртуальном мире, подлежит праву реального мира, если пользователь, осуществляющий такую деятельность, во время осуществления такой деятельности разумно осознавал или должен был осознавать, что его действие повлечет последствия для реального мира».[394]

Отметим, что при первом приближении такой тест может показаться вполне состоятельным. Более того, следует приветствовать поистине новаторский подход автора к популяризации проблематики. В то же время, даже при том, что предмет юридической науки и, тем более, практики существенно отличается от предмета социологии и культурологии, на фоне всех обсуждений недостатков концепции магического круга в рамках междисциплинарного дискурса подход выглядит уже не

---

[393] См.: Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. – 2008. – 461 p.

[394] Ibid. P. 75.

очень убедительно. Отдавая дань первопроходческому энтузиазму Б.Т. Дюранске, отметим, конечно, неопределенность понятия «совершения действия в виртуальном мире». Сам автор определяет понятие «виртуальный мир» достаточно узко, соотнося данный термин с представлением об имитируемой компьютерными средствами среде, в которой пользователи взаимодействуют между собой посредством виртуальных репрезентаций – аватаров (или «аватар», с учетом отсутствия устоявшихся прочных традиций словоупотребления в русском языке для данного случая), и в которой часто предполагается постоянство пользовательского контента, а также действующая экономическая система.[395] Тем не менее, даже при таком узком использовании термина не ясно, что представляют собой «действия пользователя в виртуальном мире», если пользователь даже при самом грубом приближении действует, в общем-то, в реальном мире, и компьютерная симуляция, собственно, это тоже часть реального мира. При этом, однако, у подхода Б.Т. Дюранске есть, как минимум, одно неоспоримое достоинство с точки зрения юридической догматики – автор увязывает границы магического круга (а значит, и семантических пределов права) с двумя составляющими: *последствиями для "реального" мира* и *субъективной стороной деяния* – правомерного или неправомерного.

Второй подход в праве – «консенсуальный». Переходя к данной концепции магического круга как юридического «теста», следует отметить, что представление о более широком значении концепции «магического круга» уже встречалось в юридической литературе. Так, один из видных зарубежных исследователей правовых аспектов виртуальных миров Дж. Фэйрфилд в своей статье «Магический круг» ("*The Magic Circle*")[396] отмечает, что «прежде, чем оценить магический круг как **юридическую метафору** (выделено мною – ***В.А.***), необходимо понять, почему

[395] Ibid. P. 2.

[396] См.: Fairfield J. The Magic Circle // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law. – 2009. – No. 1 (May). – PP. 823–840.

эта метафора настолько укоренилась в области виртуальных миров».[397] По мнению автора, есть три основных функции метафоры магического круга.

Первая из таких функций заключается в том, чтобы защитить «виртуальный процесс игры» (англ. "*virtual play*") в случае как с компьютерными, так и с обычными (Дж. Фэйрфилд приводит в пример детей, играющих в ковбоев и индейцев; однако мы можем к этому добавить и «взрослые игры», такие как историческая реконструкция, а также явления, близкие к спорту или спортом являющиеся – скажем, пейнтбол или страйкбол) играми. Пока идет игра, право вмешиваться не должно. Но если кто-либо нарушает правила игры и причиняет другому, например, травму, то право может вмешаться в процесс. Дж. Фэйрфилд проясняет этот тезис на примере американской судебной практики, упоминая дело *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc., 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979)*.[398] Однако отметим, что аналогичная практика существует и во многих других странах мира, причем, разумеется, Российская Федерация не является исключением, и данный ракурс, действительно, составляет важную часть смыслового поля дискуссии, относящейся к предмету настоящего исследования.

Вторая функция метафоры магического круга в праве заключается в том, чтобы защитить художественное творчество (англ. "*stories*") и свободу слова. Отметим, что данный ракурс крайне важен для контекста работы, поскольку сущностно перекликается с целым рядом дихотомий, положенных в основу ее методологии. Художественное, воображаемое, несерьезное, абсурдное – все это определяет основное содержание гипотезы о семантических пределах права. Как отмечает исследователь,

---

[397] Ibid. P. 826.

[398] См.: *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc., 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979)* [Electronic resource] // OpenJurist. – [Site]. – URL: https://openjurist.org/601/f2d/516/hackbart-v-cincinnati-bengals-inc (accessed: 24.02.2019).

> «…в художественных произведениях персонажи часто совершают незаконные действия. Аналогично, в кинофильмах или театральных постановках иногда встречается описание секса или насилия, не соответствующее социально- и юридически-допустимым границам. И в то же время, авторы данных постановок, книг или фильмов сами не несут ответственности **за действия своих персонажей** (выделено мною – ***В.А.***)».[399]

Здесь необходимо полемическое отступление, которое может внести дополнительную ясность в предмет настоящей работы. Да, мы можем согласиться с Дж. Фэйрфилдом относительно того, что автор не должен нести ответственность конкретно за действия, совершаемые персонажем. Однако подчеркнем, что **данный тезис может восприниматься как очевидный в определенных, но не во всех правовых культурах, не в каждой исторической ситуации и не во всех смыслах**.[400] Скорее, он уместен в условиях сильной конституционно-правовой традиции свободы слова в наиболее широкой интерпретации, существующей конкретно в США к началу XXI столетия, но очевидность данного высказывания не универсальна. В условиях информационного общества и при этом в ситуации более консервативной правовой политики как раз несколько стирается строгость представления о том, что художественное, какие бы жестокие, аморальные или иные сцены не изображало, не может предполагать иммунитет от вмешательства права. Да, автор не будет нести ответственность за действия именно персонажей именно как если бы их совершил автор. Но при этом сама постановка вопроса о том, насколько правомерно и неправомерно (в юридическом смысле слова) затрагивать определенные темы или, например, включать в содержание сцены, которые решительно противоречат общественной морали, имеет право на жизнь. Как раз

---

[399] Fairfield J. The Magic Circle. P. 826.

[400] Разумеется, мы не рассматриваем случаи «объективного вменения» автору юридической ответственности именно за действия персонажа в вымышленном мире, но хотим подчеркнуть, что в некоторых случаях автор может нести ответственность за распространяемую информацию. То, как отличить случай «распространения информации» от случая реализации свободы художественного творчества, входит в предмет настоящего исследования.

здесь и возникает вопрос о семантических пределах права в том смысле, в котором этот феномен предлагается к концептуализации в рамках настоящего исследования.

Третья функция метафоры магического круга, о которой говорит Дж. Фэйрфилд, заключается в защите возможности наслаждаться игровым процессом как «чистым листом», не требующим вложения материальных ресурсов и предполагающим равные возможности игроков в виртуальном мире независимо от социального, имущественного и иного положения в «реальном» мире.[401] Данная функция является достаточно специфичной и, на наш взгляд, имеет определенные методологические перспективы для развития представлений о праве на игру как о новом самостоятельном конституционном праве или как о части какого-либо из известных прав (например, права на доступ к культурному наследию). В определенном смысле, и этот ракурс соответствует проблематике семантических пределов права, поскольку из такого «права человека» может проистекать и еще один семантический предел права, подразумевающий невмешательство в игровые процессы по указанным причинам. В то же время, данный подход явно нуждается в дальнейшей проработке, поскольку в нем вновь явно прослеживается неочевидность различий между «виртуальным» и «реальным». Подчеркнем, что такой подход непосредственно отстаивал один из первопроходцев игровых исследований Э. Кастронова.[402]

Будучи внимательным исследователем проблем «магического круга», профессор Дж. Фэйрфилд, прямо рассматривает вопросы виртуальной собственности как иллюстрацию указанных проблем. Отметим, что концепция «магического круга» в рамках сформулированной нами гипотезы представляет собой

---

[401] Ibid.

[402] См.: Castronova E. The Right to Play // New York Law School Law Review. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 185–210.

один из исторических вариантов концептуализации семантических пределов права. Как отмечает автор,

> «…взаимодействие между деньгами и магическим кругом заслуживает особого упоминания, поскольку именно вмешательство долларов реального мира в виртуальные миры предопределило текущий поток споров, связанных с виртуальными мирами. Игровые боги[403] используют метафору магического круга для обоснования преград, устанавливаемых, чтобы реальные доллары не вошли в виртуальные миры, чтобы защитить игровой процесс и равные игровые возможности».[404]

Однако, полагая, что сама по себе проблематика виртуальной собственности непосредственно связана с рассматриваемой дискуссией, автор отказывается от идеи объяснения *de facto* семантических пределов права посредством отсылки к магическому кругу игрового процесса.

> «Вопрос заключается не в том, могут ли и должны ли экономические системы реального мира влиять на миры виртуальные – они и могут, и должны это делать. Вопрос заключается в том, какое именно влияние должны ожидать игроки?»[405]

Дж. Фэйрфилд приводит аналогии с классическим спортом – например, в случае с теннисной ракеткой более высокого качества, которая и стоит дороже, или с бейсбольным клубом высокого уровня, который может позволить себе выплачивать большую зарплату игрокам. Автор подвергает сомнению принцип, лежащий в основе правил игры, устанавливаемых игровыми компаниями, сомневаясь в том, что вопрос о возможности или невозможности одного игрока «обменять» виртуальную собственность на реальные деньги и наоборот, что традиционно рассматривается как

---

[403] По контексту – разработчики или организаторы игры, поскольку в ранних онлайн-играх (на примере относящихся к жанру “MUD”) администраторы игрового процесса, которые часто одновременно выступали и выступают в качестве разработчиков, условно назывались “Gods” или “Immortals” для целей различения от «простых смертных» игроков.

[404] Fairfield J. The Magic Circle PP. 837–838.

[405] Ibid. P. 838.

недопустимая практика, принципиально отличается от приобретения дорогостоящего игрового компьютера и высокоскоростного доступа в Интернет, что в принципе не рассматривается как область, куда может вмешаться игровая компания.[406]

Данный вопрос, безусловно, довольно интересен, но для ограниченных целей основного предмета настоящего исследования – семантических пределов права – отметим здесь, что суждение Дж. Фэйрфилда лишь подчеркивает теоретическую остроту проблемы. По сути, согласно мнению ученого, редукционистская концепция магического круга не позволяет однозначно разрешить конфликт между пользователями и игровыми компаниями в части пределов оборота виртуальной собственности за реальные деньги – является ли это прерогативой разработчиков, или игроки сами могут заключать сделки с данным предметом между собой. Напротив, для объяснения данных отношений необходимо нечто большее. Полагаем, что речь как раз и может идти о частном случае применения общей и продуманной концепции семантических пределов права.

Собственно, сам юридический подход Дж. Фэйрфилда к магическому кругу как таковому выражается в следующем:

> «…главный вопрос заключается не в том, являются ли действия “реальными” или “виртуальными”, а в том, **находятся ли данные действия за пределами согласия сторон** (выделено мною – ***В.А.***)».[407]

Когда пользователь соглашается с пользовательским соглашением, он дает свое согласие не только на сугубо формально-юридическую составляющую, но и согласие на то, что часть его действий исключается из области «реального права», поскольку пространство игры как бы реконструируется предметом соглашения с

---

[406] Ibid. P. 839.
[407] Ibid. P. 831.

игровой компанией и, посредством этого, с другими пользователями, согласившимся на то же самое. Пользователи часто не читают пользовательские соглашения, отмечает Дж. Фэйрфилд, но это не так важно, поскольку, в любом случае, их согласие с непрочитанными правилами означает de facto согласие (по крайней мере, с точки зрения социологии и психологии) с какими бы то ни было включенными в соглашение правилами, по крайней мере, до точки пересечения границы здравого смысла.[408]

> «Вместо того, чтобы спрашивать, что является "реальным", а что – "виртуальным", юристы, изучающие действия, относящиеся к виртуальным мирам, должны задавать вопрос о том, кто, на что и с кем согласился. В юридическом конфликте между игроком и администратором игры (англ. "*game god*")[409] приоритет могут получить положения лицензионного соглашения с конечным пользователем. Например, предположим, что игрок использовал нецензурную брань в публичном канале в "Пустошах", территории виртуального мира *World of Warcraft*, которая хорошо известна за счет часто используемой обсценной лексики. В споре между игроком и администратором суд вполне может согласиться с тем, что администратор вправе ограничить доступ игрока к игре, пользуясь своими правами по договору».[410]

Однако если один игрок подаст иск против другого игрока с тем же предметом, то суд может, напротив, посчитать, что, продолжая читать чат с нецензурной бранью, первый игрок выразил свое согласие на определенную меру этого. Действия между игроками, которые являются предметом согласия между ними, могут выходить далеко за пределы виртуального мира в узком техническом смысле слова – например, в части неправомерного доступа к учетным записям, оборота виртуальной собственности и т.п.

> «Согласно старой концепции магического круга, такой результат [дифференцированное отношение к виртуальной собственности в зависимости от субъектного состава участников правоотношения] не будет иметь смысла: либо

---

[408] Ibid. P. 832.
[409] Адаптированный перевод, соответствующий смыслу исходного термина.
[410] Ibid. PP. 832–833.

> виртуальная собственность “виртуальна”, и интерес в ней никак не защищается реальным правом, либо она “реальна”, и полностью защищена от всех посягающих. Согласно новой концепции, о которой говорится в настоящей статье, **игроки в виртуальном мире реальны, их действия реальны, и даже цифровые объекты, в отношении которых такие действия совершаются, реальны** (выделено мною – ***В.А.***). Ключевой вопрос не в том, является ли собственность реальной или нет, или хищение виртуальной собственности – реальным или нет, а в том, относится ли действие по отношению к определенному объекту виртуальной собственности к предмету соглашения сторон. Для отношений между администратором и игроком лицензионное соглашение с конечным пользователем может ясно указывать на то, что администратор может изменять или удалять какой-либо цифровой объект по своему усмотрению. Но в отношениях между игроками хищение виртуальной собственности вполне может выходить за рамки согласия и дать повод для юридической защиты исходя из норм о мошенничестве или присвоении».[411]

Концепция Дж. Фэйрфилда, действительно, выглядит достаточно стройной и проработанной. Очевидно, что она может применяться в юридической аргументации во многих случаях. Тем не менее, выдвинем два взаимосвязанных критических аргумента.

Первый критический аргумент проистекает из осмысления дальнейшего текста автора. Так, Дж. Фэйрфилд разграничивает случаи сугубо «внутриигровых» действий от действий, которые связаны с какими-либо внешними практиками. Например, игрок А может угрожать игроку В в реальном мире, а может угрожать аватару игрока В таким образом, что это действие как бы осуществляется в виртуальном мире. В реальном мире мы можем дать правовую оценку такому действию, в виртуальном – это зависит от того, на что игрок согласился. Но автор развивает пример. В реальном мире игрок А может выхватить реальный нож и атаковать игрока В физически. Такое действие, очевидно, уголовно наказуемо по общему правилу. В виртуальном мире в режиме PvP[412] тот же игрок может сделать аналогичные виртуальные действия с аватаром игрока В. Здесь вполне можно

---

[411] Ibid. PP. 834–835.

[412] Англ. “Player versus Player” – режим игры, предполагающий сражение между игроками (аватарами игроков), а не сражение игроков с объектами виртуальной среды, управляемыми программными алгоритмами.

говорить о согласии с правилами игры. **Но мы говорим о том, что ситуация разрешается посредством применения принципа согласия как раз потому, что имплицитно подразумеваем возможность применения такого принципа, а также подразумевая, что в первом случае согласие не «исправит» ситуацию.** Аналогично, Дж. Фэйрфилд далее приводит пример со взломом аккаунта игрока В, отмечая, что хакерство находится «вне игры». Но для того, чтобы сделать такое утверждение, нам все же необходимо понять, где находится грань, отделяющая отношения «вне игры» от отношений «в игре».

Второй критический аргумент приводит к аналогичным выводам, но отталкивается от реального права. Известно, что согласие сторон в США может использоваться как легитимирующий фактор чаще, чем в других странах. Но как быть, собственно, с другими юрисдикциями, где согласие жертвы не всегда может выступать легитимирующим (и легализующим) определение действия обстоятельством? Очевидно, например, вопрос об уголовной ответственности лица, совершающего в сети экстремистские высказывания в отношении конкретного пользователя, не будет разрешаться в России так, что факт согласия слушателя будет приниматься во внимание.[413] Напрашивается контраргумент: даже если «теория согласия» в узком смысле слова не применима во многих юрисдикциях, отличных от США, почему бы не реконструировать всю юридическую концепцию магического круга, опираясь на обобщения и фикции высокого уровня? Например, исходя из того, что многонациональный народ, выступая в качестве суверена, заранее определил свое согласие или несогласие посредством законодательства? Проблема в том, что такой подход все равно будет принципиально ограничен – он не избавит нас от случаев потенциального или мнимого абсурдного толкования права, поскольку

[413] Если только не считать, – поскольку в такого рода делах затрагивается публичный интерес, – что «слушателем» является государство, а факт согласия (или несогласия) выражается в законодательстве. Впрочем, ничто не исключает и построение такой модели, однако она находится уже за рамками непосредственного предмета настоящего исследования. См. далее по тексту.

даже при таком подходе мы останемся наедине с по-прежнему многозначными правовыми текстами, по-прежнему содержащими многозначные понятия. Нам не поможет аргумент о согласии в случае, если право (как полагаем, по ошибке) будет применяться к игроку, «экстремистские» высказывания которого, допустим, об игровой расе орков послужат основанием для уголовной ответственности в соответствии со ст. 282 УК РФ.

Однако при этом у концепции Дж. Фэйрфилда, разумеется, есть и существенное достоинство – *«социальный контракт» (в терминологии Я. Стенроса), который частично пересекается с юридическим договором по поводу игры, может использоваться в качестве эксплицитного способа создания или исключения социально-валютной ценности внешнего референта ценности* (подробнее об этих концепциях – в § 6 Главы 2 и Главе 3 настоящего исследования).

Третий подход – «топологический» или «предметный» (есть нюансы и различия в этих двух вариациях). Существенное отличие такого подхода от двух предыдущих – он отвлечен от индивидуальных случаев коммуникации между субъектами, и объясняется интерсубъективной коммуникацией. Как мы отметили ранее, Я. Стенрос расширяет физику магического круга от конкретного места («топоса») до временного промежутка (пример с «Днем дурака») или даже конкретного объекта (пример с игровой продукцией). Полагаем обоснованным отделить первый случай от двух последних и, собственно, сформулировать две вариации подхода – *«топологический»*, предполагающий акцент на *месте* как понятии из области, скорее физической или, условно говоря, психофизической (т.е. как реальное место переживается и осмысливается субъектами социальной коммуникации) реальности, и *«предметный»*, предполагающий акцент на предмете общественных отношений. Распространять метафору места на определенный день, говоря, что это своего рода «место во времени» нам кажется несколько избыточным,

тем более, что такой случай принципиально не отличается от случая с игровой продукцией. И одно, и другое вполне вписываются в представления о предмете общественных отношений. При этом топологический подход представляется наименее убедительным по тем же причинам, по которым он критиковался ранее М. Консалво в рамках игровых исследований. Обратимся сначала к этой критике.

Притом, что методологический потенциал концепции магического круга как таковой представляется весьма перспективным, попытки ее развития и применения в узкой области многопользовательских компьютерных игр дали несколько оснований для ее критики, и это касается, в основном, топологической интерпретации. Отметим, что, на наш взгляд, известные на данный момент возражения против рассматриваемой концепции не лишают ее принципиальной ценности, пусть даже критика выглядит убедительно и в целом с ней можно согласиться. Дело в том, что концепция магического круга действительно не может рассматриваться как частная концепция в рамках игровых исследований, однако ее критики разрабатывают контраргументы к ней именно в таком ракурсе рассмотрения. Кроме того, критика концепции магического круга в основном осуществляется в рамках культурологических и игровых исследований, принципиально важно то, что у них другой предмет изучения, отличающийся от предмета юридической науки. Рассмотрим работу одного из наиболее популярных на западе исследователей и критиков магического круга Миа Консалво «Нет никакого магического круга» *(“There is No Magic Circle”*), опубликованную в 2009 году.[414]

Автор начинает рассмотрение проблемы магического круга с примера ситуации в игровом мире многопользовательской ролевой онлайн-игр *Final Fantasy XI Online*, в которой игроки гневно осуждают поведение одного из своих «коллег». Причиной для негодования остальных игроков послужило то, что субъект критики

[414] См.: Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // Games and Culture. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408–417. – URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575 (accessed: 02.07.2018).

был замечен в торговле виртуальным золотом за реальные деньги, что не соответствовало принципам игры, но при этом нарушитель не получил достаточного наказания.[415] По мнению автора, жульничество или, на интернет-сленге, собственно «читинг» (от англ. “cheating”)[416] представляет собой удачный ракурс рассмотрения проблемы магического круга, позволяющий понять ограниченность концепции.

В качестве отправной точки для критики М. Консалво берет представление Й. Хейзинги из 1930-х гг., исходя из представления о

> «…магическом круге для игры, который формирует пространство и отделяет его от обычной жизни. Внутри магического круга применяются другие правила, и это – пространство, в котором мы можем испытывать вещи, которые обычно не санкционированы или недопустимы в обычном пространстве жизни».[417]

Методологическая ценность анализа именно недобросовестных действий игроков по отношению к поддержанию целостности игрового процесса, по мнению М. Консалво, проистекает из того, что нечестные игроки, в действительности, отличаются от настоящих «шпильбрехеров»[418] в терминологии Й. Хейзинги.

> «…Шпильбрехер… отрицает правила полностью (например, сметая на землю шахматные фигуры) и таким образом разрушает магический круг. Нечестный игрок, в свою очередь, стремиться заставить вас думать, что вы оба играете в одну и ту же игру, но на самом деле это не так. Шпильбрехер просто стремится разрушить опыт игры».[419]

---

[415] Ibid. PP. 408–409.

[416] Прослеживается явная методологическая параллель с подходом Л. Фуллера о необходимости изучения патологии в праве и М. Клатта о том, что, если употребление слов в нормативном контексте может быть системным, то это подразумевает возможность использовать их семантически неправильно.

[417] Ibid. P. 409.

[418] В оригинальном тексте М. Консалво используется термин “spoilsport” (букв. англ. «тот, кто портит удовольствие другим»). Считаем правильным в данном контексте, предполагающем адаптированный перевод, использовать термин, который употреблял Й. Хейзинга, который, как нам кажется, более соответствует традициям транслитерации на русский язык, – «шпильбрехер», букв. «ломающий игру» (нем.).

[419] Ibid.

Со своей стороны, отметим, что разница между этими двумя подходами логически может быть совсем не очевидна, поскольку нечестный игрок не может не нарушать игровой процесс хотя бы своими собственными действиями, однако посмотрим, какой подход автор предлагает далее.

Совершенно справедливо М. Консалво отмечает, что

> «…[такая] концептуализация магического круга была развита в 1930-х гг., **задолго до появления цифровых игр** (выделено мною – ***В.А.***), теоретиком, имеющим определенные взгляды на то, что составляет, а что не составляет процесс игры»,[420]

и предлагает внимательно и глубже изучить феномен нечестной игры в современных играх. При этом автор также заостряет внимание на то, что в игровых исследованиях концепция нечестной игры должна быть изучена в контексте концепции обособленного игрового пространства. Однако и здесь времена поменялись.

> «Когда Хейзинга (1950) писал о магическом круге, наше ощущение пространства и места радикально отличалось от сегодняшнего. Если предлагать рассматривать место, “обособленное” от каждодневной жизни, такое место может быть легко представлено как географическое место – игровая площадка, боксерский ринг, разметка для игры в классики».[421]

М. Консалво подчеркивает, что «конечно, Хейзинга (1950) также мог иметь в виду ментальные пространства в дополнение к географическим. Концепция лиминальных[422] пространств Тернера (1969), подразумевающая нестрогие [англ. “*interstitial*”] границы между священным и профанным, также предполагает пространства, «отделенные» от каждодневности – они представляют собой изменения в сознании или отношении, которые происходят, когда мы находимся в

---

[420] Ibid.
[421] Ibid.
[422] Англ. “liminal” – пороговый.

определенных географических местах. Аналогично, в случае с такими событиями как карнавал, мы находимся в том же самом пространстве (городе), но отношения и поведенческие паттерны, а также орнаментация, изменяются на определенный период времени».[423]

Автор подчеркивает, что современные игры окружает большое количество **паратекстов**. Например, прежде чем начать играть в сложную игру, мы изучаем необходимую для игры информацию (скажем, о профессиях игровых персонажей или оптимальных стратегиях), и это сложно отделить от самого игрового процесса, который ранее предполагался изолированным. Более того, само условное игровое пространство, которое так оберегает тот же Э. Кастронова, как средство примирения с действительностью, в которой есть боль и смерть, не статично, оно не может полностью контролироваться даже игровой компанией – игроки внутри многопользовательской игры могут изменять общие параметры объекта.

> «Является ли тогда полезной концепция магического круга? – задается вопросом автор – Предположительно, она соответствует структуралистским определениям или концептуализациям игр. Она делает акцент на форме за счет функции, не уделяя внимание контексту актуального игрового процесса. Тогда как в современных играх, и многопользовательских, и ММО в частности, контекст играет огромную роль».[424]

Ключевой пример самой М. Консалво – нечестная игра – рассматривается как наглядный пример практики, которая не учитывается в структуралистском понимании игры, но при этом составляет серьезную часть общего контекста, заставляющую задуматься о том, что собственно строгой игровой механикой, задуманной создателем игры, условный «игровой мир» не ограничивается. Вместо ригидного структуралистского определения, в котором любые дополнительные практики игнорируются или классифицируются как вторичные, М. Консалво

---

[423] Ibid.
[424] Ibid. P. 411.

предлагает рассматривать игры как контекстуальную динамичную активность, в которой значение реконструируется в процессе практики.[425] Один из ключевых примеров автора – известное судебное дело против разработчика программы, модифицирующей игровой клиент *World of Warcraft* с целью получения игровых преимуществ, не соответствующих правилам, заложенным разработчиками.[426] По мнению автора, это не чистый пример шпильберхерства, а еще один феномен, соответствующий динамике игрового мира в широком смысле слова. Здесь сложно отделить игру от неигровых практик – это все часть одного интегрального процесса. Автор отходит от структуралистской топологии игры и предлагает деконструкцию концепции обособленного игрового пространства. В качестве альтернативы М. Консалво предлагает обратиться к концепции «кадров» [англ. "*frames*"] и «ключей», основанной на работах Э. Гоффмана[427] и Г.А. Файна.[428] Используя «ключи» (способ интерпретации и разграничения аспектов социальной реальности), мы можем динамически переключаться между различными «кадрами» социальной реальности, часть из которых является «обязательными» (то, что мы называем «серьезным» в контексте нашего исследования), часть – «добровольными» (собственно, игры или – sic! – виртуальная реальность). Например, человек может играть на мобильном телефоне, но, увидев звонок от руководства, немедленно отложить игру и ответить, а потом вернуться к игре. Но возможен и обратный пример: играя, можно намеренно переключаться с другими участниками игры, используя различные «ключи», между

---

[425] Мы, кстати, не видим прямого противоречия взглядам Й. Хейзинги и его представлениям о «магическом круге», которые в оригинальном тексте, на самом деле, изложены в довольно общем и кратком виде, допускающем версию о том, что речь идет лишь о ситуативной метафоре.

[426] *MDY INDUSTRIES, LLC v. Blizzard Entertainment, 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010)* [Electronic resource] // CourtListener. – [Site]. – URL: https://www.courtlistener.com/opinion/181055/mdy-industries-llc-v-blizzard-entertainment/ (accessed: 24.02.2019).

[427] См.: Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. – Boston: Northeastern University Press, 1974. – 586 p.

[428] См.: Fine G.A. Shared Fantasy: Role-Playing Games as Social Worlds. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 298 p.

реальным и виртуальным миром, примером чего может являться, скажем, шутка о реальных событиях в игровом мире.

Подводя итоги подходу, который предлагает М. Консалво, мы можем сделать следующие выводы для основной задачи настоящего исследования – поиска семантических пределов права в условиях медиального поворота. *Во-первых*, топологическая концепция игры, сформированная до медиального и, конкретно, цифрового поворота, сейчас уже не актуальна. И современные игры сами по себе, как технологические артефакты, и виртуальная реальность в целом (и в широком смысле слова, включая всю область несерьезного и художественного), не могут быть объяснены топологически. *Во-вторых*, методологически перспективным представляется разработка подходов к определению того, в какой момент времени в несерьезную практику включаются серьезные элементы, позволяющие говорить о возможности, в свете задач нашей работы, применения реального права. Отметим, однако, что концепция «кадров» и «ключей» хорошо *описывает* происходящее и, возможно, разрешает научные задачи междисциплинарных игровых исследований, однако явно недостаточно конкретна для формирования столь искомого нами принципа юридического толкования.

Юридическая критика топологической интерпретации магического круга косвенно подтверждается и тем очевидным фактом, что сейчас в принципе к отношениям в Интернете, которые ранее «киберсепаратисты» (в терминологии Дж. Фэйрфилда) полагали относящимися к отдельной принципиально новой юрисдикции, фактически применяется весь комплекс норм «права реального мира».

Что же касается **«предметной» интерпретации** третьего юридического подхода к магическому кругу, то здесь ситуация складывается весьма интересно для целей, направленности и перспектив настоящего исследования. Скажем прямо: хотя намек на такую интерпретацию и содержался в работе Я. Стенроса,

переосмысливавшего предыдущий опыт, он еще не получил развития в рамках ни игровых, ни юридических исследований. Возможно, здесь мы говорим о том, что сам Я. Стенрос и не имел в виду – в рамках настоящего исследования сперва сформировалась гипотеза о «предметном подходе», потом нечто похожее на нее было обнаружено в трудах указанного исследователя. Так или иначе, именно он представляется нам наиболее перспективным. Причина в том, что первые два подхода не универсальны для юридической науки и практики. Критерии, основанные только лишь на автономной правовой коммуникации субъектов, не могут претендовать на общезначимость. Необходим поиск подхода, который будет отвечать современным представлениям о социальной реальности как объективно-субъективном (интерсубъективном) феномене, и в этом смысле наибольший методологический потенциал мы видим в междисциплинарном анализе возможных юридически-значимых качеств *предмета* общественных отношений, которые возникают и развиваются в условиях медиального поворота. Междисциплинарная концепция магического круга, ее критика и последующее переосмысление в праве не решили нашей проблемы, но указали ориентир. Двигаться необходимо в том направлении, в котором развиваются современные социологические исследования.

§ 6. Концепция обобщенных символических посредников в теоретической социологии

Ex abrupto, для развития методологии настоящего исследования принципиальное значение имеет разрабатываемая в социологии концепция **обобщенных символических посредников** (англ. “*generalized symbolic media*”). Во многом, ее современная интерпретация в том ключе, который важен именно для настоящей работы, началась с Т. Парсонса, одного из создателей современной теоретической социологии, взгляды которого оказали влияние на развитие многих

областей социально-гуманитарного знания. Концепция обобщенных символических посредников, которая дополняет его подход к социальным подсистемам, позволяет обосновать критерий «серьезности» (или «несерьезности») предмета отношений, о чем более подробно будет сказано в Главе 3 настоящего исследования. И это лишь подтверждается последующими дискуссиями о данном феномене, выделяемом в социологии, о чем мы также скажем далее.

Социальный конструкционизм как таковой, в методологическом ключе П. Бергера и Т. Лукмана, позволяет сформулировать гипотезу, согласно которой при толковании права мы доходим то «точки абсурда» в том случае, если смысл правового текста не связан с тем или иным социальным институтом. Сразу можно представить такие потенциальные возражения. *Во-первых*, в отношении многих примеров, рассматривавшихся в настоящей работе, допустимо будет утверждать, что некий социальный институт (или социальные институты) есть, однако соответствующее толкование права по-прежнему будет абсурдным. Например, вокруг художественных произведений талантливых авторов естественным образом формируется круг критиков, почитателей, а в случае, если это классический автор, существенно повлиявший на национальную или мировую культуру – даже научно-исследовательские направления (скажем, пушкиноведение). Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет о социальных институтах в целом, которые какое-то отношение имеют к предмету обсуждения. *Во-вторых*, если обращаться к концепции «магического круга» и конкретно к проблеме соотношения между виртуальным и реальным, то сложно поспорить с тем же социологическим подходом о том, что обособленность виртуального от «реальной» жизни – это заблуждение. Виртуальное также реконструируется в процессе коммуникации и как таковое вряд ли может быть жестко отделено от такого же «реального».

В то же время, представляется, что «институциональное объяснение» семантических пределов права вполне возможно.[429] Попробуем обосновать возможность применения концепции социальной системы Т. Парсонса для определения рассматриваемого критерия.

Социальная система, согласно работам американского социолога, складывается из четырех подсистем: политической, экономической, правовой и культурной. Каждая из этих социальных систем имеет свой «символический посредник» (англ. “medium”), который может рассматриваться как некая конвертируемая валюта. Так, например, власть, понимаемая как право (и в дальнейшем – монополия) на принуждение, представляет собой «символический посредник» для политической системы. Власть может приобретаться посредством денег, а деньги – это «символический посредник» экономической системы. Это, по Т. Парсонсу, пример конвертации «валют», но для данного исследования важно другое: в обществе имеет ценность то, что имеет такую «меновую стоимость» в рамках социальной системы. Наиболее очевидный (и, должно быть, привычный) для юриспруденции пример, таким образом, будет связан с властью, понимаемой как «символический посредник» на физическое насилие. Социальная группа, имеющая возможность прямого или косвенного доступа к власти будет представлять собой *группу давления* в смысле политической науки. Отметим, что в трех других подсистемах социальной системы есть функциональные аналоги групп давления

[429] Сразу отметим, что простое отсутствие социального института, составляющего предмет правового текста (на рассматривавшемся примере с блокировкой форума игроков Eve Online Роскомнадзором по решению ФСКН – отсутствие наркотической субкультуры среди игроков) не означает, что такое толкование будет абсурдным. Так, может наблюдаться отсутствие социального института, но при этом быть косвенное смысловое пересечение предмета правового текста с другим, [негативно] социально-значимым институтом социальной жизни (таким как потребление наркотиков в реальной жизни). Поскольку одной из задач ограничений распространения информации по данному критерию является борьба с пропагандой мнимой привлекательности соответствующих практик, постольку второго необходимого критерия абсурдности здесь нет, а значит интерпретация может быть «на грани», но не однозначно абсурдна, и потому она может стать предметом осмысленной дискуссии о «взвешивании» конституционных ценностей – свободы творчества и свободы распространения информации, с одной стороны, и здоровья – с другой.

политической системы.[430] И основная мысль здесь заключается в том, что критерий «серьезности» не удовлетворяется при том условии, что соответствующий социальный институт воспроизводится социальной группой (или социальными группами), которые не имеют ни одной из видов «валют», соответствующих подсистемам социальной системы.

Социолог Брайан Стэнли Тернер (род. 1945) поясняет основное содержание изучаемого подхода в предисловии к новому изданию книги Т. Парсонса «*Социальная система*»[431] следующим образом:

> «Вторая форма, в которой экономика повлияла на идеи Парсонса, была моделью социального обмена в общем. Задачей обычной экономики спроса и предложения было достичь понимания природы максимизирующего поведения в обмене товарами между индивидами на рынке. Такие отношения обмена, как правило, реализуются не посредством материального обмена товарами, но символически, посредством денег как средства (или «посредника» – "*medium*" – ***B.A.***) обмена. Капиталист покупает рабочую силу, не предоставляя работнику непосредственно средства к существованию (одежду и еду), а посредством оплаты в виде денег. Однако деньги сами по себе являются лишь символом ценности, поскольку в принципе работнику можно было бы заплатить посредством ценны раковин, почтовых марок, чека или иных символов (в оригинале – токенов, "*tokens*" – сравните с контекстом обсуждения криптовалют и распределенных реестров; этот термин используется практически в том же значении – ***B.A.***)… Парсонс рассматривал деньги как обобщенный символ обмена и, по аналогии, утверждал, что в обществе есть и некоторые другие подобные символы. В частности, он принимал взгляд, согласно которому власть, влияние и обязательство (в оригинале – "*commitment*" – ***B.A.***) также представляют собой находящиеся в обороте средства обмена, позволяющим социальным акторам достигать желаемых целей. Данные средства обмена соотносятся с моделью четырех подсистем Парсонса. Деньги – средство обмена между адаптивной и приграничными

---

[430] Для контекста, как отмечал Т. Парсонс: «Надо обратить также внимание ещё на один аспект эволюционного развития. При обсуждении обобщённых средств взаимообмена между составными частями социальной системы, то есть денег, влияния, политической власти и ценностных приверженностей, речь шла преимущественно об их наиболее очевидной функции обеспечения рутинного взаимообмена между дифференцированными частями социальной системы. Но они могут способствовать также повышению творческого уровня и расширению диапазона деятельности, совершающейся в социальных системах». См.: Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М., 1998 [Электронный ресурс] // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 09.09.2012. – [Сайт]. – URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395 (дата обращения: 03.02.2019).

[431] Parsons T., The Social System. – London: Routledge, 1991. – 404 p.

> ей подсистемами; власть – это обобщенный посредник политической подсистемы; влияние – интегративной, а обязательство – латентной».[432]

Для продолжения рассуждения удачным представляется и подход, представленный авторским коллективом учебника политологии МГИМО под руководством А.Ю. Мельвиля. Авторы применяют концепцию Т. Парсонса для разрешения противоречий между подходами к определению природы политической власти, которые исходят либо из принуждения[433] (крайней формой которого является насилие), либо, напротив, только лишь из понимания природы политической власти как коммуникативного феномена (Т. Болл).[434] Политическая власть, однако, должна рассматриваться «как связывающий действия и обязательства людей **посредник**, который может представлять ее в разном виде».[435] Как и экономическая система, политическая система требует стабильности и устойчивости, которые достижимы при использовании обобщенного символического посредника. Если для экономики – это символ, выраженный в золоте, то в праве, говоря языком М. Вебера, это символ «монополии легитимного физического насилия».[436]

Авторы отмечают:

> «Власть, по Парсонсу, понимается как аналогичный деньгам символический посредник, циркулирующий внутри политической системы, но способный перемещаться оттуда во все три соседние функциональные субсистемы общества – экономическую (**«конвертируясь»** (выделено мною – ***В.А.***) в те самые деньги), интегративную (совокупность социальных общностей с посредником в виде влияния) и строеподдерживающую (культурную с посредником в виде ценностей). Тем самым

---

[432] Turner B.S., Preface to the New Edition // Parsons T., The Social System. – London: Routledge, 1991. – p. 19.

[433] Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Г. Гегель и др.

[434] Политология: учеб. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 75–76.

[435] Там же. С. 76–77.

[436] «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей». См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс] / Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990 // Открытый университет. – [Сайт]. – URL: https://openuni.io/course/11-course-7-4/lesson/2/material/855/ (дата обращения: 02.09.2019).

> власть осмысливается как способность обеспечивать выполнение связывающих обязательств элементами политической системы, когда эти обязательства признаны соответствующими коллективным целям, а на случай неповиновения кого бы то ни было предусмотрено принуждение. В соответствии с определением Парсонса сделать возможным исполнение некоего желания даже угрозой превосходящей силы не означает использовать власть. Способность добиться послушания, чтобы ее назвать властью, должна быть обобщенной, а не одной лишь функцией какого-либо единичного воздействия».[437]

Путь экономической системы – от бартера до абстрактных финансовых инструментов, а политической – от физического насилия до политической власти.

Идеи Т. Парсонса оказались весьма востребованы в теоретической социологии XX века. Во многом с ними перекликается также **комплекс идей П. Бурьде о социальном (символическом) капитале**.[438] Однако подход последнего не содержит системного отражения идеи взаимоконвертируемых обобщенных символических посредников в той интерпретации, в которой, согласно разделяемой нами методологической гипотезе, содержится особая ценность для юриспруденции. Это, однако, не означает, что данное представление в его концепции полностью отсутствует. Например, в отношении дара П. Бурдье отмечал следующее:

> «Мы понимаем, как благодаря намного более обыденным формам обмена и щедрости социальные агенты могут накапливать определенную форму капитала, которую можно назвать “престижем”, “признанием” и которая переводится в экономические следствия. Иначе говоря, если дар является вторжением и если, как напоминает нам Ларошфуко, бывает так, что люди спешат отдариться, причина, и это парадокс, именно в том, что давать значит обладать. Тот, кто дает мне, потенциально берет в собственность меня самого либо потому, что я не могу отдать, либо даже потому, что я отдаю, но остаюсь должником долга признания. В экономике чести дар обязателен: выбора нет, поскольку находишься в универсуме, в котором нужно давать. Он обязывает, и он создает обязанных».[439]

---

[437] Там же. С. 77.

[438] См. напр.: Демидова М.В. «Символический капитал» П. Бурдье и «Капитал» К. Маркса // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. - № 11. – С. 27–32. Исходные труды П. Бурдье: Бурдье П. Практический смысл (1980) / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Л. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2011 г. – 562 с.; Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007 – 288 с.

[439] П. Бурдье. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992 – 1993) / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019 – С. 130.

Тем не менее идея взаимоконвертируемых обобщенных символических посредников в явной и краткой форме выражается в исследованиях С. Абрутина, американского социолога, развивающего именно данный комплекс представлений, основанный на переосмыслении работ Т. Парсонса, а также иных авторов, чьи тексты прямо или косвенно могут быть соотнесены с концепцией обобщенных символических посредников. Кроме того, работы С. Абрутина – последние на текущий момент в которых предметно и последовательно развивается именно данная концепция. В своей статье «*Деньги, любовь и священность: обобщенные символические посредники и производство инструментальной, аффектуальной и моральной реальности*» (англ. "*Money, Love and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality*", 2015)[440] автор рассматривает обобщенные символические посредники как феномен, обеспечивающий интеграцию различных социальных единиц, – в таком контексте данная проблема характерна, прежде всего, для теоретико-социологического дискурса. Как отмечает сам автор, он использует интерпретацию обобщенных символических посредников и в ключе взглядов Г. Зиммеля,[441] и в рамках функционалистского подхода. С. Абрутин стремится точно определить понятие данных посредников, изучить их общие формы (специализированный институциональный язык и внешний референт ценности), осветить три модальности ориентации, которые могут создаваться различными посредниками. Автор развивает представление о функции посредников за пределами социального обмена, чтобы включить иные институциональные процессы, такие как коммуникативное действие,

[440] Abrutyn S. Money, Love and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. 2015. Vol. 51. No. 3. PP. 445–471.

[441] Отметим, что в юриспруденции и Л. Фуллер обращался к трудам данного социолога в контексте своей правовой концепции.

перформанс и ритуализованное взаимодействие.[442] Должны признать, что предмет исследования С. Абрутина – прежде всего, относится к теоретической социологии. Проблематика теоретической социологии как таковая нам представляется не связанной с проблемой семантических пределов права, по крайней мере, напрямую. Однако та часть взглядов, развиваемых американским социологом, которая касается именно переосмысления конвертируемых обобщенных символических посредников, которые при этом могут соотноситься с внешним референтом ценности (англ. "*external referent of value*"), определенно, имеет фундаментальное значение для разработки одного из критериев семантических пределов права – критерия «серьезности».

Также необходимо прямо обозначить лингвистическую (но, возможно, в то же время и онтологическую – в условиях языкового поворота) проблему, связанную с ключевым для теории обобщенных символических посредников проблему. В теоретико-социологической части настоящего исследования мы используем перевод «посредник», тогда как в оригинале, и у Т. Парсонса тоже, применяется термин "*media*" (во множественном числе) и "*medium*" (в единственном числе). К сожалению, сохранить единство и многообразие коннотаций представляется затруднительным: перевод «посредник» удачен для того, чтобы акцентировать внимание на конвертируемости и «социально-валютной ценности»,[443] тогда как перевод «медиа» точно передает то обстоятельство, что представление об обобщенных символических посредниках полностью укладывается в концепцию **медиального поворота**. Концепция медиального поворота отражает не только смещение фокуса внимания социально-гуманитарных дисциплин к различным

[442] Ibid. P. 445.

[443] В этом аспекте следует всегда иметь в виду еще одну коннотацию и возможный перевод: generalized symbolic media – это еще и **токены** в том же смысле, в котором термин «токен» используется в контексте криптовалют и ICO (англ. "initial coin offering" – аналог термина "IPO" из области финансовых рынков, предполагающий публичное предложение о покупке крипто-токенов в целях финансирования того или иного проекта, ценность которого токены, таким образом, выражают).

«медиа» в узком смысле слова, понимаемых как средства массовой коммуникации, но и к рассмотрению ткани социальной реальности через призму обобщенных символических посредников, которые равно могут быть названы «медиа». Языковая игра сохраняется в английском языке, теряется в многообразии перевода на русский язык, но всегда должна приниматься во внимание.

С. Абрутин подчеркивает, что концепция обобщенных символических посредников не только не утратила актуальность – она обладает значительным методологическим потенциалом. Хотя данная концепция была популяризирована Т. Парсонсом и Н. Луманом, и впоследствии – Ю. Хабермасом,[444] ее истоки можно усмотреть в «Капитале» К. Маркса и в экономической социологии М. Вебера и, кроме того, в феноменологии Г. Зиммеля.[445] Автор подчеркивает сходство концепции с теорией экономического капитала П. Бурдье, но отмечает, что все виды социального обмена при применении подхода французского ученого могут быть сводимы к экономическому обмену, хотя история показывает, что это не так. Т. Парсонс, по его мнению, также преувеличивал значение экономики для концепции обобщенных символических посредников, однако следует учитывать, что в различных временах и местах отдельные посредники имели большую ценность и лучше служили интеграции, нежели чем деньги. Сведение посредников к деньгам может исказить картину, поскольку такой взгляд характерен только для капиталистического общества.[446]

Ход рассуждения С. Абрутина следующий. Т. Парсонс и Н. Смелзер позаимствовали концепцию обобщенных символических посредников из немецкой

---

[444] Взгляды Т. Парсонса, Н. Лумана и Ю. Хабермаса, однако без эксплицитного применения концепции обобщенных символических посредников и (или) их аналогов, к объекту правоотношения, как это предлагается в настоящем исследовании, оказали существенное влияние на современную философию права в России, см. напр.: Графский В.Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. – С. 25–36.

[445] Ibid. P. 446.

[446] Ibid. P. 446–447.

экономической и философской школы. Первоначально термин использовался для описания обмена между экономической и политической системами (т.е. процесса конвертации власти и денег). Исследуя власть, Т. Парсонс пришел к выводу о том, что необходимы еще два посредника для того, чтобы согласовать подход с его представлением о четырех подсистемах социальной системы. В качестве таких новых посредников выступили влияние и ценностные обязательства (англ. “value commitments”). Качества всех посредников, кроме денег, моделировались исходя из качеств денег, поскольку последние представляют собой идеальный пример обобщенного символического посредника. Как полагал Т. Парсонс, чтобы нечто считалось обобщенным символическим посредником, оно должно иметь: (1) ценность, т.е. быть символическим воплощением означаемых объектов, (2) интерес, т.е. тесную и ясную связь с таким объектом, (3) средства для определения того, какие объекты имеют ценность и (4) нормативную схему правил. Т. Парсонс, однако, может показаться непоследовательным, поскольку в одном месте он говорил об обобщенных символических посредниках как о валюте, а в другом – как о языке. В свою очередь, критикуя Т. Парсонса, Н. Луман отвергал идею о том, что влияние и ценностные обязательства являются самостоятельными посредниками, поскольку они и так подразумеваются в случае со всеми остальными посредниками. Также он рассматривал посредники не как объекты обмена, а как модальности коммуникации, добавив к власти и деньгам *истину* для науки и *любовь* для родственных отношений. Взгляды Н. Лумана, однако, также могут быть подвергнуты критике. В частном аспекте – поскольку количество посредников не обязательно должно сводиться к четырем или двум исходным (С. Абрутин отмечает, что соотносить известные посредники с религиозной системой будет неестественно – у нее своя собственная разновидность посредников). В общем – поскольку, хотя подход Т. Парсонса и был односторонне-экономическим, сводить вместо этого обобщенные символические

посредники только к коммуникации как таковой, также неверно. С. Абрутин отмечает также, что представления об обобщенных символических посредниках впоследствии развивались Ю. Хабермасом, Дж. Коулманом, Д. Болдуином, Т. Тернером, Л. Вандерберге и самим С. Абрутиным.[447]

Важно, что С. Абрутин принимает концепцию Т. Парсонса, но при этом делает оговорку, которая сближает его интерпретацию концепции обобщенных символических посредников с дискурсом семантических пределов права. Т. Парсонс исходил из того, что обмен происходит между системами, тогда как С. Абрутин подчеркивает, что обмен, опосредуемый обобщенными символическими посредниками, осуществляется между людьми и группами – «обобщенные символические посредники следует рассматривать как существующие в реальных отношениях и группах».[448] Как следствие, такие посредники не менее актуальны для микро-уровня исследования, чем для макро-уровня.[449] Иными словами, изучать обмен между реальными людьми также будет полезно с точки зрения обмена обобщенными символическими посредниками. Наконец, С. Абрутин предлагает допускать, что обобщенный символические посредник сам по себе может стать целью и, тем самым, рассматриваться не только как средство, помогающее коммуникации, а как ресурс – символический и материальный. Отметим, что в нашем исследовании такой взгляд, пусть и неявно, но подразумевался в предыдущих параграфах, однако С. Абрутин подчеркивает, что данный аспект обобщенных символических посредников не разрабатывался ни Н. Луманом, ни Ю. Хабермасом, ни самим Т. Парсонсом. Данная идея имеет интересное ответвление, на которое указывает автор: каждый из обобщенных символических посредников имеет культурный контекст и коннотации, которые рисуют картину «идеального

[447] Ibid. P. 448–449.
[448] Ibid. P. 450.
[449] Ibid.

преследователя [цели]» (англ. “ideal pursuer”). Например, в случае со священностью – это аскет, а в случае с любовью – это романтик. В свете всего вышеизложенного очевидно, что обобщенные символические посредники могут накапливаться и выступать средством обмена.[450]

С. Абрутин определяет обобщенные символические посредники как

> «…внутриинституциональные кластеры символических и материальных ресурсов, которые выступают в качестве механизмов, посредством которых институциональная культура может приобретаться, использоваться, развиваться и передаваться».[451]

С. Абрутин, однако, сам продолжает экономическую метафору, возможно, и неосознанно – он отмечает, что в каждой институциональной группе есть элита…

> «…институциональных предпринимателей», которые обрели [сиволическую][452] независимость наравне с другими элитами. Обобщенные символические посредники «организуют разговор и понимание, они служат средством обмена, как и полагал Т. Парсонс, они не просто переменные для обозначения ценности [англ. “*placeholders of value*”], но имеющие ценность вещи сами по себе, а потому и ресурсы, к обладанию которых можно стремиться; и в этом качестве они служат формированию мировоззрений и идеологий, которые отличают экономику от политии и от религии не только ментально, но еще и в физическом, временном и социальном пространстве».[453]

Для нас важно и то, как С. Абрутин обосновывает то, что деньги не являются единственным или главным обобщенным символическим посредником. Автор подчеркивает, что на проблему посредников необходимо смотреть с точки зрения создания и поддержания социального порядка в сложных обществах. Он отмечает взгляд М. Вебера, согласно которому деньги стали инструментом, легитимирующим непрямой обмен (в отличие от бартера), и Г. Зиммеля, который полагал, что деньги буквально сокращали дистанцию между людьми, поскольку выступали переменной

---

[450] Ibid. P. 451.
[451] Ibid.
[452] Она же – финансовая, если брать деньги или конвертировать в деньги.
[453] Ibid. P. 451–452.

для «стандартизированной, формализованной и поддающейся разделению ценности», тем самым став силой культурной интеграции.[454] В то же время, как указывает С. Абрутин, исторические и культурологические исследования показывают, что «рынок» в древних государствах Месопотамии, Египта и, например, Китая состоял не из денег, а из власти. Кроме того, в некоторых случаях, в которых использовались деньги, это была только видимость – в действительности, речь шла о *верности*, которую С. Абрутин рассматривает как самостоятельный обобщенный символический посредник. Что не менее важно, с исторической точки зрения, верность, таким образом, не менее важна, чем деньги.[455] Далее автор весьма убедительно демонстрирует то, как проходило становление *власти* как обобщенного символического посредника, а также *священности* (англ. “sacredness”) в том же качестве, используя исторический материал.[456] Эти составляющие аргументации С. Абрутина важны нам для демонстрации того, что деньги – не главный, а один из многих обобщенных символических посредников. В свете этого становится более понятным, какие из отношений потенциально могут выступать в качестве предмета правового регулирования за счет своей «социально-валютной ценности», а какие – нет.

В системе С. Абрутина выделяется не четыре, а *десять* обобщенных символических посредников, которые соответствуют десяти *институциональным областям* (англ. “institutional domain”), а не четырем подсистемам социальной системы, причем из взглядов автора следует, что данный перечень не обязательно является исчерпывающим:

1) Институциональной области *родства* (англ. “kinship”) соответствуют такие посредники как **любовь** и **верность** (англ. “loyalty”). Они составляют язык и

[454] Ibid. P. 452.
[455] Ibid.
[456] Ibid.

внешние объекты, связанные с созданием и обозначением обязательств перед другими.

2) Институциональной области *экономики*, очевидно, соответствует такой посредник как **деньги**, который по С. Абрутину составляет язык и внешние объекты, связанные с производством и распределением товаров и услуг.

3) Институциональной области *политии*, с той же степенью ясности, соответствует такой посредник как **власть**, который составляет язык и внешние объекты, связанные с контролированием действий и отношений (англ. “attitudes”) других и подчинением вышестоящим.

4) Институциональной области *права* соответствуют такие посредники как **справедливость** и **разрешение споров**, которые составляют язык и внешние объекты, связанные с разрешением споров, вытекающих из общественных правоотношений и обращающихся к нормам честности (англ. “fairness”) и морали (нравственности).[457]

5) Институциональной области *религии* соответствуют такие посредники как **священность** (англ. “sacredness”) и **благочестие** (англ. “piety”), составляющие язык и внешние объекты, относящиеся к действиям, обменам и коммуникации с ненаблюдаемой надъестественной (англ. “supranatural”) сферой.[458]

6) Институциональной области *образования* соответствует такой посредник как **обучение** (или «знание», в зависимости от контекста, англ. “learning”),

---

[457] Данная интерпретация, на первый взгляд, потенциально может вступать в конфликт с той идеей концепции семантических пределов права, согласно которой отсылка к моральным ценностям отсылает не к области чистого абсурда, а к промежуточной области «взвешивания» [моральных] ценностей. Но такой конфликт лишь видимый – применение концепции обобщенных символических посредников для квалификации «социально-валютной ценности» предмета правоотношений осуществляется в ином смысле. Моральная ценность или моральная значимость в данном случае относится не к аргументации, а к непосредственному предмету правоотношения.

[458] Несмотря на некоторую туманность указанной формулировки, с точки зрения и теоретической, и эмпирической социологии, здесь нам важно не то, что есть (или чего нет) на самом деле, а то, как это реконструируется как часть института субъективно-объективной социальной реальности.

составляющий язык и внешние объекты, связанные с приобретением и передачей материала и культурного знания.

7) Институциональной области *науки* соответствуют такие посредники как **применимое знание** (англ. “applied knowledge”) и **истина**, составляющие язык и внешние объекты, связанные с действиями, обменами и коммуникацией, основанной на стандартах приобретения и использования проверенного знания обо всех измерениях социальном, биологическом и психо-химическом универсумах.

8) Институциональной области *медицины* соответствует такой посредник как **здоровье**, составляющий язык и внешние объекты, относящиеся к действиям, обменам и коммуникации, связанной с заботой о нормальном функционировании тела.

9) Институциональной области *спорта* соответствует такой посредник как **соревновательность** (англ. “competitiveness”), составляющий язык и внешние объекты, относящиеся к действиям, обменам и коммуникации, основанных на регламентированных конфликтах, которые порождают победителей и проигравших на основе усилий команд и игроков.

10) Наконец, институциональной области *искусства* соответствует такой посредник как **красота**,[459] составляющая язык и внешние объекты, связанные со стандартами получения и применения знания о красоте, эмоциональной реакции и удовольствия.[460]

Полагаем, примерно об этом и писал П. Бурдье, когда указывал, что

> «…существует не *одна* экономика, а несколько *разных* экономик. Стремиться к созданию общей теории экономики практик, что является целью всякого правильно ориентированного антрополога (будь он социологом, этнологом, экономистом и т.д.),

[459] С таким определением может поспорить эстетика как дисциплина философии, но это принципиально не меняет возможности усмотреть обобщенный символический посредник в институциональной области искусства, будь это красота или нечто иное.

[460] Ibid. P. 454.

> значит принимать в расчет тот факт, что существуют *разные* экономики, то есть универсумы, наделенные разными объективными и субъективными логиками, такие универсумы, что их нельзя упразднить, как и описать один из этих универсумов на языке другого…»[461]

В процессе анализа применимости концепции С. Абрутина в дискурсе проблемы семантических пределов права, рассматриваемых с точки зрения «серьезности» или «несерьезности» предмета правоотношений, мы не выявили какой-либо необходимости ее принципиально критиковать или переосмысливать – представляется, что она может быть применена и в таком виде (хотя впоследствии, возможно, и доработана), поскольку же сейчас она может применяться для определения «социально-валютной ценности» конкретных предметов правоотношений. Вероятно, в последующих исследованиях в области теоретической социологии могут найти отражение и иные обобщенные символические посредники – вероятно, среди них может оказаться и **время** в смысле времени, которое необходимо затратить тому же пользователю на получение каких-либо ценностей в виртуальной среде.[462]

На примере указанных институциональных областей и символических посредников становится очевидным различие в предмете юриспруденции и теоретической социологии, поскольку модели, формируемые данными областями знаний, асимметричны. С точки зрения юриспруденции и, особенно, философии права, к последнему может быть отнесено несколько институциональных областей и

---

[461] П. Бурдье. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992 – 1993) / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019 – С. 93.

[462] Из практики включенного наблюдения: существенным образом отличаются многопользовательские игры, вовлекающие пользователя в процесс конвертации реального времени в виртуальные ценности от тех игр, где это не предполагается. В некоторых играх игроки, не конвертирующие достаточно реального времени в виртуальные достижения, существенным образом теряют преимущество, но это представляет собой серьезное вторжение в реальную личную жизнь и может закономерно сказаться на успехах пользователя в реальной жизни. Вероятно, здесь мы сталкиваемся как раз с тем аспектом онлайн-игр, который может стать не-абсурдной для вмешательства права областью – как, например, в случае с вопросом об ограничении игрового времени в онлайн-играх в Китае. См. напр.: China to Crack Down on Children's Video Gaming Time Amid Fears Over Addiction [Electronic resource] // The Telegraph. 31 August 2018. – [Site]. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/31/china-crack-childrens-video-gaming-time-amid-fears-addiction/ (accessed: 24.02.2019).

обобщенных символических посредников, выделяемых в теоретической социологии – например, институциональная область политии и такой посредник как власть вполне могут быть отнесены теоретиком юриспруденции к праву. Однако это не имеет принципиального значения для вопроса о применимости данной концепции к дискурсу о семантических пределах права, поскольку нас обобщенные символические посредники интересуют не с точки зрения их сущностных свойств, релевантных процессу реконструкции социальных практик, а с точки зрения их *соотнесенности с конкретным предметом правоотношения* через представление о возможной «социально-валютной ценности» последнего.

Теперь о главном: как и у Т. Парсонса, в теоретико-социологической концепции С. Абрутина данные обобщенные символические посредники, соответствующие одной из институциональных областей, *во-первых*, **конвертируемы**, а *во-вторых*, могут иметь и имеют **внешние референты ценности** (в этом, кстати, подход С. Абрутина отличается от исходного подхода Т. Парсонса). Несложно прочертить междисциплинарную параллель и выявить объединяющий фактор: именно внешний референт ценности в концепции семантических пределов права может соотноситься с конкретным предметом общественного отношения. Если это происходит, такой предмет следует рассматривать как «серьезный».

Для целей настоящего исследования необходимо подчеркнуть, что обобщенный символический посредник – это институциональное явление. То, что составляет ценность (значимость) для отдельного члена общества вне коммуникативного контекста (иными словами, то, что не может служить средством обмена, как минимум, внутри определенной институциональной группы), не может рассматриваться как нечто, обладающее «социально-валютной ценностью», или как внешний референт ценности в связи с каким-либо обобщенным символическим посредником.

ГЛАВА 3. Реконструкция концепции семантических пределов права: содержание, значение, методологический потенциал.

§ 1 Переосмысление проблемы «магического круга»: от квалификации общественных отношений к квалификации их предмета

В настоящем исследовании методология реконструкции семантических пределов права предполагает обращение к инструментам, с одной стороны, философии права, а с другой – [теоретической] социологии [права]. Такой подход близок проблеме, обозначенной Ю. Хабермасом. Как отмечает Р. Коттеррелл:

> «Для Хабермаса любая философия права, которая игнорирует комплексную природу социального в том смысле, в котором она изучается социальными дисциплинами, все меньше будет актуальна для решения проблем современного права. Но социологические подходы к праву, которые ‘высеивают все нормативные аспекты’ (1996: 6), рассматривают право ‘внешне’ как объект, будут актуальны не в большей степени, поскольку они не задаются вопросами о моральном значении права для тех, кто в нем живет и нуждается в его авторитете. Что необходимо, так это ‘анализ в равной степени отвечающий нормативной реконструкции и эмпирическому разуверению правовой системы’ (1996: 66); можно сказать, право как идеальное и реальное».[463]

Концепция семантических пределов права ориентирована именно на такую методологию. При этом, если рассматривать данную концепцию, прежде всего, с точки зрения проблематики толкования правовых текстов и применения права, представление о критерии юридической значимости предметов общественных отношений следует рассматривать в контексте проблемы «открытой текстуры» юридического языка в терминологии Г. Харта, а следовательно – во взаимосвязи с методологией определения «центральной» и «периферической» области смыслового поля понятий, используемых в правовых текстах. Далее (см. § 4 Главы 3 настоящего

[463] Cotterrell R. Law, Culture and Society. Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Hampshire: Ashgate, 2006. – P. 32.

исследования) концепция семантических пределов права будет реконструирована в «обратном порядке», чтобы высветить последовательность её применения как подхода к толкованию правовых текстов. Однако на данном этапе сохраним последовательность рассуждения, и сосредоточимся на представлении о том, каким образом должна определяться юридическая значимость предмета общественных отношений, связанного с симуляцией в медиареальности.

Подведем промежуточные итоги процессу поиска методологических ориентиров. Итак, проблема семантических пределов права в условиях медиального поворота наиболее наглядным образом представлена в трех магистральных примерах, основанных на методологии мысленного эксперимента в первом случае и анализа эмпирического материала во втором и третьем случаях:

1) *Гипотетическая интерпретация положений ст. 105 УК РФ («Убийство») таким образом, что под словами «умышленное причинение смерти другому человеку» мы можем понимать, в том числе, «убийство» одним персонажем компьютерной игры другого, который в игре соотносится с понятием «человек»*.[464] Иными словами, в рамках виртуальной социальной реальности такое действие будет составлять умышленное причинение смерти другому человеку. Подчеркнем при этом, что отсылка именно к компьютерной игре в контексте данной работы обусловлена, в первую очередь, медиальным поворотом, в рамках которого такое явление приобретает новый качественный масштаб. В конечном счете, аналогичным образом можно было бы рассмотреть и пример с детской игрой «казаки-разбойники», где виртуальные (в широком смысле слова) «убийства» происходят сплошь и рядом, однако играющих в такие игры детей не придет в голову обвинять в

[464] Подчеркнем, что этот магистральный пример, по сути, может быть интерпретирован как применение приема *reductio ad absurdum* к проблемам виртуальной собственности. Чтобы выявить, в каком случае право НЕ может применяться к виртуальной собственности, мы усиливаем пример, заменяя предмет отношений, опосредуемых в виртуальном мире, с собственности на жизнь.

убийстве в том же смысле, в котором об этом идет речь в ст. 105 УК РФ. Хотя и такие игры в педагогике ненасилия могут осуждаться.

2) *Сложившаяся практика в области дизайна многопользовательских игр, а также экономического и юридического анализа отношений в них по поводу виртуальных ценностей, допускающая или обосновывающая самостоятельную ценность виртуальных предметов (виртуальная собственность)*. Любопытно, но такая практика уже не воспринимается как абсурдная, хотя она [еще] и не универсальна. Более того, полагаем, что ответ на вопросы о возможности применения права к данной области отношений должен строиться по той же методологии, что и в предыдущем случае – поскольку и там, и там главное – это виртуальная реальность как феномен медиального поворота. Однако понятно, что в условиях развитой виртуальной экономики оценка степени абсурдности применения норм права собственности к виртуальной собственности будет иной, чем в случае с убийством (здесь, например, уместно будет вспомнить, что А.И. Савельев и иные авторы в принципе не исключают возможности применения норм об имуществе либо конкретно норм о праве собственности по аналогии к отношениям по поводу виртуальной собственности).[465] Иными словами, если предыдущий случай с убийством кажется нам абсурдным, то чем дальше мы идем по УК РФ, тем менее абсурдным нам кажется применение реального права к виртуальным отношениям – в случае с хищением у нас уже будут сомнения в абсурдности такого применения, а далее, в случае с преступлениями, связанными с распространением информации, сомнения у нас если и возникнут, то в случае с особыми ситуациями – например, вымышленной, шуточной или художественной информацией.

3) *Пример с применением положений антитеррористического законодательства в отношении распространения рецепта динамита из игры*

---

[465] См.: Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

Minecraft, в результате которого соответствующий интернет-сайт был сначала заблокирован, а потом – разблокирован. Этот пример как раз и развивает логику комментария к предыдущей ситуации. Правовая норма нацелена на ограничение распространения информации, и в данном случае мы сталкиваемся с информацией, которая, на первый взгляд, соответствует заложенным в нормативных правовых актах критериям. Но интуитивное ощущение абсурдности происходящего, как мы видим, не покинуло ни Роскомнадзор, ни суд, поскольку правоприменительное решение было пересмотрено. Каким образом, однако объяснить итоговую правовую квалификацию? Именно этот вопрос в наибольше возможной степени близок идее, которая предлагается к рассмотрено в настоящем параграфе как итог переосмысления концепции «магического круга» в праве.

Построим аргументацию от противного и попробуем применить известные принципы, которые могут лежать в основе концепции «магического круга» к каждому из примеров:

1. *Принцип квалификации отношений (игровые или неигровые).* Данный принцип не дает особой ясности в том, можно или нельзя применять право в указанных ситуациях. Выражаясь метафорически, и в рассмотренных выше, и в гипотетических иных случаях игра выходит далеко за пределы узкого «игрового поля» и притом может прерваться в любой произвольный момент, когда стороны перестают играть. Сам последний факт указывает на то, что общая культурная характеристика деятельности не является принципиальной – принципиальным является определение момента и условий, при которых игра перестает быть игрой.

2. *Принцип субъективной стороны (отношение к событиям в виртуальном мире).* Предложенный Б. Дюранске принцип кажется довольно приемлемым на первый взгляд, но, к сожалению, разбивается о скалы последующего развития мысленного эксперимента. В самых простых случаях этот критерий работает.

Например, допустим ситуацию, в которой субъект, играя в полевую ролевую игру и исходя из того, что его действия носят сугубо игровой характер, тем не менее, наносит реальное ранение реальным, или даже декоративным, но допускающим такую функциональность, мечом другому игроку. Даже при том, что субъект может отрицать *умысел*, он вряд ли может отрицать некоторые иные формы *вины*. Осознание того, что удар соответствующим предметом по другому человеку приведет к возможному ранению, составляет часть самоочевидного здравого смысла. Реальный объективный вред общественным отношениям можно совершить, не осознавая того, и в виртуальном пространстве – например, доведя другого игрока до самоубийства. Правда, в данном случае, опять же, применение права может объясняться классическими представлениями о составе правонарушения. Реальные проблемы с применением данного принципа возникают там, где осуществляется применение права, затрагивающее интересы каких-либо субъектов, но не предполагающее учет субъективной стороны в принципе – как в случае с блокировками сайтов.

3. *Принцип согласия (согласие на виртуальный характер отношений).* Аргумент Дж. Фэйрфилда, впрочем, как и аргумент Б. Дюранске, кажется вполне работоспособным, но тоже в строго определенных ситуациях – области диспозитивного гражданско-правового регулирования. Игроки или участники иной виртуальной коммуникации могут договориться о том, что присвоение виртуальной собственности, согласно правилам игры, не влечет реальных последствий. Однако это возможно только в отношении тех случаев, опять же, когда виртуальная собственность несерьезная и нереальна. В уголовном праве субъект не может дать согласие на хищение таким образом, чтобы это исключало преступность деяния злоумышленника, хотя впоследствии он и может, например, не заявлять

гражданский иск в уголовном деле. Что же говорить о более строгих примерах, которые могут быть, например, связаны с лишением жизни?

Полагаем, что приведенные выше рассуждения со всей определенностью указывают, что **принципиальным для определения абсурдности толкования и применения (а также моделирования в правотворчестве) правовых норм являются именно качества предмета отношений**, а не какие-либо иные обстоятельства, связанные с коммуникацией между людьми, поскольку коммуникация реальна всегда, а вот ее серьезность, в том числе, тоже зависит от предмета отношений.

Как при этом определить предмет? Его следует искать **в фокусе интерсубъективного и коммуникативного измерения** реконструируемой посредством изучаемых общественных отношений виртуальной реальности. Например, компьютерные виртуальные миры можно изучать как произведения искусства с технической точки зрения, но предмет, который потенциально может стать предметом общественных отношений, необходимо искать там, где динамически развивается социальная коммуникация.

§ 2. Критерий серьезности или несерьезности предмета отношений: «социально-валютная ценность»

Итак, оценка «серьезности»[466] или «несерьезности» предмета общественных отношений для целей определения семантических пределов права должна

[466] Возможная критика такого выбора наименования, исходящая из того, что слово «серьезность» подразумевает субъективное отношение, а не интерсубъективное качество, а более удачным был бы термин «значимость», не представляется убедительной. «Значимость» также вполне может быть субъективной. Важно и то, что противопоставление игры и серьезности признается в игровых исследованиях, составляющих принципиальную часть методологии рассматриваемого в настоящей статье подхода. См. напр.: Rodriguez H. The Playful and the Serious: An approximation to Huizinga's *Homo Ludens* [Electronic resource] / Game Studies. The International Journal of Computer Game Research. 2006. Vol. 6. Issue 1 // "Game Studies". – [Site]. – URL: http://gamestudies.org/0601/articles/rodriges (accessed: 25.07.2019). Кроме того, выбор термина обусловлен, прежде всего, антонимичными коннотациями, характерными для контекста игровой культуры, что само по себе говорит о его семантической уместности. Также и

осуществляться применительно не к общественным отношениям как таковым или их модели, а к предмету таких отношений. Предваряя последующие рассуждения, сразу выразим главную мысль: в случае если предмет таких отношений выражает «социально-валютную ценность» обобщенного символического посредника, то такой предмет следует квалифицировать как «серьезный», а если нет – то как «несерьезный». В контексте позиций современной социологии, а равно и самих Т. Парсонса и С. Абрутина как ключевых авторов в рамках такого подхода, отличить один вид предметов от другого, как минимум в теории, несложно – предмет должен не просто представлять собой какую-либо частную ценность (в том числе, материальную), а представлять собой выражение некой обобщенной ценности, которая при этом потенциально может быть конвертирована в другую ценность. Т.е. он должен быть *внешним референтом ценности* в терминологии С. Абрутина.

Косвенно пояснить приведенный тезис может следующее рассуждение Х. Тревиньо. Как указывает ученый, деньги и общественное одобрение – это разные средства социального обмена, и денежное вознаграждение само по себе не должно рассматриваться как общественное одобрение. В свою очередь, как предположил Т. Парсонс, четыре посредника являются в точности символическими, а не просто материальными наградами. Кроме того, Т. Парсонс ссылается на психологические эксперименты Дж. Олдса на лабораторных крысах, которые подтверждают, что даже животные способны оценить символические награды, а не только пищу как

определения, которые даются слову «серьезность» в толковых словарях, подтверждают такую возможность. Например, одно из значений слова «серьезный» согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – «требующий пристального к себе внимания, чреватый важными последствиями, опасный». См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 1997 [Электронный ресурс] // «Slovorod.ru». – [Сайт]. – URL: http://www.slovorod.ru/dic-ozhegov/ozh-s.htm#_sje (дата обращения: 25.07.2019). Аналогичные и соответствующие контексту толкования встречаются и в английском языке. Например, «серьезный» (“*serious*”) определяется, в том числе, как «относящийся к важным вещам, а не мелочам» (“*pertaining to important rather than trivial matters*”) или «не шуточный или не пустяковый» (“*not joking or trifling*”), а «серьезность» – как «качество быть веским и подразумевать серьезные последствия» (“*the condition of being grave and of involving serious consequences*”). См.: Seriousness [Electronic resource] // The Free Dictionary. – [Site]. – URL: http://www.thefreedictionary.com/Seriousness (accessed: 25.07.2019).

материальный объект.[467] Чтобы подчеркнуть эту идею, Х. Тревиньо ссылается на Т. Парсонса, который сказал, что в его терминологии деньги и общественное одобрение являются обобщенными средствами взаимодействия, а продовольственная или техническая помощь – нет. Эмпирическое доказательство этой идеи заключается в том, что, по мнению Дж. Олдса и других исследователей, процессы обучения лабораторных крыс могут быть вознаграждены электрической стимуляцией механизма удовольствия мозга, а не объектами, которые могут удовлетворить естественные потребности.[468]

Обобщенное заключение о критерии серьезности было выражено автором настоящего исследования в статье «*Компьютерные игры, "магический круг" и семантические пределы права*» следующим образом – приведем объемную цитату, принадлежащую самому автору, и оправданную контекстом:

> «В контексте настоящей работы, таким образом, очевидно, что деньги («реальные» или «фиатные») не случайно выступили главным «запускающим элементом» для дискуссий о возможной степени вмешательства права в общественные отношения, складывающиеся в виртуальных мирах и многопользовательских онлайн-играх. Деньги – это и есть классический пример обобщенного символического посредника. Поэтому неудивительно интуитивное ощущение того, что в тех случаях, когда в «виртуальные» отношения вторгаются отношения, предметом которых являются «реальные» деньги, применение права возможно, ведь деньги сами по себе представляют собой обобщенный символический посредник, а значит ситуация в социологическом и, теперь, в юридическом смысле вполне серьезна. Однако есть и другие обобщенные символические посредники, соответствующие своим социальным подсистемам, как минимум, власть и влияние. Также, полагаем, достаточно ясно, что в реальной социальной коммуникации, подобно тому как деньги выражаются в определенной форме (физические объекты – монеты, банкноты и т.п. или информация – сведения о состоянии банковского счета, электронного кошелька и т.п.), хотя их значение при этом символично, и другие обобщенные символические посредники, для того, чтобы быть *сообщенными* или *выраженными*, нуждаются в какой-либо форме. В условиях современной информационной культуры и в свете задач настоящего исследования, частично раскрываемого в настоящей работе, это, прежде всего, информация в цифровом

---

[467] Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology / Ed. by A. Javier Treviño, Foreword by Neil J. Smelser. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001. – P. 196.

[468] Цит. по: Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology. – P. 196.

виде. И подобно тому, как деньги в смысле обобщенного символического посредника могут принимать самый разнообразный вид – не обязательно легитимированных монет и банкнот, но и выраженных в свободных формулировках договора обязательств – точно так же и власть, и, например, влияние могут быть выражены в совершенно конкретном предмете отношений – скажем, в сатирической карикатуре. Из всего этого следует, что не каждый такой предмет, объект или форма имеют «валютную ценность».

Таким образом, предметы отношений, а не сами отношения, могут иметь или не иметь «валютную ценность», то есть представлять собой способ выражения обобщенного символического посредника. Если предмет имеет «валютную ценность», то он должен рассматриваться как «серьезный», а если нет – то как «несерьезный». Это предопределяет один из двух критериев смысловых пределов права, которые, на примере толкования права, можно пояснить следующим образом. В случае если предмет «несерьезный» – т.е. он не выражает ни деньги, ни власть, ни влияние, ни иные возможные символические посредники, интерпретируя соответствующие правовые нормы мы с необходимостью входим в «область полутени», а если при этом структура предмета является фантазийной, то мы движемся дальше и, пересекая «область полутени» сталкиваемся с абсурдом, где применение права невозможно, поскольку это противоречит здравому смыслу, разрушает (социальную) правовую реальность и нарушает правила языковой игры под названием «право».

«Тест» на социальную валютную ценность состоит из двух обязательных элементов, применяемых последовательно. Во-первых, это наличие у предмета коммуникативного значения, определяемого контекстом социального взаимодействия. Во-вторых, это конвертируемость данного коммуникативного значения в произвольный обобщенный символический посредник. В теоретической социологии и политической науке с достаточной ясностью разработаны лишь два таких символических посредника – это деньги и политическая власть. Остальные несколько туманны, но это не имеет принципиального значения для работоспособности данного теста. Собственно, необязательно даже квалифицировать исходный предмет общественного отношения с точки зрения определенного вида обобщенных символических посредников, достаточно доказать его конвертируемость. Если, например, высказывание, содержащееся в игровом чате, по своим объективным качествам соответствует признакам гражданско-правовой оферты (или *прото*-оферты, с учетом дискуссионности вопроса о возможности заключения сделок, связанных с виртуальным имуществом),[469] то

[469] «*Прото*» (а не «*квази*», например) – поскольку такое сообщение может или не может являться офертой с точки зрения частных отраслевых подходов гражданского права. Так, пользовательские соглашения, как правило, запрещают пользователям участвовать в обороте виртуального имущества за реальные деньги. Однако эта позиция не однозначна, поскольку такие случаи взаимодействия пользователей могут рассматриваться как примеры договоров возмездного оказания услуг (по совершению действий в отношении информационной системы – игры), которые, вероятно, в свою очередь, могут рассматриваться как находящиеся за пределами возможной юрисдикции пользовательских соглашений. Соответствующие положения таких соглашений могут в подобных ситуациях рассматриваться как ограничивающие гражданскую правоспособность пользователей и потому ничтожные. Тем не менее, для настоящего исследования важно не это, а то, что сам факт подобного рассуждения означает применение к указанным отношениям права, поскольку исходное высказывание имеет деньги (обобщенный символический посредник) в качестве референта. Поэтому разрешение ситуации частными инструментами гражданского права – это

содержание такого высказывания или само такое высказывание может рассматриваться как предмет общественных отношений, который имеет коммуникативное значение, соотносимое с обобщенным символическим посредником.

Не менее ясно теперь при таком подходе видится ситуация с иными символическими посредниками, не такими «прямолинейными», как деньги, например с политической властью. Высказывание, которое содержит призыв участвовать в несанкционированном митинге, даже если оно содержится в игровом чате, разрывает «магический круг» по первому из критериев – серьезности предмета – именно потому, что оно имеет социальную валютную ценность. Более тонкий пример в рассматриваемом контексте, однако, предполагает такое высказывание, которое само по себе не отсылает к очевидному – деньгам или митингу, – а представляет собой пример чего-либо менее явного. Вероятно, хорошим примером здесь может послужить *влияние*. Так, в игровом чате может произойти коммуникация, предполагающая создание института виртуальной социальной реальности, например, клана или гильдии. С точки зрения теоретической социологии, этот случай представляет собой именно пример использования влияния как части социального капитала организатора(-ов). Потенциально, влияние лидера хорошо функционирующего игрового клана может быть конвертировано и в деньги (например, на поддержание функционирования клана в качестве компенсации времени или расходов организатора), и в политическую власть (например, если лидер клана будет использовать свое влияние для того, чтобы члены клана приняли участие в какой-либо политической деятельности).

Применение права в таких случаях уже не будет исключительно абсурдным, как это произошло бы в случае совершения рядовой «сделки купли-продажи» виртуального имущества по правилам и (или) с использованием механики игры для удовлетворения внутриигровых потребностей персонажа игры. В подобных ситуациях необходимо учитывать и второй критерий – фантазийность структуры предмета (**на более позднем этапе исследования мы отказались от идеи фантазийности структуры в пользу фантазийности функции** – ***В.А.***), о котором говорится в настоящей работе. Если этот критерий удовлетворен и структура фантазийна, то необходим процесс взвешивания ценностей либо аналогичные действия для оценки возможности применения реального права к такого рода отношениям. Если же предмет, будучи серьезным, еще и структурно адекватен, а не фантазиен, право может применяться без осуществления интеллектуальных процессов взвешивания ценностей – тогда это будет классический, обычный случай применения права, полностью соответствующий представлениям о здравом смысле».[470]

предмет собственно юридической аргументации, и обращаться к ним в игровом контексте уже не абсурдно именно в силу «валютной ценности» предмета рассматриваемых отношений, которая в данном случае прямо относится к деньгам как к обобщенному символическому посреднику.

[470] См.: Архипов В.В. Компьютерные игры, «магический круг» и семантические пределы права // Международный журнал исследований культуры. – 2019. – № 1 (34). – С. 85 – 87. С интересом также отметим, что концепция «социально-валютной ценности» в представленной интерпретации органично соответствует актуальному рынку токенов, используемых в инструментарии **криптовалют и ICO**. Более того, сам заимствованный термин «токен», используемый уже в современном смысле этого слова, является естественной метафорой предмета

Представленный подход пересекается как с подходом самого Й. Хейзинги (творившего в целом как до появления цифровых игр, так и до пика развития концепции обобщенных символических посредников в теоретической социологии, однако ненамного опередившего Т. Парсонса своим трудом "*Homo Ludens*") и его последующих интерпретаций в работах ключевых авторов из области игровых исследований. Например, Э. Кастронова пишет: «Игры определить сложно, но игровые исследователи, такие как Йохан Хейзинга и Рожер Кайуа идентифицировали их через понятие **иррелевантности** (выделено мною – ***В.А.***). Для Хейзинги **игра, по определению, не может повлечь последствия, значимые с точки зрения морали** (выделено мною – ***В.А.***). Что бы ни происходило, если оно действительно значимо в этическом или моральном смысле, оно не может быть игрой. Напротив, он полагал, что игры – это места, где мы действуем только *как если бы*[471] что-либо имело значение. Разумеется, отыгрывать [англ. "*play-acting*"] серьезность может быть одной из наиболее составляющих функций конкретной игры. Согласно Хейзинге, если какое-либо последствие, в конечном счете, действительно имеет значение, игра окончена. В действительности, единственный акт, подразумевающий моральные последствия, который может случиться в игре, это акт завершения игры, устраняющий ее атрибут «как если бы», разрушающий фантазию и тем самым полагающий конец коллективной иллюзии того, что игра имеет значение».[472] Соответственно, теперь о главном: **«моральные последствия», на которые обращает внимание Э. Кастронова, таким образом, и**

отношений, имеющего «валютную ценность» в смысле обобщенного символического посредника, ведь в этом и выражается предназначение токена. Этот пример представляется исключительно важным для обоснования актуальности подхода, предлагаемого в настоящем исследовании, в контексте медиального поворота.

[471] Очевидна связь с философией "als ob" Х. Файхингера, на труды которого во многом опирался уже не раз упомянутый на страницах настоящей работы Л. Фуллер, по крайней мере, в своих трудах, посвященных юридическим фикциям.

[472] Castronova E. The Right to Play // New York Law School Law Review. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 188–189.

подразумевают связь с определенными обобщенными символическими посредниками и внешними референтами ценности. В качестве сопутствующего комментария отметим, что то, что Э. Кастронова говорит об играх, подразумевая, в первую очередь, узкий пример многопользовательских ролевых онлайн-игр, в той же степени может быть применимо к случаям, где предметом общественных отношений выступает и иной (в смысле § 5 Главы 1 настоящего исследования) предмет.

К слову, «серьезность» также вполне соотносится с понятием **общественной опасности** – еще одним «обманчивым общим местом» юридической догматики, которое выдается за самоочевидное, хотя исследования значения этого термина показывают обратное. Данный термин, ориентированный на социально-негативные явления, также не применим по определению к позитивным примерам реализации права в отношении виртуального пространства.

§ 3. Моделирование коммодификации как методология определения конвертируемой социально-валютной ценности

Концепция обобщенных символических посредников предполагает возможность «конвертации» или «символического обмена». Значение этих терминов, синонимичных в контексте настоящего исследования, можно пояснить следующим образом. С точки зрения теоретической социологии, есть несколько институциональных областей – «экономик» в терминологии П. Бурдье, для каждой из которых характерен свой обобщенный символический посредник. Он выражается (или выражает ценность) во внешнем референте ценности. Внешние референты ценности, в свою очередь, выражают символический капитал социального деятеля. Социальные деятели могут приобретать символический капитал в одной институциональной области за счет обобщенных символических посредников и внешних референтов ценности другой институциональной области, где у них уже

есть символический капитал. Таким образом, «конвертация» представляет собой приобретение символического капитала в одной институциональной области за счет обобщенных символических посредников, характерных для другой институциональной области. Как отмечает Дж. Тернер:

> «*Обобщенные символические посредники* не только используются в дискурсе и распределяются корпоративными единицами как ресурсы; они также обмениваются акторами внутри областей или между областями. Внутриинституциональные обмены как правило осуществляются с обобщенными символическими посредниками данной области. Например, преподаватели разговаривают и обмениваются *знанием* в рамках институциональной области образования; между областями экономические акторы платят деньги тем, кто официально уполномочен [certified] (дипломами) иметь *знание*, таким образом, осуществляя обмен денег на опыт обучения между институциональными областями. Таким образом, один из способов, посредством которых обобщенные символические посредники могут обращаться между областями, является обмен; и, чем больше тратится ресурсов обобщенных символических посредников влиятельных акторов в доминирующих областях – ресурсов, таких как *деньги* из экономики и *власть* как воплощенный авторитет в политии – на ресурсы других областей, скажем, *обучения* (из области образования), *здоровья* (медицины) и *верифицированного знания* (из науки) – тем больше все эти посредники будут обращаться между институциональными областями в обществе».[473]

Поскольку один из основных обобщенных символических посредников – это **деньги**, неудивительно, что в процессе развития представлений о конкретной имплементации концепции семантических пределов права мы имеем все основания обратиться ни к чему иному, как к экономическому анализу права. А поскольку *обезличенные символические посредники и (или) внешние референты ценности конвертируемы друг в друга, постольку каждый из них может быть конвертирован в деньги*. В связи с этим, все инструменты, позволяющие подсчитать денежный эквивалент чего-либо, с необходимостью составляют часть методологии определения конвертируемой социально-валютной ценности. Данный подход логически верен, и он работает, однако мы должны **предостеречь, вслед за**

[473] Turner J.H. Emotions and Societal Stratification // Handbook of the Sociology of Emotion: Volume II / Ed. by Stets J.E., Turner J.H. – Heidelberg, New York, London: Springer, 2014. – P. 180.

С. Абрутиным, от одностороннего понимания природы обобщенных символических посредников. Дело в том, что во многих случаях конвертируемость обобщенных символических посредников в деньги останется навсегда *умозрительной*, а в другой значительной части случаев такая конвертация будет при этом также и *аморальной* – в теории религиозное благочестие может быть конвертировано в деньги, и такое даже, бывает, происходит на практике, но это чаще всего социальная патология. Деньги можно считать «главным» обобщенным символическим посредником только в рамках узкой капиталистической парадигмы. В действительности, историко-социологический анализ показывает, что разным обществам и культурам на разных этапах существования характерны различные обобщенные символические посредники. Согласно П. Бурдье,

> «…например, Маркс (он-то, конечно, часто шел на поводу у экономизма, но, несмотря на все это, понимал побольше большинства современных экономистов) говорил, что экономисты часто рассуждают о докапиталистических обществах в том же духе, в каком Отцы Церкви раньше рассуждали о первобытных религиях. Принимать язык экономики, использовать глобальный синтаксис экономического дискурса, чтобы говорить о докапиталистических экономиках, значит разрушать тот предмет, который стремишься описать».[474]

В то же время, в нашем случае сравниваются не экономика настоящего и какая-либо экономика прошлого, а «экономики», относящиеся к одной социальной системе и при этом взаимодействующие между собой. Соответственно, не исключается теоретическая возможность применения экономического анализа ко всему, что потенциально имеет социально-валютную ценность, согласно первоначальной интуитивной гипотезе, поскольку это не исключает принцип конвертируемости в терминологии настоящего исследования. Другое дело, что нельзя абсолютизировать возможность увеличения социального капитала в одной

[474] П. Бурдье. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992 – 1993) / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019 – С. 130.

институциональной области за счет другой такой области, и рассматривать принципиальную возможность конвертировать один посредник в другой как выражение природы одного из таких посредников. Иными словами, то, что власть можно обрести посредством влияния (т.е. конвертировать влияние во власть) не говорит и не должно нам ничего говорить ни о природе власти, ни о природе влияния, а лишь демонстрирует отдельные возможности «символического обмена» между социальными деятелями. Образно говоря, механизмы абстрагирования, лежащие в основе относящихся к различным институциональным областям обобщенных символических посредников, друг по отношению к другу представляют собой «черный ящик», но при этом между ними возможно взаимодействие – вернее, они могут опосредовать своего рода взаимодействие, коммуникацию, между социальными деятелями.

Нас при этом интересует вопрос о том, **какой именно предмет общественных отношений** должен анализироваться с точки зрения концепции семантических пределов права, чтобы сделать вывод о его серьезности иди несерьезности, реальности или фантазийности, а затем о возможности толкования и применения права таким образом, чтобы предмет подпадал под область правового регулирования, если речь идет о «пограничных ситуациях» в толковании права (для разработки новых правовых норм нас главным образом интересует лишь вопрос о серьезности или несерьезности предмета). Ответ на этот вопрос мы также можем найти в экономической теории. Наглядный, немного [намеренно] наивный, но точный учебник «Азы экономики» подсказывает в ответ на возражение «нет вещей, стоимость которых нельзя измерить, причем денежные единицы являются универсальным измерителем, а не конечной целью» следующее:

> «Наверняка вам не раз приходилось слышать утверждение, что жизнь бесценна. Однако частенько мы с вами рискуем этим сокровищем. Покупая более дешевые, но

> менее качественные продукты, выбирая не самые надежные, но доступные транспортные средства, проживая в загазованном центре города рядом с работой или просто переходя дорогу на красный свет, потому что не хотим ждать зеленого сигнала светофора, мы подвергаем себя дополнительному риску. Лишняя минута ожидания оказывается для нас дороже стоимости жизни, помноженной на риск ее потерять под колесами автомобиля. В чем же дело? В необходимости выбора. Вы помните, что ресурсы, которыми располагает отдельный человек и общество в целом, ограничены, и поэтому для того чтобы получить что-то одно, необходимо пожертвовать чем-то другим. В этом смысле все имеет свою цену. То, чем приходится жертвовать, и есть цена того, что мы хотим получить».[475]

Предмет в данном случае – это, вероятно, и не бесценная человеческая жизнь как таковая, а то, в отношении чего мы определяем цену. Подчеркнем, однако, что нам интересны в целом не абстрактные экономические модели стоимости произвольного объекта (такие модели, действительно, можно строить в отношении чего угодно – но тогда, кстати, тоже возникнет вопрос об абсурде, но уже не в праве, а в экономике), а денежной стоимости, или же стоимости в условной системе оценки, характерной для иных определенных **обобщенных символических посредников**.

На примере компьютерных игр, таким образом, получается, что игра в компьютерные игры – это иногда (но не всегда и не во всем) предмет рационального выбора между удовольствием и здоровьем, удовольствием и *временем*, которое можно уделить карьере или любви и т.п. Поэтому в данном случае непосредственный предмет общественных отношений (который может быть оценен экономически, конвертирован в деньги, а затем – в иные внешние референты ценностей обобщенных символических посредников) – это не «компьютерные игры в целом», не «игра в компьютерные игры как таковая». Специальный предмет отношений, который может регулироваться правом без нарушения семантических пределов, – это время, потраченное человеком, имеющим при этом какие-либо

[475] Бойко М. Азы экономики. – М.: Издатель «Книга по Требованию», 2015. – 470 с. [Электронное издание] // Азы экономики. – [Сайт]. – URL: http://azy-economiki.ru/docs/the_basics_of_Economics.pdf/ (дата обращения: 06.02.2019). С. 12-13.

установленные правом обязанности, в компьютерной игре. Например, запрет на игру в рабочее время абсурдным не будет. Запрет на игру в нерабочее время – это предмет «взвешивания» конституционных ценностей. В условиях, когда гарантируется право на отдых, свобода информации и право на доступ к культурному наследию такой запрет не будет правомерен – но это «вторая» область семантических пределов права, в которой осуществляется такое «взвешивание». А вот запрет на осуществление определенных действий внутри самой игры, если эти действия не подразумевают потенциальной конвертации внешних референтов ценности (например, выбор внутриигрового пути развития игрового персонажа как часть игрового процесса) будет уже в чистом виде абсурдным, как и запрет или иное регулирование процесса получения эстетического удовольствия от игры как такового. Примеры можно соответствующим образом развить и продолжить.

При этом если деньги – это обобщенный символический посредник, то внешний референт ценности – это товар. Если специальный предмет общественных отношений может быть **теоретически коммодифицирован, то он может регулироваться правом**, поскольку это подтверждает его положение как внешнего референта ценности. Поэтому, если отталкиваться от денег как основного иллюстративного (но не принципиального и не единственного возможного) примера, нам также необходимо обратиться к **концепции коммодификации**.

Словарное определение термина указывает, что это

> «…процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке. Теоретическим основанием данной идеи являются работы Карла Маркса, утверждавшего, что капитализм представляет собой саморасширяющуюся экономическую систему, которая требует все большей

> коммодификации. Капитализм, таким образом, ведет к вытеснению духовных или человеческих ценностей денежными».[476]

Подчеркнем, однако, что в рамках настоящего исследования, социологической теории обобщенных символических посредников и сопутствующего модельного агностицизма, коммодификация как инструмент определения семантических пределов права вовсе не направлена на вытеснение духовных или человеческих ценностей – использование «метода коммодификации» сугубо инструментально. Можно, напротив, не трансформировать иные внешние референты ценностей в товары, а наоборот – классифицировать товары с точки зрения альтернативных систем обобщенных символических посредников (например, политической власти или любви). В социальной реальности и, тем более, в теоретическом моделировании эти системы вполне могут сосуществовать как «кадры» (англ. "*frames*") в игровых исследованиях, между которыми можно переключаться по мере необходимости.

Возвращаясь к коммодификации как таковой, несколько удачных примеров приводит Е. Короткова:

> «Коммодификация пространства, если отвечать коротко, — это превращение пространства в товар, определение его стоимости, продажа, покупка и так далее. Вы продаёте уже не просто дом, а дом в конкретном месте. И по сути дела это пространство становится таким же товаром, как и недвижимость. В этом смысле коммодификация пространства и джентрификация — смежные понятия. Вы превращаете само пространство в товар, дорогой товар, и из-за его высокой цены жители не самых современных и новых домов уже не могут себе позволить жить в этом месте. То есть на саму квартиру им хватает, а на «пространство» уже нет…

---

[476] Определение дано в следующем издании: Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. – М.: Экономика, 2004. Цит. по: Коммодификация. Что написано в словаре [Электронный ресурс] // Институт «Стрелка». – [Сайт]. – URL: https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification (дата обращения: 06.02.2019 г.). В связи с упоминанием К. Маркса имеет смысл подчеркнуть, что критическое переосмысление в свете концепции обобщенных символических посредников некоторых теорий, которые могут казаться на первый взгляд утратившими свою актуальность, может иметь методологический потенциал. Например, в 1982 г. В.В. Лапаева, анализируя К. Маркса, заключала: «Для обращения бумажных денег необходимо, чтобы знак денег получил **общественную значимость** (выделено мною – В.А.). Это осуществляется посредством законодательства и государственного принуждения, благодаря чему бумажных символ получает принудительный курс…» и т.д. См.: Лапаева В.В. Вопросы права в «Капитале» К. Маркса. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 90.

> Одним из более современных примеров коммодификации пространства являются платные парковки на улицах Москвы. По сути дела, товаром стало то, что раньше вообще не считалось чем-то определённым, — свободное парковочное пространство. Теперь же вы его арендуете у города за определённую плату. Аналогичная история со сдачей в аренду участков тротуаров под летние веранды кафе: стало торговаться и обмениваться на деньги то, что раньше считалось изначально и всем данным (бесплатным)».[477]

При таких исходных посылках несложно заметить, что в *«нормальной ситуации»* (в ситуации, когда отсутствуют основания для постановки интуитивной гипотезы о нарушении семантических пределов права) само право и, прежде всего, гражданское право выступает прямым **инструментом императивной коммодификации**. Например, институт интеллектуальной собственности непосредственно коммодифицирует творчество. Но этот взгляд привычен и не вызывает удивления. Более интересным может показаться вывод о том, что институт **возмещения морального вреда** представляет собой опыт коммодификации иных обобщенных символических посредников – следуя реальной практике, речь здесь может идти о широком круге примеров, от здоровья и знания до любви и верности.

В завершение данного параграфа еще раз подчеркнем, что моделирование коммодификации – это теоретический инструмент, а не ответ на вопрос о природе отношений. В ходе обсуждения данной работы одним из конструктивных критиков был предложен следующий и отчасти провокационный вопрос. Если наличие конвертируемой социально-валютной ценности является признаком, объясняющим

---

[477] Коммодификация. Что говорят эксперты / Е. Короткова [Электронный ресурс] // Институт «Стрелка». – [Сайт]. – URL: https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification (дата обращения: 06.02.2019 г.). О возможности «посчитать» экономическую ценность отдельных юридических артефактов писал и Р. Познер (что неудивительно в контексте методологии экономического анализа права): «С экономической точки зрения совокупность прецедентов в праве является основным капиталом, а именно запасом знаний, который приносит пользу в течение многих лет потенциальным участникам споров в форме информации о правовых обязательствах. Капитальные блага обесцениваются; ценность оказываемых ими услуг снижается с течением времени. Это может происходить либо от физического износа блага, либо от его морального износа – изменения среды, которое снижает ценность предоставляемых благом услуг. Первый тип амортизации не важен в случае информации, последний же имеет значение. Правовое регулирование несчастных случаев, которое было разработано для ситуаций столкновений экипажей на конной тяге, имеет меньшую ценность в применении к ситуациям столкновений автомобилей». См.: Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. – Т. 2. – С. 719.

почему применять или создавать право не абсурдно, то каким образом данный подход работает в отношении уголовно-правового запрета в отношении деяний, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности? Выражает ли в таком случае какую-либо социально-валютную ценность насилие, составляющее объективную сторону соответствующих деяний? Ответ – нет, не насилие. В смысле методологии, развиваемой в настоящем исследовании, в качестве предмета отношений следует рассматривать половую свободу и неприкосновенность сами по себе – в данном примере именно они будут наделены социально-валютной ценностью. Такая ценность, действительно, может быть теоретически конвертирована в деньги (понятным способом), и, хотя подобная конвертация будет аморальной, она работает как теоретический инструмент.

В завершение параграфа отметим, что писал на тему конвертации сам С. Абрутин.

> «Говоря в общем, в идеальном мире, ОСП (обобщенные символические посредники – ***В.А.***) будут циркулировать рядом друг с другом без существенного напряжения: священнослужителям платят зарплату и, таким образом, *деньги* в форме жалования будут циркулировать рядом со *священностью/благочестием*, но находиться на безопасной дистанции друг от друга. Логика религии, иными словами, всегда будет отличаться от логики экономики».[478]

Однако автор подчеркивает, что в реальной жизни так бывает не всегда. *Во-первых*, «если два ОСП с *той же* модальностью ориентации циркулируют один за другим, и чужеродный ОСП доминирует над исконным, мы можем говорить о *коррупции*».[479] Очевидным примером коррупции является случай, когда в политике или праве такой ОСП как *деньги* используется вместо *политической власти* или *справедливости* соответственно. *Во-вторых*, когда смешиваются уже различные

[478] Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. – 2015. – Vol. 51. – No. 3. – P. 460.

[479] Ibid. P. 461.

модальности ориентации, и инструментальная начинает доминировать над моральной, можно ставить вопрос о «загрязнении» (англ. “pollution”):

> «*Деньги* или связанные с ними внешние референты ценности, например, детские игрушки, могут рекламироваться работающим матерям как решение для проблем со временем, препятствующим им давать *любовь* и *верность* своим детям в нормативно предписанном ключе. *Любовь* в такой ситуации становится слугой *денег*, поскольку культурные и материальные компоненты последних конкурируют с любовью или заменяют ее в реальных социальных отношениях».[480]

Итак, методология, следующая из концепции обобщенных символических посредников, позволяет определить те предметы общественных отношений, которые могут быть *значимыми* в юридическом смысле. Иными словами, как это следует из общего контекста настоящего исследования, здравый смысл в определении круга возможных предметов правового регулирования, выражается в конвертируемой социально-валютной ценности данных предметов. Такой подход, отражающий последовательность методологического поиска, выраженного в настоящем исследовании, позволяет ответить на вопрос о том, что в принципе может включаться в область *правового* или, говоря более догматическим языком, составлять предмет правового регулирования.

§ 4. Критерий функциональной адекватности или «фантазийности» предмета общественных отношений

Как следует из всех приведенных ранее рассуждений, критерий «серьезности» предмета общественных отношений убедительно подходит для случаев, в которых необходимо определиться с тем, допустимо или нет распространять правовое регулирование на какие-либо предметы общественных отношений, в первую очередь

---

[480] Ibid.

– «новые» (примером которых, как мы увидим позже, могут выступать, в частности, умные роботы, оборотоспособные большие данные и другие феномены цифровой экономики, чему посвящен ряд публикаций автора исследования). Однако в случае с «пограничными ситуациями» толкования права, иными словами – «областью полутени», для которой характерно наличие правовых норм, которые потенциально применимы или же не применимы к «новым» общественным отношениям, возникает проблема следующего характера. Если мы принимаем в качестве единственного критерий серьезности, у нас нет четкого способа определить, какой из существующих правовых норм такой «серьезный» предмет соответствует. Если же мы попробуем использовать альтернативный критерий соответствия между интересующим нас предметом и его описанием в гипотезе или диспозиции правовой нормы также как единственный, то не достигнем ясности в вопросе о том, стоит или нет все же распространять данную норму на такой новый предмет. Иными словами, «критерий серьезности» позволяет определить значимость предмета правового регулирования, но не дает возможности установить и объяснить семантическую связь с тем или иным понятием, используемым в правовом тексте.

Указанная выше проблема была сформулирована при анализе уже не раз упоминавшегося на страницах настоящей работы примера с блокировкой сайта с вымышленным (игровым) рецептом «динамита» в игре *Minecraft* на основании общих, не содержащих конкретных критериев оценки, норм. Ход рассуждения был следующим. Допустим, за основной критерий для разрешения коллизии мы принимаем тот факт, что указанный «рецепт» никак не связан с каким-либо социальным институтом в социально-конструкционистском смысле (такой подход был отражен в первоначальной гипотезе). Даже если мы разовьем такое первоначальное представление до уровня конкретизации, предполагающего оценку конвертируемой «социально-валютной ценности», у нас могут возникнуть

противоречия: да, сам по себе «рецепт» такого динамита не может использоваться для создания реального взрывчатого вещества, но при этом игра, в которую играют миллионы людей по всему миру, хотя бы в каком-то ракурсе не может не иметь конвертируемой социально-валютной ценности, да и множество игроков создает и поддерживает социальные институты, связанные исключительно с изготовлением предметов в виртуальном мире (т.е. социальные институты есть). Похоже на тупиковый путь в рассуждении. Теперь попробуем подойти к проблеме с иной стороны. Допустим, дело только в том, что рецепт динамита не настоящий (забегая вперед – «фантазийный» или лишенный функциональной адекватности). Попробуем построить аргументацию от противного. Если бы рецепт динамита был настоящим, может ли это безусловно говорить о том, что сайт должен быть заблокирован? Подчеркнем, что речь идет об отсутствии прямых законодательных критериев для блокировки такого рода информации, в отличие, например, от отдельных ситуаций с наркотическими средствами. Но и здесь как будто что-то не так – если рассматривать данный случай в качестве иллюстрации широкого круга случаев потенциально незаконной и (или) общественно опасной информации, то необходимость блокировки неочевидна – например, можно представить, что распространение такой информации по каким-то причинам будет рассматриваться как допустимое. При таком повороте рассуждения вопрос трансформируется в целом в вопрос о том, можно ли ограничивать распространение художественной информации (несерьезной, игровой, имитирующей – т.е. своего рода симулякра), которая содержит отсылки к реальным предметам, или же это будет противоречить принципу свободы творчества? При такой постановке вопроса становится ясно, что в «пограничных ситуациях» толкования права **критериев, в действительности, должно быть несколько, и они должны применяться одновременно**. Именно с этим и связано развитие на страницах настоящего исследования второго критерия –

функционального соответствия (адекватности). В свою очередь, противоположным понятию функциональной адекватности нам видится понятие «фантазийности», используемое пока в праве преимущественно в узкоспециальном смысле качества инновационности содержания товарных знаков.

Что такое «фантазийность»? Для начала попробуем пойти от обратного. Так, например, автор статьи «*Категория фантазийности в науке*» Н.Н. Меньшикова отмечает, что фантазийность является «одной из мыслительных категорий участвующих в познании как реального, так и вымышленного миров».[481] Как отмечает Н.Н. Меньшикова, категория фантазийности может трактоваться в широком и в узком смысле. В широком смысле фантазийность «отражает способность языка и мышления к выявлению сущностных характеристик реального мира посредством обращения к внутреннему субъективному индивидуальному миру человека».[482] В узком смысле фантазийность «связана с художественным вымыслом, с литературными жанрами, а также со стилями в живописи и архитектуре (понятие «фантастической» архитектуры у П. Флоренского)».[483] В качестве основного подхода для рассмотрения автор избирает широкую трактовку фантазийности. Однако такой подход не позволяет прояснить смысл термина «фантазийность» в контексте настоящего исследования, поскольку он фактически подразумевает отождествление терминов «фантазийный» и «воображаемый», а мы бы предпочли обозначать этими терминами разные вещи: воображаемое,[484] опять же, в широком смысле относится к свойствам сознания, предполагающим, в том числе, реконструкцию объекта в сознании, а такая реконструкция не обязательно будет

---

[481] Меньшикова Н.Н. Категория фантазийности в науке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 36. – С. 95.

[482] Там же.

[483] Там же.

[484] В контексте настоящего исследования «воображаемое» – это виртуальная модель реального предмета.

фантазийна. Весьма характерна, в этом смысле, цитата П. Рикера, которую приводит Н.Н. Меньшикова:

> «Воображать – это не значит обладать ментальным изображением чего-либо, но значит проявлять связи путем изображения».[485]

Опять же, отметим, что здесь мы говорим в большей степени о прояснении конвенциональных терминов в контексте именно настоящего исследования, а не о попытке выявить некое «объективное» значение терминов, которое, возможно, и не существует. Т.е. речь идет о применении метода аналитической философии.

В рамках поиска решения поставленной проблемы предположим, что определенными перспективами обладает описание критерия функциональной адекватности или фантазийности функциональности предмета общественных отношений через разновидность **корреспондентной концепции истины в логике, отсылающей к изоморфизму**.[486] В данном контексте речь идет о разграничении между двумя интерпретациями корреспондентной теории истины, предложенными Д. Марианом в приведенном в предшествующей сноске источнике: «корреспондентность как корреляция (соответствие)» и «корреспондентность как изоморфизм».[487] Более строгий вариант (корреляция) предполагает, что «каждая истина соответствует в точности одному факту» и, в то же время, что «различные истины соответствуют различным фактам».[488] Менее строгий вариант предполагает учет того обстоятельства, что «и носители истины, и факты представляют собой сущности со сложной структурой: носители истины состоят из (других носителей

---

[485] Там же. С. 99.

[486] При применении данной концепции к особенностям предмета правоотношений подразумевается комплекс идей и интерпретаций, существенно не выходящий за пределы общих мест науки логики, как, например, они описаны в следующем исчерпывающем обобщении: Marian D. The Correspondence Theory of Truth [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/truth-correspondence/#6 (accessed: 03.10.2018).

[487] Ibid.

[488] Ibid.

истины и, в конце концов, из) слов или понятий; факты состоят из (других фактов, положений дел и, в конце концов, из) вещей, свойств и отношений».[489] Как следствие, корреспондентность определяется отношением между составляющими носителей истины, с одной стороны, и фактов – с другой стороны.

В свою очередь, как отмечает Е.В. Бакеева,

> «…все меняется в тот момент, когда сам этот инвариант (вместе со своими онтологическими предпосылками) оказывается под вопросом. Эта проблематичность лишает убедительности сразу все концепции истины, сформулированные в рамках гносеологической установки. Первая и основная из них – корреспондентная – обнаруживает свою сомнительность ровно постольку, поскольку теряет устойчивость понятие реальности. Начавшийся уже в эпоху научной революции рубежа XIX-XX вв. процесс виртуализации реальности достигает спустя столетие той точки, в которой неопределенность оказывается основной характеристикой сущего. Текучая, «мерцающая», непредсказуемая реальность больше не в состоянии играть роль того образца, с которым сверяется знание. Любая попытка определить *соответствие* знания и реальности неминуемого наталкивается здесь на необходимость некоего дополнительного действия: установления или конструирования того самого образца (или образа реальности), с которым будет сопоставляться знание».[490]

Нам, однако, очень повезло, что мы имеем дело с правом, которое при этом объясняется социальным конструкционизмом, поскольку «установление или конструирование того самого образца, с которым будет сопоставляться знание» уже состоялось.

С точки зрения логики, *интерпретационные* суждения в юриспруденции («является» ли факт А предметом правовой нормы В) могут обладать качеством истинности или ложности. В такого рода суждениях субъект и предикат – это исследуемый предмет отношений и «виртуальный» предмет правовой нормы, соответствующий семантическому пространству значений, определяемых «валютной ценностью». Местоположение указанных предметов в системе суждения

---

[489] Ibid.

[490] Бакеева Е.В. Онтологическая концепция истины в контексте постнеклассической научной рациональности // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 12.

(что является субъектом, а что – предикатом) не влияет на принципиальное значение логической операции. И именно в смысле такой операции может интересовать изоморфная интерпретация теории корреспондентной истины. Можно теоретически смоделировать, например, следующие суждения, проясняющие такую логику: «Номер мобильного телефона [предмет отношений] является персональными данными [«виртуальный» предмет правовой нормы]…»; «договор [предмет отношений] является сделкой [«виртуальный» предмет правовой нормы]…» и т.д. И в рассматриваемой нами области, например, конкретно: «Убийство персонажа компьютерной игры [предмет отношений] не является убийством, предусмотренным ст. 105 УК РФ [«виртуальный» предмет правовой нормы]…». Вторая часть последнего логического суждения: «…потому что убийство персонажа компьютерной игры [по общему правилу] не имеет «социально-валютной ценности» и фантазийно». Или же, напротив, реконструкция альтернативного примера: «Неавторизованное удаление персонажа компьютерной игры [предмет отношений], приобретенного за реальные деньги, составляет причинение имущественного ущерба [«виртуальный» предмет правовой нормы], потому что такой персонаж имеет «социально-валютную ценность», конвертируемую в деньги как обобщенный символический посредник и функционально адекватно причинению ущерба посредством неправомерного удаления информации, поэтому право может применяться к данным отношениям».

На примере «насилия» в компьютерных играх (в том числе, в киберспорте) достаточно наглядно видна проблематика выявления функционального соответствия между высказыванием о насилии как части субъективно-объективной социальной реальности и высказыванием о насилии, который составляет событие компьютерной игры – об этом мы уже говорили в § 3.2 Главы 1 настоящего исследования, но

приведем еще одну иллюстрацию. Как, например, отметил Президент Федерации компьютерного спорта России Д.В. Смит:

> «Самая популярная игра в российском киберспорте – это Dota2. В ней соревнуются в командах по пять человек. Игра длится около часа и включает предыгровую подготовку, где ребята подбирают себе персонажей, которые смогут успешно противостоять соперникам. Её часто обвиняют в жестокости и насилии. Да, Dota — игра с фантазийными персонажами, которые насылают друг на друга заклинания и бьют мечами по голове. Но, во-первых, всё это идёт не от первого лица, а трёхмерно, — выглядит как обычный мультфильм. Во-вторых, для профессионального киберспортсмена эти визуальные детали не имеют значения. *Он воспринимает свой персонаж как набор цифр и функций — сколько у него жизней, оружия, навыков, эффектов* (выделено мною – ***В.А.***). В каждой графической игре можно выставить минимальные визуальные настройки, большинство профессиональных игроков делает именно так: им важна информация, а не красота».[491]

Отметим, что в контексте настоящего исследования и в рассматриваемом ракурсе данное мнение можно считать иллюстрацией отсутствия функциональной адекватности между двумя указанными ранее высказываниями.

При таком подходе, в некотором смысле, изоморфность функциональных качеств предмета общественных отношений – не столько критерий применимости права, сколько инструмент отбора предметов правового регулирования при анализе объема понятий правового текста. В рамках системного теоретического анализа мы изучаем сложный фактический состав общественных отношений и определяем предметы, изоморфные «виртуальным» предметам правоотношений, моделируемым нормами действующего права. Если принимать критерий изоморфности в таком понимании, то практический смысл его использования выражается, в том числе, в том, чтобы определить, есть ли предметы, которые соответствуют известному значению правовой нормы, последовательно изучив весь фактический состав

---

[491] Смит Д.В. «Для ребенка, который проводит много времени за компьютером, киберспорт – это выход» // Мел. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: https://mel.fm/mneniye_eksperta/7604295-esport (дата обращения: 21.01.2019).

общественного отношения. Если такие предметы есть, то, скорее всего, и социально-валютная ценность тоже есть (исходим из презумпции социально-валютной ценности в отношении тех предметов, которые подпадают в область «центрального значения» правовой нормы в смысле Г. Харта). А вот если таких предметов в фактическом составе при первом приближении нет, тогда нужно использовать «критерий серьезности» для определения возможных периферических значений понятий правового текста.

При этом что нас интересует – это фантазийность именно **функциональности** объекта, в том числе его виртуальной репрезентации. Понятно, что в примере с *Minecraft* динамит вымышленный, даже если рецепт настоящий. Но, все же, если его рецепт настоящий, т.е. на его основе можно сделать реальный динамит, то такая информация может иметь *последствия для реального мира*, и тем самым предмет «реален» с точки зрения, собственно, его прямой или опосредованной функциональности. Л. Манович выделял четыре ключевых составляющих объектов новых медиа – фрактальность, автоматизация, вариативность, транскодирование (см. § 4 Главы 1 настоящего исследования). В таких условиях сложно оценивать адекватность *структуры* как таковой – все переменчиво (все есть не бытие, а становление), но можно вполне оценить адекватность функциональных аспектов. Перефразируя расхожее выражение, соответствующее здравому смыслу, «если нечто ведет себя как имущество – это имущество». Подчеркнем, что виртуальная собственность, которая выступает предметом оборота за реальные деньги, таким образом, в рамках предлагаемой модели является не фантазийным, а вполне реальным предметом общественного отношения.[492] С учетом методологии, нельзя сказать, что объекты виртуальной собственности фантазийны – они вполне реальны,

[492] Пример с виртуальной собственностью, которая выступает предметом оборота за реальные деньги, пожалуй, наиболее удачен – в случае с ней очевидна и конвертируемая социально-валютная ценность, и функциональная адекватность.

если под фантазийностью не понимать гражданско-правовую «вещность», а оборотоспособность. Иначе мы с легкостью могли бы сказать, что такими же фантазийными являются безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги и огромное количество других, уже ставших привычными объектов гражданских прав, которые можно, с некоторой долей условности, метафорически[493] обозначить как *res incorporales*. То есть, в каком-то смысле, они, конечно, и фантазийны, но не в специальном смысле, соответствующем настоящему исследованию, – это вполне реальные объекты интерсубъективной социальной реальности, так же, как и виртуальная собственность во многих онлайн-средах.

В то же время, даже указанный «мягкий» вариант корреспондентной теории истины, несмотря на то, что он, кажется, соответствует рассматриваемой проблематике, представляется неидеальным решением стоящей перед нами задачи, в том числе потому, что он нуждается в дополнительных объяснениях и оговорках для того, чтобы объяснить его легитимность в применении в юридической аргументации даже в своего рода закрытом универсуме права. Так, например, в трудах Дж. Остина[494] можно усмотреть отказ от основанной на изоморфизме концепции корреспондентной истине в логике, поскольку такой подход «проецирует структуру нашего языка на мир».[495] И в целом критика корреспондентной теории истины заставляет задуматься о других критериях установления связи между понятиями и фактами (среди которых, в первую очередь, нас интересуют артефакты медиареальности), которые позволили бы обосновать или отвергнуть предложенную гипотезу о функциональной адекватности как «критерии реальности» предмета общественных отношений с точки зрения права.

---

[493] Автор наивно полагает, что такое количество оговорок убережет его от критики цивилистов, в область экспертизы которой он неловко заступает.

[494] См. напр.: Austin J. Truth / Supplementary Volume XXIV, 1950 [Electronic resource] // Proceedings of the Aristotelian Society. The Virtual Issue No. 1. 2013. – [Site]. – URL: https://www.aristoteliansociety.org.uk/pdf/austin.pdf (accessed: 10.09.2019).

[495] Marian D. The Correspondence Theory of Truth.

С учетом этого обстоятельства, попробуем интерпретировать поставленную проблему не столько как проблему логики как таковой, сколько как родственную, но специальную проблему толкования права. Так, если рассматривать проблему семантических пределов права с точки зрения толкования правовых текстов и применения права, то она может быть интерпретирована и как проблема толкования правовых текстов в рамках общей аналитико-юридической методологической посылки Г. Харта о «центральном значении» и «полутени» (англ. “core and penumbra”) понятий, используемых в правовом тексте, отраженной в дискуссии с Л. Фуллером и далее развитой в книге «Понятие права» (англ. “*The Concept of Law*”, 1961). Как отмечает С.Н. Касаткин, «…специфика языка, по мысли автора, порождает фундаментальную неполноту и неопределенность права, «открытую ткань» его правил, включающих как «ядро» - набор центральных, очевидных значений, так и «полутень» – область приграничных, неясных случаев употребления».[496] В свете данной методологии спорные *вопросы распространения правовых текстов на артефакты медиапространства образуют «полутень» значений*. Представляется, что подобная интерпретация проблемы легитимна в свете проблем толкования права, отраженных в правовых коллизиях медиального поворота, как они выделены в работе (см. § 1 и § 2 Главы 1 настоящего исследования). Как следует из анализа трудов мыслителя,

> «Харт применяет теорию значения, согласно которой в отношении каждого отдельного понятия (англ. “concept-word”) следует различать центр (англ. “core”) ясного, определенного значения и полутень (англ. “penumbra”) неопределенности. В этом свете каждое понятие представляет собой лингвистический знак, имеющий как определенное значение, так и набор небезупречных, неопределенных значений. Те случаи, в которых центральные значения слов, составляющих юридические правила, в достаточной степени определены, чтобы быть примененными при разрешении юридического спора, могут быть названы «простыми случаями» (англ. “easy case”). Проведенное Хартом

[496] Касаткин С.Н. Основной труд Герберта Л.А. Харта (на публикацию русского издания книги «Понятие права») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 2. – С. 10.

> разграничение подразумевает то утверждение, что лингвистические формулировки юридических правил раскрывают свое значение в зависимости от значения понятий, используемых в данных формулировках. Значение определяется функцией слова в языке. Харт утверждает, что у каждого слова есть стандартные случаи, в которых его применение будет конвенционально приемлемым, а его значение – ясным и определенным. Это и есть "центральное значение". Когда же применение слова к фактам не может быть определено конвенциональными правилами языка, о значении данного слова следует сказать, что оно нечеткое и неопределенное. Такова «полутень неопределенности» по Харту. В таких случаях отношение между фактом и понятием должно определяться внелингвистическими стандартами и критериями, такими как предполагаемая цель или коммуникативное намерение».[497]

Таким образом, толкование правового текста, предполагающее необходимость определения того, входит или нет предмет общественных отношений, опосредованный медиареальностью, в объем находящихся в «полутени» возможных значений используемого в нем понятия, как и последующее применение права, требует установить соответствие между таким предметом и понятием. В текущих социокультурных условиях факты медиареальности находятся на периферии объема понятий правовых текстов. Определение функционального соответствия, в данном смысле, представляет собой **установление, говоря языком «позднего» Л. Витгенштейна, «семейного сходства» между значениями, относящимися к простым случаям центрального значения, и фактами медиареальности, находящимися на периферии**. Примечательно, что сам мыслитель пояснял концепцию «семейного сходства» на примере использования слова «игра»:

> «66. Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем «играми». Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т.д. Что общего у них всех? Не говори – «В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы играми», но *присмотрись*, нет ли чего-нибудь общего для них всех. – Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. Как уже говорилось: не думай, а смотри! – Присмотрись, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты

[497] Thacker L.E. Interpretation and Legal Theory. A. Marmor Oxford: Clarendon Press, 1992, 193 pp. (Review) // Dalhousie Journal of Legal Studies. – 1993. – Vol. 2. – P. 334.

> исчезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохранится, но многое и исчезнет. – Все ли они «*развлекательны*»? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики. Во всех ли играх есть выигрыш и проигрыш, всегда ли присутствует элемент соревновательность между игроками? Подумай о пасьянсах. В играх с мячом есть победа и поражение. Но в игре ребенка, бросающего мяч в стену и ловящего его, этот признак отсутствует. Посмотри, какую роль играет искусство и везение. И как различны искусность в шахматах и в теннисе. А подумай о хороводах! Здесь, конечно, есть элемент развлекательности, но как много других характерных черт исчезает. И так мы могли бы перебрать многие, многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними.
>
> А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом.
>
> 67. Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их «семейными сходствами», ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д. и т.п. И я скажу, что «игры» образуют семью».[498]

В то же время, представление о применимости идей Л. Витгенштейна в юридической науке, в том числе непосредственно в области проблем толкования правовых текстов, неоднократно подвергалось критике. Так, например, Б. Бикс отмечает, что «представления [Витгенштейна] о следовании правилам не имеют никакого *прямого* применения в праве, по крайней мере, к вопросам юридического толкования, как обычно и применяются труды Витгенштейна. Его представления о следовании правилам связаны с надлежащим объяснением феномена общего согласия в практиках, относящихся к простейшим терминам и математическим понятиям… Напротив, со всей очевидностью кажется, что право и юридическое толкование находятся на определенной дистанции от практик, вдохновивших такие представления. Право и юридическое толкование – не те практики, которые могут быть охарактеризованы согласием или недостатком противоречий. Наоборот, можно сказать, что юридическая практика сущностно, возможно, сквозным образом, спорная. Главный вопрос юридического толкования не в том, как объяснить

[498] Витгенштейн Л. Философские исследования (1953) // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – С 110–111.

согласие, а как разрешить *разно*гласие».[499] Аргументы Б. Бикса, как минимум, заслуживают внимания. Более того, в качестве еще одного осторожного замечания можем отметить, что представления Л. Витгенштейна, отраженные в приведенном отрывке из «Философских исследований» при излишне буквальном применении могут лишь запутать дело – если понятия, используемые в правовом тексте, не только многозначны, но и находятся в «родственной связи» с другими, это может усложнить реконструкцию *определенного* значения.

В отечественной науке общие и убедительные контраргументы в отношении данного скепсиса Б. Бикса, основанные на представлении о «*конструируемом* характере онтологии правовых явлений в юридическом языке»,[500] были высказаны А.Б. Дидикиным.[501] И, если говорить о специфическом ракурсе настоящей работы, то в предлагаемой Г. Хартом методологии аналитической юриспруденции, явным образом предназначенной именно для целей толкования права, концепция «семейного сходства» используется как вполне легитимный инструмент. Наиболее наглядно это видно на примере интерпретации концепции права Г. Харта одним из основных защитников предложенного британским автором подхода – А. Мармора – непосредственно в контексте проблем толкования права, изложенное им в книге «*Толкование и теория права*» ("*Interpretation and Legal Theory*", 2005).[502] Отдельно отметим, что предложенные Г. Хартом подходы актуальны и по сей день, пережив

---

[499] Bix B. Cautions and Caveats for the Application of Wittgenstein to Legal Theory [Electronic resource] / Law and Social Justice, Campbell, O'Rourke & Shier, eds, MIT Press, pp. 217–229 // Social Science Research Network. – [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=619123 (accessed: 10.09.2019).

[500] Дидикин А.Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. - № 2. (30). – С. 85.

[501] См.: Дидикин А.Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. - № 2. (30). – С. 83–89.

[502] Marmor A. Interpretation and Legal Theory. 2nd Ed. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2005. – 179 p.

критику, в том числе, со стороны таких влиятельных юристов как Л. Фуллер[503] и Р. Дворкин.[504]

В свете интерпретации А. Мармора концепция Г. Харта может быть выражена следующим образом. Использование естественного языка для формулировки правовых норм предопределяет зависимость значения данных норм зависит главным образом от используемых в соответствующих правовых текстах понятий (англ. “concept-words”).[505] Логические концепции (например, умозаключения) применимы лишь к отношениям между правилами или выражениями, а не их относимости к миру.[506] По выражению самого Г. Харта, «логика сохраняет молчание относительно того, как квалифицировать частности», но именно в них и заключается проблема «центра и полутени».[507] Для определения значений слов допустимо использовать концепцию «семейного сходства»,[508] отталкиваясь от «центрального значения» соответствующего понятия, которое определяется самоочевидными примерами использования этого слова в реальной практике,[509] которые и формируют критерий (в специальном смысле философии языка Л. Витгенштейна[510]) для определения значений интересующего нас понятия.[511] До этого момента рассуждение А. Мармора представляется нам в достаточной степени ясным, непротиворечивым и применимым на практике. Однако возникает вопрос: критерий определения понятия в обычных случаях использования естественного языка и в тех случаях, когда естественный язык используется для выражения правовых норм, должен

---

[503] Ibid. PP. 99–106.

[504] См.: Касаткин С.Н. Устранимость «открытой текстуры» права: три замечания Р. Дворкина // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18. – № 1. – С. 93–98.

[505] Marmor A. Interpretation and Legal Theory. P. 97.

[506] Ibid. P. 98.

[507] Ibid.

[508] Ibid. PP. 100–101.

[509] Ibid. P. 101.

[510] О критериях и симптомах в терминологии Л. Витгенштейна см. напр.: Лорети А. Л. Витгенштейн о понятиях «критерий» и «симптом» // Философия образования. – 2015. - № 5 (62). – С. 58–64.

[511] Marmor A. Interpretation and Legal Theory. P. 102.

различаться, что косвенно подтверждается и эмпирическим материалом настоящего исследования (см. § 2 и § 3 Главы 1). В нашем представлении, анализ А. Мармора не содержит прямого ответа на вопрос о критерии для целей толкования правовых текстов и применения права.

Однако из всего предшествующего исследования, следует, что *юридически-значимый критерий* определения «семейного сходства» выражается именно в функциональном соответствии. Исходя из здравого смысла, сама функциональность определяется тем, как предмет общественных отношений может быть использован акторами (субъектами права) в интерсубъективной социальной реальности. При таком подходе, если, например, сформировался социальный институт торговли виртуальными предметами – артефактами медиареальности – между ними и центральным значением юридического термина «собственность» может быть установлено «семейное сходство». Также следует учитывать, что новые медиа определяются такими качествами как фрактальность, автоматизация, вариативность и транскодирование (Л. Манович), и это, в большинстве случаев, предопределяет невозможность *структурного* соответствия артефактов современной медиареальности и центрального значения понятий тех правовых текстов, которые ориентированы на установление *технологически нейтральных* правил поведения. В контексте исследования понятию функционального соответствия противопоставляется «фантазийность» предмета общественных отношений по отношению к правовой реальности. Необходимо особо подчеркнуть, что в контексте настоящей работы речь идет не о фантазийности предмета как такового (в виртуальной реальности все объекты в некоторой степени фантазийны), а о фантазийности репрезентации ключевых функциональных свойств предмета в виртуальной реальности (т.е. того, «что делают» предметы, а не «как они выглядят»). Собственно, рассматриваемый критерий и обозначен как «критерий реальности»

потому, что объективное право по определению невозможно как симулякр (см. § 5 Главы 1 настоящего исследования).

Однако главное обоснование функционального соответствия как критерия для определения «семейного сходства» и как *«критерия реальности»* в контексте настоящей работы системным образом связано именно с «критерием серьезности». *Неабсурдный* объем правового регулирования определяется предметами общественных отношений, имеющими конвертируемую социально-валютную ценность.[512] Наличие такой ценности подразумевает, что предмет представляет собой не что иное как внешний референт ценности (значимости) обобщенного символического посредника. В свою очередь, и в концепции Т. Парсонса, и в трудах более поздних авторов, упомянутых в исследовании, такого рода значимость выражается в особом качестве обобщенных символических посредников, позволяющем таковым через внешние референты ценности выступать в качестве средств сообщения – коммуникации ценностей, т.е. выполнения ими определенных **функций** в системе социального обмена. Этим и может быть рационально объяснено соответствующее здравому смыслу выражение «если нечто ведет себя как имущество – это имущество», упомянутое ранее. Таким образом, оба критерия оказываются закономерно взаимосвязаны. В то же время, хотя по сути для объяснения каждого из критериев используется, один методологический подход, восходящий к концепции обобщенных символических посредников, смысл и значение этих критериев различны. Так, «критерий реальности» используется для соотнесения факта медиареальности с понятием, используемом в правовом тексте. Данный критерий позволяет объяснить принцип применения концепции о

[512] На наш взгляд, с таким заключением соотносится, например, вывод о том, что «хотя Фуллер наглядно показал недостатки подхода, согласно которому стандартные случаи или центральное значение находятся вне связи с контекстом и системами ценностей, соответствующими явной законодательной цели, концепция стандартного или центрального значения жизненно необходима для определения **внешних пределов** (выделено мною – ***В.А.***) для круга потенциальных значений и, конечно, для раскрытия самой законодательной цели». Dickerson R. Statutory Interpretation: Core Meaning and Marginal Uncertainty // Missoury Law Review. – 1964. – Vol. 29. – P. 11.

«семейном сходстве» в терминологии Л. Витгенштейна, но этим его значение ограничено – это *формальный* критерий. Сам предмет при этом может и не обладать конвертируемой социально-валютной ценностью. В свою очередь, «критерий серьезности» – это *содержательный* критерий, назначение которого и заключается в выявлении такой ценности или отсутствии таковой. Перефразируя и в необходимой степени усложняя сквозную формулировку, относящуюся к области здравого смысла, можно сказать следующее: «если нечто *в принципе* ведет себя как имущество – оно функционально соответствует периферической области значений понятия “имущество”, используемого в правовом тексте, и **может**[513] включаться в предмет правового регулирования», «если же нечто при этом ведет себя как имущество так, что это имеет *интерсубъективную значимость*, то оно **должно** включаться в предмет правового регулирования». Разумеется, пример может быть экстраполирован и на иные внешние референты ценности и обобщенные символические посредники.

§ 5. Теоретическое моделирование применения критериев социально-валютной ценности и функциональной адекватности

Последовательность применения критериев реальности и серьезности на практике будет разной в зависимости от того, с каким конкретно процессом мы сталкиваемся. Если речь идет об определении общественной значимости предмета

[513] В общем контексте работы и отсылкам к концепции «взвешивания» или «балансировки», обращение к которой требуется в случае, если удовлетворен лишь один из критериев семантических пределов права, необходимо подчеркнуть, что решение о необходимость включения того или иного предмета общественных отношений в область правового далеко не всегда может быть продиктована его интерсубъективной значимостью в том смысле, в котором определяется «семейное сходство». Так, например, символическое и церемониальное оружие может быть функционально адекватным объему понятия «оружие», но исключаться из объема правового регулирования в связи с тем, что оно по каким-либо причинам не может рассматриваться как нечто, имеющее интерсубъективную значимость («никто не использует его так»). Или, напротив, включаться в предмет правового регулирования, но не потому, что оно может представлять угрозу жизни и здоровью, а потому что в данном условном обществе, например, любые действия с любым оружием противоречат религиозным догмам.

отношений для цели **правотворчества**, то первым и главным критерием будет серьезность (социально-валютная ценность), а критерий реальности позволит инструментально определить дальнейший выбор лингвистических средств для решения задач юридической техники. В то же время, если речь идет об определении значений понятия, используемого в правовом тексте, для целей **толкования права или правоприменения**, то сначала имеет смысл установить реальность предмета, а затем уже определять его серьезность. В то же время, в данном случае, оба критерия будут равнозначны. Отраженная *в структуре основного текста* настоящего исследования последовательность рассмотрения критериев – сначала серьезность, затем реальность – отражает объективную последовательность методологического поиска, реализованную автором. Вместе с тем, в *основных положениях, выносимых на защиту*, отражена обратная последовательность, характерная для процесса толкования правовых текстов и применения права, поскольку именно в данном разрезе относимость концепции семантических пределов права к проблемной области философии и теории права может быть продемонстрирована наиболее наглядно.

Практическая программа, вытекающая из содержания и выводов настоящего исследования, заключается в том, чтобы предоставить принцип построения аргументации и сами аргументы для правоприменительных и интерпретационных решений в «области полутени», а также правотворческой деятельности в инновационных областях, относящихся, прежде всего, к последствиям медиального поворота и его составляющих. С прагматической точки зрения, словесную итоговую точку юридической аргументации изменять, возможно, и не потребуется (имеется в виду формулировка по принципу «это абсурдно»). Если оценивать ситуацию с точки зрения социологии, отсылки к абсурду воспринимаются как самодостаточные, если они соответствуют здравому смыслу (т.е. отсутствует хотя бы один эксплицитный

контраргумент выводу об абсурдности). Здравый смысл при этом можно образно представить в виде «бессознательного» юридической рациональности.

Попробуем теперь оценить применение концепции к отдельным репрезентативным примерам. В связи с тем, что настоящее исследование сосредоточено, в первую очередь, на проблемах «области полутени» права в условиях медиального поворота, первые из примеров будут относиться к инновационным феноменам виртуальных миров.

Подчеркнем, что указанное теоретическое моделирование является условным и предварительным, а не окончательным, поскольку для однозначного вывода по каждому конкретному случаю целесообразно проводить эмпирическое исследование в области социологии и (или) экономики. Примеры такого рода теоретического моделирования, в действительности, распределены по тексту работы, поэтому остановимся лишь на некоторых из них.

Три варианта *первого примера* связаны с темой, ставшей уже классической в юридических работах, связанных с игровыми исследованиями, – речь пойдет о виртуальной собственности. Оценка осуществляется в «пограничной области» толкования права.

Пример № 1 (Вариант А)**.** *Виртуальная собственность в онлайн-играх (свободное обращение).* Рассмотрим обобщенный пример правовых коллизий, связанный с оборотом объектов в симулируемых компьютерными средствами виртуальных средах, которые одновременно выступают предметом оборота за реальные деньги.[514] Для целей данного примера (Вариант А) рассмотрим ситуацию, в которой виртуальные объекты после приобретения могут **отчуждаться и свободно обращаться** между игроками за реальные деньги далее.

[514] Подробное описание таких механик приведено автором ранее, в том числе, в следующей статье: Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. – № 9. – С. 69–90.

Специальным предметом отношений в данном случае выступает некий объект, «существование» которого имитируется в виртуальной среде. Он может быть приобретен пользователем за реальные деньги у игровой компании и (или) у другого пользователя. Для целей данного мысленного эксперимента мы не рассматриваем отраслевые вопросы правовой квалификации, а стремимся дать принципиальную оценку тому, будет ли абсурдным или нет применять право к такому объекту.

В свете предложенной методологии виртуальный объект рассматривается как внешний референт ценности (далее – «ВРЦ»), который выражает ценность, соответствующую такому обобщенному символическому посреднику (далее – «ОСП») как *деньги*. Поскольку деньги – «безусловный» ОСП, уже на этом основании мы можем сделать вывод о том, что предмет «серьезен». Так как удовлетворен один из критериев семантических пределов права, как минимум, возможно обращение к «взвешиванию» правовых ценностей для того, чтобы определить возможность применения права – иными словами, вмешательства права в определенные общественные отношения. Само по себе применение права абсурдным уже не будет.

Но насколько предмет «реален»? Для оценки «реальности» предмета проведем оценку функциональной адекватности предмета одному из предметов, входящих в «центральное значение» интересующей нас правовой нормы. Это могут быть, например, нормы гражданского или уголовного права об имуществе. Допустим, нами установлено, что виртуальный предмет используется в рамках сложившихся социальных практик функционально так же, как и имущество – это возможно именно за счет того дополнительного условия, что данный объект может свободно обращаться между игроками. Именно данное обстоятельство свидетельствует о функциональной адекватности специального предмета «виртуальных» отношений тому предмету, на который ориентированы соответствующие правовые нормы.

В данных условиях у нас нет препятствий для того, чтобы данный предмет регулировался правом (что, например, может предполагать создание специальных норм или применение норм по аналогии) – это теперь будет не только не абсурдно, но и не будет затрагивать вопросы соотношения каких-либо ценностей, например, с точки зрения моральной философии.

У такого примера есть, как минимум, два практических значения. *Во-первых*, он представляет собой философско-правовое обоснование легитимности постановки вопроса о правовой квалификации виртуальной собственности как таковой – в том ключе, как это, например, проделал А.И. Савельев.[515] *Во-вторых*, указанный подход, хотя и не содержит конкретных ориентиров относительно того, какую именно действующую юридическую конструкцию применять к виртуальному объекту (или какую конструкцию необходимо разработать), он принципиально отвечает на вопрос о том, что такого рода отношения не могут быть исключены из объема правового регулирования, например, на основании п. 1 ст. 1062 ГК РФ, согласно которой требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите, за исключением узкого круга специально определенных и не относящихся к предмету дискуссии требований. Предмет «серьезен» и «реален», а потому не относится к изолированному игровому миру как таковому.

Пример № 1 (Вариант Б)**.** *Виртуальная собственность в онлайн-играх (только приобретение у провайдера игры).* Если мы изменим условие о свободном обращении, представленное ранее в случае с Вариантом А первого примера, и будем изучать случаи, в которых предмет за реальные деньги может быть **только приобретен у провайдера игры**, но не может выступать в качестве «оборотоспособного» объекта на «вторичном рынке», что изменится? Предмет

[515] См.: Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

общественного отношения утратит качество «реальности», если мы будем сопоставлять его с таким регулируемым правом предметом как собственность или имущество.

В таких условиях, однако, предмет по-прежнему будет представлять собой ВРЦ в отношении денег как ОСП, применять право к отношениям с ним абсурдно не будет, однако вопрос о том, применять ли к нему право или нет, должен будет решаться по итогам «взвешивания» правовых ценностей. На данный момент на практике в таких случаях, именно в разрезе имущественного аспекта (а не налогового) такой подход выражается в делах, в том числе, упомянутых в настоящем исследовании, в которых суды занимали позицию о квалификации отношений между игроком и игровой компанией исходя из лицензионного договора.

Пример № 1 (Вариант В)**.** *Виртуальная собственность в онлайн-играх (связь с реальными деньгами отсутствует).* Вариации примера с виртуальной собственностью были бы неполными, если бы мы в теоретических целях не рассмотрели бы еще один пример – случаи с виртуальным имуществом, которые относятся **исключительно к «плоскости имитации»**, характерной для виртуальной реальности. Виртуальные предметы такого вида не могут обращаться за реальные деньги в отношениях с другими пользователями и при этом не приобретаются у игровой компании. Они относятся сугубо к игровому, вымышленному миру.

В данном случае одновременно отсутствует и «серьезность», и «реальность». Сам по себе виртуальный предмет не связан с ОСП – он не является ВРЦ, по крайней мере, в рассматриваемом ракурсе, связанном с собственностью. При этом функциональность предмета фантазийна по отношению к собственности, имуществу и аналогичным феноменам. Применение права к данному специальному предмету общественных отношений, который мы оцениваем именно в специфическом «проприетарном» ракурсе будет по определению абсурдно.

Пример, наглядно поясняющий отличие этого случая от предыдущих, был представлен автором ранее на примере *World of Warcraft*:

> «Допустим, игроки… договорились об определенном варианте распределения добычи, полученной в результате победы над драконом *Deathwing*. Лидер рейда отказался распределять добычу данным образом и забрал все себе. Игроки обратились в суд общей юрисдикции с требованием о понуждении лидера рейда к распределению добычи в соответствии с изначальной договоренностью, с утверждением, что она (договоренность) представляет собой непоименованный гражданско-правовой договор».[516]

Оценка примера с точки зрения концепции семантических пределов права, однако, может измениться при соответствующем изменении условий, возвращающих рассматриваемую ситуацию в контекст предыдущих примеров – это зависит как от возникновения определенных ВРЦ в системе отношений, так и от того, какой именно специальный предмет отношений мы выделяем с точки зрения его соответствия уже урегулированным правом отношениям.

Второй пример относится к области, которая уже стала предметом дискуссии на высоком государственном уровне в ЕС. Пример также относится к «пограничной области» толкования права.

Пример № 2. *Распространение законодательства об азартных играх на «лутбоксы».* В игровой индустрии термин «лутбокс» (англ. – "*loot box*", т.е. букв. «коробка с добычей») означает игровую механику, предполагающую связь с реальными деньгами и опорой на азарт в широком смысле слова. Пользователь приобретает «сундук» или иной функционально схожий объект за реальные деньги, открыв который он получает случайный внутриигровой объект, как правило случайной ценности. Пользователь может получить как очень ценный объект, так и очень дешевый.

---

[516] Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. – 2014. – № 9. – С. 77.

Лутбокс как артефакт социальной коммуникации подобно виртуальной собственности выступает в рассматриваемом случае как предмет оборота за реальные деньги. Соответственно, он также представляет собой ВРЦ денег как ОСП. Таким образом, предмет «серьезен», и применение права к нему само по себе уже не будет абсурдным.

Насколько предмет, однако, «реален»? В данном случае оценка функциональной адекватности предмета предполагает его сопоставление не с собственностью или имуществом, а с достаточно специфичным (если отталкиваться от положений российского законодательства) предметом, относящимся к «центральному значению» норм законодательства об азартных играх, – со *ставкой*. Ставка подразумевает возможность случайного получения одного имущества, обусловленного риском утраты другого имущества. В таких условиях мы можем предположить, что предмет отношений в данном случае все же фантазиен.

Таким образом, возможность применения законодательства об азартных играх к отношениям, предметом которых выступают лутбоксы, зависит от выводов, основанных на «взвешивании» ценностей в конкретном обществе и в конкретной ситуации.[517] Примечательно, что в Бельгии и Нидерландах были введены отдельные ограничения в отношении механики лутбоксов и подачи информации игрокам относительно такой механики[518] – с небольшой поправкой на точечные различия в определении азартных игр в данных странах и в Российской Федерации, тем не менее, полагаем, это подтверждает развиваемый подход.

---

[517] Само по себе «взвешивание» или «балансировка» принимаются для целей настоящей работы в общеизвестном понимании юриспруденции (с учетом, разумеется, возможных разночтений по отдельным вопросам), но их разработка не входит в предмет настоящего исследования и, очевидно, не требуется для достижения целей и реализации задач настоящего исследования – это самостоятельный предмет научного анализа.

[518] Достаточно исчерпывающе (и со ссылками на официальные позиции и документы) ситуация описана в следующем источнике: Belgium Joins the Netherlands in Ruling that Declares Some Loot Boxes Illegal [Electronic resource] // IGN. 25 Apr. 2018. – [Site]. – URL: https://www.ign.com/articles/2018/04/25/belgium-joins-the-netherlands-in-ruling-that-declares-some-loot-boxes-illegal (accessed: 25.02.2019). Великобритания, например, напротив, не сочла, что лутбоксы соответствуют концепциям законодательства об азартных играх.

Варианты *третьего примера* предполагают правовую оценку запретов на распространение информации в Интернете (и аналогичные области применения права, также в условиях «пограничных ситуаций» толкования) в случае с *Minecraft*, уже неоднократно упомянутом на страницах настоящей работы. Остановимся лишь на кратких характеристиках, поскольку подробная логика применения концепции семантических пределов права в данном случае приведена в Приложении № 2 к настоящему исследованию в качестве одного из наиболее наглядных примеров.

Пример № 3 (Вариант А). *Блокировка игрового ресурса, содержащего рецепт динамита (вымышленный рецепт, развлекательная игра).* В данном случае и рецепт фантазиен – лишен функциональной адекватности, поскольку динамит из него не сделать, – и не усматривается ВРЦ / ОСП в том смысле, в котором он подразумевается в законодательстве о противодействии террористической деятельности. Мы имеем дело с чистым вымыслом и развлекательным продуктом, поэтому применять право в данной ситуации будет абсурдным.

Пример № 3 (Вариант Б). *Блокировка игрового ресурса, содержащего рецепт динамита (настоящий рецепт, развлекательная игра).* Поскольку игра развлекательная, мы не усматриваем однозначного ВРЦ / ОСП. В то же время, в данном варианте рецепт не фантазиен – его функциональность адекватна реальному рецепту. Применять право в такой ситуации уже не будет абсурдным, но зависит от балансировки конституционно-правовых ценностей – классическая политико-правовая коллизия между свободой [слова] и безопасностью.

Пример № 3 (Вариант В). *Блокировка игрового ресурса, содержащего рецепт динамита (настоящий рецепт, игра как инструмент вербовки террористов).* В данном варианте рецепт также не фантазиен – его функциональность адекватна реальному рецепту. При этом для целей теоретического моделирования мы изменяем одно из фактических обстоятельств – представим себе, что ранее «невинная» игра

Minecraft теперь используется как идеологический инструмент террористов (возможно, такая участь может постигнуть не игру в целом, а отдельное дополнение к ней). В данном случае применять право не только не абсурдно, но и какой-либо особой балансировки ценностей, если следовать логике развиваемой концепции о семантических пределах права, не требуется – ситуация находится строго в рамках таких семантических пределов.

В качестве *четвертого примера* рассмотрим ситуацию, которая с достаточной степенью очевидности кажется абсурдной без дополнительных пояснений, но также может послужить целям наглядной демонстрации функциональности концепции семантических пределов права.

Пример № 4. *«Убийство» персонажа компьютерной игры*. Событие в «виртуальном мире» (компьютерной симуляции, опосредованной программным кодом), произошедшее с аватаром игрока, чей персонаж «умер». Подчеркнем, что в данном случае рассматривается обобщенный пример, связанный с «умеренными» по степени «насилия» играми (как, например, в случае с киберспортивными дисциплинами *Dota 2* или *League of Legends*). В рамках принятого в настоящем исследовании подхода между насилием в действительно жестоких компьютерных играх (например, серия *Manhunt*), некоторая функциональная адекватность есть.[519] Допустимо ли юридическое толкование словосочетания «умышленное причинение смерти другому человеку» таким образом, чтобы диспозиция правовой нормы включала в себя «убийство» в компьютерной игре? Исследуется «социально валютная ценность» события в виртуальном мире в специальном ракурсе запрета на убийство (а не на пропаганду насилия как таковую), при этом ОСП – это, скорее,

[519] Строго говоря, мы сравниваем не реальное насилие и высказывание о [виртуальном] насилии, а *высказывание* о реальном насилии и *высказывание* о [виртуальном] насилии. С точки зрения теоретико-социологического подхода, это оправдано тем фактом, что социальная реальность (для которой и рассматривается применение разрабатываемой концепции) субъективно-объективна – она формируется и поддерживается посредством коммуникативных практик.

здоровье (и жизнь) в терминологии С. Абрутина. ВРЦ – по-видимому, персонаж компьютерной игры. На этом этапе становится очевидно, что ОСП здесь не совпадает. Отсутствует функциональная адекватность события в «виртуальном мире» (высказывания) насилию в реальном мире, интерпретируемом как феномен *социальной* реальности (насилие реального мира – не только факт, но и часть субъективно-объективной социальной реальности). При этом, именно в рассматриваемом ракурсе отсутствует и «социально-валютная ценность» специального предмета отношений (см. по аналогии пример с блокировкой ресурса с рецептом изготовления «динамита» в игре *Minecraft* – Приложение № 2).

В качестве *пятого примера* с несколькими вариантами приведем некоторые ситуации, непосредственно связанные с проблемами развития законодательства в условиях цифровой экономики. Применение концепции семантических пределов права на высоком уровне, соответствующем ситуации правотворчества, а не «пограничной ситуации» в толковании права, несколько проще – нам требуется лишь установить наличие ВРЦ, соответствующего какому-либо ОСП. Вывод может содержать лишь принципиальное заключение о наличии либо отсутствии принципиального абсурда в создании новых правовых норм, но правотворчество с необходимостью предполагает балансировку ценностей, поскольку еще не к чему осуществлять оценку функциональной адекватности.

Пример № 5 (Вариант А). *Разработка специальных правовых норм, нацеленных на регулирование отношений по поводу юридической ответственности за действия, совершенные роботами.* В современных условиях объекты робототехники уже становятся источником причинения вреда, чему есть эмпирические примеры, и такие случаи становятся предметом изучения

юридической науки.[520] Вред причиняется, в том числе, собственности, соответственно наличествует ВРЦ, соответствующий ОСП – деньгам. Разработка таких специальных правовых норм абсурдной не будет. Конкретное содержание новых норм должно определяться с использованием механизмов балансировки или аналогичных им.

Пример № 5 (Вариант Б). *Разработка специальных правовых норм, нацеленных на регулирование отношений по поводу оборота больших данных.* На текущем этапе развития отношений в рамках цифровой экономики оборот больших данных – это уже факт. В данном случае также очевиден имущественно-денежный характер такого оборота и соответствующие правовые и экономические предпосылки,[521] и мы опять сталкиваемся со вполне очевидным ВРЦ и известным ОСП. Разработка таких специальных правовых норм не будет абсурдной, но, как и в прошлом случае, потребует обращения к инструментам балансировки.

Пример № 5 (Вариант В). *Разработка специальных правовых норм, нацеленных на регулирование отношений по поводу правосубъектности «умных роботов».* В отличие от предыдущих случаев, «умные роботы» еще не достигли такой стадии развития, чтобы ставить вопрос об их правосубъектности.[522]

---

[520] См.: Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 137–166; Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – Вып. 6(55). – С. 46–62; Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. – 2017. – № 1. – С. 19–27.

[521] См.: Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. – 2018. – № 2. – С. 52–68; Архипов В.В., Наумов В.Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2016. – № 2. – С. 186–196; Arkhipov V., Naumov V., The Legal Definition of Personal Data in the Regulatory Environment of the Russian Federation: Between Formal Certainty and Technological Development // Computer Law and Security Review. Dorchester (UK), 2016. – Volume 32. – Issue 6. PP. – 868–887.

[522] См., напр.: Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 79–93.

Обсуждения этого возможны как некоторое теоретическое упражнение,[523] но в целом, как минимум, в отношении общей правосубъектности, аналогичной правосубъектности физических лиц, разработка таких норм будет, если говорить на обыденном языке, преждевременной, а если говорить на языке концепции семантических пределов права, – абсурдной.

Приведенный выше способ рассуждения применим и к другим областям, которые относятся к современному контексту цифровой экономики,[524] а также к другим направлениям развития общества.

Наконец, говоря о *шестой группе* примеров, обратимся теперь к двум вариантам, которые приводил Л. Фуллер, поскольку они, в некотором смысле, косвенно выступили в качестве повода для всего исследования. Данные примеры несколько сложнее для анализа, поскольку они относятся к абстрактной юридической интерпретации, представляемой одной из сторон воображаемого спора, но этот аспект также учитывается в концепции семантических пределов права.

Пример № 6 (Вариант А). *«Оправдание» убийства загробной жизнью жертвы*.

> «Человек убивает своего отца; отвечая на предъявленное ему обвинение в убийстве, он утверждает, что его отец был добродетельным человеком, который был убежден в существовании рая; таким образом, лишая его жизни, он отправил его в край бесконечного счастья, которое его отец никогда не познал бы на земле; а значит, тот, кто дарует такое благо, должен быть вознагражден, а не наказан».[525]

---

[523] См., напр.: Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.

[524] Пример такого анализа в отношении интернета вещей приведен в следующей публикации: Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – № 6. – С. 94–123. Данная работа развивает общий анализ правовых проблем интернета вещей, см.: Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. – Москва, 2016. – № 2. – С. 18–25.

[525] Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. - № 2. – С. 313–314.

Основание (аргументация) сохранить жизнь и свободу (не привлекать к юридической ответственности) обвиняемого, исходя из системы ценностей (ОСП) данного общества. Для определения предмета мы формально-юридическим методом определяем наиболее близкую правовую норму. В данном примере убийца делает заявление об отсутствии в его деянии состава преступления и, напротив, утверждает, что его деяние является [условно] правомерным (и морально одобряемым). Ключевой юридический вопрос – может ли такой аргумент использоваться в юридической аргументации. Интуитивно понятно, что нет, и что аргумент абсурден, но необходимо рационально обосновать, почему это так. «Социально-валютная ценность» аргументации убийцы определяется исходя из следующих ОСП и ВРЦ. ОСП – религиозная добродетель (англ. “*piety*” или “*sacredness*” в терминологии С. Абрутина). ВРЦ – религиозный текст (в широком смысле слова; исходя из контекста фуллеровского консерватизма, речь идет об «усредненных» христианских верованиях консервативной части США). Пример, как может показаться, подразумевает «обратный» и негативный вопрос: может ли право *не* применяться при установлении «общественной значимости» («социально-валютной ценности») предмета отношений с точки зрения определенного ВРЦ и ОСП?[526] В действительности, речь идет о позитивном вопросе (с точки зрения формальной логики, рационально аргументировано может быть лишь положительное утверждение): может ли убийца использовать ВРЦ, относящийся к указанному ОСП (религиозная добродетель) так, чтобы суд мог **хотя бы в принципе поставить вопрос** (именно принципиальная возможность применения правовых норм, а не их конкретное применение, является предметом нашего исследования на уровне философско-правового обобщения!) о наличии элементов состава преступления и

[526] В обычном случае вопрос ставится наоборот (может ли право *применяться*), а положительный ответ на данный вопрос в концепции смысловых (семантических) пределов права определяется как раз наличием ОСП в структуре отношений.

обстоятельствах, исключающих преступность деяния (здесь это мог быть, скажем, обоснованный риск).[527] Суд такой вопрос поставить НЕ может, поскольку *предполагаемый* ВРЦ (религиозный текст) убийцы (1) не «серьезен» (он не связан с ОСП и не может быть конвертирован) и (2) фантазиен (функционально неадекватен) центральному значению правовой нормы, так как убийство в подразумеваемой Л. Фуллером религии безусловно исключено, и не может рассматриваться как «общественно полезная цель» (отсутствует адекватность центральному значению гипотетической нормы об обоснованном риске – центральное значение общественно полезной цели» сама по себе не включает вред охраняемым уголовным законом интересам, например, такой как причинение смерти).

Пример № 6 (Вариант Б). «*Оправдание» присвоения государственных средств главным тезисом утилитаристской моральной философии*.

> «Чиновник присваивает огромную сумму государственных денег; в ответ на выдвинутое против него обвинение он цитирует преамбулу к конституции, декларирующую, что государство существует для того, чтобы способствовать наибольшему счастью наибольшего количества граждан; деньги, которые подсудимый присвоил, сделали его очень счастливым; при этом следующее из этого факта уменьшение богатства каждого из остальных граждан бесконечно мало и не было способно произвести ощутимое уменьшение их счастья».[528]

Основание (аргументация) сохранить жизнь и свободу (не привлекать к юридической ответственности) обвиняемого, исходя из системы ценностей (ОСП) данного общества. Для определения предмета мы формально-юридическим методом определяем наиболее близкую правовую норму. В данном примере обвиняемый

---

[527] Например, согласно ч. 1 ст. 41 УК РФ, не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. При «абсурдной» интерпретации, именно на такие или аналогичные положения мог бы сослаться убийца из фуллеровского примера.

[528] Там же.

делает заявление об отсутствии в его деянии состава преступления и, напротив, утверждает, что его деяние является [условно] правомерным (и морально одобряемым). Ключевой юридический вопрос – может ли такой аргумент использоваться в юридической аргументации. Интуитивно понятно, что нет, и что аргумент абсурден, но необходимо рационально обосновать, почему это так. «Социально-валютная ценность» аргументации обвиняемого определяется исходя из следующих ОСП и ВРЦ. ОСП – ценностное обязательство (англ. "*value commitment*"). ВРЦ – авторитетные (в моральном смысле) тексты философов-утилитаристов. Аналогично вышеизложенному, но с поправкой на альтернативные ОСП и ВРЦ, которые, тем не менее, функционально относятся к той же группе. В данном случае также отсутствует функциональная адекватность (при этом, как и в предыдущем случае, заметен и «синтаксический абсурд») и с этим, в том числе, диалектически связано и отсутствие «социально-валютной ценности» специального предмета отношений – аргументации (оснований) обвиняемого.

Полагаем, что приведенные выше примеры достаточно наглядно демонстрируют работоспособность, масштабируемость и вариативность концепции семантических пределов права. Структурная схема логики концепции приведена в Приложении № 1 к настоящему исследованию, функциональная схема аналитического процесса применения концепции – в Приложении № 2, а таблица соответствия выражений юридической догматики и понятий концепции семантических пределов права – в Приложении № 3.

§ 6. Сопутствующие результаты: аналогия права и игры, серьезность как принцип моральности права, притязание права на серьезность

§ 6.1. Аналогия права и игры в истории правовой мысли и в контексте настоящего исследования

Одним из основных сопутствующих ("*spin-off*") результатов настоящего исследования является обращение к **аналогии права и игры**, которая возникает в качестве закономерного ответвления рассуждения, хотя сама по себе и не содержит принципиальных решений для проблемы семантических пределов права. Основные рассуждения автора по поводу такой аналогии, основанной на сравнительном анализе игровых механик и норм права с использованием методологии социального конструкционизма проведены автором ранее,[529] здесь заострим внимание на отдельных новых наблюдениях.

Для основных целей исследования при этом интересное контекстуальное значение имеет то общее наблюдение, что игровое не всегда является несерьезным, а серьезное иногда может являться игровым. Право – типичный пример игрового, которое является не просто серьезным, а *смертельно серьезным*.[530] С точки зрения онтологии права, именно предоставительно-обязывающий (императивно-атрибутивный) характер права определяет игровую природу объективного права, поскольку, в силу того, что в один момент времени объективно будет деонтически-

---

[529] См.: § 8. Правила игры и нормы права в контексте социального конструкционизма // Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под ред. В.В. Савчука. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – С. 135–149; Виртуальные миры и многопользовательские ролевые онлайн-игры в юридической теории и практике // Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования / Под ред. В.В. Савчука. Издательство: Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2014. – С. 105–117; Архипов В.В. Правила игры как нормативная система, или что общего между юриспруденцией и гейм-дизайном // Философско-литературный журнал Логос. – Москва, 2015. – Т. 25. – № 1 (103). – С. 214–225.

[530] Хотя бы потому, что некоторые нарушения правил «игры в право» исторически вели и, в некоторых юрисдикциях, и сейчас ведут к смерти (смертной казни). Такой контракт сам по себе позволяет эстетических характеризовать рассматриваемую аналогию как абсурдную, но абсурд здесь иного толка – он, скорее, экзистенциальный, а не семантический или логический.

истинным утверждение о наличии субъективного права только у одной стороны, а это, в свою очередь, означает наличие корреспондирующей обязанности у другой стороны, – в связи с этим можно представить себе следующую, собственно, игру слов: **объективное право как *языковая игра* представляет собой *игру с нулевой суммой***.[531] Нельзя не отметить в этом, может быть, немного ироничном (но, безусловно, в хорошем смысле этого слова), контексте еще одну метафору, принадлежащую перу В.С. Нерсесянца о праве как о «математике свободы», основанной на представлении о метафорическом сходстве формального равенства в праве и абстрактной идеи равенства в математических науках,[532] а также не вспомнить одно из основных положений, выносимых на защиту, в кандидатской диссертации М.А. Милкина-Скопца, согласно которому

> «…право может быть интерпретировано в терминах игры. Это позволяет применять методы, выработанные в математической теории игр, к анализу правовых взаимодействий. Адекватной моделью при этом является модель пары взаимосвязанных игр двух лиц со строгим соперничеством».[533]

Данная мысль, очевидно, перекликается с одной из логических составляющих вышеуказанной модели. Это наблюдение сближается и с тезисом концепции семантических пределов права о возможности применения метода теоретической коммодификации для определения конвертируемой социально-валютной ценности предмета отношения (по духу близкий экономическому анализу права).

---

[531] Подчеркнем, что данное высказывание выражает, прежде всего, ироничную научную метафору, основанную на игре слов, поскольку не оспариваем то, что термин «игра» у Л. Витгенштейна и термин «игра» в математической теории игр используется в разных смыслах. Однако, с учетом общего содержания исследования, совершенного не хочется упускать возможность отметить такое «совпадение».

[532] См. напр.: Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристъ, 1996. – 160 с.

[533] Четвертое положение, выосимое на защиту, в следующей диссертации: *Милкин-Скопец М.А.* Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2010. **Отдельно подчеркнем, что в основной части настоящего исследовании термин «игра», в основном, используется в иной коннотации, близкой не к математике, а к художественному творчеству и имитации в целом**.

В итоге настоящего исследования получается, что «абсурд» – термин, который обозначает суть явления семантических пределов права, – наиболее ярко проявляется в проблеме «магического круга» классической интерпретации, предполагающей столкновение реального права с виртуальной игровой реальностью. В то же время, наиболее органичной **метафорической** моделью для объяснения того, что же является абсурдным в праве, представляется, в свою очередь, объяснение самого права как игры. Сравнение права и игры может пойти достаточно далеко (и это будет оправдано!), вплоть до уподобления права правилам игры в узком смысле слова или же до «сравнительно-игрового» анализа концептуальной схемы юридических правил и правил тех же настольных ролевых игр – наиболее адекватный пример, поскольку реальность именно таких ролевых игр выражается в устной вербальной коммуникации.

Возможно, путь – не факт, что прямой – подобных аналогий, в конечном счете, приводит нас к своего рода «игровой концепции права». Существенных препятствий для научной обоснованности такой метафоры в социально-гуманитарном дискурсе, в действительности, нет. В своей основе, данный подход уже был воплощен, например, в психологии – речь идет о транзакционной психологии Э. Берна (например, его книги «*Игры, в которые играют люди*»).[534] Как будет показано далее, как в исторической, так и в современной картине мира «несерьезное» не является необходимым признаком игры. Определение игр из математической теории игр, в действительности, является вполне релевантным научным определением. Игра становится серьезной или несерьезной не в силу своей природы, а в зависимости от того, с чем участники связывают результат такой игры по своей договоренности (автономная коммуникация) или в силу указания инстанции (гетерономная коммуникация). Даже в действующем на момент написания настоящей работы

[534] См., напр.: Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. – М.: Издательство «Эксмо», 2016. – 352 с.

позитивном праве Российской Федерации есть один яркий пример – это определение азартных игр, согласно которому азартная игра – это не обязательно конкретная игра. Это условный термин, который обозначает соглашение определенного вида между участниками соответствующей игры, которое предполагает одновременно наличие ставки или выигрыша. Но даже при том, что некоторые игры могут быть серьезными (а право, в этом смысле, представляет собой буквально *смертельно серьезную игру*, и нередко с высокими ставками), как раз и следует, что игра вообще заключает в себе потенциальную серьезность и, в результате, может представлять собой, как минимум, модель серьезной коммуникации.

Аналогия права и игры не представляет собой экзотики – она встречается и в культурологических (как минимум, Й. Хёйзинга), и в юридических (как минимум, Г. Харт, Л. Фуллер, А. Росс) исследованиях. Один из наиболее последовательных классических примеров анализа игровой аналогии в философии права представлен в работе Бернарда С. Джексона «*К семиотической модели игровой аналогии в юриспруденции*» (“*Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence*”).[535]

Представленное исследование Б. Джексона во многом опирается на ранее опубликованную работу представительницы британской философии Мэри Мидгли (род. 1919) «*Игра “Игра”*» (“*The Game Game*”).[536] Как отмечает М. Мидгли,

> «…некоторое время назад Молчаливый Наблюдатель, просмотрев экземпляр [журнала] *Mind*, спросил меня: “Почему философы так много говорят об Играх? Они много в них играют или что?.. Так почему же? В широком смысле, потому, что они часто обсуждают ситуации, в которых присутствуют правила, но при этом мы не уверены в том, почему эти правила соблюдаются. Если рассматривать их как Правила Игры, то мы на некоторое время можем избежать этой проблемы. И если выяснится, что причины игры в игры, в действительности, совершенно просты, это может полностью проблему решить. Эта надежда прослеживается в таких рассуждениях, как

[535] Jackson B.S. Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence // Droit et société. – 1991. – No. 17-18. – PP. 99 – 123. – doi: https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105.

[536] Midgley M. The Game Game // Philosophy. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: https://www.jstor.org/stable/3750115 (accessed: 26 July 2018).

> работа Хэйра *The Promising Game*[537], в котором предлагается идея, согласно которой наша обязанность исполнять обещания представляет собой просто часть Игры или Института Обещаний, и если бы мы решили *не* играть в эту игру, то такая обязанность исчезнет. Это предположение является отправной точкой настоящей работы. Оно заставляет меня спрашивать, таким образом, каким видом необходимости *является* необходимость следовать правилам игры? Зачем мы начинаем? Почему мы не жульничаем? В чем заключается санкция? И, опять же, как пойдет дело, если бы завтра мы решили *не* играть в Игру Обещаний, Игру Брака или Игру Собственности? Что мы получаем, называя все это играми? Что, в действительности, *есть* Игра?"[538]

Несмотря на то, что М. Мидгли – философ морали, а не права, несложно заметить существенное сходство поставленных ею вопросов с концептуализируемой нами проблемой семантических пределов права. Внимание к данному подходу может оказаться методологически полезным, в том числе, в свете дискуссии о соотношении права и морали, поскольку предлагаемый взгляд находится на другой стороне – морали, а не права, в то время как юристы термин «мораль» в таких дискуссиях используют подчас весьма неопределенно.

К слову, ироничный эпиграф, который М. Мидгли положила в начало рассматриваемой публикации, весьма характерен в контексте настоящего исследования – речь идет о следующих словах Б. Шэнкли, менеджера ливерпульского футбольного клуба:

> «Некоторые говорят о футболе так, как если бы речь шла о жизни и смерти, но футбол гораздо **серьезнее** (выделено мною – ***B.A.***)».[539]

Возвращаясь непосредственно к взглядам М. Мидгли, отметим, что рассуждение философа строится во многом, отталкиваясь от моральных оснований *обещаний*. В свете представлений Л. Фуллера о праве *такой* аспект морали,

---

[537] См.: Hare R.M. The Promising Game // Revue Internationale de Philosophie. – 1964. – Vol. 18. – No. 70(4). – PP. 398–412. – URL: https://www.jstor.org/stable/23940466 (accessed: 26 July 2018).

[538] Midgley M. The Game Game. – P. 231.

[539] Ibid.

определенно, лежит и в основании права как целеположенной коллективной деятельности.

В основе рассуждения М. Мидгли лежит переосмысление представлений Л. Витгенштейна о [языковых] играх. Далее она приводит весьма любопытную цитату австралийского философа морали венгерского происхождения Юлиуса Ковеси:

> «Я не вижу основания утверждать, что мы называем и футбол, и шахматы «играми», потому что в футбол играют с мячом, также как и в теннис, при этом в теннис играют двое, также как и в шахматы. Этого не только недостаточно для того, чтобы объяснить ту связь между футболом и шахматами, которая делает и одно, и другое играми, – следуя такому подходу, мы можем соединить что угодно с чем угодно другим. Мы можем усматривать смысловое соединение в случае с каждым сходством, но то, что мы получим в конце, будет представлять собой не веревку (rope), а сеть (mesh).[540] Шары, пушечные ядра, использовались для обстрела городов, а дуэль – дело двух людей. Что нам необходимо для того, чтобы осмыслить понятие игры или понятие убийства, это то, что я называю “формальным элементом”. Именно это позволяет нам следовать правилам».[541]

В то же время, игры, которые стали основанием для такой аналогии – будь то детские игры, шахматы или спортивные командные игры – представляют собой уже далеко не единственный пример игр в человеческом обществе. Одна из задач настоящего исследования, без разрешения которой невозможно достижение ее цели, заключается в том, чтобы развить традицию проведения аналогии между правом и играми, но при этом учесть принципиально новый этап развития игр как таковых, и принять во внимание те игры, которые предшествующие исследователи попросту не могли учесть, поскольку таковых не было. Как мы увидим, вокруг таких игр, даже в некотором отрыве от юриспруденции самой по себе, сформировалось нечто вроде своей собственной юридической теории, сосредоточенной вокруг понятия

[540] Здесь, вероятно, подразумевается аналогия Л. Витгенштейна о «семейном сходстве», в основу которой положена нить (веревка).

[541] См.: J. Kovesi. Moral Notions. – New York: Humanities P. – 1967. – P. 22. Цит. по: Midgley M. The Game Game. – P. 233.

«магический круг». При этом, **ключевое отличие современных компьютерных игр от их ранних не-цифровых прототипов, особенно в свете настоящего исследования, заключается в том, что часть правил игры закреплена на уровне программного кода, что имеет существенное значение для контекста дискуссии о коде как праве**.[542]

Рассматривая контекст игр и права нельзя не уделить внимание математической теории игр, поскольку **метод аналитической юриспруденции** предполагает анализ значений слов, которые находятся между собой в родственной семантической связи. Без сомнения, языковые игры, компьютерные игры и теория игр подразумевают подобную родственную семантическую связь. Обращаясь к математической теории игр, М. Мидгли отмечает:

> «Я бы не хотела исследовать здесь вопрос об основаниях обещаний, а равно исследовать понятие Игр как Закрытой Системы. Это, как я предлагаю считать, означает, что связь между ними [Играми] и жизнью вокруг них разорвана. Кажется, именно так данный термин используется в математике; Теория Игр рассматривает определенный набор закрытых систем. При таком ракурсе не возникает вопроса о причинах или мотивах игрового процесса; отсутствует ожидание наслаждения игрой или удовольствия в обычном смысле слова. Но когда все это переносится в область моральной философии и применяется к *настоящей* деятельности, причины и мотивы становятся важными. Любая настоящая деятельность подразумевает мотивы и не будет закрытой системой, условной и удаляемой, если только не какие-либо особые мотивы. Они не должны быть особенно сильными, или же станет важным то, играем мы или нет; они не должны быть особенно конкретными, или же станет важным то, в *какую* игру мы играем».[543]

Нельзя не отметить, что модель математической теории игр, подразумевающая наличие сторон, ведущих борьбу за реализацию своих интересов, которой созвучно представление о праве как о языковой игре с нулевой суммой, концептуально пересекается с логикой представлений Р. фон Иеринга о борьбе за право.

---

[542] Которую развивал и продолжает развивать Лоренс Лессиг.
[543] Midgley M. The Game Game. – P. 236.

Датский философ права Альф Росс (1899 – 1979) – несомненно, один из первых известных юристов постклассического этапа развития юридической науки, в трудах которого метафора игры, применимая к праву, нашла действительно последовательное отражение. В книге «О праве и справедливости» ("*On Law and Justice*"),[544] впервые опубликованной на английском языке в 1959 году (на датском языке книга была опубликована в 1953 году) – за два года до публикации "*The Concept of Law*" Г. Харта, – автор приводит аллегорию двух игроков в шахматы и наблюдателя.

Наблюдатель, если он не знает об игре в шахматы, не будет понимать происходящее. Из общего представления об играх он может понять, что речь идет об игре, хотя смысл расположения фигур может от него ускользать. Если же наблюдатель знает правила игры в теории, то он может в целом понимать ситуацию и даже немного ее прогнозировать, однако многое все равно может показаться ему непонятным. Здесь А. Росс имеет в виду уже не «базовые» правила игры, а стратегию и тактику игроков. Получается, что знания «базовых» правил игры уже недостаточно, и необходимо понимать более широкую теорию. Кроме того, индивидуальные цели игроков – это может быть не только победа, но и, например, желание поэкспериментировать – также предопределяют понимание.[545]

Расширяя аналогию, А. Росс отмечает, что мы имеем дело с последовательностью человеческих действий, которые теоретически могут интерпретироваться как естественный процесс (особенно, учитывая, что люди двигаются физически, и их действия сопровождают физиологические процессы), подчиняющийся естественным законам. Но последние не позволяют объяснить и предсказать движения фигур. Не менее любопытно и то, что интерпретация событий с точки зрения шахматной теории будет иной: ряд вещей вообще будет нерелевантен

[544] Ross A. On Law and Justice (1959). – Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd., 2004. – 383 p.
[545] Ibid. P. 12.

для анализа. Для теоретического анализа игры как таковой физические действия по перемещению фигур вторичны, также как и многие другие «внешние обстоятельства», включая, в общем-то, и личности самих игроков. А. Росс подчеркивает, что «понимание» в данном случае подразумевает не причинно-следственную связь, а **взаимную определенность событий посредством правил игры**. При этом критически важным обстоятельством является сопричастность (англ. "*fellowship*") игроков, поскольку их цели, интересы и определенные таковыми действия обусловлены тем, что больше каждого игрока по отдельности. Такая сопричастность интерсубъективна и подразумевает, что в **рамках одной игры интерпретация правил и событий должна быть одинакова, иначе не будет игры как таковой**.[546]

А. Росс проводит закономерную аналогию с социальными феноменами, которые подчиняются примерно тому же принципу, и переходит к анализу правил игры в рамках такого контекста. Автор выделяет «первичные правила» игры в шахматы – речь идет о том, как ходят фигуры, что значит взять фигуру и т.п. Данные правила носят прямой и императивный абстрактный характер, тем самым отличаясь от шахматной теории, которая, в отличие от них, определяется интересом выиграть в игру. Нарушение «первичных правил» вызовет протест, однако нарушение правил теории может повлечь, пожалуй, только недоумение.[547] «Глупый ход может вызвать изумление, но не протест».[548] И далее автор делает вывод, который более чем созвучен основным идеям, представленным в данной работе:

> «С другой стороны, **правила шахмат не связаны с моралью** (выделено мною – ***В.А.***); они являются следствием того факта, что обычно никто действительно не хочет их нарушить… Желание сжульничать в игре может быть обусловлено тем, что цели игрока другие, нежели чем просто выиграть согласно правилам игры; например, игрок

[546] Ibid. P. 12 – 13.
[547] Ibid. P. 14.
[548] Ibid.

> хочет добиться восхищения или выиграть сумму денег, поставленную на кон. Последняя цель часто присутствует в игре в карты, и хорошо известно, что требование честной игры в таком случае подразумевает и моральные ценности».[549]

Затем рассуждение автора переходит к разрешению вопроса о том, как возникают правила игры в шахматы, и это представляет для нас уже меньший интерес в свете целей и задач исследования. Отметим только, что центральным аспектом анализа в приведенной аллегории для А. Росса стал аспект действительности права, и автор не развивал аналогию с того момента, который был выделен в цитате несколькими строками ранее, которая в большей степени связана с представлением о «риске абсурдности» в праве. Это может быть объяснено, в частности, особенностями исторической эпохи и меньшей актуальностью данной проблемы в прошлом. Если проводить аналогию последовательно и принципиально, то можно сказать, что основной целью настоящей работы было сформулировать не столько «базовые правила» права, сколько определить методологию поиска таких правил в условиях, когда право динамично и изменчиво.

§ 6.2. «Притязание на серьезность» и девятый принцип внутренней моральности права

Особое значение концепция семантических пределов права имеет для переосмысления двух весомых теоретико-правовых концепций. Так, **принципы моральности права Л. Фуллера**[550] могут быть дополнены еще одним –

---

[549] Ibid. P. 15.

[550] См.: Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p. и последующий анализ в кандидатской диссертации автора: Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009.

серьезностью, а «**притязание на правильность» Р. Алекси**[551] может быть также дополнено *притязанием на серьезность*. Отметим, что оба подхода находятся в диалектической взаимосвязи.

Мы уже не раз останавливались на наглядных примерах, приводимых Л. Фуллером в «*Анатомии права*». Они имеют непосредственное отношение к проблеме семантических пределов права, и в этом параграфе мы изучим их поподробнее, но уже с учетом всех обозначенных ранее составляющих методологического подхода концепции семантических пределов права. Другой центральный компонент концепции права Л. Фуллера – представление о принципах «моральности права» – как нам кажется, также может быть переосмыслен в контексте развиваемого дискурса, поскольку последний позволит нам выдвинуть сопутствующую ("*spin-off*") гипотезу о новом возможном принципе моральности права.

Итак, в книге «*Анатомия права*» Л. Фуллер отмечал, что практически каждое общество может столкнуться с подходами, которые будут настолько противоречить исходным посылкам (англ. "*assumptions*"), разделяемым его членами, что любой разумный судья должен без сомнения такие подходы отвергнуть. Автор представил два примера. В первом из них человек убивает своего отца, а на суде говорит, что его отец был хорошим человеком, который верил в то, что его душа после смерти отправится на небеса. Следовательно, «даруя» смерть своему отцу, он отправил его в благословенный край, до которого он никогда не смог бы добраться на Земле, а такое деяние не только не должно влечь за собой наказание, а напротив должно быть поощрено. Указанные примеры, и стоящая за ними концепция, имеют ключевое методологическое значение для реконструкции семантических пределов права,

[551] См.: Alexy R. The Dual Nature of Law // Ratio Juris. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 167–182. Качественный анализ концепции Р. Алекси проводил в свое время Б. Бикс, см.: Bix B. Robert Alexy, Radbruch's Formula, and the Nature of Legal Theory // Rechtstheorie. – Vol. 37. – 2006. – PP. 139–149.

поэтому выделим ключевой принцип концепции права Л. Фуллера и представим основные ее положения, имеющие значение для целей и задач настоящего исследования.

С одной стороны, основное содержание концепции права Л. Фуллера, в центре которого лежит представление о «моральности права», как представляется, органично, хотя и не совсем очевидно, развивает представление о семантических пределах права. С другой стороны, одним из методологических ограничений настоящей работы является принцип изучения только тех явлений, которые непосредственно не связаны с основными моральными ограничениями на применение права, которые могут существовать в обществе, а значительная часть смыслового содержания концепции американского юриста основывается на постоянных отсылках к морали. В то же время, Л. Фуллер не случайно остался не до конца понят как современниками, так и последующими учеными, а «мораль» его, условно говоря, не такая, как у представителей, однозначно относимых к юснатурализму. И дело, как будет видно, не столько в том, что это какая-то *sui generis* «процедурная мораль», а в том, что это мораль ни чего иного, как честной игры. Но, обо всем по порядку.

Как полагал Л. Фуллер, существование различных форм права частично зависит от ценностных суждений – суждений о том, что должно быть (англ. "*ought*" в противовес "*is*").[552] Каждое правовое предписание подразумевает определенную цель, которая, в свою очередь, определяет средства для достижения такой цели, но не оправдывает их. Именно это и оформляется Л. Фуллером в концепцию «внутренней моральности права». Сам автор пояснял данные представления посредством аллегории о короле Рексе. Взойдя на престол, король решил внести

[552] Здесь, а равно ранее и далее по тексту настоящего исследования анализ и изложение основных взглядов Л. Фуллера основывается на кандидатской диссертации автора. См.: Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009.

много изменений в правовую систему – по его мнению, она уже не отвечала реальным потребностям общества. И первым делом он отменил все действовавшее законодательство, а каждое новое возникающее дело он начал разрешать *ad hoc*, пытаясь обойтись без общих норм, что и стало его первой ошибкой. Осознав ее, Рекс издал новые законы, которые содержали общие нормы, но он решил держать их в тайне от подданных. Неопубликование законов стало его второй ошибкой. После некоторых раздумий, король опубликовал изданные законы, но, как оказалось, все содержащиеся в них правовые нормы были ретроспективными. Как следствие, их нельзя было учитывать в отношении будущего поведения, и это, разумеется, стало его третьей ошибкой. Пытаясь ее исправить, Рекс пришел к таким текстам законов, что даже наиболее подкованные в вопросах права юристы его королевства оказались не в состоянии понять, о чем же в них идет речь, что свидетельствовало о четвертой ошибке. Рекс предпринял усилия, чтобы сделать законы более доступными для понимания, но они оказались наводнены внутренними противоречиями – так была совершена пятая ошибка. Как отмечает Л. Фуллер, к этому моменту недовольство подданных деятельностью своего короля достигло предела, и они оставили попытки следовать правилам поведения, которым следовать было достаточно сложно. Как можно предположить, такой поворот разозлил Рекса. Король решил сделать свои законы более строгими и при этом убрал из них всякие противоречия. Однако вышло так, что требования, содержащиеся в законах, теперь стали невозможными для исполнения, а наказания были весьма суровы. Очевидно, даже под угрозой самого сурового наказания нельзя исполнить то, что исполнить нельзя, и это стало шестой ошибкой короля. Он был вынужден умерить свой пыл и стал приводить изданные им законы в порядок. Но пока он совершал все предыдущие ошибки, развитие общественных отношений в королевстве продолжалось, и приведенные в «приличный вид» законы уже устарели. Соответственно их пришлось срочно

менять, изменения вносились едва ли не каждый день и по нескольку раз, а потому и такие законы соблюдать оказалось весьма непросто. Седьмая ошибка Рекса, таким образом, была связана с излишней частотой изменений. Наконец, королю удалось привести законодательство в соответствие с требованиями действительности и начать применять его на практике. Но подданные были обескуражены, когда были опубликованы первые судебные решения – не прослеживалась связь между ними и ранее принятыми законами. В королевстве возникло устойчивое мнение, что вся деятельность Рекса была напрасна, что стало полностью очевидно после этой ошибки, восьмой по счету. Как пишет Л. Фуллер, король Рекс, пребывая в мрачнейшем расположении духа, неожиданно для всех скончался, а его наследник, Рекс II, установил, что власть передается из рук юристов психиатрам и специалистам по связям с общественностью, чтобы сделать людей счастливыми безо всяких законов.[553]

Таким образом, право по Л. Фуллеру буквально держится на двух вещах: на *честном слове* и на *здравом смысле* – оно невозможно без соблюдения минимума общей профессионально-коммуникативной этики, а также без общеразделяемых представлений о реальности, пусть таковые и могут быть весьма пластичны. В то же время, говоря словами Н.В. Варламовой, «Лон Фуллер, дабы не впадать в неразрешимые противоречия, просто не включает в свою концепцию «процедурного естественного права» какие-либо требования к содержанию норм, образующих правопорядок».[554]

Как следует из концепции Л. Фуллера, для того чтобы в какой-либо деятельности можно было бы усмотреть этический аспект (и перейти в плоскость рассуждения о морали долга и морали вдохновения, а также – главное – «внутренней

---

[553] Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. С. 86–89.

[554] Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. – С. 34.

моральности» такой деятельности) необходимо, чтобы такая деятельность имела коммуникативное измерение. Можно, однако, сказать, что любая деятельность потенциально имеет коммуникативное измерение. Приведем грубый, но наглядный пример: человек сверлит стену дрелью. Если это происходит в отделенном от других построек загородном доме, то коммуникативного измерения в практической плоскости такая ситуация не имеет (хотя, например, если данный процесс заснять на видео и потом использовать для обучения других, в этом смысле коммуникативное измерение есть, но это не так важно для подразумеваемой в примере абстракции). Если же человек сверлит стену ночью и в многоквартирном доме, в котором в данное время находятся и другие жильцы, то такой процесс – не только техническое действие с физическим объектом, но и коммуникация, явно выражающая отношение к соседям. Подчеркнем, что наличие коммуникативного измерения является необходимым и достаточным условием для действия морали, но еще не для действия права. Для действия права коммуникативное измерение – необходимое, но не достаточное условие. Как обосновывается в настоящей работе, предмет [правовой] коммуникации должен обладать «социально-валютной ценностью», выступая в качестве обобщенного символического посредника – иными словами, выступать в качестве «внешнего референта ценности» (англ. “*external referent of value*”, “*ERV*” в терминологии С. Абрутина) и быть потенциально конвертируемым в другие подобные внешние референты ценности, также при этом его функциональность должна соответствовать функциональности центрального значения правовой нормы.

В свою очередь, одно из наиболее примечательных положений концепции права Р. Алекси заключается в том, что праву присуще некое «притязание на правильность». Для контекста настоящего исследования данный подход важен по той причине, что притязание на правильность – один из способов отделить право от

«неправа», а значит, по этой линии может проходить и концептуализация семантических пределов права.

В рамках концепции Р. Алекси был предложен тезис о том, что ключевой характеристикой права и тем, что позволяет отличить право от не права, является «притязание на правильность» (англ. "*claim to correctness*").[555] Настоящее исследование не предполагает подтверждение или опровержение концепции немецкого ученого как таковой, однако если исходить из того, что такая концепция заслуживает право на существование, то из содержания настоящего исследования вытекает, что такое притязание не единственное. Ранее мы уже приводили цитату Й. Хейзинги, которая начиналась со следующих слов: «На первый взгляд сфера права, закона и правосудия чрезвычайно отдалена от сферы игры. Ибо священная серьезность и живейшие интересы отдельного человека и общества в целом царят во всем, что касается права и правосудия». Само словосочетание «священная серьезность», как нам кажется, прекрасно описывает и общее отношение к правовым явлениям, и индивидуальные психологические переживания тех, кто непосредственно созерцает правоприменение и, тем более, участвует в нем. В определенном смысле, необходимым качеством всего правового является также «**притязание на серьезность**». Нормативный феномен, притязающий на правильность, но не притязающий при этом на серьезность, правом не является. Сопоставляя данное наблюдение с концепцией права Л. Фуллера, можно также уверенно сказать, что **«серьезность» является девятым принципом внутренней моральности права**. Оба наблюдения представляют собой естественное следствие концепции семантических пределов права.

Следуя фуллеровской логике, однако, мы также должны отметить, что правило, установленное гипотетическим тираном (злым двойником короля Рекса),

---

[555] Alexy R. The Dual Nature of Law // Ratio Juris. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 168–172.

даже если оно противоречит отдельным моральным правилам, по-прежнему останется правовым, если оно соответствует процедурной «внутренней моральности права». Как отмечал Л. Фуллер, даже тиран должен соблюдать принципы внутренней моральности права, если он хочет, чтобы его приказам подчинялись. Развивая представления о наборе этих принципов, отметим, что тиран должен озаботиться не только тем, чтобы его приказы не противоречили друг другу, были понятными и т.п., но при этом были и не абсурдными. Один из важных вопросов при этом, который также должен быть учтен, – насколько принцип «серьезности» как часть внутренней моральности права соответствует принципу, согласно которому нельзя требовать невозможного. С высказываниями, в которых нарушен синтаксис, все довольно просто: это не тот же самый принцип, согласно которому нельзя требовать невозможного, это принцип, который стоит на один или два шага раньше, образно говоря, – даже невозможное нельзя потребовать посредством синтаксически неправильного высказывания, но главная идея настоящей работы в другом. Интересующий нас «глубинный» семантический абсурд, что наглядно видно на примере попыток применить право к симулякрам медиареальности, противоречит не правилам формальной логики, а здравому смыслу. «Здравый смысл» определяется имплицитными общеразделяемыми положениями – и примерно об этом, в том числе, возможно и писал Л. Фуллер в «*Анатомии права*».

Дискурс моральной философии и сопутствующие интерпретации абсурда в праве предлагают исходить из того, что здравый смысл объясняется и исчерпывается моралью, но это не так. Совершенно однозначно опровергает такой подход именно эмпирический материал, относящийся к медиальному повороту. Причем мораль в ситуации с динамитом в *Minecraft*? Использовать редукционистскую моральную модель и ограничиваться ей было бы неправильно. Гораздо более точной представляется теоретико-социологическая интерпретация, согласно которой ткань

социальной реальности соткана из нитей обобщенных символических посредников, выраженных во внешних референтов ценности. Важно подчеркнуть, что соотношение между такой моделью и дискурсом моральной философии таково, что это совершенно разные модели описания действительности. Сказать, что мораль – один из обобщенных символических посредников, будет неверно. Мораль частично пересекается с некоторыми обобщенными символическими посредниками. Это очень похоже на то, как можно соотносить систему принципов социального порядка в «евномике» Л. Фуллера с видами источников права.[556] Ответ – никак. Это принципиально разные модели. Так же и здесь. **Таким образом, в специальном смысле настоящего исследования, право не может быть абсурдным – оно не может противоречить здравому смыслу, – иначе никакого права «не получится»**.[557]

Отдельно следует отметить, что поскольку концепция семантических пределов права позволяет структурировать модели применения, в том числе, потенциальных правовых норм и классифицировать такие модели на случаи, где это будет абсурдным, где это будет требовать морального «взвешивания», и где применение права будет полностью соответствовать здравому смыслу, постольку концепция в полной мере применима в качестве аналитического инструмента в инновационных областях правотворчества, включая правовое регулирование деятельности в области **робототехники, больших данных, искусственного интеллекта и интернета**

---

[556] Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. - С. 69–72.

[557] В ходе обсуждения текста настоящей диссертации на кафедре А.А. Краевским был высказан вопрос о том, как объяснить несправедливый или абсурдный закон, который, например, запрещает изготовление «взрывчатых веществ» в компьютерных играх или запрещающий убивать персонажей компьютерной игры. В свете предлагаемой концепции такие законы, прежде всего, было бы необходимо оценить с точки зрения «критерия серьезности» (допустим, «критерий реальности», определяемый в отношении правового текста, соблюдается). В таком случае, оценка зависит от результатов балансировки ценностей и определения конвертируемой социально валютной ценности соответствующих внешних референтов ценности. Можно теоретически представить условия, в которых такие законы в принципе не будут абсурдными. Если же они будут признаны абсурдными, то следует сделать вывод о необходимости «корректировки» правоприменения средствами юридического толкования до того момента, пока эти законы не будут отменены по причине своей абсурдности.

вещей. Здесь следует особо подчеркнуть, что представления о семантических пределах права представляются крайне важными, поскольку демонстрируют возможные ограничения и слабые места в области **алгоритмизации и автоматизации права** – хорошо, если юридический искусственный интеллект может точно воспроизводить синтаксис деонтической логики. Но для семантики второго уровня такая технология должна также учитывать и концепции теоретической социологии об обобщенных символических посредниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги исследованию, обобщив его основные положения. Поводом к постановке гипотезы о семантических пределах права послужила, на первый взгляд, достаточно узкая область проблем, связанных с определением возможности вмешательства права в отношения, складывающиеся между игроками многопользовательских онлайн-игр (как между собой, так и с игровыми компаниями). Традиционно, такие вопросы рассматриваются как частные вопросы гражданского и (или) информационного права. Вместе с тем, мы убедились, что проблема может быть осмыслена в более широком контексте теории и философии права, поскольку суть ее заключается в прояснении возможностей толкования и применения правовых норм к общественным отношениям, опосредованным *медиапространством*. Этот термин подразумевает не только моделируемые компьютерными средствами пространства, но и близкие по своему социокультурному содержанию коммуникативные практики, включая игры и творчество в целом. Особенности текущего уровня развития информационного общества, которые могут быть выражены в понятии «медиальный поворот» (нам при этом наиболее интересны его цифровая и игровая импликации), позволяют концептуализировать проблему как проблему поиска и определения *семантических пределов права*[558] в актуальных социокультурных условиях.

---

[558] С методологической точки зрения допустимо рассматривать категорию семантических пределов права как разновидность «юридической конструкции» в терминологии, например, А.Ф. Черданцева и Н.Н. Тарасова. Собственно, в сравнительно недавней публикации по этой теме, Н.Н. Тарасов приводит следующую цитату А.Ф. Черданцева: «Разновидностью моделей в правоведении являются юридические конструкции – гносеологическая категория, инструмент, средство познания правовых явлений. Юридическая конструкция – это модель урегулированных правом общественных отношений или отдельных элементов, служащая методом познания права и общественных отношений, урегулированных им» (цитируется следующий труд: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург, 1993. – С. 131). Сам Н.Н. Тарасов подчеркивает, что «ретроспективно можно уверенно утверждать существование в позитивном праве юридических конструкций, не имеющих соответствующего теоретического осознания, складывающихся стихийно и работающих латентно. См.: Тарасов Н.Н. Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч.2). – С. 21. Соотношение «виртуального» и «реального» в контексте здравого

Данная проблема соотносится с проблемой как толкования правовых текстов и применения права, так и онтологии права. С точки зрения толкования права, главный вопрос заключается в том, в каких случаях результат толкования будет абсурдным, противоречащим здравому смыслу, – но не по причине нарушения правил формальной логики, а по причине нарушения иного, семантического порядка. С точки зрения правовой онтологии, речь идет о пределах права как такового – в смысле, в котором об этом говорил Л. Фуллер в «Анатомии права», приводя абсурдные примеры для демонстрации тезиса о том, что позитивизм зависит от отрицания связи между правом и моралью, поскольку позитивизм сам по себе формируется в определенным образом сконструированной социальной реальности. В ходе исследования нами последовательно были изучены возможные подходы к объяснению той категории абсурда, которая интуитивно осознается в связи с проблемой семантических пределов права и относится, прежде всего, к проблеме отношения права к артефактам медиареальности, среди которых встречаются симулякры. Так, например, попытки реконструкции семантических пределов права исходя из философии морали не увенчались успехом – морально-правовой дискурс, в конечном счете, ограничен процессом анализа субстанциальных ценностей, однако в том же утверждении, согласно которому ст. 105 УК РФ («Убийство», один из магистральных примеров исследования) нельзя распространять на убийства в компьютерных играх, кажется, что дело в другом. Данное утверждение не кажется противоречащим морали или *просто* противоречащим морали, оно кажется бессмысленным – собственно, абсурдным или противоречащим здравому смыслу. Проблема в том, что при всей очевидности ответа современному читателю (кстати, не факт, что такое утверждение будет очевидным кому-либо в будущем), отсутствует рациональное объяснение, почему именно такая постановка вопроса

смысла юриспруденции, как мы полагаем, может рассматриваться в качестве примера отражения части своего рода имплицитной юридической конструкции.

абсурдна в принципе. Осложняет дело тот факт, что, если перейти от убийства к хищению, в условиях именно медиального поворота и цифровой экономики отсылка к абсурду будет уже не убедительной.

В итоге, было предложено и обосновано решение поставленной проблемы, основанное на применении двух критериев, применимых к предмету соответствующих общественных отношений (в контексте исследования – артефакту медиареальности), обозначенных как «критерий реальности» и «критерий серьезности». Первый из этих критериев *формальный*, он связан с проблемой юридического толкования, и отражает принцип, по которому можно разрешить относящиеся, в терминологии Г. Харта, к области «полутени» спорные случаи юридического толкования. Функциональное соответствие между предметом, составляющим центральное значение понятия, используемого в правовом тексте, и предметом соответствующего общественного отношения, позволяет считать неабсурдным такое толкование, при котором его результат будет охватывать такой предмет. Второй из предложенных критериев содержательный, и он связан с проблемой юридической значимости предметов общественных отношений. И «семейное сходство» (Л. Витгенштейн) между центральным и периферическим значением понятия, используемого в правовом тексте, и юридическая значимость определяются исходя из возможности квалификации предмета общественных отношений как внешнего референта ценности в смысле теоретической социологии, соотносимого с каким-либо обобщенным символическим посредником.

В заключение приведем еще одно рассуждение, которое представляется нам важным. С точки зрения теоретической социологии, обобщенные символические посредники, соответствующие им внешние референты ценности, а также «процессуальные аспекты» – например, каким образом может устанавливаться связь между ними, – продукт социальной реальности. При этом методология социального

конструкционизма указывает и на то, что *позитивное право* (независимо от типа правопонимания в отношении *права в целом*) представляет собой один из инструментов социального конструирования реальности. Из социально-конструкционистской методологии, в частности, вытекает, что судебное решение, по крайней мере, такое, которое вынесено судом наивысшей инстанции и не подлежит дальнейшему пересмотру, следует рассматривать как акт конструирования социальной реальности. В то же время, другие инструменты структурирования общественных отношений, не обязательно относящиеся или классифицируемые в рамках устоявшейся парадигмы философии и теории права, а также отраслевых дисциплин, также могут быть задействованы в социальном конструировании реальности и, как следствие, в создании внешних референтов ценности. В свете этого теоретического наблюдения полагаем, что «реанимация» концепции Л. Фуллера, которую он обозначал как «евномика» (наука о «хороших законах»– греч. "*eu*" и "*nomos*") организации общества если и не будет иметь существенного фундаментального значения, то будет весьма познавательна в пропедевтическом ключе пояснения принципов приложения теоретико-социологической концепции обобщенных символических посредников к праву.[559]

Л. Фуллер, в историческом итоге своих рассуждений, предлагал отказаться от деления способов регулирования общественных отношений на «правовые» и «иные». Альтернативная классификация предполагала их разделение исходя из принципа принятия решения, которое, в нашей интерпретации, представляет собой акт социального конструирования реальности. К числу таких принципов относились: законодательная деятельность, договор, обычай, суд (условно, правовые), но также и медиация, управленческое решение, голосование или случайное решение (условно,

[559] Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2009. - С. 69–72.

неправовые).[560] Если такое решение в обществе становится общезначимым и общеобязательным, хотя и не обязательно устанавливающим предоставительно-обязывающие нормы, обладающие данными качествами, то можно исходить из презумпции, что предмет имплементации соответствующего «принципа социального порядка» является внешним референтом ценности. Такой способ рассуждения подразумевает, что с помощью позитивного права можно «сообщить» социально-валютную ценность практически любому предмету. Однако, выражаясь поэтически, это противоречит духу нашей методологии в целом и переносит нас в плоскость извечного спора между позитивизмом и юснатурализмом. Почему?

Имплицитная посылка всего настоящего исследования заключается в следующем принципе. **Если правоприменительное решение нацелено на общественное отношение, предмет которого несерьезен (не имеет социально-валютной ценности) и при этом фантазиен (его функциональность не соответствует функциональности, соотносимой с центральным значением понятия, используемого в соответствующем правовом тексте), такое решение будет абсурдным, и потому оно не может применяться и (или) должно быть отменено**. У данной имплицитной посылки, очевидно, есть имплицитные посылки второго уровня:

— недопустимо принимать правоприменительные решения в отношении тех общественных отношений, предмет которых, в том числе (помимо фантазийности), не имеет социально-валютной ценности на момент вынесения такого решения. *В данном случае, вне всякого сомнения, речь идет о методологии социологической юриспруденции*.

— в некоторых случаях правоприменительные решения не могут применяться и (или) они должны быть отменены даже в случае, если формально-

[560] Там же.

юридически они соответствуют всем процессуально- и материально-правовым нормам. *Аналогично, без сомнений, мы можем рассматривать эту посылку как соответствующую методологии юснатурализма.*

С долей иронии можно отметить: очень похоже, что мы подходим на дистанцию опасной близости к субстанциальному юснатурализму. Опасность такой близости обусловлена тем фактом, что субстанциальные теории естественного права, в конечном счете, являются предметом веры, а вера в области юридической науки вполне может оказаться субъективной. Однако позволим себе альтернативную интерпретацию, которая, как мы предполагаем, позволит смягчить этот возможный удар.

В действительности, речь идет не о субстанциальном юснатурализме, а о процедурном и, как следствие, еще об одной возможной интерпретации «минимального содержания естественного права», которая помещает нашу концепцию семантических пределов права в условиях медиального поворота в контекст методологии **инклюзивного позитивизма**. Позитивизма при этом социологического толка.[561] Что же следует сказать о «минимальном содержании естественного права»? Г. Харт говорил о биологическом выживании человека как о большей посылке силлогизма, в результате применения которой мы можем установить такое содержание. Но человек – не только биологическое существо, но еще и социальное. Физическое насилие над телом способно уничтожить человека как биологическое существо. **Интеллектуальное насилие над здравым смыслом же способно уничтожить человека как существо социальное**. Ведь абсурд и, особенно, абсурд в праве – это разрушение социальной реальности. Таким образом,

[561] Выскажем предположение о том, что представленная концепция вполне укладывается в отечественную традицию и может быть соотнесена с подходами, заложенными Л.И. Петражицким, в частности, о том, что право конструируется сознанием человека и вне сознания не существует. См.: *Polyakov A.*, The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – P. 7.

семантические пределы права в условиях медиального поворота, как они рассмотрены в настоящей работе, свидетельствуют о притязании права на серьезность, перефразируя Р. Алекси, а перефразируя Л. Фуллера, – об аналогичном девятом принципе «моральности права».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВРЦ – внешний референт ценности.

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

Закон о защите детей – Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Закон об информации – Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Критерии запрещенной информации – критерии информации, распространение которой запрещено в соответствии с ч. 5 ст. 15 Закона об информации.

НДС – налог на добавленную стоимость.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

ОСП – обобщенный символический посредник.

РФ – Российская Федерация.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

ФНС – Федеральная налоговая служба Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники на русском языке

Нормативные источники

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2019). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 30.12.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [Электронный ресурс]: от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 01.09.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2019).

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2019).

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

8. Концепция информационной безопасности детей [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.12.2015 г. № 2471-р – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2019).

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25.12.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 19.07.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

11. Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов: Федеральный закон от от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ (ред. от 04.11.2014). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

12. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.01.2019)

13. О внесении изменений в статью 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях противодействия обороту порнографической продукции с использованием несовершеннолетних и (или) среди несовершеннолетних и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 199-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

14. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 25.12.2018 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

15. О залоге [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 29.05.1992 г. № 2872-1 (ред. от 01.01.2013). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2019).

16. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 18.12.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2019).

17. О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 27.09.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2019)

18. О персональных данных [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

19. О праве международных договоров [Электронный ресурс]: Венская конвенция, заключена в Вене 23.05.1969 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

20. Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет", содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено [Электронный ресурс]: Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 251, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18 мая 2017 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

21. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2019).

22. Пояснительная записка с Законопроекту № 804132-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» в части установления обязанностей операторов поисковой системы при распространении информации о гражданах [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД). – [Сайт]. – URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/804132-6 (дата обращения: 21.02.2019).

23. Приказ Минспорта России от 29.04.2016 г. № 470 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

24. Приказ Минспорта России от 16.03.2017 г. № 183 в ред. Приказа Минспорта России от 22.01.2018 г. № 49 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

25. Приказ Минспорта России от 05.07.2017 г. № 618 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2019).

26. Программа развития федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет до 2020 года», утв. Распоряжением Правительств РФ от 07.10.2010 г. (ред. от 22.11.2017) [Электронный ресурс] – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.09.2019).

27. Распоряжение Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга от 07.05.2018 № 47 [Электронный ресурс] // Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга. – [Сайт]. – URL: http://knvsh.gov.spb.ru/closedcontests/view/188/ (дата обращения: 08.11.2018 г.).

28. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1631-р. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

29. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. – 15 мая 2017 г. – № 20. – Ст. 2901.

30. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

31. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.01.2019). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

32. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 14.05.2013 г. по делу № 33-1306/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

33. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2018 г. по Делу №33-10610 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

34. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 14.08.2013 г. по делу № 33-3468/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

35. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 04.02.2015 г. по делу № 33-887 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

36. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 02.04.2013 г. по делу № 33-2961-2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

37. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 12.11.2012 г. по делу № 33-10042 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

38. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 08.08.2012 г. по делу № 33-6866 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

39. Апелляционное определение Самарского областного суда от 11.09.2012 г. по делу № 33-8461 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

40. Апелляционное определение Самарского областного суда от 26.06.2012 г. по делу № 33-5960 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

41. Информация о Решении ЕСПЧ от 20.10.2015 г. по делу “М’Бала М’Бала (M’Bala M’Bala) против Франции” (жалоба № 25239/13) [Электронный ресурс] // Бюллетень Европйского

Суда по правам человека. – 2016. - №. 3. – – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

42. Компании «Гугл Спейн СЛ» и «Гугл Инк.» против Испанского агентства по защите данных (AEPD) и Марио Костехи Гонсалеса [Электронный ресурс] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2014. – № 9. – С. 22–23. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

43. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 г. № 22. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

44. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

45. О судебной практике по делам о грабеже и разбое [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.1966 г. № 31. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

46. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

47. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2007 г. № 45. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2018).

48. Определение Басманного районного суда города Москвы от 01.06.2011 по делу № 11-43/11 и делу № 11-115/09 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

49. Определение Верховного Суда РФ от 06.09.2016 г. № 16-КГ16-30 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

50. Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

51. Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

52. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Уфимский нефтеперерабатывающий завод" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

53. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.06.2011 г. № 684-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Евгения Игоревича на нарушение его конституционных прав статьями 1062 и 1063 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

54. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2009 года № 484-О-П по жалобе граждан С.М. Шимоволоса, А.В. Лашманкина, Д.П. Шадрина о нарушении их конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

55. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.11.2006 г. № 444-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

56. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.03.2005 № 3-О «По жалобе гражданина Смакова Рината Миргалимовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 14 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации" (в редакции Федерального конституционного закона от 15 декабря 2001 года), пункта

3 статьи 6.1 и абзаца второго пункта 1 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 15 декабря 2001 года)» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

57. Постановление Президиума Московского городского суда от 18.09.2018 по Делу №44г-259/18 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

58. Определение Московского городского суда от 10.03.2011 по делу № 4г/1-1668 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

59. Определение Приморского краевого суда от 23.06.2014 г. по делу № 33-5131 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

60. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18.04.2012 г. № 22-2281/2012 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

61. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 18.06.2015 г. № Ф05-7093/2015 по делу № А40-91072/14 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

62. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 12.10.2015 г. № Ф05-13554/2015 по делу № А40-56211/14 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

63. Постановление Европейского суда по правам человека от 24.01.2017 г. «Дело “Хамтоху и Аксенчик (Khamtohu and Aksenchik) против Российской Федерации”» (жалобы № 60367/08 и 961/11) [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 N 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

65. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона "О погребении и

похоронном деле" и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

66. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

67. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

68. Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 19.04.2012 г. № 44-г-7 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

69. Постановление Суда Еврейской автономной области от 13.03.2013 г. по делу № 4-А-8/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

70. Решение Заводоуковского районного суда Тюменской области от 12 июля 2016 года по Делу № 2-662/2016. – [Сайт]. – URL: https://zavodoukovsky--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2018).

71. Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 18.06.2008 г. по делу № 2-228/08 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2019).

72. Решение Самарского областного суда от 26.06.2014 г. № 21-311/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

73. Решение Чертановского районного суда г. Москва от 07.12.2018 по делу № 02-4488/2018 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.01.2019).

Научные статьи

74. Абубакиров Ф.М. Квалификация причинения вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Российский следователь. 2016. № 13. С. 17 – 20.

75. Антонов М.В., Архипов В.В., Поляков А.В. Научная полемика на берегах Майна: XXV Всемирный конгресс по философии права и социальной философии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 7 – 20.

76. Антонова И.Б. «Абсурд и вокруг»: построение типологической модели // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – № 1 (123). – С. 26–35.

77. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69-90.

78. Архипов В.В. Виртуальное право. Основные проблемы нового направления юридических исследований // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2. С. 93–114.

79. Архипов В.В. Игра всерьез: многопользовательские ролевые онлайн-игры в фокусе российской правоприменительной практики // Петербургский юрист. СПб., 2013. № 1. С. 56-61.

80. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. Москва, 2015. № 11. С. 61-69.

81. Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. 2017. № 1. С. 19-27.

82. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Вып. 6(55). С. 46 – 62.

83. Архипов В.В. Правовые риски использования социальных сетей в науке и образовании // Получение, хранение и использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Сер. «Электронное законодательство». ФГБУ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. Научный редактор Н.А. Шевелева. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2013. С. 213–218.

84. Архипов В.В. Киберспортивное право: миф или реальность? // Закон. 2018. № 5. С. 80 – 92.

85. Архипов В.В. Компьютерные игры, «магический круг» и смысловые пределы права // Международный журнал исследований культуры. – 2019. – № 1 (34). – С. 73 – 87.

86. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. 2011. № 2-2009. – С. 708 – 711.

87. Архипов В.В. Лон Фуллер о соотношении права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 6 (257). С. 145 – 152.

88. Архипов В.В. «Мораль права» Лона Фуллера: к выходу в свет русского перевода книги // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 5 (280). С. 113 – 121.

89. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157 – 170.

90. Архипов В.В., Азизов Р.Ф. Отношения в сети Интернет формата Web 2.0: проблема соответствия между сетевой архитектурой и правовым регулированием // Закон. Москва, 2014. № 1. С. 90 – 104.

91. Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования Интернета вещей // Информационное право. Москва, 2016. № 2. С. 18-25.

92. Архипов В.В., Наумов В.Б. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2016. № 2. С. 186-196.

93. Архипов В.В. Postmortem: «Анатомия права» Лона Л. Фуллера // Российский ежегодник теории права. 2011. № 2-2009. С. 186 – 203.

94. Архипов В.В. Правила игры как нормативная система, или что общего между юриспруденцией и гейм-дизайном // Философско-литературный журнал Логос. Москва, 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 214-225.

95. Архипов В.В. Предпосылки концепции смысловых пределов права в контексте современной информационной культуры // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право. Сб. науч. трудов / Под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. М.: ИГП РАН, 2018. – С. 272–286.

96. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52 – 68.

97. Архипов В.В., Килинкарова Е.В., Мелащенко Н.В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. Москва, 2014. № 6. С. 120-143.

98. Архипов В.В., Наумов В.Б. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» // Право и информация: вопросы теории и практики. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Сер. «Электронное законодательство» / Научный редактор Н.А. Шевелева. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2017. – С. 220–228.

99. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: от виртуальной реальности к теории права // Правопорядок и его институциональные основы. Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – С. 56–65.

100. Ахундова Л.А., Азарова Е.А. Гемблинг как форма нехимической аддикции в современном обществе // Инновационная наука. – 2016. - № 4–5 (16). – С. 91–93.

101. Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2017. – Т.10. – №3. – С. 9–25.

102. Бакеева Е.В. Онтологическая концепция истины в контексте постнеклассической научной рациональности // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4. – С. 11 – 18.

103. Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 2. С. 9–35.

104. Белов А.В. Информационное общество и информационная культура в России: к постановке проблемы // Вестн. Волгогр. гос. Ун-та. Сер. 7, Филос. – 2009. - № 1 (9). – С. 198–200.

105. Белов С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. – 2016. - № 1. – С. 63–75.

106. Белоусов А.Д. К вопросу о влиянии компьютерных игр на преступное поведение несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2007. № 6. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

107. Бронзино Л.Ю. Постмодернизм: сущностные идеи и их представители // Вестник МГИМО. – 2010. – № 3. – С. 97–105.

108. Булыгин Е.В. Границы логики и аргументация в праве / Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. Пер. с английского, немецкого, испанского / под научн. ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2016. – С. 154–182.

109. Волков О.Ю., Волков Ю.К. Компьютерная игра как технологический и эстетический феномен культуры информационного общества // Приволжский научный вестник. 2015. №6-3 (46). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-igra-kak-tehnologicheskiy-i-esteticheskiy-fenomen-kultury-informatsionnogo-obschestva (дата обращения: 01.10.2017).

110. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24-48.

111. Гасанов Р.С. Проблемы квалификации и доказывания разбойных нападений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 35 – 39. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2019).

112. Графский В.Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. – С. 25–36.

113. Грибанов Д.В. К вопросу о правовой теории кибернетического пространства // Государство и право. 2010. № 4. С. 57–62.

114. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.

115. Демидова М.В. «Символический капитал» П. Бурдье и «Капитал» К. Маркса // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. - № 11. – С. 27–32.

116. Дидикин А.Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. - № 2. (30). – С. 83–89.

117. Дмитрик Н.А. Пределы правового регулирования в цифровую эпоху // Информационное общество. 2018. № 3. С. 47–57.

118. Дрокина К.В., Дарбинян Т.А. Анализ возможностей применения технологии дополненной реальности в современных условиях // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 2. С. 114–116.

119. Ефремов А.А. Тенденции развития правового регулирования информационного пространства // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 2. С. 80–83.

120. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1.С. 201–215.

121. Зыков С. Проблема отнесения пародий к производным произведениям: не пора ли ставить точку? [Электронный ресурс] // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 4. – С. 41–46. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

122. Иванова О.А. Азартные игры: понятие и признаки в концепции российского законодательства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2 (82). –С. 111–117.

123. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 1. – С. 43–71.

124. Касаткин С.Н. Основной труд Герберта Л.А. Харта (на публикацию русского издания книги «Понятие права») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 2. – С. 5–15.

125. Касаткин С.Н. Устранимость «открытой текстуры» права: три замечания Р. Дворкина // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18. – № 1. – С. 93–98.

126. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. - № 1. – С. 31–40.

127. Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. Учебник. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007. – 856 с.

128. Корнеев А.В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 29 – 43.

129. Кравцов А.А. Использование технологии дополненной реальности для визуализации виртуального объекта в реальном интерьере [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 84. – [Сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologii-dopolnennoy-realnosti-dlya-vizualizatsii-virtualnogo-obekta-v-realnom-interiere (дата обращения: 24.01.2019).

130. Лазарев В.В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. – С. 15–28.

131. Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. Том 7. № 3. – С. 217 – 222.

132. О критериях и симптомах в терминологии Л. Витгенштейна см. напр.: Лорети А. Л. Витгенштейн о понятиях «критерий» и «симптом» // Философия образования. – 2015. - № 5 (62). – С. 58–64.

133. Луковская Д.И. Предмет и методология истории политических и правовых учений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 3. – С. 197–211.

134. Малинова И.П. Интерпретация социальной реальности в правотворчестве и реформаторской деятельности // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 8-14 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.01.2019).

135. Меньшикова Н.Н. Категория фантазийности в науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36. – С. 95 – 102.

136. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). – С. 237 – 243.

137. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Философские взгляды «раннего» Г. Харта и проблемы языка права // Харт Г.Л.А. Философия и язык права. – М., 2017. – С. 7 – 26.

138. Останина Е.А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн игре – договор с участием потребителей // Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

139. Петров О.В. Акционизм и его проявление в вокально-инструментальных сочинениях Джона Кейджа // Проблемы науки. 2018. № 5 (125). С. 103-106.

140. Понукалина О.В. Игры общества потребления: конструирование повседневности // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2009. - №1. – С. 1–7.

141. Потапова О.С. Компьютерная в пространстве культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (1). – С. 349 – 353.

142. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы круглого стола / В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, Г.Д. Левин, А.С. Карпенко, Е.А. Мамчур, С.В. Пирожкова, А.В. Родин, Н.М. Смирнова, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 5–38.

143. Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127 – 150.

144. Семенюта Б. Онлайн-игры: правовая природа отношений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 8. С. 38-45.

145. Тарасов Н.Н. Юридические конструкции: теоретическое представление и методологические основания исследования // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч.2). – С. 18–25.

146. Тендрякова М.В. Старые и новые лики игры: игровая специфика виртуального пространства // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 2. – С. 60-68.

147. Тимошина Е.В. Классика, постклассика… неоклассика: к обоснованию контрпостмодернистской программы в теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 6–24.

148. Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 14. – Вып. 3. – 2015. – С. 4–34.

149. Тимошина Е.В. Проблема юстициабельности прав человека в ситуациях их конкуренции и принцип пропорциональности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. - № 4. – С. 464–485.

150. Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву – ответ профессору Харту / пер. с англ. В.В. Архипова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6. С. 124 – 159.

151. Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву – ответ профессору Харту / пер. с англ. В.В. Архипова / Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6. С. 124 – 159 [Электронный ресурс] // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – [Сайт]. – URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1220794 (дата обращения: 24.02.2019).

152. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В.В. Архипова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. - № 5. – С. 102–136.

153. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / пер. с англ. В.В. Архипова // Философия и язык права / Герберт Лайонел Адольф ХАРТ. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017 – С. 168–214.

154. Честнов И.Л. Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 5 (310). – С. 112–123.

155. Швырев В.С. Мой путь в философии // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2009. – URL: https://iphras.ru/page50109829.htm (дата обращения: 13.01.2019).

156. Юбилей Дженевры Игоревны Луковской // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 240–243.

157. Яковлев Б.С., Пустов С.И. История, особенности и перспективы технологии дополненной реальности // Известия ТулГУ. Технические науки. 2013. № 3. С. 479–484.

Монографии и иные книги

158. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.

159. Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 249 с.

160. Архипов В.В., Краевский А.А., Тимошина Е.В. Теория права и государства. Практикум. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2015. – 201 с.

161. Баженова Е.А. Философия права Г.Л.А. Харта: учеб. пособие / Е.А. Баженова; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: изд-во ВлГУ, 2016. – 92 с.

162. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Издательство «Искусство», 1979. – 424 с.

163. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995 – 323 с. [Электронное издание] // «Библиотека скептика». – [Сайт]. – URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf (дата обращения: 21.02.2019).

164. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений. – М.: Издательство «Эксмо», 2016. – 352 с.

165. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

166. Бойко М. Азы экономики. – М.: Издатель «Книга по Требованию», 2015. – 470 с. [Электронное издание] // Азы экономики. – [Сайт]. – URL: http://azy-economiki.ru/docs/the_basics_of_Economics.pdf/ (дата обращения: 06.02.2019).

167. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. Монография / Отв. ред. С.В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. – 264 с.

168. Будылин С.Л. Дело о нематериальной рыбе и другие истории. Записки компаративиста. – М.: «Инфотропик Медиа», 2017. – 308 с. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

169. Бурдье П. Практический смысл (1980) / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Л. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2011. – 562 с.

170. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. – 288 с.

171. П. Бурдье. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992 – 1993) / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019 – 416 с.

172. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. – 136 с.

173. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. – 508 с.

174. Витгеншейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.

175. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ: Астрель. 2010. – 347 с.

176. Витгенштейн Л. Философские исследования (1953) // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 612 с.

177. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. – М.: Академический Проект, 2012. – 237 с.

178. Гревцов Ю.И. Социология права. Курс лекций. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 312 с.

179. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1999 [Электронный ресурс] / PSYLIB. – [Сайт]. – URL: http://psylib.org.ua/books/demid01/txt04.htm (accessed: 09.09.2019).

180. Ефремов А.А. Защита государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. М. НОРМА, 2017. – 128 с.

181. Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 459 с.

182. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

183. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.

184. Козлова М.С. Идея “языковых игр” // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М.: Институт философии Российской академии наук, 1996. С. 5 – 24.

185. Костер Р. Разработка игр и теория развлечений. Москва: ДМК Пресс, 2018. – 288 с.

186. Лапаева В.В. Вопросы права в «Капитале» К. Маркса. – М.: Юрид. лит., 1982. – 120 с.

187. Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под ред. В.В. Савчука. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – 498 с.

188. Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования / Под ред. В.В. Савчука. Издательство: Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2014. – 328 с.

189. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристъ, 1996. – 160 с.

190. Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. – М., 1998 [Электронный ресурс] // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 09.09.2012. – [Сайт]. – URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395 (дата обращения: 03.02.2019).

191. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. – Т. 2. – X + 454 с.

192. Политология: учеб. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 618 с.

193. Продан И.С. Познание и его объект. Оправдание здравого смысла. – Харьков, 1913. – 472 с.

194. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов [и др.]. Под ред. А.В. Незнамова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 232 с.

195. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. – 640 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2018).

196. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. Санкт-Петербург: Издательство РХГА. 2014. – 162 с.

197. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018 [Электронное издание. Редакция 1.0]. 1264 с. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

198. Сергеева О.В. Время компьютерных игр в этике современных детско-родительских отношений / Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2017. С. 159–163.

199. Социальное пространство большого города [монография] / Отв. ред. Г.В. Еремичева; Социологический институт РАН – Филиал ФНИСЦ РАН. – СПб.: СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 2018. – 408 с.

200. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. – М.: Экономика, 2004.

201. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. – 743 с.

202. Степин В.С. Человеческое познание и культура. СПб., 2013. – 140 с.

203. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 472 с.

204. Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М.: Институт философии Российской академии наук, 1996. – 169 с.

205. Фуллер Л.Л. Анатомия права / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. - № 2. – С. 204 – 319.

206. Фуллер Лон Л. Мораль права / Лон Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 308 с.

207. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.

208. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997 – 416 с.

209. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург, 1993. – 192 с.

Диссертационные исследования

210. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Фуллера. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2009.

211. Багно Ю.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из игр и пари: Автореф. дис. … канд. юрид. Наук. Краснодар, 2004.

212. Лопатинская Т.Д. Феномен игры в условиях виртуализации современной культуры / Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», 2013. – 20 с.

213. Луковская Д.И. Теоретико-методологические проблемы истории политических и правовых учений: диссертация … доктора юридических наук: 12.00.01. – Ленинград, 1986. – 412 с.

214. Милкин-Скопец М.А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2010.

215. Павленко П.В. Гражданско-правовое регулирование игр, пари и смежных с ними институтов гражданского права (сравнительный аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009.

216. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого: генезис постклассического правопонимания в русской философии права (начало XX в.). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2013. – 477 с.

Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов

217. Dota 2 [Electronic resource] // Dota 2. – [Site]. – URL: http://ru.dota2.com/ (accessed: 21.02.2019).

218. Архипов В.В. Информационные отношения в рамках Pokémon Go [Электронный ресурс] // LF Академия. – [Сайт]. – URL: https://lfacademy.ru/course/13479 (дата обращения: 24.01.2019).

219. Архипов В.В. Развитие права в условиях цифровой экономики. Научный доклад на заседании Ученого совета СПбГУ 30 октября 2017 г. [Электронный ресурс] // YouTube. – [Сайт]. – URL: https://youtu.be/1B5fM9Tb00s (дата обращения: 11.09.2019).

220. Вебер М. Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс] / Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990 // Открытый университет. – [Сайт]. – URL: https://openuni.io/course/11-course-7-4/lesson/2/material/855/ (дата обращения: 02.09.2019).

221. Во все тяжкие (сериал, 2008 – 2013) [Электронный ресурс] // КиноПоиск. – [Сайт]. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/404900/ (дата обращения: 21.02.2019 г.).

222. Коммодификация. Что написано в словаре [Электронный ресурс] // Институт «Стрелка». – [Сайт]. – URL: https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification (дата обращения: 06.02.2019 г.).

223. Коммодификация. Что говорят эксперты / Е. Короткова [Электронный ресурс] // Институт «Стрелка». – [Сайт]. – URL: https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification (дата обращения: 06.02.2019 г.).

224. В России отказались допускать к печати часть комикса о Дэдпуле // Lenta.Ru. 15 января 2019 г. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: https://lenta.ru/news/2019/01/15/deadpool/ (дата обращения: 15.01.2019).

225. Игла (1988) [Электронный ресурс] // КиноПоиск. – [Сайт]. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/igla-1988-42576/ (дата обращения: 21.02.2019 г.).

226. Издательство «Комильфо» [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: http://www.komilfobook.ru/ (дата обращения: 15.01.2019).

227. Леонов А. История убийств в Ultima Online: как игроки-преступники противостояли разработчикам [Электронный ресурс] // DTF.RU. 5 июля 2018 г. – [Сайт]. – URL:

https://dtf.ru/games/22604-istoriya-ubiystv-v-ultima-online-kak-igroki-prestupniki-protivostoyali-razrabotchikam (дата обращения: 23.01.2019 г.).

228. Огурцов А.П. Абсурд [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. – [Сайт]. – URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe586d0704b972adec8eae5 (дата обращения: 11.09.2019).

229. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 1997 [Электронный ресурс] // «Slovorod.ru». – [Сайт]. – URL: http://www.slovorod.ru/dic-ozhegov/ozh-s.htm#_sje (дата обращения: 25.07.2019).

230. Полезные игры: мировые исследования интерактивных развлечений. Экспертный Совет Игровой Индустрии и СПбГУ о недоказанности вреда видеоигр // DTF. – [Сайт]. – URL: https://dtf.ru/gamedev/5940-poleznye-igry-mirovye-issledovaniya-interaktivnyh-razvlecheniy (дата обращения: 21.02.2019).

231. Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива [Онлайн-курс] // Coursera. – [Сайт]. – URL: https://ru.coursera.org/learn/regulirovaniye-interneta (дата обращения: 08.11.2018 г.).

232. Правовое регулирование отношений в Интернете. Российская перспектива [Онлайн-курс] // Открытое образование. – [Сайт]. – URL: https://openedu.ru/course/spbu/PRAVREG/ (дата обращения: 08.11.2018 г.).

233. Топ-10 самых нелепых судебных споров в России [Электронный ресурс] // Право.ру. – [Сайт]. – URL: https://pravo.ru/story/204500/ (дата обращения: 28.01.2019).

234. Роскомнадзор попросил не запрещать Minecraft из-за рецепта динамита, 03 фев. 2017 [Электронный ресурс] // Информационное агентство РБК. – [Сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/02/2017/58946a839a7947e35f09cc7d (дата обращения: 04.07.2018).

235. Семенов А. Мировой рынок игр заработает $137,9 млрд за 2018 год [Электронный ресурс] // App2Top.ru. – [Сайт]. – URL: https://app2top.ru/industry/mirovoj-ry-nok-igr-zarabotaet-137-9-mlrd-za-2018-god-120106.html (дата обращения: 26.01.2019).

236. Смит Д.В. «Для ребенка, который проводит много времени за компьютером, киберспорт – это выход» // Мел. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: https://mel.fm/mneniye_eksperta/7604295-esport (дата обращения: 21.01.2019).

237. Черных А., Карпенко М., Миронова К. Роспотребнадзор победил супергероя. Часть комикса о Дэдпуле не допущена к печати в России // Коммерсант. 15.01.2019, стр. 5. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3854153 (дата обращения: 15.01.2019).

238. Эксперт: объем цифровой экономики может достичь 9 трлн рублей к 2012 году [Электронный ресурс] // ТАСС. 6 апреля 2018 г. – [Сайт]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/5100974/ (дата обращения: 26.01.2019).

239. Юридические анекдоты [Электронный ресурс] // Orator.ru. – [Сайт]. – URL: http://www.orator.ru/pr_yuridiceskie_anekdoty.html (дата обращения: 05.02.2019).

240. Я работаю в Роскомнадзоре [Электронный ресурс] // The Village. – [Сайт]. – URL: https://www.the-village.ru/village/people/howtobe/316129-zapreschalschik (дата обращения: 28.01.2019).

Источники на иностранных языках

Нормативные источники

241. The General Data Protection Regulation (EU) 2016/679 [Electronic resource] // EUR-Lex. – [Site]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (accessed: 26.01.2019).

242. Protection of Young Persons Act (Jugendschutzgesetz, JuSchG) of 23 July 2002 [Federal Law Gazette BGBI. I p. 2730, 2003 I, p. 476] [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/fileadmin/documents/Publisher_Bereich/2017_JuSchG_englisch.pdf (accessed: 21.02.2019).

Правоприменительная практика

243. *Bragg v. Linden Research, Inc., 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007)* [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-paed-2_06-cv-04925/summary (accessed: 11.02.2019).

244. *Church of the Holy Trinity v. United States, 143 U.S. 457 (1892)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/143/457/ (accessed: 24.02.2019).

245. *MDY INDUSTRIES, LLC v. Blizzard Entertainment, 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010)* [Electronic resource] // CourtListener. – [Site]. – URL: https://www.courtlistener.com/opinion/181055/mdy-industries-llc-v-blizzard-entertainment/ (accessed: 24.02.2019).

246. *Leonard v. Pepsico, Inc., 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) aff'd 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/88/116/2579076/ (accessed: 28.01.2019).

247. *Chung Fook v. White, 264 U.S. 443 (1924)* [Electronic resource] // FindLaw. – [Site]. – URL: https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/264/443.html (accessed: 18.10.2018).

248. *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc., 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979)* [Electronic resource] // OpenJurist. – [Site]. – URL: https://openjurist.org/601/f2d/516/hackbart-v-cincinnati-bengals-inc (accessed: 24.02.2019).

249. *Pub. Citizen v. U.S. Dep't of Justice, 491 U.S. 440, 470-71 (1989) (Kennedy, J., concurring)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/440/ (accessed: 24.02.2019).

250. *R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC* [Electronic resource] // The University of Texas at Austin. – [Site]. – URL: https://la.utexas.edu/users/jmciver/357L/QueenvDS.PDF (accessed: 28.01.2019).

251. *Re Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98* [Electronic resource] // E-Lawresources.co.uk. – [Site]. – URL: http://www.e-lawresources.co.uk/Re-Sigsworth.php (accessed: 18.10.2018).

252. *United States v. Kirby, 74 U.S. 482 (1868)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/74/482/ (accessed: 24.02.2019).

Научные статьи

253. Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. 2015. Vol. 51. No. 3. – PP. 445 – 471.

254. Alexy R. The Dual Nature of Law // Ratio Juris. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 167–182.

255. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 94–123.

256. Arkhipov V., Naumov V., The Legal Definition of Personal Data in the Regulatory Environment of the Russian Federation: Between Formal Certainty and Technological Development // Computer Law and Security Review. – Dorchester (UK), 2016. – Volume 32. – Issue 6. PP. – 868–887.

257. Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper [Electronic resource] // Social Sciences Research Network. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019).

258. Austin J. Truth / Supplementary Volume XXIV, 1950 [Electronic resource] // Proceedings of the Aristotelian Society. The Virtual Issue No. 1. 2013. – [Site]. – URL: https://www.aristoteliansociety.org.uk/pdf/austin.pdf (accessed: 10.09.2019).

259. Bix B. Cautions and Caveats for the Application of Wittgenstein to Legal Theory [Electronic resource] / Law and Social Justice, Campbell, O'Rourke & Shier, eds, MIT Press, pp. 217–229 // Social Science Research Network. – [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=619123 (accessed: 10.09.2019).

260. Bix B. Robert Alexy, Radbruch's Formula, and the Nature of Legal Theory // Rechtstheorie. – Vol. 37. – 2006. – PP. 139–149.

261. Bix B. Radbruch's Formula and Conceptual Analysis // The American Journal of Jurisprudence. 2011. Vol. 56. PP. 45 – 57.

262. Blackwell C., Carroll J. Minecraft Economics: A Study of Wealth Inequality in a Virtual World [Electronic resource] // Social Science Research Network. – 4 June 2018. – [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=3185048 (accessed: 04.07.2018).

263. Briquel D. The Punishment of the Hellespont by Xerxes: Perception of Religious Behaviour of the Enemy in Conflict Situations [Electronic resource] // Graeco-Latina Brunensia. 2016. No. 2. P. 51. – URL: https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/136219 (accessed: 28.01.2019).

264. Castronova E. The Right to Play // New York Law School Law Review. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 185-210.

265. Chernilo D. The Theorization of Social Co-Ordinations in Differentiated Societies: The Theory of Generalized Symbolic Media in Parsons, Luhmann and Habermas // British Journal of Sociology. 2002. Vol. 53. Issue 3. – PP. 431 – 449.

266. Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // Games and Culture. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408 – 417. – URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575 (accessed: 02.07.2018).

267. Dalton H.L. “Disgust” and Punishment // The Yale Law Journal. 1986-1987. Vol. 96. PP. 881–913.

268. Dickerson R. Statutory Interpretation: Core Meaning and Marginal Uncertainty // Missoury Law Review. – 1964. – Vol. 29. – PP. 1–12.

269. Duxbury N. Golden Rule Reasoning, Moral Judgment, and Law // Notre Dame Law Review. 2009. Vol. 84. Issue 4. PP. 1529–1605.

270. Dworkin R. Lord Devlin and the Enforcement of Morals // The Yale Law Journal. 1965-1966. Vol. 75. P. 986–1005.

271. Fairfield J., The Language-Game of Privacy // Michigan Law Review. – 2018. – Vol. 116. Issue 6. – P. 1171.

272. Fairfield J. The Magic Circle // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law. – 2009. – No. 1 (May). – PP. 823 – 840.

273. Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 630-672.

274. Hamari J., Sjöblom M. What is eSports and why do people watch it? // Internet Research. – Vol. 27. – Issue 2. – PP. 211–232.

275. Hare R.M. The Promising Game // Revue Internationale de Philosophie. – 1964. – Vol. 18. – No. 70(4). – PP. 398–412. – URL: https://www.jstor.org/stable/23940466 (accessed: 26 July 2018).

276. Hart H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 593-629.

277. Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism // Brooklyn Law Review. 2011. Vol. 76. PP. 917–939.

278. Jiang M. Authoritarian Informationalism: China’s Approach to Internet Sovereignty // SAIS Review of International Affairs. 2010. No. 30(2). PP. 71-89. – Available at Social Science Research Network [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1702128 (accessed: 02.10.2018).

279. Jackson B.S. Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence // Droit et société. – 1991. – No. 17-18. – PP. 99 – 123. – doi: https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105.

280. Johnson H.M. The Generalized Symbolic Media in Parsons' Theory // Sociology & Social Research. 1973. – PP. 208 – 221.

281. Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation // ARSP: Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 2004. Vol. 90. No. 1. PP. 51–65.

282. Lastowka G. The Player-Authors Project [Electronic resource] // Social Science Research Network. – 30 November 2013. – [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=2361758 (accessed: 04.07.2018).

283. Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website. – [Site]. – URL: http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (accessed: 26.01.2019).

284. MacCormick N. Legal Deduction, Legal Predicates and Expert Systems // Revue Internationale de semiotique juridique. – 1992. – Vol. 5. – P. 181–202.

285. Malaby T.M. Beyound Play: A New Approach to Games. [Electronic resource] // Social Science Research Network [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=922456 (accessed: 02.07.2018).

286. Manning J.F. The Absurdity Doctrine // Harvard Law Review. 2003. Vol. 116. PP. 2387–2486.

287. Marmor A. The Pragmatics of Legal Language // Ratio Juris. – 2008. – No. 4. – PP. 423–452.

288. McIntyre J. Making the Law Explicit: The Normativity of Legal Argumentation. By Matthias Klatt // The Cambridge Law Journal. 2011. Vol. 70. No. 3. – PP. 674–676.

289. Midgley M. The Game Game // Philosophy. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: https://www.jstor.org/stable/3750115 (accessed: 26 July 2018).

290. Nyberg A.K. Seal of Approval: The Origins and History of the Comics Code. Vol 1. Jackson: University Press of Mississippi, 1994. – 1228 p. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://books.google.ru/books?id=WGDschFUKRQC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed: 15.01.2019).

291. Polyakov A., The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – PP. 1–36.

292. Radbruch G. Statutory Lawlesness and Supra-Statutory Law (1946) // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26. No. 1. PP. 1 – 11.

293. Raessens J. The Ludic Turn in Media Theory / Lecture. 2012 [Electronic resource] / Utrecht University Repository. – [Site]. – URL: https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/255181 (accessed: 03.08.2019).

294. Rodriguez H. The Playful and the Serious: An approximation to Huizinga's *Homo Ludens* [Electronic resource] / Game Studies. The International Journal of Computer Game Research. 2006. Vol. 6. Issue 1 // "Game Studies". – [Site]. – URL: http://gamestudies.org/0601/articles/rodriges (accessed: 25.07.2019).

295. Rustad M.L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Social Science Research Network Website, URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799578 (accessed: 24.01.2019).

296. Sergeyeva O., Tsareva A., Zinoveva N., Kononova O. Social Skills Amongst MMORPG-Gamers: Empirical Study // SHS Web of Conferences. – 2018. – No. 50. PP. 1–5. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001008.

297. Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/ (accessed: 17.10.2018).

298. Staszewski G. Avoiding Absurdity // Indiana Law Journal. 2006. Vol. 81. PP. 1001–1065.

299. Stenros J. In Defence of Magic Circle: The Social and Mental Boundaries of Play [Electronic resource] / Proceedings of DiGRA Nordic 2012 Conference: Local and Global – Games in Culture and Society // Digital Games Research Association. – [Site]. – URL: http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/12168.43543.pdf (accessed: 06.02.2019).

300. Thacker L.E. Interpretation and Legal Theory. A. Marmor. Oxford: Clarendon Press, 1992, 193 pp. (Review) // Dalhousie Journal of Legal Studies. – 1993. – Vol. 2. – PP. 330–338.

301. Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology / Ed. by A. Javier Treviño, Foreword by Neil J. Smelser. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001. – 261 p.

302. Turner T.S. Parsons' Concept of "Generalized Media of Social Interaction" and its Relevance for Social Anthropology // Sociological Inquiry. 1968. Vol. 38. Issue 2. – PP. 121 – 134.

303. Turner B.S., Preface to the New Edition // Parsons T., The Social System. London: Routledge, 1991. – pp. 14 – 31.

304. Van Doren J.W. Theories of Professors H.L.A. Hart and Ronald Dworkin – A Critique // Cleveland State Law Review. 1980. Vol. 279. PP. 279 – 309.

Монографии и иные книги

305. Brandom. R.B. Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard University Press, 1994. – 741 p.

306. Caenegem R.C. van. An Historical Introduction to Private Law. 1992. – 215 p.

307. Coleman J. The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. Oxford, 2001. – 248 p.

308. Costello M.J. Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America. New York: Continuum. 2009. – 293 p.

309. Cotterrell R. Law, Culture and Society. Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Hampshire: Ashgate, 2006. – 205 p.

310. Devlin P. The Enforcement of Morals. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p.

311. Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. – 2008. – 461 p.

312. Feinberg J. Harm to Others. New York: Oxford University Press. 1984. – 288 p.

313. Fine G.A. Shared Fantasy: Role-Playing Games as Social Worlds. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 298 p.

314. Fuller L.L. Anatomy of the Law. New York and Toronto: The New American Library, 1969. – 196 p.

315. Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p.

316. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. – Boston: Northeastern University Press, 1974. – 586 p.

317. Handbook of the Sociology of Emotion: Volume II / Ed. by Stets J.E., Turner J.H. – Heidelberg, New York, London: Springer, 2014. – 578 p.

318. Hart H.L.A. The Concept of Law. – 2nd Edition. – New York: Oxford University Press, 1994. – 315 p.

319. Klatt M. Making the Law Explicit. The Normativity of Legal Communication. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2008. – 303 p.

320. Korzybski A. Science and Sanity. 5th Ed. 2nd Printing. Brooklyn, New York: Institute of General Semantics, 2000. – 825 p.

321. Lastowka G. Virtual Justice. The New Laws of Online Worlds. New Haven and London: Yale University Press. 2010.

322. Manovich L. The Language of New Media. London: MIT Press: Cambridge, Massachusets, 2001. – 202 p.

323. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. 2nd Ed. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2005. – 179 p.

324. Mill J.S. Utilitarianism, Liberty and Representative Government, London: Dent. 1920. – 393 p.

325. Parsons T., The Social System. London: Routledge, 1991. – 404 p.

326. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Oxford University Press. 1986. – 434 p.

327. Ross A. On Law and Justice (1959). – Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd., 2004. – 383 p.

328. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 326 p.

Материалы СМИ, блогосферы и прочих интернет-ресурсов

329. 10 Weird and Wonderful Cases Every Law Student Should Know About [Electronic resource] // Oxford Royale Academy. – [Site]. – URL: https://www.oxford-royale.co.uk/articles/weird-wonderful-law-cases.html (accessed: 28.01.2019).

330. Abandonment / Comics Code Authority // Wikipedia. – [Electronic Resource]. – [Site]. URL: – https://en.wikipedia.org/wiki/Comics_Code_Authority#cite_note-3 (accessed: 15.01.2019).

331. Allen N. To Kill a Mockingbird and Huckleberry Finn banned from schools in Virginia for racism // The Telegraph. 5 Dec. 2016. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/05/kill-mockingbird-huckleberry-finn-banned-schools-virginia-racism/ (accessed: 02.10.2018).

332. Amini T., 25 Video Game Violence Studies, Summarized // Kotaku. 1/17/13 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://kotaku.com/5976781/25-video-game-violence-studies-summarized (accessed: 11.01.2019).

333. Belgium Joins the Netherlands in Ruling that Declares Some Loot Boxes Illegal [Electronic resource] // IGN. 25 Apr. 2018. – [Site]. – URL: https://www.ign.com/articles/2018/04/25/belgium-joins-the-netherlands-in-ruling-that-declares-some-loot-boxes-illegal (accessed: 25.02.2019).

334. CBLDF Case Files – Texas v. Castillo [Electronic resource] // Comic Book Legal Defense Fund. – [Site]. – URL: http://cbldf.org/about-us/case-files/cbldf-case-files/castillo/ (accessed: 21.02.2019).

335. China to Crack Down on Children's Video Gaming Time Amid Fears Over Addiction [Electronic resource] // The Telegraph. 31 August 2018. – [Site]. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/31/china-crack-childrens-video-gaming-time-amid-fears-addiction/ (accessed: 24.02.2019).

336. ESRB Ratings Guide [Electronic resource] // ESRB. – [Site]. – URL: http://www.esrb.org/ratings/ratings_guide.aspx (accessed: 21.02.2019).

337. Facebook. Our History [Electronic resource] // Facebook Newsroom. – [Site]. – URL: https://newsroom.fb.com/company-info/ (accessed: 26.01.2019).

338. Feinberg, Joel [Electronic resource] // Encyclopedia.com. – [Site]. – URL: https://www.encyclopedia.com/humanities/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/feinberg-joel-1926-2004 (accessed 23.01.2019).

339. Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

340. Joseph Raz [Electronic resource] // Columbia University. – [Site]. – URL: https://www.law.columbia.edu/faculty/joseph-raz (accessed: 26.01.2019).

341. Lifetime Achievement [Electronic resource] // PC Magazine. December 22, 2004. – [Site]. – URL: https://www.pcmag.com/article2/0,2817,1744159,00.asp (accessed: 23.01.2019).

342. Pokémon Go (см.: Pokémon Go [Electronic resource] // Pokémon Go. The Pokémon Company International, Inc. – [Site]. – URL: https://www.pokemongo.com/en-us/ (accessed: 24.01.2019).

343. The Comics Code of 1954 // Comic Book Legal Defense Fund. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://cbldf.org/the-comics-code-of-1954/ (accessed: 15.01.2019).

344. Deadpool // Marvel. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.marvel.com/characters/deadpool-wade-wilson (accessed: 15.01.2019).

345. Lastowka G. The New Laws of Online Worlds (Annotation) [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice (accessed: 04.02.2019).

346. Lolita / The Hunger Games Reaches Another Milestone: Top 10 Censored Books // Time. Sept. 28, 2008 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://entertainment.time.com/2011/01/06/removing-the-n-word-from-huck-finn-top-10-censored-books/slide/lolita/ (accessed: 02.10.2018).

347. Macleod C. John Stuart Mill [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (August 25, 2016). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/mill/ (accessed: 23.01.2018).

348. Manhunt [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: https://www.rockstargames.com/manhunt/ (accessed: 21.02.2019).

349. Morton J. Obituary: Lord Devlin [Electronic resource] // Independent. 11 August 1992. – [Site]. – URL: https://www.independent.co.uk/news/people/obituary-lord-devlin-1539619.html (accessed: 23.01.2019).

350. PEGI Age Ratings [Electronic resource] // PEGI. – [Site]. – URL: https://pegi.info/page/pegi-age-ratings (accessed: 21.02.2019).

351. M. Raei. Jean Baudrillard and the notion of modernity and media // Medium.com. Feb. 11, 2018. – [Site]. – URL: https://medium.com/@raeimohsen/jean-baudrillard-and-the-notion-of-modernity-and-media-4b5fc1a92f7c (accessed: 09.09.2019).

352. Raphael Koster [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,327570/ (accessed: 23.01.2019).

353. Report of Committee on Homosexual Offences and Prostitution (Cmnd 247). 1957 [Electronic resource] // The National Archives. – [Site]. – URL: http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C1386377 (accessed: 23.01.2019).

354. Roberts W. The Dumbest Lawsuits in Recent History [Electronic resource] // Ranker. – [Site]. – URL: https://www.ranker.com/list/the-13-dumbest-lawsuits-in-recent-history/williammtx (accessed: 28.01.2019).

355. Seriousness [Electronic resource] // The Free Dictionary. – [Site]. – URL: http://www.thefreedictionary.com/Seriousness (accessed: 25.07.2019).

356. Space Invaders. Electronic Game [Electronic resource] // Encyclopaedia Britannica. – [Site]. – URL: https://www.britannica.com/topic/Space-Invaders (accessed: 21.02.2019).

357. Thomas Reid Quotes [Electronic resource] // Goodreads. – [Site]. – URL: https://www.goodreads.com/author/quotes/17381.Thomas_Reid (accessed: 24.02.2019).

358. Udupa S., Costa E., Budka P. The Digital Turn: New Directions in Media Anthropology / Discussion Paper for the Follow-Up E-Seminar on the EASA Media Anthropology Network Panel "The Digital Turn" at the 15th European Association of Social Anthropologists (EASA) Biennal Conference, Stockholm, Sweden, 14-17 August 2018 [Electronic resource] // Media Anthropology Network. – [Site]. – URL: http://www.media-anthropology.net/file/udupa_costa_budka_digital_turn_discussion_paper.pdf (accessed: 03.08.2019).

359. Unger R. 25 Insane Court Cases That Never Should Have Made It To Court [Electronic resource] // MoneyVersed. – [Site]. – URL: http://moneyversed.com/absurd-court-cases/ (accessed: 28.01.2019).

360. USK - Unterhaultungssoftware Selbstkontrolle [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/en/ (accessed: 21.02.2019).

361. Video Gaming Industry Overview // WePC. May 2018. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.wepc.com/news/video-game-statistics/ (accessed: 11.01.2019).

362. Will Wright [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,4217/ (accessed: 23.01.2019).

363. Wilson M.D. Comics Bogeyman: A Look Back at 'Seduction of the Innocent' // Comic Alliance. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://comicsalliance.com/history-fredric-wertham-seduction-of-the-innocent/ (accessed: 15.01.2019).

364. YouTube Policies and Safety [Electronic resource] // YouTube. – [Site]. – URL: https://www.youtube.com/intl/en-GB/yt/about/policies/#community-guidelines (accessed: 21.02.2019).

365. Zimmerman E. Jerked Around by the Magic Circle – Clearing the Air Ten Years Later [Electronic resource] // Gamasutra. – [Site]. – URL: https://www.gamasutra.com/view/feature/135063/jerked_around_by_the_magic_circle_.php (accessed: 18.10.2018).

Приложение 1. Структурная схема логики концепции семантических пределов права

Таблица 1. Структурная схема логики концепции семантических пределов права

Семантические пределы права		***Соответствие критериям***			
Критерии	***«СЕРЬЕЗНОСТЬ»*** – *«Валютная ценность» предмета отношений (Т. Парсонс и др.)*	Нет	Есть	Нет[562]	Есть
	«РЕАЛЬНОСТЬ» – *Адекватность функциональности предмета отношений*[563]	Нет	Нет	Есть	Есть
Квалификация результата толкования по отношению к здравому смыслу		Абсурдность	Взвешивание ценностей / мораль		Здравый смысл
Пример практической ситуации		Блокировка сайта с фантазийным рецептом динамита из *Minecraft*. Предмет функционально фантазиен, а применение динамита в *Minecraft* не имеет «валютной ценности» в смысле соответствующей нормы.	Социальная сатира в отношении реальных субъектов. Предмет очевидно серьезен (конвертация), но чаще всего нереален. Правоприменение зависит от взвешивания свободы слова и иных ценностей.	Полевая ролевая игра с использованием реального оружия. Предмет несерьезен, но функционально адекватен. Идет взвешивание общественной опасности и права на отдых / культуру.	Классическая "*gunman situation*", в которой разбойник опирается на насилие (посягая на «социально-валютную ценность»), и при этом использует реальное оружие для получения реальных денег (главный предмет, пожалуй, именно деньги, а не оружие).

[562] В данном случае можно предположить, что «социально-валютная ценность» отсутствует в результате изменения конвенции – принцип согласия Дж. Фэйрфилда.

[563] «Серьезность» и «реальность» предмета отношений – взаимосвязанные и взаимоопределяемые критерии. Адекватность функциональности должна определяться в том аспекте предмета, в котором он имеет валютную ценность, и наоборот. **Анализ фактического состава как часть процесса правоприменения должен включать в себя интеллектуальный процесс выделения элементов, имеющих «социально-валютную ценность» и проверку их функциональной адекватности (или наоборот, в зависимости от ситуации)**. «Валютная ценность» должна оцениваться с точки зрения предмета регулирования нормы, вопрос о применении которой к отношениям рассматривается.

Приложение 2. Функциональная схема аналитического процесса применения концепции семантических пределов права («пограничная ситуация» толкования)

Таблица 2. Функциональная схема аналитического процесса применения концепции семантических пределов права («пограничная ситуация» толкования)

№	Последовательный этап процесса	Описание / пояснение этапа процесса	Практический пример (блокировка сайта *Minecraft*)[564]
1.	Рациональная или интуитивная **постановка гипотезы об абсурдности** результата толкования права	С точки зрения философии здравого смысла, интуитивная постановка такой гипотезы в порядке вещей – бывает очевидно, что «что-то не так» с толкованием. С более развернутой точки зрения можно отметить, что возможность и правомерность интуитивной постановки вопроса объясняется тем, что прошедший социализацию (в том числе, профессиональную) специалист в области права, личность которого является продуктом своей социальной реальности, как минимум, примерно осознает или «чувствует» характерные для данного общества и времени обобщенные символические посредники и может догадываться о том, что с этим «что-то» может быть «не так». Сомнения в изоморфности предмета отношения центральному значению правовой нормы при этом могут быть вполне рациональны – достаточно отсутствия прямого логического соответствия.	В случае, если ограничивается информация о блокировке интернет-сайта, содержащего описание рецепта «взрывчатого вещества» из компьютерной игры, усматриваются интуитивные основания об абсурдности результата толкования соответствующих правовых текстов.
2.	Установление именно того **предмета общественного отношения**, анализ качеств которого необходим для разрешения данного дела.	Один из наиболее сложных этапов в рамках концепции. Любое реальное общественное отношение представляет собой сложный состав, включающий несколько возможных предметов, каждый из которых может быть потенциально связан с разными обобщенными символическими посредниками. Таким образом, на данном этапе осуществляется выбор ракурса рассмотрения ситуации. Поскольку ключевые практические задачи концепции семантических пределов права заключаются в том, чтобы	Предмет отношений, связанных с размещением такого рецепта, может быть разным – например, распространение подобного контента может оцениваться с точки зрения права интеллектуальной собственности или свободы творчества. Возможность блокировки сталкивается с этими ценностями. При этом возможность блокировки связана с гипотетическим представлением о том, что это

[564] Сквозной репрезентативный пример настоящего исследования. Как минимум, один раз было вынесено судебное решение об ограничении доступа к сайту популярной (и довольно невинной) компьютерной игры *Minecraft*, где содержался «рецепт изготовления динамита», который был вымышленным. Сам Роскомнадзор счел такое решение абсурдным, и не стал блокировать сайт. Более подробно см. § 5 Главы 1 настоящего исследования.

		предложить модели и структурировать формы для применения, толкования и создания права в «области полутени», отправной точкой для установления предмета может выступать, например, и центральное значение правовой нормы, и приоритет государственной политики, и иное наличествующее позитивное (в смысле позитивного права или позитивной морали) основание, которое прямо или косвенно приводит к столкновению с какой-либо разделяемой ценностью.	«террористическая деятельность» (тогда как абсурдность – с тем, чтобы называть так процесс развлекательной компьютерной игры – можно усмотреть здесь элементы гротеска). Предмет отношений, таким образом, это информация о предмете, предположительно, террористической деятельности.
3.	**«Подготовка» центрального значения правовой нормы** для последующего использования в качестве референта для проверки функциональной адекватности предмета правового отношения.	Данный этап основан на представлении о том, что в любом правиле, независимо от степени формальной неопределенности, допустимо выделить, как минимум, одно значение, которое может быть отнесено к области «центрального значения» в терминологии Г. Харта. Используя метод гипотезы и логические приемы *аналитически выделяется такое модельное центральное значение либо круг значений*, о которых можно сказать, что они – центральные, после чего, при необходимости, осуществляется *абстрагирование от деталей для формирования функциональности* модельного центрального значения.	В центральное значение соответствующей правовой нормы входит распространение такого рецепта динамита, в результате которого может быть создано реальное взрывчатое вещество.
4.	Проверка **функциональной адекватности предмета отношения центральному значению правовой нормы**, которая предположительно подлежит применению в данном деле.	Данный этап находится в зависимости от результатов предыдущих этапов. Выделенная абстрактная функциональность, лежащая в основе центрального значения соответствующей правовой нормы, *сопоставляется с функциональностью предмета отношений, который был выделен на втором этапе* процесса установления семантических пределов права в данной конкретной ситуации.	Функциональность рецепта динамита в игре сопоставляется с функциональностью рецепта динамита в «реальной» жизни. Делается вывод о фантазийности функциональности динамита в игре. По сути, сравниваются два информационных объекта. **Подчеркнем, что ответ был бы иным, если бы функциональность рецепта динамита в игре была бы адекватна функциональности рецепта динамита в реальной жизни.**
5.	Оценка «**социально-валютной ценности» предмета отношения** с точки зрения теоретической и эмпирической социологии.	Параллельно с процессом определения функциональной адекватности (изоморфности, не-фантазийности) предмета отношений, находящегося в центре спорной, потенциально абсурдной ситуации, происходит оценка этого предмета с точки зрения эмпирической социологии. Ключевой метод – *мысленный эксперимент, в идеале основанный на*	С точки зрения эмпирической социологии, *именно в том ракурсе, в котором мы рассматриваем предмет отношения* (см. результат этапа 2), не имеет конвертируемой «социально-валютной ценности». Например, отсутствуют подтверждения тому, что игра

		эмпирических данных,[565] *о конвертируемости ценностной составляющей данного предмета отношений*, в том числе с опорой на представление о внешних референтах ценности, в обобщенные символические посредники или же, если речь уже идет о потенциальном посреднике, в *другие* обобщенные символические посредники.	*Minecraft* используется террористами в качестве идеологического инструмента. **Подчеркнем, что ответ был бы иным, если бы в современной культуре и социальной жизни игра *Minecraft* была бы «культовым» феноменом среди террористов. Или, например, среди идеологов массовых убийств в школах. Эмпирические подтверждения, даже косвенные, этому на данный момент отсутствуют (в отличие, например, от некоторых других компьютерных игр – предмет отдельного обсуждения).**
6.	Структурирование юридической аргументации посредством **«перевода» ключевых аргументов проведенного анализа на язык юридической догматики**.	По итогам реализации мыслительного (и, по мере возможности и необходимости, эмпирического) процесса на предыдущих этапах, сформирована социолого-правовая и теоретико-социологическая система аргументов, обосновывающая применение или отсутствие возможности применения правовой нормы. Однако она должна быть переведена на язык юридической догматики для того, чтобы включиться в систему рациональной юридической аргументации, которая сама по себе выступает в качестве внешнего референта ценности, обеспечивающего функционирование правовой системы как подсистемы общей социальной системы, основанной на таких обобщенных символических посредниках, как приверженность ценностям (*value commitments*) и, особенно, влияние.	Указанные выше аргументы «переводятся» на язык формально-догматической юриспруденции для того, чтобы подготовить связную юридическую аргументацию. На данном этапе, на основе семантического анализа, уже эксплицитно используется синтаксис. Основной вывод в примере: применять нормы, допускающие ограничение информации о средствах осуществления террористической деятельности, абсурдно, потому что функциональность предмета отношений фантазийна, и предмет отношений не имеет конвертируемой «социально-валютной ценности».

[565] Эмпирическим подтверждением конвертируемой валютной ценности могут служить, например, подтвержденные репрезентативные и релевантные примеры (а) коммерциализации предмета отношений (обобщенный символический посредник – деньги), использования предмета отношений в мобилизации социальных групп в политической деятельности (обобщенный символический посредник – политическая власть) и иные примеры конвертации в иные обобщенные символические посредники высокого уровня абстрагирования, а равно (б) причинно-следственной связи между предметом отношений и существующих на уровне общества практик низкого уровня абстрагирования, лежащих при этом в основе тех или иных обобщенных символических посредников (например, конвертация искусства в насилие «монополистического» или «квази-монополистического» характера как объект низкого уровня абстрагирования, лежащий в основе политической власти (Т. Парсонс).

			В «переводе» на язык формально-догматической юриспруденции: «*Данное толкование правовой нормы является абсурдным, поскольку диспозицией указанной нормы не охватываются обстоятельства дела. Предмет общественных отношений не может рассматриваться как специальный объект правоотношения об ограничении информации о способах осуществления террористической деятельности. Соответствующий закон регулирует наиболее важные общественные отношения, но таковые в рассматриваемом случае отсутствуют*». Отметим, при этом, в каких случаях аргументация и ответ изменятся: 1) Если мы будем анализировать ситуацию с точки зрения иного предмета отношения (для отношений в области современного интерактивного искусства можно выделить предмет, имеющий «социально-валютную ценность»). 2) Если внутриигровой рецепт динамита будет функционально соответствовать реальному рецепту динамита. В таком случае есть функциональная адекватность и вопрос о возможности ограничения такой информации перестает быть праздным.[566]

[566] В действительности, это второе потенциальное исключение очень важно для всего исследования. *Во-первых*, оно может рассматриваться как вывод для информационного права (установление такого ограничения может быть легитимно, поскольку может быть рационально обосновано при условии «взвешивания» против свободы информации). *Во-вторых*, как вывод для гейм-дизайна (разработчикам рекомендуется учитывать реальность объекта, поскольку это может создать риски или, наоборот, если речь не идет о динамите и подобных вещах, возможности для игры). *В-третьих*, как вывод для *game*

			3) Даже если внутриигровой рецепт динамита будет фантазийным, но за счет, например, «языковой игры» (слово «динамит» и там, и там) сама игра станет инструментом идеологического воздействия террористов или иных правонарушителей (т.е. обретет конвертируемую «социально-валютную ценность»), вопрос о возможности ограничения такой информации также перестает быть праздным.

studies (изоморфность функциональности элементов игры реальным предметам – необходимый фактор для переквалификации продукта, например, из развлекательного в обучающий).

Приложение 3. Таблица соответствия выражений юридической догматики и понятий концепции семантических пределов права

Таблица 3. Соответствие выражений юридической догматики и понятий концепции семантических пределов права

№	Примерное[567] выражение юридической догматики	Понятие концепции семантических пределов права	Пояснение
1.	«Абсурдное толкование [правового текста]».	***Значение 1***. Результат юридического толкования, предполагающий применение нормы права к общественным отношениям, предмет которых не обладает качествами «серьезности» и «реальности» в одно и то же время. ***Значение 2***. Результат юридического толкования, предполагающий применение нормы права к общественным отношениям, предмет которых не обладает каким-либо одним из принципиальных качеств («серьезности» или «реальности»), и при этом результат «взвешивания» моральных ценностей в данном обществе на данном этапе развития исключает применение правовой нормы.	Несмотря на то, что и в правоприменительной практике, и в отдельных нормативных правовых текстах, и в теории юридического толкования используется критерий «абсурда», как правило, он не раскрывается достаточно подробно и конкретно, чтобы использовать его в реальной юридической аргументации. Придание четкого круга значений термину «абсурд» в контексте юридического толкования и является одной из ключевых задач настоящего исследования.
2.	«Диспозицией [*гипотезой* / *санкцией*] правовой нормы не охватываются [данные] факты дела» и (или) «Данные факты дела не входят в предмет правового регулирования данной правовой нормы».	Предмет рассматриваемых отношений *фантазиен* (функционально не адекватен) центральному значению правовой нормы.	«Фантазийность» предмета отношений, с точки зрения изоморфной интерпретации теории корреспондентной истины и по отношению к центральному значению правовой нормы, по определению означает, что факты, составляющие данный предмет не являются *юридическими фактами*.
3.	«Исходя из смысла рассматриваемой правовой нормы, она не распространяется на данные отношения».	«Предмет общественных отношений имеет *“социально-валютную ценность”*, хотя мы *не обязательно можем утверждать*, что предмет *функционально адекватен* центральному значению	Если предмет является внешним референтом ценности с точки зрения эмпирической социологии (далее – «ВРЦ») и (или) иным образом носит социально-валютную ценность, отсылающую к

[567] Слово «примерный» в данном случае нацелено на пояснение того, что конкретные выражения юридической догматики

		правовой нормы. Если предмет фантазиен, нам необходимо осуществить «взвешивание» моральных ценностей для установления возможности правоприменения как результата расширительного толкования правового текста».	конвертируемому обобщенному символическому посреднику (далее – «ОСП»), хотя и не упоминается или не подразумевается в правовой норме напрямую, он, тем не менее, может (и, вероятно, должен) регулироваться правом. Однако поскольку решение о применении права в данном случае неочевидно, необходимо обоснование, предполагающее «взвешивание» моральных ценностей.
4.	«В законодательстве есть пробел, и его необходимо устранить посредством аналогии права [*аналогии закона*]».	Аналогично вышеизложенному, но при этом мы можем однозначно утверждать, что функциональность предмета отношения неадекватна (фантазийна) функциональности, подразумеваемой в центральном значении правовой нормы.	Аналогично вышеизложенному, с учетом поправки об однозначном понимании фантазийности предмета.
5.	«Наиболее важные общественные отношения».	Общественные отношения, предмет которых имеет *«социально-валютную ценность»*.	По многочисленным изданиям в области теории права кочует универсальное «объяснение» того, что может регулировать право. Конечно, право – на примере расхожего определения закона – может регулировать лишь «наиболее важные общественные отношения». Разумеется, это так. Но концепция семантических пределов права позволяет устранить аморфность круга значений данного термина и объяснить принцип выделения наиболее важных общественных отношений – через «социально-валютную ценность».
6.	«Специальный объект правоотношения».[568]	Внешний референт ценности.	Специальный объект правоотношения носит ценностные свойства, а для права «ценностные свойства» имеет то, что отражает «социально-валютную

[568] Как отмечают А.В. Поляков и Е.В. Тимошина, «Специальным объектом правоотношений можно считать конкретные материальные и нематериальные, одушевленные и неодушевленные объекты – носители ценностных свойств». См.: Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. С. 387. Указанное определение приведено в рамках плюралистической теории объекта правоотношения.

			ценность», конвертируемую в альтернативные ОСП. Поэтому специальный объект, как *конкретный* материальный или нематериальный объект, и представляет собой ВРЦ.
7.	«Общественная опасность».	«Серьезность» в значении конвертируемой «социально-валютной ценности».	Нюанс в том, что серьезность не обязательно означает общественную опасность – она означает достаточно часто ее полную противоположность. Условно такую противоположность можно назвать «общественной пользой» (очень похоже, что здесь мы сближаемся с утилитаризмом).

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
DEPARTMENT OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Manuscript copyright

ARKHIPOV
Vladislav Vladimirovich

SEMANTIC LIMITS OF LAW IN THE CONDITIONS OF MEDIAL TURN: THEORETICAL LEGAL INTERPRETATION

Specialty 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of legal and political teachings

DISSERTATION
for a degree of
doctor of legal sciences

Research advisor
doctor of legal sciences, professor
Kozlikhin Igor Yuryevich

Saint Petersburg
2019

CONTENTS

INTRODUCTION 7

CHAPTER 1. Problem statement in the light of the methodological approach, empirical material and socio-cultural context 65

§ 1. General remarks on the methodological approach of the research: linguistic philosophy and social constructionism 65

§ 2. Legal collisions of game activity in digital environment as the main premise of the research 73

§ 3. Interconnection between legal collisions of game activity in digital environment and other similar collisions 88

§ 3.1. Reservations about "artistic nature" in the criteria of information prohibited in the Internet 91

§ 3.2. Protecting children from information and legal qualification of "violence" in videogames 96

§ 3.3. Protecting historical memory with the instruments of criminal and administrative law 101

§ 3.4. Legal qualification of the objective side of crimes committed with the use of fake weapons 103

§ 3.5. Discussions in the area of law related to the appropriateness limits of artistic creativity 105

§ 3.6. Jokes, anecdotes and parodies within and outside of the limits of appropriateness from the legal standpoint 111

§ 3.7. Materials that lost their relevance in the context of the “right to be forgotten” 115

§ 3.8. Problems of legal separation between gambling games and games that cannot be considered as the gambling ones 116

§ 4. The concept of the medial turn as a generalization of key features of the socio-cultural context of the problem 119

§ 5. Forming of the hypothesis of the semantic limits of law: virtual reality, absurdity and common sense 141

CHAPTER 2. The quest for the methodology of resolving the problem of and reconstructing the semantic limits of law 151

§ 1. Attempts of reconstructing the limits of law based on the approaches of moral philosophy 151

§ 2. Hart-Fuller debate and consequent re-consideration of the debate’s discourse 164

§ 3. Assessment of the semantic limits of law based on the approaches that pretend to have an understanding of absurdity 173

§ 3.1. Selected examples of references to absurdity in the Russian practice of application of law 174

§ 3.2. Development of the “absurdity doctrine” in the context of foreign practice of application of law 187

§ 3.3. Assessment of the ideas of absurdity through the prism of the concepts of common sense 193

§ 3.4. Preliminary conclusions on qualities and kinds of absurd in interpretation and application of law 198

§ 4. Reconstructing the semantic limits of law with the help of deontic logic: an experience of reconsideration 200

§ 4.1. Critical overview of the theory of the semantic normativity by Matthias Klatt 201

§ 4.2. General remarks on the semantic limits of law, exclusive positivism and deontic logic 209

§ 5. Interdisciplinary concept of the "magic circle" in game studies 213

§ 6. The concept of generalized symbolic media in theoretical sociology 231

CHAPTER 3. Reconstructing of the conception of the semantic limits of law: contents, significance, methodological potential 246

§ 1. Reconsidering the problem of the "magic circle": from qualification of social relationships to qualification of their object 246

§ 2. The criterion of seriousness or non-seriousness of object of relationships: "socio-currency value" 251

§ 3. Modeling of commodification as a methodology for calculating convertible socio-currency value 256

§ 4. The criterion of functional adequacy or "fantasy nature" of object of social relationships 264

§ 5. Theoretical modeling of application of the criteria of socio-currency value and functional adequacy 278

§ 6. Spin-off results: analogy of law and game, seriousness as a principle of morality of law, claim of law to seriousness 291

§ 6.1. Analogy of law and game in the history of legal thought and in the context of this research 291

§ 6.2. “Claim to seriousness” and the ninth principle of internal morality of law 300

CONCLUSION 308

LIST OF ABBREVIATIONS AND NOTATION CONVENTIONS 314

LIST OF LITERATURE 315

Sources in Russian language 315

Normative sources 315

Legal practice 318

Academic articles 323

Monographs and other books 330

Dissertations 334

Mass-media, blogs and other Internet sources 335

Sources in foreign languages 337

Normative sources 337

Legal practice 337

Academic articles 338

Monographs and other books 343

Mass-media, blogs and other Internet sources 344

Annex 1. Structural flowchart of the logic of the concept of the semantic limits of law 348

Annex 2. Functional flowchart of analytical process of application of the concept of the semantic limits of law (“borderline situation” of interpretation) 349

Annex 3. The table of correspondence between expressions of legal dogma and the notions of the concept of the semantic limits of law..... 353

INTRODUCTION

Relevance of the research topic. Law is now increasingly dwelling in the "penumbra", the idea of which, in the special sense of the philosophy of law, was formulated in the discussion between H. Hart and L. Fuller in the middle of the XXth century.[1] The ongoing digital transformation of society implies not just the development of technologies – many of them are not divorced from everyday life and change social reality to the same extent that they change the technological landscape. Modern digital technologies predetermine the formation of the information culture in which new communication practices emerge and the old ones change. In the cultural and sociological discourses, research of various aspects of the *medial turn* and *virtual reality* is of particular importance. Among the current technological phenomena of social and humanitarian discourse, above all, those that are directly aimed at social interaction catch our interest. The opportunities of social networks, instant messengers and various other multi-user environments (among which, for the purposes of this study, the videogame ones are or particular relevance) have already given rise to a number of, at first glance, *isolated and funny* legal problems, which in this research are interpreted as, first of all, the *problems of theory of law*, namely – of interpretation of legal texts and application of law.[2] For example, making law enforcement decisions about blocking Internet resources containing information on the objects related to game context, as it happened in the case of blocking of the information on manufacturing of virtual

---

[1] See: Hart H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. – 1958. – Vol. 71. – P. 593–629; Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. – 1958. – Vol. 71. – P. 630–672. The discussion was published in translation into Russian in the journal "Proceedings of Higher Education Institutions. Law" in 2005, see Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals / Transl. into Russian by V.V. Arkhipov // Proceedings of Higher Education Institutions. Law. – 2005. – No. 5. – PP. 102–136; Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – a Reply to Professor Hart / Transl. into Russian by V.V. Arkhipov // Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2005. No. 6. PP. 124–159. The fundamental importance of this discussion for jurisprudence can be considered as a well-known fact in legal studies, and many foreign and domestic authors wrote about it. See e.g.: Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Philosophical Views of the «Early» H. Hart and the Problems of Legal Language // Hart H.L.A. Philosophy and Legal Language. M., 2017. PP. 7–26.

[2] This is the reason for the specialty of 12.00.01, which is attributed to the present study, in which the issues of the operation of law in the media space are considered from the point of view of general theoretical problems of interpretation of law, as well as the implementation and application of law, with their subsequent interpretation as also related to the problems of ontology of law. Accordingly, we are talking about paragraphs 1.14, 1.13 and 1.1 of the Passport of the Specialty 12.00.01 as of September 2019.

"explosives" in *Minecraft* computer game, which presupposes such kind of interpretation as if it was a matter of real objects,[3] or several cases related to the application of property law to relationships of virtual property in other multiplayer online games.[4] However, it is just an illusion that the legal problems reflected in these decisions are isolated and funny. At the heart of this study is the fundamental belief of the author that the enforcement of such decisions, in fact, indicates the presence of *general and serious*,[5] rather than an isolated and funny problem, which at the same time is not confined to the particular problems of civil or information law. This problem is much broader, and it is connected to the philosophical and legal discourse of legal consciousness and legal culture, as well as to the rethinking of the dogmatic aspects of the operation of law, the application of law, the interpretation of law and law making. Law as a social institution is conservative, the historical development of law was focused on that kind of social reality, in which the ethics of "real" and "serious" dominated, while the game element was for a long time ousted from the public consciousness and was tabooed.[6] The contemporary

[3] See: Roskomnadzor Asked not to Ban Minecraft Because of the Recipe of Dynamite, February 03. 2017 [Electronic resource] // RBC Information Agency. – [Site]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/02/2017/58946a839a7947e35f09cc7d_and_media/03/02/2017/58946a839a7947e35f09cc7d (accessed: 04.07.2018). The decision of the court that is referred to in the material cited: Decision of the Zavodoukovsky District Court of the Tyumen Region of 12 July 2016, Case No. 2–662/2016. – [Website]. – URL: https://zavodoukovsky—tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed: 02.10.2018). The main feature of this case is that it really belongs to the "area of penumbra" – unambiguous criteria for evaluating such information, in contrast to other types of information prohibited from dissemination on the Internet, were not established at the time (as well as at the time of writing).

[4] An overview and analysis of selected representative cases is provided, *inter alia*, in the following publications: Ostanina E.A. Grounds for Joining a Multiuser Online Game – Contract with the Participation of Consumers [Electronic resource] // Law in the Internet: Collection of Articles / Ed. by Rozhkova M.A. Moscow: Statute, 2018. – Access from the legal system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).; 70. Arkhipov V.V. Virtual Property: Pervasive Legal Problems in the Context of Computer Games Industry Development // Zakon. 2014. No. 9. P. 69–90; 124. Semenyuta B. Online Games: Legal Nature of the Relationships // Intellectual Property. Copyright and Neighboring Rights. 2014. No. 8. P. 38–45. An in-depth analysis of the legal issues of virtual property from the perspective of civil law is also presented in the works of A.I. Savelyev, in particular in Chapter 6 "Digital Content and Virtual 'Property'" of the book: Savelyev A.I. Electronic Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation. 2nd Edition M.: Statute, 2016. – 640 p. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018), as well as in the article: Savelyev A.I. Legal Nature of Virtual Objects Purchased for Real Money in Multiplayer Online Games // Civil Law Herald. 2014. No. 1. P. 127–150.

[5] As will be shown below, the word "serious" in the context of this study is used not simply as an adjective corresponding to a light literary style, but as a special term referring to the theoretical and sociological concept of generalized symbolic media. For more details, please see § 6 Chapter 2 of this research.

[6] Assessments of this fact by cultural studies scholars are quite typical. For example, O.S. Potapova notes, "at the beginning of the XX century it is unlikely that anyone regarded the newly invented cinema as a new art form. Achievements of technical progress excited and amazed the audience, but did not encourage thinking about the place of cinema in the cultural space. Now the situation has changed dramatically: there is real art, but Hollywood blockbusters are often condemned.

informational culture in the general conditions of medial turn can be characterized, at the same time, by the term "*game turn* " (this term is conventional, because here it is just used as a figure of speech; the characteristic may not be exact – in philosophical, psychological and sociological sense, perhaps, the turn is more towards "unserious", rather than to "game"). In addition to the unprecedented development of various game practices in mass culture, caused by the fundamentally new pace and quality of information exchange technologies, there are more and more situations in everyday life that can be considered controversial in the light of possible law enforcement – among other things, this problem intensifies new legal restrictions and rules for the dissemination of information, which, in turn, is due to the development of concepts of state sovereignty and their extension to the informational space.[7] Under which conditions can a *joke*, that, as a rule, is a phenomenon of "unserious", be recognized as an extremist material?[8] Can a piece of art based on the "imaginary" and not the "real" contain legal qualities of an insult?[9] It appears that these

---

Computer games, which gained a certain cultural space at the beginning of the XXI century, are equally often criticized for undue influence on the minds of the younger generation. Psychologists warn of the possible negative impact of games on the consciousness, and in such an environment, rarely anyone says that computer games claim to be a new kind of art". See: Potapova O.S. Computer Games in the Culture Space // Proceedings of Nizhny Novgorod University Named after N.I. Lobachevsky. 2010. No. 4 (1). P. 349–353.

[7] Thus, for example, A.A. Efremov notes that the trend of "sovereignty" in the information space is expressed, in particular, in the establishment of rules regarding "information, the dissemination of which is prohibited", the activities of organizers of distribution and information and bloggers (the rules in respect of the latter are now abolished), restrictions for foreign media, blocking information resources that violate the rules of processing personal data, the introduction of additional requirements for operators of communication and organizers of information dissemination. See: Efremov A.A. Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 1. P. 202. See also: Efremov A.A. Trends in Development of Legal Regulation of the Information Space // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law. 2017. Vol. 17. No. 2. P. 80–83; Efremov A.A. Protection of the State Sovereignty of the Russian Federation in the Information Space. Moscow: Norma, 2017. – 128 p.

[8] Public significance of this problem caused the adoption of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 No. 11 «On judicial practice in criminal cases on crimes of extremist orientation» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018) with the subsequent amendments reflected in the Resolution No. 32 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 20 September 2018 «On the introduction of amendments to Resolution No. 11 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 «On judicial practice in criminal cases involving extremist crimes». [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

[9] In this case, we are talking about artworks with recognizable or practically identical real prototypes, including historical figures. The question, however, can be formulated in the opposite way: to what extent is it acceptable to use real or living people as prototypes for artistic works? It is noteworthy that, in the current context, both in theory and in practice, personal data legislation can be applied to such cases – in terms of the protection of personal data of real prototypes of characters in artworks that would not have been possible without the use of such personal data. It is no coincidence that Item 8 Part 1 Article 6 of the Federal Law of 27.07.2006 № 152-FZ "On Personal Data" provides as a separate basis for processing personal data "literary or other creative activity", but on condition that the rights and legitimate interests of the subject of personal data are not violated.

issues, particularly topical for the society at this stage (in previous times the rates of production and dissemination of information were lower, and such questions arose less frequently), form a single context that may be subjected to theoretical generalization, in which the main issue will be the following: is it possible to frame in a single concept, partly related to philosophy, and partly to the dogma of law, a conventional boundary, the violation of which would lead that a reference to law in case of a clash with certain phenomenon of media reality is absurd, contrary to common sense, and how it can be identified? This is a question that, in a sense, is related to the concept of the "open texture" of the legal language suggested by H. Hart,[10] and can be interpreted in this case as a problem of interpretation of concept-words used in legal texts and hence as a problem of semantics in law.

To a certain degree, the question has, in fact, already been indirectly addressed by the philosophy of law. Here, for example, is a quotation from L. Fuller's "*Anatomy of the Law*" (1968) (note that from the point of view of philosophical and legal methodology, this book can be correlated with the continuation of at least a part of the tradition of "procedural natural law" of this legal theorist and the development of ideas proposed by the author of this work,[11] taking into account the subsequent development of this discourse):

> «Within any society there are contentions which run *so counter to generally shared assumptions that they would be rejected out of hand by any judge of sound mind* (emphasis added – ***V.A.***). A man kills his father; in answer to a charge of murder he pleads that his father was a virtuous man with a firm belief in heaven; the taking of his life,

---

[10] As noted by V.V. Ogleznev, "the tendency of the rules to have a 'peripheral vagueness' (fringe of vagueness) [1. P. 126], i.e. to become uncertain in borderline cases, is called by Hart as the "open texture" of the rules (and the language as a whole) [1. P. 131]. Adding, however, that the "open texture" of the legal rules should be regarded as an advantage rather than a disadvantage, in the sense that it allows a reasonable interpretation of the rules at a time when they are applied in situations and problematic cases that their creators did not foresee and could not foresee". See: Ogleznev V.V. «Open Texture» of Legal Language // Proceedings of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2016. No. 2 (34). PP. 237–238. Here V.V. Ogleznev refers to the book "Concept of Law" by H.L.A. Hart in translation into Russian, which (the translation) he co-authored, see: Hart, H.L.A. The Concept of Law (in Russian) / Transl. from English; under the editorship of E.V. Afonasin and S.V. Moiseev. St. Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg Saint University, 2007. – 302 p.

[11] See: Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2009. The author's abstract of the author's Candidate's Thesis was published in the "Russian Yearbook of Law Theory" in 2011 (issue for 2009), see: Arkhipov V.V. Concept of Law of Lon L. Fuller // Russian Yearbook of Law Theory. 2011. No. 2–2009. – P. 708–711.

> therefore, dispatched him into an infinity of happiness such as he could never enjoy on earth; one who confers such a boon should be rewarded, not punished. An official embezzles a large sum from the state; he answers the charge against him by citing a preamble of the Constitution declaring that the state exists to promote the greatest happiness of the greatest number; the money he took made the defendant very happy; the resulting infinitesimal diminution in the wealth of every other citizen could not possibly produce a perceptible decrease in *his* happiness. (If these illustrations seem out of place in a serious context like the present, it may be remarked that St. Thomas Aquinas dealt at some length with the problem of the first; Jeremy Bentham gave earnest attention to the issues presented by the second.)… Contentions like those just suggested are not ruled out of order by any statute, judicial decision, or custom. Their rejection does not depend on law; on the contrary, it may be said that the law depends on their rejection in the forum of ordinary lay opinion. Some extralegal consensus on what is clearly out of bounds is essential to shrink the periphery of explicit law to workable dimensions. Paradoxically, the positivist who insists that all true law is explicitly made is the beneficiary of this silent exclusion; without it his "law" would become too chaotic a thing to offer any anchorage for his faith».[12]

L. Fuller is cautious and does not indicate unequivocal assignment of the problem to the discourse of the philosophy of morality. "*Anatomy of the Law*" itself was written later than "*The Morality of Law*" (1964),[13] and this approach is fully justified in the context of the development of the views of the scholar. In some cases, law cannot be applied because such an application would be *absurd*, and not contrary to morality in the strict sense of the word. However, why would it be absurd? The answer to this question, to which this study is largely devoted, is not as simple as it might seem if we consider situations that are less

---

[12] Fuller L.L. Anatomy of the Law (in Russian) / Transl. from English by V.V. Arkhipov // Russian Yearbook of Law Theory. – 2009. – No. 2. – PP. 313–314. In Russian version of the text the quotations from English-language sources were given in the translation of the author of the study. However, hereinafter, the quotations from English-language sources in this English version of the paper are reproduced from original sources, even though the Russian translation is indicated as the primary reference to keep coherence with the Russian version of the text. In this particular case the English text is quoted from the following edition: Fuller L.L. Anatomy of the Law. New York and Toronto: The New American Library, 1969. PP. 177–178.

[13] See: Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p. The book was translated into Russian and published in 2007, see: Fuller L. L. The Morality of Law (in Russian) / Transl. from English by L. T. Danilova under the editorship of A. Kuryaev. – Moscow: IRISEN, 2007. – 308 p. For the nuances of translation from the point of view of the author of the present study, see: Arkhipov V.V. «The Morality of Law» by Lon L. Fuller: on the Publication of the Russian Translation of the Book // Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2008. No. 5 (280). P. 113–121. The peculiarity of L. Fuller's approach, who often identified himself as a supporter of "procedural natural law", implies little attention to substantive moral values. "Naturalness" in his natural law approach is the naturalness of reason and, precisely, common sense, which forms the social reality, the picture of which is shared by the subjects of law.

clear for understanding than those presented in the above quotation are.[14] In addition, let us pay attention to the reference to the semantics – the fact that law depends on the negation of positions that are contrary to common sense, means that the semantics of law has limits. However, we have to emphasize that L. Fuller, for quite objective reasons, could not yet in the 1960s evaluate fundamentally new and rich empirical material related to the virtual reality of the XXIst century.

In modern borderline situations of law associated with media reality, we need to rethink the problem of the absurd in the interpretation and application of law, as well as in lawmaking. We can often read or hear about the relationship between law and rationality, but very rarely about the relationship between law and absurdity. It is so rare that the last question is often misplaced as self-evident.[15] As a result, when a case becomes serious, and a truly deep rationale is needed to justify why a particular enforcement decision or rule (which at the same time may not contradict morality – neither in a mild form, nor in the case corresponding to the "Radbruch's Formula"[16]) are absurd[17] so that they cannot be

---

[14] In anticipation of the content of the study, if we look at the example of multiplayer online games, it will be quite clear from the point of view of common sense why we do not extend the disposition of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Murder") to the "murder" of computer game characters, even if within the game they relate to the word "human". However, in this sense, it is much less obvious whether or not it is permissible to apply real law to the relations between players whose subject matter constitutes a turnover of "virtual" values for "real" money. As S.L. Budylin, for example, notes, the decision of the Supreme Court of the Netherlands HR31-01-2012, NJ 2012, 536 reflects the approach that virtual property in the online multiplayer game *RuneScape* should be considered as property. "According to the lower court, in this game the owner of the virtual objects has 'de facto and exclusive domination' over it, i.e. the possibility of their sole use and disposal (as in the real world the owner has dominion over things). After the objects were transferred to the accused, the victim lost this domination, and the accused acquired it. This means that the 'magic objects' satisfy the property attributes formulated in the 'electricity theft case'". See: Budylin S.L. The Case of Non–Material Fish and Other Stories. Comparativist's Notes. – M.: «Infotropics Media», 2017. – 308 p. – Accessed from the legal reference system «Garant» (accessed: 06.02.2019).

[15] Here it is appropriate to quote the philosopher F. Girenok: "The absurd turns the real into something terrible, dangerous, into something from which you want to escape, hide, pretend that you are not there. The inability to evade the meeting leads to aggression, to an outbreak of fear and anger". See: Girenok F. Absurdity and Speech. Anthropology of the Imaginary. – M.: Academic Project, 2012. P. 44.

[16] B. Bix focuses on two components of the "Radbruch's Formula": «(1) The positive law, secured by legislation and power, takes precedence even when its content is unjust and fails to benefit the people, unless the conflict between statute and justice reaches such an intolerable degree that the statute, as "flawed law," must yield to justice. (2) Where there is not even an attempt at justice, where equality, the core of justice, is deliberately betrayed in the issuance of positive law, then the statute is not merely "flawed law," it lacks completely the very nature of law. For law, including positive law, cannot be otherwise defined than as a system and an institution whose very meaning is to serve Justice». See: Bix B. Radbruch's Formula and Conceptual Analysis // The American Journal of Jurisprudence. – 2011. – Vol. 56. – P. 46. B. Bix cites a classic work by G.

applied, suddenly there are no rational arguments that are so necessary for legal discourse. Nevertheless, as L. Fuller noted in the same "*Anatomy of the Law*" with reference to Aristotle, the study of pathology may give more results than the study of a healthy condition. Pathologies in law are not limited only to the violation of the rules of legal technique, certain norms or principles, or anything else familiar and understandable. There are much more "hard" pathologies that are very difficult to recognize – they are so close at times to us, while we mainly look into the distance or the depth and do not see them. L. Fuller, in particular, not without irony noted:

> «In attempting to convey an understanding of the problems faced by those who cultivate the garden of the law, we shall be especially concerned with situations where things go wrong, not radically and obviously wrong, but subtly and inconspicuously wrong. One cannot learn much about the problems of horticulture by viewing a garden laid flat by a hurricane or dried to straw by a drought. But one can often learn a great deal when one sees two plants of the same species growing in slightly different locations where one thrives and the other falters. So our primary concern here is not with gross failures of law – corruption, lawless despotisms, and tyrannical abuses of law – but with smaller miscarriages that come through inattention and imperceptiveness and in spite of reasonably good intentions… Another analogy – from medicine – may be helpful at this point. Aristotle long ago observed that we can learn what health is by considering situations in which it is missing. When we enjoy health it seems a thing too simple and transparent to offer any entry for analysis. "Only in ill health does one realize the intricacy of the body…" So our interest here in diseases of the law is clinical, not morbid. We shall accordingly address ourselves chiefly to the subtler forms of legal pathology and not to missing limbs and organs».[18]

Radbruch which was written in 1946 and published in English in 2006, see:: Radbruch G. Statutory Lawlesness and Supra-Statutory Law (1946) // Oxford Journal of Legal Studies. – 2006. – Vol. 26. – No. 1. PP. 1 – 11.

[17] At the same time, the scope of semantic limits of law does not exclude the cases when the law is contrary to morality, although they are not the only ones anymore, and, moreover, the contradiction to morality is probably not an absolute, necessary and sufficient sign of exceeding the semantic limits of law. From the perspective of the methodology developed in this study, it would not be appropriate in some cases to say, "the law is not applied because it is contrary to morality". Not every breach of morality will be an indication that the law is beyond semantic limits. Note that the word "morality" in this context is used in the broad sense in which it is used in most discussions about the relationship between law and morality in philosophical and legal discourse.

[18] Fuller L.L. Anatomy of the Law (in Russian) / Transl. from English by V.V. Arkhipov // Russian Yearbook of Law Theory. – 2009. – No. 2. – P. 210. Original wording in English quoted from: Fuller L.L. Anatomy of the Law. New York and Toronto: The New American Library, 1969. – PP. 16–17.

We will follow this methodological approach in our work, but we will also take into account that the problems of finding the semantic limits of law under investigation are in fact a more than urgent problem for the modern context of shifting the general civilizational paradigm, which implies not just a change in the means of production in the digital economy, but also a change in social relationships as they are.

We emphasize that references to the works of L. Fuller at the beginning of work are not accidental for one more, very significant reason. The problem of the semantic limits of law can be re-stated as a problem of **the reasonable limits of meaningful [legal] communication**. As noted in the previous works, «the idea of communication (communication) in a certain sense permeates all the work of L. Fuller».[19] As the scientist noted, "communication is something more than a means of staying alive. It is a way of being alive».[20] Naturally, another, more detailed quotation explaining this approach of the researcher is given by A.V. Polyakov as an epigraph to the article "*The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought*", published in the book "*Russian Legal Realism*" (2018): «I believe that if we were forced to select the principle that supports and infuses all human aspiration we would find it in the objective of maintaining communication with our fellows… Man has been able to survive up to now because of his capacity for communication».[21] It seems that the approach proposed in this paper is being developed in the context of the Saint Petersburg School of Legal Philosophy. The ideas of the modern mediaphilosophy which define a part of the methodology of this study, are necessarily connected to the idea of communication as understood in the social and humanitarian discourse. In turn, according to A.V. Polyakov, in the light of the

[19] See Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2009. – P. 63.

[20] Fuller L.L. The Morality of Law. – P. 186.

[21] Polyakov A., The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – P. 1.

development of post-classical legal theory, social and legal reality should be considered as communicative reality, and

> «[w]hen a person observes the social realm, he perceives all the "social" phenomena as an infinite and multifaceted confluence of standards, accounts, emotions, judgements, time horizons, associations, etc. However, this large range of social phenomena is always subjectively structured, i.e. organized in a certain way. This organization is determined by three key factors: the kind of linguistic unity which arranges information in a certain way and transforms it into an endless, infinite text; the distinctive cultural properties forcing us to focus on some social phenomena while ignoring others; and one's particular cognitive frameworks essential for any perception at all. It would not be possible for a man to exist as a social being without the ability to structure the diversity of the social reality surrounding him. We need to be able to arrange information, filter it and prepare it for possible communication to another».[22]

The content of this study, in a certain sense, is aimed precisely at the analysis of those principles that allow to structure social reality for the purposes of legal communication. Thus, in this paper, we propose to eliminate a theoretical gap, which implies the lack of a sufficiently developed approach to explaining in which cases law may contradict common sense in those cases that are related to the context of the medial turn, by developing a philosophical and dogmatic category of the **semantic limits of law**.[23] It will make it possible to substantiate cases where the interpretation, application or creation of law contradicts common sense in the sense in which this category determines the boundaries of our social reality in media space. The concomitant goal of this study is to

---

[22] Ibid. P. 21.

[23] In general, the debate that law (or legal regulation), especially in the digital age, has limits, is evolving quite rapidly and the general problem of finding such limits is being addressed by different researchers independently of each other. In parallel with the latest publications of the author of this study on the limits of law as such (though in our case, semantic), N.A. Dmitrik's article "Limits of Legal Regulation in the Digital Age" was published in a succinct manner. The author singles out "four groups of factors that are beyond the legal regulation of public relations. These include the homogeneity of regulated relations, cognizability of the rules established by the norm, territorial limitation of the state and the presence of private life. As the presence of such limits is not taken into account by the positivist doctrine prevailing in legal science, it entails problems both in law-making and law enforcement". See: Dmitrik N.A. The Limits of Legal Regulation in the Digital Age // Information Society. 2018. No. 3. P. 47. It can be said that the author adheres to the sociological-legal approach, pointing out that a reasonable approach to the development of legal regulation, taking into account the limits under consideration, should be based on a balance of interests, but such a balance should not be "imposed" imperatively – the law should consolidate the existing balance in society.

dispel the myth that absurdity in jurisprudence arises there and then, when it is a matter of only certain specific context – for example, the one of morality or games. As will be shown later in the course of work, the playful nature of social interaction does not determine the possibility or impossibility of legal qualification of relations by itself. The relevance of this work is also due to more pragmatic circumstances that would be worthwhile to disclose in more detail at the beginning, if only this study did not constitute, above all, work related to the subject area of legal philosophy. However, anyway, the specific challenges of the modern information society[24] and digital economy[25] also largely determine the relevance of the topic, since they lead to the necessity of applying the law to the relationships, the subject of which is information. It is precisely this that is reflected in the examples related to the "failures" in the functioning of the mechanism of operation of law in relation to the "game" and the "unserious" informational context. At the same time, researchers note that in the conditions of the information age, social practices, which in general can be described

[24] As A.V. Belov notes: "There are many theories of the information society. However, in our opinion, they are quite easily grouped into two main approaches. The first includes the theories related to the concepts of post-industrialism... In general, they, as well as post-industrial doctrine, lie in the mainstream of the direction of European philosophy, in which the evolution of mankind is considered through the prism of progress of knowledge. The second approach is connected with conceptual schemes of A. Toffler, R. Darendorf, F. Ferrarotti, and also to the corrected theory of D. Bell (the first approach – ***V.A.***). It is in their fundamental works that the main features of society, which A. Toffler called 'the third wave', were formulated. Thus, D. Bell believes that the main features of the new society are the transformation of theoretical knowledge into a source of innovation and a determining factor in politics". See: Belov A.V. Information Society and Information Culture in Russia: on the Problem Setting // Proceedings of Volgograd State University. Ser. 7, Filos. – 2009. – No. 1 (9). – P. 198-199. We also have to note that Point "г" Item 4 of the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 – 2030: approved by Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 defines the "information society" as "a society in which information and the level of its application and accessibility have a major impact on the economic and socio-cultural conditions of life of citizens".

[25] As with the concept of the information society, there are several approaches to defining the concept of "digital economy". Thus, according to one of the possible approaches, the term "digital economy" means "a type of economy characterized by the active introduction and practical use of digital technologies for the collection, storage, processing, transformation and transmission of information in all spheres of human activity; a system of socio-economic and organizational-technical relations based on the use of digital information and telecommunication technologies; a complex organizational-technical system in the form of a set of various elements (technical, infrastructural, organizational, program, normative, legislative, etc.) with distributed interaction and mutual use of economic agents for the exchange of knowledge in the conditions of permanent development". See: Babkin A.V., Burkaltseva D.D., Kosten' D.G., Vorobiev Yu.N. Formation of Digital Economy in Russia: Essence, Features, Technical Normalization, Development Problems // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2017. Vol.10. No. 3. P. 12. In the Section I of the Programme «Digital Economy of the Russian Federation», approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 28 Juyl 2017 No. 1632-p (now lost its effect), the concept of digital economy is related to the fact that digital data are a key factor of production in all spheres of social and economic activity, which increases the competitiveness of the country, the quality of life of citizens, ensures economic growth and national sovereignty.

as “games”, are changing.[26] We believe that the effect of such changes does not ignore law as well, as will be demonstrated by the example of empirical material of this research.[27]

It should be noted that both within the framework of the special branch theory of information law, and within the framework of philosophical and legal studies, this problem, in that perspective, in which it is presented in the work, despite the existing groundwork in the philosophy of law, can be considered as a fundamentally new. There are two main reasons for this. First, from a historical point of view, the transition to the information society happened quite recently, and to the modern stage of development of the information society, characterized, among other things, by the concept of the digital economy, happened within only the few last decades. The society is already facing challenges and threats of information oversupply, which leads public authorities to the need to create new legal norms, part of the regulation of which is conditioned by relationships on disseminating of various types of information. Second, from a comparative legal point of view, a significant array of legal studies that developed in the

---

[26] As T.D. Lopatinskaya notes, for example, “game activity, traditionally considered by researchers as the most important way of adaptation of a person to the surrounding conditions, in the information age acquires new specificity and functions. The most significant changes were related to the process of virtualization, one of the manifestations of which is the movement of cultural objects into the virtual space created with the help of information technologies. However, the nature of these changes, as well as the essence of the process of virtualization itself, do not yet have a sufficient degree of development in science. At the same time, changes in the field of technology and their impact on game practices are so significant that the analysis of these processes requires actualization of attention from modern researchers”. See: Lopatinskaya T.D. Phenomenon of Playing in the Conditions of Virtualization of Modern Culture / Abstract of the Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Astrakhan State University, 2013. P. 3.

[27] In the applied aspect, the present study reflects the methodology of legal argumentation in law enforcement activities associated with the information related, inter alia, to virtual and augmented reality, as well as with contentious cases of implementation of the constitutional right to disseminate information. In this sense, the focus of the research is in line with the strategic priorities of the Russian Federation, defined, among other things, by the following documents Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 – 2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 9 May 2017 No. 203 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 15 May 2017. – No. 20. – Art. 2901; Information Security Doctrine of the Russian Federation [Electronic resource]: approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 5 December 2016 No. 646. – Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (accessed on 11.09.2019); Conception of Information Security for Children [Electronic resource]: approved by the Order of the Government of the Russian Federation of 2 December 2015 No. 2471-r – Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (accessed on 11.09.2019); Passport of the National Project “National Program “Digital Economy of the Russian Federation” [Electronic resource]: approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Minutes No. 7 of 4 June 2019. – Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (date of application: 11.09.2019), etc.

context of Western legal culture naturally cut off the subject matter due to the constitutional legal tradition, which implies not only the priority of the freedom of speech and freedom of expression,[28] including the creative one, but mostly private-law means to protect these rights. This, in turn, leads to conditions under which, for example, questions of the limits of state intervention in artistic freedom in order to ensure various types of national security are actualized primarily in legal systems in which states actively and directly defend their sovereignty in the information space, which include, above all, the Russian Federation[29] and People's Republic of China,[30] where at the current stage the problematics of the semantic limits of law is manifested most clearly in the form in which it is reconstructed in the framework of the present study.

In the framework of the general methodological paradigm of the postclassical type of scientific rationality, it is impossible to ignore the introspective analysis of the subjective significance of the research topic, since this may shed light on its objective significance because the author himself is in many ways a product of his era. The academic interest of the author to the subject of this study historically stems from interest in special

---

[28] However, despite the absence (at the time of writing) in many Western jurisdictions of direct legal provisions directly providing for public law restrictions on the dissemination of certain types of information in the same sense as established in Russia, it would be misleading to believe that such priority is absolute. As is well known, for example, the dissemination of a novel by V.V. Nabokov "Lolita" in the middle of the XXth century was restricted by the authorities of Great Britain and France (along with Argentina, New Zealand and South Africa). See e.g.: Lolita / The Hunger Games Reaches Another Milestone: Top 10 Censored Books // Time. Sept. 28, 2008 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://entertainment.time.com/2011/01/06/removing-the-n-word-from-huck-finn-top-10-censored-books/slide/lolita/ (accessed: 02.10.2018). It should be noted that the book is not considered to be legally controversial in the light of the direct provisions of Russian law, even though its general topic can be considered as controversial to certain extent in moral sense. Another relevant case is "soft censorship", which, from recent examples, banned Harper Lee's "To Kill a Mockingbird" and Mark Twain's "The Adventures of Huckleberry Finn" from the school libraries in Ackomac County, Virginia, USA, for statements that were considered racist. See e.g.: Allen N. To Kill a Mockingbird and Huckleberry Finn banned from schools in Virginia for racism // The Telegraph. 5 Dec. 2016. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/05/kill-mockingbird-huckleberry-finn-banned-schools-virginia-racism/ (accessed: 02.10.2018).

[29] An example of this may be legal norms aimed at restricting the dissemination of certain types of information – for example, Articles 15.1 or 15.2 of the Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Protection of Information", and norms aimed at recognizing the jurisdiction of Russian courts in disputes involving foreign persons in connection with activities carried out via the Internet, in particular, Items 2, 10 and 11 Part 3 Article 402 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

[30] See e.g.: Jiang M. Authoritarian Informationalism: China's Approach to Internet Sovereignty // SAIS Review of International Affairs. 2010. No. 30(2). PP. 71-89. – Available at Social Science Research Network [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1702128 (accessed: 02.10.2018).

interdisciplinary (at the intersection of game studies[31] and jurisprudence) problem of the legal aspects of virtual worlds and multiplayer computer games, which has historically focused on the issue of ***"virtual property"***. The hypothesis of the research significance of this study arose, in turn, from an intuitive understanding of the prospects of computer technology at an early age. Nevertheless, the subjective interest in any topic is not a guarantee of its objective research significance, therefore this direction of research should have been tested for methodological tenacity. The study of this problem from the point of view of the subject of legal science, at first glance, raises primarily special issues of civil and information law, but soon turns to a broader problem of the ***relationship between "virtual" and "real"*** in the context of a hypothetical border where "real" legal norms cannot be applicable (as a conditional example, which can be repeatedly met on the pages of this work, we can cite the prohibition of the "real" criminal law to murder, which, as it seems to many, does obviously not operate in relation to a virtual relationship between non-player characters of a videogame). The concepts associated with the explanation of such a hypothetical border are traditionally correlated in academic space with the concept of ***«magic circle»*** – a metaphor from the works of the eminent Dutch culturologist J. Huizinga, who, in his book "*Homo Ludens*",[32] among the first conceptualized, firstly, ideas about the role of games in human culture, and secondly, he drew an analogy between games and law as such (focusing primarily on archaic law). In the process of analyzing the literature devoted to this perspective of considering the problem, it becomes obvious that

---

[31] Game studies is a field which is interdisciplinary in itself and which unites, first of all, the subjects of culturology, sociology and philosophy as applied to games and, first of all, computer games.

[32] As J. Huizinga noted, "Formally, the function of such a fence and for the sake of a sacred purpose, and for the sake of a clean game is exactly the same. The racetrack, the tennis court, the playground for 'classics', the chess board are not functionally different from such things as the temple or the magic circle", and even as applied to the law: "Every place where justice is served is a true *temenos*, a sanctified place, cut off, *fenced off* from the ordinary world. Thus, a place for the court is first *allocated* and then the court is convened. It is truly a magical circle, a playing space within which the habitual division of people by their rank is temporarily stopped. For the time being, they are made inviolable". See: Huizinga J. Homo Ludens; Articles on the History of Culture (in Russian) / Transl. by D.V. Silvestrov; Comment. by D.E. Kharitonovich. – M.: Progress–Tradition, 1997 – 416 p. It should be noted that in Huizinga's terminology the "magic circle" acts as a tool for ensuring formal equality.

the concept of the "magic circle", as it was subsequently developed, is criticized and often deservedly, because in reality the line between "virtual" and "real" turns out to be quite thin, if it exists at all. In this case, however, there is another logical conclusion. The concept of the "magic circle" can be interpreted differently, more broadly, and combine a complex of relationships connected not only with games, but also with other phenomena and practices of the ***modern information culture***, or with previously known phenomena and practices that are being rethought within the framework of modern information culture. Such phenomena and practices that are noticeable when climbing to a higher level of theoretical generalizations include a wide range of phenomena related to the concepts of "games", "unserious" and "fictional" (in arbitrary combinations) – this includes artistic works, folklore based on different types of humor and satire, and other similar social practices. From the height of this generalization in modern conditions, it becomes clear that such a formulation of the problem unexpectedly reveals a *sui generis* problem related to the philosophy of law and legal dogma. What is it? In the framework of the modern information culture, at first approximation, fundamentally new legal conflicts arise. The reason for their emergence, among other things, is the fact that ***the state begins to defend sovereignty in the information space***, and consequently, the norms of law are regarded by the public authorities as extending to purely information relationships. In a number of cases, this leads to situations that may intuitively seem "strange": for example, the blocking of Internet sites containing recipes for dynamite in computer games on the grounds of prohibitions and restrictions on the dissemination of information in order to counter terrorism.[33] In a more detailed analysis it becomes clear that Russian legislation already now (and not only) contains a lot of norms in respect of which one can raise the

[33] In this connection, it seems that the present study is related not only to such a priority direction of the Development Program of Saint Petersburg State University until 2020 as "Social Research and Technologies", but also to "Information Systems and Technologies". See Section IV of the Program for Development of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University until 2020", approved by the Order of the Government of the Russian Federation of 07.10.2010. (ed. on 22.11.2017) [Electronic resource]. – Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of application: 11.09.2019)

question of ***the limits of their application from the point of view of common sense, since other application and interpretation would be absurd***.[34] This statement of the problem definitely takes the problem beyond the limits of private and sectoral problems, as it implies an unambiguous parallel with the examples of absurdity in law, long known to the history of legal and political teachings (from the dialogue between the pirate and Alexander the Great[35] to the previously mentioned examples of L. Fuller). The severity of the problem now, however, is caused by the fact that similar situations no longer constitute only the field of speculative models of philosophical and legal research or historical and philosophical anecdotes. It is in the context of modern information culture that practical problems of substantiating the ***semantic limits of law*** as a conceptualization of the discourse under consideration are actualized. At the same time, the proposed approach seems to be relevant not only at the current stage of development of the information society. For example, it has a significant prognostic potential because it creates a direct methodological basis for the analysis of the problems of ***virtual and augmented reality***, while not losing touch with the tradition of philosophical and legal thought. A significant link is made to the ***doctrine of absurdity*** in the interpretation of statutes, and it is also clear from the proposed perspective that the substantive aspects of the doctrine come up against a "wall of obviousness" – the theory of law and interpretation of law as a whole lacks a sound and complete theory of why the application of law is absurd in certain cases. Here, and perhaps unexpectedly, the relationship with the classical discourse of law philosophy on the ***relationship between law and morality*** is seen, since it is the contradiction of

[34] It should be emphasized that, when considering in more detail, the restriction on the dissemination of information about the methods of making dynamite in computer games, in fact, cannot seem strange just because it is a computer game. The case is different, namely, what concerns us is the extent to which the subject matter of the relationship arising from such games actually corresponds to the real features of dynamite, and the extent to which it is a socially significant phenomenon. The study does not challenge the general thesis that certain types of information may be dangerous in the event of uncontrolled dissemination.

[35] This is a popular historical anecdote about the dialogue between Alexander the Great and the pirate, who noted that the right to manage the sea was granted to the pirate by the same source from whom Alexander got the right to manage the land, and the difference (in the interpretation of the pirate) is only that the pirate does it on his only ship, while Alexander – with the help of a huge army.

morality that is often used as a universal explanation of the absurdity of interpretation or application of law. As research shows, this is not always the case. A contradiction to morality is neither necessary nor sufficient to consider the application or interpretation of law as absurd, even in the case of the "Radbruch's Formula". In this connection, there appears an idea to consider separate semantic limits of law as, figuratively (or not figuratively) speaking, ***the rules of the language game of law*** in the terminology of L. Wittgenstein. It is also impossible to ignore the ***mathematical theory of games***, in the light of which a deep and scalable metaphor of law as a zero-sum language game is born. Thus, the concept of semantic limits of law, which was originally outlined based on the need to define the criteria of absurdity of law enforcement in relation to the model of game relations in the narrow and technical sense of the word – whether law can interfere in relations in multiplayer computer games – finds application in the context of the problems of ***game analogy*** in the philosophy of law. In the process of research, it becomes clear that the game analogy is quite interesting, but very poorly developed direction, which clearly needs to be rethought within the modern information culture, because now in culture we see a kind of "game turn". Curiously, the "game analogy" can be traced in the works of such scholars as, for example, H. Hart[36] or A. Ross.[37] A small number of special studies on this topic (e.g., M. Midgley[38] or B. Jackson[39]) contains interesting observations that

---

[36] H. Hart based his interpretation of the analogy on the idea that the legal system is a set of specific rules that can be compared to the rules of squash and tennis. In both cases, however, there is a "core meaning" of the rules and cases in which they are applied in different ways in specific situations. A good summary of the game analogy in the works of H. Hart is presented, for example, in the works of J. W. van Doren, see e.g.: Van Doren J.W. Theories of Professors H.L.A. Hart and Ronald Dworkin – A Critique // Cleveland State Law Review. – 1980. – Vol. 279. – PP. 279 – 309. I wonder what H. Hart would have said if he had carefully studied modern games?

[37] The basis of analogy A. Ross was playing chess. "Understanding" of the game means not causal connection but mutual certainty of events by means of game rules, thus within one game interpretation of rules and events should be identical, otherwise there will be no game as such. See: Ross A. On Law and Justice. – Clark, New Jersey: 2007. – PP. 12–15. We may address A. Ross the same question as to H. Hart.

[38] M. Midgley develops an analysis of the problem of the seriousness of the game as such, noting that it would be naive to think that all cases of games are not serious – on the example of sports games for many, not only professional athletes, but also fans, games occupy a very serious place in life, and this can be considered a sociological fact. See: Midgley M. The Game Game // Philosophy. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: https://www.jstor.org/stable/3750115 (accessed: 26 July 2018).

generally develop within the framework of the general "magic circle" approaches, which are only more oriented towards jurisprudence *per se* than towards games. However, we would like to emphasize that the views of thinkers of the XXth century could at least be significantly supplemented, or even changed in principle, if they caught up with modern computer games, which are much more methodologically rich than the games known at that time.

However, returning to the consistent presentation of the internal logic of the study, the concept of semantic limits of law, which is a set of theoretical provisions aimed at addressing a scientific problem of great political, socio-economic and cultural importance, is formed based on the previously presented key methodological approaches. Political – because, as will be demonstrated in this paper, legal policy in the field of freedom of information is of serious importance in the current environment. Socio-economic – in the applied legal aspect. Cultural – since the approach to the semantic limits of law largely determines the freedom of artistic creation and the creation of other cultural artifacts. As will be shown later in this paper, the semantic limits of law are best explained by means of two key concepts: **"open texture" of legal norms**,[40] as developed in the works by H. Hart, and ***generalized symbolic media***, the idea of which is developed in theoretical sociology,

---

[39] B. Jackson is the author of one of the most consistent and in-depth publications analyzing the analogy of law and games in the context of the modern type of scientific rationality and structural approach. See: Jackson B.S. Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence // Droit et société. – 1991. – No. 17–18. – PP. 99–123. – doi: https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105.

[40] It should be noted that, in the context of this study, it is essential to establish the functional adequacy between the "core meaning" of the disputed concept and a fact of media reality in the process of interpreting legal texts. Although the main way to establish such adequacy is to apply the notions of late Wittgenstein about "family resemblance", it is necessary to note the closeness of this approach to the interpretation of the correspondent theory of truth, in which correspondence is understood as a relative isomorphism, in relation to the closed universum of law. Correspondent truth theory is perhaps the best known theory in this field. It presupposes "correspondence" of statements to the fact. Isomorphism implies not only conformity but also structural adequacy of reality. See e.g.: Marian D. The Correspondence Theory of Truth [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/truth-correspondence/#6 (accessed: 03.10.2018). Criticism of such a theory of truth, based on the notion of fragmentation and disconnectedness of reality, does not affect jurisprudence in the postclassical type of scientific rationality, since law is precisely the "constructed" model of reality – this is its purpose in social life, which implies an agreement on the conventions and rules of the game

and in its explicit form – starting with the works of T. Parsons.[41]. In the end, the results of the research allow both to supplement philosophical and legal notions about the nature of law and to determine the methodology of legal argumentation in applied situations that require a legally significant explanation of absurdity or reasonableness of application, or interpretation of certain legal norms in borderline situations related to media space.

Degree of development of the topic. This dissertation is an academic qualification work, which solves the academic problem of reconstruction of the semantic limits of law, which has important political, socio-economic and cultural significance. This required, first, to carry out the formulation of this problem, because in the perspective in which it is distinguished by the empirical material in this study, this problem has not previously been and could not be stated. L. Fuller approached the problem earlier the closest to the statement of the problem. In "*Anatomy of the Law*", he defined the dependence of the law on the "generally shared assumptions", the contradiction to which leads to the absurdity of this or that legal position. At the same time, this idea, in the angle suggested in this paper, did not find a fundamental development and was not clearly reflected in the subsequent work of the thinker and his followers. In addition, it should be emphasized that the uniqueness of the experience of conceptualization of the problem of the semantic limits of law in this work is also explained by the relevance of the problem to the modern information society, which is characterized by a new and poorly researched context of modern information culture, corresponding to the conditions of the medial turn – these

[41] In modern terms, a generalized (generalized) symbolic medium is a "token" of a social (i.e., generally significant) value corresponding to one of the subsystems of the social system. For example, money is a generalized symbolic medium of material resources, corresponding to the economic subsystem, and power implies a legitimate monopoly on physical violence, corresponding to the political subsystem. See e.g.: Johnson H.M. The Generalized Symbolic Media in Parsons' Theory // Sociology & Social Research. – 1973. – PP. 208–221; Chernilo D. The Theorization of Social Co-Ordinations in Differentiated Societies: The Theory of Generalized Symbolic Media in Parsons, Luhmann and Habermas // British Journal of Sociology. – 2002. – Vol. 53. – Issue 3. – PP. 431–449; Turner T.S. Parsons' Concept of "Generalized Media of Social Interaction" and its Relevance for Social Anthropology // Sociological Inquiry. – 1968. – Vol. 38. – Issue 2. – PP. 121–134. The most relevant approach to generalized symbolic media is presented in the works by S. Abrutyn, see e.g.: Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. – 2015. – Vol. 51. – No. 3. – PP. 445–471.

circumstances were not and could not be known to the authors who studied the problems of philosophy of law in the XXth century and earlier.

However, the approach proposed in this study relates to at least three main areas of legal theory and philosophy, each of which has been separately reflected in the works of a wide range of authors. *First*, the concept of the semantic limits of law is related to the notion that law is or should be aimed at regulating not any but the "most important"[42] social relationships. This observation can be considered a "deceptive common place" of legal theory, and in one form or another it is reflected in the works, speeches and other materials of many domestic and foreign authors of works – from textbooks to monographs – which address the issues of sources of law (S.S. Alekseev, V.V. Lazarev, O.E. Leist, M.N. Marchenko, V.S. Nersesyants, A.V. Polyakov, E.V. Timoshina, etc.). At the same time, criteria that allow for a reasonable degree of accuracy and credibility to determine which social relationships are "important" and which are not, cannot be considered as having been developed to at least a minimum satisfactory degree specifically in legal studies. *Second*, the concept of the semantic limits of law corresponds to the discourse on the relationship between law and morality, including in the context of the discussion between positivists and legal scholars of the XXth century. The notion of the *limits of law* was usually considered through the prism of the moral limits of law. Thus, for example, J. Stanton-Ife, systematizing notions about the limits of law, analyzes mainly the works of those foreign authors who directly or indirectly dealt with the problems of the relationship between law and morality (R. Dworkin, D. Lewis, N. MacCormick, J. Raz, J. Rawls, J. Feinberg, J. Finnis, L. Fuller, H. Hart, J. Hampton, etc.),[43] and it's the moral discourse that

---

[42] See e.g.: Polyakov A.V., Timoshina E.V. General Theory of Law: Textbook. – Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University, Publishing House of the Law Faculty of Saint Petersburg State University, 2005. P. 305.

[43] See: Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/ (accessed: 17.10.2018).

leads to the questioning.[44] One of the components of the research novelty of this study is precisely the justification of the "area of absurdity", which excludes not only the application of law, but also weighing (balancing)[45] of values that have moral nature. *Third*, the key area of application of the concept of semantic limits of law is the interpretation of legal texts. The doctrine of legal interpretation is in twofold position. On the one hand, we can find examples of addressing the problem of interpretation of law in a wide range of sources – from the works of the abovementioned domestic authors on the general problems of the theory of law to philosophical and sociological works, which address the prerequisites for the interpretation of law. Among the latter, one should first of all note the authors whose studies belong to the subject area of analytical and linguistic philosophy (L. Wittgenstein, B. Russell, J. Moore, M. Schlick etc.), hermeneutics and phenomenology (W. Diltey, M. Heidegger, H.-G. Gadamer, E. Husserl etc.), social constructivism in theoretical sociology (P. Berger, T. Luckmann, J. Austin etc.). On the other hand, there are not many special researches in the field of theoretical bases of methodology of legal interpretation, strange as it may seem. Inevitably, these problems were touched upon by the previously mentioned foreign authors who were engaged in the problems of the relationship between law and morality (a typical example of discussion in this area is, of course, the dispute between L. Fuller and H. Hart). Among the most relevant special works of foreign and, first of all, Anglo-American authors, it is necessary to note the works devoted to the analysis of certain *practical* principles of interpretation – "*plain meaning*

---

[44] The author, in particular, cites Lord Devlin, who said, "I think, therefore, that it is not possible to set theoretical limits to the power of the State to legislate against immorality. It is not possible to settle in advance exceptions to the general rule or to define inflexibly areas of morality into which the law is in no circumstances to be allowed to enter". Cited by: Stanton-Ife J. The Limits of Law. See e.g.: Devlin P. The Enforcement of Morals. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p.

[45] Hereinafter, by referring to "weighing" or "balancing", we will mean referring to concepts specific to constitutional law and judicial reasoning. See e.g.: Belov S.A. Rationality of the Judicial Balancing of the Constitutional Values by Means of the Proportionality Test // Saint Petersburg Lawyer. – 2016. – No. 1. – P. 63–75; Timoshina E.V. The Problem of Justiciability of Human Rights in Situations of Their Competition and the Principle of Proportionality // Proceedings of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Legal Sciences. 2017. Vol. 21. No. 4. P. 464–485; Timoshina E.V., Krayevsky A.A., Salmin D.N. Axiology of Judicial Interpretation: Means of Weighing in the Situation of Competition of Human Rights // Proceedings of Saint Petersburg University. Law. 2015. No. 3. P. 4–34. Any particular development of such procedures is not in itself part of the scope of this work.

rule",[46] "*mischief rule*"[47] and "*golden rule*"),[48] – and also the most relevant trends of court interpretation as reflected in the terms "*textualism*"[49] and "*absurdity doctrine*".[50] It is about the works of such authors as W. Daugherty, F. Easterbrook, J. Manning, A. Scalia, L. Solum, C. Whittington and others. Taking into account the specifics of Anglo-American law, some of the approaches in this area have also been reflected in various case law, including, for example, the following: *Chung Fook v. White, 264 U.S. 443 (1924)* (USA),[51] *Re Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98*[52] (UK).[53] However, in these sources, the development of notions of common sense and absurdity in the interpretation of law is quite *ad hoc* and is due to specific practical problems, which does not yet mean that the general research problem is solved. In the Russian doctrine of legal interpretation there are also very few works devoted to theoretical substantiation of not only any semantic boundaries in the interpretation of law, but also the methods of interpretation as such.[54] Perhaps, we can emphasize just the classic work of E.V. Vaskovsky "C*ivilistic methodology. Teaching*

[46] The "Plain Meaning Rule" can be considered as an analogue to the principle of applying a literal interpretation in volume, unless otherwise required by the situation, within the framework of the Russian legal doctrine.

[47] The "Rule of Harm" are based on the principle that, in interpreting the statute, the court must determine which harm the rule of parliament was intended to eliminate or prevent, in order to rely on this notion in its enforcement. Analogue to teleological interpretation.

[48] The "Golden Rule" is inherently the closest thing to the subject matter of this study, as its essence is to avoid literal interpretation where such interpretation would lead to outright absurdity or public order controversy.

[49] The concept of textualism, which is more typical for the United States than for the United Kingdom (in contrast to the above principles), assumes that the interpretation of the statute should be guided by its text and exclude other possible sources of information about the legal norm from the scope of consideration (the intention of the legislator, the problem that the law seeks to address, abstract notions of fairness, etc.).

[50] The doctrine of absurdity, on the contrary, postulates the need to apply common sense as opposed to literal interpretation where literal interpretation would lead to absurd results. It should be noted that despite the fact that the doctrine of absurdity itself is developed, the ideas of what exactly should be considered absurd are far from systematic and explicit in modern legal science.

[51] *Chung Fook v. White, 264 U.S. 443 (1924)* [Electronic resource] // FindLaw. – [Site]. – URL: https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/264/443.html (accessed: 18.10.2018).

[52] *Re Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98* [Electronic resource] // E-Lawresources.co.uk. – [Site]. – URL: http://www.e-lawresources.co.uk/Re-Sigsworth.php (accessed: 18.10.2018).

[53] It should be noted that there are, in fact, much more examples from the UK and US courts, but the disclosure of the theoretical basis for the methodology of law interpretation in relation to the issues of absurdity and common sense cannot be considered sufficient.

[54] It is quite characteristic, for example, that in the article "Interpretation of Law in the Context of Different Types of Legal Understanding" A.V. Korneev is more oriented to the classics of domestic legal thought, whose works are devoted mainly to the general problems of legal science and only partially touch upon the problems of law interpretation (B.A. Kistyakovsky, S.A. Muromtsev, P.I. Novgorodtsev, L.I. Petrazhitsky, G.F. Shershenevich, etc.). See: Korneev A.V. Interpretation of Law in the Context of Various Methods of Law Congition // Russian Law Journal. 2016. No. 8. P. 29–43.

about the interpretation and application of civil laws" (1901),[55] as well as modern works by A.G. Karapetov, A.F. Cherdantsev and E.V. Timoshina.

This study also includes a consideration of the issues of the playing process through the prism of the social sciences and humanities. On the one hand, the given direction is connected with a problem parity of "virtual" and "real", on the other hand – with dialectical connection of the basic problem studied within the limits of a subject area of the dissertation, with game analogy in jurisprudence. Dutch historian and culturologist J. Huizinga presented the first systematic study of games as a cultural phenomenon in the book «*Homo Ludens*» (1938). His works are traditionally correlated with the interpretation of the relationship between "virtual" and "real" through the metaphor of the "magic circle". However, as noted by critics of this approach (for example, E. Zimmermann or M. Consalvo), although J. Huizinga uses this metaphor more than once, at the same time it cannot be considered as developed.[56] Another and quite natural limitation of J. Huizinga's fundamental work is emphasized by M. Consalvo and fully corresponds to one of the key provisions of this study:

> «When Huizinga (1950) wrote about the magic circle, our sense of space and place was radically different from what it is now. In suggesting a place "set apart" from everyday life, that space could be envisioned as geographic space fairly easily – the playground, the boxing ring, the hopscotch outline».[57]

Nevertheless, with the beginning of the development of the *game studies*, the discussion around the magic circle as a whole (R. Bartle, E. Castronova, M. Consalvo, J. Stenros, E. Zimmermann, etc.) and with regard to law in particular (B. Duranske,

---

[55] See e.g.: Vaskovskiy E.V. Civilistic Methodology. The Teaching about the Interpretation and Application of Civil Laws. M., 2002. – 508 p.

[56] See: Zimmerman E. Jerked Around by the Magic Circle – Clearing the Air Ten Years Later [Electronic resource] // Gamasutra. – [Site]. – URL: https://www.gamasutra.com/view/feature/135063/jerked_around_by_the_magic_circle_.php (accessed: 18.10.2018).

[57] Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // Games and Culture. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408 – 417. – URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575 (accessed: 02.07.2018). – P. 410.

G. Lastowka, S. Kane, J. Fairfield, D. Hunter, etc.) can be seen as an essential research start in the area of determining the reasonable limits of the application of law to a certain conventional space of public relationships associated with a potentially "virtual" and "unserious" context. At the same time, the works of these predecessors do not contain the idea of assessing the subject of legal or social relationships in general for distinguishing between "virtual" and "real" (as well as "serious" and "unserious"). Furthermore, in the process of considering the problems at the intersection of law and games with the need to find a dialectical connection between this discourse and the analogy of law and game, which is fully or partially derived from the works of individual philosophers (L. Wittgenstein, M. Midgley, etc.), reveals itself, and it not ignored by lawyers (B. Jackson, A. Ross, J. Finnis, H. Hart, etc.) – meanwhile, this angle of consideration of the problems is also reflected and developed in this study deeper than before.

Despite the fact that the problem of the correlation between "virtual" and "real" has been traced in the history of philosophy for a long time, one should agree with the opinion that modern technologies of virtual reality, understood in the narrow sense of the word, significantly change the social reality – we are talking about changes in conceptual approaches to the legal regulation of public relationships under the influence of information and telecommunication technologies (E.A. Voynikanis, G.A. Gadzhiev, V.B. Naumov, A.I. Savelyev, S.V. Sarbash, etc.), and on the change of information culture in general (O.Y. Volkov, Y.K. Volkov, A.A. Lisenkova, V.V. Savchuk, O.V. Sergeeva, etc.). The ideas about the general digital cultural transformation, considered through the prism of legal implementations of artistic and game practices, form the basis for the theoretical and practical significance of the research, determine the arguments of the position that **in the form in which this problem can be stated and solved now, it could not be stated and solved earlier**.

Finally, the premises for developing a solution to the problem of semantic limits of law, besides general subject field of interpretation of legal texts and premises of such interpretation, is based on theoretical sociology (in the context of the problems of generalized symbolic media and social capital in the broad sense of the word). The preconditions for a theoretical understanding of the semantic limits of law are mainly the works of authors related to the direction of social constructivism (P. Berger, T. Luckmann, J. Austin), and the preconditions for the reconstruction of the problem itself are the works of authors who developed the theory of social action (T. Parsons, his followers and interpreters, primarily J. Treviño). In order to explain one of the criteria of the semantic limits of law, the concept of a "generalized symbolic medium" (T. Parsons, N. Luhmann, J. Habermas, S. Abrutyn) is being developed in this paper.[58]

Purpose and objectives of the research. *The purpose of the research* is to substantiate and develop a theoretic concept of the semantic limits of law in the context of modern information culture and actual tasks of adaptation of the legal system of the society to the conditions typical for the information society and digital economy, the medial turn. The purpose of the study is defined by the concept of the semantic limits of law as belonging to the field of (1) interpretation of law – as it defines the general semantic boundaries of the process; (2) application of law – as it reveals cases of absurd or contrary to common sense, and thus unjust enforcement; (3) law-making – as it is the basis of the concept of the limits of law and, as a consequence, can be used in the modeling of normative prescriptions; (4) law ontology – since the semantic limits of law can be seen as a new dimension for the operation of law, – namely, the one related to media reality, – along with territorial or subjective limits; (5) the problems of the development of law in the context of the digital economy and the medial turn as a whole – because, due to answering

[58] In his personal scientific discussion with Dr. Javier Treviño, one of the most important researchers of the creative heritage of T. Parsons, H. Treviño emphasized the scientific novelty of this approach (correspondence from September 2018 from the author's personal archive).

to the key questions of the semantics of law in respect of the contentious situations related to artifacts of media space, it can be used in the development of tools for algorithmization of law, building expert systems and artificial intelligence in the legal field.

The objectives of the research are determined by the purpose of the study and include:

— formulation, description and substantiation of the initial hypothesis of the problem of determining the semantic limits of law in current socio-cultural and economic conditions;

— identification and description of key features of modern information culture as the context that determines the relevance of the problem of the semantic limits of law;

— selection and description of representative normative and empirical material to justify the relevance and content of the problem of the semantic limits of law;

— academic methodological qualification of the content of the semantic limits of law in the interdisciplinary discourse of social-humanitarian sciences;

— to explore the concepts of game in the social and human sciences as a field in which the boundaries between “serious” and “unserious” were explicitly asked for the first time;

— analysis and interpretation of the analogy of law and game in the history of the philosophy of law, which is dialectically linked to the problem of play in the social sciences and humanities;

— selection and substantiation of philosophical and legal concepts that allow to carry out the problem-theoretical reconstruction of the semantic limits of law;

— analysis and critical rethinking of existing approaches to the problems of defining the principles of syntax and semantics in jurisprudence and deontic logic;

— development of methodology and formation of specific criteria for determining the semantic limits of law based on interdisciplinary discourse, focused on theoretical sociology and logic;

— implementation of mental experimentation (theoretical modeling) with the developed criteria of the semantic limits of law in order to verify the obtained research results;

— reconstructing a full-fledged and scalable concept of the semantic limits of law to be applied in the interpretation of law and law-making.

The academic novelty of the thesis consists in the fact that it represents the first comprehensive monographic study that provides the conceptualization of the semantic limits of law relevant for modern conditions of a medial turn. This concept generalizes a complex of theoretical and practical problems of jurisprudence, united by the dichotomy of absurdity and common sense, and presents the rationale for a universal methodology for solving these problems.

In the course of the research, the following results that are novel for the academic studies were obtained:

1) The author provided an argument for the interpretation and development of both the provisions of L. Fuller's concept of law contained in the later studies of the scholar (primarily in "*Anatomy of the Law*" and "*Principles of Social Order*") and outlined by the author of this research in his candidate's dissertation. In particular, the concept of semantic limits of law itself is partly intended to explain L. Fuller's view on "generally shared assumptions" of the subjects of law, which exclude from the rational and explicit discourse everything that is not in accord with the common sense.

2) The historical and philosophical analogy of law and games, developed both in cultural studies (J. Huizinga) and in genuine studies of legal philosophy (H. Hart, A. Ross etc.), was studied, summarized and substantially supplemented. The analogy of law and

games has been reconsidered in view of the “game turn” in modern information culture and the emergence of fundamentally new types of games – multiplayer computer games, which often now include elements of virtual and augmented reality in the narrow technological sense of the word. The author substantiated a view on the presence of a connection and the methodological potential of studying such games as models of normative systems.

3) Taking into account the development of modern information culture and the need to understand social relations that are the subject of legal regulation, an assessment was made of possible communication qualifications in social reality according to the criteria of imaginary and real, serious and unserious, game and non-game. It justifies approaches to how legal conflicts related to communication, which can be characterized by various combinations of these principles, can be considered from the point of view of law itself. The philosophical, sociological and culturological quality of seriousness is defined as one of the key signs of the relevance of a social phenomena to law.

4) A system of ideas about absurdity and common sense in law is developed in terms of the operation of law, the application of law, the interpretation of law and law-making. Various concepts of the absurdity to the extent necessary to solve the problems of the thesis were studied. The author analyzed the system of ideas about common sense, including the Scottish school of common sense philosophy. The interpretations of this concept, differing in their nature, are generalized, which in some cases imply a reference to morality, in others – to the basic paradigm of reality shared in society, in others – to formal logic. The direct connection between the dichotomy of absurdity and common sense, on the one hand, and the semantics of the content of regulatory prescriptions, on the other, is demonstrated.

5) Certain limitations of deontic logic, used as the main tool of normativist and analytical philosophy of law in respect of revealing the criteria for defining of the concept-words used in legal texts in the context of the methodology of analytical jurisprudence, are

demonstrated. The toolkit of deontic logic makes it possible to structure and formalize with sufficient clarity the syntax of legal reasoning in order to study and use it. However, in principle, it does not always allow to solve problems in the "penumbra" of law that are essentially related to the deep level of semantics of law. In addition, the idea is developed that in such a situation the full-scale use of expert systems (that includes machine learning and artificial intelligence) in jurisprudence at the current stage shall pay attention to the special cases of revealing absurdity of interpretation of legal texts in the context of media reality.

A concept has been developed for the necessary and sufficient criteria for determining the semantic limits of law, which can act as the most general principles of legal semantics – the qualities of "serious" and "real" applicable to the object of social relationships, and not to the social relationships themselves. With regard to the concept of semantic limits of law, these terms should be understood in a special sense, reconstructed with the support of the idea on functional correspondence between an artifact of media reality and the "core meaning" of the concept-word used in a legal text ("reality"), and also theoretical sociology and the concept of "generalized symbolic media" ("seriousness"). The examples of application of the conception of the semantic limits of law have been developed based on theoretical modeling.

Methodology and methods of research. The main methods used in the thesis are: formal legal (dogmatic); comparative legal; the method of interpretation and problem-theoretical reconstruction; theoretical modeling; introspection; participatory observation; the method of analytical jurisprudence.

Formal-legal (dogmatic) method, which is a special method of legal research, implies the use of two components – deductive-axiomatic and hypothetical-deductive methods of reasoning, the use of which is reflected in the text of the study in an explicit or implied form. The deductive-axiomatic method of reasoning implies the analysis of the

normative source base of the dissertation with conditional acceptance of the provisions of the current positive law as an axiom and consistent application of methods of interpretation of law. The hypothetical-deductive way of reasoning is similar to the deductive-axiomatic way of reasoning in everything, except that in the first one the hypothesis of the result of legal interpretation is used, which is then confirmed or disproved. The formal-legal method as a whole allows answering two main questions: first, what is the positive-legal regulation of certain social relations at a given moment of time; second, in which cases there is no formal certainty of legal norms. For the purposes of this study, which is focused on conceptualization and resolution of the fundamental problem of determining the semantic limits of law, the formal-legal method is of instrumental importance, since the main task of its application is to demonstrate the boundaries of this method on specific empirical examples and to correlate them with the notion of the semantic limits of law.

Comparative legal method, is also a special method of legal research and developed in the domestic and foreign doctrine of comparative jurisprudence, including the works of I.Yu. Kozlikhin; the legal phenomena of the same order relating to different legal systems are compared in order to identify similarities and differences between them. The use of the comparative legal method in this paper is conditioned by the hypothesis that the problem of semantic limits of law should be considered as universal for all legal systems.

The method of interpretation, of which the *method of problem-theoretical reconstruction* is a part, can be considered as the main method used to study the history of legal ideas. This method, justified by D.I. Lukovskaya, developed by A.V. Polyakov and reflected and creatively rethought in the research of E.V. Timoshina,[59] implies the creation

[59] A brief historiographical summary of the development of the tradition of this method within the framework of the research continuity of the Department of Theory and History of State and Law of Saint Petersburg State University can be found on the pages of the jubilee article published in 2014 on the pages of the journal “Pravovedenie”. See: Jubilee of Dzhenevra Igorevna Lukovskaya // Proceeds of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2014. No. 2 (313). PP. 241–242. Separately, the idea of the text “as a primary given and the starting point of any humanitarian discipline” goes back in this context to M. Bakhtin, whose works largely predetermine the understanding of the game turn in culture reflected in the domestic literature. D.I. Lukovskaya expressed the conceptual foundations of this methodology in her doctoral dissertation, see:

of original interpretation concepts in the process of pre-requisite and contextual interpretation of the text as a primary reality of humanities.[60] Within the framework of the present study, it is used mainly for interpretation and reconstruction of not general, but private concepts developed by domestic and foreign thinkers and relevant to the main problem, the solution of which is aimed at.

Theoretical modelling method in the interpretation applicable to legal research, implies, on the one hand, the creation of abstract models of social relationships, and on the other hand, models of possible norms of positive law, with the subsequent application of the latter to the former in order to create a general model of law enforcement. In the context of the goals and objectives of this study, the method of theoretical modeling is necessary to identify various examples of the semantic limits of law and to demonstrate the methodological potential of the concept developed in the dissertation. In particular, the application of the method of theoretical modeling is illustrated by the example of the application of the concept of the semantic limits of law in law-making.

Method of introspection, originally developed in psychological science, implies the observation and description of the researcher's own values and is conditioned by the notion that in the conditions of post-classical type of scientific rationality the researcher's personality, his experience and paradigmatic features of thinking objectively cannot but

---

Lukovskaya D.I. Theoretical and methodological problems of the history of political and legal teachings: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.01. – Leningrad, 1986. – 412 p. See also: Lukovskaya D.I. Subject and methodology of the history of political and legal doctrines // Proceeds of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2007. No. 3. – PP. 197–211.

[60] According to E.V. Timoshina, "the essence of this method is disclosed in the following main provisions: 1) the text is a primary reality of the humanities, which has a certain ontology in relation to the cognizing subject; 2) the process of interpretation has a pre-requisite and contextual nature, which determines the choice of research hypothesis and the selection of textual 'facts'; 3) the possibility of 'dialogue' with the author of the text is associated with the observance of certain ethical principles in the process of interpretation; 4) knowledge is considered as having a personal and socio-cultural nature; 5) interpretation is a communicative process – revealing the actual intersubjective meaning of legal ideas of the past takes place in the 'space' of the modern scientific dialogue, mediated by the texts of thinkers of the past; 6) the result of the research is expressed in the creation of an original interpretation concept (theoretical model) of legal doctrine, the actualization of which contributes to the modern theory of law; 7) the diversity of interpretation concepts is a 'normal' scientific phenomenon". See: Timoshina E.V. Theory and Sociology of Law by L.I. Petrazycki: Genesis of Post–Classical Legal Understanding in Russian Philosophy of Law (the Beginning of the XXth Century). Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences / Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, 2013. P. 11.

influence the direction of scientific conclusions in social and humanitarian academic research. However, a rational description of such values is not excluded, which may serve as a necessary condition for the interpretation of this academic text.

Method of participatory observation is used in the work with reference to the phenomena of modern information culture (first of all, social networks and multi-user computer games), which are part of the empirical base of research. Explicit mentioning of the included observation method is aimed at demonstrating the author's experience as a participant in relevant social practices and, consequently, as a user of well-known digital economy products.[61]

Analytical method, understood in the context of the analytical jurisprudence relates to the turn to the linguistic context of the language practice which is mostly relevant to the Russian legal system and is associated with the concepts of common sense. This study also largely reflects the experience of rethinking the legal issues in the context of the "*linguistic turn*" in the scientific rationality as a whole and, as a consequence, explicitly or implicitly uses the methodological potential of individual teachings, developed within the framework of the philosophy of language, in relation to the problems of philosophy and theory of law. When analyzing the problems of absurdity and common sense in the context of this study, an analytical method is used that is characteristic of analytical philosophy (L. Wittgenstein,

[61] In particular, the author has participated and participates as a user in a number of multiplayer gaming and cyber-sports projects from 2005 to the present (among them, in chronological order of being acquainted with, *Ultima Online*, *Second Life*, *Achaea: Dreams of the Divine Lands*, *Discworld*, *Aardwolf*, *World of Warcraft*, *Rift*, *Everquest II*, *Star Wars: the Old Republic*, *Magic: the Gathering Online*, *Allods Online*, *Skyforge*, *Perfect World*, *Dota 2*, *League of Legends* and some others). The author is also an experienced user and at times an avid reader of social media (*VKontakte*, *Facebook*, *Twitter*, *LinkedIn*, *Livejournal*, *Blogspot*, *WordPress*) from the moment of their actualization in the Russian segment of the Internet in the first decade of XXIst century. Although, specifically in the period corresponding to the writing of this paper, this comment is probably comparable to stating that "the author is an experienced reader of books" or even "the author is an experienced communicator" (although both, of course, are not superfluous), it can be assumed that long-term experience in the practical study of relevant resources and practices, in most cases *from the moment of their immediate appearance*, is relevant to the context of work on the legal issues of virtual reality in the broad sense of the word. Moreover, in a context where not all of the available legal science publications, even those that are specific to gaming research and social media, imply the same degree of personal experience.

et al.) and analytical jurisprudence (H. Hart, et al.) and implies clarification of concepts from the point of view of their use in natural language.[62]

In addition, it should be noted that the normative sources and empirical material selected for this study have been subject to the *inductive method* of scientific cognition, as well as the text based on representative examples. A comprehensive presentation of these sources and materials in the text of the work is not necessary for the purposes and objectives of the study and may make it difficult to systematically substantiate the concept of the semantic limits of law. The principle that determines the representativeness of the relevant examples in each case is defined and justified, either explicitly or by context.

The thesis also uses general research methods, including, *inter alia*, the use of a logical method of reduction to absurdity ("*reductio ad absurdum*"), which corresponds to the objectives of the study of the content and style, as well as its subject matter as such.

The source base for the dissertation comprises of, first of all, (1) Russian and foreign normative sources and empirical material related to the following main areas: criteria for evaluating information harmful to the health and (or) development of children; processing of information that has lost its relevance due to subsequent events; administrative offences and crimes related to the dissemination of information; creation of creative works with specific prototypes of characters; game activities not related to gambling; use of references to absurdity in legal argumentation; (2) academic works in the field of game analysis in the social and human sciences, including such authors as R. Bartle, R. Caillois, M. Consalvo, M. Midgley, J. Stenros, J. Huizinga etc.; (3) academic

---

[62] Thus, for example, in the interpretation of S.N. Kasatkin, the method of analytical jurisprudence is expressed in the following stages: "1) the term (concept) being explained is considered in isolation, and as part of the holistic statements forming the most typical cases of its use in the legal practice of the legal system; 2) on the basis and in the context of these statements, the term (concept) is explained by: a) establishing the conditions of truthfulness of such statements (the conditions under which the relevant term is used in a relevant, appropriate and effective way); b) The definition of the speech function of a statement, in particular how these statements (and the dictionary in question) are used in drawing a legal conclusion based on the rules in a particular case. See: Kasatkin S.N. Explanation of Legal Concepts in the Analytical Jurisprudence of H. Hart: Methodology and Problematization // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 1. – PP. 52–53

works in the field of social philosophy and philosophy of law belonging to the authors, who developed approaches to the analysis of the relationship between games and law, the study of the analogy of law and games or the establishment of rational boundaries of legal interpretation and semantics of law or common sense in law, in particular the works of B. Jackson, A. Ross, J. Finnis, L. Fuller, H. Hart and others; (4) academic works in the field of theoretical sociology, first of all, based on the methodology of social constructionism and assuming the study of the principles of formation of the value of subjects of social relationships and the nature of such value that directly or indirectly presupposes the relativity of certain social relationships to the field of legal regulation, in particular, the works of P. Berger, T. Luckmann, T. Parsons, J. Treviño, S. Abrutyn, etc.

From the standpoint of the *theoretical grounds of research*, the reconstruction of the problem area of the semantic limits of law predetermined the necessity of addressing the works of Russian researchers – specialists in philosophy, theory and sociology of law, history of legal thought: S.S. Alekseev, M.V. Antonov, N.V. Varlamova, V.G. Grafsky, Y.I. Grevtsov, S.N. Kasatkin, I.Yu. Kozlikhin, V.V. Lazarev, V.V. Lapaeva, D.I. Lukovskaya, V.S. Nersesyants, A.V. Polyakov, N.N. Tarasov, E.V. Timoshina, A.F. Cherdantsev, I.L. Chestnov etc., as well as foreign law theorists and philosophers of law – R. Alexy, E. Bulygin, B. Bix, R. Dworkin, H. Kelsen, A. Marmor, S. Paulson, W. Twinning, J. Raz, G. Radbruch, A. Ross, R. Summers, L. Fuller, H. Hart, etc.

The concept of the semantic limits of law is considered in the first place in the context of the problems of analysis of game activity in social sciences and humanities, presented in the works of the authors of interdisciplinary studies related to mediaphilosophy and "*game studies*", in particular, the following authors: foreign ones – R. Bartle, R. Caillois, E. Castronova, M. Consalvo, M. Midgley, J. Stenros, J. Huizinga etc. and domestic – V.V. Savchuk et al., as well as authors of special legal and expert researches in the field of relations of theoretical and practical jurisprudence to gaming

activity, including the following foreign scholars and practitioners – B. Duranske, G. Lastowka, S. Kane, J. Fairfield, D. Hunter et al. and domestic ones – A. Savelyev et al.

Since the urgency of the problem of the semantic limits of law is substantiated not only through the systematic nature of special legal problems of interpretation of law, but also by reference to the context of modern culturology, and the reconstruction of one of the key criteria of the semantic limits of law is carried out using the methodological potential of theoretical sociology, the theoretical foundations of the research include the ideas and concepts of the authors, whose works relate to these areas of knowledge. In particular, we are talking about certain domestic researchers – O.Y. Volkov, Y.K. Volkov, A.A. Lisenkova, O.V. Sergeeva, et al. – and foreign ones – S. Abrutyn, P. Berger, T. Luckmann, N. Luhmann, J. Austin, T. Parsons, J. Treviño.

The reference to the general methodology defined by the linguistic turn of the post-classical scientific rationality, which at the same time forms an organic part of the context of social constructionism in theoretical sociology, predetermines as the theoretical basis for the study the works of the key authors in this field, primarily foreign ones, namely representatives of analytical and "post-analytical" philosophy, on the one hand, – L. Wittgenstein, A. Korzybski, G. Moore, B. Russell, and of hermeneutics, on the other hand, W. Diltey, M. Heidegger, H.-G. Gadamer, E. Husserl et al.

Theoretical and practical significance of the study is that it suggests an original theory that proposes a model for explaining legal semantics and defining the boundaries for interpretation and application of law, which are at the intersection of absurdity and common sense and applicable primarily to relationships mediated by virtual reality. The logic of the conception may also be extended to lawmaking. The concept of the semantic limits of law makes it possible to construct a rational reasoning explaining the possibility or impossibility of application of law in a particular context that is relevant, first of all, to the information culture of the society in the digital economy – in particular, to determine

when the “interference” of law to the field of the imaginary can be justified and in which – not. Conclusions of the dissertation research can be used as a basis for further academic development of the methodology of theory and philosophy of law, legal interpretation, information law, as well as interdisciplinary research related to the use of the methodology of social constructionism, including the study of game activities. The results of the research can also be used both in the practice of teaching and in the development of textbooks and manuals on the main courses of bachelor’s and master’s degrees “Theory of State and Law”, “Problems of Theory of State and Law”, “History of Political and Legal Teachings”, “History and Methodology of Legal Science”, “Modern Problems of Legal Science”, “Philosophy of Law”, “Sociology of Law”, as well as in the development of special courses, including “Interpretation of Law”, “Public and Private Law in the Digital Age”, “Legal Regulation of Relationships in the Internet”.

The provisions to be defended. The aspects of academic novelty of the dissertation mentioned before are disclosed *inter alia* by means of the following main provisions to be defended.

1. One of the priority tasks of modern legal theory is to **reconsider law in the conditions of the medial turn**, the components of which are the digital turn and the game (ludic) turn. The concept of the medial turn, justified in the Russian interdisciplinary research by V.V. Savchuk, reflects fundamental changes in social and cultural life, which law is a part of. The understanding of term “law” itself in the context of this study is determined by the methodology of analytical jurisprudence in the interpretation of H. Hart. Such a methodology was dictated by the “linguistic turn” in the development of scientific cognition and implies skepticism towards traditional methods of definition, but allows a description of the “core meaning” of the term based on common sense. The medial turn in general sets the need for conceptualization and understanding of media reality as such. Consequently, the digital turn determines the development of virtual and augmented reality

technologies, which qualitatively change the mediaspace. Finally, the game turn, which was thought through in mediaphilosophy and game studies, including the approaches of J. Huizinga, R. Caillois and late L. Wittgenstein, suggests legitimization of game practices in culture and aggravates the problem of *simulation* in the mediaspace. Thus, in general terms, the key subject of the study is the relationship between law and "deceptive" media space,[63] which can often be characterized by virtuality and simulation. At a lower level of theoretical generalizations, the main question of legal theory in the context of the medial turn can be posed as follows: in which cases legal norms in the mediaspace should have effect, and in which cases – not, because simulation excludes the effect of law, and in which *specific* way this can be explained with a degree of clarity sufficient for legal argumentation. The presence of such a simulation is the key unifying feature for the selection of empirical examples of legal collisions, which emerge or are actualized in the conditions of medial turn and allow giving substantiation to the hypothesis about the semantic limits of law.

2. The empirical material of the study confirms the problem of the need to determine which social relationships mediated by the mediaspace may be **excluded from the scope of law because of the simulations**. Taking into account the adopted methodological approach, the initial premises of the study should be defined by the legal collisions of game activities in the digital environment, expressed in controversial cases of application of positive law rules that exclude the possibility of judicial protection of claims arising from organization of games and participation in them, as well as legal qualification of the turnover of "virtual property" for real money. However, the recognition of *simulation* as the major problem factor also makes it possible to include into the scope of legal issues in

[63] Hereinafter, the hypostasis of law in the phrase "attitude / relation of law [to something]" should be interpreted only as a literature method of natural language, aimed at expressing the most general view of the problem, which implies the unification in one context of different dogmatic categories – the effect of law [in the media space], the application of law [to the artifacts of media reality], the interpretation of legal texts [in relation to social relationships mediated by media reality], etc.

consideration the legal collisions that are indirectly related to virtual reality, but do not necessarily involve the analysis of the gameplay as such – for example, those related to making of law enforcement decisions on the limitation of access to the paratexts of computer games, if the grounds for such decisions are formed by controversial qualification of virtual game objects as real objects (for example, the qualification of the description of the fictitious way of making an "explosive" as corresponding to the real legislative restrictions). Following this logic, the relevant empirical material of the study also shall include the examples of legal conflicts, in which, in general terms, the issue is not related to games and is raised not so much with regard to the possibility of "invasion" of the real law into the virtual reality, but rather with regard to the possibility to apply law to social relationships related to something unserious, imaginary or irrelevant, without violation common sense. An example of a typical problem area in this case is the collisions related to the interpretation of the criteria of information prohibited for dissemination inn the Internet. All of the collisions considered in the study can be logically connected due to the following invariant features defined by the context of the medial turn and characterizing the legally significant features of social relationships mediated by the mediaspace: **(1)** the object of such social relationships cannot be reduced to material objects or special legal constructs; **(2)** in each of the collisions considered, it is necessary to resolve the additional problem of the relation of media reality to the scope of legal regulation; **(3)** erroneous interpretation of legal texts and/or application of law implies an intuitive posing of the question of the correspondence of the result of such interpretation or application to common sense.

3. The problem of the relation of law to simulation in the mediaspace under consideration is not a branch-specific one, but a universal one. It is part of the subject area of legal theory and relates to the **problems of application of law and interpretation of legal texts**. The question of determining the conditions under which legal texts can be

interpreted in such a way that the scope of possible meanings of the concept-words used in them will include objects of social relationships mediated by virtual reality has been subjected to academic analysis so far, mainly in the framework of branch studies in the field of civil and information law, however, the versatile empirical material selected on the basis of the initial methodological hypothesis allows us to demonstrate the potential practical relevance of the problem for all areas of jurisprudence, which is due to the totality of the medial turn. This circumstance alone makes it possible to postulate the general theoretical significance of the problem under study. At the same time, the diachronous analysis of the development of legal thought makes it possible to directly substantiate and legitimize the discourse of this problem in the context of philosophy and theory of law, in particular, the works of L. Fuller and H. Hart, as well as their subsequent critical rethinking. Thus, the problem of the relation of law to simulation in the mediaspace can be interpreted as a problem of t*he criteria of absurdity in the application of the law* based on the concept of implicit "generally shared assumptions" outlined in L. Fuller's book "*Anatomy of the Law*" (1968). In some virtual reality cases, it is possible to see a contradiction to common sense. In turn, the problem in question can also be interpreted as a problem of interpretation of legal texts within the framework of H. Hart's general analytical and legal methodological premise on the "core and penumbra" of concept-words used in a legal text, as reflected in his discussion with L. Fuller and as further developed in the book "*The Concept of Law*" (1961), since, in the light of this methodology, the contentious *issues of the extrapolation of legal texts on media space artefacts form the "penumbra" of meanings*. However, although these approaches allow us to interpret the issue of relation of law to simulation in the mediaspace as a problem of philosophy and theory of law, they do not allow us to solve this problem, which leads to further research analysis.

4. The most relevant of the existing general approaches, which are directly or indirectly designed to explain **absurdity in the application of law and the interpretation of legal texts**, do not provide a convincing opportunity to determine the relation of law to simulation in the mediaspace. A separate part of the empirical research material, related to the use of references to absurdity or common sense in the legal reasoning of enforcement decisions, allows legitimizing the problem as a problem of *absurdity*. The inclusion of the simulacra of the media space into the sphere of law is a special case of absurdity, and not of nonsense, in the application and interpretation of the law. In this case the absurdity reflects a fundamental contradiction to common sense as the implicit rationality of law. Such a contradiction consists of the application of "real" and "serious" law to a closed playful simulacrum, in particular of virtual reality, in the that very context which does not imply *consequences* (as interpreted in the light of works by J. Huizinga and E. Castronova) to the social reality of everyday life, and therefore has no inter-subjective social significance. Nevertheless, as the study shows, despite the established practice of that kind of legal argumentation, which implies references to absurdity or common sense, there are no approaches in the modern theory and philosophy of law that would allow reconstructing the limits of law in the space of meanings of media reality with a sufficient degree of clarity. The notions of "moral limits of law" known to legal science cannot be interpreted as a basis for solving the problem, since the contradiction of morality is not a necessary sign of absurdity in law. The foreign "doctrine of absurdity" in the interpretation of law also does not allow this to be done, since it does not contain explicit rationalization of the criteria of such absurdity. The possibilities of the approaches of deontic logic, including semantic normativity in the interpretation of M. Klatt, to establish a semantic relationship in the field of the "penumbra" relating to media reality between the fact and the concept-word used in legal text, are limited, which in particular does not allow to apply the conception of semantic normativity in the interpretation by M. Klatt to resolve the problem

posed. These circumstances necessitate the development of specific criteria for absurdity in law, oriented towards the simulations of the mediaspace.

5. The development of special criteria for absurdity, which determine the limits of law in the mediaspace, **cannot ignore the concept of the "magic circle"**, developed in game studies, which are directly aimed at understanding the current simulative game practices typical of the media reality. At the same time, the attempts to justify the limits of application of law to the simulation in the media reality, known to legal studies so far and based on this methodological approach, do not allow to reconstruct the required criteria. The methodological approach itself, which is based on the concept of the "magic circle", originally derived from the metaphor of J. Huizinga, is now subject to severe criticism in game studies, as it has traditionally been interpreted as a basis for distinguishing between the "real" and the "virtual" space, and the basis for such a distinction in the light of contemporary cultural and sociological concepts is questionable – from the point of view of social constructionism, we can say that the virtual is real and vice versa. However, the study argues for an approach that critically evaluates the arguments of both supporters and opponents of the "magic circle" concept. On the one hand, one cannot agree with the notion that social practices can be strictly delineated by the criterion of relativity to a closed field of playful practices, which are not of significance, since sociological and other analyses of these practices show that play can sometimes be quite serious. On the other hand, it is for the purposes of jurisprudence that the need to rethink the concept of the "magic circle" or to develop a similar concept cannot be denied in principle: one of the main purposes of law is to give conventional certainty to the uncertain social reality. Accordingly, jurisprudence, unlike many other social and humanitarian sciences, cannot afford to accept uncertainty about what exactly should be recognized as a simulation. At the same time, the methodological potential of special legal approaches based on the metaphor of the "magic circle" and proposed by B. Duranske, J. Fairfield and other authors

also seems to be limited and does not allow reconstructing the semantic limits of law as a universal category that corresponds to the conditions of the medial turn, and is not limited only to the problem area of multiuser computer games. One of the main limitations of the known concepts of the "magic circle" is reflected in the attempt to qualify from the point of view of "virtual" and "real" the studied social relationships, actions of the parties, or the subjective side, while sufficient clarity in the solution of the problem can be achieved only when studying the object of social relationships. The qualification of the parties' actions, interpreted through the concept of consent or subjective side, is also limited in application, since in legal systems with a significant number of imperative norms, the consent of the parties cannot cancel the legal qualification of their actions from the point of view of the real law. Moreover, narrow concepts of the "magic circle", which focus only on computer virtual worlds, are not designed for other virtual reality artifacts that imply indirect communication, such as, for example, artistic creation. Thus, the development of criteria for the absurdity of the application and interpretation of law in connection with the simulation of the media reality can also be interpreted as a rethinking of the legal metaphor of the "magic circle".

6. A necessary but insufficient criterion for establishing the absurdity in the application of law and interpretation of legal texts, which is associated with the simulation in the mediaspace, is **the lack of functional relevance** (adequacy) of the object of social relationships to the central meaning of the concept-word used in the legal text (the "**criterion of reality**"). Interpretation of a legal text that implies the need to determine whether or not an object of social relationships that is mediated by the media reality is within the scope of the possible meanings of the concept-word used in such text, as well as the subsequent application of law, requires correspondence between such object and the concept-word. In current socio-cultural conditions, the facts of the media reality are on the "periphery" of the meaning of legal texts. The definition of functional relevance is the

establishment, in late Wittgenstein's language, of a "family resemblance" between meanings relating to easy cases of core meaning and peripheral facts of the media reality. That said, the functionality is the legally relevant criterion for such "family resemblance". Based on common sense, functionality itself is defined by how the subject of social relationships can be used by actors (subjects of law) in a sense *significant* for the intersubjective social reality. With this approach, if, for example, a social institution for trading of virtual objects – the artefacts of the media reality – has emerged, then "family resemblance" between them and the core meaning of the legal concept-word "property" can be established. It should also be taken into account that new media are defined by such qualities as fractality, automation, variability, and transcoding (L. Manovich), and this, in most cases, predetermines the impossibility of structural adequacy of the artifacts of new media and the core meaning of the concept-words of those legal texts which are oriented towards establishing of *technologically neutral* rules of behavior. In the context of the research, the notion of functional relevance is opposed to the "fantasy nature" of social relationships object in relation to the legal reality. It is necessary to emphasize that in the context of this work we are not talking about the fantasy nature of an object as such (in virtual reality, all objects are to some extent of fantasy nature), but about the fantasy nature of representing the key functional properties of the object in virtual reality (i.e., what the objects "do" rather than "how they look"). In fact, the criterion under consideration is designated as the "criterion of reality" because objective law is by definition not possible as a simulacrum. If there is something that has certain external features of law in a society, but it is a simulacrum, there is no law in such a society. The existence of generally accepted and obligatory rules of conduct (one of the main features of law), even if they are implicit or different from those formally declared, is an empirical social fact of the intersubjective social reality. A separate legal text or other legal phenomenon can exist as a simulacrum, but law as a whole cannot. Thus, law is not a simulacrum, and simulacra

cannot be included in the legal reality, except for the cases where the simulacrum itself acts as a socially significant object of the relationship. In view of this circumstance, there is a need to define the second criterion of absurdity in the application of law and the interpretation of legal texts in relation to the media reality.

7. In order to establish that kind of absurdity in the application of law and interpretation of legal texts, which is related to simulation in the mediaspace, the criterion of functional adequacy should be supplemented by **the criterion of convertible socio-currency value**, which can be justified on the basis of the concept of *generalized symbolic media*, developed in theoretical sociology (the "**criterion of seriousness**). The origins of the concept of generalized symbolic media can be seen in early sociological and economic studies, but this concept has not yet been applied in jurisprudence, despite its methodological perspectives defined by the following premises. Generalized symbolic media are communicative means of social construction of reality. According to T. Parsons, they are characteristic of each social subsystem. Thus, for example, the power, understood as the right (and later – the monopoly) to a special type of coercion, is a "symbolic medium" for the political system. Power, directly or indirectly, legitimately or not, can be acquired by means of influence, and influence is another "symbolic medium" of the social system. This, according to T. Parsons, is an example of converting (exchange) of "social currency". The conclusion relevant for the present study is that the social significance, including for the purposes of resolving controversial issues of law enforcement and interpretation of legal texts, is determined by such an inter-subjective "exchange value", rather than just a certain subjective value. That said, S. Abrutyn suggests that the concept should be supplemented with the notion of "external referent of value" – a specific object that communicates the value of a generalized symbolic medium, for example, a certain banknote, an attribute of power, religious affiliation, etc. In total, he identifies ten institutional areas, each of which corresponds to a generalized symbolic medium and

external referents of value, between which it is possible to perform exchanges at the institutional and individual levels. Hence, if the object of social relationships, interpreted as an external referent of value, has convertible "socio-currency value" – and we are talking about such generalized symbolic media as money, political power, influence and other carriers of inter-subjective values, which are constitutive of social reality, – then the application of law to the relationship with such an object is within the limits of common sense. If not, then applying law to such relationships would be *potentially* absurd (depending on whether or not the "criterion of reality" is also met). Possible criticism of the name of the criterion on the basis that the word "seriousness" implies a subjective attitude rather than an intersubjective quality, whereas the term "significance" would be more appropriate, does not seem convincing. "Significance" can also be subjective. Importantly, the way in which the game is played, and seriousness in the context of simulation is recognized in game studies, which are an essential part of the methodology of the approach discussed in this research.

8. In general, the proposed approach can be conceptualized in the term *"semantic limits of law"*, which implies the specified criteria of reality and seriousness, and expresses **the philosophical and dogmatic-legal concept of the relation of real law to the simulation, updated in the conditions of the medial turn**. The use of this term can be legitimized in scientific discourse by analogy with the effect of legal norms in "ordinary" space and through the concept of the *media space* as a symbolic space in which both socially significant meanings and simulacra can be found, setting the direction of the problem of relations between the sign and the signified in jurisprudence. The philosophical legal significance of the concept of the semantic limits of law is expressed in the understanding and explanation of the problems of law in the conditions of the medial turn. The dogmatic significance of the concept of the semantic limits of law is expressed in the fact that it allows to apply the criteria of reality and seriousness for the definition and

justification of the absurd, not corresponding to the common sense, cases of interpretation of legal texts and application of law, and therefore can be used in the academic-grounded analysis of the legal texts and law enforcement decisions, as well as in the applied legal argumentation. The application of the concept of semantic law limits implies the following operations: **(1)** making a hypothesis about the absurdity of the result of interpretation of a legal text or application of law, based on the common sense, understood as the implicit rationality of law, assimilated by the subject of legal activity, who has undergone professional socialization in the conditions of the given legal order; **(2)** establishing that very object of social relationships, the analysis of the qualities of which is necessary for the resolution of the case, from the complex composition of facts that defines the disputed social relationships; **(3)** analytical determination of the core meaning of the concept-words used in the legal text for further use as a "reference point" for checking the functional adequacy ("reality") of the identified object of social relationships; **(4)** verification of the functional adequacy of the identified object of social relationships to the core meaning of the relevant concept-words of the legal text; **(5)** assessment of the convertible socio-currency value of the object of social relationships from the point of view of theoretical and empirical sociology; **(6)** structuring of the legal argumentation by "translating" the key arguments of the analysis into the language of legal dogmatism. The presented methodology makes it possible to make implicit rules of legally significant word usage explicit in R. Brandom's terminology.

9. The concept of the semantic limits of law has a **multifaceted methodological potential**, which allows developing theoretical and legal notions of *ontology of law, the relationship between law and morality, the analogy of law and games*, as well as applied interdisciplinary notions related to *creating norms in the digital economy*. It is possible to defend the thesis of the validity of the hypotheses that arise directly from the study as a "spin-off" results of its findings. Thus, in the light of the rethinking of the concept of law

of L. Fuller's which is based on the concept of the "internal morality of law" in the context of the present study, it may be suggested that *seriousness*, understood as a convertible socio-currency value, in this case of a potential object of legal regulation, represents the ninth principle of the internal morality of law, since general, prospective, consistent, etc. legal rules are *meaningful* only if they aim to regulate social relationships in that aspect in which their object would be of inter-subjective significance rather than a simulacrum. In turn, R. Alexy's idea of the "claim to correctness" can be similarly supplemented by the "claim to seriousness" for the same reason. From these two methodological hypotheses follows the relevance of the concept of the semantic limits of law both in the field of ontology of law and in the "separation thesis", which defines the discussion on the relationship between law and morality. Separately, it should be noted that the development of ideas about the analogy of law and game is a natural consequence of the development of the presented concept due to the justification of the significance of the game turn for legal research and the rethinking of known ideas in this area in the context of digital transformation of society. Finally, the methodological value of the concept of the semantic limits of law for the development of applied normative issues in the digital economy is determined by the following circumstances. *First*, the criterion of seriousness being developed in the framework of the conception could be interpreted in the context not only of the methodology for the implementation and evaluation of the interpretation of legal texts and the application of the law, but also of an academically-grounded determination of the appropriateness of the legal regulation of social relationships in relation to "new" objects: before such an object becomes "serious", the reasonableness of its regulation could be questioned. *Second*, the criterion of reality, as justified in this study, in the framework of the conception assumes the addition of semantics-related notions about a special kind of absurdity related to simulation in the media reality, which is potentially relevant to the problem area of development of tools for algorithmization of law,

construction of expert systems and development of artificial intelligence technologies in the legal field.

The above main points for defense reflect the sequence of development of the methodology for the concept of the semantic limits of law. This concept is a system of "scalable" general theoretical notions of absurdity and common sense in law in the context of the attitude of law towards media space, virtual reality and simulation. As it follows from the last provision to be defended, these ideas can be developed beyond the aspects discussed in detail in this paper. For example, they can be used to assess law-making initiatives and individual approaches to interpreting the law in innovative areas (§ 6 Chapter 3 of the study is devoted to the specifics of the application of the concept in the areas of legal regulation of robotics, big data and artificial intelligence). In addition, according to the provisions to be defended, the concept of the semantic limits of law can be "translated" into the language of legal dogmatics (including those terms that are by definition considered to be "a priori" and simply common sense in law) and used as a pragmatic principle in the interpretation and application of law, as well as in the modeling of law. The relevant generalizations, logic and examples are provided for consideration in Chapter 3 and Annexes No. 1-3 to this study in a concise and practical manner.

The degree of validity and approbation of the results of the research. The validity of the research is determined by its heuristic potential confirmed both by the contents of the research itself, *inter alia*, in part of the instances of employing the method of theoretic modeling, and by the approbation of the results. The dissertation research was tested during the discussion at the department of theory and history of state and law of Saint Petersburg State University on 19 April 2019. Some of the provisions that determined the initial direction and content of the study were presented by the author of the academic report "Development of Law in the Conditions of the Digital Economy" at the meeting of the Academic Council of Saint Petersburg State University on 30 October

2017.[64] In addition, the methodology underlying the concept of the semantic limits of law was used by the author in the process of legal practice as an of counsel at the international law firm Dentons in the development of legal positions on controversial and unregulated legislation on the legal assessment of various content distributed in the digital environment. The main provisions of the research are reflected in the publications related to the dissertation and devoted to the problems of legal theory and philosophy, including creative rethinking of the concept of law by Lon L. Fuller, as well as other subjects, including separate essential components of the research methodology, analysis of individual legal problems in the "penumbra" and related to the legal problems of the digital economy, as well as examples of the application of methodology based on the concept of the semantic limits of law in relation to specific legal problems. The main provisions of the research are also used in the practice of teaching the main disciplines of bachelor's, master's and post-graduate studies "*Theory of Law and State*", "*Modern Problems of Legal Science*", "*History and Philosophy of Science*", "*Informational Technologies in Jurisprudence*" as well as special courses "*Interpretation of Law*" (including in the Masters' program "Legal Linguistics"), "*Public and Private Law in Digital Age*", "*Legal Regulation of Relationships in the Internet*" at the Faculty of Law of Saint Petersburg State University.

In addition, some of the results of the dissertation research were reflected in the massive open online course "Legal Regulation of Relationships in the Internet. Russian Perspective", being delivered by means of such platforms as Coursera and Open Education

[64] Arkhipov V.V. Development of Law in the Conditions of the Digital Economy. Academic report at the meeting of the Academic Council of St. Petersburg State University on 30 October 2017. [Electronic resource] // YouTube. - [Website]. - URL: https://youtu.be/1B5fM9Tb00s (accessed: 11.09.2019); Agenda of the meeting of the Academic Council of Saint Petersburg State University of 30 October 2017. [Electronic resource] // Saint-Petersburg State University. - [Website]. - URL: https://spbu.ru/openuniversity/documents/povestka-dnya-zasedaniya-uchenogo-soveta-spbgu-10 (accessed: 11.09.2019).

from 2017[65] and awarded with the Saint Petersburg Government Prize for the development of innovative activities in an educational institution.[66]

The main provisions of the dissertation study are reflected in the following publications:[67]

Articles in Russian peer-reviewed journals included into the list of the Higher Attestation Commission *(by the data of publication)*

1. Arkhipov V.V. Computer Games, «Magic Circle» and Semantic Limits of Law // International Journal of Cultural Research. 2019. 1 (34). P. 73–87.
2. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – Vol. 13. – No 6. – PP. 94–123.
3. Arkhipov V.V. eSports Law: Fact or Fiction? (in Russian) // Zakon. – 2018. – No. 5. – PP. 80–92.
4. Arkhipov V.V. Personal Data as Non-Material Values (or There is Nothing More Practical than a Good Theory) (in Russian) // Zakon. – 2018. – No. 2. – PP. 52–68.

---

[65] See: Legal Regulation of Relations in the Internet. Russian Perspective [Online Course] // Coursera. – [Site]. – URL: https://ru.coursera.org/learn/regulirovaniye–interneta (accessed: 08.11.2018) and Legal Regulation of Relations in the Internet. Russian Perspective [Online Course] // Open Education. – [Site]. – URL: https://openedu.ru/course/spbu/PRAVREG/ (accessed: 08.11.2018).

[66] Order of the Committee for Science and Higher School of the Government of St. Petersburg of 07.05.2018 No. 47 [Electronic resource] // Committee for Science and Higher School of the Government of St. Petersburg. – [Website]. – URL: http://knvsh.gov.spb.ru/closedcontests/view/188/ (accessed: 08.11.2018).

[67] These publications are devoted to different subjects, but those that do not directly reflect the methodological approach developed in this paper are also directly related to it, as they reflect the practical application of this approach and are in systemic integrity with the general direction of the study. Among other things, it should be emphasized that publications on theoretical and philosophical legal issues are related to the part of the work in which the views of L. Fuller and H. Hart are analyzed, as well as the problem of the limits of law in terms of the relationship between law and morality; publications on the legal aspects of computer games and cybersports – with the methodological component of gaming research reflected in this work; publications on innovative legal problems of the digital economy (robotics, personal data in the context of big data A similar explanation applies to the conferences mentioned later.

5. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in Legal Context: on Development of the First Russian Law on Robotics (in Russian) // Proceedings of SPIIRAN. – 2017. - Issue 6 (55). – PP. 46–62.

6. Arkhipov V.V., Naumov V.B. On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: Aspects of Will and Legal Personality (in Russian) // Zakon. – 2017. – No. 5. – PP. 157–170.

7. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Informational and Legal Aspects of Drawing up Robotics Legislation (in Russian) // Information Law. – 2017. – No. 1. – PP. 19–27.

8. Arkhipov V.V., Naumov V.B. A Concept of Personal Data: the Interpretation Under the Development of Informational and Telecommunication Technologies (in Russian) // Russian Law Journal. Ekaterinburg, 2016. – No. 2. – PP. 186–196.

9. Arkhipov V.V., Naumov V.B., Pchelintsev G.A., Chirko Y.A. Open Concept of Regulation of the Internet of Things (in Russian) // Information Law. – Moscow, 2016. – No. 2. – PP. 18–25.

10. Arkhipov V.V. Intellectual Property in the Video Game Industry: Problems of Theory and Practice (in Russian) // Zakon. – Moscow, 2015. – No. 11. – PP. 61–69.

11. Arkhipov V.V. Virtual Property: Pervasive Legal Problems in the Context of Computer Games Industry Development (in Russian) // Zakon. – Moscow, 2014. – No. 9. – PP. 69–90.

12. Arkhipov V.V., Kilinkarova E.V., Melashchenko N.V. Problems of Legal Regulation of Trade of Goods in the Internet: From Distance Selling to the Virtual Property (in Russian) // Zakon. – Moscow, 2014. – No. 6. – PP. 120–143.

13. Arkhipov V.V., Azizov R.F. Relations in the Internet Format Web 2.0: the Problem of the Correspondence between the Network Architecture and the Legal Regulation (in Russian) // Zakon. – Moscow, 2014. – No. 1. – PP. 90–104.

14. Arkhipov V.V. Virtual Law: The Main Problems of the New Direction of Legal Studies (in Russian) // Proceeds of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – Saint Petersburg, 2013. – No. 2 (307). – PP. 93–114.

15. Antonov M.V., Arkhipov V.V., Polyakov A.V. Scientific Dispute on Main Shores: XXV World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy (in Russian) // Proceeds of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 2011. – No. 4 (297). – PP. 7–20.

16. Arkhipov V.V. Postmortem: "Anatomy of the Law" by Lon L. Fuller (in Russian) // Russian Yearbook of Legal Theory. – 2011. – No. 2-2009. – PP. 186–203.

17. Arkhipov V.V. Concept of Law of Lon L. Fuller (in Russian) // Russian Yearbook of Legal Theory. – 2011. – No. 2-2009. – PP. 708–711.

18. Arkhipov V.V. "The Morality of Law" by Lon L. Fuller: on the Publication of the Russian Translation of the Book (in Russian) // Proceeds of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 2008. – No. 5 (280). – PP. 113–121.

19. Arkhipov V.V. Lon Fuller on Correlation of Law and Morality (in Russian) // Proceeds of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 2004. – No. 6 (257). PP. 145–152.

Articles in other Russian peer-reviewed journals

20. Arkhipov V.V. Game Rules as a Normative System, or What Do Law and Game Design Have in Common (in Russian) // Philosophical-Literary Journal Logos. – Moscow, 2015. – Vol. 25. – No. 1 (103). – PP. 214–225.

21. Arkhipov V.V. A Serious Game: Multiplayer Online Role–Playing Games in the Focus of the Russian Law Enforcement (in Russian) // Saint Petersburg lawyer. – Saint Petersburg, 2013. – No. 1. – PP. 56–61.

Articles in foreign peer-reviewed journals

(Web of Science Core Collection)

22. Arkhipov V., Naumov V., The Legal Definition of Personal Data in the Regulatory Environment of the Russian Federation: Between Formal Certainty and Technological Development // Computer Law and Security Review. Dorchester (UK), 2016. – Volume 32. – Issue 6. PP. – 868–887.

Chapters in monographs

23. § 8. Rules of Game and of Law in the Context of Social Constructionism // Mediaphilosophy XII. Game or Reality? An Effort of Computer Games Research (in Russian) / Under Edition by V.V. Savchuk. – Saint Petersburg: Fund for the Development of Conflict Resolution Studies, 2016. – PP. 135–149.

24. Virtual Worlds and Multiplayer Online Role-Playing Games in Legal Theory and Practice // Mediaphilosophy X. Computer Games: Research Strategies (in Russian) / Under Edition by V.V. Savchuk. Publishing House of Saint Petersburg Philosophical Society. Saint Petersburg, 2014. – PP. 105–117.

25. Chapter 6. A Robot Is a Subject of Law (?). Development of Discussion (in co-authorship with A.V. Neznamov, V.B. Naumov, S.V. Sarbash, K.M. Smirnova) (in Russian) // Robotics Regulation: Introduction to “Robolaw”. Legal Aspects of the Robotics and Artificial Intelligence Technologies Development // V.V. Arkhipov [et al.]. Edited by A.V. Neznamov. - M.: Infotropic Media, 2018. – PP. 79–93.

26. Chapter 12. Robots and Personal Data (in co-authorship with A.V. Neznamov and V.B. Naumov) (in Russian) // Robotics Regulation: Introduction to “Robolaw”. Legal

Aspects of the Robotics and Artificial Intelligence Technologies Development // V.V. Arkhipov [et al.]. Edited by A.V. Neznamov. - M.: Infotropic Media, 2018. – PP. 186–197.

Dissertation research

27. Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences (in Russian) / Saint Petersburg State University. – Saint Petersburg, 2009.

Textbooks and instruction materials

28. Arkhipov V.V. Internet Law: Textbook and Exercise Book for Bachelor's and Master's Degree (in Russian). – Moscow: Yurayt Publishing House, 2016. – 249 p.

29. Arkhipov V.V., Kraevsky A.A., Timoshina E.V. Theory of Law and State. Exercise Book. (in Russian) – Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, 2015. – 201 p.

Publications in collections of academic papers

30. Arkhipov V.V. Semantic Limits of Law in the Conditions of the Medial Turn: from Virtual Reality to Theory of Law // Public Order and its Institutional Foundations. Proceedings of the International Academic Conference. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 2019. – PP. 56–65.

31. Arkhipov V.V. Prerequisites of the Concept of the Semantic Limits of Law in the Context of Modern Information Culture // Information Space: Ensuring Information

Security and Law. Collected Academic Papers / Under edition of T.A. Polyakova, V.B. Naumov, A.V. Minbaleyev. - MOSCOW: ISL RAS, 2018. – PP. 272–286.

32. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Draft Federal Law “On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in Terms of Improving the Legal Regulation of the Relationships in the Field of Robotics" // Law and Information: Theory and Practice. Collection of Materials of the VII International Academic and Practical Conference. Series “Electronic Legislation” / Academic editor N.A. Sheveleva. Saint Petersburg: Boris Yeltsin Presidential Library, 2017. – PP. 220–228

Presentation summaries at Russian and international conferences

33. Arkhipov V.V. Legal Risks of Using Social Networks in Science and Education (in Russian) // Receiving, Storing and Using Information in the Electronic Environment: Public and Private Law Regulation. Collection of Materials of the International Scientific-Practical Conference. Series “Electronic Legislation” FGBU Boris Yeltsin Presidential Library; Scientific Editor N.A. Sheveleva. – St. Petersburg: 2013. – PP. 213-218.

34. Arkhipov V.V., Speaking About Law: General Fiction of Legal Theory // 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Frankfurt am Main, 2011. – PP. 248-249.

35. Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. Speaking About Law: General Fiction of Legal Theory // 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Frankfurt am Main, 2011. – P. 248.

36. Arkhipov V.V. Evgeny Pashukanis: Legality and Economic Calculation // Abstracts. Special Workshops and Working Groups (II) of IVR 24th World Congress “Global Harmony and Rule of Law”. – Beijing, 2009. – PP. 365–368.

The main provisions of the dissertation research were presented at Russian academic conferences: Roundtable "Artificial Intelligence, Neurotechnologies, Ethics, Law and Security: Interdisciplinary Dialogue" (ITMO University, 28 June 2019); Academic and Practical Conference "Alexeyevskie Readings" (Saint Petersburg State University, 13 May 2019); Russian-Chinese Conference on Comparative Law of the Russian Federation and the People's Republic of China (Saint Petersburg State University, 9-10 April 2019); Academic and Practical Conference with International Participation "Law and Modern Economics: New Challenges and Prospects" (Saint Petersburg State Financial University, 9 April 2019); International Academic Theoretical Conference XIX Spiridonov Readings on the topic of "Legal Thinking: Classical and Post-Classical Paradigms" (Saint Petersburg Branch of the University of Public Prosecution of the Russian Federation, 5-6 April 2019); International Scientific and Practical Conference "Second Bachilovskye Readings" (8 February 2019); Scientific and Practical Conference "Computer Games: Cultural Interfaces and Social Interactions" (Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 19-21 October 2018); Section "eSports Law: Myth or Reality" at the Saint Petersburg International Legal Forum (SPILF, 17 May 2018).; International Scientific and Practical Conference "Information Space: Ensuring Information Security and Law – First Bachilovskye Readings" (ISL RAS, 15-16 February 2018); International Conference "Creative Heritage of L.I. Petrazycki: History and Modernity (to the 150th Anniversary of Birth)" (Saint Petersburg State University, 14-15 December 2017); VI International Scientific and Practical Conference "Law and Information: Issues of Theory and Practice" (Boris Yeltsin Presidential Library, 15 April 2016); the International Scientific and Practical Conference "Topical Problematic Issues of Intellectual Property Law" (V International Cultural Forum, Saint Petersburg State University, 1 December 2016); International Academic and Practical Conference "Legal Regulation of Computer Game Industry: Problems of Theory and Practice" (Saint Petersburg State University, 30

September 2015); the All-Russian Scientific Conference “Computer Games – Theatre of Active Actions” (Saint Petersburg State University, 20 June 2013); the Scientific and Practical Conference “Monitoring of Law Enforcement” (Saint Petersburg State University, Ministry of Justice of the Russian Federation, 11 June 2013). International Scientific and Practical Conference “Receiving, Storage and Use of Information in Electronic Environment: Public Law and Private Law Regulation” (Boris Yeltsin Presidential Library, Saint Petersburg, 11-12 April 2013); International Scientific and Theoretical Conference “Law and Globalization: Theory and History Issues” (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 28 November 2008); All-Russian Interuniversity Conference “Principles of Law” (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 30 November 2006),

as well as at foreign scientific conferences: 29th World Congress of the International Association of Law and Social Philosophy (IVR) – Dignity, Democracy, Diversity (University of Lucerne, Switzerland, 7-12 July 2019); IV International Conference “More Than Just a Game” – “Culture, Identities, Freedoms & Artificial Intelligence” (Queen Mary, University of London, Centre for Commercial Law Studies, London, 5-6 April 2018); 25th World Congress of the International Association of Law and Social Philosophy (IVR) – Law, Science, Technology (Goethe University, Frankfurt am Main, 15-20 August 2011); 24th World Congress of the International Association of Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR) – Global Harmony and Rule of Law (Chinese Law Society, 15-20 September 2009).

The empirical material of the research and interpretation of its relevance largely owes to the results of the expert participation of the dissertation candidate in Russian and foreign scientific, practical and business events related to the computer games and computer sports industry: Winter Nights: Mobile Games Conference 2014 (Saint Petersburg, 7-8 February 2014); DevGAMM Minsk 2014 (Minsk, 17-18 October 2014);

Games Industry Law Summit 2015 (Vilnius, 23-24 April 2015); DevGAMM Moscow 2015 (Moscow, 15-16 May 2015); Mastering the Game 2015 (World Intellectual Property Organization, Ministry of Culture and National Heritage of Poland, Krakow, 4-5 November 2015); Games Industry Law Summit 2016 (Vilnius, 28-29 April 2016).; DevGAMM Moscow 2016 (Moscow, 12-13 May 2016); Mastering the Game 2016 (Ministry of Culture and National Heritage of Poland, Warsaw, 17-18 November 2016); Games Industry Law Summit 2017 (Vilnius, 27-28 April 2017); Mastering the Game 2017 (Ministry of Culture and National Heritage of Poland, Warsaw, 16-17 November 2017); Games Industry Law Summit 2018 (Vilnius, 3-4 May 2018); Games Industry Law Summit 2019 (Vilnius, 2–3 May 2019).

The main provisions of the dissertation research have been under academic scrutiny: in interaction with the participants of the research project with the financial support of the grant of the Russian Fund for Scientific Research № 16-18-10162 “A New Type of Rationality in the Era of Medial Turn” (Saint Petersburg State University) – in the part of preparation of the section in the monograph “Mediaphilosophy XII. Game or Reality? Experience of Computer Games Research”; during the implementation of the research project “Identification and Assessment of Aspects of the Impact of Computer Games on Socio-Economic Processes: Analysis and Synthesis of Foreign Research (Psychology and Law)” in 2016 - 2017. (Saint Petersburg State University); in the framework of research work supported by Saint Petersburg State University “Problems of Legal Regulation of Goods Turnover in the Internet: from Remote Trade to ‘Virtual Property’” in 2013 (Saint Petersburg State University). For the manuscript of the article “L. Fuller’s Concept of Law: an Experience of Non-Classical Interpretation”, reflecting the experience of applying the methodology of late L. Wittgenstein’s philosophy to the philosophical and legal concepts, the dissertation’s author was recognized as the winner of the contest of scientific works of

young scientists and specialists of Saint Petersburg State University by the decision of the Scientific Council of Saint Petersburg State University (Protocol No. 6 of 27.06.2005).

The structure of the dissertation. The dissertation paper consists of the introduction, three chapters, seventeen paragraphs, the conclusion, the list of abbreviations and notation conventions, the list of sources and three annexes.

CHAPTER 1. Problem statement in the light of the methodological approach, empirical material and socio-cultural context

§ 1. General remarks on the methodological approach of the research: linguistic philosophy and social constructionism

Before turning directly to the subject of this work, it makes sense to specify the main methodological ideas that determined the content and direction of the study, since *in the conditions of post-classical scientific rationality it is impossible to ignore the peculiarities of the agent of academic research*. Such a "methodological declaration" of the author's main approaches at the beginning of this work will make it possible to explain the choice of the research topic, outline its paradigm limits in advance and relate it to a certain academic tradition. The objective of this section is not to provide an exhaustive description of the actual methods for solving the problem of reconstructing the semantic limits of law – the content of the Chapters 2 and 3 of the study that is devoted to this instead.

In general, this study reflects an experience of understanding of that part of the processes of transformation of society in the digital economy, which is associated with the phenomenon often referred to as "virtual reality", from the standpoint of *legal philosophy*. The author's interest in how the development of social practices (i.e., social relationships as such, rather than their subject-matter – information) related to the participation of social actors in the interaction in "virtual reality" influences fundamental ideas served as a substantive reason for the research about law. One of the main methodological reasons for the study was the problematics, common for the philosophy of law of the XXth century, conceptualized by H. Hart in the concept of "penumbra".[68] H.

[68] How, for example, E.A. Bazhenova describes the essence of this problem in the presentation of H. Hart: "Both in the system of case law and in the system of statutory (legislative) law legal norms differ in the quality of uncertainty. Such uncertainty is related to the nature of the language, as many concepts in the language are of a general nature and cannot cover all cases and facts that will arise in the future. The thesis about the uncertainty of the rules and legal language of Hart is based on the distinction between '*core*' and '*penumbra*' meaning inherent in the legal norms (their words and expressions). In the

Hart considered that primitive law and international law belong to the most striking examples of such a field. In this paper, in essence, the thesis is that the main area of the "penumbra" comprises of phenomena related to the interaction of people in virtual space, which in its most general terms often implies "serious" relationships about "unserious" subject. Just as L. Lessig believed that the study of the issues of "cyberlaw" would shed light on a number of general problems of jurisprudence,[69] what may be perceived in the present work, directly or between the lines, is the idea that the study of questions of the interaction of people in new virtual environments can shed light on the practices and phenomena that precede modern "virtual reality".

As regards the various research methods, the general context of the work, as already outlined, is determined by the post-classical type of scientific rationality,[70] one of the

---

example of Hart, he cites the concept of 'vehicle' and a ban on the presence of vehicles in the park. It is clear that this concept includes certain cases such as cars, buses or motorcycles. But does it also inevitably include bicycles, electric-powered toys or roller skates?" See: Bazhenova E.A. Legal Philosophy of H.L.A. Hart: Textbook / E.A. Bazhenova; Vladimir State University named after A.G. Stoletov and N.G. Stoletov. – Vladimir: Vladimir State University, 2016. P. 30. It should be noted that L. Fuller, who criticized the very formulation of the problem of 'penumbra' meanings, according to which we will never be able to define the 'core' and 'peripheral' meaning of words before we define the purpose of the legislative act (or the legal norm of the case law), which determines the context and space of possible connotations, does not exclude the very formulation of the problem in the context of this study.

[69] See: Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website. – [Site]. – URL: http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (accessed: 26.01.2019).

[70] In the issue of periodization of science, the author shares the position proposed by E.V. Timoshina on the redundancy of "post-non-classics" in application to the theory of law. According to E.V. Timoshyna, "the allocation of another stage in the theory of law – the so-called post-nonclassical, which was borrowed from the conceptual scheme of V.S. Stepin – seems to be excessive. It is well known that V.S. Stepin, first of all with regard to the history of natural science, singled out three types of scientific rationality – classical, non-classical and postnonclassical. However, his position, even as a conceptualization of history and the current state of natural science, has not become universally recognized. In socio-humanitarian knowledge, including in the theory (philosophy, sociology) of law, this typology appears to be redundant, because the criteria laid down in its foundation and oriented to the history of natural sciences: the types of system objects studied by science (respectively, simple, complex, self-developing), as well as the 'depth of reflection in relation to the very scientific activity' – are not correlated with the historical development of the theoretical and legal knowledge itself. In any case, without the development of criteria of the appropriate typology of legal understanding, which would allow us to justify the allocation of postnonclassical legal understanding, it is somewhat premature to talk about it... Accordingly, it is methodologically justified to highlight the classic and postclassical (or, what is the same, non-classical) understanding of law. Support for such a position can be found in V.S. Shvyrev, who, commenting on the typology proposed by V.S. Stepin, proposed to proceed 'first of all, from the distinction between classical and nonclassical in the broad sense, or, perhaps, in order to avoid terminological confusion – postclassical rationality. In addition, the author of this conceptual scheme, V.S. Stepin himself, in his last monograph, proceeds from the division of scientific rationality into classical and non-classical...". See: Timoshina E.V. Classics, Postclassics... Neoclassics: to the Substantiation of Counter-Postmodern Program in the Legal Theory // Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2014. No. 4 (315). PP. 8–9. The following publications reflect the positions of representatives of the

central aspects of which is the so-called "linguistic turn" or "linguistic revolution" that predetermined the attention of scholars to the basic tool of knowledge of social sciences and humanities, namely to natural language. At the beginning – to its logic, but subsequently – to semantics, interpreted as key factors determining the research actor's attitude to the meaning and role of the results of the process of research. The author generally adheres to a set of broad methodological ideas arising from the philosophy of the "late" L. Wittgenstein[71] and proceeds from the fact that much of the academic disputes, many of which are centered on words and their fundamental "correctness" and "incorrectness", are methodologically wrong. More in the social sciences and humanities, and less so in the natural sciences, researchers rather formulate certain instrumental verbal concepts that should be evaluated, first of all, from the point of view of consistency, internal logical coherence and "workability". We can say that, according to L. Wittgenstein, the "essence" can be found in the grammar of a language, the meaning of a word is its use, and, accordingly, the terms used, including in academic studies, cannot pretend to attain semantic universality – their meanings are reconstructed in context.[72] This

---

history and methodology of science (references borrowed from E.V. Timoshina): Stepin V.S. Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution. M., 2000. – 743 p.; Shvyrev, V.S. My Path into Philosophy [Electronic source] / On the Path to the Non–Classical Epistemology / edited by V.A. Lektorsky. Moscow, 2009 // Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. – [Site]. – URL: https://iphras.ru/page50109829.htm (accessed: 13.01.2019); Stepin V.S. Human Cognition and Culture. Saint Petersburg, 2013. – 140 p. Let us separately note another reason for the redundancy of postnonclassics in the periodization of legal science: it is assumed that in the three-tier periodization at the non-classical stage there is a linguistic turn. It would seem that it should be reflected in the style and structure of thinking and use of language in legal research – but, unfortunately, the reflection of the awareness of the dependence of the results of knowledge on the language used in the majority of specific examples of legal texts does not differ much from the approaches typical of the XIXth century...

[71] The following quote from L. Wittgenstein is quite characteristic: «For a *large* class of cases – though not for all – in which we employ the word "meaning" it can be defined thus: the meaning of a word is its use in the language» (§ 43 of the "Philosophical Investigations" written in 1945). See e.g.: Wittgenstein L. Philosophical Investigations (in Russian). – M.: AST – Astrel, 2010. – 347 p. English quote is provided in the translation of G.E.M. Anscombe according to this edition: Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 326 p.

[72] Commenting on the item 3.262 of the Wittgenstein's "Tractatus Logico-Philosophicus" ("What does not get expressed in the sign is shown by its application. What the signs conceal, their application declares", in translation into English by C.K. Ogden), V. Rudnev notes: "The name (simple Sign) is devoid of meaning, it has only a reference (Bedeutung). But if the Name appears in the Proposition, in a particular use, as if its meaning is said outward. The name 'chair' simply points to a chair, but having appeared in the proposition 'He sat on a chair', the name reveals its meaning, implicitly embedded in it. Thus, the Name contains the Possibility of Meaning (i.e. the Name is not meaningless at all), which is actualized when used in a particular Proposition. *This section already contains the semantic theory developed by Wittgenstein in his Philosophical Investigations, according to which the meaning of the word is its use (for late Wittgenstein the concepts of Meaning and Sense*

approach allows for a certain amount of terminological flexibility in the study. In addition, from the point of view of the terminology of the teaching of the "late" L. Wittgenstein, it is a question of "language games". Such games, nevertheless, are conducted at the highest level and, in the light of other concepts that relate, rather, to the field of the sociology of knowledge, they represent a kind of method not so much of "discovery" in the natural scientific sense, as the means of reproduction and development of the "studied" phenomenon itself.[73]

The need for this comment is largely due to the practices common in modern legal science. As J. Fairfield notes in his recent article, the title of which hints at the application of the methodology related to general jurisprudence under consideration ("*The Language-Game of Privacy*"):

> «Legal academics, however, suffer from a need to define. They do so by logically associating a word with examples or cases that the word represents and by excluding

---

merge) [Wittgenstein 1967: § 43] (emphasis added – ***V.A.***)». See: Wittgenstein L. Selected Works (in Russian) / Transl. from English. Moscow: Publishing House «Territory of the Future», 2005. P. 68.

[73] This interpretation is based on the works of Wittgenstein himself as well as on the following interpretations. A detailed and in-depth analysis of the thinker's ideas in Russian can also be found in the following edition: Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein. – M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1996. – 169 p. Let us cite several statements by M.S. Kozlova about the concept of language games: "Overcoming the previous positions that seemed to him to be flawless, Wittgenstein comes to the conclusion that understanding the essence of the statements, the meanings of words – and not least the most important philosophical positions and concepts – requires that art penetrate into their *hidden* logical structure, the meaning contained in them, and suggests something quite different. What is really necessary – this is his conviction now – is the ability to orient oneself in *action, functions* of language, its practical use in the 'fabric' of life itself, behavior – that is, where the work of words, phrases are quite open to the eye. With such a realistic (also called pragmatic), earthly view of things, the basic structural formations of Wittgenstein's language did not seem to be its former *limiting* elements in the form of *elementary* proposals correlated with the simplest (also *extreme*) *situations* and supposedly constituting a kind of 'substance' of the language. In reasoning, narration, reading, writing and other forms of speech comprehension, 'families' of more or less related, mobile and living functional systems and practices were highlighted. Wittgenstein called them *language games*" (p. 7); "*Language games* are a kind of analytical method (a set of methods) for *clarifying* the language, highlighting its functions and work. It is conceived as a search for ways out of various conceptual deadlocks, which the philosophical tradition abounds in" (p. 10); "The idea of the language game assumes that language is not static *in principle*, that it – like the performance of music, the stage action, sports and other games – is dynamic in its very nature, lives only in action, deeds, and in the practice of communication. Wittgenstein emphasized that signs as something "real" – in sound, writing, printing – are dead, but this does not mean that in order to breathe life into them, you need to add something fundamentally different from the material – something purely *spiritual*. This old-fashioned difficulty the philosopher resolves in his own way: life gives the sign its application! And this, understandably, presupposes a real *life* of language or language *game*. Interpretation of the meaning of the sign as a method of its *use* and the principle of language games are aspects of a common position" (p. 12). See: Kozlova M.S. The Idea of «Language Games» // Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein. – M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1996. PP. 5 – 24.

> examples or cases that they believe fall outside of the meaning. This definition is often artificial. Consider the definition of "good faith" in a contract, which may be defined by the drafting attorneys to mean things not particularly recognizable from the meaning of "good" or "faith." Indeed, such an approach is necessary in tasks like contract law, because contractual definitions are the basis for the careful exercise of power by courts. But lawyers sometimes fail to recognize that their carefully pruned definitions are precisely that—maimed, crippled, pruned versions of words that have a richer life beyond the contract or academy. Legal terms of art are necessarily deprived of much of their natural meaning by the very process of definition. Legal terms of art are explications: *specific tools for specific contexts, not explanations of the meaning of a term* (emphasis added – ***V.A.***)».[74]

The author further notes that:

> «There is nothing wrong with carefully defined terms of legal art. The difficulty arises when lawyers and legal academics fail to signal that they are using a term of general use as a term of art—that they are using one explication of the term, not its full meaning. And this is particularly so when lawyers and legal academics make claims about the essential meaning of terms. For a legal thinker to say that privacy "is" something—by reference to case law, statute, and legal theory—is too often to say that privacy "is not" its everyday use. From a linguist's perspective, that cannot be correct. And even lawyers must recognize that "privacy" is not a legal term of art. It can't be. We ask whether ordinary people have a reasonable expectation of privacy. The meaning of the term is dependent in significant part on what people expect when they consider something "private." Privacy is practiced in the bedroom and the bathroom, not the courtroom. So we must take the linguist's path».[75]

Functionally, in this text, the above quotes clarify two things simultaneously: they convey the approach of the author of this study to legal terminology (the terms are not "carved in stone", do not reflect any "entities", but are instrumental) and, at the same time, illustrate one of the theses of this work. In a special sense of the methodology presented by J. Fairfield, the concept of the semantic limits of law is aimed at defining rules for relating the semantics of "legal and technical terms" to the semantics of their prototypes corresponding to the natural language.

---

[74] Fairfield J., The Language-Game of Privacy // Michigan Law Review. – 2018. – Vol. 116. – Issue 6. – PP. 1174–1175.

[75] Ibid. P. 1169.

In furtherance of the above ideas, it makes sense to focus on that aspect that the social constructionism (which is part of the methodology for the determining of the semantic limits of law in connection with the concept of generalized symbolic media, as will be seen in Chapters 2 and 3 of this study) lie at the heart of the general academic worldview that predetermined the content and focus of the present study, as well as the method of its construction. The ideas expressed in the book by P. Berger and T. Luckmann "*The Social Construction of Reality*",[76] which often serves as a subject of analysis, rethinking and discussion within the Saint Petersburg School of Legal Philosophy, allows us to consider law as a social institution that has a subjective-objective nature. It is difficult to disagree with the concept of genesis of law, presented in the works of A.V. Polyakov and E.V. Timoshina, according to whom law is a phenomenon constructed in the process of communication by actors performing a sequence of communicative actions because of which this social institution is formed. The actions of social actors who manifest themselves outside, i.e. are carrying out externalization, undergo the processes of habitualization in case they allow the best way to achieve a socially significant goal.[77] The habitualized actions are subsequently mutually typified and form patterns of behavior of social subjects. The typified actions are internalized – assimilated by social actors in the process of communication. In this way, social institutions are formed; and law is one of such socially constructed institutions.[78] What does this mean for the methodology of legal research?

---

[76] See e.g.: Berger P., Luckmann T. Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge (in Russian). – M.: «Medium», 1995 – 323 p. [Electronic edition] // «Library of Skepticism». – [Site]. – URL: http://skepdic.ru/wp–content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf (accessed: 21.02.2019).

[77] Note that the question of which goals are considered "socially significant" constitutes, in a sense, the subject matter of this study. It is easy to take this expression as self-evident, but legal practice needs clear guidelines, which, as it seems to us, and can offer a concept of generalized symbolic media from theoretical sociology "coupled" with the theory of legal relations in jurisprudence.

[78] See: Polyakov A.V., Timoshina E.V. General Theory of Law: Textbook. – Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University, Publishing House of the Law Faculty of Saint Petersburg State University, 2005. PP. 75 – 81.

At a minimum, such terms as “science”, “examine”, “solve a scientific problem” and other similar to them, so familiar to academic discourse, have some degree of conventionality or metaphorical expressions. With due regard to e.g. a natural law tradition of a Platonic kind, we note that on the whole, what we know about law is mainly that it “exists” as a communicative practice, which is reproduced in the process of interaction of people who share a certain minimum of common values. Moreover, when we pronounce the word “law”, one should not harbor the illusion that we definitely mean a strict, once and for all definite semantic field. On the contrary, the entire history of the development of legal thought shows the diversity of possible meanings or, to be specific, the nuances of meanings and the different distribution of specific weight between the various semantic components of the term “law”. Here you can naturally say the phrase: “Legal research is fundamentally different from the natural and exact sciences”. On the one hand, it accurately expresses its meaning. On the other hand, it can be interpreted as an allegory of the phrase “The term ‘science’ is used in reference to jurisprudence and in relation to the natural and exact sciences in different meanings”. And that is perfectly normal, it is just the rules of an established “language game” in the terminology of L. Wittgenstein. Both law and the above-mentioned non-legal sciences, in fact, are united by the principle of forming knowledge through abstract terminological models. At the same time, such abstract terminological models of jurisprudence differ from those of natural science and exact sciences, they vary in general form. A naive question of how law can be considered as science if law is what people create is in fact becoming an expression of the fundamental nature of legal knowledge. Legal research is only partially studying the facts that are objective with respect to a particular subject. In another part, legal science changes these facts and creates them within the framework of a complex communicative activity.

As the authors note: “The institutional world, like any other institution, is an objectivized human activity. It means that despite the fact that the social world is marked by objectivity in human perception, thus it does not acquire **independence from human activity**, in the process of which it is created” (p. 80).

Thus, the general methodology of the present research, which determines the author's view – a subjective, yet based on academic methodology – of how the research should be structured, suggests the following basic assumptions:

First, the terms "legal science", "examine", "solving of a scientific problem" and others like this are partly an allegory for the process of constructing legal reality as a subjective-objective reality implying the "mapping" of reality within the framework of models of normative social relationships.

Second, the "construction" of such a subjective-objective reality, although it contains an element of creative discretion, develops as part of a *sui generis* "language game" (in the terminology of the "late" L. Wittgenstein). The discursive practice of legal science, in which this research is performed, is a practice of a language game. However, we have to note already that a game as such is not necessarily something unserious.

Third, the language game is, above all, a game. And, like any game, it has rules that define it as a phenomenon. If you do not follow the rules of a game, the game disappears. Referring to the "unserious" examples of the present work, this is most clearly seen in the example of tabletop role-playing games.[79] Law can also be presented as certain kind of a language game, and any game exists as long as its rules are observed.

Fourth, as already noted, if you violate the rules of a language game called "law", then such a language game ceases to exist. The violator of this game, speaking already in the language of J. Huizinga, is a "spielbrecher",[80] a one who spoils the game, destroys it. As a result, it is already becoming obvious that the semantic limits of law are determined by borderline cases of law as a "language game".

Concluding the conversation about the general methodology, we note that the main message of the work is dual and, in a sense, "auto-reflective". On the one hand, the

---

[79] They "exist" only insofar as their participants maintain communication "as if" (remembering H. Veihinger's "als ob") they talked about the events taking place "in fact".

[80] German "spielbrecher", literally "one who breaks the game".

phenomenon under study, designated by the term the "semantic limits of law", is a phenomenon that is actualized at the present stage of the information society, the culture of which is characterized by the dualism of the *fictional* (artistic, virtual, simulative, unserious) and the *actual* (documentary, real, genuine, serious), the epitome of which are the contexts of virtual games. On the other hand, in the light of such a methodology, the metaphor of "language game" can be applied to law itself since it is a communicative practice constituting the institution of a subjective-objective social reality. The explanation of the semantic limits of law is very organically built on such a methodology, which is based on the linguistic turn of the post-classical type of scientific rationality and social constructionism. Thus, it is natural that law itself can be considered as a [language] game. In this very view, despite some, perhaps, apparent controversy stemming from a conservative aesthetic and ethical position, a *model* of description of law, – and we have to emphasize that it is one of the possible models, – suggesting reliance on game metaphors seems to be quite workable. Moreover, oddly enough, such experience of understanding the legal reality has already encountered in the socio-humanitarian discourse in general, and the philosophy of law in particular in precisely this direction, as demonstrated in this study.

§ 2. Legal collisions of game activity in digital environment as the main premise of the research

Game activity in digital environment,[81] not related to gambling in the legal sense,[82] and the resulting legal collisions define the starting point of this study. In the present

[81] Here, in the context of this paper, we refer to the hypothetical and current legal conflicts that arise in the interaction between players and game companies, as well as between the players themselves, without the involvement of game companies, primarily in relation to various "virtual worlds" and multiplayer online role-playing games, as the products of the digital entertainment industry of this genre most manifests the feature of persistence of the virtual world, understood in a narrow technological sense. Examples are meant from the classical object of social and humanitarian sciences – *Second Life* – to

paragraph of the study, we will focus on the most relevant aspects of the problem, in order not to repeat (apart from a few fundamental things) the provisions and theses relating to legal research in the field of games that have been developed by the author since 2011.[83] It should only be noted that interest in this issue is only growing, as evidenced by recent publications that reflect ideas that are essentially in tune with those presented by the author of this study more than five years ago, which can probably only be welcomed in terms of legitimizing the problem in the scientific discourse.[84]

In our opinion, both practical and theoretical[85] the problems of multiplayer online games with a permanent (*persistent*) environment represent a very effective snapshot of the legal issues of the digital era and the medial turn[86] – not only "so far" (the main stage of research took place during the first decade of the XXIst century), but also "especially now", since it is precisely the rethinking of the general socio-cultural significance of this problem that makes one think that it is probably not only about games, but also about changing social practices in the context of the medial turn as a whole. This point of view is based, among other things, on the assessment given to the methodological potential of

---

modern projects such as *The Elder Scrolls: Online*, as well as poorly researched, but very promising for game studies classic text games – *Achaea*, *Aardwolf*, etc.

[82] Legal criteria for gambling in Russia and abroad suggest a significant difference between gambling and non-gambling, both immersive and cyber-sports. The distinction between gambling and non-gambling is explored in more detail in the next paragraph, as these phenomena remain in many ways in the same context of discussion and criticism. Interestingly, the law has long developed approaches to gambling, but not yet to modern computer games, and from time to time legal collisions are caused by the mismatch between the approaches applicable to gambling and the nature of relations arising in connection with immersive computer games.

[83] This implies, in particular, the following publications: Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper [Electronic resource] // Social Sciences Research Network. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019) and Arkhipov V.V. Virtual Law: Main Problems of the New Direction of Legal Studies // Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2013. No. 2. P. 93–114, and also later works referred to in this research.

[84] See e.g.: Baturin Y.M., Polubinskaya S.V. What Makes Virtual Crimes to Be Real // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 9–35.

[85] In practice, these problems are periodically manifested, but it is impossible to say that the number of cases and their importance for the economic and socio-cultural space are so great that such a state of affairs could be considered critical for the entire society. At the same time, we adhere to the thesis that this does not cancel the fundamental importance of the example for the digital age and society in the conditions of the medial turn.

[86] More detailed justification for this thesis was presented in the following publication: Arkhipov V.V. Virtual Law: Main Problems of the New Direction of Legal Studies // Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2013. No. 2. P. 93–114.

legal collisions in the digital environment by leading contemporary legal theorists, including R. Posner.[87]

For simplicity, but without losing meaning, we can use the term "virtual world" to reflect the area of social practices that are the main subject of the present paragraph. In the context of information technology, the term refers to the relatively constant environment simulated by computer media in which users interact with each other through separate virtual representations ("avatars"). Thus, one of the first contemporary researchers of virtual worlds in the legal context, B.T. Duranske, noted that all virtual worlds are computer-simulated spaces (environments), all designed to be "populated" by avatars, all allow interaction between users, many ensure the preservation of *user-generated content* ("*UGC*"), many have economic systems.[88] The history of virtual worlds goes back for more than a few decades, and the first significant ones appeared at the turn of the 1980s.[89] From the perspective of both theoretical sociology and *game studies*, it may be of interest that games develop a separate context of communication that allows us to think about the qualification of relationships as a "virtual social reality", just as social reality itself is conceptualized in social constructionism.[90] In such circumstances, certain artifacts in the virtual world are beginning to be perceived by users as valuable enough to spend real resources on them. This has also created an economic model for game products, with the

---

[87] See e.g.: Au W.J. Second Life of Judge Richard A. Posner [Electronic resource] // New World Notes. – [Site]. – URL: https://nwn.blogs.com/nwn/2006/12/the_second_life.html (accessed: 04.02.2019).

[88] Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. 2008. P. 2.

[89] See: Arkhipov V.V. Virtual Law: Main Problems of the New Direction of Legal Studies. P. 96–97.

[90] Arkhipov V.V. Virtual Law: Main Problems of the New Direction of Legal Studies. P. 98. This line of thought was developed in more detail by the author in the work prepared for participation in the 25th World Congress of the International Association of Philosophy of Law and Social Philosophy, see: Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper [Electronic resource] // Social Sciences Research Network. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019).

possibility of "selling" virtual content for real money to users by game companies, as well as the "[mostly] grey[91] market" of trading virtual objects between the players themselves.

The emergence of a relatively real economic component of virtual legal relationships has given rise to three interrelated questions. *First*, whether and when "real" law can be applied to the game, and if so, in which cases. *Second*, how to qualify "virtual property" from a civil law perspective. *Third*, if we allow for the possibility of "real" law interfering with "virtual property", *to what extent and in what cases "real" law may interfere in other areas of virtual relations*. The context of these questions can be clearly seen in the abstract to the book "*Virtual Justice*" (2010)[92] by G. Lastowka, a professor at Rutgers University School of Law (now, unfortunately, deceased), one of the key researchers of the legal aspects of virtual worlds:

> «Tens of millions of people today are living part of their life in a virtual world. In places like *World of Warcraft*, *Second Life*, and *Free Realms*, people are making friends, building communities, creating art, and making real money. Business is booming on the virtual frontier, as billions of dollars are paid in exchange for pixels on screens. But sometimes things go wrong. Virtual criminals defraud online communities in pursuit of real-world profits. People feel cheated when their avatars lose virtual property to wrongdoers. Increasingly, they turn to legal systems for solutions. But when your avatar has been robbed, what law is there to assist you?»[93]

Let us look at examples of legal conflicts of play in the digital environment, but we emphasize that **for the purposes of this study we need to identify a general theoretical problem, of which they are a representative example**. The questions of approach and legal qualification of game relations and virtual property in the narrow sense of the word are interesting for us only in that part, in which they serve to develop the main content of

---

[91] "Grey" – since user agreements most often contain prohibitions for players to make "transactions" with virtual objects.

[92] See: Lastowka G. The New Laws of Online Worlds (Annotation) [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice (accessed: 04.02.2019).

[93] Lastowka G. The New Laws of Online Worlds (Annotation) [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice (accessed: 04.02.2019).

the research. Therefore, the present paragraph will not present the whole range of cases related to the relations within the framework of computer games, but only certain illustrative examples, otherwise we run the risk of departing from the main thesis of the present work, which is that in the conditions of the medial turn (which is reflected in the full and perfect sense of the word in the virtual relationships in games), the universal problem which can be defined as the problem of the semantic limits of law may and should be reconsidered.[94] For this purpose, we will refer to several representative cases from the Russian legal system, followed by brief references to the development of legal practice in this area in foreign countries.

One of the first cases in Russia to address this issue was a claim by a user who had been blocked in several online games because of a suspected violation of the rules of the game. The user believed that his rights as a consumer had been violated, but the court found it necessary to apply the provisions of Chapter 58 of the Civil Code of the Russian Federation ("Conducting Games and Wagers"). It should be reminded that Item 1 Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation provides that claims of citizens and legal entities related to the organization of games and bets or participation in them are not subject to judicial protection, except for claims of persons who took part in games or bets under the influence of deception, violence, threat or malicious agreement of their representative with the organizer of the games or bets, as well as claims specified in Item 5 of Article 1063 of the Civil Code of the Russian Federation (the claims related to the failure of the organizer of the games to comply with the obligation to pay the prize). The application of this article, which is aimed at in-game events proper, be it gambling, sports and other, including multiplayer computer games, is doubtful, but this is the essence of the

[94] As much as the author would like to turn this research into a book similar to "Virtual Justice" by G. Lastowka or "Virtual Law" by B. Duranske.

problem.[95] An example of such enforcement is reflected in the Definition of the Basmanny District Court of Moscow dated 01.06.2011 in case No. 11-43/11 and case No. 11-115/09, the Definition of the Moscow City Court dated 10.03.2011 in case No. 4g/1-1668 and, finally, the approach itself is reflected in the Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 26.06.2011 No. 684-O-O (in which the term "game" in Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation was considered to be formally defined).

In the case, which was heard in the Basmanny District Court of Moscow, the plaintiff demanded compensation for material damage, recovery of interest for the use of someone else's money and compensation for moral damage. Between 16.02.2009 and 23.02.2009, the defendant (game company) blocked the plaintiff's account and, in the plaintiff's opinion, reduced the use of the virtual object by three days, as well as reduced the use of paid subscription to the game service by seven days. The court of first instance dismissed the claim (which was subsequently confirmed by the court of appeal). Although the court agreed that the very possibility of playing the game was mediated by the contract, it concluded that the possibility of enforcing the law seemed to end when the user agreed to the rules of the game. Further legal assessment of the user's actions, in turn, depended on the assessment of whether or not the user complied with these rules, but this qualification was no longer included in the subject of the court proceedings. In the doctrine, including special works on virtual property and by the author of this study, this legal qualification is considered controversial. The reason is that if the user pays for any value (until we say that it is, for example, a service) with "real" money in a "virtual" world, the effect of the Law of the Russian Federation of 07.02.1992 № 2300-1 "On Protection of Consumer Rights" is

[95] An exact and comprehensive summary of the discussion of the term "gambling game" in Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation is given by E.A. Ostanina in the following article: Ostanina E.A. The Basis for Joining Multiuser Online Game Is the Agreement with the Participation of Consumers [Electronic resource] // Law in the Internet Sphere: Collection of Papers / edited by M.A. Rozhkova. - M.: Statut, 2018. - Access from the legal system "ConsultantPlus". – PP. 188-210. E.A. Ostanina also gives an example of several studies that consider the possibility of clarifying the terminology of Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation and including a direct reference to "gambling games…". See, in particular: Y.V. Bagno. ... Candidate of Legal Sceinces. – Krasnodar, 2004; Pavlenko P.V. Civil and legal regulation of games, bets and related institutions of civil law (comparative aspect): Abstract by P.V. Pavlenko. ...Candidate of Laws. – M., 2009.

potentially possible.[96] This aspect is indeed difficult to argue: on the one hand, there is a value in the relationship that has a clear "real" value (money); on the other hand, the question of the possibility of appropriate reimbursement to the user depends on the rules of the game.

Another approach was subsequently implemented in similar subsequent disputes. For example, B. Semenyuta, who provides an overview of practice on this issue that is relevant for 2014,[97] refers to the Definition of the Leninsky District Court of Kemerovo of 26.05.2013, in which the court noted the following:

> «...in an interactive online computer game... there is no "winning" provision, i.e. no money or other property, including property rights, to be paid or transferred to the gambling participant upon the occurrence of the result of the gambling provided for by the rules established by the organizer of the gambling, and therefore there is no essential "gambling" or "betting" provision. Due to the fact that the interactive computer online gaming... is not a gambling or betting, the provisions of Chapter 58 of the Civil Code of the Russian Federation, including Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation, are not applicable».

In this case, the court qualified the legal relationship between the game company and the player as a relationship between the professional party (the trader) and the consumer. At first glance, this qualification appears to be more reasonable, since the relationship between the game company and the user definitely includes at least an element of a service contract that implies (in the case of subscriptions) or may imply (in the case of completely free or "*free to play*" models of the virtual world) consideration. Let us leave the issue of facts and their assessment to the court and private law research, and for the purposes of our

---

[96] In general, gaming services fit within the basic definitions of this law, according to which "a consumer is a citizen who intends to order or purchase or orders, purchases or uses goods (works, services) exclusively for personal, family, home and other needs not related to the performance of business activities" (Para. 3 of the Preamble), and "the contractor is an organization regardless of its legal form, as well as an individual entrepreneur performing work or providing services to consumers under a paid contract" (Para. 4 of the Preamble).

[97] See: Semenyuta B. Online Games: Legal Nature of the Relationships // Intellectual Property. Copyright and Neighboring Rights. 2014. No. 8. P. 38–45.

work, let us emphasize that consideration for services may well be the basis for the application of consumer protection law, not only because of dogmatic or industry considerations, but also because of certain fundamental features of the relationship between users and game companies.

In this context, the approach whereby the relationship between the game company and the user can be at least partially qualified as a consumer relationship has been developed in perhaps the most significant and serious case concerning the legal nature of virtual property (this is the actual state of affairs, but from a formal point of view the case was a case of tax liability and no more). This is a dispute between the Federal Tax Service of the Russian Federation and Mail.Ru Games Limited Liability Company, which is reflected, in particular, in the following court acts: Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 18.06.2015 No. F05-7093/2015 in case No. A40-91072/14 and Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 12.10.2015 No. F05-13554/2015 in case No. A40-56211/14. If we make a generalization, the essence of the dispute was as follows. The game company relied on the notion that the relationship between it and users regarding virtual property could be exhaustively explained by the concept of licensing relations regarding the results of intellectual activity. Virtual property is part of the intellectual property of a game company that is licensed to the player. For tax purposes, this qualification is critical, since Point 26 Item 2 Article 149 of the Tax Code of the Russian Federation (hereinafter, the “RF TC”) stipulates that the sale (as well as transfer, execution, rendering for own needs) on the territory of the Russian Federation of the exclusive rights to inventions, utility models, industrial designs, programs for electronic computers (and this is actually all about them), databases, topologies of integrated circuits, production secrets (know-how), as well as the rights to use the said results of intellectual activity is not subject to VAT (exempt from taxation). Based on the possibility of applying this exception to the relations on “virtual property implementation”, the game company did not pay VAT.

In turn, the Federal Tax Service (hereinafter, the "FTS") of the Russian Federation considered it unreasonable and only in one of the cases added Ruble 184 023 052 to the VAT (there are no points and commas – more than one hundred and eighty-four million Roubles – the amount from the judicial act is given as just one more confirmation of the economic importance of such a seemingly narrow area of relationships). The reasoning of the FTS, if to state the essence, was that there may be relations about the results of intellectual activity in this situation, but it does not eliminate another layer of relationships between the user and the game company. In order to use the "additional game functionality" the user not only needs to be granted the right to use the corresponding results of intellectual activity, but also to receive certain changes in the activity on the organization of the game process, and these are services. What is important to us in this case from the specific general perspective of this study: the court noted that the same set of social relationships (in relation to the game and the virtual world) can be viewed from different angles – it can form separate subject-matters of the relationships. This is what we will discuss in more detail in Chapters 2 and 3 of this study, when it comes to identifying the criteria for the semantic limits of law.

These examples, of course, do not cover the full range of virtual property cases. Moreover, the practice continues to evolve. In the latter case, on the contrary, at the time of writing, the court refused to unconditionally apply consumer protection rules to the claim of a popular game player against a game company (the Appellate Ruling of the Moscow City Court of 14.03.2018 in Case No. 33-10610 subsequently repealed by the Ruling of the Presidium of the Moscow City Court of 18.09.2018 in Case No. 44г-259/18 so that the case was re-considered by the first instance court as reflected in the Decision of Chertanovsky District Court of Moscow of 07.12.2018 in Case No. 02-4488/2018) the court applied the rules of the Chapter 58 of the Civil Code of the Russian Federation, but in unusual manner. The court agreed with the plaintiff that the case in consideration is a

consumer case, but ruled that the provisions of the aforesaid Chapter 58 (claims arising from games are not subject to judicial protection except for certain very special situation) form *lex specialis* to the consumer protection rules with the effect that the consumer guarantees are not applicable to virtual purchase. What can be more important, however, is that in the course of the actual preparation of the position in the course of the hearing,[98] The fact that the plaintiff's game company "accused" the plaintiff of violating **the rules of the game** (using "illegal" ways of obtaining a game advantage) and the user's acknowledgement of this fact were essential for the resolution of the dispute. At the same time, this argument was possible under the condition that the court qualifies the relationship between the user and the game company as something related to virtual environment. In the author's view, it is a disputable position because real money were concerned. In any case, the question of the extent to which the right may interfere with gaming relationships in the context of multiplayer online games (and, as the latter case illustrates, not just roleplaying games) remains open.

Foreign practice with regard to similar disputes is developing in a comparable manner. Since the principal aspects relevant to the subject matter of this study are fully covered by the above examples, we can only mention two examples, following E.A. Ostanina. The first is the case, which was considered in the United States of America, Pennsylvania, namely *Bragg v. Linden Research, Inc.* (2007).[99] Lawyer Marc Bragg, who was a *Second Life* user, purchased a plot of land at a virtual auction in 2005 for real money, using a flaw in the mechanics of the game, and therefore his account was blocked. M. Bragg demanded compensation for the money invested in the account, and the essence of the dispute was to assess the issues of contract and procedural law – in the presence of the

---

[98] According to the game company representative consulted by the author of this study.

[99] Although for narrative purposes, we give a sequence of examples, corresponding to the article by E.A. Ostanina (which, in turn, in its turn, quotes earlier works by V.V. Arkhipov, which the author of this study notes with gratitude), we note one of the direct sources: Bragg v. Linden Research, Inc., 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007) [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-paed-2_06-cv-04925/summary (accessed: 11.02.2019). We are interested in the second bookmark, which refers to the main judicial memorandum in the case.

real value of the virtual property, the court did not have any fundamental doubts about the possibility to apply the "real" law in this case. In particular, since the defendant himself positioned the mechanics of the virtual world in such a way that it had allowed him to have some property rights in virtual property.[100] In turn, in the case of *Blizzard Entertainment* (copyright owner of *World of Warcraft*), that was heard in Berlin in 2014,[101] the court found it possible to apply consumer protection law to the relationship between the game company and the players, assessing the validity of certain clauses of the user agreement. However, the court had no particular difficulty in applying the substantive law to the virtual relationship, since the aspect in which the case was considered feasible.

Nevertheless, we emphasize that all the above examples relate to the relationship between game companies and individual players (users). Unfortunately, the court practice has so far,[102] contains no known cases of disputes between users themselves, whereas the issue in question would probably be fully addressed. It is possible that such disputes may no longer arise in the case of former virtual worlds, since technologies, in particular, and information products in general, are changing very rapidly. Nevertheless, let us try to theoretically simulate another possible direction of legal conflicts.

At first glance, "virtual property" (understood in the narrow sense of the word as objects "existing" in virtual worlds and representing value for users within the framework of imitation of the economic system – houses, mounts, weapons, currency, etc.) is a special social institution related to game practices. However, it is on the example of virtual property that the problem of the semantic limits of law, which is less obvious in the context

---

[100] Memorandum of May 30, 2007 / Bragg v. Linden Research, Inc., 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007) [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: http://www.paed.uscourts.gov/documents/opinions/07D0658P.pdf (accessed: 20.02.2019).

[101] See: Ostanina E.A. Grounds for Joining a Multiuser Online Game – Contract with the Participation of Consumers [Electronic resource] // Law in the Internet: Collection of Articles / Ed. by Rozhkova M.A. Moscow: Statute, 2018. – Access from the legal system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

[102] From the point of view of nonprofessionals, an ethical assessment of the interest of lawyers of this kind is probably akin to an ethical assessment of the interests of a pathologist who is eager for new knowledge in his or her professional field and who regrets the lack of empirical material.

of “classical” artistic creation or in the space of unserious communication, is most directly exposed. Moreover, it is the problem of virtual property that clearly affects the special legal aspects of the problem, to which this study is devoted.

Let us consider this implication on the famous example of one of the first really mass multiplayer online role-playing games *Ultima Online*, which turned twenty-one years old on September 24, 2018. This game has largely predetermined the further development of the interactive entertainment industry. The game belongs to the genre of graphic MMORPG. It was not the first in this genre; however, it was included in the Guinness Book of Records as the first game of its kind, which numbered one hundred thousand players in 2008. Four years later, in 2012, she was listed as one of the 100 greatest computer games in history by TIME magazine. The examples of the game’s material are relevant for the social and human sciences in general, and for law in particular.

> «Architectural properties of the game, including the absence of any guarantees laid down by game mechanics on certain servers with the oldest, most stringent rules in terms of absence of ensuring the inviolability of virtual property, clearly contributed to this state of affairs. Note that most of the new multiplayer role-playing games after *Ultima Online* until now, mainly provide a kind of “technical inviolability” of virtual property, prohibiting arbitrary actions with the property of other players at the level of the software code... Now, this trend may again be replaced by a model of “open” in this regard virtual worlds, but new projects with similar mechanics are mainly experimental in nature. In the format of the classic rules of the game *Ultima Online* objects of virtual property exist not only in the inventory of players, when they are removed from which they are “destroyed”, but as it were objectively in the virtual world: if a player throws the item out of his inventory, then conditionally the same item can be, for example, picked up by others.[103] At the same time, the market for exchanging virtual objects in the game for “real” money is formed in parallel, which eventually became the reason for a completely non-standard situation: inside the game the object can be stolen by one character from another, and it is allowed by the rules of the game, but such an object could be bought for “real” money. Accordingly,

[103] This feature of mechanics is important because in the virtual world it contributes to the imitation of both the objectivity of virtual property and the illusion of “actual dominance” over [virtual] things.

there is a contradiction: the rules of the game allow for “theft” in the virtual world, but such theft allowed in the game actually leads to some damage in the real world».[104]

This example also makes us wonder if and how players in the virtual world can be qualified in any way in terms of real law, and if so, how.

Consideration of virtual property issues already provides good food for thought on the extent to which the right can reasonably be applied to the virtual world. Nevertheless, it is also possible to take another step towards building high-level theoretical generalizations. By moving away from the industry specifics of virtual property problems, it is possible to change the angle of consideration and reformulate the problem. Indeed, it is quite possible to look at the situation differently and to put the question as follows: **under what conditions, legal texts can be interpreted in such a way that the scope of possible meanings will include social relationships mediated by virtual reality (and, let us note in advance, in the broad sense of the word)?** This approach to the question of the semantic limits of law, which is caused by the quite straightforward problems of virtual property, is very promising for the theory of law as a whole, the objectives of which now, in the context of the medial turn, should be partially rethought.

Indeed, the semantic limits of the law are often understood intuitively, including by law enforcement officials themselves. The practical problem, as already noted, is the lack of a developed legal position on how to solve this problem, resulting from theoretical generalizations of a high level, since the problem of the semantic limits of law is a problem of legal ontology. Thus, one of the mass media materials reflects examples from Roskomnadzor employees, which also relates to the context of multiuser games:

---

[104] Arkhipov V.V. Premises of the Concept of Semantic Limits of Law in the Context of Modern Information Culture // Information Space: Ensuring Information Security and Law. Collected Academic Papers / Under edition of T.A. Polyakova, V.B. Naumov, A.V. Minbaleyev. MOSCOW: IGP RAN, 2018. P. 279–280.

> «We once received a court order to block a site with information about making dynamite in Minecraft. The site said that if you mix sand and coal, you get dynamite. *And you think what to do with this court decision: you can't execute it and block Minecraft* (highlighted by me – ***V.A.***). As a result, we talked to the lawyers and wrote to the prosecutor's office to ask them to review the decision».[105]

The decision of the Zavodoukovsky District Court of the Tyumen Region, which is implied in this passage, has already been mentioned on the pages of this study.[106] The problem that has been raised in such a seemingly minor matter is, in fact, very serious. In an attempt to rationally explain why it is "impossible to execute the decision and block *Minecraft*", there are difficulties.

In terms of positive law, there is no statutory criterion for assessing potentially blockable information in this case. This situation is different from other grounds, such as information related to child pornography or drugs.[107] Current law enforcement practice is characterized by the following situation: if any information contradicts the public order in one way or another, but there is no direct basis or criteria for such qualification, it can be blocked by a court decision made after the request of the prosecutor acting in the interests of an indefinite number of persons in accordance with Article 45 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. In reaching its decision, the court *de facto* enters the area of "penumbra" or "borderline situation" because it relies only on Item 2 Part 5 Article 15.1 of the Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies

---

[105] I work in Roskomnadzor [Electronic resource] // The Village. – [Site]. – URL: https://www.the–village.ru/village/people/howtobe/316129–zapreschalschik (accessed on 28.01.2019.

[106] Decision of the Zavodoukovsky District Court of the Tyumen Region of 12 July 2016, Case No. 2–662/2016. – [Website]. – URL: https://zavodoukovsky—tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed: 02.10.2018).

[107] For this purpose, there are direct criteria established both in Article 15.1 of the Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Protection of Information Protection" and at the level of subordinate legislation.

and Protection of Information" (hereinafter, the "Information Law").[108] In such a "penumbra area", there is obviously some rational reasoning to be implied. In addition, as in the case of *Minecraft*, the question arises as to the reasonable scope of law in relation to game, artistic and other "unserious" information. Returning to the decision in the example itself, we cannot explain this position by freedom of speech and creativity, or by doing so *alone*, because we are not talking about these freedoms as such in principle – in some cases, it is clear that such information may be restricted. The fact that information is linked to a "game" in itself also suggests little. On the one hand, it is clear to anyone who has played *Minecraft* that this game as such is unlikely to constitute a security threat (except for the content of possible communication of unscrupulous users in rare and, perhaps, hypothetical cases). On the other hand, the word "game" is clearly not defined enough to serve as a criterion, because e.g. "Russian roulette" is also a kind of game. Alternatively, card games for money. This example is interesting in that it makes one think about what arguments, among those, which could be used to explain why the court decision criticized by Roskomnadzor's employee, is wrong. In addition, he points out that the problems faced by the law in relation to virtual worlds may not be limited to a narrow gaming context, but are rather related to the broader context of changing communication practices at the current stage of development of the information society, which will be discussed below.

The significance of the representative empirical material considered in this paragraph is as follows: competition of approaches, one of which implies the possibility of "real" law to interfere in the "virtual" gameplay (including qualification of relations as consumer, consideration of virtual property as other property, etc.), and the other is to exclude such interference (based on provisions that the relationship inside the games is not subject to judicial protection or, for example, on the basis of the licensing nature of the

[108] This Item establishes that the basis for inclusion in the Unified Register [of Prohibited Sites] is, among other things, the court's decision to recognize information disseminated via the Internet as information the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation.

relationship between the game company and the user), is essentially a discussion of the boundaries of the "magic circle" in the terminology of J. Huizinga or, in the terminology of this study, the conceptual or the semantic limits of law. On the one hand, the empirical fact that these contradictions persist in practice should be regarded as another confirmation of the universal problem being postulated. On the other hand, the solution to this problem, which is being developed in the framework of this work, will make it possible to structure and substantiate a systematic approach to the application and interpretation of law, as well as to law-making in this area.

§ 3. Interconnection between legal collisions of game activity in digital environment and other similar collisions

A systemic view of law enforcement practices in today's socio-cultural and technological environment suggests that the problems faced by users and producers of multiplayer computer games are, in fact, a cross-section of broader problems. At the moment, in various legal systems of the world (Russia is no exception), we can already say that a corpus of law enforcement practice has been formed, which determines the formulation of the problem of the semantic limits of law. First of all, it is about those cases in which the application of law or individual approaches to the interpretation of legal norms are *intuitively* perceived as wrong due to "absurdity". More details on absurdity as a category related to law, as well as on the "doctrine of absurdity" in the system of approaches to the interpretation of law will be found in Chapter 2 of this study, related to the methodology of solving the problem of semantic limits of law. Here we should also note that such cases have been known in their own right for a long time (perhaps one of the most vivid mythological and historical examples could be the order of Xerxes to punish the sea, but such an example can be justified only from the naive-modern point of view,

excluding the context and other circumstances of the situation[109]). Selections of curious, funny or otherwise unconventional judgments from the Anglo-American legal system are known.[110] The nature of the system, multiplied by perceptions of the impossibility of refusing judicial protection, has from time immemorial led to various bold (sometimes "bold") turns. There is no doubt that civil law is also rich in various examples of law enforcement that involves such facts or common sense arguments, but the creation of compilations of such solutions has not yet become a cultural phenomenon of the modern Internet.[111] An interesting selection of bright and non-standard cases (and real, not hypothetical), where virtual property also found a place, is presented by S.L. Budylin in the

---

[109] Thus, D. Briquel, from the point of view of facts, notes that, according to Herodotus, in addition to carving the sea, Xerxes ordered to behead the supervisors for the construction of the bridge over the Hellesport, and this may already slightly change the overall assessment of what happened. In addition, the author proposes to evaluate the Xerxes' actions in the context of the prevailing in the social reality of the time notions about the gods and heroes. «The Persian king Xerxes, when he attacked Greece in 480 B.C., built a bridge over the Hellespont which was destroyed by a storm. His behavior was interpreted by Greek observers as an act of hubris, the intolerable pride of a human who could not accept his limits. But the true meaning was quite different: according to ideas which go back to Indo-European prehistory, a hero had to prove his value by overcoming the opposition of water. This was a consequence of the concept of "fire in water" , which can be reconstructed from many parallels outside Iran– e.g. Rome, Ireland and even Greece». See: Briquel D. The Punishment of the Hellespont by Xerxes: Perception of Religious Behaviour of the Enemy in Conflict Situations [Electronic resource] // Graeco-Latina Brunensia. – 2016. – No. 2. – P. 51. – URL: https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/136219 (accessed: 28.01.2019). In the light of the methodology of this work, this example may be disclosed as follows: the punishment of the sea (leaving out the consideration of beheadings of those who organized the construction of the bridge) seems absurd, including from a legal perspective, *now* but may not have been absurd *at that time*. The reason is in the changes related to the subjective-objective socially constructed reality.

[110] There is a variety of selection of this kind in the Internet. See e.g.: Roberts W. The Dumbest Lawsuits in Recent History [Electronic resource] // Ranker. – [Site]. – URL: https://www.ranker.com/list/the-13-dumbest-lawsuits-in-recent-history/williammtx (accessed: 28.01.2019); Unger R. 25 Insane Court Cases That Never Should Have Made It To Court [Electronic resource] // MoneyVersed. – [Site]. – URL: http://moneyversed.com/absurd-court-cases/ (accessed: 28.01.2019); 10 Weird and Wonderful Cases Every Law Student Should Know About [Electronic resource] // Oxford Royale Academy. – [Site]. – URL: https://www.oxford-royale.co.uk/articles/weird-wonderful-law-cases.html (accessed: 28.01.2019) etc. What is interesting, the following case is also mentioned as "weird and wonderful": *R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC*, this was one of the cases that laid foundation to "The Case of Speluncean Explorers" by L.L. Fuller (см.: R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC [Electronic resource] // The University of Texas at Austin. – [Site]. – URL: https://la.utexas.edu/users/jmciver/357L/QueenvDS.PDF, accessed: 28.01.2019). The following case is also noted: *Leonard v. Pepsico, Inc., 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) aff'd 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000)* (см.: Leonard v. Pepsico, Inc., 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) aff'd 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000) [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/88/116/2579076/, accessed: 28.01.2019). In the latter, the court's reasoning constantly mentions the dichotomy of "serious" – "non-serious" in relation to the perception of advertising and offers, which suggested that a certain number of points in the marketing action could be used to purchase a military fighter aircraft "Harrier" so that its value was several tens of times lower than the market value.

[111] A reader with free time can compare the number of references to the key words "funny US court decisions" and "funny EU court decisions" (or similar) and see that Europe takes its justice system much more seriously. With the coverage of such cases in Russia, the situation evolves together with the legal system. Recently, the Pravo.ru website's staff made a selection., see: Top–10 Most Ridiculous Judicial Disputes in Russia [Electronic resource] // Pravo.ru. – [Site]. – URL: https://pravo.ru/story/204500/ (accessed: 28.01.2019).

book “The Case of Non–Material Fish and Other Stories. Comparativist’s Notes”.[112] Actually, entertaining contradictions of legal practice, which for a long time served as a reason for smiles or, depending on the case, indignation of lawyers, form part of the empirical material based on which the initial hypothesis about the semantic limits of law is formulated. Nevertheless, **the problem of the semantic limits of law is becoming more acute at the current stage of the information society in the context of the medial turn**. In these conditions, information becomes the main “generic” object of legal relationships, and legal communication in the digital environment by definition has an information dimension. And, first of all, it is with regard to information (as opposed to tangible objects of the “real world”) that it is possible to pose questions reduced to the dichotomies “imaginary and real”, “serious and unserious” and other similar ones that are relevant to the problem posed.

However, if the example of *Minecraft*, which serves as an illustration of how to turn the angle of view from a narrow group of virtual property issues to a broader context, were the only possible example, the problem could hardly claim to be universal. Preliminary work on empirical material has also identified other areas, such as representative examples of normative sources and practices relevant to the subject matter of this study on the semantic limits of law. It should be noted that, for the purposes of this paper, normative sources and empirical material have been selected mostly in relation to the legal system of the Russian Federation, since this study is primarily focused on the development of domestic legal doctrine in the light of current problems of the Russian legal system. At the same time, in cases where examples are useful for the development of the relevant theses, empirical material from other jurisdictions is also given. What are the main areas in which

---

[112] Budylin S.L. The Case of Non–Material Fish and Other Stories. Comparativist’s Notes. – M.: «Infotropics Media», 2017. – 308 p. – Accessed from the legal reference system «Garant» (accessed: 06.02.2019).

we see legal collisions similar (at least at some level of theoretical generalization) to legal collisions of game activities in the digital environment?

§ 3.1. Reservations about "artistic nature" in the criteria of information prohibited in the Internet

One of the closest and most visible examples is normative sources and empirical material in the field of **criteria for evaluating information prohibited for dissemination on the Internet**.[113] The current regulatory legal acts of the Russian Federation, which establish restrictions on the dissemination of information based on public interest, in some cases contain exceptions related to the artistic nature of the information. This fact indicates that the problem under consideration is already beginning to be recognized at the level of law-making, but the system of norms does not always have a systematic approach, at least at first glance.

Order of Roskomnadzor No. 84, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 292, Rospotrebnadzor No. 251, Federal Tax Service of Russia MMV-7-2/461@ of 18.05.2017[114] concretizes the criteria for information which is prohibited in the Russian Federation in accordance with Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law (hereinafter,

---

[113] Unless otherwise explicitly stated in the content of this study (as is the case, for example, with the notion of "weighing", an intermediate between absurdity and common sense – see Chapter 3 of this paper, as well as Annex 1 to it), we look at the data and subsequent similar examples outside the context of the problems of censorship and the exercise of constitutional rights to freedom of expression and freedom of information – this should be the subject of a separate study.

[114] On approval of the Criteria for evaluation of materials and (or) information required for decision–making by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Media, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Federal Service for Supervision in the Sphere of Consumer Rights Protection and Human Wellbeing, the Federal Tax Service on the inclusion of domain names and (or) indexes of pages of sites in the information and telecommunication network «Internet», as well as network addresses allowing to identify sites on the Internet containing prohibited information into a unified automated information system «Unified register of domain names, indexes of pages of sites in the information and telecommunication network «Internet» and network addresses, allowing to identify sites in the information and telecommunication network «Internet», containing information, the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation [Electronic resource]: Order of Roskomnadzor № 84, the Ministry of Internal Affairs of Russia № 292, Rospotrebnadzor № 251, the Federal Service for Consumer Rights Protection and Human Wellbeing MMV-7-2/461 @ of May 18, 2017. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.09.2018).

"Criteria for Prohibited Information").[115] Three of the twenty-seven cases contain a reservation about "artistic works" and two cases contain a reservation about "artistic significance".

Thus, let us consider for comparison the general criterion based on the availability of materials with pornographic images of minors and (or) announcements of the involvement of minors as performers in spectacular events of a pornographic nature (Chapter I of the Criteria for Prohibited Information). There is no artistic value reservation, for example, in Item 1.1 of the Criteria for Prohibited Information relating to Prohibited Information any representation by any means of a child performing real or simulated[116] explicit sexual activity, or any representation of a child's sexual organs for sexual purposes. It is difficult not to agree with such a reasonable and thoughtful approach. At the same time, Item 1.4 of the Criteria for Prohibited Information considers information aimed at arousing sexual

[115] The list of such information as of 21 February 2019 includes materials with pornographic images of minors and (or) announcements of the involvement of minors as performers in spectacular events of a pornographic nature (Point «а» Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law), information on methods, methods of development, manufacture and use of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors, new potentially dangerous psychoactive substances, places of purchase, methods and places of cultivation of narcotic plants (Point «б» Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law); information on the means of committing suicide, as well as appeals to commit suicide (Point «в» Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law); information about a minor who has suffered as a result of unlawful acts (or omissions), the dissemination of which is prohibited by federal laws (Point «г» Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law); information violating the requirements of the Federal Law of 29.12.2006 No. 244-FZ "On State Regulation of Activities related to Organization and Holding of Gambling and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and the Federal Law of 11.11.2003 No. 138-FZ "On Lotteries" on banning activities related to organization and holding of gambling and lotteries using the Internet and other means of communication (Point «д» Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law); information containing proposals on remote sale of alcoholic beverages and (or) alcoholic beverages and (or) ethyl beverages, and (or) alcoholic beverages containing non-food beverages, the retail sale of which is limited or prohibited by the legislation on state regulation of production and turnover of ethyl beverages, alcoholic beverages and alcoholic beverages and restriction of consumption (drinking) of alcoholic beverages (Point «е» Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law). At the very end of 2018, amendments to the criteria came into force, which supplemented the criteria with another one – "information aimed at inducing or otherwise involving minors in the commission of unlawful acts that endanger their lives and/or health or the lives and/or health of others" (Point «ж» Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law).

[116] Here, in the context of this study, it is also possible to mention the notes to Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors"), introduced by the Federal Law of 23.06.2016 No. 199-FZ "On Amendments to Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to counteract the circulation of pornographic products with the use of minors and (or) among minors and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" Such materials include, but are not limited to: any image or description for sexual purposes of a minor who commits or *simulates* sexual intercourse or other acts of a sexual nature, as well as an adult who depicts, commits or *simulates* such acts (note – in the latter case, within the framework of the model reflected in the legal text, an adult depicts a minor and also *simulates* the relevant acts). However, the second note to this article provides for an exception for materials or objects of historical, artistic or cultural value or intended for use in scientific or medical purposes or in educational activities in accordance with the procedure established by federal law.

feelings towards minors or justifying sexual behavior towards minors as such. The following reservation has been added to this criterion:

> «[E]xcept for works of art which describe the relations between minors and adults, justified by their genre and/or plot, which do not fall under the criteria set out in Items 1.1 to 1.3 of this Chapter».

Apparently, it was meant to be a reference to a classic of world literature – a novel "Lolita" by V.V. Nabokov. Absolutely not taking child pornography as a permissible phenomenon, one can notice at the same time that Item 1.3 of the Criteria for Prohibited Information, for example, refers to the following criteria: «Information on the involvement of minors as performers in spectacular events of a pornographic nature, including information on the venues of the spectacular events or contact information». There are no reservations about artistic works in relation to this paragraph, but will (and should) this criterion be applicable to an artistic work, say, in a detective genre in which the information, including the location of such activities, is entirely fictional and refers to the illustrative elements of a work intended to demonstrate, including the inevitability of punishment for the crimes committed against minors involved? A similar question arises, by the way, with regard to historical information, for example, from court summaries from the nineteenth century, which may contain information that literally meets this criterion but has lost its relevance to daily life.

A similar situation exists with regard to the criteria for evaluating information on the methods and methods of development, manufacture and use of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors, analogues of narcotic drugs and psychotropic substances, and new potentially dangerous psychoactive substances (hereinafter referred to as "narcotic drugs" for brevity) set forth in Chapter II of the Criteria for Prohibited Information. Thus, Item 2.1.1 of the Criteria for Prohibited Information establishes as such information describing or giving an idea of the procedure for the manufacture,

development and use of certain types of drugs (including a description of the processes and (or) instructions (schemes) for their development, manufacture and use), as well as the methods of using precursors for their manufacture. A caveat is also established: "Except for artistic works, which describe the information justified by their genre". Indeed, world literature and cinematography (as well as other works), especially in the XXth century, contain some examples where such information seems to be justified by the plot or genre. The same reservation is also contained in Item 2.1.6, which establishes as a criterion the information aimed at forming a positive image of the target audience of persons engaged in the manufacture, development and use of narcotic drugs, providing services for their acquisition or cultivating plants containing narcotic drugs. It is unlikely that there is much need to follow examples from popular culture – one can also recall the Russian film "*Needle*" (in the part where the film, to put it very formally, shows people who use drugs),[117] featuring Victor Tsoi and Peter Mamonov in the lead roles and, perhaps more clearly, the American series "*Breaking Bad*",[118] which can probably be considered as aimed at forming a positive image of the target audience of persons engaged in the manufacture of drugs.

A more complex picture in the light of this study is presented in Chapter III of the Criteria for Prohibited Information, which discloses the criteria for assessing information on suicide and suicide calls for decisions that are the basis for including domain names and/or page indexes of websites and network addresses in the Unified Register. The artistic clause applies only to Item 3.2.2 of the Criteria for Prohibited Information – «*Availability of information on the set of conditions necessary for suicide (choice of location, time). Methods, other preparatory actions to be taken to achieve the goal of suicide)*». The

---

[117] See: Needle (1988) [Electronic resource] // Movie Search. – [Site]. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/igla–1988–42576/ (accessed on 21.02.2019).

[118] See: Breaking Bad (Series, 2008 – 2013) [Electronic resource] // KinoPoisk. – [Site]. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/404900/ (accessed on 21.02.2019).

reservation itself is more stringent than in previous cases, since it refers to works protected by law that have significant historical, scientific, artistic or other cultural value for society. Leaving aside specific sectoral issues and doubts about the systematic interpretation of this provision,[119] it should be noted that this is no longer just a matter of artworks, which describe the information justified by their genre. What about, for example, protected works of low artistic value or unprotected works (if any) whose artistic value is nevertheless significant? The following examples may fall within the scope of doubt. Thus, Item 3.1 of the Criteria for Prohibited Information restricts the dissemination of "*calls to commit suicide*". This includes, for example, the presence of a reference to suicide as a way of solving the problem (Item 3.1.2). Will any obvious example of black humour be considered as prohibited information in this case? Commentary with the same logic seems to be appropriate in respect of Item 3.1.5 – "*Expression of condemnation, ridicule of failed attempt to commit suicide*". In addition, what about historical and modern cultural differences? Item 3.1.3 a little earlier indicates one of the criteria by which the call to commit suicide is to be revealed, namely "*expression of positive assessment or approval: committing suicide or actions aimed at suicide, or intentions of the real (imaginary) interlocutor or third party to commit suicide, as well as the call to commit suicide"*. In the light of cultural differences, it is clear that these criteria can be applied to the ritual suicide culture of medieval Japan (however, in the world of contemporary values, this problem is rather a matter of events that have lost their relevance, which is also discussed later in this paper).

---

[119] For example, should the term "work" be interpreted in the same way as provided for in Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (meaning objects of copyright) in the light of the principle of lexical philological interpretation, according to which it is impossible to assign the same terms from different branches of law the same meaning without sufficient grounds. We emphasize that, in the context of cultural heritage legislation, the term "work" may be interpreted more broadly than for the purposes of intellectual property law.

§ 3.2. Protecting children from information and legal qualification of "violence" in videogames

In the context of this study, a special case of direct application of legal norms to public relations, in which information is a direct subject, cannot but be avoided. In this sense, the provisions of **various normative instruments aimed at protecting children from information that may be harmful to their health and development** are most evident. Norms of this kind exist in many countries of the world in different forms. In some cases, they are fixed at the level of self-regulation,[120] In others, at the level of heterogeneous legal texts establishing formal law.[121] The latest model has been implemented in the Russian Federation, and the criteria for relevant information are set out in Federal Law No. 436-FZ of 29 December 2010 "On the Protection of Children from Information Harmful to their Health and Development" (hereinafter, the "Children Protection Law"). The problem of this subject area from the perspective presented in this study is clearly illustrated by the example of discussions about computer games. In particular, on "violent computer games". Without denying the need for serious scientific research on the impact of new media on the psyche and social processes,[122] we regret to

---

[120] This implies the reference to age ratings such as e.g. PEGI (Pan European Game Information) or ESRB (Entertainment Software Rating Board). See correspondingly: PEGI Age Ratings [Electronic resource] // PEGI. – [Site]. – URL: https://pegi.info/page/pegi-age-ratings (accessed: 21.02.2019) и ESRB Ratings Guide [Electronic resource] // ESRB. – [Site]. – URL: http://www.esrb.org/ratings/ratings_guide.aspx (accessed: 21.02.2019).

[121] In Germany, for example, a mixed model is in place: the ratings are assigned by the self-regulatory organisation USK, but a general law on child protection applies – Jugendschutzgesetz (JuSchG) of 23 July 2002. See: USK - Unterhaultungssoftware Selbstkontrolle [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/en/ (accessed: 21.02.2019) и Protection of Young Persons Act (Jugendschutzgesetz, JuSchG) of 23 July 2002 [Federal Law Gazette BGBI. I p. 2730, 2003 I, p. 476] [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/fileadmin/documents/Publisher_Bereich/2017_JuSchG_englisch.pdf (accessed: 21.02.2019).

[122] Recent works by O.V. Sergeyeva can serve as good examples of scientifically grounded sociological and interdisciplinary research. See e.g. Sergeyeva O.V. Chapter 16. Computer games in routine practices of adult citizens of Saint Petersburg / Social space of the big city [monograph] / Editor-in-Chief G.V. Eremichev; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of FNISTs RAS. – Saint Petersburg: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences - Branch of the FNISTs RAS, 2018. PP. 371–388; Sergeyeva O.V. Time of computer games in the ethics of modern children's and parents' relations / Contours of the future: technologies and innovations in the cultural context. Collective monograph / Under edition of D.I. Kuznetsova, V.V. Sergeeva, N.I. Almazova, N.V. Nikiforova. Saint Petersburg: Asterion, 2017. PP. 159–

note that in *legal* periodicals, both Russian and foreign, there is a tendency: if the author speaks about the harm of new information products, it is very likely that such statements will be deprived of sufficient and consistent arguments.

For example, E.M. Nikitina writes:

> «With regard to online games played by young people, these games are dangerous for children because they themselves contain elements of aggression, killing other online characters (the same can be said of the content of most common computer games purchased by children on simple computer discs), children become more cruel».[123]

Unfortunately, the article does not provide any scientific substantiation for this position, which would allow us to consider it to be properly substantiated and not to express the subjective emotional opinion of the author, not to mention the data of psychological, medical and sociological studies, which have been conducted in the world for more than 25 years and in most cases are available.[124] The author further gives an example of the murder of one player in an online game by another in a quarrel,[125] however, firstly, the convicted person in the example given by the author is 22 years old – he is of legal age, and the example with him does not correlate much with the problem of the influence of computer games on the psyche of children (as well as with the problems of juvenile justice – the article is published in the journal of the same name), and secondly, from the fact that such a crime has been committed, it does not follow in itself that the illegal behavior is in any way in causal connection with the game. There are more than two

---

163; Sergeyeva O., Tsareva A., Zinoveva N., Kononova O. Social Skills Amongst MMORPG-Gamers: Empirical Study // SHS Web of Conferences. – 2018. – No. 50. PP. 1–5. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001008.

[123] Nikitina E.M. How Can We Protect our Children from the Negative Influence of the Mass-Media? // The Questions of Juvenile Justice. 2008. № 4. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.02.2019). – Para. 18.

[124] See e.g.: Amini T., 25 Video Game Violence Studies, Summarized // Kotaku. 1/17/13 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://kotaku.com/5976781/25-video-game-violence-studies-summarized (accessed: 11.01.2019).

[125] Nikitina E.M. How Can We Protect our Children from the Negative Influence of the Mass-Media? // The Questions of Juvenile Justice. 2008. № 4. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.02.2019). – Para. 18.

billion computer gamers in the world,[126] and establishing these kinds of correlations does not seem very convincing. We emphasize, however, that for the context of our work it is illustrative to postulate the link between real aggression and "violence" in games. In our view, and we will elaborate on this in Chapter 3 of this study, the question of what constitutes violence in games can be addressed not only to psychologists but also to lawyers – it is a question of legal interpretation and functional adequacy between what is violence in reality and what is conventionally called "violence" in games. At such a turn, the issue is related to the problems of the semantic limits of law. Let us give a visual and conditional[127] illustration: a realistic depiction of violence, functionally adequate to the real world (which in fact is found in a small number of truly brutal games such as the *Manhunt* series[128]) may well fall under the scope of legal regulation of children protection legislation, but if the game contains only a few "squares" (conditional pixel objects), one of which disappears in a collision with the other, on the gamer's slang it may well mean "killed". But with the same success we can position chess as a game of age rating "18+", because it is a game full of cruelty and violence, where sometimes such terrible thing happens as elephants eating queens.

A balanced position on the issue of violence in games in Russian periodicals is presented in the works of A.D. Belousov. The author analyzes the current research on the possible connection between computer games and crimes in real life and concludes that not everything is obvious in this area. The main question, he claims, is –

> «[i]n the context of juvenile delinquency, we consider it the most urgent task to establish not only a correlation but also a causal link between teenagers' fascination with computer games

---

[126] According to The European Mobile Game Market, the total number of players in computer games in 2016 is more than 2.5 billion people. See: Video Gaming Industry Overview // WePC. May 2018. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.wepc.com/news/video-game-statistics/ (accessed: 11.01.2019).

[127] Conditional – because in most modern games the design is somewhere in the middle between these polar examples.

[128] See: Manhunt [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: https://www.rockstargames.com/manhunt/ (accessed: 21.02.2019).

> containing scenes of violence and the characteristics of individual components of their personality structure, which, in turn, may also lead to their criminal behaviour».[129]

The author notes a number of correlations, but points out that

> «[t]he question remains: does a minor's personality change destructively under the influence of games containing scenes of violence and unmotivated cruelty, or, on the contrary, do teenagers with the appropriate psychological characteristics choose audio-visual products mainly with such content? Moreover, opinions are expressed about the positive role of these game situations, which allow both children and adults to remove unnecessary aggression outside real interpersonal relations. In addition, some researchers believe that the likelihood of negative personal development under the influence of a passion for computer games should be considered to be very high».[130]

Based on the experience of studying information in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as his own study of the alleged relationship, A.D. Belousov concludes that there is no reliable link between the relevant indicators, but points out that "cruel" computer games can act as one of several external environmental influences that partially predetermine subsequent behavior, and advocates the development of a system of age ratings (later expressed in the system of norms of the Children Protection Law, adopted after his article was published).[131] Similar results of comparative analysis of modern research are reflected in the results of the project of Saint Petersburg State University.[132]

In the context of the above discussion, the experience of recognizing computer sport as a sport is also interesting.[133] In particular, not all kinds (genres) of computer games

---

[129] Belousov A.D. To the Question of the Influence of Computer Games on the Criminal Behavior of Minors [Electronic resource] // Administrative Law and Process. 2007. No. 6. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019). – Para. 13.

[130] Ibid. Para. 14–17.

[131] Ibid. Para. 18–25.

[132] See: Useful Games: Global Research on Interactive Entertainment. Expert Council of Game Industry and Saint Petersburg State University on Unproven Harm to Video Games // DTF. – [Website]. – URL: https://dtf.ru/gamedev/5940–poleznye–igry–mirovye–issledovaniya–interaktivnyh–razvlecheniy (accessed: 21.02.2019).

[133] In 2016, for the second time, the Russian Ministry of Sports and Tourism included computer sports in the number of recognized sports (Order of the Russian Ministry of Sports and Tourism No. 470 of 29.04.2016), and in 2017 – into the

seemingly correspond to sports ethics and, as a consequence, not all of them are recognized. The reason is that some of them are believed to be based on violence, which, in some cases, is contrary to the Olympic approach. At the same time, a kind of "violence" is also found in recognized "discipline programs" of computer sports (i.e. specific computer games). Here, too, we approach the question of how the discussion of "violent" computer games is linked to the subject matter of this paper. Of course, the debate about the benefits or harms of computer games is far beyond the scope of this study, but the debate about how the term "violence", as used in the Children Protection Law, should be legally interpreted is of direct relevance to the subject matter of the semantic limits of the law.

To clarify this thesis, let us consider three examples from the videogame industry: one of the first popular games "*Space Invaders*",[134] eSports discipline "*Dota 2*"[135] and the "definitely brutal" game banned in a number of countries around the world "*Manhunt*".[136] On the example of specific materials from these games, it is obvious that from the external point of view "violence" is expressed in quite different ways – from the collision of pixels with a minimum of context and connotations in the first case (hardly the same violence that we see in the real world), to the photorealistic interactive process in the latter case. For the purposes of this paper, it is not so much the question of whether, and if so how, to restrict minors' access to information products containing images or descriptions of violence that is of interest, but rather the question of when and under what conditions a set of abstract

---

number of sports developed at the federal level (Order of the Russian Ministry of Sports and Tourism No. 16.03.2017, № 183 in the edition of the Order of the Ministry of Sports of Russia from 22.01.2018 № 49), while the Federation of Computer Sports of Russia was accredited as the All-Russian Sports Federation (Order of the Ministry of Sports of Russia from 05.07.2017 № 618). A detailed analysis of the legal aspects of cybersports by the author is provided in the following publication: Arkhipov V.V. eSports Law: Fact or Fiction? // Zakon. 2018. No. 5. P. 80–92. See also the following general article: Hamari J., Sjöblom M. What is eSports and why do people watch it? // Internet Research. – Vol. 27. – Issue 2. – PP. 211–232.

[134] See: Space Invaders. Electronic Game [Electronic resource] // Encyclopaedia Britannica. – [Site]. – URL: https://www.britannica.com/topic/Space-Invaders (accessed: 21.02.2019).

[135] Dota 2 [Electronic resource] // Dota 2. – [Site]. – URL: http://ru.dota2.com/ (accessed: 21.02.2019).

[136] Manhunt [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: https://www.rockstargames.com/manhunt/ (accessed: 21.02.2019).

pixels on the monitor screen can be legally interpreted as "violence".[137] This question is immediately and directly related to one of the criteria for the semantic limits of law developed in Chapter 3 of this study.

§ 3.3. Protecting historical memory with the instruments of criminal and administrative law

Let us turn to other examples. The issue of artistic imagination (or, probably, other kinds of "virtual" nature of information) is also relevant for the **domains of administrative and criminal law connected to the protection of public interest in historical memory**. The practice knows well Article 20.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation (hereinafter, the "CAV"). Part 1 Article 20.3 of the CAV provides administrative liability for propaganda or public demonstration of Nazi attributes or symbols, or attributes or symbols that are confusingly similar to the Nazi attributes or symbols, or attributes or symbols of extremist organizations, or attributes or symbols that are prohibited from propagating or public demonstration by federal laws. At the same time, neither Article 20.3 of the CAV, nor the Federal Law of 19.05.1995 No. 80-FZ "On Commemorating of the Victory of Soviet People in the Great Patriotic War of 1941 – 1945" which it refers to,[138] contains any reservations not only about artistic works,

---

[137] By the way, from the point of view of sociology of law we can offer the following hypothesis. In the twentieth century as a whole, more and more prohibitions of violence are being established as a "way of solving the problem", including as a way of protecting honor and dignity. The use of fighting (not to mention a duel) in response to insult in modern legal systems will lead to the application of punishment to the insulted side rather than to the offending side. In a sense, victims of non-material affronts are deprived of behaviors that were both socially acceptable and socially encouraged until recently. In the moral sense, a person becomes defenceless against those who do not encroach on his physical body. One cannot be called to a fight, one cannot hit in return. As a consequence, and as a reaction to this, there is a growing sense of the need for an equivalent legal replacement of historical means of protecting honor and dignity. Hence the sudden "aggravation" of the information sensitivity of both individual citizens and society. Practice in the field of honor and dignity (individual citizens) and information restrictions (society) is developing. Accordingly, the development of the rule of law and legal outlook predetermines the restriction of the right to freedom of speech. Literally, according to Hobbes, the "war of all against all" is replaced by total prohibitions of Leviathan.

[138] Para. 3 Article 6 of the Federal Law No. 80-FZ of 19 May 1995 "On the perpetuation of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945" prohibits the propaganda or public display of the attributes or symbols of

but also about academic or other similar sources. This has already given a rise to a number of controversial situations. While we earnestly support the values reflected in the preamble to the aforesaid law,[139] we have to note a conceptual legal contradiction that appears if we read the term "public demonstration" literally or in broad sense. If prohibited symbols cannot be publicly demonstrated, this means that legally important decision on what relates to this symbols and what not, shall be made based on the information that is not publicly available. At the same time, the meaning of the principle reflected in Part 3 Article 15 of the Constitution of the Russian Federation means not only that laws and any normative acts that affect rights, freedoms and obligations of human an citizen (and in this case we speak about both obligations and constitutional rights, including right to disseminate information freely, participate in creative activities, teach and receive access to cultural values) are subject to mandatory publishing, but also that disposition of the relevant legal rules shall be known to a citizen. Otherwise the assumption that the laws are known could not work. It is precisely this argumentation that can work as formal legal argument for reservation on academic or other purposes in respect of other norms that limit dissemination of information. Nevertheless, it is ignored in this case. Of course, we can resort to the historical interpretation and say that currently, when such limitation is relevant in historical perspective, everyone "in any case" knows what symbols are prohibited, however this argument could hardly be seen as reasonable and corresponding to the nature of legal argumentation. It is more likely that here we need to admit a gap in law and speak bout

---

organizations that have cooperated with groups, organizations, movements or persons recognized as criminal or guilty of committing crimes under the verdict of the International Military Tribunal for the Prosecution and Punishment of the Principal War Criminals of the European Axis Countries (Nuremberg Tribunal) or by judgments of national, military or occupation tribunals based on the judgement of the International Military Tribunal for the trial and punishment of the main European war criminals (the Nuremberg Tribunal) or rendered during the Great Patriotic War, the Second World War.

[139] As the preamble reads: "Proceeding from the traditions of the peoples of Russia, to keep and preserve the memory of the defenders of the Motherland and of those who gave their lives in the struggle for its freedom and independence, taking into account that care for the participants, veterans and victims of the war is a historical duty of society and the State, taking into account the popular and liberating nature of the Great Patriotic War, the participation in it of the peoples of Europe and other continents, the need for international cooperation in order to maintain general peace and harmony, and the prevention of manifestations of fascism in any form, this Federal Law is adopted".

necessity to interpret the term “public dissemination” used in the CAV narrowly. In this context we also can remember the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter, the “RF CrC”). Part 1 Article 354.1 of the RF CrC (“Rehabilitation of Nazism”) provides, *inter alia*, criminal liability for denial of the facts established by the verdict of the International Military Tribunal for trial and punishment of the major war criminals of the European Axis, justification of the crimes established by this verdict, but equally – dissemination of knowingly false information on the activity of the USSR during the World War II made publicly. In principle, each of the elements of the objective side as reflected in the disposition of this legal rule may be reconsidered in the context of the problem of this research paper. However, we can sharpen attention on two most relevant aspects of the legal interpretation that relate to the terms of “denial of facts” and “knowingly wrong information”. Could they be applied to, for example, artistic works or interactive games that allow the development of the plot within the in-game world under the flow of “alternative history”?

§ 3.4. Legal qualification of the objective side of crimes committed with the use of fake weapons

In addition, it is obvious that the legal assessment of information, in the broad sense of the word, **can have legal significance for virtually any other crimes, not necessarily related to the information directly** (this, incidentally, reflects the fundamental role of social communication, including from the point of view of theoretical sociology). A variety of crimes can serve as an example. For example, Item 13 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.03.1966 No. 31 “On judicial practice in cases of open theft and robbery”, which is by this day invalid, states that

> «[i]f the perpetrator has threatened with knowingly unsuitable weapons or *imitation of weapons*, such as *a fake gun, a toy dagger* (emphasis added – ***V.A.***), etc., without intending to use these items to cause bodily harm dangerous to life, his actions (in the absence of aggravating circumstances) should be qualified as a robbery, provided for by Part 1 Article 146 of the Criminal Code of the RSFSR».

Item 4 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 No. 29 (ed. of 16.05.2017) "On judicial practice in cases of theft, open theft and robbery", which is in force at the time of writing, contains the following wording:

> «If a person threatened with knowingly unsuitable or unloaded weapons or *objects imitating weapons* (hereinafter emphasis added – ***V.A.***), for example, *a fake gun, decorative weapons, weapon-toy*, etc., without intending to use these objects to cause harm dangerous to life or health, his actions (in the absence of other aggravating circumstances provided for as signs of crime), taking into account the specific circumstances of the case, should be qualified as a robbery, liability for which is provided for by Part 1 Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation, *and if the victim understood that he or she was under threat of being attacked by unsuitable or unloaded weapons or objects imitating weapons, the act is qualified as open theft*».

Regardless of the criminal law assessment of the change in approach to the cases under consideration, we note that the problem in criminal law has been recognized for a long time, and that the last of the cited acts also contains a criterion of the subjective perception of the victim, echoing the "theory of consent" for the interpretation of the "magic circle" in computer games proposed by J. Fairfield (see § 5 Chapter 2 of this study).

In addition, the assessment of these cases in the modern doctrine of criminal law is also very typical. As noted by R.S. Hasanov,

> «[i]n such cases, what is of crucial importance for the correct qualification is what the subject (weapon or layout) and the intent of the attacker were *in fact* (hereinafter emphasis added – ***V.A.***). If the qualification of the threat to the attacker by an unsuitable weapon or a *mock-up* of the weapon under Part 1 Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation is

> logical (the victim considers it to be a *real* weapon), then this cannot be said about the cases of threat by a suitable weapon, even if the person is not going to use it to cause harm. If an unloaded weapon in terms of the degree of danger (ability, or rather inability, to cause harm) may be closer to the *fake weapon*, then the loaded weapon creates an *immediate and real* threat (actual, *not imagined* by the victims) to the life and health of the victim. To cause *real* harm in this case, it is enough to pull the trigger, which under certain conditions can be done even instinctively».[140]

§ 3.5. Discussions in the area of law related to the appropriateness limits of artistic creativity

Let us turn to the method of analytic philosophy, taking the quotation just given as a reference. Of course, it is in this particular case that a special philosophy is hardly required in order to explain what the words that the author used – "real", "factual", "imaginary" – and common sense philosophy is enough. After all, the quote refers to the harm to life and health, and this is understandable. We note, however, that if it were even about property (not to mention information), the interpretation of these words in a legal context would be quite a challenge – in fact, the present study is devoted to its resolution. However, importantly, the nature of the problem is the same – what is considered "serious" ("real", "factual", etc.) for the purposes of interpretation and application of law, as well as law-making. We believe that the aforesaid examples from the field of criminal law, reflecting the problems of perception of information, are quite enough as an illustration for a study, the subject of which is neither administrative nor criminal law issues *per se*.

---

[140] Hasanov R.S. The Problems of Classification and Proving of Armed Assaults [Electronic resource] // Criminal Law. 2015. No. 1. P. 35–39. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019). – Para. 68. It should be noted that in addition to open theft and robbery, from the point of view of criminal law, this problem is also relevant to the crime of hooliganism. According to Item 4 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, 15.11.2007 No. 45 "On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooliganism", "the use in the course of hooliganism of unloaded, defective, unsuitable weapons (e.g., training weapons) or *decorative*, *souvenir* weapons, *weapons toys*, etc., gives grounds for qualification of the acts committed under paragraph 'a' of Part 1 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation" (i.e. with the use of weapons or objects used as weapons). The doctrine notes the inconsistency of the Supreme Court's position on this issue – see e.g. Abubakirov, F.M. Qualifications of Inflicting Damage to Health with Application of Weapon or Subjects Used as Weapon // Russian Investigator. 2016. No. 13. P. 17–20. However, this "inconsistency", in fact, can be seen as an additional confirmation of the topicality of the issue at hand.

Reservations about “artistic” or “historical” in positive law are one side of the issue. We also have very interesting empirical material, on the example of which we can also raise the question of **the limits of artistic creativity**. This suggests a different view: the argument begins not with the question of the [semantic] limits of law, but on the contrary, with the question of the limits of creative freedom. This is a fairly well known problem of freedom of treatment of the author with real and historical material, for example, in the case of the creation of works devoted to real historical figures, but related to an artistic genre. From the legal point of view, these issues are associated, first, with the civil law institution of non-material values. Can a literary or cinematographic work of art, rather than documentary, for example, in principle, violate the right of the real subject or his heirs to honor, dignity and good name? Can the creative and artistic nature of the work in relation to a well known person give immunity to the author from the application of personal data legislation? What about extremism legislation? It should be noted that such questions are also particularly actualized in the modern information culture. In conditions when the means of production, search, transmission and distribution became publicly available, practices related to artistic or quasi-artistic (i.e. works created by non-professional users) creativity, as well as their discussion and, as a result, controversies, have intensified. Accordingly, the contradictions against the background of legal uncertainty regarding approaches to solving the problem of the semantic limits of law in theory and in practice have become aggravated. Let us consider a few practical examples.

Since this study focuses precisely on modern information culture, it would be quite legitimate to take as one example comics as a typical example of modern mass art. So, in 2019, the publishing house “Komilfo”[141] refused to publish one of the chapters of the

[141] See: Komilfo Publishing House [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://www.komilfobook.ru/ (accessed: 01.15.2019).

comic book about Deadpool,[142] making reference to a consultation with an expert of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare.[143] The question was related to one of the stories,

> «in which it is told about the fight of Deadpool against a neo-Nazi named Baron Zemo. Part of the comic book was written from the point of view of a negative character who talks about the greatness of the white race, praises Hitler and talks about the need for a Holocaust. In parallel, he restores the Ku Klux Klan and is preparing a provocation to unleash an interracial war in the United States. Before the final battle, Deadpool changes into a Hassidic Jewish costume and calls Baron Zemo "a Nazi piece of [*removed for ethical reasons*]." This release is accompanied by the author's epilogue, where David Lafem writes about a negative character: "The worst thing is that there are plenty of them in the real world." In addition, he advises readers to "google about the Holocaust", warning that it will be "not funny"».[144]

As mass-media mention,

> «despite the obvious anti-Nazi thrust of history, the expert of Rospotrebnadzor said that from the point of view of Russian legislation,[145] the publication of such a comic book is unacceptable. "The expert pointed to the presence of Nazi symbols and unjustified by the plot

---

[142] Deadpool is a known since the 1990s. Marvel Comics character in the comic book universe (by Fabian Nitsieza), an anti-hero with a cynical sense of humor. Repeatedly found in film and television films, computer games and, in fact, comics. See: Deadpool // Marvel. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.marvel.com/characters/deadpool-wade-wilson (accessed: 01.15.2019).

[143] According to Russian law, with some exceptions covered in this study, Rospotrebnadzor is not among the bodies that conduct informational product expertise, but it does not reduce the value and representativeness of the discussion that has arisen, especially with regard to subsequent historical examples from the US practice.

[144] See: Chernykh A., Karpenko M., Mironova K. Rospotrebnadzor Defeated a Superhero. Part of the Comic Book about Deadpool is not Allowed to Print in Russia // Kommersant. 15.01.2019, pp. 5. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3854153 (accessed on 15.01.2019); Russia Refused to Allow a Part of the Deadpool Comic Book to be Printed (in Russian) // Lenta.Ru. January 15, 2019 – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://lenta.ru/news/2019/01/15/deadpool/ (accessed: 15.01.2019).

[145] In the meantime, we note that this once again proves how useful the participation of lawyers would be in content examination, since the professional competence of specialists from other fields of knowledge does not include the interpretation of legal norms – the admissibility or inadmissibility of publication is determined on the basis of not only expert assessment of content but also from the system of legal norms, the legal positions of the Constitutional Court and other components of the legal system that define the limits to the exercise of constitutional rights, including the right to freedom of speech and disseminating of information. In addition, the term "propaganda," as it is used in the law, referred to below, is a special legal term that does not necessarily coincide with the meaning that is attached to it in non-legal sciences, although it overlaps with it (the same good example as in the case of "gambling" – much that is "gambling" from the point of view of psychology, is not so from the point of view of the current Russian legislation at the time of writing this work). It's another matter if symbols are used in the comic book that are confusingly similar to the symbols of Nazi and other prohibited organizations – in this case, from a formal legal point of view can, we indeed can speak about a liability under Art. 20.3 of the Administrative Code of the Russian Federation, but we have already considered this issue separately.

> (emphasis added - ***V.A.***) statements of Baron Zemo about the need for a Holocaust, approval of the actions of the national socialist regime in Germany and Ku Klux Klan," Roman Dmitrovsky told Kommersant, – [t]he expert acknowledged that the image of the villain is a caricature, and the work is a satire, but said that Holocaust, Nazism and racism cannot be objects of satire and humor. This supposedly will make the problem less significant, will force the reader not to consider it important, and, therefore, this is Nazi propaganda».[146]

This discussion is in direct relationship to the subject-matter of the study – whether or not such a subject of the relationship as the plot of the comic in the considered variant falls, especially since the corresponding controversial statements are not simply condemned by the author of the work, but also embedded in the mouth of the antagonist (!). It is quite characteristic that the President of the Russian Jewish Congress, Yuri Kanner, expressed disagreement with the expert:

> «"I have not seen this comic, but for me it is obvious that in such matters it is necessary to take into account the context. Let us recall the film "Seventeen Moments of Spring", where Stirlitz is in the uniform of SS. And it would not occur to anyone to call it propaganda", said Mr. Kanner. "I don't understand *what kind of expertise there can be if we are talking about art* (emphasis added – ***V.A.***)". He noted that he sees nothing wrong with telling the story of the Holocaust in comics: "In our time, the presentation of the material must be such as to catch the target audience. If young people get knowledge from the comics, do not worry. It is important that this happens with the correct placement of accents". Yuri Kanner also told "Kommersant" that you can joke "for a variety of reasons", and even gave an example: "Once I was a member of the official Russian delegation in Poland and we visited the museum of the Nazi death camp in Auschwitz. At dinner, the waiter asked a famous Moscow rabbi what kind of water he preferred. The rabbi replied: "I usually drink water with gas, but it is in Auschwitz that I will probably ask without gas". Everyone laughed; no one was hurt by this joke. In the subtle question of humor you should not be goodies".[147]

Based on this seemingly particular question, the problem of the effect of the limits of the information distribution is revealed. The fact that there is such a discussion (and this is just one of many possible examples in this area) demonstrates the absence of a solution

---

[146] Chernykh A., Karpenko M., Mironova K. Rospotrebnadzor Defeated a Superhero. Part of the Comic Book about Deadpool is not Allowed to Print in Russia.

[147] Ibid.

that is currently shared by the professional community. At the same time, we note that the above discussion is an exchange of private opinions, and not law enforcement practice.

By the way, the question of the content of the comics is relevant not only for modern Russia. In the USA, it appeared in the middle of the XXth century against the background of a wave of popularity of these publications. The authors of the article in Kommersant cite the opinion of an expert in the field of comic culture, the author of a thematic channel in the Telegram, Ulyana Chesnokova, who mentions the "*Comics Code*" of the USA of 1954.[148] The creation of this "Code", which was an act of industry self-regulation, was due to the fact that in a country often perceived as the "cradle of freedom of speech", in some cities in the 1940s prohibitions were established and some comic books were *burned publicly*.[149] In the 1955, the Senate hearings were held in the United States on controversial comics (with an adult focus). The hearings were linked to the F. Wertham horror comic "*Seduction of the Innocent*", on the cover of which a drawing of a severed head of a woman was depicted.[150] M. Costello leads the following dialogue between William Gaines (comic book publisher) and Senator Estes Kefauver:

> «*Kefauver:* Do you think it is a good taste?
> *Gaines:* Yes sir. I suppose so, for the cover of the horror comic. A cover in bad taste would depict a head taller so that it was visible that blood was dripping from the neck and flowing further down the body, so that the neck was stained with blood.
> *Kefauver:* In your picture, blood flows from her mouth.
> *Gaines:* A little.
> *Kefauver:* Blood is on the axe as well. I think most adults will be shocked by this».[151]

---

[148] Ibid.

[149] See: Costello M.J. Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America. New York: Continuum. 2009. P. 7; Nyberg A.K. Seal of Approval: The Origins and History of the Comics Code. Vol 1. Jackson: University Press of Mississippi, 1994. P. 26. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://books.google.ru/books?id=WGDschFUKRQC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed: 15.01.2019).

[150] See: Wilson M.D. Comics Bogeyman: A Look Back at 'Seduction of the Innocent' // Comic Alliance. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://comicsalliance.com/history-fredric-wertham-seduction-of-the-innocent/ (accessed: 15.01.2019).

[151] Costello M.J. Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America. P. 7.

As a result, the industry took the path of self-censorship and created the "Comic Code" on 26 October 1954.[152] It is curious that the content of the Code reflects many of the prohibitions and restrictions of information legislation currently known with regard to the public dissemination of certain types of content, including the Internet. Let us note here a few examples. Thus, it is stipulated that "crimes should never be portrayed in such a way as to create sympathy for the criminal, distrust the forces of law and order or justice, or others have a desire to imitate the criminals". According to the Code, "police officers, judges, civil servants and relevant authorities should never be portrayed in such a way as to disrespect the authorities". Among other things, the Code states that "scenes or tools associated with the walking dead, torture, vampires and vampirism, ghouls, cannibalism and werewolves are prohibited". Forbidden are swearing and obscene words, as well as words and symbols that have received "unwanted meanings". A ban on mockery or an encroachment on any religious or racial group is established. It is noteworthy that the United States Comic Code also protects traditional family values, up to a ban on the ironic attitude to divorce or depicting this act as desirable. These are just a few typical examples. In general, the Code was used as a tool for self-regulation, allowing determining the attitude to information products and to third parties, including advertisers. By the 2000s, given the generally changed situation, publishers gradually began to deviate from the rigorous use of the markings provided for by the Code in favor of alternative and softer ways to classify content.[153] However, this development did not affect the urgency of the problem itself, a characteristic example of which is the case of *Castillo v. Texas, 79 S.W. 3d 817 (Tex. 2002)*.[154] In this case, the court applied criminal penalty to the seller of comics "for adults" who sold one of these comic books from a special restricted section for

---

[152] См.: The Comics Code of 1954 // Comic Book Legal Defense Fund. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://cbldf.org/the-comics-code-of-1954/ (accessed: 15.01.2019).

[153] Abandonment / Comics Code Authority // Wikipedia. – [Electronic Resource]. – [Site]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Comics_Code_Authority#cite_note-3 (accessed: 15.01.2019).

[154] See: CBLDF Case Files – Texas v. Castillo [Electronic resource] // Comic Book Legal Defense Fund. – [Site]. – URL: http://cbldf.org/about-us/case-files/cbldf-case-files/castillo/ (accessed: 21.02.2019).

adults to an adult (as it turned out to be it was a policeman in civilian attire), making sure that he was of appropriate age. The prosecutor, however, voiced the "iron" argument that all the same, "everyone knows" that comics themselves, in any case, are intended for children.

At the same time, the creation of the Comics Code can be considered the beginning of a long process of developing self-regulation and self-censorship of American organizations, which is now mainly expressed in developing rules regarding content on various user platforms (for example, the famous *YouTube*[155]) and substantively, but adjusted for other priorities of the political and sociocultural context, is not much different from the content of the norms of public law in jurisdictions that follow mainly direct legislative regulation of informational relations, such as Russia.

§ 3.6. Jokes, anecdotes and parodies within and outside of the limits of appropriateness from the legal standpoint

In the previous paragraphs, we have touched some examples of the semantic limits of law that relate to the areas of artistic imagination. Besides that, apparently, there is one more area that is relevant to the problem, but it slightly differs from fictional works that are protected, to one extent or another, by copyright. It is the "unserious" – **jokes, anecdotes and other similar cultural artifacts** (let us draw your attention to the Internet memes of the XXIst century as well), that relate to the domains of humor and satire. One of the most sensitive day-to-day implications of the semantic limits of law throughout the whole history of humanity is indirectly expressed in a long-standing question of whether it is possible to be imprisoned for an anecdote. In this case the semantic limits of law define the line that demarcates humor or satire from insult or other similar juridical phenomenon

---

[155] See: YouTube Policies and Safety [Electronic resource] // YouTube. – [Site]. – URL: https://www.youtube.com/intl/en-GB/yt/about/policies/#community-guidelines (accessed: 21.02.2019).

connected to violation of non-property rights. The methodology of creating a descriptive model of such a demarcation resembles the dichotomy of "imaginary" – "real". However, the real underlying dichotomy is somewhat different. What is fun is not necessarily something imaginary.

We have mentioned copyright, and in this case, it makes sense to recall such a phenomenon as *parody*. In the context of this work, we suggest to view the peculiarities of legal regime of parodies from the standpoint of copyright that presupposes certain degree of exclusions from the general rules. Thus, for example, Item 4 Article 1274 of the RF CC ("Free use of work in informational, scientific, educational or cultural purposes") directly provides that creating a work pertaining to the genre of literature, musical or other parody in a cartoon based on other (original) work that was legally published, and use of such parodies or cartoon is permitted without a consent of the author or other right-holder of the original work, and without paying remuneration to the latter. What else this could be but an example of positive establishment of the semantic limits of law in respect of exclusive right? In an ordinary situation, where an object of social relationship is not a parody work (but "serious" ones instead), in order to create and, furthermore, use a parody (cartoon) of the original work, it would be necessary to receive the corresponding license form the holder of the exclusive right to the original work. In this case – not. The reason is that, *from the standpoint of common sense*, the provisions on exclusive rights cannot be applied to what is a kind of joke.[156] Nevertheless, we shall pay attention to the case law that

[156] It should be noted that the literature provides the view that the legal nature of parodies differs from that of derivative works, and that is why the legislation of various countries, including the Russian Federation, includes a "super-exclusion" for parodies. Thus, for example, S. Zykov notes that "the fact that a parody is not subject to the treatment of a derivative or composite work also answers the question raised above about the reason for the absence of a parody in the indicative list of derivative works, i.e., created as a result of processing. It could be stated that processing covers the creation of a derivative work (translation, processing, screening, arrangement, staging, etc.), with the exception of a parody. A closer look also reveals a substantial difference between a parody and a processing: in the latter case, at least the internal form of the work remains. Changes take place in the external form of the work, for example, when translating from one language to another or when transferring a prose work into a scripted one. When parodying, the internal form undergoes significant changes, the system of images is presented in a new ratio in order to achieve a comic effect, which is a significant and necessary feature of the parody". Further, the author refers to the experience of the United States of America and speaks about such a necessary

provides not formal, but substantial approach to determination of whether some derivative work can be considered as a parody.

Let us return to the legal problematics of humor and satire. As S.V. Borisov and A.V. Zherebchenko state,

> «application of criminal law on liability for crimes of extremist nature shall also consider… the provisions of the Declaration on freedom of political debate in the media»,[157] in particular the ones which state that "humor and satire… allow high degree of exaggeration, even provocation, on condition that the society is not confused about the actual state of affairs"».[158]

In this case, as we can note in the context of the present paper, the semantic limits of law are built upon the criteria of confusing the society about the factual state of affairs.

One of the most prominent examples of determining the semantic limits of law in the communication that (as the court established – incorrectly) was alleged to be "unserious", is presented by the practice of the European Court of Human Rights. The contents of the decision of ECtHR of 20 October 2015 on the case M'Bala M'Bala v. France (application No. 25239/13)[159] highlight the following facts of the case:

> «[i]n December 2008, the applicant, who is a comedian using the pseudonym "Dieudonné" and who has engaged in political activities, put on a performance in which he invited an

---

attribute of a parody as recognizability. See: Zykov S. The Problem of Attributing Parodies to Derivative Works: Isn't It Time to Stop the Discussion? [Electronic resource] // Copyright and Neighbouring Rights. 2017. No. 4 – Access from legal reference system "ConsultantPlus" (accessed; 24.08.2019). That is why we would not accept the approach, since it does not include consideration of the issue of copyright, in particular on characters. The fact is that according to Item 7 Article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation, the copyright applies to a part of the work, its title, and the character of the work, if by their nature they can be recognized as an independent result of the author's creative work and meet the requirements set forth in Item 3 Article 1259 of the Civil Code of the Russian Federation. It is extremely difficult to avoid the creation of a derivative work from the character in the creation of a parody precisely in conditions where recognizability is a necessary quality of the parody.

[157] Borisov S.V., Zherebchenko A.V. Excitation of Hatred and Enmity, Humiliation of Human Dignity: Problems of Establishment and Implementation of Criminal Responsibility. Monograph / Edited by S.V. Borisov. M.: Jurisprudence, 2015. – 264 p. – Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (accessed: 10.01.2018). – Para. 695 / 2233.

[158] Cit. by: Borisov S.V., Zherebchenko A.V. Excitation of Hatred and Enmity, Humiliation of Human Dignity: Problems of Establishment and Implementation of Criminal Responsibility. – Para. 703 / 2233

[159] Information on the ECtHR judgment of 20.10.2015 in the case of M'Bala M'Bala v. France (complaint No. 25239/13) [Electronic resource] // Bulletin of the European Court of Human Rights. – 2016. – No. 3. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2018). [The English translation is provided according to the official translation of the case into English available here: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-10948].

academic who had received a number of convictions in France for his negationist and revisionist opinions, mainly his denial of the existence of gas chambers in concentration camps, to join him on stage at the end of the show. The applicant called up an actor wearing what was described as a "garment of light" – a pair of striped pyjamas reminiscent of the clothing worn by Jewish deportees, with a stitched-on yellow star bearing the word "Jew" – to award the academic a "prize for unfrequentability and insolence". The prize took the form of a three-branched candlestick (the seven-branch candlestick being an emblem of the Jewish religion), with an apple crowning each branch. The incident was recorded by the police. In October 2009 the tribunal de grande instance found the applicant guilty of public insults directed at a person or group of persons on account of their origin or of their belonging, or not belonging, to a given ethnic community, nation, race or religion, specifically in this case persons of Jewish origin or faith. The court sentenced him to a fine of EUR 10,000, awarding a token euro in damages to each civil party. The Court of Appeal upheld the judgment and the Court of Cassation dismissed the applicant's appeal on points of law».

The cornerstone part of the decision that directly relates to the question in consideration is reflected in the following paragraph:

«The Court thus took the view that, during the offending scene, the performance had no longer constituted entertainment but had taken on the appearance of a political meeting. The applicant could not claim, in the particular circumstances and in the light of the whole context of the case, that he had acted in his capacity as an artist with the right to express himself using satire, humour and provocation. In the guise of a comic sketch he had called upon one of the best known French negationists, who had been convicted a year earlier for calling into question crimes against humanity, in order to pay tribute to him and give him a platform. Thus, in the context of a preposterous and grotesque mise en scène, he had brought onto the stage an actor, dressed as a Jewish deportee in a concentration camp, who awarded a prize to the academic. In this promotion of negationism, through the key position given to the guest's appearance and the degrading portrayal of Jewish deportation victims faced with a man who had denied their extermination, the Court saw a demonstration of hatred and anti-Semitism and support for Holocaust denial. In the Court's view, the expression of an ideology which ran counter to the basic values of the Convention, as stated in its Preamble, namely justice and peace, could not be considered a performance which, even if satirical or provocative, fell within the protection of Article 10 of the Convention».[160]

Based on the methodological approach suggested in this paper, it can be said that the ECtHR, therefore, defined the semantic limits of law applicable to the situation in consideration.

---

[160] Ibid.

§ 3.7. Materials that lost their relevance in the context of the "right to be forgotten"

The areas of artistic (imaginary) and unserious (humor and satire), which were discussed earlier, and the area of the games, which was discussed in the previous paragraph and will be discussed further, are not the only relevant subjects of study. **Materials that can be called "historical" or, more broadly, no longer relevant**, are also directly related to the problem of the semantic limits of law. As was shown earlier, problems with the interpretation of legal texts, aimed, for example, at setting restrictions on the dissemination of information, may be relevant not only for fiction, but also for reality – in terms of the events of bygone days, many of which are no longer relevant for the present.

As an illustration of the fact that this aspect of the problem is already beginning to be realized in the legislation, one can draw attention to how the "right to be forgotten" is now implemented in the Information Law,[161] embodied in Article 10.3 of the specified normative legal act. This article imposes on the operator of the search engine to which this rule applies according to the criterion of targeting,[162] the obligation to stop, following a request of individual, the issuance of information allowing access to information about the applicant, which is, *inter alia*, «*irrelevant, no longer relevant for the applicant due to subsequent events or actions of the applicant, except for information on events containing indications of criminal offenses, terms of criminal responsibility which have not expired, and information on the commission of a crime by a citizen, for which his conviction has not*

[161] It should be noted that the conventional title "right to be forgotten" as applied to the special norm on the obligations of a search engine operator, which in Russia is more important than the special legal norm in the field of public-law regulation of relations on the Internet, does not fully coincide with a similar "right to be forgotten" in the GDPR, which is now interpreted as a special norm of legislation on personal data. However, the source of both approaches is common – the case of Mario Costeja Gonzalez, ECtHR. See: Google Spain SL and Google Inc. v. the Spanish Data Protection Agency (AEPD) and Mario Costeja Gonzalez [Electronic resource] // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. – 2014. – No. 9. – P. 22–23. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2018).

[162] Article 10.3 of the Information Law, by virtue of a direct instruction, applies to search engine operators who distribute Internet advertising aimed at consumers located in the territory of the Russian Federation. Such an indication in itself is one of the discussion approaches to the definition of jurisdiction on the Internet, but the consideration of these special issues of information law is beyond the scope of this paper.

been lifted or cancelled». It can be said that this article, in a certain sense, contains an example of individual criteria for the semantic limits of law: loss of meaning due to subsequent events or actions of the applicant. At the same time, the semantic limits of law, in this sense, do not go beyond the specified information about acts in the field of criminal law practice. An example of the "right to be forgotten" seems to be very relevant for this part of the study. With regret we are forced to note that the explanatory note to the draft federal law, which, as a result, was introduced into Article 10.3 of the Information Law, does not disclose approaches to how to understand other signs of «irrelevance» of information.[163]

§ 3.8. Problems of legal separation between gambling games and games that cannot be considered as the gambling ones

As another area that can serve as a source for examples, we can recall the problem of determining **whether this or that game is gambling from the point of view of law or not**. The problem of differentiation between gambling and non-gambling, at first glance, is narrow and sectoral. However, at the same time, the philosophical and legal dimension corresponding to the subject of the present study can be seen in this problem too. In most jurisdictions and cultures, gambling is viewed as a sociocultural practice that has negative value and requires the intervention of the legislator to impose prohibitions or, at minimum, restrictions. In this connection, the problem of the legal qualification of games as gambling and non-gambling arises, complicated by the ambiguity of the words "gambling" and "game" in ordinary language. In addition, there is another facet of the problem of legal

[163] Explanatory note for the Draft Law No. 804132–6 «On Amendments to the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» and Articles 29 and 402 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation» with regard to the establishment of obligations of search system operators when distributing information about citizens» [Electronic resource] // Legislative support system (SOZD). – [Site]. – URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/804132–6 (accessed: 21.02.2019).

regulation of gambling as such. In the legal systems of many countries of the world, relations connected with the organization of gambling and participation in them are considered as an acceptable subject of legal regulation from the point of view of prohibitions and restrictions. At the same time, the requirements arising from these relations are often not subject to judicial protection by direct indication of the law. This aspect is also directly related to the subject of this study.

Before turning to the consideration of game activities that are not related to gambling, we shall give a brief analysis of the situation with the regulatory regulation of gambling games themselves – this area is a very good example of assessing the subject of social relations in terms of criteria of unseriousness and fantasy, which will be described in more detail later, in the context of the methodology of the present study.

The legal policy reflected in the current Russian legislation restricts and strictly regulates the organization and conduct of gambling. Unlike cultural, ethological and other interpretations,[164] the legislative definition of gambling does not directly link this process with the psychological phenomenon of *"hazard"* as such (otherwise, almost any game could be considered gambling). According to Item 1 Article 4 of the Federal Law of 29.12.2006 No. 244-FZ,[165] a gambling game is a risk-based agreement about prize concluded between two or more participants of such a game between themselves or with the gambling organizer according to the rules established by the gambling organizer. At first glance, this definition can or should be applied to a game as such (for example, playing poker or playing roulette). However, in reality, this definition implies the legal qualification not of the game as such, *but of an agreement on how to play the game*. In the context of the present work, there is an obvious parallel between the fact that both

[164] See e.g.: Ponukalina O.V. Consumer Society Games: Daily Occurrence Designing // Proceedings of Saratov State Technical University. 2009. No.1. P. 1–7; Akhundova L.A., Azarova E.A. Gambling as a Form of Non–Chemical Addiction in Modern Society // Innovative science. 2016. No. 4–5 (16). P. 91–93.

[165] On state regulation of gambling activities and on amendments to some legislative acts of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 244–FZ of 29.12.2006 (ed. of 25.12.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 21.02.2019).

M. Midgley and A. Ross talked about games (see § 6.1 Chapter 3 of this research), stressing that any game necessarily refers to agreements on how this game should be played, meaning not only game mechanics, but also the attitude to the game. The subject of a "risk-based agreement about prize..." can be any process the result of which is not known in advance and is accidental. In addition, the doctrine of law relating to the issues of legal regulation of the organization of gambling, rightly emphasizes the fundamental importance of proper interpretation of the word "risk" used in the definition. The "risk" is generally understood as the possibility of accidental loss of property belonging to the player.[166] You can play poker without betting and enjoying the process. Such a game will not be gambling in the legislative sense. On the contrary, when someone plays chess with stakes, the players' activity will be a gambling game, despite the fact that by its nature chess cannot be viewed as a game of chance in the sense in which this word is used in ordinary language – there is no element of chance in chess, which would be provided for by the rules of the game (for the purposes of this analysis, we do not take into account all the possible "chances" resulting from the individual reaction of the players).

Summing up the interim results, we shall note that in all the examples cited above we can single out something in common – this is the connection of the object of social relations with something divorced from "serious" everyday life, as well as the resulting problems of interpretation of law in relation to relevant situations that, at least in some cases, can lead to the results that are absurd from the point of view of ordinary language and common sense. Let us try to characterize the context in which the significance of such problems changes qualitatively more accurately, and form a hypothesis consistent with such a context for further analysis.

---

[166] See: Ivanova O.A. Gambling: Concept and Characteristics // Bulletin of the Volga University Named after V.N. Tatishchev. 2015. No. 2 (82). P. 111–117.

§ 4. The concept of the medial turn as a generalization of key features of the socio-cultural context of the problem

The actual sociocultural context that determines the problem of the semantic limits of law can be characterized by two main factors. *First*, it is **digital turn** implying such changes in the material bases of production, distribution and consumption of information, which entail changes in sociocultural practices.[167] *Second*, it is **game turn**, as a result of which, on the one hand, a new form of [mass] culture and art appears (including entailing a reassessment of the "seriousness" of what is happening in the socio-communicative dimension), and on the other – polarizing social groups because there are radically different points of view in respect of the significance of computer games.[168] The idea of these "turns" for the purposes of this work is conditional and instrumental. They can be systematized and divided in different ways. Thus, the head of the Center for Mediaphilosophy at the Institute of Philosophy at Saint Petersburg State University and the *de facto* founder of the Russian direction of mediaphilosophy, V.V. Savchuk, in his book "Mediaphilosophy. Assault of Reality"[169] notes:

> «In the modern philosophy, we can easily find various turns: ontological, linguistic, iconic, theological, performative, postmodern, medial, anthropological, rhetorical, spatial. Their number is growing. Looking closer, someone will certainly add new, unrecorded».[170]

---

[167] Udupa S., Costa E., Budka P. The Digital Turn: New Directions in Media Anthropology / Discussion Paper for the Follow-Up E-Seminar on the EASA Media Anthropology Network Panel "The Digital Turn" at the 15th European Association of Social Anthropologists (EASA) Biennal Conference, Stockholm, Sweden, 14-17 August 2018 [Electronic resource] // Media Anthropology Network. – [Site]. – URL: http://www.media-anthropology.net/file/udupa_costa_budka_digital_turn_discussion_paper.pdf (accessed: 03.08.2019).

[168] Perhaps the most precise description of game turn in culture and theory of media is provided in the following work: Raessens J. The Ludic Turn in Media Theory / Lecture. 2012 [Electronic resource] / Utrecht University Repository. – [Site]. – URL: https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/255181 (accessed: 03.08.2019).

[169] Savchuk V.V. Mediaphilosophy – Rush of the Reality. Saint–Petersburg: RHGA Publishing House, 2014. Here and beyond, we will mainly focus on this work by V.V. Savchuk, as Russia's first and most important monographic study of media philosophy, addressing also some foreign authors, as appropriate.

[170] Ibid. P. 7.

In the sense of such a working classification, both digital turn and game turn can be considered as parts of a more general **medial turn** (or "turn of media"). Such qualifications have a double meaning in the context of the present work, because of "generalized symbolic *media*", the concept of which underlies the developed approach about the semantic limits of law, deriving from the original texts of T. Parsons and his English-speaking followers, whereas their translation into Russian as, literally, "intermediaries" – is rather the tradition of translation in theoretical sociology, but in essence, we are talking about the "media" in the sense of mediaphilosophy *(please note that this paragraph was adapted for English translation because it was focused purely on the language game of translation).*[171]

One of the new perspectives, which is presented in this work, is exactly **to give a legal assessment of medial turn**, the latter being defined in the subsequent part of this paragraph. Law is a part of the socio-cultural dimension of society's life, and therefore such a total phenomenon as the medial turn inevitably influences the law as well. As I.L. Chestnov notes, "law is a social phenomenon conditioned by interactions with other social phenomena, outside and without which law does not exist, and with society as a whole... Thus, there are no legal phenomena (laws, individual acts, legal relations), which would not simultaneously be psychical (as L.I. Petrazhitsky once wrote), economic, political, etc. – in a broad sense – sociocultural phenomena".[172] Accordingly, if modern society is

---

[171] Awareness of the role of "media" as an intermediary of communication, which is constitutive of the social reality, is typical for many scientific directions of the XXth century. For example, in the "Sociology of Law" Yu.I. Grevtsov reproduces the view of P.A. Sorokin on the structure of legal relations as follows: "P.A. Sorokin, who paid a lot of attention to the analysis of social interaction, singled out three elements in the structure of interaction: the parties (subjects) of social interaction; acts or behavior, actions of the parties of interaction and **conductors** (emphasis added – V.A.). By the latter, he understood a variety of phenomena by means of which or by means of which "mutual actions and reactions of interacting individuals are transmitted to each other, or, as expressed in the language of energy, by which energy, in particular mental energy, is transmitted from individual to other". Legal norms relate, according to the scheme of P.A. Sorokin, to conductors". See: Grevtsov Yu. I. Sociology of Law. Course of lectures. - St. Petersburg: Publishing house "Legal Center Press", 2001. – P. 163. Y.I. Grevtsov quotes P.A. Sorokin from the following edition: Sorokin P.A. System of Sociology. T. 1. M., 1993. P. 172.

[172] Chestnov, I.L. Postclassical Communicative Concept of Law as an "Invisible Collegium" // Proceeds of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2013. No. 5 (310). – P. 119.

characterized by the medial turn, law needs to be rethought in the context of such socio-cultural changes.

The medial turn is a systemic phenomenon that modifies the paradigm of sociocultural life, which is hardly fully comprehended in philosophy, obviously has a significant effect on the range of actual problems of jurisprudence. In a sense, this study is a study of law in conditions of a medial turn, and the problem of the semantic limits of law is actualized now because the major part of the empirical material where this problem makes itself explicit, is connected to the effect of law in media space.[173] According to V.V. Savchuk,

> «[a]fter a series of major for the twentieth and early twenty-first century turns, more and more insistently voices are heard to recognize the summing and, at the same time, fundamental medial turn»;[174] «...media is both a method of communication, and an instrument of production, and **a sophisticated method of simulation** (emphasis added – ***V.A.***), and an instrument of political struggle».[175] The following observation is also important: «[a]fter the linguistic one, a medial turn comes – an ontological evidence of a change in reality – that being and media-reality are identified and interchanged, dissolving into each other. The stages of its formation are as follows: reality is mediated by thinking, thinking by language, language by sign, and sign by media. Being built on top of each other, "being" in modern conditions is given only through the media».[176]

In this context, we note a hint to the essence of the general philosophical problem of research: law is aimed at regulating reality, but the "hard reality" of a pre-information society in which the main institutions of law are formed and law itself as a social institution is transformed into a modern "playful media reality" in which it is difficult (but at the same time it is necessary!) to find a principle according to which we will be able to

---

[173] In this context, we risk assuming that the penetration of terminology typical of today's simulated reality of the medial turn into legal discussions is in itself a sign of a medial turn. Thus, for example, in the article by V.V. Lazarev's article of 2016 on the interpretation of law emphasizes the methodological prospects for the study of memes in jurisprudence. See: Lazarev V.V. Interpretation of Law: Classics, Modernity and Postmodern // Journal of Russian Law. 2016. No. 8. – PP. 15–28.

[174] Savchuk V.V. Mediaphilosophy – Rush of the Reality. P. 19.

[175] Ibid. P. 23.

[176] Ibid. P. 24.

determine the scope of application of norms having a binding character, which will not contradict common sense, or in other words – will not lead to absurdity. The analogy between the reasoning of M.M. Bakhtin and J. Baudrillard is traced: in a sense, if before the carnival was an isolated action in space or at least in time of play, now we are in the condition of "carnivalization" of space, caused by his mediatization.[177] The main problem is that the simulacra of media reality are not isolated in the framework of a special action, but are unpredictably distributed in the media space. This observation is also consistent with the differences which can be identified between modern games and the games of the past in relation to the interpretation of the views of M.M. Bakhtin in the light of contemporary examples of computer games (see § 5 Chapter 1 of this research). Figuratively speaking, from the point of view of the history of culture, **before medial turn, the media reality was subject to law, but now there is a reflection that law acts in media reality itself, and it is the object of media reality itself**.

Mediaphilosophy is formed in the era of the "new media". Although "there is no more perishable intellectual product than the word 'new'",[178] in the context of this work it is clear what we are talking about. In order to avoid confusion and solely for the purposes of this legal study (but not for the purposes of mediaphilosophy), we can replace the word "new" with the word "digital", this will be more accurate.

> «Despite all the obvious and intuitive clarity, the expression "new media" has no terminological status", – notes V.V. Savchuk – "it is rather surrounded by a cloud of meanings referring to the computer, various mobile devices and the Internet».[179]

---

[177] See e.g. M. Raei. Jean Baudrillard and the notion of modernity and media // Medium.com. Feb. 11, 2018. – [Site]. – URL: https://medium.com/@raeimohsen/jean-baudrillard-and-the-notion-of-modernity-and-media-4b5fc1a92f7c (accessed: 09.09.2019).

[178] Savchuk V.V. Mediaphilosophy – Rush of the Reality. P. 50.

[179] Ibid. P. 49.

At the verge of the XXth and XXIst century L. Manovich contrasted the "new" media with the "old" ones in the line of "analogue-digital" differentiation, highlighting five basic principles of "new media".[180] As V.V. Savchuk believes, "after a short, but rich in events and discoveries time, many of the distinctive features of the new media become disabled, or become secondary and insignificant".[181] However, this assessment depends on the subject of the study. While it is likely to be true for innovative mediaphilosophy, it is not true for conservative jurisprudence. Each of the features highlighted by L. Manovich remains relevant for law, which we will discuss separately below, and in the practice of law enforcement is actualized only when it becomes *significant* in the sense of convertible "socio-currency value" of generalized symbolic media (as will be discussed in more detail in Chapters 2 and 3 of this study). In the current Russian context, the systemic legal significance of all the features, perhaps, emerged together with the Digital Economy of the Russian Federation Program.[182] What are those principles formulated by L. Manovich?

First, new media objects,[183] whether they are originally created on a computer or digitized afterwards, consist of numeric code and are based on **numeric representations**. It follows that new media objects can be described mathematically and that they can be manipulated using algorithms. «In short, – as L. Manovich emphasizes, – media becomes programmable».[184] Broadly speaking, this has a really diverse impact on the right. For example, new media objects, *by definition*, will be not only *sui generis* objects of legal regulation (works of art for intellectual property rights, objects of legal communication for contract law, etc.), but also always information and, potentially, the result of intellectual activity. The latter is relevant not only for the mentioned intellectual property law, but also

---

[180] See: Manovich L. The Language of New Media. – London: MIT Press: Cambridge, Massachusets, 2001. – 202 p.

[181] Savchuk V.V. Mediaphilosophy – Rush of the Reality. P. 50.

[182] The adoption of this Program is a direct sign of the "social and currency value" of a number of phenomena, as the institute of political power adopted it. Again, this approach is described in more detail later in this paper. Here, however, we will focus on the socio-cultural context.

[183] We emphasize that in this context, we view "media" broadly, not in terms of aesthetic phenomena (not only in this possible sense), but also in terms of media philosophy.

[184] Manovich L. The Language of New Media. P. 27.

for other areas. The possibility of manipulation by means of algorithms seriously influences the evaluation of new media from the point of view of evidentiary law.[185]

Second, new media objects are **"modular" or, in other words, "fractal"**.

> «Media elements, be it images, sounds, shapes, or behaviors, are represented as collections of discrete samples (pixels, polygons, voxels, characters, scripts). These elements are assembled into larger-scale objects but they continue to maintain their separate identity. The objects themselves can be combined into even larger objects – again, without losing their independence… In short, a new media object consists from independent parts which, in their turn, consist from smaller independent parts, and so on, up to the level of smallest "atoms" such as pixels, 3D points or characters».[186]

As L. Manovich notes, the Internet also has a fully modular structure – it is not about sites (to present the Internet as a set of sites – a simplified model, which is supported mainly by browser manufacturers), but about a variety of information objects.[187] The legal meaning of this circumstance overlaps with the observation related to the previous principle. Moreover, it is also obvious that, if one does not take into account the atomic level, which cannot usually be assessed in this sense, each "module" or "fractal" may be an independent subject of legal regulation, and such regulation by means of "old" law may conflict with the regulation of an entire large object consisting of such modules. Analogue objects are rarely so fractal in this sense. In other words, the complexity of a very philosophical, at first glance, question that can be formulated based on the example of civil law as a question of when the ownership of materials terminates and the ownership of an object made of such materials arises.

Third, it is **automatization**. L. Manovich emphasizes that the media numeric coding and modular structure of the object should be able to automate many operations related to

---

[185] At least, in the Russian realities, despite the fact that partially such approach can be outdated (at use of the strengthened qualified electronic signature), people trust more to autograph signatures on the paper rather than to electronic. This follows, among other things, from the text of the Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature", in Article 6 of which it is a paper document signed by a handwritten signature that is considered a kind of "standard".

[186] Manovich L. The Language of New Media. PP. 30-31.

[187] Ibid. P. 31.

the creation and manipulation of the object, as well as access to it. Human participation, at least in part, can be eliminated from these processes.[188] It is easy to see that this fact has a significant impact on the legal assessment – both now and in the future. An overview of all possible legal problems related to automated actions goes far beyond the scope of this study and deserves several independent monographic studies. There are obvious implications of the problem in the field of artificial intelligence and robotics.[189] Naturally, there are problems in identifying the "author" of a work, whether original or redesigned, if it was created using automation tools.[190] Automated processing of personal data (which, thus, became possible after such data took the form of a digital object of new media reality) is specifically regulated.[191] The number of examples of potential and actual legal conflicts related to this principle is difficult to calculate.

Fourth, the principle of **variability**. As in the case of the previous principle, due to the numeric representation and modular structure, «…a new media object is not something fixed once and for all but can exist in different, potentially infinite, versions».[192] Looking at this principle from a legal perspective, it is clear that the number of potential legal implementations of this principle is also high. Previously, the static and fixed subject of legal regulation in the conditions of the medial turn is changing, and may change, including those properties that are significant for the legal qualification. As in the previous

---

[188] Ibid. P. 32.

[189] See e.g.: Arkhipov V.V., Naumov V.B. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in Legal Context: on Development of the First Russian Law on Robotics // Proceedings of SPIIRAN. 2017. Issue. 6 (55). P. 46–62; Arkhipov V.V., Naumov V.B. On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: the Aspects of Will and Legal Personality // Zakon. 2017. No. 5. P. 157–170; Arkhipov V.V., Naumov, V.B. Informational and Legal Aspects of Designing Robotics Legislation // Information Law. 2017. No. 1. P. 19–27; Arkhipov V.V., Naumov V.B., Pchelintsev G.A., Chirko, Ya.A. Open Concept of Regulation of the Internet of Things // Information Law. Moscow, 2016. No. 2. P. 18–25; Gadjiev G.A., Voinikanis E.A. Could be a Robot a Subject of Law? (in Search of the Legal Forms for a Digital Economy) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. P. 24–48.

[190] See e.g.: Gurko A. Artificial Intelligence and Copyright: a Look into the Future // Intellectual Property. Copyright and Neighboring Rights. 2017. No. 12. P. 7–18.

[191] Special rules, for example, are provided in the Article 16 of the Federal Law of 27.07.2006 № 152-FZ "On Personal Data" (ed. of 31.12.2017), "The rights of subjects of personal data when making decisions on the basis of exclusively automated processing of their personal data". Automated processing of personal data is mentioned in the sub-clauses 15, 67, 68, 71 of the Preamble, and Articles 2, 4, 15, etc. of the General Data Protection Regulation (GDPR) – EU Regulation 2016/79.

[192] Manovich L. The Language of New Media. PP. 36.

case, there are many examples. As one obvious example, we can cite the next one, which is quite simple and even a little outdated and from the point of view of law: the material posted on a hyperlink to a website may change unpredictably. Previously there was prohibited (or allowed) information posted, but now – the information of the contrary kind. This raises a number of issues related to the legal liability of participants in legal relations, the efficiency and expediency of legal procedures aimed at blocking or unblocking the resource, etc. The author gives a detailed example of "hypermedia", which is an information product consisting of "scraps" of information, combined by means of hyperlinks. It is clear that the legal dimension of such a product as a subject of regulation will be no less confusing than its technical structure.

Finally, *fifth*, the **transcoding** principle is formulated. L. Manovich considers it to be the most serious in terms of its effect on culture. In brief, it boils down to the fact that old media objects are "translated" from human precomputer culture artifacts into digital reality artifacts. This is best expressed by the scientist himself:

> «The structure of a computer image is a case in point. On the level of representation, it belongs to the side of human culture, automatically entering in dialog with other images, other cultural "semes" and "mythemes." But on another level, it is a computer file which consist from a machine-readable header, followed by numbers representing RGB values of its pixels. On this level it enters into a dialog with other computer files. The dimensions of this dialog are not the image's content, meanings or formal qualities, but file size, file type, type of compression used, file format and so on. In short, these dimensions are that of computer's own cosmogony rather than of human culture… In new media lingo, to "transcode" something is to translate it into another format. The computerization of culture gradually accomplishes similar transcoding in relation to all cultural categories and concepts. That is, cultural categories and concepts are substituted, on the level of meaning and/or the language, by new ones which derive from computer's ontology, epistemology and pragmatics. New media thus acts as a forerunner of this more general process of cultural re-conceptualization».[193]

[193] Ibid. P. 46-47.

But the cultural re-conceptualization is the re-conceptualization of the social reality, and the re-conceptualization of the social reality is, at the same time, an essential change in the numerous subjects of legal relations.

We emphasize that the main purpose of this paragraph is to systematize the basic prerequisites for digital turning. The number of new technologies and practices is growing. For example, there is no less methodological potential for this study to have **virtual and, in particular, augmented reality technologies**, which will be discussed in Chapter 2 of this study in relation to the interpretation of the legal text containing the legal provision on the prohibition of "vehicles" in the park from the discussion between H. Hart and L. Fuller.

In general, the above features in the interpretation of L. Manovich describe the constituent medial turn, which we have designated as the "digital turn". The digital turn determines the **conditions** in which the empirical basis for conceptualizing the problem of the semantic limits of law is formed. However, the **content** of this problem, although it depends on these conditions, is determined by another component of the medial turn, *which is focused not on objects, but on social practices*. We are talking about the **game turn**, and the fact that it is computer games that we now consider, including as new media, are a bright and representative material for our problem. It should be noted, however, that other social practices set by the digital turn (including the practice of communication in social networks as a new type of new media, which, incidentally, L. Manovich could not know about at the time of writing his book – the first modern social networks appear only in the first decade of the XXIst century[194]), also push us to the problem of the semantic limits of law, but, unlike games, such practices were initially focused on *real*, even if not always *serious*, communication, and are therefore less representative and visible as the main empirical material.

---

[194] For example, the first version of *Facebook* was launched in 2004. See: Facebook. Our History [Electronic resource] // Facebook Newsroom. – [Site]. – URL: https://newsroom.fb.com/company-info/ (accessed: 26.01.2019).

The hypothesis about **game turn** can be shaped already in connection with the growth and significance of the game industry market from the standpoint of economy.[195] In culture, it is determined by the following context. As noted by V.V. Savchuk and applied to the games as a whole,

> «[a]fter J. Huizinga, L. Wittgenstein and R. Caillois, it is presumptuous to speak seriously about understanding the essence of the game as an ontological condition of culture, functions, performed by it, its types, without taking into account the results of their research. Modern computer games or online games, about which the classics – for more than understandable reasons – could not write, and from those who write nowadays are dominated by the condemnation of teachers, journalists, psychologists, doctors, are still a blind spot of humanitarian research. **Nevertheless, they are an accurate measurement of the "temperature" of public expectations, the intensity of contradictions, and the social disharmony of rather visible strata of society** (emphasis added – ***V.A.***)».[196]

It should be noted that the present study is not devoted to the moral assessment of computer games, as well as legal prohibitions and restrictions on such games by themselves (except for some special examples from empirical material), so specifically for law the problem of negative perception of the research aimed at studying computer games as a subject of regulation and legal relations arising in relation to them, is not worth in principle. Indeed, if legal science were not engaged in the analysis of legal regulation and other legal problems of all those phenomena that are "condemned" by teachers, journalists, psychologists and doctors (for the sake of fairness, we note that not all recent studies indicate the negative role of computer games – a number of recent studies suggest otherwise), the number of scientific works on law would be reduced by half, and criminal law and criminological studies could be basically thrown aside for the unwanted.

However, back to the main topic. The following observation is important for us:

---

[195] Arkhipov V.V. Intellectual Property in the Video Game Industry: Problems of Theory and Practice (in Russian) // Zakon. – Moscow, 2015. – No. 11. – P. 62.

[196] Savchuk V.V. Mediaphilosophy – Rush of the Reality. P. 135.

> «Computer games – the result of a mutation at the end of XX century game as such. They include all types of games highlighted by Caillois: Agôn (competitive games), Aléa (chance games, "gambling"), Mimicry (imitation games) and Ilinx (ecstatic games). Neither the uninhibited pre-Christian antiquity, nor the Middle Ages with their conventional shyness, nor the Renaissance with its heroic affirmation of humanism, nor the fascination of the mind the New Time, with the pathos of weighing everything on his scales, could not ban gambling».[197]

We emphasize that "gambling" in terms of game and media research and "gambling" as a criterion of legally restricted or prohibited games are different, though related terms. Typically, the law restricts strictly defined categories of games on the grounds of "gambling" and the term specifically restricts them for enforcement purposes. The principles of this restriction are explained elsewhere. For the time being, computer games are an interesting and representative object of research, not only because they bring together all the "old" games, but also because they reflect the cultural changes that accompany digitalization, despite some residual marginalization, are at the core of contemporary information culture and, in addition, they combine different areas of art.

In general, cultural research scholars note that

> «[a] radical change in the practices of socialization, identification, communication allows us to speak about significant socio-cultural changes, and the development and implementation of new technologies have a direct impact on society and culture as a whole. Digitalization, on the one hand, acts as a unifying and integrating beginning, and, on the other hand, it causes even greater rifts in society and generates new forms of inequality and segregation».[198]

The author of this observation, A.A. Lisenkova, among the new socio-cultural challenges of the modern era, notes, among other things, "the emergence of network multi-personalities: (I-as-one ceases to exist, multiuser worlds and fandom communities are created). It involves the transformation of the methods of socialization and identification

---

[197] Ibid. PP. 136–137.

[198] Lisenkova A.A. Challenges and Opportunities of the Digital Age: the Sociocultural Aspect // Liberal Arts in Russia. 2018. Vol. 7. No. 3. – P. 217.

(original syntax kept – ***V.A.***)",[199] as well as the "transformation of language practices: the digital generation speaks another language, the geek language, using foreign words with other meanings everywhere. These processes cause cultural changes and shifts in meaning".[200]

As noted by O.Y. Volkov and Y.K. Volkov,

> «…agreeing with the subjective-objective and interpretation of the communicative action, it is impossible not to mention its intersubjective continuation. The point is that in the system of subject-object relations mediated by the object, the understanding or misunderstanding of the meaning and meaning of alienated knowledge is connected with the process of a new sense of creation and subjectivization of the objective [3, p. 263]. It is this kind of dialogical and communicative semiotic interpretation of information that became the basis for the creation of personal devices that use *information technology* for communication, which is the main system resource of the information society».[201]

Noting the role and importance of information technologies in the life of modern society, the authors emphasize that

> «…information technologies in a modern society are implemented in all major spheres of human life, including the most complex and large-scale area identified in the concept of culture. Moreover, the degree of influence of information technologies on the sphere of modern culture has turned out to be so significant that it has even led to the emergence of a special information culture»[202].

And the authors have noticed that

> «…along with other forming features of the information society culture (clipping, fragmentality, modularity, representativeness, metaphoricality, multiple meanings, use of

---

[199] Ibid. P. 220.
[200] Ibid.
[201] Volkov O.Yu.; Volkov Yu.K. Computer Game as the Technological and Aesthetic Phenomenon of the Information Society's Culture [Electronic resource] // Privolzhsky Scientific Bulletin. 2015. No. 6–3 (46). P. 79–82. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya–igra–kak–tehnologicheskiy–i–esteticheskiy–fenomen–kultury–informatsionnogo–obschestva (accessed: 01.10.2017). – P. 80.
[202] Ibid.

graphics, etc.), its qualitatively new state is the presence of a mature form of the so-called "screen culture", most often defined as virtual reality (from Latin *virtualis* – possible)».[203]

As the researchers continue their reasoning, they are pointing out that

«…the phenomenon of computer games occupies a special place in the information cultural space of modern society», and conclude that «...remaining in the form of a modern technological device, in its aesthetic essence, computer games appear in the culture of the information society as a complex synthetic analogue of game art and artistic creation, the unity of creativity and semantics, simultaneously containing the "unconsciously-artistic" and consciously-willed elements of activity, evaluation and understanding»[204].

In other words, in general, at the current stage of development of the information society is formed such an information culture, one of the significant aesthetic phenomena of which are computer games. However, this is only one of the possible manifestations of this aspect of development.

As V.V. Savchuk emphasizes,

«[w]ith the development of computer technology and virtual reality technologies, computer games have also been improved. The changes affected not only the form of expression – graphics, scenes, images – but also the internal structures of computer games, which have become more complex subject and ideology. This has led to the fact that the composition of the players has changed. If earlier, at the dawn of computerization, computer games were played mainly by children and teenagers, then with the spread of computer technology and the subsequent development of virtual games, their consumer became more mature (he grew up with the development and improvement of the games themselves) and educated. As they are accepted undoubtedly, and their creation and development are subsidized by educational games, trainings, simulators of complex machines and means of warfare... One of the private, but still important consequences is to expose the myth of computer games as a phenomenon of grass-roots culture characteristic of childhood or infantile personalities; games are not marginal, they are an equally important element of culture, as well as psychological, sports, artistic, love games. At the same time, traditional games increasingly resort to the mediation of new media».[205]

---

[203] Ibid. P. 80 – 81.
[204] Ibid.
[205] Savchuk V.V. Mediaphilosophy – Rush of the Reality. PP. 139–140.

Thus, the game turn is expressed in the **social legitimization of computer games as a subject of research in social and humanitarian scientific discourse in particular, and in general – in the legitimization of computer games in culture**.[206] In addition, from the systematic understanding of the sources presented in this paragraph, one more important conclusion follows: **the games are not only becoming a form of mass, total art, which cannot be ignored, but also culture itself is "gamified"**.[207] In our view, the latter is critically important for understanding the focus of the study, which focuses on legal ways of overcoming the conflict between serious and non-serious, common sense and absurdity. No comprehensive and widely accepted terminological apparatus has been developed to describe what is happening in the context of a game turn of events and trends. At the same time, it is clear that, at least by a quantitative measure and in the legally significant context, the games of the past are fundamentally different in scale from modern examples: before, the games and the field of the minor were not so widespread and "dissolved" in everyday life that they can be explained economically (the emergence of more "free time"), psychologically (on the contrary, the appeal to entertainment in times of crisis) and, apparently, technologically (the transfer of games to the widespread consumer technological landscape). Modern research emphasizes that virtual reality, while at first glance changing only the "form of presentation of the game action", nevertheless "leads to a qualitatively different involvement of the player in the game and dictates its own peculiarities of gaming behavior and perception".[208] Medial turn offers again to pay attention to the phenomenon of the game as such. M.M. Bakhtin demonstrated that "the fundamental difference between art and game is that game is fundamentally absent of

---

[206] Especially it is necessary to underline the fact of recognition of computer sport as an official kind of sport in some countries, first of all – in the Russian Federation, where it was made for the first time in history. For more details see: Arkhipov V.V. eSports Law: Fact or Fiction? // Zakon. 2018. No. 5. P. 80–92.

[207] "Gamification" is the original English term. In Russian version of this text it is adapted, and not transliterated ("игрофикация" instead of "геймификация"), for euphony and exclusion of non-target connotations.

[208] Tendryakova M.V. Old and New Faces of the Game: Game Specifics of Virtual Space // Cultural-Historical Psychology. – 2008. – № 2. – P. 60.

viewers and authors. The game does not need them, it will be a game without them. The player himself does not see his game as a whole, does not have its holistic aesthetic image. A work of art always depicts something, and the game does not *depict* anything, but only *imagines*".[209] Accordingly, the game becomes an art, "just as dramatic action", when "an indifferent participant – the viewer" appears,[210] which is what we see in modern socio-cultural practices surrounding computer games. At the same time, "game and art... have in common that they are not real life. However, their "invalidity" is different: the game *imagines* life and art *depicts* it".[211] We emphasize that **in the conditions of digital turn such a line between the imagination and the depiction is erased**. Moreover, both in the case of the imagination and in the case of the depiction, we see the presence of a simulation in a special sense of this study. Note, however, that for culturology and its related disciplines, the question of whether game practices have undergone qualitative changes in the context of the medial turn is different from the question of whether *any changes* in the nature of the practice itself, which are characteristic of such conditions and which are related to play in human society, *have consequences for law*. In the context of this study, the latter question is related to the notion of simulation as a phenomenon that excludes the possibility of a reasonable application of law. In any case, the game turn in culture is certainly not only and not so much related to computer games themselves, mediated by technological virtual reality, but to the overall understanding of culture from the game point of view – with this approach, M.M. Bakhtin's own works should be regarded as evidence of the game turn in the XXth century.

In light of these considerations, the statements and leaders of the industry itself are very much in character. In the preface to the book by R. Koster, a key developer of

---

[209] Demidov A.B. Phenomena of Human Existence. Minsk, 1999 [Electronic resource] / PSYLIB. - [Site]. - URL: http://psylib.org.ua/books/demid01/txt04.htm (accessed: 09.09.2019).

[210] See: Bakhtin M.M. Author and Hero in Aesthetic Activity // Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. M.: Publishing house "Art", 1979. – PP. 67–68.

[211] Demidov A.B. Phenomena of Human Existence. Minsk, 1999 [Electronic resource] / PSYLIB. - [Site]. - URL: http://psylib.org.ua/books/demid01/txt04.htm (accessed: 09.09.2019).

multiplayer online role-playing game *Ultima Online*, another authoritative game-designer Will Wright[212] writes:

> «For the first few decades of interactive game design we were able to blithely ignore many of the larger meta-questions surrounding our craft while we slowly, painfully learned to walk. Now for the first time we are starting to see serious interest in what we do from the academic side. This is forcing those of us in the games industry to stop and consider, "What is this new medium that we're working in?" The academic interest seems twofold: First is the recognition that video games probably represent an emerging new media, a new design field, and possibly a new art form. All of these are worthy of study. Second, there are an increasing number of motivated students that grew up playing these games and now find themselves inspired to work in the field one day… Games (both video and traditional) are tricky to study because they are so multidimensional. There are so many different ways you can approach them. The design and production of games involves aspects of cognitive psychology, computer science, environmental design, and storytelling just to name a few. To really understand what games are, you need to see them from all these points of view».[213]

With the spread of computer games, it has become necessary to analyze them not only from the point of view of the craft (or sometimes art) of game development, but also as an artifact of social reality, and as a subject of legal regulation in the broad sense of the word – the analysis of computer games from the point of view of intellectual property rights, rather, belongs to the first direction. We are more interested in the relationship between users mediated by computer games and in defining the fine line where the relationship becomes so *real and serious* that the law can no longer ignore it.

The relevance and representativeness of computer games and the significance of the game rotation itself are not only related to the "light side" of the methodological potential of the study of game relations as such. V.V. Savchuk, coming very close to the legal plane, notes that,

---

[212] Will Wright (born in 1960) is a co-founder of *Maxis*, who later worked for *Electronic Arts*, a developer of the famous *SimCity* games, *The Sims* and others. "Before Wright, computer simulation was the domain of the military, scientific research, and academics. He brought it to everyone". See: Lifetime Achievement [Electronic resource] // PC Magazine. December 22, 2004. – [Site]. – URL: https://www.pcmag.com/article2/0,2817,1744159,00.asp (accessed: 23.01.2019); Will Wright [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,4217/ (accessed: 23.01.2019).

[213] Koster R. A Theory of Fun for Game Design (in Russian). Moscow: DMK Press, 2018.. – PP. x-xi.

> «…in view of the fact that computer games are becoming increasingly popular and improved, the latter require close attention and monitoring, including monitoring of the emergence of pornography and the propaganda of drugs and racial and ethnic hatred, which are the flip side of the media landscape in general and computer games in particular. This phenomenon is giving rise to new phenomena, penetrating into the cinema, the media and education (training and education of specialists, etc.). One should not forget such an important aspect as the possibility of using computer games as a means of manipulating public consciousness. The ability to make transformations in reality far exceeds the awareness of theorists and game practitioners. The game "plays a role" as a catalyst for social cohesion and regulates its moral and ethical behavior. It is necessary to notice, for example, the need to deconstruct the methods of ideological influence on the formation of the American version of the Second World War, the attitude towards Islamic countries, Russia, the third world in specific games».[214]

It should be noted that this observation already contains a potential "clue" to the direction in which to look for the cases in which relations related to the content of computer games, the formation of such content, as well as relations within the virtual reality may suddenly become subject to legal regulation. This quote also brings us back to the question of the limits of law, not only in the special *semantic* sense that is being developed within the scope of this work, but also in part of the question on "moral limits of law" which will be discussed in § 1 Chapter 2.

In a conversation about the "dark side" of contemporary socio-cultural transformation, the following observation may provide some (and perhaps ironic) explanation of the perspective of the actual socio-cultural context – that of the information society of the postmodern era – which is interesting in the present work. Further mentioned in the pages of this study (in § 1 of Chapter 2) by J. Feinberg in the book "*Offense to Others"*[215] offered a thought experiment to the reader. The point of the experiment is that you are late for an important meeting, get on the bus (and so there is a closed space) and

---

[214] Savchuk V.V. Mediaphilosophy – Rush of the Reality. P. 141.

[215] An exact translation of "offense" as a concept different from the infringement itself and from "harm" in the Mill's sense is hardly possible into Russian. J. Feinberg, we believe, means something that combines abuse, insult and delinquency at the same time. But much less intense than the "harm" of J. Mill.

before your eyes other passengers begin to carry out actions that **do not correspond to the notion of harm** in the terminology of J. Mill, the author of the fundamental postulates for the moral theories of the Western world, but which you just obviously do not like. Moreover, you do not like it so much that you will be ready to consider the possibility of establishing a criminal law restriction on such actions.

H. Dalton, a strict reviewer for J. Feinberg's book and author of a review entitled «*"Disgust" and Punishment*»,[216] suggested certain examples from which we will select few of those where, given the high standards of the Russian academic style, we will probably not risk completely citing any of them, limiting ourselves to just a general abstract description, and will further emphasize that the purpose of referring to these examples in this work is in no way to offend anybody's feelings. The most "vivid" examples of J. Feinberg begin with the sixth story, in which you witness the absorption of your neighbors' "food", which is conventionally disgusting. In the seventh, lunch grows into a feast with Roman proportions, but with modification: neighbors absorb not only fresh food, but also partly digested. In the eighth one, there is a variety of products of people's life activity absorbed by neighbors. In the eleventh story to the opposite of you (it is assumed that you are a good Christian) sits a young man in a T-shirt, with an evil caricature of the central personality of the doctrine. In the twenty-third, an act of zoophilia is committed next to you.[217] The meaning of J. Feinberg's thought experiment is to convince the reader by means of a lively emotional reaction that the Millevian principle of harm is not the only reason for possible state coercion. In the author's opinion, a civilized society should protect its members, including by interfering with the freedom of others, not only from harm *per se*, but also from "*offense*",[218] which cannot be unequivocally

---

[216] Dalton H.L. "Disgust" and Punishment // The Yale Law Journal. – 1986-1987. – Vol. 96. – PP. 881–913.

[217] Ibid. P. 884.

[218] There were some difficulties in translation into Russian here, because in the original version the author operates with subtle semantic differences in individual English words, which correspond to the varying degrees of public danger of crime.

interpreted as harm. However, this kind of reasoning is relevant primarily for Western moral and philosophical discourse, which is largely based on the utilitarian tradition and inevitably includes criticism or rethinking of J. Mill's writings in virtually any discussion of the moral dimensions of law.

In the context of this paragraph of this study on the transformation of society in today's environment, we are interested in something else – in addition to the previously discussed examples related to the emergence of new phenomena and practices of information culture related to digital technologies directly, such as multiplayer computer games and computer sports, there are some cultural practices, presumably not without elements of the impact of the same processes of liberalization of production and dissemination of information. Whether or not there is such an impact is a separate subject of sociology and cultural studies, but we can in any case postulate the correlation of these processes, as this is a matter of fact. The main perspective for this study is that some of the abstract examples of abusive behavior described above by J. Feinberg, proposed by the author more as a product of the imagination, have found their indirect expression in **actionism** in recent decades,[219] often interpreted as art-related practice.[220] This cultural

[219] In the present study, the term "actionism" is used in a narrow sense, in which it describes the activities of P. Pavlensky and *Pussy Riot*, with an obligatory element of interaction with socially significant subjects of social relations and, as a consequence, with the inevitable transition of communication into the legal plane. There are also alternative, broader interpretations. As V.O. Petrov notes, for example, "the aim of the authors of the actions, including musical ones, is to create artistic samples (not fully fixed in the space of opuses), which are the *free realization of a concrete idea*. Sometimes it turned out that the only significant task of the artists and all the people who took part in the realization of the action was the generation of ideas and concepts. The author's text is a kind of 'instructions for use'. It is implemented in the musical art by performers. Conceptual objects (in most cases, with an abundance of author's comments) in a musical work can be graphs, schemes, diagrams, formulas, verbal explanations and drawings, as well as objects that do not have a certain functional purpose. In a word, as a rule, it turned out to be a stratum of ideas that does not have a concrete implementation. Sometimes, part of the verbal expression of the idea of the action was also an indication of the environment in which the conceptual object itself could be demonstrated. Actions could be held everywhere - on the street, on the road, in the field, in the woods, near the mountain, in a particular locality, gallery, concert hall. The conceptual idea of the author is rather chaotic, while the task of the performers is to bring the chaos into harmony". See: 119. Petrov O.V. Actionism and Its Manifestation in the Vocal–Instrumental Compositions of John Cage // Problems of Science. 2018. No. 5 (125). P. 103–104. This interpretation focuses on the spontaneous transmission of the idea, but does not go any further in restricting the term "actionism" in the case of direct introduction of the aesthetic object of "external referents of value" into the material (in the terminology of S. Abrutyn).

[220] It should be noted at once that it is possible to refer actionism to art in usual, classical interpretations of the latter only if we consider both terms in the key of Wittgenstein's language games, according to which there is seldom a direct and hierarchical logical connection between the meanings of words in the real practice of the language, but there is more frequent

phenomenon deserves special attention in the context of our work as the second (after multiplayer games) polar example of a collision between serious and unserious, clearly having a legal dimension and once again confronting us with the question of the possible limits of the intervention of law not only from the point of view of morality, but also from the point of view of common sense.

Returning to the main theme of this paragraph, we emphasize that contemporary information culture in the context of the medial turn is such a socio-cultural context in which the problem of the semantic limits of law is actualized.[221] The development of information technologies, which allow everyone to produce information arbitrarily and freely share it, is becoming one of the main prerequisites for the intensification of communicative practices, the subject of which is "unserious" information – from complex and multidimensional reconstructions of social systems in gaming multiuser computer environments to simpler cases of new popular forms of humor and satire, which in some cases take on social significance. What is important for us, the following empirical material clearly shows that law enforcement agencies currently do not have the necessary tools for legal argumentation in the event of specific legal conflicts under consideration, and it is to overcome this gap that this study is aimed at from practical perspective.

In culturology and sociology, the viewpoint according to which at the current stage of development of the information society a new information culture is formed, is justified. This approach is based on the idea that quantitative changes in the social impact of

---

"kinship connection". Within the framework of the interpretation concept of this work, the "material" for the creation of "works" of actionism is the generalized symbolic media in the terminology of T. Parsons, which are described in more detail in Chapters 3 and 4 of this dissertation, and this is essentially different from the material for traditional works of art, although the aesthetic effect of the latter situationally may also speak of "social and currency value" in some cases. Therefore, the legal assessment of radical examples of corporatism cannot be considered absurd from the point of view of jurisprudence, and the maximum may be in the "border zone" of weighing different values in the application of the law.

[221] Let us emphasize the connection of this observation with the main approaches reflected in legal theory and law. Thus, for example, S.S. Alekseev noted: "Each historically specific society objectively requires a strictly defined measure of social regulation, otherwise negative consequences for the social system are inevitable – its disorganization or, conversely, its excessive regulation ("over-organization"). This measure, which expresses the volume and intensity of social regulation, depends on the requirements of the existing social system, on the stage of development of society, the level of its organization". See: Alexeev S.S. Theory of Law. – M.: BEK Publishing House, 1995. – P. 31.

information and telecommunication technologies and "new media" in general are becoming qualitative, which leads to the emergence of new social practices and values, as well as changes in the old ones. These factors predetermine the changes in social relationships and, as a consequence, increase the problem area of jurisprudence. As it was planned earlier, in addition to special and often dogmatic problems of the philosophy of law, it allows thinking about new aspects of legal ontology. In a sense, it would be appropriate to cite the position of L. Lessig, a representative of the Harvard Law School (who, in addition to well known biographical information, was not only one of the founders of the scientific discourse of Internet law or "cyberlaw" and a copyright area activist and co-founder of *Creative Commons* as an organization promoting the system of free license models, but can also be regarded as a successor to the methodological direction of the "principles of social order" laid down by L. Lessig's predecessor – L. Fuller). In a dispute with F. Easterbrook, who objected to the introduction of disciplines related to the study of legal aspects of the digital environment and built on the principle of integrating legal knowledge around new technological phenomena and practices, L. Lessig noted that the study of these problems at the present stage through the prism of technological architecture, can shed light on fundamental issues of law.[222] As it seems to us, this idea is quite consistent with the methodology, the consistent application of which allows us to postulate the problem of the semantic limits of law as a problem of legal ontology.

In conclusion, we emphasize that the main purpose of this paragraph is to determine the current *socio-cultural* context of the problem of the semantic limits of law. Undoubtedly, the digital and game turns as components of the medial turn have an economic dimension as well. Facts from the economy can also be used to confirm the relevance of these trends in the development of society. Both digitalization and game

---

[222] Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website. – [Site]. – URL: http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (accessed: 26.01.2019).

industry are linked to significant economic indicators. At the same time, the subject matter of this paper and its scientific novelty is connected, first of all, to the interdisciplinary research focused on jurisprudence, culturology and theoretical sociology, therefore, the economic aspect of the phenomena under consideration is noted as necessary and is presented in this context.[223]

Thus, the key socio-cultural factor determining the relevance and content of the problem of the semantic limits of law in the context of social-humanitarian and legal scientific discourse is the **medial turn**. The medial turn determines the shift of attention of science and socio-cultural practices towards the media as the main tool for constructing social reality. The most important components of the medial turn are the **digital turn** and the **game turn**. The digital turn is characterized by the "computerization" of culture, which poses new private legal problems and the general context of the universal problem of the semantic limits of law. The game turn is characterized by a rethinking of the meaning of games in culture, as well as the spread of game artifacts in culture. And, particularly relevant in the context of this study, the game ERKT exacerbates the problem of *simulation* in the media space, including the problem of *recognition* of such simulations, because not everything that seems to be a simulation is a simulation, at least, for legal purposes. In 2010, J. Raessens gave the following example: "...media use may initially look like harmless, disinterested fun. Think of all the creative adaptations of *StarWars* on YouTube. It can also, however, become involved in political ends. Think of the Turkish court recently blocking access to YouTube because it allegedly hosted videos that attacked Atatürk, the founder of the Republic of Turkey; the element of make believe refers to the

[223] However, we can note the following examples. Thus, according to experts, the volume of the digital economy in Russia may grow up to RUB 7-8.76 trillion by 2021, if the growth rate is about 10-15% per year. See: Expert: the Volume of Digital Economy can Reach 9 Trillion Rubles by 2012 [Electronic resource] // TASS. April 6, 2018. – [Site]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/5100974/ (accessed: 26.01.2019). As for the global videogame market, according to Newzoo, the global game market is estimated at $137.9 billion at the end of 2018. See: Semyonov A. The World Market of Games Will Earn $137.9 Billion for 2018 [Electronic resource] // App2Top.ru. – [Site]. – URL: https://app2top.ru/industry/mirovoj–ry–nok–igr–zarabotaet–137–9–mlrd–za–2018–god–120106.html (accessed: 26.01.2019).

dual nature of media".[224] In addition to their own games, new cultural practices are emerging that exacerbate the conflict between serious and unserious, fictional and real, such as actionism. There currently are no universal means of legal argumentation to resolve new conflicts, and the concept of the semantic limits of law is aimed precisely at overcoming this scientific and practical gap.

§ 5. Forming of the hypothesis of the semantic limits of law: virtual reality, absurdity and common sense

There is no doubt that the subject-matter domains of the representative normative sources and empirical material that relate to the topic of this research are not limited to those explicitly mentioned. The list is far from being exhaustive. Nevertheless, those previously mentioned areas allow forming enough material for preliminary formulation of the problem of the semantic limits of law that would be have empirical grounds. We admit that other examples are also mentioned throughout this work but not specifically detached to separate paragraphs and are dispersed through the text. The principal task that is reached by means of analysis of the examples that follow is to identify a set of characteristic traits of complexity of facts and/or argumentation that are relevant for typical instances that, in their turn, would allow to provide an intuitive yet reasoned hypothesis on the absurdity of interpretation or application of law, and in certain cases – lawmaking.

It may look that the previously mentioned examples are of different nature. However, when we speak about the problem of determining the semantic limits of law in the context of this paper, we mean quite definite scope of instances that are characterized by **a set of invariant features predetermined by the context of the medial turn**. Let us

---

[224] Raessens J. The Ludic Turn in Media Theory. P. 14. The lecture on which this material is based was delivered back in 2010.

generalize these features in order to confine the subject-matter of the research further. Hence, *in each of the situations that have been considered*:

— legal qualification of social relationships depends on circumstance that are external to the subject-matter of jurisprudence that is focused on the norms characterized by mutually determined rights and obligations.[225] For instance, resolving of the question of contradiction to norms of morality depends on norms of morality; resolving the question of whether certain information pertains to the category of information prohibited for dissemination or not, depends on whether or not the information in question meets certain criteria etc.

— the object of social relationships does not relate to *things* or *imperatively set legal constructions* (such as, for example, legal entities or obligations). In other words, it can be said that the object is not put into the context of cause and effect connection with the facts of real world that pertain to the present or the past.[226] It relates to virtual, imaginary or spiritual world (e.g. problems of virtual property relate to virtual world in narrow sense of this word, while using of toy weapons in the course of robbery – to imaginary world in broad sense; at the same time, resolving of the question on contradiction to morality is connected to spiritual world).

— there is no direct legitimate normative way to resolve the issue of possibility **to interpret and/or apply law** in respect of the issue in consideration at the present normative level or at the level of higher (in Kelsenian sense[227]) norm. For the purposes of

---

[225] An example of a case when the legal qualification of social relations depends on legal concepts can be a matter of law in corporate law (the structure of a legal entity and related legal structures constitute a rather clear and in its own way virtual world of legal logic) or in intellectual property law (the result of intellectual activity is, first of all, an artificially created legal object with the same features as the concepts of corporate law).

[226] We emphasize that this feature does not conflict with the group of examples that refers to "information that is no longer relevant due to subsequent events". This is the case with this example, and it is necessary to establish whether the information is relevant (and then it is in a causal relationship with the facts of the real world) or not (in such a case, there is no causal relationship with the facts of the real world).

[227] For example..: "At the same time, the basic norm as the last ground for the validity of these [legal] norms is not established by an act of will at all, but is presupposed in legal thinking". See: Kelsen G. Pure Theory of Law (in Russian). 2nd

this research, we, as a rule, do not consider situations where a norm that directly excludes possibility to apply certain legal qualification exists. If we imagine for a second that such hypothetical norms exist, however, good examples probably could be: "*Anyone is entitled to say what he/she wants, without limitation. This rule cannot be limited by anything, including any private or public interest"*, or an opposite one: "*Anyone is prohibited from making expressions on this topic, even if such an expression is humorous, relates to non-relevant events or to artistic imagination*". However, we do consider in present work those cases where the higher norm does not allow legitimating the lower one, or there are doubts in this.[228]

— the invariant nature of the next feature is probably rather subjective, but let us keep it at this stage of the research. In those cases that potentially constitute a subject-matter of the semantic limits of law discourse, it is in principle possible to raise a question on the "absurdity" of the conclusion on applicability of law to certain social relationships. This concerns that kind of absurdity which is related to the semantic links of certain concept-words and not rules in general (it would be absurd to extrapolate criminal prohibition of murder to a "murder" of a videogame character, "because it is obvious that this article of the Criminal Code speaks about different things at all").

Why this set of features is determined by the context of medial turn? The case is that the situations we consider became possible and common specifically in the context of medial turn and the context of the whole Chapter 1 of the research can be considered as an argument to that thesis. In the most general sense one can suggest a hypothesis that the key

---

edition / Transl. from German by M.V. Antonov and S.V. Lyozov. – St. Petersburg: OOO Publishing House "Alef-Press", 2015. – P. 36.

[228] As in the case of Article 20.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation, which explicitly prohibits, among other things, the public display of Nazi symbols in famous historical photographs showing the banners lowered by soldiers of Nazi Germany on Red Square in Moscow after their surrender. The text of Part 1 Article 20.3 of the Code of Administrative Infringements explicitly prohibits public display of such photographs, but the question arises, nevertheless, as to the appropriateness of such a ban for historical or scientific purposes. Perhaps it is expedient, but this does not exclude the need for a rational explanation of why such a ban is needed, and even more so does not exclude the possibility of raising the issue theoretically.

factor here is **virtual reality** which may be interpreted in the context of this work in a broad way. The cases of absurd interpretation and application of law in the context of the medial turn happen in connection with the phenomenon of virtuality, and that is why we see now a **special and new case of absurdity in law** that needs to be studied. One of the methodological premises of this research is that *by far not in all cases the reasons for considering something in law as absurd are connected to the contradiction to morality*. At the same time, as the subsequent analysis will show, its analysis would be helpful for the legal problems in question as well.

In this understanding, virtual reality or, simply, "virtuality", intersects with the interpretation that was given by E. Castronova to the phenomenon of game, when he reconsidered the works of J. Huizinga and R. Caillois in the context of the medial turn and emphasized that in the game (and we can make a broader rephrasing by saying "virtual") conditions we act "as if"[229] something has significance and [moral] consequences. Furthermore, is also especially important to mention that we are interested in such kind of virtual reality that is **intersubjective and communicative**, either by nature (like virtual worlds), or under certain viewpoint (such as, for example, in case of artistic works where we, in the context of present research, are interested from the angle of "dialogue" of the author with perceiving audience).

In essence, what we understand by virtuality of relationships for the purposes of this research are the "ruins of magic circle" that remain after reconsideration of the previous hypothesis on strict separation of game or unserious spaces. It is mostly apparent in the works of M. Consalvo and R. Stenros that would be discussed later (see § 5 Chapter 2 of this research). This presents the core of the problem: while, from a naïve ludological point of view there is strict borderline between serious and unserious, in the conditions of the modern medial turn – and scholarly understanding in this case is also a reflection of

[229] Here we can see the connection with philosophical fictionalism.

processes of social reality – there is no such clear borderline. What is called by "game" in game studies research, as the textual analysis shows, it much broader – the case concerns a broad range of practices that actually constitute the subject matter of the present research. Considering that the main methodological instruments of this work can be found in theoretical sociology, at this stage we can stop on mentioning an approach by P. Berger and T. Luckmann, on which R. Stenros focuses while assessing the theories of "magic circle".

In "*The Social Construction of Reality*" (1966) the sociologists mentioned that

> «…Compared to the reality of everyday life, other realities appear as finite provinces of meaning, enclaves within the paramount reality marked by circumscribed meanings and modes of experience. The paramount reality envelops them on all sides, as it were, and consciousness always returns to the paramount reality as from an excursion. This is evident from the illustrations already given, as in the reality of dreams or that of theoretical thought. Similar 'commutations' take place between the world of everyday life and the world of play, both the playing of children and, even more sharply, of adults. The theatre provides an excellent illustration of such playing on the part of adults. The transition between realities is marked by the rising and falling of the curtain. As the curtain rises, the spectator is 'transported to another world', with its own meanings and an order that may or may not have much to do with the order of everyday life. As the curtain falls, the spectator 'returns to reality', that is, to the paramount reality of everyday life by comparison with which the reality presented on the stage now appears tenuous and ephemeral, however vivid the presentation may have been a few moments previously. Aesthetic and religious experience is rich in producing transitions of this kind, inasmuch as art and religion are endemic producers of finite provinces of meaning».[230]

If we follow the philosophy of common sense (see § 3 Chapter 2 of this research), there should be no special need in evidence to the idea that *law, in the terminology of social constructionism, acts in reality of the day-to-day life.*

---

[230] Berger P., Luckmann T. Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge (in Russian). – M.: «Medium», 1995 – 323 p. [Electronic edition] // «Library of Skepticism». – [Site]. – URL: http://skepdic.ru/wp–content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf (accessed: 21.02.2019). – P. 15.

Therefore, the main question of this research that we conceptualize in the term the "semantic limits of law" is the question of in which cases law (irrespective of kind of legal understanding – the discrepancies between them are not important for us *for the time being*,[231] because each of the types of legal understanding in any case sooner or later is oriented towards application of law in reality of the day-to-day life) may be applied in the other reality, that is different from the reality of the day-to-day life that we instrumentally call "virtual reality". The alternative realities that P. Berger and T. Luckmann speak of, are defined by "finite domain of meanings", and that is why we are in position to designate the limits of law researched in this work as the "semantic" ones.

The key quality of the objects of media- and virtual reality interpreted in the context of present work is **simulation** (that can also be identified as *imitation* or *mimesis*[232]) as it is, and not just its technological basis. As the researchers note, "...postmodern is an epoch in the development of humankind, which is characterized by a non-linear development, a qualitative increase in the uncertainty of many social realities, which is associated with randomness, multiple variants and alternative development, as well as the emergence of vir*tual realities, in which simulacra and simulations dominate* (emphasis added – ***V.A.***)".[233] For this study, we will focus on the instrumental understanding of these phenomena in the discourse generated by J. Baudrillard: "Simulacrum in the postmodernist sense is a sign that does not have a referent, a sign that is detached from it, and therefore has lost touch with the reality that it should have denoted".[234] That is why, for instance,

---

[231] At the end of the discussion reflected in the present study, however, we will come to quite definite conclusions about the type of legal understanding within which the methodology proposed to address the problem of semantic limits of law in a medial turn is developed.

[232] On the one hand, imitation, especially in Aristotle's "Poetics" terminology, has accompanied human culture from the earliest times, but on the other hand, only in the conditions of the modern medial turn, imitation does not become a discrete reflection of any text in the individual consciousness, but forms a **persistent** virtual environment of referents.

[233] Kravchenko S.A. Sociological postmodernism: theoretical sources, concepts, vocabulary of terms. – Moscow: Moscow State Institute of International Relations (Unt.) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2010. – P. 12. Cited by: Bronzino L.Yu. Postmodernism: Essential Ideas and Their Representatives // Proceeds of MGIMO. – 2010. – No. 3. – P. 98.

[234] Bronzino L.Yu. Postmodernism: Essential Ideas and Their Representatives // Proceeds of MGIMO. – 2010. – No. 3. – P. 104.

electronic cigarettes without nicotine or alcohol-free beer[235] in the terminology of this research form the same phenomena of virtual reality in the context of medial turn as "virtual property" in multiplayer [role-playing] games (both these examples are not arbitrary – they form part of quite acute problems of practical jurisprudence). However, although this study uses the concepts of "simulations" and "simulacra" in the general sense in which they were used by J. Baudrillard in "*Simulacra et simulation*" (1981),[236] this is where the fundamental intersection of the methodology of this study and the approach of this postmodern classic ends. The paper does not defend the thesis that we live in a society that is almost entirely made up of simulacra, otherwise it would mean deconstruction of the law itself, which would deprive the law as a whole of meaning. On the contrary, it is proposed that, metaphorically speaking, the "anchors of reality" shall be sought, the ones that establish the points of reference in law to define the "genuine" rather than the illusory, which can be *formally* seen in the view of social reality mediated by law as a relatively closed universe of meanings (see § 4 of Chapter 3 of this study), and *substantively* in the theoretical sociology and concept of generalized symbolic media (see § 6 of Chapter 2 and § 2 of Chapter 3 of this study). Philosophers point out that, in the context of the anthropological and digital revolution, "we are already struggling to distinguish between where the product of our virtual activities is and where the real objects are",[237] and "we have redundancy in representation, we have to understand which representations are illusory and which relate to reality".[238]

---

[235] An inquisitive reader can continue the analogy, but we will refrain from doing so for ethical reasons.

[236] See e.g.: Baudrillard J. Simulacra et simulation (in Russian) / Transl. from French by A. Kachalov. – Moscow: POSTUM Publishing House, 2015. – 240 p.

[237] "The Realistic Turn in Modern Epistemology, Consciousness Philosophy and Science Philosophy? Materials of the Round Table / V.A. Lektorsky, B.I. Pruzhinin, D.I. Dubrovsky, D.V. Ivanov, G.D. Levin, A.S. Karpenko, E.A. Mamchur, S.V. Pirozhkova, A.V. Rodin, N.M. Smirnova, E.O. Trufanova, E.L. Chertkova // Problems of Philosophy. – 2017. – No. 1. – P. 16.

[238] Ibid. P. 20.

In view of the aforesaid approach, in this research we intentionally avoid using the pervasive use of the term "virtual space" and especially "cyberspace"[239] and analogical terms that imply combination of space metaphors with technological landscape. The reason is analogous to the reasons why now sociologists and researches of culture reject the classical concept of "magic circle" – there is no separate special and technologically defined space for the interaction between people, and not between the characters of an online game. What changes is the assessment of the objects of relationships. More on that – in the Chapter 2 of this research. Such an approach does not exclude using of these terms as the instrumental ones for the purposes of forming the models of regulation that have limited applicability, but excludes concepts of information space as of something that has serious ontology (this is also exactly what follows from the definition by D.V. Gribanov given in the footnote above). However, we have to emphasize that the researchers of informational space and the author of this work imply different subject matters. In this work, we do not study peculiarities of implementation of state sovereignty in the informational space, but peculiarities of interpretation of law in those cases where social relationships for some reason, and in broad sense, are connected to a game or a simulation that form an integral part of modern culture, but not always presuppose seriousness.

Nevertheless, we believe it is possible to use a broader category of *media space*. It can be said, that by the XXIst century, humanity has moved from "ordinary" reality and "ordinary" space to media reality and media space, respectively. In this perspective, these phenomena have already become the subject of study in predominantly non-legal studies, for example, in political science. According to S.V. Volodenkov, "political reality is

---

[239] This term is popular in studies of information law issues. Thus, A.A. Efremov, for example, refers to the definition of D.V. Gribanov, who "*defines cyberspace as a set of public relations arising in the process of using an electronic computer network, formed with regard to information (information resources) processed by means of computers and information services provided with their own help* (emphasis retained – ***V.A.***), a set of relations, in which it is possible to participate only by means of computer and computer network communication facilities". See: Efremov A.A. Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 1.P. 204. In this case, A.A. Efremov quotes the following article of the cited author: Gribanov, D.V. On the Issue of Legal Theory of Cyber Environment // State and Law. 2010. No. 4. P. 60.

transformed by means of mass communication into political media reality, which in most cases significantly distorts the perception of real political processes, events, and phenomena in the public consciousness",[240] emphasizing that "Michel Foucault wrote that modern man exists within the framework of the world created by information and not the world of which he has any information".[241] At the same time, the position of some political scientists may seem rather pessimistic (if, in particular, to separate the nihilistic pathos of J. Baudrillard): "The specificity of political reality today is determined by the tendency to use elements of the show in politics; the theoretical basis of this concept can be called the "society of performance" of Guy Debord. In turn, Derrida distinguishes between traditional and free theatre. In today's political reality, shows and videos are broadcast on television and on the Internet to discuss the current political agenda. In the political reality, show-politics is supported by actionism and memes on political topics. As a result, our entire reality becomes a theatre, where people are actors who do not hear the response of the audience. Shows are a substitute for reality; people look at the world through TV screens and computer monitors. The Internet is beginning to repeat the logic of television in many ways".[242] In this context, L.B. Zubanova notes that |in its empirically fixed meaning, the media space is understood to mean the whole field of possibilities of using information flows (significant for the majority of people newspapers, radio stations, television channels)... We deal with a special organization of the space connected with symbolic forms – a wide set of texts and images, which are created and recognized by the subjects as semantic constructions forming a cultural order through models of explaining reality".[243]

---

[240] Volodenkov S.V. Mediatization and Virtualization of the Modern Public Policy Space // Communicology. 2016. No. 4. – P. 126.

[241] Ibid.

[242] Kaftan V.V., Ryazanova L.V. Concepts of the Virtual and Simulated Reality in the Conditions of the Digital Transformation // Power. 2019. No. 3. – P. 53–54.

[243] Zubanova L.B. Modern Media Space: Approaches to Research and Principles of Interpretation // Proceeds of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2008. No. 2 (14). – P. 6.

In this context, however, it is crucial to clarify the theoretical and practical possibilities of opposing law to simulated media reality. Relying both on the position of analytical jurisprudence and on the general position of common sense, let us assume that **objective law is by definition impossible as a simulacrum**. If there are external features of law in a society, but it is a simulacrum, then there is no law in such a society. The existence of universally recognized and obligatory rules of conduct (one of the main features of law), even if they are implicit or differ from those formally declared, is an empirical social fact of an intersubjective social reality. A separate legal text or other legal phenomenon is possible as a simulacrum, but law as a whole is not. Thus, law is not a simulacrum, and simulacra cannot be included in the legal reality, except in the case when a simulacrum *itself* is as a *socially significant* object of a relationship. In view of this fact, it is necessary to determine the criterion by which such significance can be established, and, as a consequence, to separate the illusion from reality in the media space for the purposes of jurisprudence.

CHAPTER 2. The quest for the methodology of resolving the problem of and reconstructing the semantic limits of law

§ 1. Attempts of reconstructing the limits of law based on the approaches of moral philosophy

The "borderline situations" of interpretation of law, in which absurdity and common sense collide, are often viewed in the history of legal thought *in the context of a discussion about the relationship between law and morality, as well as the teleological method of interpretation*. As a rule, the result of interpretation is considered absurd in case it contradicts the well-established moral norms – substantially or due to violation of proportionality. In order to explain why it is necessary to avoid such an interpretation, – and it may correspond to a literal interpretation in terms of scope – those who interpret resort to the concept of a teleological interpretation. This way of reasoning is typical both for well-known directions of reasoning about *the limits of law* and for discussions on the relationship between law and morality, such as the dispute of L. Fuller and H. Hart. However, the content of each aspect of the reasoning can be considered in the context of the problems of semantics of regulatory prescriptions, and ultimately the question can be asked whether the contradiction of morality in the broad sense of the word is a necessary and sufficient criterion for determining the absurdity of the results of legal interpretation of a legal text.

Attempts to *directly*[244] conceptualize the general concepts of the limits of law as such, in a sense that is close to the formulation of the problem in this study, are known primarily to foreign theory of law. Let us dwell on several well-known approaches. Thus,

---

[244] As indirect attempts to conceptualize the limits of law, one can consider the content of legal thought as a whole from ancient times to the present day, since an attempt to answer the question of what is law can also be viewed as a definition of the semantic limits of law. However, if this can be considered common with the present research object, its specific subject is different, and is revealed at the point of determining the general boundaries of the semantic field of legal texts.

J. Stanton-Ife, the author of the article "*The Limits of Law*", one of the few works directly devoted to the search, at least partially consistent with the present study, in the Stanford Encyclopedia of Philosophy, notes that

> «[i]t is clear that law has limits. It has practical or 'means-end' limits; what lawmakers try to do may misfire in many ways. More interestingly, though, does law have *principled* limits? The best known positive answer to this question is that given by John Stuart Mill... Finding principled limits to the law, it will be suggested, is an elusive task».[245]

The quotation from Lord Devlin mentioned as an epigraph emphasizes the "moral" orientation of the consideration of the problem:

> «I think, therefore, that it is not possible to set theoretical limits to the power of the State to legislate against immorality. It is not possible to settle in advance exceptions to the general rule or to define inflexibly areas of morality into which the law is in no circumstances to be allowed to enter».[246]

How does J. Stanton-Ife further develop his thought?

The limits of law can apparently be defined by efficiency. The legislator can take tough measures against, for example, street crime or alcohol consumption, but such measures, depending on how they are implemented, on the contrary, can lead to increased violence in society or to the emergence of an underground alcohol trade. But this is a kind of practical and instrumental limits of law that can be established in each particular case through a thorough analysis of the circumstances. «There are limits to what the law can achieve because some of its tools are blunt».[247] With reference to L. Fuller, the author notes that law can enforce, it can create rules, it can resolve disputes, but these tools limit

---

[245] Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/ (accessed: 17.10.2018).

[246] See e.g.: Devlin P. The Enforcement of Morals. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p. Hereinafter, citations to sources cited by J. Stanton-Ife are given according to the data of the main publication, but after additional verification, and, if necessary, are specified by source in light of the approach developed in this study.

[247] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел "1. Means-Ends Limits".

all that it can achieve. However, although it is possible to argue about specific cases and assessments, the discussion itself about such limits of law does not cause controversy, and such a direction of thought can be considered as common. Another matter is the question of whether the limits of law can be determined by some principles. In this case, the author mainly addresses the philosophy of morals.[248]

While selecting concepts that can be the basis for setting the fundamental limits of law, the author focuses on several key thinkers from the field of moral philosophy and legal philosophy and their concepts.

First, it is **John Stuart Mill**,[249] the classic of the British philosophy of morality, and his "principle of harm". As the British author wrote,

> «[t]he sole end for which mankind are warranted, individually or collectively, in interfering with the liberty of action of any of their number is self-protection. That the only purpose for which power can rightfully be exercised over any member of a civilised community against his will is to prevent harm to others. His own good, whether physical or moral,[250] is not a sufficient warrant».[251]

---

[248] Ibid.

[249] John Stuart Mill (1806 - 1873) - British philosopher, economist and political leader, influential utilitarianist who developed the ideas of Jeremy Bentham. See e.g.: Macleod C. John Stuart Mill [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (August 25, 2016). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/mill/ (accessed: 23.01.2018).

[250] Here we note that in the Russian version of the text the word "moral" we traditionally translate as its literal equivalent "moral" that usually has a narrower meaning, but we mean an extremely broad context and connotations characteristic of the English language. In English, "non-property" is also "moral" (as "non-property rights" in civil law are "moral rights").

[251] J. Stanton-Ife quotes J. Mill from the following edition (original footnote): Mill, John Stuart (1993), *Utilitarianism, On Liberty and Considerations on Representative Government*, London: Dent. At the same time, we reproduced the quote from the following edition: Mill J.S. Utilitarianism, Liberty and Representative Government, London: Dent. 1920. PP. 72–73. Note how close the development of thought in J. St. Mill is to the examples of absurd situations given by L. Fuller. Here is what J. Mill writes on the same pages: «He [a representative of civilized society] cannot rightfully be compelled to do or forbear because it will be better for him to do so, because it will make him happier, because, in the opinions of others, to do so would be wise, or even right. These are good reasons for remonstrating with him, or reasoning with him, or persuading him, or entreating him, but not for compelling him, or visiting him with any evil in case he do otherwise. To justify that, the conduct from which it is desired to deter him must be calculated to produce evil to someone else». However, the in-depth consideration of utilitarian issues is a topic that would correspond to the consideration of the moral limits of law, rather than the semantic limits, to which this paper is dedicated. Here we will focus on a brief mention in order to distinguish the subject of the study from the limits of law of different nature.

J. Stanton-Ife focuses on the fact that, according to J. Mill, it is about harming others, and only this, and this is the only dominant principle. Causing harm to oneself, harming another by agreement, encroachment on the interests of another (i.e. "*offence*") or something not regulated by morality (i.e. "*bare immorality*") cannot serve as a basis for the intervention of a civilized community in the activities of any of its members.

> «The State may legitimately stop A from beating up B, even though this limits his freedom of action, because this prevents harm to B, it protects his interest in security. And it may stop A from stealing from B, as it protects inter alia B's freedom to dispose of his property as he wishes. But the State oversteps *its proper limits* (emphasized by me – ***V.A.***), on this view if it purports to stop A smashing up his own property; or to protect C from the offence she will take knowing that A is doing this».[252]

Broadly speaking, and given the focus of the present study, it can be concluded that there are limits to the law under J. Mill, and these are defined by the "principle of harm [to other]", since it is in the light of this principle that it is necessary, for example, to establish the meaning of the statute in a disputed case.

Second, it is **Joel Feinberg**,[253] an influential representative of American jurisprudence in the second half of the XXth century, who developed J. Mill's utilitarian ideas about the principle of harm mainly in the field of criminal law. While J. Mill said that the principle of harm is the only goal that can justify state coercion, Feinberg interprets it not as a single goal, but as a "sufficient basis" for state coercion. As J. Stanton-Ife notes,

> «[h]is claim that harm to others merely furnishes 'a good reason' allows him to invoke another 'good reason' for state coercion—'the offence principle.'».[254]

---

[252] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Section "2. Candidates for Principled Limits to the Law".

[253] Joel Feinberg (1926-2004), Philosophy of Law and Ethics researcher, Professor at the University of Arizona (last academic position). See e.g.: Feinberg, Joel [Electronic resource] // Encyclopedia.com. – [Site]. – URL: https://www.encyclopedia.com/humanities/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/feinberg-joel-1926-2004 (accessed 23.01.2019).

[254] Ibid.

A characteristic quote from J. Feinberg:

> «It is always a good reason in support of a proposed criminal prohibition that it is probably necessary to prevent serious offense to persons other than the actor and would probably be an effective means to that end if enacted».[255]

At the same time, J. Feinberg opposes "hard legal paternalism", which implies the possibility of any prohibition in the interests of the subject, but against their will, although it allows "soft legal paternalism", when the prohibition is introduced in the interests of the subject and does not contradict the personal autonomy of the subject.[256] Before we move on to the next thinkers among those mentioned above, let us pay attention to the fact that the question of the moral limits of law, as it was raised by J. Feinberg in relation to criminal law, is very close to the subject of this study, where an attempt is made to justify the semantic limits of law, which cannot be considered as a moral necessity and sufficiency. This differs from the viewpoint presented in J. Mill's writings, since the latter was still more concerned with moral philosophy.

Third, the author considers the argument by **Lord Devlin**.[257] P. Devlin is known in legal theory for his controversy with Hart over the 1957 *Report of the Committee on Homosexual Offences and Prostitution*, known as the *Wolfenden Report*.[258] In P. Devlin's view, the law can and should in some cases interfere with relations that are substantially

---

[255] J. Stanton-Ife quotes the following work by J. Feinberg: Feinberg J. Harm to Others. – New York: Oxford University Press. – 1984. – P. 27. In the context of this study, it is also curious that J. Feinberg has authored remarkable thought-provoking experiments on the topic of "bus rides", which have already been touched upon. Among other things, the author invites the reader to imagine that he is in a hurry to an important meeting, cannot be distracted, but at the same time forced to become an observer of the actions expressing a serious offence, although not causing harm in the Mill's sense – gnashing fingernails on the glass, eating disgustingly inedible things, public sexual intimacy, insulting the state flag, etc. As J. Feinberg believes, it is obvious from such examples that harm to others in the strict sense of the word is not a mandatory condition for to criminalizing certain behavior.

[256] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Section "2. Candidates for Principled Limits to the Law".

[257] Patrick Arthur Devlin, Baron Devlin (1905-1922), British High Court of Justice Judge and law philosopher, who actively participated in the polemics of Western law scholars of the mid-XXth century. See e.g.: Morton J. Obituary: Lord Devlin [Electronic resource] // Independent. 11 August 1992. – [Site]. – URL: https://www.independent.co.uk/news/people/obituary-lord-devlin-1539619.html (accessed: 23.01.2019).

[258] Report of Committee on Homosexual Offences and Prostitution (Cmnd 247). 1957 [Electronic resource] // The National Archives. – [Site]. – URL: http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C1386377 (23.01.2019).

contrary to public morals. In general, sharing the principle of harm of J. Mill, P. Devlin extended the right to "self-defense" to society and the state. As J. Stanton-Ife notes, «In Devlin's view a society is in part constituted by its morality and it therefore has a right to defend itself against any attack on that morality»,[259] referring to the following P. Devlin's quote:

> «For society is not something that is kept together physically; it is held by the invisible bonds of common thought. If the bonds were too far relaxed the members would drift apart. A common morality is part of the bondage. The bondage is part of the price of society; and mankind, which needs society, must pay its price».[260]

The Wolfenden Report contained the idea that there is an area of morality and immorality that does not fall within the scope of legal regulation, but that the position of P. Devlin, as pointed out by J. Stanton-Ife, is that such a view is not just inaccurate or approximate, but completely wrong.[261] At the same time, however, P. Devlin does not argue that public morality is universal – he says that in each particular society it is possible to establish such bonds at the moment. P. Devlin's position was so noticeable that well-known legal theorists did not overlook his views. In addition to the above mentioned H. Hart, R. Dworkin devoted a separate article to the views of this High Court of Justice judge. Here is how the latter generalizes P. Devlin's position: (1) in modern society there are moral standards *without which society will not exist*, while society has the right to exist; (2) if society has such a right, it can create institutions of criminal law for its implementation; (3) at the same time, law should pay attention not to all cases of immorality, but to those with which public opinion is "high, enduring and relentless" so

---

[259] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Section "3. Legal Moralism".
[260] Ibid.
[261] Ibid.

that it reflects "intolerance, indignation and disgust".[262] J. Stanton-Ife calls P. Devlin's approach "legal moralism".[263]

Fourth, the subject of the analysis is **Joseph Raz's** views,[264] who rethought the principle of harm by J. Mill and actually moved it from the field of substantive morality to the field of procedural morality (thus getting closer to L. Fuller). In J. Raz's view, although there are no fundamental limits to the pursuit of moral goals by the state, there are nevertheless limits to the means that can be legitimately used to improve people's well-being and realize moral ideals.[265] At the heart of J. Raz's moral philosophy is personal autonomy. As a general rule, coercion is not acceptable because,

> «[f]irst it violates the condition of independence and expresses a relation of domination and an attitude of disrespect for the coerced individual. Second, coercion by criminal penalties is a global and indiscriminate invasion of autonomy».[266]

Coercion can be used in some cases where socially desirable behavior or restriction cannot be achieved through other means. For a discussion of the limits of the law from the perspective of moral philosophy, the conclusion to be drawn from the writings of J. Raz and his followers is that coercion in general, and restrictions on freedom in particular, must be treated with great caution.[267] J. Raz's reasoning is undoubtedly profound, interesting and makes a significant contribution to the development of moral philosophy, but it is

---

[262] See: Dworkin R. Lord Devlin and the Enforcement of Morals // The Yale Law Journal. – 1965-1966. – Vol. 75. P. 989. In this case, we note that the discussion about the moral limits of law becomes somewhat unstructured, a characteristic feature of which is the use of fiction instead of rational argumentation. Without denying the possibility of any society's assessment of the phenomenon considered by Devlin in this way at a certain point in time by a certain society, we note that "legal moralism" does not allow to formulate strict, scalable and formalized limits of law.

[263] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Section "3. Legal Moralism".

[264] Joseph Raz (born 1939) was a student of H. Hart, and is a professor at Columbia University in the United States and King's College in London, and one of the most consistent advocates of positivist legal understanding in the modern world. See: Joseph Raz [Electronic resource] // Columbia University. – [Site]. – URL: https://www.law.columbia.edu/faculty/joseph-raz (accessed: 26.01.2019).

[265] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Раздел "4. A Perfectionist Harm Principle".

[266] Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Oxford University Press. – 1986. – P. 418.

[267] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Section "4. A Perfectionist Harm Principle".

noticeable that it also has little capacity to provide an answer, or at least a direction, for determining the semantic limits of law in the framework of this study.

Ultimately, J. Stanton-Ife proposes to address another group of views from the field of moral philosophy, which focuses on the principle of **neutrality of justification**. As J. Rawls also noted, disagreement in society about moral principles is unlikely to disappear in the medium to long term, so the rationale for laws should not include a reference to judgments about the merits or demerits of certain ways of life.[268] In general, the author concludes that, in real life, it is extremely difficult to approach more or less universally acceptable notions of the fundamental limits of law, unless these are instrumental limits.[269]

What is the point of considering the debate on the moral limits of law in the context of this paper? The fact is that until now they have been considered as the main ones for legal semantics as well. For example, at the previous stages of the development of legal systems, the question of the possibility or impossibility, for example, of publishing and distributing certain artistic works (without deviating far from the main examples, we can focus on Nabokov's "Lolita") could well be solved on the basis of concepts of the relationship between moral philosophy and law, whatever they may be. In this way, an approach would be used that would actually reveal the *moral limits of law*. Now the problem is that many practices and cases similar to previous ones, and seemingly allowing the use of moral concepts to clarify the possibility of law enforcement, in fact, have a very different focus and do not allow us to rely on a moral and philosophical discourse alone. Another main example of research is the blocking of a site with a "recipe for making dynamite" in Minecraft, which clearly demonstrates this.

In practice, there is a tendency, in most cases, that the question of the extent of the law and the question of the criteria of absurdity in the interpretation or application of the

---

[268] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Section "5. Neutrality and Epistemic Restraint".
[269] Stanton-Ife J. The Limits of Law. Section "Conclusion".

law are directly or indirectly related to the question of the relationship between law and morality. The term “morals” is used in a broad sense and includes what is referred to as “public morality” when referring to the relevant tradition of word usage. The examples below refer to the part of the discussion that aims to reconstruct the criteria of absurdity in the context of the problem of the limits of law, since it is the interpretation and enforcement acts that are contrary to morality that are most often cited as absurd.

Perhaps one of the most obvious and relevant examples in the general context of the work will be the norms of the current positive civil law of the Russian Federation, which fully reflect the general approach inherent in the Romano-Germanic legal system. Thus, in the first part of the Civil Code of the Russian Federation (as amended on 01.09.2018) (hereinafter, “RF CC”) the word “morality” is used in four cases. First of all, in Paragraph 2 Item 2 Article 1, according to which civil rights may be restricted on the basis of federal law and only to the extent necessary for the purpose of protection, including the protection of morals (similarly to Part 3 Article 55 of the Constitution of the Russian Federation). According to Item 4 Article 167 of the RF CC, the court has the right not to apply the consequences of the invalidity of the transaction, if their application would contradict the principles of law and order or morality. Article 169 of the RF CC directly establishes the conclusion of a transaction for the purpose contrary to the principles of law and order or morality as a basis for recognizing such a transaction as invalid. Similarly, in accordance with Item 4 Article 181.5 of the RF CC, unless otherwise provided by law, the decision of the meeting will be null and void, if it is contrary to the principles of law and order or morality.

Positions of the leading civil law scholars are quite typical of the interpretation of the concept of “moral basis” as provided by Article 169 of the RF CC (and, actually, in other cases, where this or a similar concept is used in the text of the Code). Thus, the 2018 commentary under the editorship of A.G. Karapetov (and co-authored by him) notes that

> «[t]he fundamentals of... morality should be understood as the fundamental ethical values shared by the majority of the population of the country... it is necessary to exceed a **certain intuitively determined critical level of ethical unbearability** (emphasis added – ***V.A.***) of the transaction. For example, the fact that a transaction may seem quite fair does not in itself make it null and void under Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation; it requires a **blatant, "shocking to conscience" contradiction of the transaction to the most basic notions of morality** (emphasis added – ***V.A.***)».[270]

One cannot but note (positively) the aesthetic and substantive similarity of this commentary to the content of the "Radbruch Formula", which, in general, refers to such situations. The authors of the commentary emphasize the complexity of the application of evaluation concepts, especially in the context of possible individual ethical ideas of a judge or the multinationalism and multiculturalism of the Russian Federation. However, in its Ruling No. 226-O of June 8, 2004,[271] which is also referred to by the authors of the commentary, the Constitutional Court of the Russian Federation notes that

> «…the concepts of "public legal order" and "morality", as well as all evaluation concepts, are filled with content depending on how they are interpreted by civil society actors and law enforcement practices, but they are not so vague that they do not provide a uniform understanding and application of the relevant legal provisions. Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation states that the qualifying feature of an antisocial transaction is its purpose, i.e. achievement of such a result, which does not simply meet the law or the norms of morality, but contradicts – obviously and apparently for the participants of civil turnover – the basics of law and order and morality. Anti-sociality of the transaction, which gives the court the right to apply this provision of the Civil Code of the Russian Federation, is revealed in the course of legal proceedings taking into account all the actual circumstances, the nature of violations committed by the parties and their consequences».[272]

---

[270] Karapetov A.G. Commentary to Articles 168–169 of the Civil Code of the Russian Federation // Transactions, Representation, Limitation of Claims: Article–by–Article Commentary on Articles 153 – 208 of the Civil Code of the Russian Federation / V.V. Baibak, R.S. Bevzenko, S.L. Budylin et al.; edited by A.G. Karapetov. M.: M–Logos, 2018 [Electronic edition]. 1264 p. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2018). – P. 260.

[271] See: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.06.2004 No. 226–O «On refusal to accept for consideration the complaint of the open joint–stock company «Ufa Oil Refinery» on violation of constitutional rights and freedoms by Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation and Paragraph 3 Item 11 Article 7 of the Law of the Russian Federation «On Tax Bodies of the Russian Federation» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

[272] Transactions, Representation, Limitation of Claims: Article–by–Article Commentary on Articles 153 – 208 of the Civil Code of the Russian Federation. P. 260.

The authors of the commentary under the editorship of A.G. Karapetov offer three possible dogmatic interpretations of the concept of such kind of a transaction (deal) that is contrary to the fundamentals of law and order and morality. The *first* is that a transaction can be considered as contrary to the principles of law and order and morality if it contradicts the imperative norms of law, which themselves are aimed at protecting the foundations of law and order and morality. In this case, it is a "qualified case of an illegal transaction". The authors believe that this approach is "as restrictive as possible, highly questionable and does not correspond to the continental European tradition".[273] *Second*, the hypotheses of Article 168 and Article 169 of the RF CC are not mixed, and Article 169 of the RF CC applies only to those transactions "which are not expressly prohibited by law, but infringe on the fundamental principles of morality and the foundations of law and order".[274] The point of this approach is to "exclude the situation when the law fails to prohibit everything that should be expressly prohibited and does not formally prohibit transactions that infringe on the foundations of law and order and morality, but that cannot be tolerated by law".[275] As the authors point out, this approach is characteristic of the foreign legal order, referring to "good manners" or "public order". *Third*: Article 169 of the RF CC can be applied to both cases.

It is stressed that the Russian law enforcement practice up to now has been based on the first approach, however, that such an approach should be revised and the third approach should be adopted, otherwise it makes no sense to eliminate the legal consequences in the form of recovery of the amounts received to the income of the state (without an explicit

---

[273] Transactions, Representation, Limitation of Claims: Article–by–Article Commentary on Articles 153 – 208 of the Civil Code of the Russian Federation. P. 273.

[274] Ibid.

[275] Ibid. P. 274.

reference to it in a special rule).[276] The authors, however, give the example of the position reflected in Item 85 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015, according to which

> «…transactions that violate the fundamental principles of Russian law and order, the principles of social, political and economic organization of society and its moral principles may be qualified as transactions made for this purpose. These transactions may include, in particular, transactions aimed at the production and disposal of objects limited in the civil turnover (relevant types of weapons, ammunition, drugs, other products with properties dangerous to the life and health of citizens, etc.); transactions aimed at the production and dissemination of literature and other products that promote war or ethnic, racial or religious enmity; transactions aimed at the production or sale of forged documents and securities; and transactions that violate the foundations of relations between parents and children».[277]

The authors of the commentary conclude that this seems to mean a departure from the first and a transition to the third interpretation of "antisocial transactions".[278]

Unfortunately, at the time of writing there were no clear examples of court decisions related to Article 169 of the RF CC, in which, according to the authors of the comment under consideration, "an intuitively determined critical level of ethical unbearableness of the transaction" and in which "a blatant, 'shocking to conscience' contradiction of the transaction to the most basic notions of morality" would be clearly traced. The court decisions available in the reference legal systems at the moment are focused on situations in which the contradiction to the fundamentals of law and order and morality (at the same

---

[276] The authors mention the following court act: On some issues of dispute resolution practice related to the application of Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 10.04.2008 No. 22. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

[277] See: On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

[278] Transactions, Representation, Limitation of Claims: Article–by–Article Commentary on Articles 153 – 208 of the Civil Code of the Russian Federation. P. 276.

time) is traced, but which are not that shocking to conscience.[279] A number of convincing examples, however, are given by the authors of the commentary themselves. For example:

> «[A] transaction in which a reputable film critic, who is expected to be objectively assessed by the public, undertakes, for a fee from the distribution company, to praise a film produced by that distributor and criticize films produced by competitors, or a transaction in which a well-known blogger undertakes to mislead his subscribers into believing that he is a fan of a particular brand of car which he does not, in fact seem to be in clear contradiction with the fundamentals of morality. It appears that if the court encounters a claim by the client against the performer in both cases (e.g., when a film critic or blogger suddenly has a conscience and decides to refrain from direct public lies and hypocrisy), it should state the immorality and nullity of such transactions».[280]

In any case, let us note that for the purposes of this work, the nuances of the civilistic interpretation are not so important to us. In the context of our discussion, we are interested in the potential way of constructing a reasoning that assumes an explicit or implicit identification of the "blatant" contradiction of a transaction to the fundamentals of morality, on the one hand, and of absurdity in the application or interpretation of law, on the other. Interestingly, many of the examples given by the authors of this commentary are consistent with the meaning of the term "absurdity" in common use among both legal scholars and practitioners. In what sense? It is hard to imagine legal protection, for example, of the parties to a "civil law transaction" between a "woman [or even less so a man] with reduced social responsibility" and a souteneur in a society that shares family values, and specifically traditional family values, while law *est ars boni et aequi*, and this would be absurd indeed. The conventional principle of absurdity in this case is the

---

[279] Or the heart of the author of the present study was hardened during the years of legal practice. Selected examples: Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.09.2016 No. 16–KG16–30 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019); Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.04.2016 No. 308–ES15–18008, Case No. A32–35215/2014 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019); Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.03.2016, No. 308–ES15–18008 in the case No. A32–35215/2014 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019) etc.

[280] Transactions, Representation, Limitation of Claims: Article–by–Article Commentary on Articles 153 – 208 of the Civil Code of the Russian Federation. P. 276.

mutually exclusive values of, on the one hand, law as such, and, on the other hand, the object of social relations, which we subject to legal qualification.

However, the problem raised in this study, which is related to legal conflicts that arise in the "clash" of reality with the virtual (broadly speaking) world, obviously cannot be resolved by referring to either the moral and philosophical arguments as such or the rules of the law in force that directly refer to morality and/or morality. This should be a different matter. But what is it about? Perhaps more clarity can be shed by discussions that are based on the problem of the relationship between law and morality in general, but are more instrumental. Figuratively speaking, morality can answer the question of whether law regulates, for example, transactions of a kind where people are the object of sale, but it cannot answer the question of whether law extends, for example, to transactions involving virtual avatars of people in online games.

§ 2. Hart-Fuller debate and consequent re-consideration of the debate's discourse

The **Hart-Fuller debate**, a discussion that turned to be a landmark one for the philosophy of law in XXth century, could serve as a good starting point in developing of further argument. As a rule, it is considered as a dispute on correlation between law and morality and on the grounds of legal system. At the same time, this discussion strongly emphasizes argument related to the limits of interpretation of law that is consonant with the topic of this research. It is the discussion where H. Hart, while developing the discourse on correlation of law and morality, designates the "problems of penumbra" based on the example of a legal norm on prohibition of the use of vehicles in park. What is important is that this problem is posed in continuation of the question of correlation of law as it is and law as it ought to be.

> «Plainly this forbids an automobile, but what about bicycles, roller skates, toy automobiles? What about airplanes? Are these, as we say to be called "vehicles" for the purpose of the rule or not?» – H. Hart asks.[281]

The legal philosopher designates this area of problems as the "penumbra" of law. In his view, the fact that there is such an area of problems indicates that legal argumentation cannot be reconstructed or organized by means of syllogisms in all cases – we also need *a value judgment from the standpoint of what ought to be in relation to what is*. That said, the philosopher stated:

> «It does not follow that, because the opposite of a decision reached blindly in the formalist or literalist manner is a decision intelligently reached by reference to some conception of what ought to be, we have a junction of law and morals. We must, I think, beware of thinking in a too simple-minded fashion about the word "ought." This is not because there is no distinction to be made between law as it is and ought to be. Far from it. *It is because the distinction should be between what is and what from many different points of view ought to be*. *The word "ought" merely reflects the presents of some standard of criticism; one of these standards is a moral standard but not all standards are moral* (emphasized by me – ***V.A.***). We say to our neighbour, "You ought not to lie," and that may certainly be a moral judgment, but we should remember that the baffled poisoner may say, "I ought to have given her a second does." The point here is that intelligent decisions which we oppose to mechanical or formal decisions are not necessarily identical with decisions defensible on moral grounds. We may say of many a decision: "Yes, that is right; that is as it ought to be," and we may mean only that some accepted purpose or policy has been thereby advanced; we may not mean to endorse the moral propriety of the policy or the decision. So the contrast between the mechanical decision and the intelligent one can be reproduced inside a system dedicated to the pursuit of the most evil aims. It does not exist as a contrast to be found only in legal systems which, like our own, widely recognize principles of justice and moral claims of individuals».[282]

Therefore, H. Hart, on the one hand, develops the concept of "penumbra" in a way that is very close to the subject matter of this research (because we also focus on the problems of "penumbra" in the H. Hart's sense) as a continuation of discussion on law and morality. On the other hand, H. Hart divorces substantial morality and the concepts of what

---

[281] See: Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals / Transl. into Russian by V.V. Arkhipov // Philosophy and Language of Law / Herbert Lionel Adolphus Hart. – Moscow: Canon+ ROOI «Rehabilitation», 2017. P. 185.

[282] Ibid. P. 193.

ought to be in law, because the latter may be defined not only by "good" morality. L. Fuller sees a contradiction here because in the context of the ideas of H. Hart there still is a temptation to connect the latter standard of what ought to be with the term "morality" as well. Moreover, the American critic of H. Hart also questions the possibility to define the "central meaning" of certain words out of context – i.e. without consideration of the purposes (concepts of ought) of those who created the legal text that contains a given word, in general, with consideration of the meaning of the whole paragraph, article or the act itself. The question of "central meaning" and its criticism by L. Fuller are quite important for this research and will be considered in more detail in the Chapter 3. Here, in the end of discussion of moral discourse on limits of law, let us indicate several important conclusions.

Historically, the views on the semantic limits of law may be interpreted as a continuation or, rather, a branch-off of the discussion on correlation between law and morality and, in first instance, on the potential *moral* limits of law. That is why it makes sense to develop the concept of the semantic limits of law starting from an overview and re-consideration of the discourse on correlation between law and morality in modern socio-cultural context. At the same time, we have to stress that known approaches to the moral limits of law do not allow resolving the contradictions that are demonstrated in the pervasive examples of this research – they are not applicable, not detailed enough, or apparently cannot be used without something else.[283] Nevertheless, in their well-known

[283] The questions of whether counter-terrorism legislation can be applied to a fictitious recipe for the manufacture of an "explosive" in a computer game, or whether the rules of property law as an institution of civil law can be applied to "virtual property" from a particular perspective, seemingly too technical and have little to do with the values of substantive morality. For example, from the illustrations mentioned above, in the story of the blocking of the *Minecraft* website, "something went wrong" with the application of law long before we reached the point where it makes sense to discuss moral values. Let's say we try to solve the problem on the basis of morality and state that public morality does not allow the right to interfere in the content of the games. This is obviously not the case from a sociological point of view, because the conventional nature of practice – game or non-game – cannot serve as such a *universal* barrier (yes, morality can prohibit all games, but it cannot solve all games - it is not the social practice, the potential application of law to which we are considering, but in the specific subject matter of such practice, its variations). In the process of trying to formulate why the right cannot (or may) interfere in such relations, on the contrary, we will come to very formal criteria that will not only determine the possibility of applying (and, accordingly,

debate it were H. Hart and L. Fuller who came closest to the genuine "semantic" formulation of the problem. Instead of the debate around the nature of "penumbra" in interpretation and application of law, both authors recognized multiplicity of words' meanings and possibility of emergence of various absurd contradictions in interpretation of law without consideration of the problem that relates to the meanings of words. However, both H. Hart and L. Fuller believed that the main method that would allow avoiding "penumbra" in each specific situation would be to consider the purposes of legal norm. The contradiction between the authors lied rather in the fact that L. Fuller, speaking in H. Hart's words, believed that "penumbra" is not a rare, non-standard and borderline case, but a natural quality of each legal text. The problem is that in order to resolve the problems of "penumbra" what we need is not just to state that we need to take into consideration the purposes of legal norm. We can agree with the general terminology of dispute between two scholars and believe that what we do is exactly determination of purpose of the legal norm – we can say so, but it is not decisive for the goals of the research, – what is important is such a mechanism is not developed now. Furthermore, and it is critically important for determining the significance and direction of this work, by this moment the fundamental theory and philosophy of law substantially lacks those consequences that entails digital transformation of society and the medial turn in general in order to decide on the conceptual approach to this area of problems.

Thus, one of the central examples of the Hart-Fuller debate on legal norm that prohibits allocating "vehicles" in a park pertains to classic examples used in the discussions on philosophy and theory of law. However, the authors that enjoyed the peak of their creative proliferation in the middle of XXth century did not and could not know

---

interpreting in this way) the right, but also the possibility to apply to such relations and the morality itself. In this sense, it is this idea that is revealed consistently in the following pages of this paper.

about further developments in computer and informational technologies.[284] The authors considered a question of allocating a "real" object in a "real" park. However, modern informational technologies allow for alternative scenarios as well. We mean technologies of *virtual* and, specifically, *augmented* reality. Let us emphasize that the example of augmented reality is especially important for the subject matter of this research.[285] Let us imagine a heteronomous legal text that contains a norm preventing from allocating vehicles to parks. Let us now imagine that certain company specializing in innovative informational technologies developed a software product that contains precise image of park that is updated in real time. Finally, let us imagine that this software product contains functionality allowing users to allocate at their discretion any objects in virtual representation of a park. Now, let us assume that one of the users allocated certain "virtual" vehicle in "virtual" copy of the park. At the first glance, this innocent situation is outside of

---

[284] The very first experimental stage of the development of information and telecommunication technologies is usually attributed to the 1960s. XXth century, but even then it was the province of specialists involved in various public, including military and classified, research, as well as enthusiasts in the field of technology, and not the philosophy of law. See: Rustad M.L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Social Science Research Network Website, URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799578 (accessed: 24.01.2019). At that stage, it was basically too early to even predict (beyond science fiction and futurology) the development of virtual and augmented reality technologies, which will be discussed in the next paragraphs of this paragraph of the study, *in terms of social practices and the relationship with legal issues*.

[285] As the experts note, "the authorship of the term 'augmented reality' belongs to Thomas Preston Codell, an engineer at the Boeing Research Laboratory. In 1992, he applied the principles of technology to a system designed to help workers install electrical cables in aircraft. Augmented reality (AR) is a technology that superimposes information in the form of text, graphics, audio and other **virtual objects on real objects** in real time. It is the interaction of **computing devices** with **the picture of the real world** that distinguishes the augmented reality from the virtual one (emphasis added – ***V.A.***)". See: Yakovlev B.S., Pustov S.I. History, Features and Prospects of Augmented Reality // Proceedings of Tula State University. Technical Sciences. 2013. No. 3. P. 479. See also: Kravtsov, A.A. Use of Augmented Reality Technology for Visualization of a Virtual Object in a Real Environment [Electronic resource] // Scientific Journal of Kuban State University. 2012. No. 84. – [Site]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie–tehnologii–dopolnennoy–realnosti–dlya–vizualizatsii–virtualnogo–obekta–v–realnom–interiere (accessed: 24.01.2019). Among the modern technologies of augmented reality are noted (part of these technologies, however, is experimental or already outdated or not used for various reasons, including legal reasons) Google Glass augmented reality glasses, Microsoft Hololens glasses, DARPA virtual reality neural chip, BMW driver's glasses, etc.. See: Drokina K.V., Darbinian T.A. The Analysis of the Possibilities of Application of the Augmented Reality Technology in the Modern Conditions // International Scientific Journal «Innovation Science». 2016. No. 2. P. 114–116. The experience of augmented reality technologies in the gaming industry is doubly interesting in the light of this work. Author's top-level practical analysis of the legal problems of one of these games – Pokémon Go (see: Pokémon Go [Electronic resource] // Pokémon Go. The Pokémon Company International, Inc. – [Site]. – URL: https://www.pokemongo.com/en-us/, accessed: 24.01.2019) – is presented in the following video lecture: Arkhipov V.V. Information Relations Within the Framework of Pokémon Go [Electronic resource] // LF Academy. – [Site]. – URL: https://lfacademy.ru/course/13479 (accessed on 24.01.2019).

law. However, there can be nuances. The park does not belong to software developers. The vehicle may be allocated to a "live" digital copy of the real park. This alone could mislead the visitors of the park. Then, what if the vehicle would not be a simple one, but reflecting some information limited for dissemination? We also can assume that as a result of such kind of actions incorrect image of the park emerged and started to be disseminated outside of the application which leads to substantial distortion of legally significant accurate information about the park. And so on. The question that we are interested in now is the question of whether we can extend the initial rule on prohibition to "allocate vehicles in parks" to the relationships that have specific and live simulation of "vehicle". In the context of this paragraph of the research, we have to emphasize that this question is slightly more *technological* than it should be in order to refer to moral philosophy. A possible view that a position, inspired by L. Fuller, that here we also face a question of the purpose of law, looks quite simplified – **at first we need to answer the question of why, at least in theory, we can allow that such a purpose could extend to virtual vehicles, and why this is *not absurd***.[286] The teleological approach does not eliminate the problem.

Let us go back, however, to the moral philosophy. The direct source of the previously presented generalization of J. Stanton-Ife about the limits of law and the indirect theoretical reason for the discussion of L. Fuller and H. Hart is the basic principle of utilitarian moral philosophy. J. Mill's views were based on the idea that "harmless" (i.e., incapable of harming others) behavior cannot be a subject of legal regulation. Later H. Hart rethought this approach.[287] It should be noted that "harm" as a criterion determining the possibility of the application of law is considered in the philosophy of utilitarianism and its subsequent interpretations as a kind of main feature of a special subject of social relations,

---

[286] The question posed in this judgment is similar to that of whether writers should ensure that their characters always "observe" the rules of traffic in their works of art. It is not absurd, however, to pose the question in the light of the noted trends in legislation to restrict the dissemination of information.

[287] See: Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals.

which serves as a criterion for the applicability of law and defines the standard of legal interpretation. However, this paper demonstrates that "harm" is not the only possible such criterion. From the perspective of the theoretical sociology model that defines the methodology for this study, "harm" stands out in utilitarianism precisely because it has "socio-currency value", a concept that will be explained in more detail by the end of this Chapter 2. We believe, however, that J. Mill's theory, while respecting classical utilitarian thought, does not fully meet the challenges of modern law enforcement, interpretation, and law-making.

Let us conduct a thought experiment, referring to one of the through examples of this work – computer games and interpretation of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation in such a way that it extends to the "infliction of death" to another "person" (character) in a multiplayer online game. A key question in the light of the applicability of the utilitarian concept (and its subsequent interpretations) is whether it is possible to simulate a situation in which *"harm" in the J. Mill's sense will be present and the possibility of appropriate interpretation and application of the law will continue to raise intuitive doubts*. Yes, it seems so. In some multiplayer online games that allow some characters to be "killed" by others, the following situations are possible, for example:[288]

1) *Where the game permits the arbitrary "killing" of one character by another at any time.* Player A of a low level performs "peaceful" tasks of the open game space. Player B of a high level suddenly attacks Player A and "kills" him for no apparent reason. When Player A returns to the starting point and continues his "peaceful" activities, Player B waits for him, and "kills" him again. The situation repeats itself several times. On the one hand, it is obvious that Player B interferes in the gameplay of Player A, perhaps even spoiling the game from the subjective point of view of the latter. On the other hand, such situations, if

[288] Note that the following examples are constructed in relation to virtual worlds, which are inherent in the quality of *virtual social reality*, in whole or in part (see § 5.8 of Chapter 1 and § 1 of Chapter 2 of this study).

allowed by game mechanics, are part of the gameplay process, even if it is unpleasant (here it is appropriate to recall the views of J. Feinberg discussed above). It is probably a case where harm is present, however, to file a lawsuit for the protection of rights, if any, is quite difficult for Player A, although we will not rule out such a possibility in principle.

2) *If the game allows the free exchange of "virtual property" between players*. Player A, by performing in-game tasks, has accumulated a significant amount of "virtual currency" and decided to buy an expensive item from Player B. However, there is no possibility to purchase "virtual currency" for "real" money. Although the game mechanics provides a multistage confirmation interface, Player B finds a way to deceive Player A: he pretends that his game client gives a software failure, cancels the exchange and resumes it again, but replaces the item desired by Player A with another, similar, but much cheaper one. Assuming that Player A does not double-check the second "deal", which he considers similar. In this case, Player A will also probably be offended and disappointed, but even in this case it is difficult to imagine a lawsuit to protect the rights of Player A, even though they could have invested a lot of time and intellectual effort in earning a "virtual currency".[289]

Examples in this area can be continued for a very long time.[290] Let us note the main thing: in each of the cases under consideration we can state the presence of "harm" in the J.

---

[289] Such cases of fraud were observed by the author of this work in some games, for example, in the game *Allods Online*.

[290] In fact, these practices are found in almost all computer games of the group, the game mechanics which allows you to perform such actions. But the most striking example, perhaps, is still the virtual world of *Ultima Online.* See: Leonov A. Killing History in Ultima Online: How Criminal Players Opposed the Developers [Electronic resource] // DTF.RU. July 5, 2018. – [Site]. – URL: https://dtf.ru/games/22604–istoriya–ubiystv–v–ultima–online–kak–igroki–prestupniki–protivostoyali–razrabotchikam (accessed on 23.01.2019). The author highlights the following examples from the key developer of the game: "If Dashing Harry is waiting for travelers on the big road and tells them, 'I'm sorry, gentlemen, but I'll take either your wallet or your life,' it's much less problematic than Basha, who teaches bears and sets them on unsuspecting travelers, or Lord D'eath, who finds it funny to test his new scroll of the 'Fire Wall' right in the middle of the forge. D'eath has no forgiveness. However, all three options are perfectly legal". Original source of the text: Koster R. A Theory of Fun for Game Design (in Russian). Moscow: DMK Press, 2018. – 288 p. Raph(-ael) Koster (b. 1971) is known not only for *Ultima Online*, but also for other virtual worlds that have left a noticeable mark on the history of computer games. See: Raphael Koster [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,327570/ (accessed: 23.01.2019).

Mill's or close to the J. Mill's sense. At the same time, there are intuitive doubts that such "harm" corresponds to the object of legal regulation. However, the situation may change if in each case, in the presence of appropriate established social practices, there are quite "real", for example, monetary relations in parallel with "virtual" ones, for example, if it is possible to calculate the value in the "real" currency of the game character as a whole or in the "virtual" currency owned by him with the possibility of converting (converting) one into another.[291] The fact that philosophers and legal scholars of the past did not take these examples into account is not surprising – there were no social practices related to "persistent" simulation of the game environment at the time, as there were no tools to do so at that time – computer and information and telecommunication technologies.

Summing up, we note that the main conclusion that can be drawn from this preliminary consideration of the relationship between law and morality in the light of the problems of teleological interpretation and semantics of normative prescriptions, is that **the semantic limits of law as they are understood in this paper, cannot be explained based on the philosophy of morals**. The question of the relationship between law and morality turns into the question of the possibility, admissibility and expediency of teleological interpretation. In turn, the latter question goes beyond moral discourse and forces us to turn to the logic and semantics of legal texts. At the same time, these circumstances become especially noticeable in the current socio-cultural context of the medial turn, which actualizes the problem of the semantic limits of law.

[291] This is the way it is argued in some court decisions, where the relationship between the user and the gaming company, the subject of which is "virtual property" acquired for real money, is qualified as a relationship between the consumer and the professional party.

§ 3. Assessment of the semantic limits of law based on the approaches that pretend to have an understanding of absurdity

Thus, the philosophy of morality, as well as its rethinking in the dispute between L. Fuller and H. Hart, does not give us enough methodological material to reconstruct the semantic limits of law, at least in the conditions of the medial turn. Since the empirical material encourages us to correlate the question of the semantic limits of law not only with the concepts of virtual reality in the broad sense of the word, but also with the concepts of absurdity and common sense, and the problem itself, in fact, can be presented as a problem of interpretation of law, let us try to pay further attention in search of a solution to the problem of criteria of the semantic limits of law in the field of legal interpretation. It may be noted with interest that the word "absurd", both in theory and in practice of legal interpretation, has an unusual fate – *it is used by almost everyone (moreover, in the normative and law-enforcement acts themselves), but it is not defined practically by anybody*, and we are not even talking about a strict formal-logical definition, but literally about any – contextual, or other – which would allow us to understand what we are talking about with a sufficient degree of certainty, and not to get an illusion of such understanding. Perhaps the author of this study simply fell victim to a plot of his colleagues, who for at least several centuries have agreed on terms in the modern version of the law, but decided to keep everyone else in the dark. Without having the best, let us nevertheless try to work with the material that is available now.

To begin with, based on academic sources and empirical material, let us try to generalize those scant and disparate information about the absurdity that we have at the moment, and at the same time see whether the theory of legal interpretation, which is directly called the "doctrine of absurdity" (even though it develops within the framework of Anglo-American legal thought, the object of research is essentially the same for all legal systems or families – a legal text, etc.), i.e., the text that serves as the basis for the

reconstruction of the granting-binding norms). As a result, what do we know about absurdity?[292]

§ 3.1. Selected examples of references to absurdity in the Russian practice of application of law

References to absurdity and common sense are found both in normative sources and in law enforcement practice. One of the most famous examples of the first is Article 32(b) of the Vienna Convention on the Law of Treaties (concluded at Vienna on 23.05.1969),[293] according to which additional means of interpretation, including preparatory work and the circumstances of the conclusion of the treaty, may be invoked to confirm the meaning arising from the application of Article 31,[294] or to determine the meaning when the interpretation in accordance with Article 31 produces results that are manifestly absurd or unreasonable. One of the few examples of direct application of this article in the practice of international jurisdictions is reflected in the Judgment of the European Court of Human Rights of 24.01.2017. "*The case of Khamtokhu and Aksenchik v. the Russian Federation*" (complaints No. 60367/08 and 961/11).[295] Item 23 of this Judgment, *inter alia*, notes that

> «a finding of a violation of Article 14 on grounds of difference in treatment of similar groups without objective and reasonable justification can only give rise to one method of redress: levelling "up", namely, an extension of the more favourable treatment to all persons in a similar situation. Levelling "down", that is, removing the preferential treatment from those who had hitherto been eligible for it, is not permissible under the Convention. The advances achieved in human rights protection cannot simply be brushed aside. The Preamble to the

---

[292] When analyzing the empirical material, let us not forget that the analysis of arguments based on the absurdity of something is mainly of an instrumental nature for us, and the main subject of our study is the search for possible arguments for the formation of a concept of when the law can be applied in principle to relations related to virtual reality, and in which – not.

[293] See: On the law of treaties [Electronic resource]: Vienna Convention, concluded at Vienna on 23.05.1969 – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 12.02.2019).

[294] Article 31 of the Convention sets forth general rules of interpreting the contracts.

[295] European Court of Human Rights Ruling of 24.01.2017 «The case of Khamtokhu and Aksenchik v. the Russian Federation (complaints No. 60367/08 and 961/11) [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

> Convention itself establishes an objective of maintenance and "further realisation" of human rights and fundamental freedoms. It is clear in this respect that European protection seeks to promote these rights, and prohibits their dilution on a discretionary basis out of political considerations. Moreover, the implementation of a judgment of the Court should not abolish, restrict or limit existing rights in the domestic legal order, as provided for in Article 53 of the Convention. Any other result of interpretation would be *manifestly absurd* (emphasis added – ***V.A.***) (Article 32 b) of the Vienna Convention on the law of treaties)».

With regard to the practice of national courts in the Russian Federation and the ECtHR as a whole, as of 17 September 2018[296] the legal reference system "ConsultantPlus", when used in the search criteria for a request "absurd*" (words containing a combination of letters "absurd", including derivatives of this term) returned 649 results. The "common sense" search criterion returned 488. At the time of the reader's acquaintance with the materials of this study, these indicators may change. Thus, these terms are used in the texts of law enforcement acts (on the example of the judicial practice of the Russian Federation and the ECtHR, on which the search was focused). Of course, in some cases they are used as a figure of speech, but among the available material there are also logically meaningful examples. Of particular interest are cases in which these words and combinations are used by courts rather than parties to a case. Let us dwell on them in more detail, citing those quotes in which the use of the word "absurdity" and derivatives for the purposes of the study is understandable from the context and without studying the evidence constituting the materials of the case. It should be noted at once that in all other cases not quoted in this paragraph, the absurdity arguments from the entire sample were used by the parties to the case. For ease of reference, the following examples will be given with consecutive numbering.

1) In the Ruling of the Primorsky Kray Court of 23.06.2014, Case No. 33-5131, the court states that

---

[296] Date of the study, which included the collection of practices in this area.

> «...the defendant's assertion that it is impossible to establish the identity of a person serving a sentence in a penal colony is **absurd** (hereinafter the word "absurd" is emphasized for the convenience of the reader – ***V.A.***) and calls into question the sentence in a criminal case against this person».[297]

In this case, "absurdity" is linked to the fact that, according to the current procedure of serving sentences, it is legally impossible to serve a sentence anonymously from legal standpoint – in any cases, and as a matter of fact in any *reasonable* cases.

2) In the judgment of the Court of Justice of the Jewish Autonomous Region of 13.03.2013 in case No. 4-A-8/2013, the court notes that

> «…at the same time, contrary to the applicant's assertion, it follows from the inspection report dated 20.09.2012 that the director of the company L.S. has been acquainted with the copy of the order to conduct an unscheduled inspection on 03.09.2012 at 12 o'clock, and that she herself has made a corresponding entry in the abovementioned report (pages 9 – 10). Moreover, the correction on the third day of the date has been made and certified by her that, based on the supervisory appeal, L.S. does not deny it. In this connection, the reference of the latter to the impossibility to establish the date of acquaintance of the audited with the order to conduct the audit due to the correction in the act is **absurd**».[298]

Here, "absurdity" can be explained on the basis of the upper level of logical interpretation of the absurd through judgments or statements of facts, between which there is a simple contradiction.

3) In the Decision of the Leninsky District Court of Vladivostok of 18.06.2008 on Case No. 2-228/08 the court states:

> «In addition, the procedure for communicating court sentences and subsequent court decisions to subordinate staff for summing up the results, meetings and readings of orders makes the deeds clear and public and does not require any explanation. In addition, the plaintiff Z.'s arguments that he had to avoid meetings with his fellow soldiers were **absurd**,

---

[297] Ruling of the Primorsky Kray Court of 23.06.2014, Case No. 33–5131 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

[298] See: Resolution of the Court of the Jewish Autonomous Region of 13.03.2013 in the Case No. 4–A–8/2013 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 12.02.2019).

> since the latter had been drafted in a military unit, lived in the location of the unit, served according to the daily schedule – which in itself eliminates the possibility of privacy and avoidance of meetings with fellow soldiers».[299]

Here, the "absurdity" of the situation, as in the first example, is linked to the fact that, by virtue of both the generally prevailing and normatively settled situation, there is a clear contradiction with the statements made by the participant in the process.

4) As indicated by the court in the Appellate Decision of the Perm Kray Court of 04.02.2015 in the Case No. 33-887,

> «…taking into account the abovementioned, the judicial panel does not see any legal grounds to reduce the amount of compensation for moral damage, as the defendant insists in the appeal. Gross negligence in the actions of B. is not established by the court, the defendant did not state the relevant evidence and arguments in the court of first instance, the presence of negligence in the actions of B. in part of the implementation of the transition of the four-lane carriageway is not confirmed by the materials of the civil case, or materials of administrative proceedings. The reference of the defendant to the hood worn on the head of the plaintiff during the transition of the carriageway is **absurd** and does not indicate gross negligence due to the legal meaning of this concept».[300]

Based on the high degree of generalization, we can say that the logic of the previous example continues, but here the usual interpretation of the legal concept does not correspond to the usual state of affairs in practice (a hood worn does not in itself exclude the possibility to exercise due diligence when crossing the road).

5) In Decision No. 21-311/2014 of the Samara Oblast' Court of 26.06.2014, the court states the following:

> «References in the complaint to the need to use arbitration and civil procedural law as procedural law when considering this complaint, with the relevant procedures and deadlines,

---

[299] See: Decision of the Leninsky District Court of Vladivostok of 18.06.2008, Case No. 2–228/08 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 12.02.2019).

[300] See: Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 04.02.2015, Case No. 33–887 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

> seem **absurd**, contrary to both the basic principles of law in general and the procedural rules established by the CAV».[301]

Here the argument referring to the absurdity is connected with violation of legal logic and distribution of objects between different branches of law specially created – each of them for its own subject (in administrative proceedings the application of the Civil Procedural Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation is indeed impossible by definition and therefore absurd, although in theory it is possible to construct rare borderline situations where a reasonable dispute about it may arise).

6) In the Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 02.04.2013, Case No. 33–2961–2014 the court notes that

> «the arguments of the defendant's appeal that the plaintiff, while carrying out his work at the factory, deliberately allowed the occurrence of adverse health effects, do not lead to a reduction in the employer's liability to employees and are **absurd** in nature».[302]

In this case, "absurdity" seems to arise due to the mixing of two completely different groups of social relations which are not legally related to each other – the activity of the employee, which caused him harm on the one hand, and the performance of the public-law obligation of the employer, which in itself does not depend on what the employees do.

7) An interesting conclusion is contained in the Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 12.11.2012, Case No. 33-10042:

> «[t]he grounds for appealing that, in N.'s opinion, the defendant's status itself causes moral suffering that are not subject to being proved, are **absurd** and cannot be taken into account from a legal point of view».[303]

---

[301] See: Decision of the Samara Oblast' Court of 26.06.2014 No. 21–311/2014 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

[302] See: Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 02.04.2013, Case No. 33–2961–2014 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

The example of absurdity in this case is more interesting because it is more abstract and affects unarticulated "generally shared assumptions" of law, which imply that the existence of a legal status, especially a procedural one, is instrumental and cannot itself cause moral suffering.

8) As indicated by the court in the Appellate Ruling of Samara Oblast' Court of 11.09.2012, Case No. 33-8461,

> «the judicial panel cannot find convincing the arguments of the appeal that the defendant can not be held responsible for the actions of its counterparties due to the fact that he acted in good faith, exercising due diligence and caution, because the opposite is evidenced by the very circumstances of the conclusion of contracts with unidentified persons on behalf of "Forsazh" LLC, namely, large-scale transactions (usually in amounts exceeding one million Rubles), according to the defendant himself, they were made in cars at the parking lot, and the defendant did not provide the court with the passport details of the persons who concluded the transactions on behalf of "Forsazh" LLC, nor the power of attorney on the basis of which they acted, however, the defendant does not actually dispute that I.V., the nominal manager of "Forsazh" LLC, did not make the specified transactions personally, the arguments of the defendant's party that it is normal practice to enter into large-scale transactions in such circumstances are **absurd** in essence, since due to such circumstances it is impossible to establish the true counterparties to the transactions, the true terms of the transactions and the fact that the defendant has fulfilled these conditions».[304]

The description given by the court clearly explains the "principle of absurdity" in this case – before qualifying something as a large-scale transaction, it must correspond to the attributes of the transaction as such.

9) The Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 08.08.2012, Case No. 33-6866 on the case of the defendant's infliction of harm on the official car under the influence of alcoholic intoxication states that

---

[303] See: Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 12.11.2012, Case No. 33–10042 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

[304] See: Appellate Ruling of the Samara Oblast' Court of 11.09.2012, Case No. 33–8461 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

> «in the appeal, Sch. gives arguments about disagreement with the court's conclusion that he was driving under the influence of alcohol, citing the fact that the certificates N <...> and <...> on the results of forensic chemical research are not approved by the seal of the medical institution, and therefore are inappropriate evidence. It is further pointed out that alcohol could have entered the defendant's blood during the treatment of wounds by medical staff. With regard to the latter, the court has already stated that the defendant's references to the circumstances in which alcohol may have entered Sch.'s blood are **absurd** and cannot be taken into account».[305]

Here it is clear that such references are contrary to the normal state of affairs and the facts of medical science, at least in the court's understanding.

10) As indicated by the judicial panel in the Appellate Ruling of Samara Oblast' Court of 26.06.2012, Case No. 33-5960,

> «at the same time, the judicial panel cannot recognize as convincing conclusions of the court of first instance on the conclusion of the considered contract of the loan for the purpose of excluding of apartment got by the defendant under the specified contract of share participation in building of an apartment house from possible section of the jointly acquired property of the defendant and his wife as all money sums of the defendant have been paid to the builder before the conclusion of the contract of the loan, that is to DD.MM.YYYY, and the marriage between the defendant and his wife has been concluded only on DD.MM.YYYY, and considering that the defendant has a higher legal education, the arguments put forward by the defendant in support of the non-recognition of the claim look absolutely **absurd**».[306]

In this case, absurdity is linked to the presumed reasonableness of the conduct of a person with a law degree. This case of "absurdity" differs from others in that it states that a party to the case cannot state a certain argument "seriously" because it has special knowledge.

11) In the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Mordovia of 19.04.2012, № 44-g-7, the court indicates:

---

[305] See: Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 08.08.2012, Case No. 33–6866 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

[306] See: Appellate Ruling of the Samara Oblast' Court of 26.06.2012, Case No. 33–5960 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

> «However, the decision of the Chamzinskiy District Court of the Republic of Mordovia of November 8, 2011 cannot be recognized as fully legal and justified, because, having refused to satisfy all the counterclaims filed by Avtozapchast LLC against O. in connection with the expiration of the limitation period, the court essentially left the dispute between the parties regarding the countersinking machine unresolved, creating an **absurd** situation where the machine was not owned by the owner».[307]

In this case, "absurdity" is of a different nature than in previous examples – here we are talking about a situation that is logically impossible from the point of view of positive law.

12) An entertaining conclusion is reflected in the Appellate Ruling of the Kaliningrad Oblast' Court of 14.08.2013, Case No. 33-3468/2013:

> «Given that the law does not limit the number of things that can be owned by a citizen, the reference in the appeal to the **absurdity** of the conclusion of the court that the debtor LV with his wife owns two refrigerators and two TV sets cannot be recognized as justified».[308]

Apparently, the party to the case tried to appeal to the usual state of affairs, when the citizens living in together in one place, own just one refrigerator and one TV set. In the court's reasoning, however, the comparison, unlike in previous cases, is not made with the usual practice (in many cases the family does have one refrigerator – as common sense suggests – but it also suggests that this is not necessary so), but with the principles of civil law, which do not limit the number of refrigerators and TV sets that citizens can own.

13) In the Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Karelia of 14.05.2013, Case No. 33-1306/2013 the court reasonably notes that

---

[307] See: Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Mordovia of 19.04.2012 No. 44–g–7 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

[308] See: Appellate Ruling of the Kaliningrad Oblast' Court of 14.08.2013, Case No. 33–3468/2013 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

> «the indication in the appeal of cynicism and **absurdity** of the conclusions of the court of first instance is expressive in nature and may not be regarded by the court board as a reasoned argument to be considered as a position of a legal entity».[309]

The point of this example is not so much to show exactly what the alleged absurdity was, but that the court here is *de facto* indicating that the reference to absurdity itself cannot be taken into account in the administration of justice. As can be seen, however, this is not a universal position.

14) Saint Petersburg City Court in its Ruling No. 22-2281/2012 of 18.04.2012, refuting one of the arguments of the party, notes that

> «contrary to the arguments of G.D.'s cassation appeal about the **absurdity** of the information received by the court about the impossibility of establishing the whereabouts of a witness who is a police officer, the case file contains a document on dismissal from the internal affairs bodies and about the absence of this witness according to the available data about his place of residence».[310]

This example is similar to the first one, but with the opposite result – if it is impossible or practically impossible to serve a sentence in a detention facility anonymously, then getting out of the state's focus while being outside of prison is quite possible. At least until the Internet of Things in the field of public order has become truly global.

Special attention should be paid to the use of references to absurdity in dissenting opinions of judges of the Constitutional Court of the Russian Federation.

15) Thus, for example, in the Dissenting Opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation S.M. Kazantsev to the Decision on the case about check of constitutionality of Item 1 Part 3 Article 81 and Article 401.6 of the Criminal Procedural

---

[309] See: Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Karelia of 14.05.2013, Case No. 33–1306/2013 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

[310] See: Ruling of the Saint Petersburg City Court of 18.04.2012 No. 22–2281/2012 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizen A.E. Pevzner, contains, in particular, following reasoning:

> «At the same time, the question of the fate of physical evidence, including confiscation, may be decided not only by the court, but also by the head of the investigative body or investigator when making a decision or order to terminate a criminal case. In this regard, within the literal meaning of Item 1 Part 3 Article 81 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, instruments, equipment or other means of committing an offence belonging to the accused are subject to confiscation if the criminal case and the criminal prosecution is terminated formally on the basis of even rehabilitating grounds (absence of *corpus delicti* in the act, non-participation of the suspect or accused in the commission of the offence, etc.) and, even less so, any non-rehabilitating grounds. Of course, confiscation on the condition of termination of a criminal case or prosecution on rehabilitative grounds is unlikely to be applied in view of the obvious **absurdity** of such interpretation of the contested norm, but the question of the possibility of confiscation on the condition of termination of the criminal case or prosecution on non-rehabilitative grounds in law enforcement practice also cannot be solved according to the literal interpretation».[311]

The key idea is that it is absurd to raise the issue of confiscation, provided that the criminal case is discontinued or the prosecution is for rehabilitative reasons. That is, the nature and purpose of the confiscation of the case are in contradiction.

16) In the Dissenting Opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation A.L. Kononov to the Ruling of 2 April 2009 No. 484-O-P the following reasoning is given:

> «Since there are no rules, criteria and specific requirements for motives in the law, any reason and pretext meets the condition of motivation. Already the materials of complaints show how much redundant it is, and sometimes **absurdly** the executive power and judicial bodies put forward and justify such motives. Thus, public authorities easily prohibit holding events under the pretext of possible repair of roads and communications, high attendance of places of rallies and demonstrations, emergency condition of cultural objects and threat to their safety, and even the existence of an appeal of the church hierarch on the destructive nature of the event. There are also examples when public authorities knowingly create such motives for

---

[311] See: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 07.03.2017 No. 5–P «On the case of verification of the constitutionality of Item 1 Part 3 of Article 81 and Article 401.6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints of citizen A.E. Pevzner» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

> banning rallies and demonstrations, initiating other public actions at the same time and in the same place. Thus, the requirement to motivate the proposal of the public authority to change the time and place of the event does not represent any guarantee of the right to peaceful assembly and is actually used as a pretext for prohibiting it».[312]

The case of the "absurdity" which we meet here is somewhat more complex – in this case, rather, it is an obvious, in the opinion of the author of the dissenting opinion, disparity between the protected values.

17) The Dissenting Opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation A.L. Kononov to the Resolution of 28.06.2007 No. 8-P contains, among other things, the following position:

> «The dignity of the individual, as interpreted in the European legal tradition, means, above all, that the individual cannot be an object of state activity without rights. This applies not only and not so much to the deceased, but above all to his family and friends. What dignity can we talk about if the body of the deceased becomes not even an object but an property, a thing appropriated by the state, which allows itself to establish a monopoly on him and dispose of him at its own discretion? The relatives of the deceased are offered no less than to enter into a legal dispute with the state over the bodies of their loved ones, and the Constitutional Court sees its task in defending this right to a legal action, which no longer makes any sense. Of course, this is **absurd**, humiliating and inhumane, especially given the specific tragic circumstances of the case, when the bodies of the deceased were secretly cremated long before the Constitutional Court was addressed. By the way, neither the Constitution of the Russian Federation nor international human rights norms allow for any grounds to diminish the dignity of a person».[313]

---

[312] See: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 484–O–P of 2 April 2009 on a complaint by citizens of S. M. Shimovolos, A. V. Lashmankin and D. P. Shadrin concerning violations of their constitutional rights by Part 5 Article 5 of the Federal Law «On meetings, rallies, demonstrations, marches and picketing» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

[313] See: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.06.2007 No. 8–P «On the verification of the constitutionality of Article 14.1 of the Federal Law «On burial and funeral business» and the Regulation on the burial of persons whose death occurred as a result of the suppression of their terrorist act in connection with the complaint of citizens K.I. Guziev and E.H. Karmova» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

In this case, the term “absurd” is also associated with a sharp disproportion between certain values. In addition, recalling N.A. Dmitrik’s approach, the potential conflict between law and privacy, as one of its limits, is traced in the subject matter of the dispute.

18) Directly related to the subject of this study is the example of the use of the term “absurd” in Item 6 of the Dissenting Opinion of the Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation G.A. Gadzhiev to the Ruling of 02.11.2006 No. 444-O (let us give a detailed quotation to assess the logic of argumentation without referring to the full text of the Dissenting Opinion):

> «As already noted, in case of the revealed ambiguity of the norm of tax legislation, all methods (means) of interpretation should be applied together. One of them is teleological interpretation, i.e. understanding the meaning of the norm in the context of the legislator’s goals, when the law enforcer takes into account not only the historically conditioned intention of the legislator, but also the goal he set for himself. Judging by the content of Sub-Item 1 Item 1 Article 220 of the Tax Code of the Russian Federation, a property deduction is granted in the sale of not any property, but property the transactions in respect of which are subject not only to registration, but also to state registration. The state is not able to control all transactions concluded by individuals when disposing of their property. Therefore, this norm deals with transactions on disposal of real estate objects. Article 164 of the Civil Code of the Russian Federation establishes that transactions with land and other immovable property are subject to state registration in the cases and in accordance with the procedure envisaged by Article 131 of the Code and the Law on Registration of Rights to Immovable Property and Transactions Therewith (Item 1). It is hardly possible to interpret the words in Sub-Item 1 Item 1 Article 220 of the Tax Code of the Russian Federation “as well as the sale of other property” as meaning that the sale of any movable property (say, a pair of pigeons) must be paid from the tax on personal income. This is an example of the so-called **absurd interpretation, which cannot be carried out by law enforcers** (emphasis added – ***V.A.***). According to Item 2 of the same article, the law may establish state registration of transactions with movable property of certain types. Such state registration is provided in individual cases. Thus, according to Article 11 of the Law of the Russian Federation “On Pledge”, when pledging property subject to state registration, the pledge agreement must be registered».[314]

---

[314] See: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.11.2006 No. 444–O «On the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation on the violation of the constitutional rights of a citizen Irina Astakhova by Sub-item 1 Item 1 Article 220 of the Tax Code of the Russian Federation» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

The use of the reference to absurdity in this judgment (as well as the placement of such an argument in the context of a teleological interpretation) is very revealing, since it is also implicitly linked to certain approaches to the limits of law.

19) The content of the Dissenting Opinion of the Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation B.S. Ebseev to the Ruling of 11.03.2005 No. 3-O, is not less interesting. In particular, it states:

> «An attempt to interpret the normative content of its [Constitution] Article 119 ("Federal law may establish additional requirements for judges of the courts of the Russian Federation") and Part 2 Article 121 ("A judge's powers may be terminated or suspended only in accordance with the procedure and on the grounds established by federal law") as allowing a federal legislator to act at its own discretion or to ignore other provisions of the Constitution of the Russian Federation is **absurd in essence, as it deprives it of its rationalizing and stabilizing value and quality of the rule and supreme legal force** (emphasis added – ***V.A.***) (Article 4, Part 2; Article 15, Part 1)».[315]

The reference to the absurdity in this case has two meanings. Firstly, it implies absurdity of interpretation that does not take into account other provisions of the Constitution, and secondly, it is stressed that the absurdity contradicts to the rationality of law.

We believe that the examples given are sufficient to illustrate an overview of typical cases of the use of arguments that refer to the absurdity of law on the example of domestic law enforcement practice. For the purpose of collecting a critical mass of empirical and related theoretical material, let us now turn to foreign experience and doctrine.

---

[315] See: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.03.2005 No. 3–O «On the complaint of a citizen Rinat Mirgalimovich Smakov for violation of his constitutional rights by the provisions of Article 14 of the Federal Constitutional Law «On the judicial system of the Russian Federation (as amended by the Federal Constitutional Law of 15 December 2001), Item 3 Article 6.1 and Paragraph 2 Item 1 of Article 11 of the Law of the Russian Federation «On the status of judges in the Russian Federation (as amended by the Federal Law of 15 December 2001)» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

§ 3.2. Development of the "absurdity doctrine" in the context of foreign practice of application of law

A generalized, but quite accurate view of the approach to the absurdity of law in foreign (both Anglo-American and Romano-Germanic) jurisdictions can provide an analysis of the discourse of the **"doctrine of absurdity"** in the interpretation of law. This doctrine has a promising title, however, looking ahead, we note that it also gives surprisingly little clarity about what is absurd in particular.[316] One of the systematic critical generalizations of the "doctrine of absurdity" in the U.S. law, which, in fact, has been known since at least the second half of the XIXth century, was made by J. Manning in his article "*The Absurdity Doctrine*" (2003).[317] However, this article will shed little light on the problem from the perspective we are interested in – both in terms of specific criteria of absurdity in law and in terms of general introductory to the theory of legal absurdity. Of the other two systemic articles written in response to the article by J. Manning – articles by G. Staszewsky "*Avoiding Absurdity*" (2006)[318] and L. Jellum "*But That Is Absurd! Why the Specific Absurdity Undermines Textualism*" (2011)[319] – we will focus on the latter, as it more consistently reveals the logic of the development of the doctrine of absurdity and the basic concepts of absurdity in law through the prism of the relevant legal culture and system.

The doctrine of absurdity in the U.S. has developed, oddly enough, as a necessary component of the textualist approach. The essence of textualism is that in order to understand the meaning of a legal text, only such methods of interpretation are used, which are directly related to the text itself. Particularly critical textualists are of another approach

---

[316] "Surprisingly little" – because the expectations that the title of the doctrine provokes are not consistent with the outcome of the reflection.

[317] Manning J.F. The Absurdity Doctrine // Harvard Law Review. – 2003. – Vol. 116. – PP. 2387–2486.

[318] Staszewski G. Avoiding Absurdity // Indiana Law Journal. – 2006. – Vol. 81. – PP. 1001–1065.

[319] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism // Brooklyn Law Review. 2011. – Vol. 76. – PP. 917–939.

– intentionalism, i.e. the attempt to define the intention of the legislator and to use it as a fundamental principle to define the content of law, even if there are some discrepancies with the textual expression of a norm.

As L. Jellum points out, the three main directions for the critique of intentionalism are as follows. *First*, there is doubt that there is only one legislative intent (i.e. a complex process of reconciling conflicting interests in the drafting of a bill), and even if there is one, judges are unlikely to be able to establish it precisely. *Second*, the participation of judges in determining the legislator's intent may be considered a violation of the principle of separation of powers. *Third*, unlike intentionalism, textualism in itself serves as a deterrent to the "activism" of judges.[320] Thus, textualism is very similar to that kind of practice of interpreting law that is also customary for the Russian reality, although it may differ in some and possibly insignificant details caused by constitutional legal differences.

L. Jellum sees the doctrine of absurdity as synonymous to the Golden Rule doctrine and as an exception to the canon of interpretation of the commonly used meaning of the word ("*plain meaning canon*"). The essence of the doctrine of the Golden Rule is that in all cases where adherence to the rule will lead to absurd (sic!) or contrary to, conventionally speaking, common sense results, it is necessary to depart from the literally common meaning of the word. There are at least two known cases of more or less direct reflection of such an approach in the UK precedents, and in both cases the wording belongs to Lord Wensleydale. Thus, in the case of *Becke v. Smith (1836)*, he noted:

> «It is a very useful rule in the construction of a statute to adhere to the ordinary meaning of the words used, and to the grammatical construction, unless that is at variance with the intention[321] of the legislature to be collected from the statute itself, or leads to any manifest

---

[320] Ibid. PP. 920–921.

[321] In Russian version we intentionally used a translation that places the approach in the context of Russian legal terminology to highlight similarities in some detail (i.e. translating "intention" as «воля»).

> absurdity or repugnance, in which case the language may be varied or modified so as to avoid such inconvenience but no further».[322]

Lord Wensleydale subsequently clarified the wording in *Grey v. Pearson (1857)* as follows:

> «[I]n construing statutes, and all written instruments, the grammatical and ordinary sense of the words is to be adhered to, unless that would lead to some absurdity (emphasis added – ***V.A.***) or inconsistency with the rest of the instrument, in which case the grammatical and ordinary sense of the words may be modified, so as to avoid that absurdity or inconsistency, but not farther».[323]

This rule is usually considered in two possible interpretations: narrow,[324] when it comes to formal contradictions of the text, and the broad,[325] when it comes to contradiction with moral or public policy principles.[326] The golden rule (of interpretation, not morals) in the history of legal thought and moral philosophy was interpreted also rather narrowly and was mainly connected with the analysis of the moral bases of law or other ways of reconstruction of the connection between law and morality in specific cases. [327] As L. Jellum briefly concludes,

> «[t]he absurdity doctrine allows judges to ignore the ordinary meaning of statutory text when that ordinary meaning would lead to absurd outcomes».[328]

---

[322] *Becke v Smith (1836) 2 M&W 195,* цит. по: Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

[323] *Grey v. Pearson (1857) 6 HL Cas 61, 106; 10ER 1216, 1234,* cited by: Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

[324] See: *R v Allen* (1872).

[325] See: *In re Sigsworth* (1935).

[326] Here we should note that these two classical approaches correspond to our proposed classification of the absurd into syntactic and semantic, but do not take into account two levels of semantic absurdity.

[327] See: Duxbury N. Golden Rule Reasoning, Moral Judgment, and Law // Notre Dame Law Review. – 2009. – Vol. 84. – Issue 4. PP. 1529–1605.

[328] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 921.

In the U.S., the history of judges' attention to absurdity began in 1868 with the case *United States v. Kirby*.[329] The defendants, who served in the local sheriff's office, arrested a postman wanted for murder. At the same time, however, there was a rule that it was prohibited to knowingly and intentionally obstruct or hinder the delivery of mail or the activities of coachmen or crews. It turned out that the defendants had literally broken the law, but the court, in fact, for the first time, applied the doctrine of absurdity and noted: «All laws should receive a sensible construction. General terms should be so limited in their application as not to lead to injustice, oppression, or an absurd consequence. It will always, therefore, be presumed that the legislature intended exceptions to its language, which would avoid results of this character. The reason of the law in such cases should prevail over its letter».[330] It is noteworthy that the judge also quoted S. Puffendorf, who referred to the example of Bolognian law, according to which, one «whoever drew blood in the streets should be punished with utmost severity», and which, however, was not applied in practice to the case of a surgeon who opened up a vein of a man who fell on the street for the purpose of providing medical care.[331] The author, however, stresses that "drawing blood" can be regarded as a combination of two different meanings, and therefore this example does not necessarily imply absurdity – an example of this can be considered strictly in the context of conventional textualist positions.

As the most influential case of the application of the doctrine of absurdity, however, the author considers 1892 *Holy Trinity Church v. United States* decision already mentioned,[332] in which the court applied a fairly broad interpretation of the absurd, linking it to the legislator's intention, ruling that the prohibition on hiring foreign workers could not apply to clergy, although literally the activities of the pastor, who had become the main

---

[329] *United States v. Kirby, 74 U.S. 482 (1868)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/74/482/ (accessed: 24.02.2019).

[330] Cited by: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 924.

[331] Ibid.

[332] *Church of the Holy Trinity v. United States, 143 U.S. 457 (1892)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/143/457/ (accessed: 24.02.2019).

"figurant" in the case, could be regarded as such. In doing so, the court ruled that such an interpretation should apply to all such cases, in which the main issue is "word labor".[333]

The history of the doctrine of absurdity was interrupted in 1940 by the development of the intentionalist doctrine, but it was resumed in 1986 upon the assumption of office by Judge A. Scalia, and at the time of the publication was distributed in lower courts, although it was not dominant in the acts of the U.S. Supreme Court, which addressed it only five times.[334]

The special advantage of the work of L. Jellum in comparison with other publications on the topic of the "Golden Rule", textualism, absurdity and similar notions from other legal cultures is that the author does not try to mask the problem of ambiguity of the term "absurdity" for the reasoning only about the moral grounds of law. The author notes that absurdity is not defined consistently in jurisprudence – on the contrary, judges prefer to define absurdity by simply enumerating specific cases that seem absurd to them (note a certain similarity with modern Russian practice).[335] As J. Manning pointed out,

> «[s]tandard interpretive doctrine (perhaps tautologically) defines an 'absurd result' as an outcome so contrary to perceived social values that Congress could not have 'intended' it [in a statute]».[336]

L. Jellum stresses that even in the case that is interpreted as a precedent for such an exception – implying *Holy Trinity Church v. United States, 143 U.S. 457 (1892)* – the U.S. Supreme Court has only noted that a meaning that conflicts with the will of the legislator is absurd, but has no further revealed the notion of absurdity in the law. As a rule, the Supreme Court also equals the notions of "absurd" and "odd" to each other, but among

---

[333] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 926.
[334] Ibid. P. 926–927.
[335] See e.g.: *Pub. Citizen v. U.S. Dep't of Justice, 491 U.S. 440, 470-71 (1989) (Kennedy, J., concurring)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/440/ (accessed: 24.02.2019).
[336] Manning J.F. The Absurdity Doctrine // Harvard Law Review. 2003. Vol. 116. P. 2390.

some judges there is also a sharper definition of the absurd as «"lead[ing] to results so gross as to shock the general moral or common sense».[337] The author concludes that the first approach to absurdity may seem narrow and controversial in terms of the concept of the legislator's will ("congressional intent"), while the second may open the door to non-textual considerations in interpreting the law too broadly. Accordingly, the truth must be somewhere in the middle. But the fact remains, notes Jellum, that jurisprudence **cannot determine where exactly this truth lies**,[338] and judges simply refer to other cases where someone has already referred to absurdity and apply the "I'll know when I see it" approach.[339] In the following pages of his research the author draws attention to two possible types of absurdity in law – specific and general.[340] Specific absurdity exists where an particular interpretation of a particular case would be absurd.[341] General – where any interpretation of the relevant act would be absurd.[342] This classification is interesting in itself, but it also does not shed much light on the problems of the nature of the absurd. Especially, in the key that is necessary to solve the problems of revealing absurd interpretation or application of law in the conditions of the medial turn.

---

[337] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 921.

[338] This is what explains our reference to theoretical sociology in this study.

[339] Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. P. 922.

[340] Ibid. PP. 927–932.

[341] See e.g.: *Ohio Division of Wildlife v. Clifton.* The Court found it absurd to impose a penalty for mistreatment of an animal on a person who had saved such an animal from imminent death and hosted it. Cited by: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. PP. 927–932.

[342] See e.g.: *Amalgamated Transit Union Local 1309 v. Laidlaw Transit Services, Inc.* The Court found the rule that it was absurd that literally "an appeal may be lodged at least seven days after the decision was rendered", recognizing that "less" means "more", otherwise it would result in a waiting period and an indefinite period of time for appeal. Cited by: Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism. PP. 927–932.

§ 3.3. Assessment of the ideas of absurdity through the prism of the concepts of common sense

There are quite a few examples and attempts to place the ideas of absurdity in a certain context. However, we do not see any strict definitions yet. Maybe we should go from the opposite side? Absurdity is usually contrasted to **common sense**. Perhaps the situation will be clarified by addressing the appropriate philosophical school? Indeed, in a sense, the main purpose of this work is *to reflect on and theoretically structure the application of common sense in legal reasoning*. The concept of common sense cannot be understood in isolation from its own, according to the working assumption, antonym – absurdity. What is common sense and how it is viewed in contemporary social and humanitarian literature?

The representative of philosophical sciences A.A. Ivin in his textbook "*Fundamentals of the Theory of Argumentation*" roughly characterizes common sense as "common, inherent to every person sense of truth and justice, acquired with experience"[343] and analyzes the use of this concept in the history of approaches to argumentation, including Aristotle,[344] Thomas Aquinas[345] and later thinkers. From these observations, one can note the characteristic of the views of A. Sheftsbury, who

---

[343] Ivin A.A. Fundamentals of the Argumentation Theory: Textbook / A.A. Ivin. – 2nd Edition – M.: Berlin Direct-Media, 2015. PP. 185–186.

[344] "The appeal to common sense was highly valued in antiquity and went hand in hand with the opposition of wisdom (Sofia) and practical knowledge (Fronesis). This opposition was theoretically developed by Aristotle and developed by his followers to the level of a vital ideal. Practical knowledge guiding human actions is a special, independent type of knowledge. Practical knowledge is aimed at a concrete situation and requires taking into account "circumstances" in their infinite variety. Life is not built on theoretical principles and general principles, it is specific and guided by specific knowledge, assessed from the point of view of common sense". See: Ivin A.A. Fundamentals of the Argumentation Theory: Textbook / A.A. Ivin. – 2nd Edition – M.: Berlin Direct-Media, 2015. – P. 186.

[345] "In similarity, Thomas Aquinas, for example, common sense is the common basis of external sentiment and the ability to judge a given, common to all people". See: Ivin A.A. Fundamentals of the Argumentation Theory: Textbook / A.A. Ivin. – 2nd Edition – M.: Berlin Direct-Media, 2015. – P. 186.

> «...interpreted common sense as an understanding of the common good and, at the same time, as a commitment to the community or society, as natural feelings, humanity and courtesy. Common sense is more of a virtue of the heart than of the mind, which is not just a common virtue, but implies a certain moral and even metaphysical basis».[346]

In general, it is clear that "common sense" is also a very vague concept, which is likely to be understood only with the help of, apparently, common sense itself. However, we note that in the view given, common sense is linked to "commitment to the community or society" and refers to a moral basis. It is difficult to refrain from a possible addition in the first part – "with **[semantic]** commitment to the community or society". The author also mentions the philosophy of the Scottish school and his quote from H.-G. Gadamer in this regard, according to which

> «...the concept of common sense concentrates on society: "It serves to guide us in public affairs or public life, **when our capacity for reasoning leaves us in the dark**"» (emphasis added – ***V.A.***).[347]

«The philosophy of a healthy human mind in the Scottish school is not only a healing tool against the "sleepwalking" of metaphysics, it also contains the fundamentals of a moral philosophy that truly satisfies the vital needs of society».[348] In view of the above quotation, it is difficult to refrain from drawing an analogy according to which common sense paradoxically turns out to be an "unconscious" (in the Jungian sense) of law. It is worth mentioning that moral motives are important in the concept of common sense within the framework of A. Bergson's ideas, according to which

> «...although common sense is related to feelings, it's a social construct. Feelings put us in some relation to things, common sense guides our relations with people. He is not so much a

---

[346] Ivin A.A. Fundamentals of the Argumentation Theory: Textbook / A.A. Ivin. – 2nd Edition – M.: Berlin Direct-Media, 2015. – P. 187.

[347] Ibid.

[348] Ibid.

> gift as a constant correction of eternally new situations, work on adaptation to the reality of general principles».[349]

The conclusion of A.A. Ivin regarding the modern meaning of common sense is also important for us:

> «Essential importance is attached to common sense by modern philosophical hermeneutics, which opposes its intellectualization and bringing it to the level of a simple correction: what contradicts common sense **in feelings, judgments and conclusions cannot be correct** (emphasis added – ***V.A.***)».[350]

However, it is this presumption that underlies most of the sources studied, which present the empirical examples of legal reasoning relevant to the research topic.

To conclude the discussion on the common sense concept of A.A. Ivin in this source, it should be noted that it is not sufficiently disclosed for the purposes of this study, although it was quite useful to consider the above judgments. The author notes that

> «... common sense is applicable first of all in public, practical matters. It is used to judge not on the basis of general prescriptions of reason, but rather on convincing examples. Therefore, the history and experience of life are crucial for him. Common sense cannot be learned, it can only be practiced. It has a dual, descriptive and evaluative character: on the one hand, it builds on past events and on the other hand, it is a sketch, a project of the future».[351]

It should be noted that other notions of common sense are also rather vague. They clearly do not allow to build a rational legal reasoning (and legal reasoning cannot be anything but rational), but in some cases, how easy and natural is the conclusion about the lack of common sense or absurdity of any interpretation or action because *it does not make sense*.

---

[349] Ibid.
[350] Ibid. – PP. 187–188.
[351] Ibid. – P. 188.

It is also interesting to address some of the domestic studies, especially since there is little written about common sense as such. Thus, a prominent pre-Revolution follower of the Scottish school of common sense philosophy, Isidor Savvich Prodan, wrote:

> «Practitioners do not ask themselves questions about knowledge: what is truth and how it is achieved. Acting according to their innate cognitive instinct, they make fewer mistakes in their activities than other philosophers in their works. Moreover, people of science and practice, who are not familiar with the philosophy of knowledge, make important scientific discoveries; the application of these discoveries sometimes changes the entire social order of life: hence, these discoveries are not misleading. They undoubtedly confirm the correctness of knowledge and thinking among the people who made these discoveries. Particularly brilliant advances have been made by the human mind in the last century in the field of science and technology».[352]

The author goes on to give examples of how humans have subjugated natural forces and placed them at the service of progress. The author's further reasoning (and probably demonstration of sanity, at least at first glance) appears quite straightforward:

> «In contrast to these rapid advances in natural science and technology, philosophers of the past century often went against common sense and argued about what was causing a smile in people who were strangers to philosophical wisdom. Who is right, philosophers or common sense people? Without answering this question, we will repeat and prove Reed's idea that philosophy was born much later than the common sense of humanity: people in general reasoned correctly well before the emergence of philosophy. So, for example, mankind thought logically for a millennium before the brilliant Aristotle managed to write the first logic. And now hundreds of millions of people reason logically, not even knowing the words "logic" and not knowing anything about the existence of this science. Consequently, in the mind of these people without their knowledge the logic congenital to them acts. A thousand tribes also speak correctly in their own languages without knowing the rules of grammar; however, these rules, without the speaker's knowledge, are observed by them. And now there are still hundreds of languages whose grammars have not yet been written. There are already millennia of different arts, although so far none of the philosophers have managed to create a satisfactory art theory, although philosophers still argue even about the very notion of "art". The same can be said about gnoseology or the theory of cognition. Although philosophers have not yet reached an agreement even on the basic questions of this theory, the very knowledge, undoubtedly, exists and develops in general correctly. Such a discrepancy between practice and the theory of cognition may seem surprising! Is it possible for a person

---

[352] Ibid. – P. 11.

> to act according to the rules without knowing these rules? Is it possible to discover new truths without knowing what the truth is, what is knowledge? Obviously, it is possible if it happens in reality. It is also possible to use a steam engine, steamer, car, telegraph, telephone, electric flashlight without knowing the exact device of these machines, or even the most driving reason. People also use their cognitive activity without knowing its mechanism and device».[353]

Everything would be fine, but this kind of "common sense" is really a reaction to skepticism that expresses socially constructed paradigm constructs rather than scientific thinking. Meanwhile, there were only a few years left before the understanding of the dependence of the results of knowledge on the language... Separately, it is possible to note that "sanity" of the same A. Korzybski is a concept completely opposite to the "common sense" of the Scottish school.[354] Within the framework of general semantics, sanity means a critical attitude to language. In general, it may be noted in this context that the development of the new term the "semantic limits of law", which may include the notion of common sense, but not necessarily, is a methodologically sound task. The approach we propose on the following pages of the study also resonates with our own interpretation of the absurd in the works of T. Reed, who wrote, in particular, that

> «[i]f there are certain principles, as I think there are, which the 'constitution of our nature leads us to believe, and which we are under a necessity to take for granted in the common concerns of life,' without being able to give a reason for them; these are what we call the principles of common sense; and what is manifestly contrary to them, is what we call absurd».[355]

By the way, it should be noted in this context that the eight principles of internal morality of law by L. Fuller can also be considered as criteria of non-absurdity, and their

---

[353] Ibid. – P. 12–13.

[354] See: Korzybski A. Science and Sanity. 5th Ed. 2nd Printing. Brooklyn, New York: Institute of General Semantics, 2000. – 825 p.

[355] Cited by: Thomas Reid Quotes [Electronic resource] // Goodreads. – [Site]. – URL: https://www.goodreads.com/author/quotes/17381.Thomas_Reid (accessed: 24.02.2019).

violation – as a proof of absurdity.[356] In general, for the purposes of this study, common sense in law is seen as a kind of implicit rationality of law that is assimilated by the subjects of legal activity in the process of professional socialization within a particular legal order. Representatives of philosophical sciences note that "an arrogant attitude to common sense, 'folk psychology', and thus to the natural language is contraindicated to the philosopher, because it has accumulated centuries of practical experience in all our 'philosophical ontologies' are somehow tied to the natural language".[357] It appears that this opinion can be extrapolated to the field of jurisprudence.

§ 3.4. Preliminary conclusions on qualities and kinds of absurd in interpretation and application of law

The methodological approaches analyzed so far do not yet allow making any clear conclusions. However, let us try to make a generalization. What do we know about absurdity by now?[358]

— *First*, "absurdity" in law may relate to the result of legal interpretation. The process of interpretation of legal text ends with re-construction of legal norm. Such a re-construction presents the result of interpretation that in some cases can be "absurd".

— *Second*, "absurdity" is something bad, absurdity in law shall be avoided. An absurd result may be unjust. For instance, one of the main issues of interpretation of law according to A.G. Karapetov is: "Can court give such an interpretation to a fairly clear

---

[356] It would be wrong to say that absurdity is not a legal category. The sociological and sociolinguistic fact is that absurdity is more than a legal category!

[357] "The Realistic Turn in Modern Epistemology, Consciousness Philosophy and Science Philosophy? Materials of the Round Table / V.A. Lektorsky, B.I. Pruzhinin, D.I. Dubrovsky, D.V. Ivanov, G.D. Levin, A.S. Karpenko, E.A. Mamchur, S.V. Pirozhkova, A.V. Rodin, N.M. Smirnova, E.O. Trufanova, E.L. Chertkova // Problems of Philosophy. – 2017. – No. 1. – P. 11.

[358] Within this process, we will refer to certain views provided in his time by A.G. Karapetov, who is the author of one of the main Russian monographs related to the issues of legal interpretation, although the name of this book does not mention "interpretation" directly. See: Karapetov A.G. Struggle for Recognition of Judicial Law–Making in European and American Law. Moscow: Statute, 2011. [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

norm of a law that would blatantly contradict to its literary meaning in those cases where the otherwise would lead to absurd and unjust results?[359]

— *Third*, however, the previously mentioned point of view is not universal or, at least, does not mean that law cannot or shall not be applied. As A.G. Karapetov mentions in respect to the history of French jurisprudence, "it has become a commonplace in research to consider that 'even if law is thousand times absurd, it shall be applied literally nevertheless'".[360]

— *Fourth*, absurdity comes into contradiction with common sense and reason (rationality). Thus, however, "a gap emerges in a case where literal meaning of law leads to clearly absurd conclusions and common sense requires considering not real letter of the law, but such a regulation that would be established by a reasonable legislator".[361]

— *Fifth*, what is interesting, it may happen in quite the contrary way: by using of the majority of the interpretation methods, including the logical one, we can reach the results that are formally not absurd at first glance, but "actually" are absurd, and cannot be applied in such a manner.

— *Sixth,* the results of interpretation that are formally not absurd, but are "actually" absurd, may be connected to the concepts of justice and/or public morality, and presuppose shocking or outrageous contradiction or disproportionality to certain moral ideals and principles, but this is not a necessary feature at all.

Therefore in general we can conclude that **absurdity** (at least within the context of the present work) – **is a quality of the result of legal interpretation and/or application of law.** That being said, such kind of absurdity which is connected to the contradiction to,

---

[359] Karapetov A.G. Struggle for Recognition of Judicial Law–Making in European and American Law. Moscow: Statute, 2011. [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus». P. 1.

[360] Ibid. P. 10. The author cites Laurent from the following source: Caenegem R.C. van. An Historical Introduction to Private Law. – 1992. – P. 151.

[361] Ibid. P. 89. Here A.G. Karapetov cites the following source: Enneccerus L. Course of German Civil Law (in Russian). Vol. 1. Half–Volume 1: Introduction and General Part. M., 1949. PP. 191–192.

conventionally speaking, common sense and not morality, cannot be explained by logic, grammar or by them alone, because such an absurdity derives from the concepts of socially significant objects determined by socio-cultural context. In the case of this kind of absurdity, we have to study the correspondence of the conclusions to public morality, justice or, in the light of this paper, *something else*. What we do in this research is an attempt to identify this "something else", because moral discourse is not enough to rationally justify absurdity of certain cases of interpretation and application of law in the medial turn. Summarizing all the previous reasoning, it should be noted that the type of absurdity we are interested in reflects a fundamental contradiction to common sense as the implicit rationality of law. This contradiction is expressed in the application of "real" and "serious" law to the closed game simulacrum, including virtual reality, in that particular aspect which does not imply any *consequences* (interpreted in the light of the works of J. Huizinga and E. Castronova) for the social reality of everyday life, and therefore has no inter-subjective social significance. This kind of absurdity constitutes "an alternative to the accepted [common] sense (countersense)" (A.P. Ogurtsov)[362] in law.[363]

§ 4. Reconstructing the semantic limits of law with the help of deontic logic: an experience of reconsideration

An attempt to link the notions of the semantic limits of law (literally) with a kind of normativity is known to the philosophy of law, but, as we shall see further on the example of the approach of M. Klatt, based on the fundamental works of R. Brandom, they concern

---

[362] Ogurtsov, A.P. Absurd [Electronic resource] // Electronic Library of IF RAS. New Philosophical Encyclopedia. - [Site]. - URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe586d0704b972adec8eae5 (accessed: 11.09.2019). At the same time, the use of the term "absurd" in relation to social reality is ambiguous. See e.g.: Antonova, I.B. "Absurdity and Around": Construction of a Typological Model // Vestnik of Russian State University of Civil Engineering. Series: Political Science. History. International relations. – 2014. – No. 1 (123). – PP. 26–35

[363] A. Marmor interprets the absurdity not as a sign of falsehood of the prescriptive statement, but as a proof that such speech act did not take place (with regard to the asburd value, we will add in the context of the study). See: Marmor A. The Pragmatics of Legal Language // Ratio Juris. – 2008. –No. 4. – P. 450.

mainly the syntactic contradictions and, unfortunately, also will not allow to achieve sufficient clarity in clarifying *the semantic absurdity of the "deep" level*. The main disadvantage of this approach is that it still does not reveal the nature of the semantic normativity of law from the standpoint of relations between concept-words and world, but it also has a significant advantage – it allows justifying the implicit normativity of ideas about the semantic limits of law. We emphasize that the ideas reflected in the work that is the subject of the subsequent analysis, the author of this study came to the ideas before familiarizing himself with them and based on several other methodological positions (not from the "early", but from the "late" Wittgenstein), but hence the more significant is the general methodological approach.

§ 4.1. Critical overview of the theory of the semantic normativity by Matthias Klatt

The scientists who proposed the development of the idea of semantic normativity have made worthy efforts to clarify the semantic limits of law even in the interpretation, which itself does not allow to reconstruct the necessary semantic connection, – M. Klatt, author of the book "*Making the Law Explicit. The Normativity of Legal Argumentation*" (2004, 2008),[364] tried to understand the problem by continuing the German approach to law as a rational discourse, but also by referring to the philosophy of language. The main points of his monograph were presented in a concise and illustrative manner in the article «*Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation*», awarded the Young Scholar Prize of the International Association of Philosophy of Law and Social Philosophy in 2003,[365] and we will take it as the main text for analysis.

---

[364] Klatt M. Making the Law Explicit. The Normativity of Legal Communication. – Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2008. – 303 p.

[365] See: Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation // ARSP: Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. – 2004. – Vol. 90. – No. 1. – PP. 51–65.

The author asks two basic questions. *First*, how can the idea of transcendental to the context of objectivity [law] be brought into harmony with the existing pluralism of language games and concepts of world? *Second*, how does the general idea that meaning emerges in the conventional practices of the language community, perhaps without resorting to "*common sense truisms*" of Quine?[366] He introduced these two questions with a foreword that **the notion of a legal text as a circumstance *determining* the content of a legal rule should be preceded by the notion of "objectivity of the meaning" of such a rule**.[367] While sharing the relativistic view of the meaning of words, it is nevertheless difficult to disagree with the author's criticism of the schools of legal realism and critical legal studies, which, on this basis, lead us to the fact that the meaning of a normative instrument becomes «dissolve[d] into a multitude of language games and relativistic interpretations that stand opposed to each other uncomprehendingly».[368] M. Klatt believes that approaches that are relativistic in this sense are erroneous, and he develops his arguments as follows.

The author stresses that

> «[o]ne central claim… is that the practice of attributing [words and propositions with] meaning entails that the meanings of concepts bind their usage. The concept of semantic limits is a *normative* concept. Therefore, a concept of meaning has to be normative, and its analysis has to spell out the conditions of correct usage of words or sentences».[369]

M. Klatt notes that the concept of normativity is based on the presumption that **it is impossible to say anything meaningful unless we allow that the words can be misused**. Based on this premise, the author proposes a "basic thesis of semantic normativity", which reads as follows: «There is an intersubjectively valid way of distinguishing between correct

---

[366] Ibid. P. 52.
[367] Ibid. P. 51.
[368] Ibid.
[369] Ibid. P. 52. M. Klatt refers to J. Coleman to support his position, see: Coleman J. The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. – Oxford, 2001. – P. 175.

and incorrect usage of concepts».[370] Hence, according to the scholar, it follows from it, *first*, the existence of a normative link between the meaning of a concept and its use, and *second*, the need to clarify the conditions of semantic normativity, since the mere statement of such conditions is not enough.[371] M. Klatt suggests that four main approaches to defining the semantic normativity conditions be considered and integrated:

— interpretation of semantic normativity through notions of **truth**, first of all, on the basis of the correspondent theory of truth;

— interpretation of semantic normativity through the **notion of normativity of relations between concepts** ("grammatical sentences" by L. Wittgenstein);

— linking semantic normativity to **general rationality** as interpreted by J. Raz, who believed that rationality is the ability to see the normative meaning of facts and act accordingly;

— the theory of speech acts by J. Searle, according to which **speaking using language is a form of behavior that implies following the rules**.[372]

M. Klatt builds the methodology of integration of these approaches to substantiate semantic normativity on the basis of R. Brandom's work "*Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*".[373] The main position of R. Brandom in the interpretation of M. Klatt is that our explicit discursive social practices have implicit rules that allow us to assess speech acts as right and wrong, and his methodological approach involves a combination of normative pragmatics and semantics of conclusions through a general concept of making something "*being made explicit*", which leads to the establishment of the "*deontic scorekeeping*" model, while this methodology is

---

[370] Ibid. P. 53.
[371] Ibid.
[372] Ibid. P. 53.
[373] Brandom. R.B. Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard University Press, 1994. – 741 p.

reconstructed as follows.[374] In the context of **normative pragmatics**, it is emphasized that people assess and act on the basis of *reasons* and, as a result, implicit norms are institutionalized in social practice. The context of the **semantics of the conclusions** emphasizes that the correctness of the use of propositions depends on the essential conclusions, which are not limited only to formal and logical connections (the conclusion that "Munich is located to the south of Hamburg", made from the statement that "Hamburg is located to the north of Munich", is semantically correct due to the meanings of "South" and "North").[375] When using statements in this case, the speaker naturally takes into account the conditions of pronouncing the statement and the consequences of the statement, the systematic nature of both determines the semantic normativity. Then, in the part of the model of deontic scorekeeping, linguistic practice for determining normativity is based on two main deontological statuses for assessing the correctness of the statement – "*commitment*" and "*entitlement*". By saying some statement, we assume an implicit commitment – by saying one thing, we will have to say the other one, while considering the first thing said – or similarly "entitle" the other actor.[376]

Further the author considers possible criticism of the concept of the semantic normativity from the positions of S. Kripke and W. Quine, then places it in the context of H. Hart's ideas about "simple" and "complex" cases and passes on to the example of the application of argumentation, based on the developed concept. Let us dwell on it in more detail, preliminarily marking another key parcel. According to M. Klatt, semantic skepticism of supporters of the theory of language games and similar "language-anarchists" is not justified for two reasons. *First*, one cannot draw conclusions about discursive practice in general by focusing on individual actors and the specificities of their

---

[374] Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation. P. 54.

[375] Already now we should note that the concept of M. Klatt does not imply that specific ways of defining the concept of "south" and "north" should in themselves obey or obey any special rules. To be precise, this issue is not addressed. What if we say that "the North is in Munich from Hamburg"? Or, to give a more realistic example, would you say that "south" and "north" mean financial well-being and financial decline respectively (without regard to the real indicators, just as an example)?

[376] Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation. PP. 54–57.

individual practice, which is detached from inter-subjective communication. *Second*, «epistemic access to meaning consists in making implicit rules explicit», what R. Alexy called a linguistic-analytical discourse. Such a discourse is a kind of normative discourse, but its reasoning is limited to special semantic arguments.[377]

> «The topic of this special discourse is the semantic structures of meaning that can be analysed using Brandom's terminology. It is the part of the function of this discourse to change and to improve those semantical structures and thereby the meanings of concepts. However, this future-directed task, which can result in the fixing of a new meaning, is to be carefully distinguished from the past-directed establishment of existing inferential and normative structures qua making them explicit. The establishment and the fixing of meaning remain two distinguishable forms of the semantic-analytical discourse».[378]

The author further suggests the word usage rules method, which R. Alexy suggested to use as semantic arguments for internal justification of legal decisions, namely to take into account the properties (P) of the object (x), which must be satisfied in order to comply with the legal concept (C). It results in the following formula: $(x)\ (Px \rightarrow Cx)$.[379]

M. Klatt emphasizes the importance of making the word usage rules explicit. The author sees false assumption on inferential relations associated with a concept as the main category of transgression. Such a false assumption is possible in the context of four possible statements according to R. Brandom's classification (here it is implied that, in the semantic discursive practice, statements can be connected either with the present or with the future and take the form of logical obligations or entitlements): conditional obligation, consequential obligation, conditional entitlement and consequential entitlement. Note that in the context of our work, false assumptions related to the specified semantic and deontological statuses may well correspond to the notions of absurdity in the broad sense of the word. A direct example given by M. Klatt relates to the application of the concept of

---

[377] Ibid. P. 59.
[378] Ibid. P. 59–60.
[379] Ibid.

"gang" (this translation is used for simplicity, in the initial context it may be a similar concept to the concept of "associates" from the criminal law) in § 244 I No. 2 of the German Criminal Code. This norm imposes stricter liability on those who have committed crimes in a gang. The earlier decision of the Federal Supreme Court of Germany found that the existence of a "gang" required the agreement of at least two subjects to commit a crime in the future.[380] Critics, however, objected that at least three people were needed. Their reasoning was based on the fact that, according to the social and linguistic practice, three people are needed. The author believes that we can now easily identify the essence of the dispute – it is the rule of using the word "gang". If we imagine, as noted by M. Klatt, that this concept is related to the quality of P_2 (two are sufficient for the gang), which is conditional on the gang's concept of G, the opposite point of view is based on the quality P_1 (no, it takes at least three for the gang). After that, the author concludes:

> «It is **assumed** (emphasis added – ***V.A.***) here that the best arguments are in favour of the opinion that the implicit norms of the practice of making assertions assess the use of the concept gang as correct only if at least three persons committed the offence. Therefore, the former jurisdiction of the German Federal High Court transgresses the semantic limit of conditional commitments by assuming an incorrect property-catalogue P_2 in the word usage rule. For an individual a (criminal combination of two persons), this semantic error leads to an incorrect affirmation of the property and therefore to a semantically erroneous application of the concept gang to a" ».[381]

On our part, we dare to note that the approach of M. Klatt is accurate in form, and probably allows to resolve the problems posed by the author himself. However, despite the similarity between certain terms used, this approach does not provide sufficient instruments to resolve the tasks of our research. In particular, we still cannot obtain enough clarity to the question of why we should prefer one approach over the other in respect of assigning certain values to concept-words, and why we cannot change this approach

---

[380] Ibid. P. 63–64.
[381] Ibid.

arbitrarily (which has been repeatedly observed in the history of law in Russia and abroad – not just by the example of a "gang" or not just only by this example, but in many other cases).

To what extent, however, the theory proposed by M. Klatt can be correct and applicable for the purposes of resolving that very problem which is posed in this paper? It allows us to construct a formal way of thinking about the semantics of normative prescriptions, and also demonstrates that the interpretation of legal texts depends on the implicit rules.[382] But seriously, what are its significant limitations for the purposes of reconstruction of the criteria of absurdity in law connected to simulation in the media space, and why is it insufficient to address the issue of the semantic limits of law in the conditions of the medial turn?

First, the concept of the semantic normativity does not clarify what implicit normative discursive practices themselves are or how they should be defined. Brandom's idea of "statements" and "powers" that "bind" discourse participants (i.e., "speakers") seems to be methodologically sound, but the problem with these approaches is that the way in which such speech acts are performed may itself be implicitly conditioned by social reality.

---

[382] The same approach is taken by the author of the present study in the course "Legal Interpretation", a brief summary of the main principles of which was reflected in one of the publications on the problems of interpretation of personal data legislation. «This approach to the interpretation of law is based on the concept of "pragmatic (realistic) theory of legal interpretation", which is used by the author when teaching the course "Interpretation of Law" at the Faculty of Law of St. Petersburg State University. This concept is based on the generalization of legal methodology developed by thinkers mainly in the XXth century and is based on the following assumptions: (1) the fact of social life is that the subjects of legal interpretation have different interests; (2) methodology of legal realism (O.W. Holmes Jr., K.N. Llewellyn, J. Frank, etc.); (3) the idea of "morality of law" by L.L. Fuller in the part of functional analysis of the professional activity of lawyers; (4) the concept of "internal point of view" by H. Hart – in order to understand how law really functions it is necessary to consider the attitude of the subjects of law; (5) the concept of social construction of reality by P. Berger and T. Luckmann through communication and, actually, interpretation; (6) objectivity of social conflicts – "people's unfriendly communicability" by I. Kant. Thus, various subjects of interpretation of law, pursuing their interests and sometimes being in conflict relations, by interpreting the law carry out social construction of reality. This concept claims to be realistic in the sense that it implies skepticism about the somewhat idealistic idea of "comprehensiveness" and "objectivity" as determining principles of legal interpretation, preferring the validity of conclusions (arguments) and certainty of conclusions". See: Arkhipov V.V. Personal Data as Non-Material Values (or There is Nothing More Practical Than a Good Theory) // Zakon. 2018. No. 2. P. 56.

Second, and this is related to the previous criticism, the entire concept of the semantic normativity is based on the presumption of rationality and – implicitly – the conscientiousness of the participants in the legal discourse. The concept may be good for describing a "healthy" situation in law, but it is not sufficient to describe and, moreover, to solve the "pathology" (in Fuller's sense) of law. In other words, one of the weak points of the concept of semantic normativity is the absence of direct attention to absurdity in the field of law.

At the same time, the concept of the semantic normativity cannot be denied at least in that aspect where it clearly shows what are the consistent and the inconsistent kinds of reasoning in law when it comes to the semantics of propositions or individual words.

However, coming back to one of the initial examples, let us assume that someone claims that Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation can be applied to the player who committed the "murder" of a game character. Let us try to apply the concept of the semantic normativity to such a speech act. Yes, it is a "statement". However, what is next? Well, we can say that this is not the first statement – then it should be evaluated within the framework of the entire system of previous statements. Then we come to the conclusion that such a statement contradicts the previous speech acts in the system of "statements" and "powers". Perfect. But does this mean that a new statement that breaks the sequence of the old chain of statements is impossible? In terms of the concept of the semantic normativity, yes. Nevertheless, it is not so from the point of view of real life. Otherwise, for example, we would still have seen instances of legal and legitimate slavery in the countries where it had previously been widespread. And the fact is that a rational normative discourse may well be broken by political will and then changed. But such a willful act may also have its own "semantic boundaries" – the boundaries between absurdity and common sense. It seems that such boundaries should be sought, however, not

directly in deontic logic, but in the fields of knowledge that are directly concerned with the social construction of reality.[383]

§ 4.2. General remarks on the semantic limits of law, exclusive positivism and deontic logic

As can be seen, the concept of the semantic limits of law is equidistant from normative studies, focusing on deontic logic, and from jusnaturalism, which focuses on the relationship between law and values. The semantic limits of law are not related to logic as such, nor to values as such, but to what is "in the middle", to the **semantics in the broad sense**. Note that in the historical and contemporary literature on deontic logic, there is no direct trace of the methodology for determining specific semantic relations between the sign and the signified in that sense which forms the subject matter of this research. This literature is focused more on the study of the internal relationships of the system of signs. In other words, the deontic logic in the current edition mostly does not allow explaining why, from the standpoint of substantial and not formal criteria, when interpreting the term "murder" from Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, we mean a certain range of "real" life phenomena, but do not include in this circle "murders" occurring in computer games. Modern normativism as a "pure legal theory" takes this question beyond the boundaries of legal science, although it is semantic problems that constitute a significant part of the sharp contradictions of legal practice at current stage.

For example, the approach proposed by E.V. Bulygin is undoubtedly deep, interesting and consistent. At the same time, the scientist remains loyal to scientific positivism in the sense that the questions of substantive semantic principles which are

---

[383] For the sake of justice, the criticism received by the author from his Anglo-American reviewers does not allow to resolve the problems of this research. See e.g.: McIntyre J. Making the Law Explicit: The Normativity of Legal Argumentation. By Matthias Klatt // The Cambridge Law Journal. – 2011. – Vol. 70. – No. 3. – PP. 674–676.

determined by socio-cultural context are bracketed out by the pure theory of law (as a side effect of which we are likely to encounter a limited scope of clear literature on the legal interpretation methodology). A good example is the argument of E.V. Bulygin with regard to the example of R. Dworkin with Tom and Tim, who signed the possibly a "blasphemous" treaty on Sunday. As E.V. Bulygin develops the example:

> «Let us assume that the legislature has passed a law according to which "sacrilegious contracts are invalidated from that time onwards". Public opinion was divided on the question of whether a contract should be considered to be sacrilegious solely on the grounds that it was signed on Sunday. It is known that the majority of legislators did not think about this issue during the voting and that their opinions were divided as to whether the new law should be interpreted in this way. Tom and Tim signed the contract on Sunday, and now Tom is suing Tim for recognition of the validity of the contract, which in turn challenges Tim... The judge has to decide whether the contract is valid, and for this he must determine whether the proposition "The contract signed by Tom and Tim is sacrilegious" is true... In order to establish the truth of the sentence "The treaty signed by Tom and Tim is sacrilegious", he has to find out only one thing: whether the contracts signed on Sunday have the property to be sacrilegious, that is, whether the extensional of the predicate "sacrilegious" includes the concepts of "contracts signed on Sunday". It must be said that in our example, the predicate "sacrilegious" is vague, which places all cases of contracts concluded on Sunday in the **area of penumbra** (highlighted by me - ***V.A.***). According to this hypothesis, the judge is not in a position to ascertain whether such contracts are sacrilegious or not, since there is no established use of the word in the language of the relationship between the two expressions. In such cases, the judges must decide whether to include the contracts signed on Sunday in the "sacrilegious" predicate or not. Suppose our judge decided that such contracts were sacrilegious. In doing so, he does not approve any true or false proposal, but rather provides a (partial) definition of a "sacrilegious" predicate».[384]

As the author concludes his further reasoning,

> «...difficulties in solving the problems of subsumption (both individual and generic) stem from two different sources: lack of knowledge of facts (gaps in knowledge) and **semantic**

---

[384] Bulygin E.V. Limits of Logic and Legal Reasoning / Bulygin E.V. Selected Works on the Theory and Philosophy of Law. Transl. from English, German, Spanish / under the scientific ed. by M.V. Antonov, E.N. Lisanyuk, S.I. Maximov. – St. Petersburg: Alef–Press, 2016. – P. 157–158. Since it seems to be almost impossible to find an already published translation of this work into English in Russia (even by means of the Internet), hereinafter the author's translation is included hereinafter. This article is a follow-up to E.V. Bulygin's discussion with N. McCormick and his views in the following publication: MacCormick N. Legal Deduction, Legal Predicates and Expert Systems // Revue Internationale de semiotique juridique. – 1992. – Vol. 5. – P. 181–202.

> **uncertainty or vagueness of used predicates (gaps in recognition or cases of penumbra)** (emphasis added – ***V.A.***). The idea that the vagueness of any predicate may require a judge to make a decision is undoubtedly correct. However, as McCormick correctly points out, this cannot be considered an argument against the deductive nature of argumentation in law. Even if decision making sometimes forms part of the task of establishing the assumptions of such reasoning, this does not preclude the possibility of reconstructing that reasoning from a premise to a conclusion in the form of a deductive conclusion. **This whole question has nothing to do with law** (emphasis added – ***V.A.***) and, in particular, reasoning in law, but is a feature of any applied logic».[385]

The above argument, of course, looks consistent and logical. One problem: in a real situation, implicit premises would be much more diverse. For example, Tom and Tim could be Jews or Muslims in Christian society, which, however, at the constitutional level proclaimed the principles of equality, regardless of religious affiliation. For them, the contract concluded on Sunday could not be blasphemous due to the fact that the conclusion of the day of the week (relatively speaking, not on Friday and not on Saturday). However, this is not the main objection. In fact, there are three main objections.

The *first one* is based on the approach of L. Fuller, who never (to the author's best knowledge) received a direct answer to his assertion that,

> «Paradoxically, the positivist who insists that all true law is explicitly made is the beneficiary of this silent exclusion; without it his "law" would become too chaotic a thing to offer any anchorage for his faith».[386]

The *second one* is based on a view that goes back to legal realism, according to which **the real "law in life" is in fact critically determined by semantics**. Clear constructions of legal reasoning that follow from deontic logic, although they are formally really clear, often provide little instruments (or do not give any) for the resolution of legal conflicts and collisions in the area of the penumbra. However, metaphorically speaking,

---

[385] Bulygin E.V. Limits of Logic and Legal Reasoning. P. 161.

[386] Fuller L.L. Anatomy of the Law (in Russian) / Transl. from English by V.V. Arkhipov // Russian Yearbook of Law Theory. – 2009. – No. 2. PP. 313–314.

jurisprudence in the XXIst century represents, relatively speaking, one large area of the penumbra.

The *third* is partly related to the second and consists in the fact that the pure theory of law is one of the possible models of theoretical reconstruction of law, but this model is more idealistic in its essence than integrative or realistic concepts of law, which, however, also represent certain models.

In this context, it is particularly important to recall what H. Hart said in the discussion with L. Fuller, key to the development of philosophy of law, though this aspect of their discussion remained largely undeveloped. According to the British thinker, the application of the law «to specific cases… cannot be a matter of logical deduction»,[387] because «logic does not prescribe interpretation of terms; it dictates neither the stupid nor intelligent interpretation of any expression. Logic only tells you hypothetically that *if* you give a certain term a certain interpretation then a certain conclusion follows. Logic is silent on how to classify particulars – **and this is the heart of a judicial decision** (emphasis added – ***V.A.***)».[388] For our part, let us add that this is not only the essence of the judicial decision, but also of law in general, especially now, in the face of a change in the general civilizational paradigm and universal digitalization of society.

It should be noted that H. Hart's approach to the open texture of legal norms based on reducing the problem to the level of judicial discretion and teleological interpretation (and, as a consequence, to the problem of weighing the values) was quite good for its time, but now it can be considered as a kind of elegant departure from the answer on the merits. Well, this is the area of values and judicial discretion, but how do we explain these processes then? The main hypothesis of the present work is actually to identify at least one basic theoretical principle of law in this context and to justify it. Such a result, we believe,

---

[387] Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals / Transl. into Russian by V.V. Arkhipov // Philosophy and Language of Law / Herbert Lionel Adolphus Hart. – Moscow: Canon+ ROOI «Rehabilitation», 2017. – 384 pp.

[388] Ibid.

is achievable in the interdisciplinary analysis and development of the analogy of law and game, taking into account the modern, fundamentally different stage of development of the games, and as such, we propose to consider **the claim of law to seriousness** (which can complement the principles of internal morality of L. Fuller's law and R. Alexy's idea of the claim of law to correctness – see § 6.2 Chapter 3 of this research).

§ 5. Interdisciplinary concept of the "magic circle" in game studies

So far we have managed to assess the attempts to reconstruct the limits of law from the point of view of moral philosophy; to determine why the approaches of L. Fuller and H. Hart are incomplete under the conditions of the medial turn; to find out that the widely used notion of "absurdity", clearly related to the semantic limits of law, has not yet been defined with sufficient clarity even in the "doctrine of absurdity"; to establish that theory of law as a rational discourse and deontic logic can help us to qualify certain formal kinds of absurdity (or, perhaps, nonsense), but in the case of "deep" semantic absurdity they can be useful only for stating and formally describing the problem. Each of the presented approaches, it is worth admitting, is not very suitable for the formation of a brief and scalable concept of the semantic limits of law in the conditions of a medial turn. For example, we still cannot justify the impossibility of interpreting Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation as applied to "murders" in computer games, and, on the contrary, we cannot justify the possibility of applying norms of real law to the turnover of virtual property for real money. Continuing to supplement the aesthetics of the scientific text with the language game of game studies, let us ask the following question: perhaps, if a research with a serious object does not help us, research with an unserious object – the games themselves – will help us?

The term "magic circle", already mentioned in this study, is widely used in cultural studies, sociology, and the interdisciplinary field of game research. It means the supposed

conditional boundary between the "space" of a game and "real life". In the context of this paper, **the concept of the magic circle can be considered, *first*, as a historically initial attempt to conceptualize the semantic limits of law in the context of the medial turn, and *second*, as an experience of interdisciplinary experience of such conceptualization, based, *inter alia*, on theoretical sociology**. Of course, the theory of the magic circle (or studies in which the term is used exclusively as a conditional label, as it is traced, for example, in the works of J. Fairfield) is sufficiently developed by itself. At the same time, it focuses on only one area of social practices – games. This is probably why it is particularly vulnerable to criticism. The concept of the semantic limits of law, in this sense, can be considered as expanding the content of the concept of the magic circle and extending it to a wider space of social practices. The history of the use of this term in science based on the principle of metaphor can be traced back to the work of J. Huizinga "*Homo Ludens*" (1938).

In recent studies of the legal aspects of multiuser computer games and virtual worlds (specifically, in this case, we do not consider sociological and cultural concepts of the magic circle and the definition of its limits – the subject of jurisprudence differs from the subject of other social and humanitarian sciences, even if directly related to the interdisciplinary research methodology), several approaches to the definition of the boundaries of the magic circle have been outlined. We emphasize that they are consistent with interdisciplinary discourse in this area. The last research at the time of writing, which summarizes the problems of interpretation of the magic circle in relation to games, belongs to the Finnish researcher J. Stenros. In the article «*In Defence of Magic Circle: The Social and Mental Boundaries of Play*» (2012),[389] after assessing the arguments of the critics of this concept (which we partially used to reconstruct the concepts of virtual reality as part of

[389] Stenros J. In Defence of Magic Circle: The Social and Mental Boundaries of Play [Electronic resource] / Proceedings of DiGRA Nordic 2012 Conference: Local and Global – Games in Culture and Society // Digital Games Research Association. – [Site]. – URL: http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/12168.43543.pdf (accessed: 06.02.2019).

the medial turn in § 5 of Chapter 1 of this study), gives three main modern approaches to determining the boundaries of the game and the gameplay:

First, it is a "psychological bubble" – a "protective frame" surrounding the player who is in a psychological state corresponding to the game process. It is about

> «…personal, a phenomenological experience of safety in a playful (paratelic/autotelic) state of mind. If a person plays alone, she need not negotiate or metacommunicate with others (though usually she does signal play unconsciously). There is a 'border' around her experience, a frame that guides her interpretation of the situation. A player needs to feel safe in order to be playful, though it is not necessary to actually be safe».[390]

Second, it is actually the magic circle as a metaphor for a social contract that constitutes a game activity.

> «The *magic circle* is the social contract that is created through implicit or explicit social negotiation and metacommunication in the act of playing (a game). This social contract can become societal as other social frameworks (law, economics) can recognize it. It is created when there is more then one person engaged in playful activity, though once established it is no longer necessary for everyone to constantly remain in a playful mindset. There is a connection between a playful mindset and play, but as a result of social negotiation and shared structuring of an encounter, it is possible to be in a telic mindset and still remain within the socially agreed borders. This applies to the playing of single player games as well: though they can be played alone, they are socially recognized as domains of special meaning, as games. However, if enough participants slip into a telic mindset, then it can be questioned whether what is contained within the borders remains play even if it is still a game».[391]

Finally, *third*, is the concept of the magic circle as an arena for the gameplay process, which is a "temporal or spatial 'site'" that

> «…is culturally recognized as a structure for playful action, or an **inert ludic product** (emphasis added – ***V.A.***). As the social negotiation of a magic circle becomes culturally established and the border physically represented, arenas emerge as residue of the playing (the tennis court, April Fool's Day, **game products** – emphasis added – ***V.A.***). These sites are

---

[390] Ibid. P. 14.
[391] Ibid.

> recognized as structures that foster play even when empty (and they can be constructed in ways that seek to foster playfulness), but require use to be activated as the border of the magic circle remains social. As socially recognized they have severed the need to be engaged in with a playful mindset».[392]

Moving from game research to jurisprudence, we emphasize that these disciplines have different **subjects**. Furthermore, J. Stenros did not pretend to find a solution for law, although he noticed obvious parallels. However, despite this, it is quite obvious that there is a correspondence between known and emerging *legal* concepts of the magic circle and three cultural and sociological interpretations of this phenomenon. They are, accordingly, the following.

The first approach in law is "subjective". It was directly suggested by B.T. Duranske in the book "*Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*" (2008).[393] In this paper, the author, more a practicing lawyer than a representative of the theoretical direction in law, presented an attempt to predict the further development of "virtual law" as an area related to the application of general rules in the context of virtual space in the narrow sense of the word. The "magic circle test", proposed by the author, is a procedural theory in the sense of American jurisprudence rather than an observation related to the ontology of law. Literally, this "test" sounds as follows:

> «An activity that occurs in a virtual world is subject to real-world law if the user undertaking the activity reasonably understood, or should have reasonably understood, at the time of acting, that the act would have real-world implications».[394]

Note that, at the first approximation, such a test may seem to be quite a valid one. Moreover, we should welcome the author's truly innovative approach to the popularization

---

[392] Ibid. PP. 14-15.

[393] See: Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. – 2008. – 461 p.

[394] Ibid. P. 75.

of these problematics. At the same time, even though the subject of legal science and, moreover, practice, differs significantly from the subject of sociology and cultural studies, against the background of all discussions of the drawbacks of the concept of the magic circle within the framework of interdisciplinary discourse, the approach does not look very convincing. Paying tribute to the pioneering enthusiasm of B.T. Duranske, we note, of course, the uncertainty of the concept of "committing actions in the virtual world". The author himself defines the concept of "virtual world" rather narrowly, correlating this term with the notion of a computer environment in which users interact with each other through virtual representations – avatars (there could be some difficulties in conjugating this word in Russian, taking into account the lack of well-established traditions of word use in the language in this case), which often assumes the constancy of user-generated content, as well as the current economic system.[395] However, even with such a narrow use of the term, it is not clear what "user's actions in the virtual world" are, if user, even at a very rough approximation, acts, in general, in the real world, and computer simulation, in fact, is also part of the real world. At the same time, however, B.T. Duranske's approach has at least one indisputable advantage from the point of view of legal dogmatism – the author connects the boundaries of the magic circle (and hence the semantic limits of law) with two components: *the consequences for the "real" world* and *the subjective side of the act* – legal or illegal.

The second approach in law is "consensual". Turning to this concept of the magic circle as a legal "test", it should be noted that the notion of a broader meaning of the concept of "magic circle" has already been encountered in the legal literature. Thus, one of the prominent foreign researchers of legal aspects of virtual worlds, J. Fairfield, in his article "*The Magic Circle*"[396] notes that «before evaluating the magic circle as a **legal**

---

[395] Ibid. P. 2.

[396] See: Fairfield J. The Magic Circle // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law. – 2009. – No. 1 (May). – PP. 823–840.

metaphor (emphasis added – ***V.A.***), it is useful to understand why the metaphor has proven so durable in virtual worlds».[397] According to the author, there are three main functions of the magic circle metaphor.

The *first* of these functions is to protect the "virtual play" in the case of both computer and conventional games. J. Fairfield gives the example of children playing cowboys and Indians; however, we can add to this "adult games", such as historical reconstruction, as well as phenomena close to sports or sports being – say, paintball or strike ball games. As long as the game is going on, law should not interfere. However, if someone violates the rules of the game and causes others, for example, injury, law should interfere into the process. J. Fairfield clarifies this thesis on the example of American jurisprudence, mentioning the case of *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc., 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979)*.[398] However, it should be noted that similar practices exist in many other countries, and, of course, the Russian Federation is no exception. Furthermore, this perspective does indeed form an important part of the meaningful field of discussion relevant to the subject matter of this study.

The *second* function of the metaphor of the magic circle is to protect artistic creation and freedom of speech. It should be noted that this perspective is extremely important for the context of the work, as it essentially echoes a number of dichotomies that form the basis of its methodology. Artistic, imaginary, unserious, absurd – all this determines the main content of the hypothesis about the semantic limits of law. As the researcher notes,

> «[i]n works of fiction, characters commonly engage in illegal acts. Likewise, movies or theatre productions sometimes include depictions of sex or violence that may fall outside the realm of social and legal acceptability. Yet the authors of those plays, books, or movies are not themselves liable for the **illegal actions of their characters** (emphasis added – ***V.A.***)».[399]

---

[397] Ibid. P. 826.

[398] See: *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc., 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979)* [Electronic resource] // OpenJurist. – [Site]. – URL: https://openjurist.org/601/f2d/516/hackbart-v-cincinnati-bengals-inc (accessed: 24.02.2019).

[399] Fairfield J. The Magic Circle. P. 826.

This requires a polemical retreat, which may provide additional clarity to the subject matter of this paper. Yes, we can agree with J. Fairfield that an author should not be held responsible specifically for the actions of their character. However, we emphasize that **this thesis can be perceived as obvious in certain, but not in all legal cultures, not in every historical situation and not in all meanings**.[400] Rather, it is appropriate in the context of a strong constitutional and legal tradition of freedom of speech in the widest interpretation existing in the U.S. specifically in the beginning of the XXIst century, but the evidence of this statement is not universal. In the conditions of the information society and in the situation of a more conservative legal policy, the rigor of the notion that the artistic, no matter how cruel, immoral or other scenes may be, cannot assume immunity from interference of law, is somewhat erased. Yes, the author will not be held responsible for the actions of the characters as if they had been committed by the author. However, the very question of whether it is lawful or illegal (in the legal sense of the word) to touch upon certain topics or, for example, to include in the content of the scene, something strongly contrary to public morals, has the right to life. It is here that the question arises about the semantic limits of law in the sense that this phenomenon is proposed for conceptualization within the framework of this study.

The *third* function of the metaphor of the magic circle, as described by J. Fairfield, is to protect the ability to enjoy the gameplay as a "*tabula rasa*" that does not require investment of material resources and assumes equal opportunities for players in the virtual world, regardless of social, property and other status in the "real" world.[401] This function is quite specific and, in our opinion, has certain methodological prospects for the

---

[400] Of course, we do not consider cases of "objective imputation" to the author of legal responsibility for the actions of the character in the fictional world, but we want to emphasize that in some cases the author may be responsible for the information disseminated. How to distinguish the case of "dissemination of information" from the exercise of freedom of artistic creation is the subject of this study.

[401] Ibid.

development of ideas about the right to play as a new independent constitutional right or as a part of any of the known rights (for example, the right of access to cultural heritage). In a certain sense, and this perspective corresponds to the problem of the semantic limits of law, since such a "human right" may result in another semantic limit of law, implying non-interference in the game processes for the reasons indicated. At the same time, this approach clearly needs to be further developed, as it once again clearly demonstrates the non-obviousness of the differences between the "virtual" and the "real". We would like to emphasize that one of the pioneers of game research, E. Castronova, directly advocated this approach.[402]

As an attentive researcher of the magic circle problems, professor J. Fairfield directly views virtual property issues as an illustration of these problems. It should be noted that the concept of magic circle within the framework of the formulated hypothesis represents one of the historical variants of conceptualization of the semantic limits of law. As the author notes,

> «[t]he interaction between money and the magic circle deserves special mention, since it is the intrusion of real-world dollars into virtual worlds that precipitated the current spate of virtual-world litigation. Game gods[403] use the metaphor of the magic circle to justify blocking real dollars from entering virtual worlds, in order to protect play and preserve the level playing field».[404]

However, believing that the virtual property issue itself is directly related to the discussion under consideration, the author rejects the idea of explaining the *de facto* semantic limits of law by referring to the magical circle of the gameplay.

---

[402] See: Castronova E. The Right to Play // New York Law School Law Review. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 185–210.

[403] Context-wise – game developers or game organizers, because in early online games (using the example of the "MUD" genre) gameplay administrators, who often acted simultaneously as developers, were conditionally called "Gods" or "Immortals" for the purpose of distinguishing from "ordinary mortals", players.

[404] Fairfield J. The Magic Circle PP. 837–838.

> «The question is not whether real-world economics can or should impact virtual worlds; they can and they should. The question is how much of an impact the players can expect».[405]

J. Fairfield gives analogies with classical sports – for example, in the case of a higher quality tennis racket, which is more expensive, or with a high-level baseball club, which can afford to pay a higher salary to players. The author questions the principle underlying the rules of the game established by the game companies, doubting that the question of the possibility or impossibility of one player to "exchange" virtual property for real money and vice versa, which is traditionally regarded as an unacceptable practice, is fundamentally different from the purchase of an expensive game computer and high-speed Internet access, which in principle is not considered an area where a game company can intervene.[406]

This question is certainly quite interesting, but for the limited purposes of the main subject of this study – the semantic limits of law – we note here that the judgment of J. Fairfield only emphasizes the theoretical urgency of the problem. In fact, according to the researcher, the reductionist concept of the magic circle does not allow solving the conflict between users and game companies in terms of the limits of virtual property turnover for real money – whether it is the prerogative of developers, or the players themselves can enter into transactions with this subject among themselves. On the contrary, more is needed to explain this relationship. We believe that this may be a case in point for the application of the general and well-considered concept of the semantic limits of law.

Actually, J. Fairfield's legal approach to the magic circle itself is expressed in the following terms:

---

[405] Ibid. P. 838.
[406] Ibid. P. 839.

> «…the relevant inquiry is not whether actions are "real" or "virtual", but **whether a given action falls outside the parties' scope of consent** (emphasis added – ***V.A.***)».[407]

When the user agrees to the user agreement, he or she not only agrees to a strictly formal legal component, but also to the fact that some of his or her actions are excluded from the scope of the "real law" since the playing area is as if reconstructed by the subject matter of the agreement with the game company and, by doing so, with the other users who have agreed to the same. Users do not read user agreements specifically, notes Fairfield, but this is not so important because, in any case, their agreement to unread rules means *de facto* agreement (at least from a sociological and psychological point of view) to any rules included in the agreement, at least up to the point of common sense.[408]

> «Instead of asking what is "real" or "virtual," lawyers examining actions related to virtual worlds should ask who has agreed to what and with whom. In a legal conflict between player and game god[409] the contractual EULA provisions might well prevail For example, suppose that a player used off-color chat in a public chat channel in "The Barrens," an area within the virtual world *World of Warcraft* that is well known for rough-and-tumble language. In a player/gamegod dispute, a court might decide that the game god was well within its contractual rights to ban the player from the game».[410]

However, if one player sues another player on the same object, the court may, on the contrary, consider that by continuing to read the foul language chat, the first player has agreed to a certain measure of this. Actions between players that are the subject of agreement between them may go far beyond the virtual world in the narrow technical sense of the word, for example, in terms of illegal access to accounts, virtual property turnover, etc.

---

[407] Ibid. P. 831.
[408] Ibid. P. 832.
[409] In Russian version we have used an adapted translation, literally, "administrator of game".
[410] Ibid. PP. 832–833.

> «Under the old conception of the magic circle, such a result [differentiated attitude to virtual property depending on the subjective composition of the legal relationship participants] makes no sense: either virtual property is "virtual," and interests in it are utterly unprotected by law, or it is "real" and fully protected against all comers. Under the new conception articulated by this Article, **players in virtual worlds are real, the actions are real, and even the digital objects of their actions are real** (emphasis added – ***V.A.***). The critical question is not whether the property is real or not, or whether a theft of property is real or virtual, but whether a given act as relates to the property is inside or outside the scope of consent of the parties. As between the game god and the player, the EULA may clearly indicate that the god may alter or delete a given digital object at will. But as between players, one player's theft of another's property may well
> exceed the scope of consent and thus be actionable in fraud or conversion».[411]

J. Fairfield's concept really looks quite delicate and elaborate. Obviously, it can be used in legal reasoning in many cases. Nevertheless, we will put forward two interrelated critical arguments.

The *first* critical argument stems from an understanding of the author's further text. Thus, J. Fairfield distinguishes between the cases of purely "in-game" actions and actions that are connected with any external practices. For example, player A can threaten player B in the real world, and can threaten player B's avatar in such a way that this action is as if carried out in the virtual world. In the real world, we can give a legal assessment of such an action, in the virtual world – it depends on what the player has agreed to. However, the author is developing an example. In the real world, player A can grab a real knife and attack player B physically. Such an action is obviously a criminal offence under the general rules. In the virtual world in PvP mode[412] the same player can do the same virtual actions with player B's avatar. Here you can talk about agreeing to the rules of the game. **But we say that the situation is resolved through the application of the principle of consent, precisely because we implicitly assume that this principle can be applied, and also because in the former case consent will not "correct" the situation.** Similarly, J.

---

[411] Ibid. PP. 834–835.

[412] "Player versus Player" is a game mode that involves a battle between players (avatars of players), not a battle between players with objects of virtual environment controlled by software algorithms.

Fairfield further cites the example of hacking into the account of player B, noting that hacking is "outside of the game". But in order to make this statement, we still need to understand where the line between in-game and out-of-game activities is.

The *second* critical argument leads to similar conclusions, but is based on the real law. It is known that the consent of the parties in the U.S. can be used as a legitimizing factor more often than in other countries. But what about other jurisdictions, where the consent of the victim may not always be the legitimizing (and legalizing) factor in determining the action? Obviously, for example, the question of criminal liability of a person making extremist statements about a particular user online will not be resolved in Russia in such a way that the fact of the listener's consent will be taken into account.[413] A counterargument easily presents itself: even if the "theory of consent" in the narrow sense of the word is not applicable in many jurisdictions other than the U.S., why not reconstruct the entire legal concept of the magic circle, relying on high-level generalizations and fictions? For example, based on the fact that a multinational people, acting as a sovereign, has defined its consent or dissent through the legislation in advance? The problem is that such an approach will still be fundamentally limited – it will not rid us of cases of potential or perceived absurd interpretation of the law, because even so, we will be left alone with the still ambiguous legal texts that still contain ambiguous concepts. The argument of consent will not help us if the right (as we believe, by mistake) will be applied to the player, "extremist" statements of which, say, about the game race of orcs will serve as a basis for criminal responsibility in accordance with Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.

At the same time, however, Fairfield's concept of course has a significant advantage – *"social contract" (in the terminology of J. Stenros), which partially overlaps with the*

---

[413] Unless it is counted – because such cases involve a public interest – that the "listener" is the State and that consent (or dissent) is expressed in law. However, there is nothing to exclude the possibility of building such a model, but it is beyond the immediate scope of the present study. Please see further discussion.

legal contract on the game, can be used as an explicit way to create or exclude the socio-currency value of external referents of value (for more details on these concepts, see § 6 of Chapter 2 and Chapter 3 of this study).

The third approach is "topological" or "object-oriented" (there are nuances and differences in these two variations). The essential difference between such an approach and the two previous ones is that it is distracted from individual cases of communication between subjects and is explained by inter-subjective communication. As we have noted earlier, J. Stenros extends the physics of the magic circle from a specific place ("topos") to a time interval (example with the "The Fool's Day") or even a specific object (example with game production). We believe it is reasonable to separate the first case from the last two and, in fact, to formulate two variations of the approach – the "*topological*" one, which implies an emphasis on the place as a concept from rather the area of physical reality or, conditionally, psychophysical reality (i.e., as a real place is experienced and understood by the subjects of social communication), and the "*object-oriented*" one, which implies an emphasis on the object of social relations. To spread the metaphor of a place for a certain day, saying that it is a kind of "place in time" seems to us to be somewhat redundant, especially since such a case is not fundamentally different from the case with game production. Both fit perfectly into the ideas about the object of social relations. At the same time, the topological approach seems to be the least convincing due to the same reasons why it was criticized earlier by M. Consalvo within the framework of game studies. Let us first turn to this criticism.

While the methodological potential of the magic circle concept as such seems very promising, attempts to develop and apply it in the narrow field of multiplayer computer games have given several grounds for criticism, and this mainly concerns the topological interpretation. It should be noted that, in our opinion, the currently known objections to the concept in question do not deprive it of its fundamental value, even if the criticism looks

convincing and can be agreed with in general. The fact is that the concept of the magic circle cannot really be considered as a special concept within the framework of game studies, while its critics develop counterarguments to it from this perspective. In addition, the concept of the magic circle is mainly criticized in the framework of culturological and game studies, and it is crucial that they have a different subject of study which varies from the subject of legal science. Let us consider the work of one of the most popular researchers and critics of the magic circle in the West, Mia Consalvo *"There is No Magic Circle"*, published in 2009.[414]

The author begins to consider the problem of the magic circle with an example of the situation in the game world of multiplayer online role-playing games *Final Fantasy XI Online*, in which players angrily condemn the behavior of one of their "colleagues". The reason for resentment of other players was that the subject of criticism was seen trading virtual gold for real money, which did not correspond to the principles of the game, but the offender did not receive sufficient punishment.[415] According to the author, cheating, as defined by Internet slang,[416] is a good perspective on the magic circle issue, allowing us to understand the limitations of the concept.

As a starting point for criticism, M. Consalvo takes J. Huizinga's representation from the 1930s, based on the idea of

> «a magic circle for play, which bounded a space and set it apart from normal life. Inside the magic circle, different rules apply, and it is a space where we can experience things not normally sanctioned or allowed in regular space or life».[417]

---

[414] See: Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // Games and Culture. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408–417. – URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575 (accessed: 02.07.2018).

[415] Ibid. PP. 408–409.

[416] There is a clear methodological parallel with L. Fuller's approach about the necessity to study pathology in law and M. Klatt's that if the use of words in a normative context can be systematic, it implies the possibility to use them semantically incorrectly.

[417] Ibid. P. 409.

The methodological value of the analysis of the players' dishonest actions in relation to the maintenance of the integrity of the gameplay, according to M. Consalvo, stems from the fact that dishonest players, in fact, are different from the real "spielbrechers"[418] in Huizinga's terminology.

> «…the spoilsport… rejects the rules entirely (e.g., sweeping the chess pieces onto the ground) and thus destroys the magic circle. The cheater wants you to think you are both playing the same game but in actuality you are not. The spoilsport simply wants to destroy the play/game experience ».[419]

For our part, we note that the difference between these two approaches may not be logically obvious at all, because a dishonest player cannot but disrupt the gameplay at least by his own actions, but let us see what approach the author suggests next.

Quite rightly, M. Consalvo says that

> «…[such a] conceptualization of the magic circle was developed in the 1930s, **long before the advent of digital games** (emphasis added – ***V.A.***), by a theorist with particular views of what did and did not constitute play»,[420]

and offers to study the phenomenon of unfair play in modern games more carefully and deeply. Thus, the author also draws attention to that in game researches the concept of unfair play should be studied in a context of the concept of the isolated game space. However, even here the times have changed.

> «When Huizinga (1950) wrote about the magic circle, our sense of space and place was radically different from what it is now. In suggesting a place ''set apart'' from everyday life,

---

[418] The original text by M. Consalvo uses the term "spoilsport". We consider it right to use in this context, which implies an adapted translation, the term suggested by J. Huizinga, which seems to us to be more in line with the tradition of transliteration into Russian, that is a "spielbrecher", literally, "one who breaks the game".

[419] Ibid.

[420] Ibid.

> that space could be envisioned as geographic space fairly easily – the playground, the boxing ring, the hopscotch outline».[421]

M. Consalvo emphasizes that «[o]f course Huizinga (1950) could also have been referring to mental spaces in addition to geographic spaces. Turner's (1969) conception of liminal spaces, [422] the interstitial boundaries between the sacred and the profane, are also spaces ''set apart'' from the everyday – they are changes in mind or attitude which occur while we inhabit the same geographic places. Likewise, with events such as carnival, we are in the same location (a town) yet attitudes and behaviors, as well as ornamentation, change, for a particular time period».[423]

The author stresses that modern games are surrounded by a large number of **paratexts**. For example, before we start to play a complex game, we study the information necessary for the game (say, about the professions of game characters or optimal strategies), and it is difficult to separate it from the game process itself, which was previously assumed to be isolated. Moreover, the conditional gaming space itself, which protects e.g. E. Castronova as a means of reconciliation with the reality in which there is pain and death, is not static, it cannot be fully controlled even by the game company – players within a multiplayer game can change the general parameters of the object.

> «So, is the concept of the magic circle useful? – asks the author, – Arguably, it upholds structuralist definitions or conceptualizations of games. It emphasizes form at the cost of function, without attention to the context of actual gameplay. With contemporary games, and multiplayer games and MMOs in particular, context is key».[424]

The key example of M. Consalvo herself – unfair play – is considered as a clear example of practice, which is not taken into account in the structuralist understanding of

---

[421] Ibid.
[422] "Liminal", i.e. – in this context – related to certain limit.
[423] Ibid.
[424] Ibid. P. 411.

the game, but is a serious part of the overall context, which makes us think that the actual strict game mechanics, conceived by the creator of the game, the conditional "game world" is not limited to. Instead of a rigid structuralist definition in which any additional practices are ignored or classified as secondary, M. Consalvo suggests that the games should be seen as a contextual dynamic activity in which meaning is reconstructed in the process of practice.[425] One of the key examples of the author is a well-known lawsuit against the developer of a program that modifies the game client *World of Warcraft* in order to obtain game benefits that do not comply with the rules laid down by the developers.[426] According to the author, this is not a pure example of spielbrechers' activity, but another phenomenon that corresponds to the dynamics of the game world in the broad sense of the word. It is difficult to separate the game from the non-game practices – it is all part of a single integrated process. The author departs from the structuralist topology of the game and offers a deconstruction of the concept of a separate game space. As an alternative, M. Consalvo proposes to turn to the concept of "frames" and "keys" based on the works of E. Hoffmann[427] and G.A. Fine.[428] Using the "keys" (a way of interpreting and differentiating aspects of social reality), we can dynamically switch between different "frames" of social reality, some of which are "obligatory" (what we call "serious" in the context of our research), some are "voluntary" (actually, games or – sic! – virtual reality). For example, a person can play on a mobile phone, but when they see a call from the boss, immediately postpone the game and answer it, and then return to the game. But the reverse is also possible: by playing, you can intentionally switch together with other participants of the

---

[425] By the way, we do not see a direct contradiction between J. Huizinga's views and his ideas about the "magic circle", which, in the original text, in fact, are set out in a rather general and brief form, allowing the version that it is only a situational metaphor.

[426] *MDY INDUSTRIES, LLC v. Blizzard Entertainment, 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010)* [Electronic resource] // CourtListener. – [Site]. – URL: https://www.courtlistener.com/opinion/181055/mdy-industries-llc-v-blizzard-entertainment/ (accessed: 24.02.2019).

[427] See: Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. – Boston: Northeastern University Press, 1974. – 586 p.

[428] See: Fine G.A. Shared Fantasy: Role-Playing Games as Social Worlds. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 298 p.

game, using different “keys”, between the real world and the virtual world; consider, for example, a joke about real events in the game world.

Summing up the approach proposed by M. Consalvo, we can draw the following conclusions for the main objective of this study – the search for the semantic limits of law in the conditions of the medial turn. *First*, the topological concept of the game, formed before the medial and, specifically, the digital turns, is no longer relevant. Both modern games in themselves, as technological artefacts, and virtual reality as a whole (and in the broad sense of the word, including the entire field of unserious and artistic), cannot be explained topologically. *Second*, methodologically promising is the development of approaches to determining at what point in time serious elements that allow us to speak about the possibility of using real law in light of the objectives of our work are included in an unserious practice. It should be noted, however, that the concept of “frames” and “keys” *describes* well what is happening and, perhaps, solves scientific tasks of interdisciplinary game studies, but is clearly not specific enough to form the principle of legal interpretation we are looking for.

Legal critique of the topological interpretation of the magic circle is also indirectly confirmed by the obvious fact that nowadays the entire complex of norms of “real world law” is actually applied to the relations on the Internet that were previously considered by the “cyberseparatists” (in the terminology of J. Fairfield) to belong to a separate principally new jurisdiction.

As for the **“object” interpretation** of the third legal approach to the magic circle, the situation is very interesting for the purposes, focus and prospects of this study. Let us be direct: although the hint of such an interpretation was contained in the work of J. Stenros, who was rethinking his previous experience, it has not yet been developed within the framework of either game or legal research. Perhaps here we are talking about the fact that J. Stenros did not mean it – in the framework of the present study, a hypothesis of a

"object approach" was first formed, and then something similar to it was found in the works of the said researcher. One way or another, it seems to us that it is the most promising one. The reason is that the first two approaches are not universal for legal science and practice. The criteria based only on the autonomous legal communication of subjects cannot claim to be of general importance. It is necessary to search for an approach that will respond to contemporary notions of social reality as an objective-subjective (intersubjective) phenomenon, and in this sense, we see the greatest methodological potential in the interdisciplinary analysis of possible legally significant qualities of the *object* of social relations that arise and develop in the conditions of the medial turn. The interdisciplinary concept of the magic circle, its criticism and subsequent rethinking in law did not solve our problem, but pointed to a landmark. It is necessary to move in the direction in which modern sociological research is developing.

§ 6. The concept of generalized symbolic media in theoretical sociology

Ex abrupto, the concept of **generalized symbolic media**, which is being developed in sociology, is of fundamental importance for the development of the methodology of this study. Largely, its modern interpretation in the direction that is important for this work began with T. Parsons, one of the creators of modern theoretical sociology, whose views have influenced the development of many areas of social and humanitarian knowledge. The concept of generalized symbolic media, which complements his approach to social subsystems, makes it possible to justify the criterion of the "seriousness" (or "unseriousness") of the object of a relationship, as will be discussed in more detail in Chapter 3 of this study. This is only confirmed by subsequent discussions about this phenomenon in sociology, which we will also discuss later.

Social constructionism as such, in a methodological direction outlined by P. Berger and T. Luckmann, allows us to formulate a hypothesis that when interpreting the law we

reach the "point of absurdity" in the event that the meaning of the legal text is not related to one or another social institution. Potential objections can be presented at once. *First*, with regard to the many examples considered in this paper, it would be acceptable to argue that there is a social institution (or social institutions), but an appropriate interpretation of the law would still be absurd. For example, a circle of critics and admirers is naturally formed around the works of talented authors, and if it is a classical author who has significantly influenced the national or world culture – even research directions (for example, Pushkin studies) may be formed. It is obvious that in this case we are talking about those social institutions as a whole that are somehow related to the subject of discussion. *Second*, if we look at the concept of the magic circle and specifically at the problem of the relationship between the virtual and the real, it is difficult to argue with the same sociological approach that the separation of the virtual from the "real" is a delusion. The virtual is also being reconstructed in the process of communication and as such can hardly be rigidly separated from the same "real".

At the same time, it seems that an "institutional explanation" of the semantic limits of the law is quite possible.[429] Let us try to justify the possibility of applying the concept of social system by T. Parsons to determine the qualitative criterion of absurdity, outlining the following thesis.

According to the American sociologist, the social system consists of four subsystems: political, economic, legal and cultural. Each of these social systems has its own "symbolic medium", which can be considered as a kind of convertible currency. Thus,

---

[429] It should be noted at once that the mere absence of a social institution, which is the subject of the legal text (in the example of the blocking of the Eve Online players' forum by Roskomnadzor according to the decision of the Federal Drug Control Service (FSKN) – the absence of a drug subculture among players) does not mean that such an interpretation would be absurd. Thus, there may be a lack of a social institution, but there may be an indirect intersection of the subject matter of the legal text with another socially significant institution of social life (such as drug use in real life). Since one of the objectives of restricting the dissemination of information under this criterion is to combat the propaganda of imaginary attractiveness of the practices in question, there is no second necessary criterion of absurdity, which means that interpretation may be "on the verge", but not unambiguously absurd, and therefore it may become a subject of meaningful discussion about the "weighing" of constitutional values – freedom of creation and freedom of dissemination of information, on the one hand, and health – on the other.

for example, power, understood as the right (and later – the monopoly) to physical violence, is a "symbolic medium" for the political system. Power can be acquired through money, and money is a "symbolic medium" of the economic system. This, according to T. Parsons, is an example of the conversion of "currencies", but for this study, it is important to do different things: what is valuable in society is what has such an "exchange value" within the social system. The most obvious (and probably the most familiar) example for jurisprudence, thus, will be related to the power understood as a "symbolic medium" for physical violence. A social group with direct or indirect access to power will be a *pressure group* in the meaning of political science. It should be noted that three other subsystems of the social system have functional analogues of pressure groups of the political system.[430] The main idea here is that the criterion of "seriousness" is not satisfied if the relevant social institution is reproduced by a social group (or social groups) that do not have any type of "currencies" corresponding to the subsystems of the social system.

Sociologist Brian Stanley Turner (b. 1945) explains the main content of the approach under study in the preface to the new edition of T. Parsons' book "*The Social System*"[431] as follows:

> «The second form in which economics influenced Parsons' thought was as a model of social exchange in general. Conventional demand-and-supply economics has been concerned to comprehend the nature of maximizing behaviour in the exchange of commodities between individuals in a market. These exchange relations are typically undertaken, not in terms of a material exchange of commodities, but symbolically in terms of money as a medium of exchange. The capitalist buys labour power, not by providing the worker directly with the means of existence (clothing and food), but in terms of a wage in the form of money. However, money is itself only a symbol of value,

---

[430] For context, as T. Parsons pointed out, it is necessary to pay attention that, while the generalized media of exchange are used in routine exchange between different parts of the social system (he means money, influence, political power and value commitments, they also may increase creative level and scope of activities within social systems. See: Parsons T. System of Modern Societies (in Russian). Transl. by L.A. Sedova and A.D. Kovalev. – M., 1998 [Electronic resource] // Electronic Publication: Center of Humanitarian Technologies. 09.09.2012. – [Site]. – URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395 (accessed: 03.02.2019).

[431] Parsons T., The Social System. – London: Routledge, 1991. – 404 p.

> because in principle the worker could be paid in terms of precious shells, postage stamps, a cheque, or other tokens (compare with the context of the discussion of cryptocurrencies and distributed registries; this term is used in almost the same sense – ***V.A.***)… Parsons took money to be a generalized medium of exchange and by analogy argued that there may be a number of such media in society. In particular, he looked at power, influence, and commitment as circulating media of exchange which permit social actors to achieve desirable objectives. These media of exchange relate back to Parsons' model of the four sub-systems (GAIL). Money is the medium of exchange between the adaptive sub-system and its boundaries; power is the generalized medium of the polity; influence of the integrative sub-system; and commitment of the latency sub-system».[432]

The approach presented by the author's team of the MGIMO textbook of political science under the guidance of A.Yu. Melville looks quite appropriate. The authors apply the concept of T. Parsons to resolve the contradictions between the approaches to the definition of the nature of political power, which come from either coercion[433] (the extreme form of which is violence), or, on the contrary, only from the understanding of the nature of political power as a communicative phenomenon (T. Ball).[434] Political power, however, should be seen as a "**medium** binding people's actions and obligations, which can represent them in different ways".[435] Like the economic system, the political system requires stability and sustainability, which are achievable through the use of a generalized symbolic medium. If for the economy it is a symbol expressed in gold, then in law, in the language of M. Weber, it is a symbol of "monopoly of legitimate physical violence".[436]

The authors note:

---

[432] Turner B.S., Preface to the New Edition // Parsons T., The Social System. – London: Routledge, 1991. – p. 19.

[433] Plato, Aristotle, T. Hobbes, G. Hegel etc.

[434] 156. Political Science: Textbook / A.Yu. Melville [and others]. – M.: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, TC Velbi, Prospekt Publishing House, 2008. PP. 75–76.

[435] Ibid. PP. 76–77.

[436] "The modern state is an institutionalized alliance of domination that, within a certain sphere, has succeeded in monopolizing legitimate physical violence as a means of domination and, to that end, has combined the physical assets of the enterprise in the hands of its leaders". See: Weber M. Politics as a Vocation and Profession (in Russian) [Electronic resource] / Weber M. Selected essays. M., 1990 // Open University. - [Site]. - URL: https://openuni.io/course/11-course-7-4/lesson/2/material/855/ (address: 02.09.2019).

> «According to Parsons, power, is understood as a symbolic medium similar to money, circulating within the political system, but able to move from there to all three neighboring functional subsystems of society – economic ("**converting**" (emphasized by me – ***V.A.***) into the same money), integrative (a set of social communities with the medium in the form of influence) and integrative (cultural with the medium in the form of values). Thus, power is understood as the ability to ensure the fulfillment of binding obligations by the elements of the political system, when these obligations are recognized as corresponding to collective goals, and in case of disobedience of anybody coercion is provided for. According to Parsons' definition, making it possible to fulfill a certain desire, even if it is a threat of superior force, does not mean to use power. The ability to achieve obedience in order to call it power must be a generalized function, not just a function of any single impact».[437]

The path of the economic system – from barter to abstract financial instruments, while the path of the political system is from physical violence to political power.

T. Parsons' ideas turned out to be in great demand in the theoretical sociology of the XXth century. **The complex of ideas of P. Bourdieu about social (symbolic) capital also echoes them in many ways**.[438] However, the approach of the latter does not contain a comprehensive reflection of the idea of mutually convertible generalized symbolic media, in the interpretation whereunder, according to our fundamental methodological hypothesis, contains special value for jurisprudence. This, however, does not mean that such an idea in his conception is absent. For instance, P. Bourdieu wrote in respect of gift that:

> "We understand how, through much more conventional forms of exchange and generosity, social agents can accumulate a form of capital that can be called "prestige", "recognition", and that is translated into economic consequences. In other words, if the gift is an invasion, and if, as Larochefoucauld reminds us, people are in a hurry to gift back, the reason, and this is a paradox, is precisely what giving means to possess. Whoever gives to me potentially takes possession of myself, either because I can't give, or even because I give, but I still owe the debt of recognition. In the economy of honor, the gift is mandatory: there is no choice,

---

[437] Ibid. P. 77.

[438] See e.g.: Demidova M.V. «Symbolic Capital» of P. Bourdieu and «Capital» of K. Marx // Proceedings of Vyatka State University. – 2014. – No. 11. – P. 27–32. And source works by P. Bourdieu: Bourdieu P. Practical Reason (1980) (in Russian) / Transl. from French: A.T. Bikbov, K.L. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Editing and Afterword by N.A. Shmatko. – Saint Petersburg: Aletea, 2011. – 562 p.; Bourdieu P. Sociology of Social Space (in Russian) / Transl. from French; General Editing of the Translation by N.A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aletea, 2007. – 288 p.

> because you are in a universe where you have to be given. He obliges, and he creates a duty".[439]

Nevertheless, the idea of mutually-convertible generalized symbolic media is contained in explicit and concise form in the research of S. Abrutyn, an American sociologist who develops this very complex of ideas based on rethinking the works of T. Parsons, as well as other authors, whose texts can be directly or indirectly correlated with the concept of generalized symbolic media. In addition, S. Abrutyn's works are the last ones in which this very concept is currently being developed in a substantive and consistent manner.

In his article «*Money, Love and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality*»[440] The author considers the generalized symbolic media as a phenomenon ensuring the integration of various social units – in this context, this problem is characteristic, first of all, of the theoretical and sociological discourse. As the author himself notes, he uses the interpretation of generalized symbolic media both in the direction of G. Simmel's views,[441] and within the functionalist approach. S. Abrutyn seeks to define precisely the concept of these media, to study their general forms (specialized institutional language and external referent of value), to highlight three modes of orientation that can be created by different media. The author develops an understanding of the role of the media outside of social exchange to include other institutional processes, such as communication, performance and ritualized interaction.[442] We must admit that the subject of S. Abrutyn's research is primarily related

---

[439] P. Bourdieu. Economic Anthropology: a Course of Lectures at College de France (1992 – 1993) / Transl. from French by D. Kralechkin. – Moscow: Delo Publishing House, Russian Academy of National Economy and Public Administration, 2019 – P. 130.

[440] Abrutyn S. Money, Love and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. 2015. Vol. 51. No. 3. PP. 445–471.

[441] It should be noted that in law L. Fuller also addressed the works of this sociologist in the context of his legal conception.

[442] Ibid. P. 445.

to theoretical sociology. The problems of theoretical sociology as such do not seem to us to be related to the problem of the semantic limits of law, at least, directly. However, the part of the views developed by the American sociologist that deals specifically with the rethinking of convertible generalized symbolic media which can be related to the external referent of value, is definitely of fundamental importance for the development of one of the criteria of the semantic limits of law – the criterion of "seriousness".

There is also a need to explicitly identify the linguistic (but perhaps also ontological – in the context of the language turn) problem associated with the key problem of the theory of generalized symbolic media. In the Russian version of the text of the theoretical and sociological part of this study, we use the translation similar to "intermediary", while in the English version, and in the work of T. Parsons, too, the term "media" (in plural) and "medium" (in singular) is used. Unfortunately, it is difficult to preserve the unity and diversity of connotations in the Russian language: the translation of "intermediary" is successful in emphasizing convertibility and "socio-currency value",[443] while the translation as "media" accurately conveys the fact that the concept of generalized symbolic media is fully in line with the concept of the medial turn. The concept of the medial turn reflects not only a shift in the focus of attention of social and humanitarian disciplines to various "media" in the narrow sense of the word, understood as a means of mass communication, but also to the consideration of the fabric of social reality through the prism of generalized symbolic media, which can equally be called "media". The language game is preserved in English, lost in the variety of translations into Russian, but should always be taken into account.

---

[443] In this aspect, one should always keep in mind another connotation and possible translation: generalized symbolic media are also tokens in the same sense, in which the term "token" is used in the context of cryptocurrencies, and ICO (initial coin offering – the analogue of the term "IPO" from the financial markets, which implies a public offer to purchase cryptocurrencies for the purpose of financing a project, the value of which tokens are thus expressed).

S. Abrutyn stresses that the concept of generalized symbolic media has not only remained relevant, but also has significant methodological potential. Although this concept was popularized by T. Parsons and N. Luhmann, and later by J. Habermas,[444] its origins can be seen in the "*Capital*" of K. Marx and in the economic sociology of M. Weber, and, in addition, in the phenomenology of G. Simmel.[445] The author stresses the similarity of the concept to P. Bourdie's theory of economic capital, but notes that all types of social exchange in the application of the French scientist's approach can be reduced to economic exchange, although history shows that this is not the case. T. Parsons also exaggerated the importance of economics to the concept of generalized symbolic media, but it should be borne in mind that in different times and places, individual intermediaries were more valuable and better integrated than money. Limiting of the media to money can distort the picture, as it is only a view of capitalist society.[446]

The course of reasoning of S. Abrutyn is as follows. T. Parsons and N. Smelser borrowed the concept of generalized symbolic media from the German economic and philosophical school. Initially, the term was used to describe the exchange between the economic and political systems (i.e. the process of converting power and money). Studying power, T. Parsons came to the conclusion that two more media were needed to reconcile the approach with his vision of the four subsystems of the social system. These new media were influence and value commitments. The qualities of all media other than money were modeled on the basis of the quality of money, as the latter are an ideal example of a generalized symbolic media. As T. Parsons believed, in order for something to be considered a generalized symbolic media, it must have: (1) value, i.e., to be a symbolic embodiment of the objects meant, (2) interest, i.e., a close and clear connection with such

---

[444] The views of T. Parsons, N. Luhmann and J. Habermas, albeit without explicit application of the concept of generalized symbolic media and (or) their analogues to the object of legal relationship, as proposed in this study, have had a significant impact on the modern philosophy of law in Russia, see for example: Grafsky V.G. Legal Communication and Legal Communion // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. № 4. – P. 25–36

[445] Ibid. P. 446.

[446] Ibid. P. 446–447.

an object, (3) means to determine which objects have value, and (4) a normative scheme of rules. T. Parsons, however, may seem inconsistent because in one place he referred to generalized symbolic media as a currency and in another as a language. In turn, by criticizing T. Parsons, N. Luhmann rejected the idea that influence and value commitments are independent media, as they are already implied in the case of all other media. He also saw media not as objects of exchange, but as modes of communication, adding to the power and money the *truth* for science and *love* for kinship relations. However, N. Luhmann's views can also be criticized. Specifically, since the number of media does not necessarily have to be reduced to four or two initial ones (S. Abrutyn notes that it would be unnatural to correlate well-known media with the religious system – it has its own kind of media). In general, although T. Parson's approach was focused on economy in one-sided manner, it was also wrong to reduce the generalized symbolic media to communication as such instead. S. Abrutyn also notes that perceptions of generalized symbolic media were subsequently developed by J. Habermas, J. Coleman, D. Baldwin, T. Turner, L. Vanderberg and S. Abrutyn himself.[447]

It is important that S. Abrutyn accepts the concept of T. Parsons, but makes a reservation that brings his interpretation of the concept of generalized symbolic media closer to the discourse of the semantic limits of law. T. Parsons assumed that the exchange takes place between systems, while S. Abrutyn stresses that the exchange, mediated by generalized symbolic media, takes place between individuals and groups – "GSM [Generalized Symbolic Media] must be seen as extant in *real* relationships and groups".[448] As a consequence, such media are no less relevant for the micro-level of research than for the macro-level.[449] In other words, it would also be useful to study the exchange between real people in terms of the exchange of generalized symbolic media. Finally, S. Abrutyn

[447] Ibid. PP. 448–449.
[448] Ibid. P. 450.
[449] Ibid.

suggests that generalized symbolic media could in itself be a goal and thus be seen not only as a means of facilitating communication, but also as a resource – symbolic and material. It should be noted that in our study this view, albeit implicitly, was implied in the previous paragraphs, but S. Abrutyn stresses that this aspect of the generalized symbolic media was not developed by either N. Luhmann, J. Habermas or T. Parsons himself. This idea has an interesting branch that the author points out: each of the generalized symbolic media has a cultural context and connotations that draw a picture of the "ideal pursuer". For example, in the case of priesthood, it is an ascetic, and in the case of love, it is a romantic. In the light of all of the above, it is obvious that generalized symbolic media can be accumulated and act as a means of exchange.[450]

S. Abrutyn defines generalized symbolic media as

> «…intra-institutional clusters of symbolic and material resources that act as mechanisms by which institutional culture can be acquired, used, developed, and transmitted».[451]

However, S. Abrutyn himself continues the economic metaphor, perhaps unconsciously – he notes that every institutional group has an elite of

> «…institutional entrepreneurial class" who received certain [symbolic] independence from other elites.[452] Generalized symbolic media «organise talk and cognition; they are exchanged as Parsons presumed; they are not just placeholders of value, but valued things in themselves, and thus resources to be pursued; and, as such, they work to formulate worldviews and ideologies that make economy different from polity different from religion both mentally, but also in physical, temporal, and social space».[453]

It is also important for us how S. Abrutyn justifies that money is not the only or the main generalized symbolic media. The author stresses that the problem of media should be

---

[450] Ibid. P. 451.
[451] Ibid.
[452] It's financial at the same time if you take the money or convert into money.
[453] Ibid. PP. 451–452.

viewed from the point of view of creating and maintaining social order in complex societies. He notes the view of M. Weber, according to which money has become an instrument legitimizing indirect exchange (as opposed to barter), and G. Simmel, who believed that money literally shortened the distance between people, because it was a variable for "standardized, formalized and separable value", thus becoming a force for cultural integration.[454] At the same time, as S. Abrutyn points out, historical and cultural studies show that the "market" in the ancient states of Mesopotamia, Egypt and, for example, China consisted not of money, but of power. In addition, in some cases, in which money was used, it was only the appearance – in fact, it was about loyalty, which S. Abrutyn considers as an independent generalized symbolic media. What is equally important, from a historical point of view, *loyalty*, thus, no less important than money.[455] The author then demonstrates very convincingly how the formation of *power* as a generalized symbolic media, as well as *sacredness* in the same quality, took place, using historical material.[456] These components of S. Abrutyn's argument are important for us to demonstrate that money is not the main, but one of the many generalized symbolic intermediaries. In light of this, it becomes clearer which of the relations can potentially be regulated by their "socio- currency value" and which cannot.

In S. Abrutyn's system, there are not four, but *ten* generalized symbolic media that correspond to ten *institutional domains*, rather than four subsystems of the social system, and it follows from the author's views that this list is not necessarily exhaustive:

1) The institutional field of *kinship* corresponds to such media as **love** and **loyalty**. They constitute the language and external objects associated with the creation and designation of obligations to others.

---

[454] Ibid. P. 452.
[455] Ibid.
[456] Ibid.

2) The institutional field of *economics* obviously corresponds to such a media as **money**, which according to S. Abrutyn is the language and external objects associated with the production and distribution of goods and services.

3) The institutional field of *polity*, with the same degree of clarity, corresponds to such a media as **power**, which makes up the language and external objects related to the control of actions and relations of others and subordination to the superior.

4) The institutional field of *law* is corresponded by such media as **justice** and **dispute resolution**, which constitute the language and external objects related to the resolution of disputes arising from public legal relations and appealing to the norms of fairness and morality.[457]

5) The institutional field of *religion* is corresponded by such media as **sacredness** and **piety**, which make up the language and external objects related to actions, exchanges and communications with the unobserved supernatural field.[458]

6) The institutional field of *education* corresponds to such media as **learning**, (or "knowledge", depending on the context) which is a language and external objects related to the acquisition and transfer of material and cultural knowledge.

7) The institutional field of *science* is corresponded by such media as **applied knowledge** and **truth**, which make up the language and external objects related to actions, exchanges and communication based on the standards of acquisition and use of proven knowledge about all dimensions of social, biological and psycho-chemical universes.

---

[457] This interpretation, at first glance, may potentially conflict with the idea of the concept of semantic limits of law, according to which the reference to moral values refers not to the field of pure absurdity, but to the intermediate field of "weighing" [moral] values. But such a conflict is only visible – the application of the concept of generalized symbolic intermediaries for the qualification of "social and currency value" of the subject of legal relations is carried out in a different sense. Moral value or moral significance in this case refers not to the argumentation, but to the direct subject of the legal relationship.

[458] Despite some vagueness in this formulation, from the point of view of both theoretical and empirical sociology, it is not what is (or what is not) really important here, but how it is reconstructed as part of the institution of subjectively objective social reality.

8) The institutional field of *medicine* corresponds to such media as **health**, which is the language and external objects related to the actions, exchanges and communication related to the care of the body's normal functioning.

9) The institutional field of *sport* is represented by such media as **competitiveness**, which constitutes language and external objects related to actions, exchanges and communications based on regulated conflicts that give rise to winners and losers based on the efforts of teams and players.

10) Finally, the institutional field of *art* corresponds to such media as **beauty**,[459] which makes up language and external objects related to the standards of obtaining and applying knowledge about beauty, emotional reaction and pleasure.[460]

We see certain similarity to this approach in the following quotation of P. Bourdieu:

> "...there is not *one* economy, but several *different* economies. To aspire to the creation of a general theory of economics of practices, which is the goal of any properly oriented anthropologist (whether he is a sociologist, ethnologist, economist, etc.), means to take into account the fact that there are *different* economies, i.e., universums endowed with different objective and subjective logic, such universums that they cannot be abolished, as well as to describe one of these universums in the language of the other…"[461]

While analyzing the applicability of S. Abrutyn's concept in the discourse of the problem of the semantic limits of law, which are considered in terms of "seriousness" or "non-seriousness" of the subject of legal relations, we have not identified any need to criticize or rethink it in principle – it seems that it can be applied in this form (although it may be further developed), because now it can be used to determine the "socio-currency value" of specific subjects of legal relations. Subsequent studies of theoretical sociology

---

[459] Aesthetics can argue with this definition as a discipline of philosophy, but this does not fundamentally change the possibility to see a generalized symbolic intermediary in the institutional field of art, whether it is beauty or something else.

[460] Ibid. P. 454.

[461] P. Bourdieu. Economic Anthropology: a Course of Lectures at College de France (1992 – 1993) / Transl. from French by D. Kralechkin. – Moscow: Delo Publishing House, Russian Academy of National Economy and Public Administration, 2019 – P. 93.

may also reflect other generalized symbolic media – perhaps including time in terms of the time it takes for the same user to acquire any values in a virtual environment.[462]

These institutional domains and symbolic media illustrate the differences between the subject matter of jurisprudence and theoretical sociology, since the models generated by these domains are asymmetric. From the point of view of law, and especially the philosophy of law, the latter may include several institutional fields and generalized symbolic media, which are distinguished in theoretical sociology – for example, the institutional field of polity and such media as power can be quite well attributed to law by a legal theorist. However, this is of no fundamental importance for the question of applicability of this concept to the discourse of the semantic limits of law, because we are interested in generalized symbolic media not in terms of their essential properties relevant to the process of reconstruction of social practices, but from the point of view of their correlation with *a specific subject of legal relations* through the idea of the possible "socio-currency value" of the latter.

Now, the main thing is that, like T. Parsons, in S. Abrutyn's theoretical and sociological concept, these generalized symbolic media corresponding to certain institutional area are, *first*, **convertible**, and, *second*, can and do have **external referents of value** (in this, by the way, S. Abrutyn's approach differs from the initial approach of T. Parsons). It is not difficult to draw an interdisciplinary parallel and identify the unifying factor: it is exactly external referent of value within the framework of the concept of the semantic limits of law that can be related to a specific object of social relationship. If this happens, such a subject should be considered as "serious".

---

[462] From the practice of included observation: multiplayer games, which involve the user in the process of converting real time to virtual values, differ significantly from games where this is not expected. In some games, players who do not convert enough real time to virtual achievements lose a significant advantage, but this represents a serious invasion of real privacy and can naturally affect the user' success in real life. This is probably the aspect of online gaming that we are facing here that may not be an absurd area to interfere with the law – as in the case of online games in China, for example. See e.g.: China to Crack Down on Children's Video Gaming Time Amid Fears Over Addiction [Electronic resource] // The Telegraph. 31 August 2018. – [Site]. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/31/china-crack-childrens-video-gaming-time-amid-fears-addiction/ (accessed: 24.02.2019).

For the purposes of this study, it should be emphasized that a generalized symbolic media is an institutional phenomenon. What is of value (significance) to an individual member of society outside the communicative context (in other words, what cannot be a means of exchange, at least within a certain institutional group), cannot be regarded as something of “socio-currency value”, or as an external referent of value in relation to a generalized symbolic media.

CHAPTER 3. Reconstructing of the conception of the semantic limits of law: contents, significance, methodological potential

§ 1. Reconsidering the problem of the "magic circle": from qualification of social relationships to qualification of their object

Within this research, the methodology of reconstruction of the semantic limits of law employs, on the one hand, the instruments of legal philosophy, and on the other – [theoretical] sociology [of law]. Such an approach stands close to the problem indicated by J. Habermas. As R. Cotterell puts it:

> «For Habermas, any legal philosophy that ignores the complex nature of the social, as social science studies it, will be increasingly irrelevant in addressing the problems of contemporary law. But sociological approaches to law that 'screen out all normative aspects' (1996: 6), treating law 'externally' as an object, will be no less irrelevant, since they do not address questions of law's moral meaning to those who live subject to it and need its authority. What is needed is 'an analysis equally tailored to the normative reconstruction and the empirical disenchantment of the legal system' (1996: 66); one might say to law as ideal and reality».[463]

The conception of the semantic limits of law is oriented exactly to such a methodology supplemented at the same time by the analogy from the isomorphic theory of correspondent truth. At the same time, if we consider this conception, first of all, from the point of view of the problems of interpretation of legal texts and application of law, the notion of the criterion of legal significance of the objects of social relations should be considered in the context of the problem of "open texture" of the legal language in the terminology of H. Hart, and therefore – in connection with the methodology of determining the "core" and "peripheral" area of the field of meanings of the concepts used in legal texts. Further (see § 4 of Chapter 3 of this study), the conception of the semantic

---

[463] Cotterrell R. Law, Culture and Society. Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Hampshire: Ashgate, 2006. – P. 32.

limits of law will be reconstructed in "reverse order" to highlight the sequence of its application as an approach to the interpretation of legal texts. However, at this stage, we will maintain the sequence of reasoning and focus on how the legal significance of the subject of social relations related to simulation in the media reality should be determined.

Let us make a preliminary summary of the process of the search for methodological "landmarks". Thus, the problem of the semantic limits of law in the conditions of the medial turn presents itself in the most apparent way in the three pervasive examples based on the methodology of thought experiment in the first case and analysis of empirical material in the second and third cases.

1) *Hypothetical interpretation of the provisions of Article 105 of the RF CrC ("Murder") whereunder the wording "intentional inflicting of death to other human" can mean, inter alia, a "murder" that one computer game character commits in respect of other one which is considered as a "human" in the virtual world.* [464] In other words, such an action within virtual social reality would constitute an intentional inflicting of death to other human. Let us emphasize that the specific reference to videogames is justified in this context by the medial turn that presupposes that this phenomenon obtains a qualitatively new scale. In the end, we may apply the same reasoning to a children's game of "cossacks and brigands" by analogy, where virtual (in broad meaning) "murders" occur every now and then, but no one would consider to accuse kids of such murders in the same sense that is meant by Article 105 of the RF CrC. At the same time, such games may be frowned upon by the pedagogics of non-violence.

2) *The already customary practice of massive multiplayer game design, as well as economical and legal analysis of relationships in them that relate to virtual values, which*

---

[464] We have to emphasize that this pervasive example, in essence, can itself be interpreted as application of the technique known as *reductio ad absurdum* to the problem of virtual property. In order to identify those cases where law CANNOT be applied to virtual property, we make the example stronger by means of substituting the subject of relationship, that previously was property, to life.

passively allow or actively speaking for an independent value of virtual objects (virtual property). It is interesting that such practice is no longer considered as absurd, although it is not [yet] universal. Furthermore, we believe that the response to the questions of whether it is possible to apply law to this area of relationships shall be based on the same methodology as in the previous case – because both cases concern virtual reality as a phenomenon of the medial turn. It is, however, clear that in the conditions of a developed virtual economy the assessment of the degree of absurdity of application of property law rules to virtual property would vary from the case with murder. In this regard, it would be appropriate to recollect that, for instance, A.I. Savelyev and other authors in general do not exclude the possibility of application of the rules related to property or specifically the rules on ownership title by analogy to the relationships concerning virtual property.[465] In other words, while the previous case concerning murder seems to us absurd, the deeper we go into the RF CrC, the less absurd the application of real law to virtual relationships seems to us. In the case of theft, we would already have some doubts that such application of law would be absurd. Moreover, in case of crimes related to dissemination of information there would likely be no doubts except for some degree of uncertainty in very special cases like those that touch the topic of imaginary, humorous or artistic information.

3) *The example of application of the anti-terrorist legislation in respect of the relationships concerning disseminating a "recipe" of dynamite from Minecraft computer game, where the corresponding Internet site was firstly blocked and then unblocked.* This example is exactly what develops the logic of the comment to the previous situation. The legal rule in this case is aimed to limit dissemination of information. At first glance, we see information that corresponds to the criteria set forth by the respective normative legal acts. However, an intuitive feeling of absurdity was strong both in Roskomnadzor and in the

---

[465] See: Savelyev A.I. Legal Nature of Virtual Objects Purchased for Real Money in Multiplayer Online Games // Civil Law Herald. 2014. No. 1. P. 127–150.

court because the law enforcement decision was reconsidered. Nevertheless, how the final legal qualification could be explained? It is this question that is the closest one to the idea that is suggested in this paragraph as a result of reconsideration of the concept of the magic circle in law.

Let us build up argumentation from the contrary and try to apply the known principles that may form a foundation of the magic circle concept in respect of each of the examples.

1. *The principle implying qualification of the relationships (game or non-game).* This principle does not give real clarity to the question of whether or not it is possible to apply law in the situations in question. Metaphorically speaking, both in the cases mentioned above, and in other hypothetical cases the game goes far beyond narrow "playfield" and at the same time can be interrupted at any given moment when the parties decide to stop playing. The very last fact indicates that the general cultural quality of activity is not defining – what is defining is determining of the moment and conditions when a game stops to be a game.

2. *The principle of subjective side (attitude towards the events in virtual world).* This principle, suggested by B. Duranske, seems to be quite acceptable *prima facie*, but unfortunately, it breaks upon the rocks of further development of the thought experiment. This principle works in the simplest cases. For instance, let us assume that a subject, playing a live action role-playing game, relying on the assumption that her actions are strictly within the limits of the game, nevertheless inflicts wound to another player with a real, or even a decorative, sword. Even though the subject may deny the *intent*, she would hardly deny certain other forms of *guilt*. An understanding that a slice made with a corresponding object applied to another human being may lead to a wound comprises a part of self-evident common sense. Real objective harm to social relationships can be inflicted in virtual space even without realizing it – e.g. by way of leading other player to

committing suicide. However, even in this case the application of law would be defined by classic concepts of *corpus delicti*. Real problems with application of this principle emerge where the law is applied in a way that it affects the interests of certain subjects but does not imply taking into an account considerations of subjective side at all – like in those cases where websites are subject to blocking in Russia.

3. *The principle of consent (consent to virtual nature of the relationships).* The argument by J. Fairfield, just like the argument by B. Duranske, seems to be quite workable, but also in certain and narrow number of situations that pertain to the area of dispositive civil law regulation. Players of a game or participants of other kind of virtual communication may come to an agreement that appropriation of virtual property, according to rules of the game, does not lead to real consequences. However, this can be limited only to those cases where the virtual property is, again, unserious and unreal. In criminal law, a subject cannot give a consent to theft in such way that it would remove the criminality of action, although later the injured party may, for instance, avoid raising a civil claim in criminal proceedings. Furthermore, if we consider more severe examples that may e.g. be connected to deprivation of life, the question of consent would seem to be quite irrelevant in a more apparent way.

Thus, we presume that the aforesaid discussion quite precisely pushes us to the idea that **what is essential in order to identify absurdity in interpretation and application of legal rules (as well as in the process of modelling in course of creation of law) are the qualities of the object of legal relationships**, and not any other circumstance that relate to communication between people. The communication is always real, but whether it is serious or not – that also depends, *inter alia*, on the object of the relationships.

How to discern such an object? It could be found **in the focus of intersubjective and communicative dimension** of virtual reality that is reconstructed by means of the social relationships in question. For instance, computer virtual worlds may be seen as

works of technical art, but we have to look for an object that may potentially become an object of social relationships where social communication is developing dynamically.

§ 2. The criterion of seriousness or non-seriousness of object of relationships: "socio-currency value"

Thus, the assessment of the "seriousness"[466] or "unseriousness" of the object of social relationships for the purpose of determining the semantic limits of law should be applied not to social relationships as such or their model, but to the object of such relationships. Anticipating the following reasoning, we immediately express the main idea: if the object of such relations bears the "social and currency value" (or, "socio-currency value") of a generalized symbolic medium, then such an object should be qualified as "serious", and if not, then as "unserious". In the context of the positions of modern sociology, as well as T. Parsons and S. Abrutyn themselves as key authors in this approach, it is not difficult to distinguish one type of objects from another, at least in theory – the object should not just be of any private subjective value (including material), but to represent an expression of a certain generalized value, which in this case can

[466] The possible criticism of such a choice of the name for the criterion, based on the fact that the word "seriousness" implies a subjective attitude rather than an intersubjective quality as compared to the term "significance" would have been better, does not seem convincing. "Significance" may also well be subjective. It is also important that the contrast between playful and seriousness is recognized in game studies, which are an essential part of the methodology of the approach discussed in this article. See for example: Rodriguez H. The Playful and the Serious: An approximation to Huizinga's Homo Ludens [Electronic resource] / Game Studies. The International Journal of Computer Game Research. 2006. Vol. 6. Issue 1 // "Game Studies". – [Site]. – URL: http://gamestudies.org/0601/articles/rodriges (accessed: 25.07.2019). Besides, the choice of the term is conditioned, first of all, by the antonymous connotations characteristic for the context of game culture, which in itself speaks about its semantic relevance. The definitions given to the word "seriousness" in dictionaries also confirm this possibility. For example, one of the meanings of the word "serious" according to the Explanatory Dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov and N.Y. Shvedova is "requiring close attention, fraught with important consequences, dangerous". See: Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Ed. 4th. M., 1997 [Electronic resource] // "Slovorod.ru". – [Site]. – URL: http://www.slovorod.ru/dic-ozhegov/ozh-s.htm#_sje (accessed: 25.07.2019). Similar and context-specific interpretations can be found in English. For example, "serious" is defined, inter alia, as "pertaining to important things rather than trivial matters" or "not joking or trifling" and "seriousness" as "the condition of being grave and of involving serious consequences". See: Seriousness [Electronic resource] // The Free Dictionary. - [Site]. - URL: http://www.thefreedictionary.com/Seriousness (accessed: 25.07.2019).

potentially be converted into another value. I.e. it must be an external referent of value in the terminology of S. Abrutyn.

The following line of discussion by H. Treviño can indirectly explain this thesis. As he notes, money and social approval are different media of social exchange, and we should not consider monetary reward itself as social approval. As T. Parsons suggested, the four media of interaction are exactly symbolic and not just material rewards. Furthermore, T. Parsons refers to J. Olds psychological experiments on laboratory rats that confirm that even animals are able to appreciate symbolic rewards, and not just food as a material object. [467] To emphasize this idea, H. Treviño makes reference to the words of T. Parsons who said that in his terminology money and social approval are generalized media of interaction, while food or technical help are not. The empirical proof of this idea lies in the fact that, according to J. Olds and other researchers, educational processes of laboratory rats can be rewarded by electric stimulation of the pleasure mechanism of brain rather than objects, which can satisfy natural needs.[468]

The author of the present study expressed a general conclusion about the criterion of seriousness in the article "*Computer Games, 'Magic Circle' and Semantic Limits of Law*" as follows:

> «In the context of this paper, therefore, it is clear that money ("real" or "fiat") was not by chance the main "trigger" for discussions about the possible extent to which law might interfere with social relations taking shape in virtual worlds and online multiplayer games. Money is a classic example of a generalized symbolic media. Therefore, it is not surprising that the intuitive feeling that when "virtual" relations are invaded by relations involving "real" money, the application of law is possible, because money itself is a generalized symbolic media, and therefore the situation in the sociological, and now in the legal sense, is quite serious. However, there are other generalized symbolic media corresponding to their social subsystems, at least power and influence. Also, we believe it is quite clear that in real social communication, just as money is expressed in a certain form (physical

---

[467] Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology / Ed. by A. Javier Treviño, Foreword by Neil J. Smelser. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001. – P. 196.

[468] Cited by: Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology. – P. 196.

objects – coins, banknotes, etc. or information – information about the state of a bank account, electronic wallet, etc.), although their meaning is symbolic, and other generalized symbolic intermediaries, in order to be *communicated* or *expressed*, need some form. In today's information culture and in the light of the objectives of this study which is partly disclosed in this paper, these are, above all, information in digital form. And just as money, in the sense of a generalized symbolic media, can take on a variety of forms – not necessarily legitimatized coins and banknotes, but also obligations expressed in the free wording of the treaty – so too can power and, for example, influence be expressed in a very specific subject of the relationship – say, in a satirical cartoon. It follows from all this that not every such subject, object or form has "socio-currency value**"**.

Thus, the subject matters of relations, not the relations themselves, may or may not have "socio-currency value", i.e. they may represent a way of expressing a generalized symbolic media and act as an external referent of value. If an object has "socio-currency value", it should be considered as "serious", and if not, as "not serious". This predetermines one of the two criteria for the semantic limits of law, which, by way of example, can be explained as follows If the subject is "not serious" – i.e. it does not express any money, power, influence, obligation, or any other generalized symbolic media – while interpreting the relevant legal norms we need to enter the area of "penumbra", and if at the same time, as will be shown later in this study, the structure of the subject is "of fantasy nature", we move on and, crossing the area of "penumbra" we face absurdity, where the application of law is impossible, because it is contrary to common sense, it destroys the (social) legal reality and breaks the rules of the language game called "law".

The "test" for socio-currency value itself consists of two mandatory elements applied consequently. *Firstly*, it is the object's communicative meaning, defined by the context of social interaction. *Secondly*, it is the convertibility of this communicative value into an arbitrary generalized symbolic medium. In theoretical sociology and political science, only two such symbolic media have been developed with sufficient clarity: money and political power. The others are somewhat vague, but this is not of fundamental importance for the efficiency of this test. Actually, it is not even necessary to qualify the initial subject of public relations from the point of view of a certain type of generalized symbolic media, it is enough to prove its convertibility. If, for example, a statement contained in a game chat room, by its objective qualities, corresponds to the features of a civil law offer (or a *proto*-offer, taking into account the discussion of the issue of the possibility of making deals related to virtual property),[469] then the content of the statement

[469] "*Proto*" (not "*quasi*", for example), as such a message may or may not be an offer from the perspective of particular civil law approaches. For example, user agreements generally prohibit users from participating in the circulation of virtual property for real money. However, this position is not unambiguous, as such user interactions can be seen as examples of agreements for the provision of services on a payment-for-services basis (for acts involving the information system – games), which may in turn be considered to be outside the possible jurisdiction of the user agreement. The relevant provisions of such agreements may in such situations be regarded as limiting the civil capacity of users and therefore null and void. However, for the present study it is not important to do so, but that the very fact of such reasoning means that the law is applied to these relations, since the original statement has money (a generalized symbolic medium) as a reference. Therefore, the resolution of the situation by private instruments of civil law is a subject of legal argumentation proper, and it is no longer absurd to address them in a game context due to the "currency value" of the subject of the relations under consideration, which in this case directly refers to money as a generalized symbolic medium.

or the statement itself may be regarded as a subject of social relations, which has a communicative meaning correlated with a generalized symbolic media.

Equally clear in this approach now is the situation with other symbolic media, not as "straightforward" as money, for example, with the political power. A statement that calls for participation in an unsanctioned demonstration, even if it is contained in a game chat room, breaks the "magic circle" on the first criterion – the seriousness of the object – precisely because it has a socio-currency value. A more subtle example in the context in question, however, implies a statement that does not in itself refer to the obvious – money or a demonstration – but is an example of something less obvious. *Influence* is probably a good example. For instance, in a game chat room, there may be communication involving the creation of an institution of virtual social reality, such as a clan or guild. From the perspective of theoretical sociology, this case is an example of the use of influence as part of the social capital of the organizer(-s). Potentially, the influence of the leader of a well-functioning game clan can be converted into both money (e.g., to keep the clan functioning as a compensation for the organizer's time or expenses) and political power (e.g., if the clan leader uses his or her influence to engage clan members in some political activity).

Applying the law in such cases would no longer be exclusively absurd, as would be the case with an ordinary "sale and purchase" of virtual property under the rules and/or using game mechanics to meet the in-game needs of a game character. In such situations, it is necessary to take into account the second criterion – fantasy nature of the structure of the object (at the later stage of the research we have dismissed the idea of fantasy nature of the structure in favor of the fantasy nature of the function – ***V.A.***), which is discussed later in this study. If the this criterion is satisfied, then the process of weighing values or similar actions is necessary to assess the possibility of applying real law to such relationships. If the subject, being serious, is also structurally and functionally adequate rather than fantasized, then the law can be applied without the implementation of intellectual processes of "weighing" values – then it will be a classic, common case of application of the law, fully consistent with the notions of common sense».[470]

This approach overlaps with the approach of J. Huizinga himself (who was working on the topic well before the emergence of digital games and the peak of the development of the concept of generalized symbolic media in theoretical sociology, but coming slightly ahead of T. Parsons in his work "*Homo Ludens*") and his subsequent interpretations in the works of key authors in the field of game studies. For example, E. Castronova writes:

---

[470] See: Arkhipov V.V. Computer Games, «Magic Circle» and Semantic Limits of Law // International Journal of Cultural Research. 2019. 1 (34). P. 73–87. It should also be noted with interest that the concept of "social and currency value" in the presented interpretation organically corresponds to the actual market of tokens used in the tools of **cryptocurrencies and ICO**. Moreover, the borrowed term "token" itself, which is already used in the modern sense of the word, is a natural metaphor of the subject of relations having "currency value" in the sense of a generalized symbolic media, because that is where the purpose of the token is expressed. This example is extremely important to justify the relevance of the approach proposed in this study in the context of the medial turn.

«Games are hard to define, but game scholars such as Johan Huizinga and Roger Caillois identify them using the notion of **irrelevance** (emphasis added – ***V.A.***). For Huizinga, **by definition, a game cannot lead to consequences which would be significant from moral standpoint** (emphasis added – ***V.A.***). Whatever is happening, if it really matters in an ethical or moral sense, cannot be a game. Rather, he believes that games are places where we only *act* as if[471] something matters. Indeed, play-acting seriousness can be one of the most important functions in a given game. According to Huizinga, if some consequence really does matter in the end, the game is over. In fact, the only act of moral consequence that can happen within a game is the act of ending the game, denying its as-if character, spoiling the fantasy, and thereby breaking the collective illusion that the game matters».[472] Correspondingly, the main thing now is that **the "moral consequences" to which E. Castronova draws attention, therefore, imply the connection to certain generalized symbolic media and external referents of value.** As an accompanying comment, what E. Castronova says about games, implying first of all a narrow example of multiplayer online role-playing games, can also be applied to cases where the subject of social relationships is another (in the sense of § 5 of Chapter 1 of this study).

By the way, "seriousness" is also quite correlated with the notion of **public danger** – another "deceptive commonplace" of legal dogmatics, which is presented as self-evident, although studies of the meaning of this term show the opposite. This term, which is focused on socially negative phenomena, is also not applicable by definition to positive examples of the implementation of law in relation to virtual space.

---

[471] There is an obvious connection with the H. Veihinger's philosophy of "als ob", on whose works L. Fuller, already mentioned in the pages of this work, relied many times, at least in his works on legal fictions.

[472] Castronova E. The Right to Play // New York Law School Law Review. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 188–189.

§ 3. Modeling of commodification as a methodology for calculating convertible socio-currency value

The concept of generalized symbolic intermediaries implies the possibility of "conversion" or "symbolic exchange". The meaning of these terms, which are synonymous in the context of this study, can be explained as follows. From the perspective of theoretical sociology, there are several institutional fields – "economies" in P. Bourdieu's terminology, each of which is characterized by its own generalized symbolic medium. It is expressed (or expresses value) in an external referent of value. External referents of value, in turn, express the symbolic capital of a social actor. Social actors can acquire symbolic capital in one institutional domain through generalized symbolic media and external referents of value belonging to another institutional field, where they already have symbolic capital. Thus, "conversion" is the acquisition of symbolic capital in one institutional domain through the generalized symbolic media that are characteristic of another institutional domain. As J. Turner notes:

> «*Generalized symbolic media* are not only used in discourse and distributed by corporate units and resources; they are also exchanged by actors within and between domains. Intra-institutional exchanges are typically conducted with the generalized symbolic media of a domain. For example, teachers talk and exchange *learning* within the educational institutional domain; across domains, economic actors pay money for those who are certified (with diplomas) to have *learning*, thereby consummating an exchange of the money for learning exchange across institutional domains. Thus, one of the ways that generalized symbolic media circulate across domains is via exchanges; and, the more generalized symbolic media of powerful actors in dominant domains spend their resources – resources like *money* from economy and *power* as franchised *authority* from polity – for the resources of other domains – say, *learning* (from education), *health* (from medicine), and *verified knowledge* (from science) – the more will all of these media circulate across institutional domains in a society".[473]

---

[473] Turner J.H. Emotions and Societal Stratification // Handbook of the Sociology of Emotion: Volume II / Ed. by Stets J.E., Turner J.H. – Heidelberg, New York, London: Springer, 2014. – P. 180.

Because one of the main generalized symbolic media is **money**, it is not surprising that in the process of development of views on how the concept of the semantic limits of law could be applied specifically, we have no other choice that to look into economic analysis of law. Moreover, since *generalized symbolic media and/or external referents of value are inter-convertible, then each of them could be converted into money.* Because of this, all instruments that allow calculating a monetary equivalent of something, necessarily form a part of methodology of defining a convertible social currency value. This approach seems to be logically impeccable, and it works. However, we have **to make a warning, following S. Abrutyn, that one-sided understanding of the nature of generalized symbolic media shall be avoided**. The cases is that in many situations convertibility of generalized symbolic media into money would forever remain *theoretical*, while in other substantial set of cases such a converting would be *amoral* – e.g. in theory religious piety could be converted in money and this sometimes happens in practice, but most often it is a social pathology. Money can be considered as the "main" generalized symbolic medium only within a narrow capitalistic paradigm. In reality, historical and sociological analysis demonstrates that different societies and different cultures employ different generalized symbolic media at different stages of existence. According to P. Bourdieu,

> «...for example, Marx (he, of course, often was guided by economism, but despite all this he understood more than most of the modern economists) said that economists often talk about pre-capitalist societies in the same spirit as Church Fathers used to talk about primitive religions. Accepting the language of the economy, using the global syntax of economic discourse to talk about pre-capitalist economies, means destroying the subject you are trying to describe».[474]

At the same time, it is not the present economy and some economy of the past that are compared in our case, but "economies" belonging to the same social system and

[474] P. Bourdieu. Economic Anthropology: a Course of Lectures at College de France (1992 – 1993) / Transl. from French by D. Kralechkin. – Moscow: Delo Publishing House, Russian Academy of National Economy and Public Administration, 2019 – P. 130

interacting with each other. Hence, a theoretical possibility to apply economic analysis to anything that potentially has social currency value according to the initial intuitive hypothesis is not excluded, as this does not exclude the principle of convertibility in the terminology of this study. It is another matter that it is not possible to absolutize the possibility of increasing social capital in one institutional area at the expense of another such area, and to consider the fundamental possibility of converting one intermediary into another as an expression of the nature of one such intermediary. In other words, the fact that power can be obtained through influence (i.e. it is possible to convert influence into power) does not and should not tell us anything about the nature of power, nor about the nature of influence, but only demonstrates certain possibilities of "symbolic exchange" between social actors. Figuratively speaking, the mechanisms of abstraction underlying the generalized symbolic media belonging to different institutional areas represent a "black box" to each other, but at the same time interaction is possible between them – or rather, they can mediate a kind of interaction, communication, between social actors

That being said, we are interested in the question of **which object of social relationships exactly** shall be analyzed from the standpoint of the concept of the semantic limits of law in order to make a conclusion about its seriousness or unseriousness, reality or fantasy, and hence on the possibility to interpret and apply the law in such a way that the object falls under the scope of legal regulation in cases of "borderline situations of legal interpretation" (as far as the case concerns creating new legal rules, we shall mostly be interested in seriousness and unseriousness of the object). The economic theory can provide answers to these questions as well. A demonstrative, although [intentionally] naïve, yet precise textbook "*The Basics of Economy*" suggests the following as a response to an objection that "there is no thing that cannot be measured, where monetary units are universal measurement instrument, but not an end in itself":

> «You have surely heard many times that life is invaluable. However, we often put this treasure at risk. By purchasing cheaper goods of inferior quality, choosing unreliable but accessible means of transport, living in polluted city center nearby our work, or just crossing the street at the red traffic light, because we do not want to wait for the green one, we put ourselves under additional risk. One more minute of waiting becomes for us more important than the value of life, multiplied by risk to lose it under the wheels of a car. What is the reason for that? The reason lies in the necessity of choice. You remember that the resources in possession of certain human being and society are generally limited, and in order to receive something you need to sacrifice something else. In this sense, everything has its value. It is what we need to sacrifice what is the price of what we want to receive".[475]

The object in this case is likely not the invaluable human life itself, but something in respect of which we determine the value. Let us emphasize, however, that we are not interested in abstract economic models of value of an arbitrary object (such models, indeed, could be created in respect of everything – however, in such a case we would also face a question of absurdity, but this time in economics, not law), but in monetary value or in the value within a conventional value system related to other **generalized symbolic media**.

Based on the example of computer games we, therefore, can come to a conclusion that playing a computer game is sometimes (but not always and not in all aspects) a matter of rational choice between joy and health, or, better, joy and *time* – this time that could be invested into career, or love etc. That is why in this case an immediate object of social relationship (that can be assessed economically, converted into money, and then – into other external referents of value of generalized symbolic media) – is not "computer games in general" and not "playing computer games in general". The special object of social relationship that can be regulated by law without breaking its semantic limits, is time that a human being, who could have certain obligations imposed by law, spends in a computer game. In this case, a prohibition to play computer games during worktime would not be

---

[475] Boyko M. The Basics of Economics. – Moscow: Nobel Press, Print on Demand, 2015. – 470 p. [Electronic resource] // The Basics of Economics. – [Site]. – URL: http://azy–economiki.ru/docs/the_basics_of_Economics.pdf/_basics_of_of_Economics.pdf/ (accessed: 06.02.2019). PP. 12-13.

absurd. This kind of prohibition would be a subject-matter of "weighing" the constitutional values. In the conditions where everyone is guaranteed with the right to leisure time, freedom of information and freedom of access to cultural heritage, such kind of prohibition in off-work time would not be legal – but this is the "second" area of the semantic limits of law that implies such kind of "weighing". However, the prohibition to act in a certain way within the game itself, provided that such actions do not imply potential converting of the external referents of value (for example, selection of the in-game development path of a game character that forms a part of game process) would be blatantly absurd, as well as prohibition or other regulation of the process of receiving aesthetical pleasure from the process of playing a game. The examples of this kind could easily be continued.

That being said, since money – is a generalized symbolic media, the external referent of value is commodity. In case a special object of social relationships may be subject to **theoretical commodification, then law could regulate it**, because this would confirm its status as an external referent of value. Therefore, if we take money as the main illustrative (but not principal and not the single one) example, we also have to take into an account the **concept of commodification**.

A vocabulary definition suggests that commodification is:

> «…the process during which more and more kinds of human activity receive monetary value and *de facto* become commodities that are bought and sold on the market. A theoretical ground for this idea is found in the works by Karl Marx who asserted that capitalism is self-expandable economic system that requires more and more commodification. Capitalism, therefore, leads to substitution of spiritual and human values by the monetary ones".[476]

---

[476] The definition is given in the following edition: Sociological Dictionary (in Russian) / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner. – Moscow: Economics, 2004. Cited by: Commodification. What is Written in the Dictionary [Electronic resource] // Strelka Institute. - [Site]. - URL: https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification (accessed on 06.02.2019). In connection with the reference to K. Marx, it makes sense to emphasize that a critical rethinking in the light of the concept of generalized symbolic media of some theories which may seem to have lost their relevance at first glance, may have methodological potential. For example, in 1982, V.V. Lapaeva, analyzing K. Marx, in her analysis concluded: "For the circulation of paper money, it is necessary that the sign of money receives social significance (emphasis added – ***V.A.***). It is carried out by means of legislation and state coercion, thanks to which the paper symbol receives a compulsory course..." etc. See: Lapaeva V.V. Legal Issues in K. Marx's "Capital". – M.: Yurid. Lit., 1982. – C. 90

We, however, have to emphasize that within this research, within the limits of sociological theory of generalized symbolic media and the accompanying model agnosticism, commodification as an instrument of defining the semantic limits of law is not aimed to facilitate substitution of spiritual and human values at all – using of the "commodification method" is absolutely instrumental. Even more so, instead of transforming of other external referents of value into commodities, we can classify commodities from the standpoint of other systems of generalized symbolic media (for instance, political power or love). In social reality and, all the more, in theoretical modelling such systems can well-coexist as '*frames'* mentioned in game studies that could be switched between when necessary.

Returning to the commodification *per se*, there are a few good examples by E. Korotkova:

> «The commodification of space, to make long story short, – is transformation of space into commodity, determination of its value, sale, purchase etc. You don't sell just a house, but a house in specific place. In essence, this space becomes the same commodity as real-estate property. In this sense, commodification of space and gentrification are neighboring concepts. You transform the very space into a commodity, an expensive commodity, and because of its high value citizens of not that modern and fresh houses can no longer allow themselves to live in this place. I.e. they have money for an apartment, but not for the "space"… One of the more topical examples of commodification is presented by paid parking on the Moscow streets. In the essence, something that was not ever defined previously became a commodity – free parking space. Now you rent it from the city for certain fee. The same story happened with renting of the part of pedestrian walks for summer terraces of cafes: something that earlier was considered belonging to all free of charge became tradeable and exchangeable for money".[477]

---

[477] Commodification. What the Experts Say [Electronic resource] // Strelka Institute. - [Site]. - URL: https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification (accessed on 06.02.2019). R. Pozner also wrote about the possibility of "calculating" the economic value of individual legal artifacts (which is not surprising in the context of the methodology of economic analysis of law), see: Pozner R.A. Economic Analysis of Law: In 2 Volumes (in Russian). Saint Petersburg: Economic School, 2004. – Vol. 2. – P. 719.

Based on such premises it is not hard to notice that in a "*normal situation*" (in a situation where there are no grounds to raise an intuitive hypothesis on breaking of the semantic limits of law) the law itself, and, first of all, civil law serves the direct **instrument of imperative commodification**. For instance, the institution of intellectual property directly commodifies creativity. But this view is quite customary and does not raise major surprise. What is more interesting is that the institution of **compensation of moral harm** can thus be seen as an experience of commodification of other generalized symbolic media – following the real practice, this case may concern a broad range of examples, from health and knowledge to love and loyalty.

In conclusion of this paragraph, we have to emphasize one again that modeling of commodification is a theoretical instrument, and not a response to the question regarding the nature of relationships. In the process of discussing of this work, one of the critics suggested the following party provocative question. If presence of convertible social currency value is a quality that allows explaining when it is not absurd to apply or create law, then how this approach would work in respect of criminal law restrictions related to deeds encroaching the sexual freedom and sexual integrity of persons? Would violence that comprises an objective side of the corresponding deeds constitute some social currency value? The answer is – no, it is not violence. What the methodology developed in this research would consider as the object of social relationships in this aspect, would be sexual freedom and sexual integrity as they are. In this case, it would be those aspects that would be considered as having social currency value. Such a value, indeed, may in theory be converted to money (by a way than everyone knows), and, although such a convertation would be amoral, it would work as a theoretic instrument.

In the end of this paragraph lets us refer to what S. Abrutyn himself wrote about conversion.

> «Generally speaking, in an ideal world, GSM (generalized symbolic media – ***V.A.***) would circulate alongside each other with little tension: Priests are paid a salary, and thus *money* in the form of wages would circulate alongside *sacredness/piety*, but would maintain a reasonable and safe distance. Religion, in other words, would never acquire the logic of economics».[478]

However, the author emphasizes that it is not always the case in real life. *First*, «where two GSM with the *same* mode of orientation circulate beside each other, and the foreign GSM dominates the indigenous GSM, we can talk of *corruption*».[479] A clear example of corruption can be seen in a case where in law or politics such GSM as *money* is used instead of *political* power or *justice* correspondingly. *Second*, when different modalities of orientation are confused and the instrumental one starts to dominate over the moral one, we can raise a question of "*pollution*":

> «*Money*, or ERVs [external referents of value] connected to it, like toys, can be advertised to working mothers as a solution to the time crunch preventing them from giving *love* and *loyalty* to their children in the prescribed normative way. *Love*, in this situation, becomes a servant of *money*, as the cultural and material components of the latter compete or supplant the former in real social relationships».[480]

Thus, the methodology that follows from the concept of generalized symbolic intermediaries allows us to identify those subjects of social relationships which can be *significant* in the legal sense. In other words, as it follows from the general context of this study, the common sense in determining the range of possible objects of legal regulation is expressed in the convertible socio-currency value of these objects. This approach, which reflects the methodological search sequence expressed in the present study, answers the question of what can in principle be included in the field of the *legal* or, in more dogmatic terms, constitute a subject of legal regulation.

---

[478] Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. – 2015. – Vol. 51. – No. 3. – P. 460.

[479] Ibid. P. 461.

[480] Ibid.

§ 4. The criterion of functional adequacy or "fantasy nature" of object of social relationships

As it follows from all of the previously mentioned discussions, the criterion of "seriousness" of object of social relationships is persuasively relevant to the cases when we need to determine whether or not it is possible to extend legal regulation to some, and first of all "new", objects of social relationships (an example of which, as we will see later, may be, for instance, smart robots, tradeable big data and other phenomena of digital economy as reflected in a number of publications of the author of this research). However, in cases of "borderline situations" of legal interpretation, or in other words – "areas of penumbra", where certain legal rules that are potentially applicable or not applicable to new social relationships exist, the problem of the following nature arises. If we take as the sole criterion the criterion of seriousness, we will not have a clear way to discern to which of the current legal norms such a "serious" subject corresponds. If, however, we will try to employ an alternative criterion of correspondence between our object of interest and its description in hypothesis or disposition of legal norm as the sole criterion, we will not reach clarity on the matter of whether or not we shall extend the norm in question to such a new object. In other words, the "criterion of seriousness" makes it possible to determine the significance of the object of legal regulation, but does not provide an opportunity to establish and explain a semantic connection with a particular concept used in the legal text.

The previously mentioned problem was formulated already in application to the example of blocking of website containing imaginary (game-related) recipe of "dynamite" in *Minecraft* computer game based on the norms that do not contain specific criteria of assessment. The flow of discussion was as follows. Let us assume that the main criteria for solving of the collision lies in the fact that such a "recipe" is not related to any social institution in social constructivist sense at all (such an approach was reflected in the initial hypothesis). Even if we explicate this initial view to a degree of specification that

presupposes assessment of convertible "social currency value", we may find some contradictions. Yes, the "recipe" of such dynamite itself cannot be used to create a real explosive substance, but the game that, at the same time, is played by millions of people worldwide, cannot avoid having at least some convertible social value at least in some aspect. Moreover, many players create and maintain social institutions connected exclusively to creating objects in virtual world (i.e. there are social institutions). Looks like a deadlock. Let us try to approach the problem from the other side. Assume that the case is solely related to the fact that the recipe of dynamite is not real (running ahead of the story, we can say that the recipe is "fantasy" or missing functional adequacy). Let us then try to build up argumentation from the contrary. If the recipe of dynamite were real, would it clearly say that the website should be blocked? It has to be emphasized that the case implies absence of direct legislative criteria for blocking of such kind of information, in contrast to, for example, certain situations related to illegal drugs. But something seems wrong here is well – if we consider this case as an illustration of a broad case of potentially illegal and/or publicly dangerous information, the necessity of blocking is not apparent – for instance, we can decide that such information for certain reasons should be permitted. After this twist of the discussion the issue in general transforms into the issue of whether or not it is possible to limit dissemination of artistic (non-serious, playful, imitating – i.e. a simulacrum of its kind) information that contains references to real objects, or it would contradict to the principle of freedom of creativity? If the question is formulated in this way, it becomes clear that in "borderline situations" of legal interpretation, **there should actually be several criteria that shall be applied simultaneously**. It is because of this that we now would like to develop the second criterion of functional adequacy. In its turn, we see the concept of "fantasy nature" as the opposite one to the functional adequacy, which is used in law mostly in narrow sense related to the quality of innovation in application to trademarks.

What is "fantasy nature"? To being with, let us try to go from the contrary. Thus, for instance, the N.N. Menshikova, the author of the article "*The Category of Fantasy Nature in Science*" admits that fantasy nature is "one of the mental categories of those who participate in cognition of both real and imaginary worlds".[481] As N.N. Menshikova says, the category of fantasy nature may be interpreted in broad and in narrow sense. In broad sense, fantasy nature "reflects the ability of language and thought to discern essential qualities of real world by means of referring to internal subjective individual world of a human being".[482]

In a narrow sense, fantasy nature "is associated with artistic fiction, with literary genres, as well as with styles in painting and architecture (the concept of "fantastic" architecture by P. Florensky)".[483] As the main approach for consideration, the author chooses a broad interpretation of fantasy nature. However, this approach does not clarify the meaning of the term "fantasy nature" in the context of the present study, since it actually implies the identification of the terms "of fantasy nature" and "imaginary", and we would prefer to use different terms to designate: imaginary,[484] again, in a broad sense, refers to the properties of consciousness, including, in particular, the reconstruction of an object in consciousness, and such a reconstruction will not necessarily be fantasy. Quite typical, in this sense, is P. Ricoeur's quotation, which N.N. Menshikova provides:

> «To imagine is not to have a mental image of something, but to reveal connections by means of imaging».[485]

---

[481] Menshikova N.N. Category of Fantasy in Science // Proceedings of Chelyabinsk State University. 2008. No. 36. P. 95.

[482] Ibid.

[483] Ibid.

[484] In the context of this study, the "imaginary" is a virtual model of a real-world object.

[485] Ibid. P. 99.

Again, we note that here we are talking more about clarifying conventional terms in the context of the present study, and not trying to identify some "objective" meaning of terms that probably not even exists. I.e. we talk here about application of the method of analytical philosophy.

In search of the solution for the problem posed, let us assume that the description of the criterion of functional adequacy or fantasy nature of functionality of the object of social relationships through an interpretation of the concept of correspondent truth in logic, referring to isomorphism, has certain prospects.[486] In this context, it is a distinction between the two interpretations of the correspondent theory of truth proposed by D. Marian in the source cited in the preceding footnote: "correspondence as correlation" and "correspondence as isomorphism".[487] A stricter option (correlation) implies that "every truth correspond to exactly one fact", while "different truths correspond to different facts".[488] A softer option implies that "truthbearers and facts are both complex structured entities: truthbearers are composed of (other truthbearers and ultimately of) words, or concepts; facts are composed of (other facts or states of affairs and ultimately of) things, properties, and relations".[489] Hence, the correspondence is determined by the relation between the parts of truthbearers, on the one hand, and facts, on the other.

In turn, according to E.V. Bakeeva,

> «...everything changes at that moment when this invariant itself (along with its ontological assumptions) becomes questioned. This problematicity deprives all the concepts of truth, formulated within the framework of a gnoseologic orientation, from being convincing at once. The first and foremost of them, the correspondent, reveals its doubtfulness only insofar as it loses the stability of the concept of reality. The virtualization process of reality, which began

---

[486] When applying this theory, a set of ideas and interpretations is implied, which do not significantly go beyond the common places of the science of logic, as, for example, they are described in the following exhaustive generalization: *Marian D.* The Correspondence Theory of Truth [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/truth-correspondence/#6 (accessed: 03.10.2018).

[487] Ibid.

[488] Ibid.

[489] Ibid.

> in the era of the scientific revolution of the turn of the XIX-XX centuries, after a century reaches the point where uncertainty turns out to be the main characteristic of the real. Fluid, "flickering", unpredictable reality is no longer able to play the role of the model with which knowledge is verified. Any attempt to determine the conformity of knowledge and reality of the inevitable is faced here with the need for some additional action: establishing or constructing that very sample (or image of reality) with which knowledge will be compared».[490]

However, we are very fortunate that we are dealing with law, even more so – that is explained by social constructionism, since "the establishment or construction of that very sample with which knowledge will be compared" has already taken place.

From the point of view of logic, *interpretative* judgments in jurisprudence ("whether" fact A is the subject of the legal rule B) may have the quality of truth or falsity. In such judgments, the subject and the predicate are the subject of relations under investigation and the "virtual" object of the legal norm, corresponding to the semantic space of values determined and limited by the "currency value". The location of these objects in the system of expression (where the subject is, and where the predicate is) does not affect the fundamental significance of the logical operation. Furthermore, it is precisely in the sense of such an operation that we are interested in an isomorphic interpretation of the theory of correspondent truth. One can theoretically model, for example, the following judgments that clarify this logic: "A mobile phone number [object of relations] is personal data [a "virtual" object of law]..."; "The contract [object of relations] is a transaction ["virtual" object of the legal norm]..." etc. Moreover, in the area under consideration, for example, specifically: "Murdering of a computer game character [relationship] is not murder, provided for by Article 105 of the CrC of the Russian Federation ["virtual" object of legal norm]..." The second part of the last logical expression: "…because the killing of a computer game character [as a general rule] does not have "social currency value" and is of

---

[490] Bakeyeva E.V. Ontological Concept of Truth in the Context of Postnonclassical Scientific Rationality // Proceedings of Vyatsky State University. 2012. No. 4. – P. 12.

“fantasy nature”. Or, on the contrary, the reconstruction of an alternative example: “Unauthorized deletion of a computer game character [object the relationship] acquired with real money constitutes damage to property [“virtual” object of the legal norm], because such a character has “social currency value”, convertible into money as generalized symbolic media, and also functionally adequate to causing damage through illegal deletion of information, therefore the law can be applied to these relations”.

The example of “violence” in computer games (including cybersports) illustrates the problem of revealing a functional correspondence between the statement of violence as part of a subjective and objective social reality and the statement of violence, which constitutes a computer game event – we have already mentioned this in § 3.2 of Chapter 1 of this study, but we will give another illustration. As, for example, the President of the Russian Federation for Computer Sports, D.V. Smith, noted:

> «The most popular game in Russian cybersports is Dota2. It competes in five-man teams. The game lasts for about an hour and includes pre-game training, where the guys select their own characters, who will be able to successfully withstand opponents. It is often accused of cruelty and violence. Yes, Dota is a game with fantasy characters who cast spells on each other and hit each other with swords on the head. But, first of all, it all goes not from the first person, but three-dimensional – looks like a normal cartoon. Secondly, for a professional cybersportsman, these visual details do not matter. *He perceives his character as a set of numbers and functions – how many lives, weapons, skills, effects* (highlighted by me – ***V.A.***). In each graphic game you can set the minimum visual settings, most professional players do exactly as follows: it is information what is important, not beauty».[491]

Note that in the context of the present study and in the perspective under consideration, this opinion can be considered as an illustration of the lack of functional adequacy between the two statements.

Within such an approach, in a sense, the isomorphism of the functional features of the object of social relations is not so much a criterion of applicability of law as a tool for

---

[491] Smith D.V. For a Child Who Spends a Lot of Time at a Computer, Cybersports is a Way Out // Mel. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://mel.fm/mneniye_eksperta/7604295–esport_eksperta/7604295–esport (accessed: 21.01.2019).

selecting the objects of legal regulation when the scope of concept-words of a legal text is analyzed. Within the framework of systematic theoretical analysis we study the complex actual composition of social relationships and define the subjects isomorphic to "virtual" subjects of legal relations simulated by the norms of the applicable law. If we employ the criterion of isomorphism in this understanding, then the practical sense of using it, among other things, is expressed in the necessity to determine whether there are objects that correspond to the known value of a legal norm, having consistently studied the entire actual composition of social relationships. If there are such objects, then, most likely, there is also a socio-currency value (proceeding from the presumption of social and currency value in relation to those objects that fall within the area of "core" of a legal norm in the Hartian sense). Nevertheless, if there are no such objects in the actual composition at the first approximation, then it is necessary to use the "criterion of seriousness" to determine possible peripheral meanings of the concept-words used in the legal text.

What we are interested in is fantasy nature of **functionality** of the object in connection, *inter alia*, with the function of its virtual representation. It is clear that in the example of *Minecraft* the dynamite is fictional, even if the recipe is real. However, if its recipe is real, i.e. it can be used to make real dynamite, this information can have consequences for the real world, and thus the subject is "real" in terms of its direct or mediated functionality. L. Manovich singled out four key components of the new media objects – fractality, automation, variability, transcoding (see § 4 of Chapter 1 of this research). Under such conditions, it is difficult to assess the adequacy of the structure as such – everything is changeable (everything is not being, but becoming), but it is possible to assess the adequacy of the functional aspects of such a structure. To paraphrase the popular expression which corresponds to the common sense, "if something behaves as a property, it is property". We emphasize that virtual property, which is the subject of turnover for real money, thus, in the framework of the proposed model is not fantasy, but

quite real object of social relationship.[492] Taking into account the methodology, it is impossible to say that the objects of virtual property are fantasy – they are quite real, if by fantasy not to understand the civil-law "thingness", but the ability to form a part of civil turnover. Otherwise, we could easily say that the same fantasy is cashless money, uncertificated securities and a huge number of other objects of civil rights that have already become commonplace, which can, with a certain degree of conditionality, metaphorically[493] be designated as *res incorporales*. That is, in a sense, they are, of course, of fantasy nature, but not in the special sense which corresponds to this research – these are quite real objects of intersubjective social reality, as well as virtual property in many online environments.

At the same time, even this "soft" version of the correspondent theory of truth, although it seems to be consistent with the problem at hand, does not seem to be the ideal solution to the task before us, including because it requires additional explanations and reservations in order to explain its legitimacy in its application in the legal argumentation, even in a kind of closed universum of law. Thus, for example, in the works of J. Austin[494] it is possible to see a rejection of the isomorphism-based concept of correspondent truth in logic, since such an approach "projects the structure of our language onto the world".[495] And in general, criticism of the correspondent theory of truth makes us think about other criteria for establishing a link between concept-words and facts (among which, first of all, we are interested in the artifacts of media reality), which would make it possible to justify or reject the proposed hypothesis of functional adequacy as "criterion of reality" of the object of social relationships from the point of view of law.

---

[492] The example of virtual property, which is the subject of turnover for real money, is perhaps the most appropriate – in the case of it both convertible social and currency value and functional adequacy are obvious

[493] The author naively believes that such a number of reservations would prevent him from being criticized by the civilists, in the field of expertise of whom he embarrassingly enters.

[494] See e.g. Austin J. Truth / Supplementary Volume XXIV, 1950 [Electronic resource] // Proceedings of the Aristotelian Society. The Virtual Issue No. 1. 2013. – [Site]. – URL: https://www.aristoteliansociety.org.uk/pdf/austin.pdf (accessed: 10.09.2019).

[495] Marian D. The Correspondence Theory of Truth.

In view of this fact, let us try to interpret the problem not so much as the problem of logic as such, but as a related, albeit a special problem of interpretation of law. Thus, if we consider the problem of the semantic limits of law from the point of view of interpretation of legal texts and application of law, it can also be interpreted as a problem of interpretation of legal texts within the framework of Hart's general analytical and legal methodological premise on the "core" and "penumbra" of word-concepts used in a legal text, reflected in the discussion with L. Fuller and further developed in the book "*The Concept of Law*" (1961). As noted by S.N. Kasatkin, "...the specificity of the language, according to the author, generates a fundamental incompleteness and uncertainty of law, the "open texture" of its rules, including both the "core" – a set of central, obvious meanings, and the "penumbra" – the area of borderline, unclear cases of use".[496] In the light of this methodology, controversial *questions of extrapolation of legal texts on media reality artifacts form a "penumbra" of meanings*. Such an interpretation of the problem appears to be legitimate in light of the problems of interpreting law as reflected in the legal collisions of the medial turn, as highlighted in this paper (see § 1 and § 2 of Chapter 1 of this study). As can be seen from the analysis of the writings of the thinker,

> "Hart employs a theory of meaning for which any given concept-word distinguishes a core of certain, determinate meaning from a penumbra of uncertainty. On this account, every concept-word is a linguistic sign with both a definite meaning, and a set of imperfect, indeterminate meanings. Where the core meanings of the words constituting legal rules are sufficiently determinate to be applied decisively to a legal dispute, this is an 'easy case'. Hart's distinction asserts that the linguistic formulation of legal rules renders their meaning dependent on the meaning of concept-words used in these formulations. Meaning is determined by the function of a word in language. Hart argues that every word has standard instantiations where its application is conventionally accepted and its meaning is clear and determinate. This is the "core of meaning". Where the application of a word to facts cannot be determined by the conventional rules of language, the meaning of that word may be said to be uncertain and indeterminate. This is Hart's "penumbra of uncertainty". In these cases,

---

[496] Kasatkin S.N. The Main Work of Herbert L.A. Hart (to the Publication of the Russian Edition of the Book "The Concept of Law") // Proceedings of Samara Humanitarian Academy. Series "Law". – 2007. – No. 2. – P. 10.

> the relationship between fact and concept-word must be determined by non-linguistic standards and criteria, such as the presumed purpose or communication intention".[497]

Thus, the interpretation of legal text, which implies the need to determine whether or not the object of social relationships, mediated by media reality, is within the scope of the possible meanings of concept-word used in it, as well as the subsequent application of law, requires a correspondence between such object and the term. In current socio-cultural conditions, the facts of media reality are on the periphery of the scope of legal texts. The definition of functional correspondence, in this sense, is **the establishment, in terms of "late" L. Wittgenstein, of "family resemblance" between the meanings related to easy cases of core meaning and facts of media reality located on the periphery**. It is noteworthy that the thinker himself explained the concept of "family resemblance" on the example of the use of the word "game":

> "66. Consider for example the proceedings that we call "games". I mean board-games, card-games, ball-games, Olympic games, and so on. What is common to them all?—Don't say: "There must be something common, or they would not be called 'games' "—but look and see whether there is anything common to all.—For if you look at them you will not see something that is common to all, but similarities, relationships, and a whole series of them at that. To repeat: don't think, but look!—Look for example at board-games, with their multifarious relationships. Now pass to card-games; here you find many correspondences with the first group, but many common features drop out, and others appear. When we pass next to ballgames, much that is common is retained, but much is lost.—Are they all 'amusing'? Compare chess with noughts and crosses. Or is there always winning and losing, or competition between players? Think of patience. In ball games there is winning and losing; but when a child throws his ball at the wall and catches it again, this feature has disappeared. Look at the parts played by skill and luck; and at the difference between skill in chess and skill in tennis. Think now of games like ring-a-ring-a-roses; here is the element of amusement, but how many other characteristic features have disappeared! And we can go through the many, many other groups of games in the same way; can see how similarities crop up and disappear.
> And the result of this examination is: w T e see a complicated network of similarities overlapping and criss-crossing: sometimes overall similarities, sometimes similarities of detail.

---

[497] Thacker L.E. Interpretation and Legal Theory. A. Marmor Oxford: Clarendon Press, 1992, 193 pp. (Review) // Dalhousie Journal of Legal Studies. – 1993. – Vol. 2. – P. 334.

> 67. I can think of no better expression to characterize these similarities than "family resemblances"; for the various resemblances between members of a family: build, features, colour of eyes, gait, temperament, etc. etc. overlap and criss-cross in the same way.— And I shall say: 'games' form a family".[498]

At the same time, the notion of applicability of Wittgenstein's ideas in jurisprudence, including directly to the field of problems of interpretation of legal texts, has been repeatedly criticized. Thus, for example, B. Bix notes that "the [Wittgenstein's] rule-following considerations do not have any *direct* applications to law, at least not to the issues in legal interpretation to which Wittgenstein's work is usually applied. The rule-following considerations are about the proper explanation of a phenomenon: the phenomenon of general agreement in practices regarding the simples terms and mathematical concepts… By contrast, law and legal interpretation seem, and seem obviously, to be some distance from the practices inspiring the rule-following considerations. Law and legal interpretation are not practices characterized by consensus or lack of disagreement. To the contrary, one might say that the practice of law is substantially, perhaps even pervasively contested. The question in legal interpretation is not how to explain agreement, but how to resolve *dis*agreement".[499] B. Bix's arguments are, at the very least, noteworthy. Moreover, as another cautious remark, we can note that Wittgenstein's ideas reflected in the excerpt from "Philosophical Investigations" can only confuse the case if applied too literally – if the concept-words used in the legal text are not only ambiguous, but are also have "family resemblance" to others, it may complicate the reconstruction of a *definite* meaning.

---

[498] Wittgenstein L. Philosophical Investigations (1953) (in Russian) // Wittgenstein L. Philosophical Works. Part I. Transl. from German / Compilation and Introductory Article by M.S. Kozlova. Translation by M.S. Kozlova and Y.A. Aseev. – Moscow: Gnosis Publishing House, 1994. – PP 110–111.

[499] Bix B. Cautions and Caveats for the Application of Wittgenstein to Legal Theory [Electronic resource] / Law and Social Justice, Campbell, O'Rourke & Shier, eds, MIT Press, pp. 217–229 // Social Science Research Network. – [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=619123 (accessed: 10.09.2019).

In the domestic research, the general and convincing counterarguments against this skepticism B. Bix, based on the notion of "the *constructed* nature of ontology of legal phenomena in the legal language",[500] were expressed by A.B. Didikin.[501] Hence, if we consider the specific angle of this paper, in the methodology of analytical jurisprudence proposed by H. Hart, which is clearly intended specifically for the purposes of interpreting the law, the concept of "family resemblance" is used as a legitimate tool. This is most clearly seen in the example of interpretation of the concept of law by one of the main advocates of the approach proposed by the British author – A. Marmor – directly in the context of the problems of interpretation of law, presented by the latter in the book "*Interpretation and Legal Theory*" (2005).[502] It should be noted that the approaches proposed by H. Hart are still relevant today, having been criticized, among others, by such influential lawyers as L. Fuller[503] and R. Dworkin.[504]

In the light of A. Marmor's interpretation, the conception of H. Hart can be expressed as follows. The use of natural language for the formulation of legal norms predetermines the dependence of the meaning of these norms mainly depends on the concept-words used in the relevant legal texts.[505] Logical conceptions (e.g., of syllogism) apply only to relations between rules or expressions, not their relativity to the world.[506] In the words of H. Hart himself, "logic remains silent on how to qualify particulars", but that is where the problem of "core and penumbra" lies.[507] To determine the meaning of words it

---

[500] Didikin, A.B. Interpretation of the Problem of Rule Following the in the Analytical Philosophy of Law // Proceeds of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. – 2015. – No. 2. (30). – P. 85.

[501] See Didikin, A.B. Interpretation of the Problem of Rule Following the in the Analytical Philosophy of Law // Proceeds of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. – 2015. – No. 2. (30). – PP. 83–89.

[502] Marmor A. Interpretation and Legal Theory. 2nd Ed. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2005. – 179 p.

[503] Ibid. PP. 99–106.

[504] See: Kasatkin S.N. The Removability of the "Open Texture" of Law: Three Remarks by R. Dworkin // Legal Paradigm. – 2019. – Vol. 18. – No. 1. – PP. 93–98.

[505] Marmor A. Interpretation and Legal Theory. P. 97.

[506] Ibid. P. 98.

[507] Ibid.

is acceptable to use the conception of "family resemblance",[508] based on the "core" meaning of concept-word, which is determined by self-evident examples of the use of the word in real practice,[509] which form the criterion (in a special sense of Wittgenstein's philosophy of language[510]) for determination of the meaning of the concept-word that is of interest to us.[511] Up to this point, A. Marmor's reasoning seems to us sufficiently clear, consistent and applicable in practice. However, the question arises: the criteria for defining the concept-word in normal cases of natural language use and in cases where natural language is used to express legal norms should be different, which is indirectly confirmed by the empirical material of this study (see § 2 and § 3 of Chapter 1). In our view, analysis A. Marmor does not provide an explicit answer to the question about the criteria for the interpretation of legal texts and the application of the law.

However, from all the previous research, it follows that the legally significant criterion for determining "family resemblance" is expressed in functional correspondence. Based on common sense, functionality itself is defined by how the object of social relations can be used by actors (subjects of law) in an intersubjective social reality. With this approach, if, for example, a social institution of trade in virtual objects – artifacts of media reality – has been formed, then we can establish "family resemblance" between such objects and the central meaning of the legal term "property". It should also be taken into account that new media are defined by such qualities as fractality, automation, variability, and transcoding (L. Manovich), and this, in most cases, predetermines the impossibility of *structural* correspondence of the artifacts of modern media reality and the central meaning of the concepts of legal texts that are focused on the establishment of *technologically neutral* rules of conduct. In the context of the research, the concept of functional

---

[508] Ibid. PP. 100–101.
[509] Ibid. P. 101.
[510] For an overview of criteria and symptoms in Wittgenstein's terminology, see e.g: Loreti A. L. Wittgenstein on the Concepts of "Criterion" and "Symptom" // Philosophy of Education. – 2015. – Vol. 5 (62). – PP. 58–64.
[511] Marmor A. Interpretation and Legal Theory. P. 102.

correspondence is opposed to the "fantasy nature" of the object of social relationships in relation to the legal reality. It is necessary to emphasize that in the context of this work, we are not talking about the fantasy nature of the object as such (in virtual reality, all objects are to some extent fantasy), but about the fantasy nature of representing the key functional properties of the object in virtual reality (i.e., what the objects "do" rather than "how they look"). In fact, the criterion in question is designated as the "the criterion of reality" because objective law, by definition, is not possible as a simulacrum (see § 5 of Chapter 1 of this study).

However, the main rationale for functional correspondence as a criterion for determining "family resemblance" and as a "*criterion of reality*" in the context of this work is systematically related to the "criterion of seriousness". The *non-absurd* scope of legal regulation is determined by the objects of social relationships which have convertible socio-currency value.[512] The presence of such a value implies that the object is nothing but an external referent of value (significance) of a generalized symbolic medium. In turn, both in the conception of T. Parsons and in the works of later authors mentioned in the study, such significance is expressed in the special quality of generalized symbolic media, allowing them to act as means of communication – of the communication of values, i.e. the performance of their certain **functions** in the system of social exchange through external value referents. This may be the rational explanation for the common sense expression "if something behaves as a property, this is property" mentioned before. Thus, both criteria are naturally interrelated. At the same time, although in essence each of the criteria is explained by one methodological approach, which goes back to the concept of generalized symbolic media, the meaning and significance of these criteria are different. Thus, the

---

[512] In our view, the following conclusion is correlated with this idea: "Although has effectively punctured any notion that standard instance or core meaning is impervious to context and the value-systems inherent in manifest legislative purpose, a concept of standard instance or core meaning is indispensable to setting **outer limits** (emphasis added – ***V.A.***) on potential meaning and, indeed, even to the revelation of legislative purpose itself". Dickerson R. Statutory Interpretation: Core Meaning and Marginal Uncertainty // Missouri Law Review. – 1964. – Vol. 29. – P. 11.

"criterion of reality" is used to correlate the fact of media reality with a concept-word used in a legal text. This criterion allows to explain the principle of applying the concept of "family resemblance" in the terminology of L. Wittgenstein, but its meaning is limited by this – it is a *formal criterion*. The object itself may not have a convertible socio-currency value. In turn, the "criterion of seriousness" is a *substantive criterion*, the purpose of which is to determine this value or its absence. By paraphrasing and, to the extent necessary, complicating the pervasive common sense formula, the following can be said: "If, in principle, something behaves as property – it is functionally consistent with the peripheral area of meaning of the concept-word "property" used in legal text and **may**[513] be included into the subject matter of legal regulation", then "if something behaves as property in a way that is of *inter-subjective significance*, it **must** be included in the subject-matter of legal regulation". Of course, the example can also be extrapolated to other external referents of value and generalized symbolic media.

§ 5. Theoretical modeling of application of the criteria of socio-currency value and functional adequacy

The sequence of application of the criteria of reality and seriousness in practice will vary depending on the specific process we face. If it is a question of determining the public significance of the object of relations for the purpose of **lawmaking**, the first and main criterion will be seriousness (socio-currency value), and the criterion of reality will allow us to determine the further choice of linguistic means for solving the problems of legal

[513] In the general context of the work and the references to the concepts of "weighing" or "balancing", which is required if only one of the criteria of the semantic limits of law is met, it must be emphasized that the decision to include an object of social relationships into the field of law cannot always be dictated by its intersubjective significance in the sense that "family resemblance" is defined. Thus, for example, symbolic and ceremonial weapons may be functionally adequate to the scope of the concept of "weapons", but excluded from the scope of legal regulation because for some reason they cannot be regarded as having inter-subjective significance ("no one uses them this way"). Or, on the contrary, to be included in the scope of legal regulation, but not because it may pose a threat to life and health, but because in a given conventional society, for example, any action with any weapon is contrary to religious dogma

technique. At the same time, if it is a question of defining the meaning of the concept used in a legal text for the purposes of **interpretation of law or application of law**, it makes sense to first establish the reality of the subject and then determine its seriousness. At the same time, in this case, both criteria will be equal. The sequence of consideration of the criteria reflected in the structure of the main text of this study – first, of seriousness, then, of reality – reflects the objective sequence of methodological search implemented by the author. At the same time, the main provisions put forward for defense reflect the reverse sequence characteristic of the process of interpretation of legal texts and application of law, since it is in this section that the relevance of the concept of the semantic limits of law to the problem area of philosophy and law theory can be most clearly demonstrated.

The practical program, based on the content and conclusions of this study, is to provide the principle of reasoning and arguments for law enforcement and interpretative decisions in the area of "penumbra", as well as law-making in innovative areas, primarily related to the consequences of the medial turn and its components. From a pragmatic point of view, it may not be necessary to change the verbal final point of legal reasoning (i.e. the "it is absurd" formulation). If we evaluate the situation from the point of view of sociology, references to the absurd are perceived as self-sufficient if they correspond to common sense (i.e., there is no explicit counterargument to the conclusion of absurdity). Common sense can be figuratively explained as the "unconsciousness" of legal rationality.

Let us now try to assess the application of the concept to individual representative examples. Since the present study focuses primarily on the problems of the area of "penumbra" in the context of the medial turn, the first of these examples will relate to the innovative phenomena of virtual worlds.

We emphasize that this theoretical modeling is conditional and preliminary, and not final, because for an unambiguous conclusion on a case-by-case basis it is advisable to conduct empirical research in the field of sociology and/or economy. Examples of this

kind of theoretical modeling are, in fact, distributed throughout the text of the paper, so let us focus on only a few of them.

Three variants of the *first example* are related to the topic, which has already become a classic one in legal works related to game studies – the question will be about virtual property. The assessment is carried out in the "borderline area" of legal interpretation.

Example No. 1 (Scenario A)**.** *Online games' virtual property (free circulation).* Let us consider a generalized example of legal collisions related to the turnover of objects in virtual environments simulated by computer media, which at the same time are the subject of turnover for real money.[514] For the purposes of this example (Scenario A), let us look at the situation in which virtual objects can be alienated after acquisition and can be **freely shared** between players for real money.

The special object of the relationship in this case is an object whose "existence" is imitated in the virtual environment. It can be purchased by the user for real money from the game company and (or) from another user. For the purposes of this mental experiment, we do not address industry-specific legal qualification issues, but rather seek to provide a fundamental assessment of whether or not it is absurd to apply law to such an object.

In the light of the proposed methodology, the virtual object is considered as an external referent of value (hereinafter referred to as the "ERV"), which expresses the value corresponding to such a generalized symbolic media (hereinafter referred to as the "GSM") as money. Since money is the "unconditional" GSM, we can already conclude that the subject is "serious" on this basis. Since one of the criteria of the semantic limits of the law is satisfied, it is at least possible to apply procedures of "weighing" legal values in order to determine the possibility of application of law – in other words, the interference of the law in certain social relations. The application of law will no longer be absurd in itself.

---

[514] A detailed description of such mechanics is given by the author earlier, including in the following article: Arkhipov V.V. Virtual Property: Pervasive Legal Problems in the Context of Computer Games Industry Development // Zakon. 2014. No. 9. P. 69–90.

However, how real the object is? To assess the "reality" of the object, we will assess the functional adequacy of the object to one of the objects included in the "core" of the legal norm of interest to us. These can be, for example, norms of civil or criminal law on property. For example, we have established that a virtual object is used within the framework of established social practices in the same way as property is functionally used – this is possible due to the additional condition that this object can be freely shared between players and subsequently. It is this circumstance that testifies to the functional adequacy of the special object of "virtual" relations to the object on which the relevant legal norms are focused.

In this context, there is no obstacle to the subject matter being regulated by law (which, for example, may involve the creation of special rules or the application of rules by analogy) – this will no longer be absurd, and this will no longer imply the reference to any substantial values, for example, from the perspective of moral philosophy.

This example has at least two practical meanings. *First*, it represents a philosophical and legal substantiation of the legitimacy of the question of the legal qualification of virtual property as such, in the same way as, for example, it was done by A.I. Savelyev.[515] *Second*, the above approach, although it does not contain any specific guidelines as to what exactly the current legal structure should be applied to the virtual object (or what structure should be developed), it fundamentally answers the question that such relations cannot be excluded from the scope of legal regulation, for example, on the basis of Item 1 Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which the claims of citizens and legal entities related to the organization of games and bets or with participation in them, are not subject to judicial protection, except for a narrow circle of specifically

[515] See: Savelyev A.I. Legal Nature of Virtual Objects Purchased for Real Money in Multiplayer Online Games // Civil Law Herald. 2014. No. 1. PP. 127–150.

defined cases that are not relevant for current discussion. The subject is "serious" and "real" and therefore does not belong to the isolated game world as such.

Example No. 1 (Scenario B)**.** *Online games' virtual property (purchase from the game provider only).* If we change the free circulation condition previously presented in the case of Scenario A of the first example and study cases in which an item for real money **can only be purchased from a game provider**, but cannot act as a tradable item on the "secondary market", what will change? The object of social relations will lose the quality of "reality" if we compare it with such a regulated subject as property or assets.

In such circumstances, however, the subject matter will continue to be a ERV in relation to money as a GSM, and it would not be absurd to apply law to the relationship with it, but whether or not to apply law to it would have to be determined on the basis of a balance of legal values. For the time being, in such cases, it is in terms of the property aspect (rather than the tax aspect) that such an approach is expressed in cases, including those mentioned in this study, in which the courts have taken a position on the qualification of the relationship between a player and a game company based on a license agreement.

Example No. 1 (Scenario C)**.** *Online games' virtual property (no connection to real money).* The variations of the virtual property case would be incomplete if we did not consider another example for theoretical purposes – cases of virtual property, which refer exclusively to the "imitation plane" characteristic of virtual reality. Virtual objects of this kind **cannot be traded for real money** with other users and are not purchased from the game company. They refer exclusively to the games' fictional world.

In this case, both "seriousness" and "reality" are missing. The virtual object itself is not related to GSM – it is not an ERV, at least from the perspective of ownership. At the same time, the functionality of the object is of fantasy nature in relation to property, assets and similar concepts. The application of law to this special subject of social relations, which we assess in a specific "proprietary" perspective will be **absurd** by definition.

The example, which clearly explains the difference between this case and the previous ones, was presented by the author earlier on the illustration of *World of Warcraft*:

> «Let us say the players... have agreed on a certain option for the distribution of the loot that resulted from the victory over the dragon *Deathwing*. The raid leader refused to distribute the loot in this way and took it all for himself. The players went to a court of law demanding that the raid leader be compelled to distribute the loot in accordance with the original agreement, stating that it (the agreement) is an untitled civil contract».[516]

The evaluation of the example from the point of view of the concept of the semantic limits of law, however, may change if the conditions returning the situation in question to the context of the previous examples change accordingly – this depends both on the emergence of certain ERVs in the system of relations and on which specific subject of relations we highlight in terms of its compliance with the relations already regulated by law.

The *second* example relates to an area that has already been the subject of high-level discussion in the EU. The example also refers to the "borderline area" of legal interpretation.

Example No. 2. *Extending the legislation on gambling to lootboxes*. In the videogame industry, the term "loot box" means game mechanics that involves a connection to real money and hazard in a broad sense. The user acquires a "chest" or other functionally similar object for real money, opening which she gets a random in-game object, usually of random value. The user can get either a very valuable object and a very cheap.

Lootbox as an artifact of social communication is like virtual property in this case as an object of turnover for real money. Accordingly, it also represents the ERV of money as a GSM. Thus, the subject is "serious", and it is no longer absurd to apply law to it.

---

[516] Arkhipov V.V. Virtual Property: Pervasive Legal Problems in the Context of Computer Games Industry Development // Zakon. 2014. No. 9. P. 77.

To which extent the object, however, is "real"? In this case, the assessment of the functional adequacy of the object involves comparing it not with property or assets, but with a rather specific (based on the provisions of the Russian law) object relating to the "core" of the norms of legislation on gambling – with bet. Bet implies the possibility of accidental receiving of one property due to the risk of loss of another property. In such circumstances, we can assume that the object of relations in this case is still of fantasy nature.

Thus, the possibility of applying gambling legislation to the relationships that lootboxes are subject to depends on the conclusions based on the weighting of values in a particular society and situation.[517] Notably, Belgium and the Netherlands have introduced separate restrictions on the mechanics of lootboxes and the provision of information to players on such mechanics[518] – slightly adjusted for point differences in the definition of gambling in these countries and in the Russian Federation, however, we believe this confirms the evolving approach.

The *third* example's scenarios involve a legal assessment of the prohibitions on the dissemination of information on the Internet (and similar areas of application of the law, also in the context of "borderline situations" of interpretation) in the case of *Minecraft*, which has already been mentioned several times on the pages of this paper. Let us focus only on brief characteristics, since the detailed logic of applying the concept of the semantic limits of law in this case is given in Annex 2 to this study as one of the most obvious examples.

---

[517] "Weighing" or "balancing" in itself is accepted for the purposes of this work in the generally known understanding in jurisprudence (taking into account, of course, possible discrepancies in the interpretation of individual issues), but their development is not part of the subject of this study and is obviously not required to achieve the goals and objectives of this study – it is a separate subject of academic analysis

[518] The situation is described quite exhaustively (and with references to official positions and documents) in the following source: Belgium Joins the Netherlands in Ruling that Declares Some Loot Boxes Illegal [Electronic resource] // IGN. 25 Apr. 2018. – [Site]. – URL: https://www.ign.com/articles/2018/04/25/belgium-joins-the-netherlands-in-ruling-that-declares-some-loot-boxes-illegal (accessed: 25.02.2019). In contrast, the UK, for example, did not consider that the lootboxes complied with the concepts of gambling law.

Example No. 3 (Scenario A). *Blocking a game resource containing a recipe for dynamite (fictional recipe, entertainment game)*. In this case, the fantasy recipe is also devoid of functional adequacy, since dynamite cannot be made out of it, and it is not seen as an ERV/GSM in the sense that it is implicit in the anti-terrorist legislation. We are dealing with pure fiction and entertainment, so it would be absurd to apply the law in this situation.

Example No. 3 (Scenario B). *Blocking a game resource containing a recipe for dynamite (real recipe, entertainment game)*. Since the game embodies entertainment, we do not see an unambiguous ERV/GSM. At the same time, in this variant the recipe is not fantasized – its functionality is adequate to the real recipe. To apply the law in such a situation will not be absurd anymore, but depends on the balancing of constitutional legal values – the classical political-legal collision between freedom [of speech] and security.

Example No. 3 (Scenario C). *Blocking a game resource containing a recipe for dynamite (real recipe, the game is used as terrorists' propaganda instrument)*. In this variant the recipe is also not of fantasy nature – its functionality is adequate to the real recipe. At the same time, for the purposes of theoretical modeling, we change one of the actual circumstances – let us imagine that the previously "innocent" *Minecraft* game is now used as an ideological tool for terrorists (perhaps, such a fate may befall not the game as a whole, but a separate add-on to it). In this case, it is not only not absurd to apply the law, but also there is no necessity to apply any special balancing of values, if one follows the logic of the developed concept of the semantic limits of law – the situation is strictly within such semantic limits.

As the *fourth* example, let us consider a situation that seems absurd enough without further explanation, but can also serve the purpose of demonstrating the functionality of the concept of the semantic limits of law.

Example No. 4. *"Murder" of a computer game character*. An event in a "virtual world" (a computer simulation mediated by software code) that happened to a player's avatar whose character "died". It should be emphasized that this is a generalized example of a "moderate" degree of "violence" (as in the case of *Dota 2* or *League of Legends* cybersports disciplines, for example). As part of the approach taken in this study between violence in truly violent computer games (e.g. the *Manhunt* series), some functional adequacy, at least in virtual representation or its perception, is present.[519] Is the legal interpretation of the phrase "intentionally causing another person's death" admissible so that the disposition of the rule of law includes "murder" in a computer game? It explores the "socio-currency value" of an event in the virtual world from the perspective of the prohibition of murder (rather than on the propaganda of violence as such), with the GSM being rather health (and life) in S. Abrutyn's terminology. The ERV is apparently a character in a computer game. At this stage, it becomes clear that the GSM does not coincide here. There is no functional adequacy of the event in the "virtual world" (expression) of violence in the real world, interpreted as a phenomenon of *social* reality (violence in the real world is not only a fact, but also a part of subjective-objective social reality). At the same time, it is in this perspective that there is no "socio-currency value" of the special object of relations (see, by analogy, the example of blocking the resource with the recipe for making "dynamite" in the game *Minecraft* – Annex 2).

As the *fifth* example with several options, we will present some situations directly related to the challenges of the development of legislation in the digital economy. The application of the concept of the semantic limits of law at a high level, corresponding to the situation of law-making, rather than a "borderline situation" in the interpretation of

---

[519] Strictly speaking, we do not compare real violence and statements about [virtual] violence, but *statements* about real violence and *statements* about [virtual] violence. From the point of view of the theoretical and sociological approach, this is justified by the fact that social reality (for which the application of the concept under development is considered) is subjectively objective – it is formed and supported through.

law, is somewhat simpler – we only need to establish the existence of a ERV corresponding to a certain GSM. The conclusion can only contain a fundamental conclusion about the presence or absence of fundamental absurdity in the creation of new legal norms, but the law-making situation with the need to balance values, because there is nothing yet to assess in terms of the functional adequacy.

Example No. 5 (Scenario A). *Development of special legal norms aimed at regulating relations regarding legal liability for actions committed by robots*. In today's environment, robotic objects are already becoming a source of harm, which is the subject of empirical examples, and such cases are the subject of legal research.[520] The damage is caused, among other things, to the property, respectively, and there is an ERV corresponding to the GSM – money. Development of such special legal norms will not be absurd. The specific content of the new rules should be determined using balancing mechanisms or similar.

Example No. 5 (Scenario B). *Development of special legal norms aimed at regulating relations regarding the circulation of big data*. At the current stage of development of relations within the digital economy, the turnover of big data is a fact. In this case, it is also obvious that this turnover is of a property-money nature and that the relevant legal and economic prerequisites are in place,[521] and we are again confronted with the obvious ERV and the well-known GSM. The development of such special legal norms would not be absurd, but, as in the past, would require the use of balancing tools.

---

[520] See: Robotics Regulation: Introduction to "Robolaw". Legal Aspects of Robotics and Artificial Intelligence Technologies Development / V.V. Arkhipov [et al.]. Edited by A.V. Neznamov. – M.: Infotropics Media, 2018. – PP. 137–166; Arkhipov V.V., Naumov V.B. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in Legal Context: on Development of the First Russian Law on Robotics // Proceedings of SPIIRAN. 2017. Issue. 6 (55). P. 46–62; Arkhipov V.V., Naumov, V.B. Informational and Legal Aspects of Designing Robotics Legislation // Information Law. 2017. No. 1. P. 19–27.

[521] See: Arkhipov V.V. Personal Data as Non-Material Values (or There is Nothing More Practical Than a Good Theory) // Zakon. 2018. No. 2. P. 52–68; Arkhipov V.V., Naumov V.B. A Concept of Personal Data: the Interpretation Under the Development of Informational and Telecommunication Technologies // Russian Law Journal. Ekaterinburg, 2016. No. 2. P. 186–196; Arkhipov V., Naumov V., The Legal Definition of Personal Data in the Regulatory Environment of the Russian Federation: Between Formal Certainty and Technological Development // Computer Law and Security Review. Dorchester (UK), 2016. – Volume 32. – Issue 6. PP. – 868–887.

Example No. 5 (Scenario C). *Development of special legal norms aimed at regulating relations concerning the legal personality of "smart robots"*. Unlike in previous cases, smart robots have not yet reached a stage where the question of their legal personality can be posed.[522] Discussion of this is possible as some theoretical exercise,[523] but in general, at a minimum, with regard to a general legal personality similar to that of natural persons, the development of such rules would be, in the ordinary language, premature and, in the language of the concept of the semantic limits of law, absurd.

The above method of reasoning is also applicable to other areas that are relevant to the current context of the digital economy,[524] as well as other areas of social development.

Finally, speaking of the *sixth* group of examples, let us now turn to the two options that L. Fuller presented, since they, in a sense, indirectly served as a reason for the entire study. These examples are somewhat more difficult to analyze because they relate to the abstract legal interpretation presented by one of the parties to the imaginary dispute, but this aspect is also taken into account in the concept of the semantic limits of law.

Example No. 6 (Scenario A). *"Justification" of murder by the reference to the victim's afterlife*.

> «A man kills his father; in answer to a charge of murder he pleads that his father was a virtuous man with a firm belief in heaven; the taking of his life, therefore, dispatched him into an infinity of happiness such as he could never enjoy on earth; one who confers such a boon should be rewarded, not punished».[525]

---

[522] See e.g.: Robotics Regulation: Introduction to "Robolaw". Legal Aspects of Robotics and Artificial Intelligence Technologies Development / V.V. Arkhipov [et al.]. Edited by A.V. Neznamov. – M.: Infotropics Media, 2018. – PP. 79–93.

[523] See e.g.: Arkhipov V.V., Naumov V.B. On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: the Aspects of Will and Legal Personality // Zakon. 2017. No. 5. P. 157–170.

[524] An example of such an analysis in relation to the Internet of Things is given in the following publication: Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – V. 13. – No. 6. – PP. 94–123. This paper develops a general analysis of the legal issues of the Internet of Things, see: Arkhipov V.V., Naumov V.B., Pchelintsev G.A., Chirko, Ya.A. Open Concept of Regulation of the Internet of Things // Information Law. Moscow, 2016. No. 2. P. 18–25.

[525] Fuller L.L. Anatomy of the Law (in Russian) / Transl. from English by V.V. Arkhipov // Russian Yearbook of Law Theory. – 2009. – No. 2. – PP. 313–314.

Grounds (arguments) to preserve the life and liberty (not to prosecute) of the accused, based on the value system (GSM) of the society. In order to define the subject matter, we formally define the closest legal norm using the legal method. In this example, the murderer makes a statement about the absence of a crime in his act and, on the contrary, claims that his act is [conditionally] lawful (and morally approved). A key legal question is whether such an argument can be used in legal reasoning. It is intuitively clear that there is no and that the argument is absurd, but it is necessary to rationally justify why it is so. The "socio-currency value" of a murderer's argument is determined on the basis of the following GSM and ERV. GSM is a religious virtue (*piety* or *sacredness* in S. Abrutyn's terminology). The ERV is a religious text (in the broad sense of the word; based on the context of Fuller's conservatism, we are talking about "averaged" Christian beliefs of the conservative part of the U.S.). The example may seem to imply a "reverse" and negative question: can law not be applied in establishing the "public value" ("socio-currency value") of the subject matter of relations from the point of view of a certain ERV and GSM?[526] In fact, this is a positive question (from the point of view of formal logic, only a positive statement can be rationally substantiated): can a murderer use the ERV relating to the abovementioned GSM (piety) in such a way that the court can **at least raise a question in principle** (it is the fundamental possibility of applying legal norms, and not their specific application, that is the subject of our study at the level of philosophical and legal generalization!) about the presence of elements of the crime and circumstances that exclude the criminality of action.[527] The court CANNOT raise such a question because the alleged ERV (religious text) of the murderer (1) is not "serious" (it is not related to GSM

---

[526] Usually the question is the opposite (whether law can be applied), and the positive answer to this question in the concept of semantic limits of law is determined by the presence of the GSM in the structure of the relationship.

[527] For example, according to Part 1 Article 41 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is not a crime to cause harm to the interests protected by criminal law at a reasonable risk in order to achieve a socially useful goal. The risk is recognized as justified if the specified purpose could not be achieved by actions (inaction) not related to the risk and the person who allowed the risk has taken sufficient measures to prevent harm to the protected criminal law interests. In an "absurd" interpretation, such or similar provisions could be referred to by the Fuller's example killer.

and cannot be converted) and (2) fantasy (functionally inadequate) to the central significance of the legal norm, since the murder in the religion *alleged* by L.L. Fuller is not "serious" (it is not related to GSM and cannot be converted) and (2) of fantasy nature (functionally inadequate) to the central significance of the legal norm, since the murder in the religion alleged by L.L. Fuller is certainly excluded, and cannot be considered a "socially beneficial goal: (there is no adequacy to the central value of the hypothetical norm of reasonable risk – the central value of the "socially beneficial goal" does not in itself include harm to the interests protected by criminal law, such as causing death).

Example No. 6 (Scenario B). *"Justification" of the appropriation of public funds by means of the main thesis of utilitarian moral philosophy*.

> «An official embezzles a large sum from the state; he answers the charge against him by citing a preamble of the Constitution declaring that the state exists to promote the greatest happiness of the greatest number; the money he took made the defendant very happy; the resulting infinitesimal diminution in the wealth of every other citizen could not possibly produce a perceptible decrease in his happiness».[528]

Grounds (arguments) to preserve the life and liberty (not to prosecute) of the accused, based on the value system (GSM) of the society. In order to define the subject matter, we formally define the closest legal norm using the legal method. In this example, the accused makes a statement about the absence of a crime in his act and, on the contrary, claims that his act is [conditionally] lawful (and morally approved). The key legal question is whether such an argument can be used in legal argumentation. It is intuitively clear that there is no and that the argument is absurd, but it is necessary to rationally justify why it is so. The "socio-currency value" of the defendant's reasoning is determined on the basis of the following GSM and ERV. GSM is a value commitment. ERV – authoritative (in the moral sense) texts of utilitarian philosophers. Similar to the above, but adjusted for

---

[528] Ibid.

alternative GSM and ERV, which, nevertheless, functionally belong to the same group. In this case, there is also no functional adequacy (and, as in the previous case, the "syntactic absurdity" is noticeable as well), and the lack of "socio-currency value" of the special object of relations, i.e. the argumentation (grounds) of the accused, is connected with this dialectically.

We believe that the above examples clearly demonstrate the efficiency, scalability and variability of the concept of the semantic limits of law. The structural scheme of the logic of the concept is given in Annex 1 to this study, the functional scheme of the analytical process of application of the concept – in Annex 2, and the table of conformity of expressions of legal dogmatics and concepts of the semantic limits of law – in Annex 3.

§ 6. Spin-off results: analogy of law and game, seriousness as a principle of morality of law, claim of law to seriousness

§ 6.1. Analogy of law and game in the history of legal thought and in the context of this research

One of the main accompanying ("*spin-off*") results of this study is to refer to the **analogy of law and game**, which arises as quite expected branch of discussion, although in itself it does not contain fundamental solutions to the problem of the semantic limits of law. The main reasoning about such an analogy, based on a comparative analysis of game mechanics and legal norms using the methodology of social constructionism, was provided by the author earlier,[529] here we will focus on a few special observations.

---

[529] See: § 8. Rules of the game and of the law in the context of social constructionism // Media philosophy XII. Game or reality? Experience of computer games research (in Russian) / Under edition of V.V. Savchuk. - St. Petersburg: Fund for the Development of Conflictology, 2016. – PP. 135–149; Virtual worlds and multiplayer online role-playing games in legal theory and practice // Media philosophy X. Computer games: research strategies / Under edition of V.V. Savchuk. Publishing house: St. Petersburg Philosophical Society. St. Petersburg, 2014. – PP. 105–117; Arkhipov V.V. Game Rules as a Normative System,

For the main purposes of the research, the general observation that something related to game is not always unserious, and the serious can sometimes be the something related to game, is of interesting contextual significance. Law is a typical example of a game that is not just serious, but deadly serious.[530] From the point of view of the ontology of law, it is the provisionally-binding (imperative-attributive) nature of law that determines the game nature of objective law, since, at one point in time, the statement that there is a subjective right from only one side is deontically true, and this, in turn, means that there is a corresponding duty on the other side, – in this connection we can suggest the following, literally speaking, wordplay: **objective law as a *language game* is a *zero-sum game***.[531] It is necessary to note in this perhaps ironical (but, of course, in the good sense of this word) context another metaphor, now belonging to V.S. Nersesyants' pen, about law as "the mathematics of freedom" based on the metaphorical similarity of formal equality in law and the abstract idea of equality in mathematical sciences,[532] and avoid recalling in this context one of the main points to be defended as reflected in the candidates of sciences thesis by M.A. Milkin-Skopets, according to whom,

> «...law can be interpreted in the terms of game. This allows applying the methods developed in the mathematical theory of games to the analysis of legal interactions. An adequate model is a model of a pair of interconnected games of two persons with strict competition».[533]

---

or What Do Law and Game Design Have in Common // Philosophical–Literary Journal Logos. Moscow, 2015. Vol. 25. No. 1 (103). P. 214–225.

[530] At least because some violations of the rules of the "game of law" have historically led and, in some jurisdictions, still lead to death (the death penalty). Such a contract itself makes it possible to characterize the aesthetic analogy under consideration as absurd, but the absurdity here is of a different kind – it is more of an existential than a semantic or logical one.

[531] We emphasize that this statement expresses, first of all, an ironic academic metaphor based on wordplay, because we do not dispute the fact that the term "game" by L. Wittgenstein and the term "game" in the mathematical game theory is used in different senses. However, in view of the general content of the research done, we do not want to miss the opportunity to note such "coincidence".

[532] See e.g.: Nersesyants V.S. Law – Mathematics of Freedom. Past Experience and Prospects. – M.: Lawyer, 1996. – 160 p.

[533] The fourth position to be defended is in the next thesis: Milkin–Skopets M.A. The Principle of Reasonableness in Libertarian–Legal Discourse. Historical and Legal Research. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2010. **It should be emphasized that in the main part of this study the term "game" is mainly used in a different connotation, close not to mathematics, but to artistic creativity and imitation in general**.

This idea, obviously, echoes one of the logical components of the above model. This observation comes closer to the thesis of the concept of the semantic limits of law about the possibility of applying the theoretical commodification method to determine the convertible social-currency value of the subject of the relation (in the spirit close to the economic analysis of law).

As a result of this study, it turns out that "absurdity" – a term that denotes the essence of the phenomenon of the semantic limits of law – is most clearly manifested in the problem of the magic circle of the classical interpretation, which implies a collision of real law with virtual reality. At the same time, the most organic **metaphorical** model for explaining what is absurd in law is, in turn, the explanation of law itself as a game. Comparing law and games can go far enough (and it will be justified!), up to linking the law to the rules of the game in the narrow sense of the word or to the "comparative-game" analysis of the conceptual scheme of legal rules and the rules of the same board role-playing games – this is the most adequate example since the reality of such role-playing games is expressed in oral and verbal communication.

Perhaps the way – not the fact that such an analogy is direct – ultimately leads us to a kind of "theory of law as a game". In fact, there are no significant obstacles to the academic validity of such a metaphor in the social-humanitarian discourse. At its core, this approach has already been implemented, for example, in psychology – it is about the transactional psychology of E. Berne (for example, his book "*The Games People Play*").[534] As will be shown below, in both historical and contemporary worldviews, the "unserious" is not a necessary attribute of a game. Definition of games from mathematical theory of games, actually, is quite relevant academic definition. The game becomes serious or

[534] See e.g.: Berne E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships (in Russian). – M.: Exmo Publishing House, 2016. – 352 p.

unserious not because of its nature, but depending on what the participants connect the result of such a game by agreement (autonomous communication) or by virtue of an indication of the institution (heterogeneous communication). Even in the positive law of the Russian Federation in force at the moment of writing this work there is one bright example – it is a definition of gambling, according to which gambling is not necessarily a specific game. It is a conventional term, which denotes the agreement of a certain kind between participants of a corresponding game, which, in turn, assumes simultaneously presence of a bet and a prize. However, even though some games may be serious (and the law, in this sense, is literally a *deadly serious game*, and often with high stakes), it follows that the game generally contains a potential seriousness and, as a result, may represent, at a minimum, a model of serious communication.

The analogy of law and the game is not exotic – it is found in both culturological (at least, J. Huizinga) and legal (at least, H. Hart, L. Fuller, A. Ross) studies. One of the most consistent classical examples of the analysis of the analogy of games in law philosophy is presented in Bernard S. Jackson's work "*Towards a Semiotic Model of the Games Analogy in Jurisprudence*".[535]

This study by B. Jackson draws heavily on the previously published work of British philosopher Mary Midgley (b. 1919), "*The Game Game*".[536] As M. Midgley notes,

> «[s]ome time ago, an Innocent Bystander, after glancing through a copy of *Mind*, asked me, 'Why do philosophers talk so much about Games? Do they play them a lot or something?'… Well, why do they? Broadly, because they are often discussing situations
> where there are rules, but where we are not now sure why the rules have to be obeyed. Treating them as Rules of a Game fends off this problem for the time. And should it turn out that the reasons for playing games are in fact perfectly simple, it might even solve it

[535] Jackson B.S. Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence // Droit et société. – 1991. – No. 17-18. – PP. 99 – 123. – doi: https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105.

[536] Midgley M. The Game Game // Philosophy. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: https://www.jstor.org/stable/3750115 (accessed: 26 July 2018).

> completely. This hope shines through such discussions as Hare's on *The Promising Game*[537], which suggested that our duty to keep promises was simply part of the Game or Institution of Promising, and if we decided *not* to play that game, the duty would vanish. That suggestion is the starting-point of this paper. It has made me ask, all right, what sort of need *is* the need to obey the rules of games? Why start? Why not cheat? What is the sanction? And again, how would things go if we decided tomorrow not to play the Promising Game, or the Marriage Game or the Property Game? What is gained by calling them games? What, in fact, *is* a Game?»[538]

Despite the fact that M. Midgley is a philosopher of morality and not a philosopher of law, it is not difficult to notice a significant similarity between the questions she posed and the problem of the semantic limits of law that we conceptualize. Attention to this approach may prove to be methodologically useful, including in the light of the discussion on the relationship between law and morality, since the proposed view is on the other side – morality rather than law, while lawyers often use the term "morality" in such discussions in a very vague manner.

By the way, the ironic epigraph that M. Midgley put at the beginning of this publication is very characteristic in the context of this study – the following words by B. Shankly, manager of the Liverpool football club:

> «Some people talk about football as if it were life or death itself, but it is much more **serious** (emphasis added – ***V.A.***)».[539]

Returning directly to the views of M. Midgley, we note that the philosopher's reasoning is based on many things, based on the moral foundations of *promises*. In the light of Fuller's ideas about law, *this* aspect of morality certainly lies at the heart of law as a purposeful collective activity.

---

[537] See: Hare R.M. The Promising Game // Revue Internationale de Philosophie. – 1964. – Vol. 18. – No. 70(4). – PP. 398–412. – URL: https://www.jstor.org/stable/23940466 (accessed: 26 July 2018).

[538] Midgley M. The Game Game. – P. 231.

[539] Ibid.

M. Midgley's reasoning is based on a rethinking of Wittgenstein's ideas about [language] games. Further it results rather interesting quote of the Australian philosopher of a morality of the Hungarian origin Julius Kovesi:

> «I do not see any foundation for a claim that we call both football and chess 'games' because football is played with a ball, and so is tennis, while tennis is played by two people, and so is chess. Not only is this insufficient to explain that connection between football and chess which makes both of them games, but this way we could connect everything to everything else. We could turn off at a tangent at every similarity and what we would get in the end would not be a rope but a mesh.[540] Balls, cannonballs, were used to bombard cities, and duelling is a matter for two people. What we need in order to understand the notion of a game or the notion of murder is what I call the formal element. This is what enables us to follow a rule».[541]

At the same time, the games that gave rise to such an analogy – be it children's games, chess or sports team games – are by no means the only example of games in human society. One of the objectives of this study, without the solving of which it is impossible to achieve its goal, is to develop a tradition of drawing an analogy between law and games, but to take into account a fundamentally new stage in the development of the games as such, and to take into account those games that the previous researchers simply could not take into account, since they were not available to them. As we shall see, these games, even in some isolation from the jurisprudence itself, have developed a kind of legal theory of their own, centered around the notion of the magic circle. At the same time, **the key difference between modern computer games and their early non-digital prototypes, especially in the light of this study, is that some of the rules of the game are fixed at the level of program code, which is essential for the context of the discussion of the code as law**.[542]

---

[540] This probably implies an analogy of L. Wittgenstein about "family resemblance", which is based on a thread (rope).

[541] See: J. Kovesi. Moral Notions. – New York: Humanities P. – 1967. – P. 22. Cited by: Midgley M. The Game Game. – P. 233.

[542] Which Lawrence Lessig has developed and continues to develop.

When considering the context of games and law, one cannot but pay attention to the mathematical theory of games, because **the method of analytical jurisprudence** involves the analysis of the meanings of words that are related to each other in a semantic relationship. Undoubtedly, language games, computer games and game theory imply a similar kindred semantic connection. Turning to the mathematical theory of games, M. Midgley notes:

> «I do not want here to pursue the question about the basis of promising, so much as to investigate the notion of Games as a Closed System. This, I suggested, means that they are discontinuous with the life around them. That seems to be how the term is used in mathematics; the Theory of Games deals with a certain set of closed systems. In this use, no question arises about the reasons or motives for playing; there is no suggestion of playfulness or jollity in the ordinary sense. But when you bring the term into moral philosophy and apply it to people's actual activities, the reasons and motives begin to matter. Any *actual* activity has motives, and it won't be a closed system, optional and removable, unless the motives are of a special kind. They must not be very strong, or it will begin to matter whether we play or not; they must not be very specific, or it will begin to matter which game we play».[543]

It should be noted that the model of mathematical game theory, which implies the presence of parties fighting for the realization of their interests, which is consonant with the notion of law as a language game with zero sum, conceptually overlaps with the logic of R. von Ihering's ideas about the struggle for law.

Danish law philosopher Alf Ross (1899 - 1979) is undoubtedly one of the first known lawyers of the postclassical stage of development of legal science, in the works of which the metaphor of the game, applicable to law, has found a truly consistent reflection. In the book "*On Law and Justice"*,[544] first published in English language in 1959 (in Danish language the book was published in 1953) – two years before the publication of "*The Concept of Law*" by H. Hart – the author cites the allegory of two chess players and an observer.

---

[543] Midgley M. The Game Game. – P. 236.
[544] Ross A. On Law and Justice (1959). – Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd., 2004. – 383 p.

An observer, if he does not know about chess, will not understand what is going on. From the general view of the game, he can understand that it is a game, although the meaning of the arrangement of the pieces can slip away from him. If the observer knows the rules of the game in theory, he can generally understand the situation and even predict it a little bit, but many things can still seem strange to him. Here A. Ross means not the "basic" rules of the game, but the strategy and tactics of the players. It turns out that knowledge of the "basic" rules of the game is no longer enough, and you need to understand a broader theory. In addition, the individual goals of the players – it can be not only a victory, but also, for example, the desire to experiment – also predetermine the understanding.[545]

Expanding the analogy, A. Ross notes that we are dealing with a sequence of human actions that can theoretically be interpreted as a natural process (especially given that people move physically and their actions accompany physiological processes), subject to natural laws. However, the latter do not allow us to explain and predict the movements of figures. Equally curious is that the interpretation of events from the perspective of chess theory will be different: a number of things at all will be irrelevant to the analysis. For the theoretical analysis of the game itself, the physical movement of figures is secondary, as are many other "external circumstances", including, in general, the identities of the players themselves. A. Ross emphasizes that "understanding" in this case does not imply a causal relationship, but rather **a mutual determination of events through the rules of the game**. However, it is critical that the players are in a *fellowship*, since their goals, interests and actions are determined by something more than each separate player. Such involvement is intersubjective and implies that **within one game the interpretation of the rules and events must be the same, otherwise there will be no game as such**.[546]

---

[545] Ibid. P. 12.
[546] Ibid. P. 12 – 13.

A. Ross is drawing a logical analogy with social phenomena that follow the same principle, and proceeds to the analysis of the rules of the game within this context. The author singles out the "primary rules" of the game of chess – it is about how the pieces move, what it means to take a piece, etc. These rules have a direct and imperative abstract character, thus differing from the chess theory, which, unlike them, is determined by the interest to win the game. Violation of the "primary rules" will cause a protest, but violation of the rules of theory may, perhaps, only cause bewilderment.[547] «A stupid move can arouse astonishment, but not a protest».[548] The author further concludes that it is more than consistent with the main ideas presented in this paper:

> «On the other hand, the rules of chess **are not tinged with morality** (emphasis added – ***V.A.***); this is the result of the fact that normally no one really wants to break them (§ 85). The wish to cheat at a game must be due to the fact that a player has an aim other than merely to win according to the rules of the game; for example, he may want to be admired or to win a sum of money which is at stake. This latter aim is often present at a game of cards, and it is well known that the demand for honourable play here takes on a moral value».[549]

Then the author's reasoning goes on to resolving the question of how the rules of chess arise, and this is of less interest to us in light of the goals and objectives of the study. It should only be noted that the central aspect of the analysis in this allegory for A. Ross was the aspect of the reality of law, and the author did not develop the analogy from the moment that was highlighted in the quote a few lines earlier, which is more related to the notion of the "risk of absurdity" in law. This can be explained, in particular, by the peculiarities of the historical epoch and the lesser urgency of this problem in the past. If we draw an analogy consistently and in principle, we can say that the main purpose of this work was to formulate not so much the "basic rules" of law as to determine the

---

[547] Ibid. P. 14.
[548] Ibid.
[549] Ibid. P. 15.

methodology of searching for such rules in conditions when the law is dynamic and changeable.

§ 6.2. "Claim to seriousness" and the ninth principle of internal morality of law

Of particular importance is the concept of the semantic limits of law for the reinterpretation of two weighty theoretical and legal concepts. Thus, the **principles of morality of law of L. Fuller**[550] can be supplemented by one more – *seriousness*, and **the "claim to correctness" of R. Alexy**[551] can also be supplemented with a *claim to seriousness*. Note that both approaches are in a dialectical relationship.

We have more than once dwelt upon the illustrative examples cited by L. Fuller in Anatomy of the Law. They are directly related to the problem of the semantic limits of law, and in this section we study them in more detail, but taking into account all the components of the methodological approach to the concept of the semantic limits of law that have been outlined earlier. Another central component of L. Fuller's concept of law is the idea of the principles of "morality of law" – as it seems to us, can also be rethought in the context of the developed discourse, since the latter will allow us to put forward a concurrent ("*spin-off*") hypothesis of a new possible principle of morality of law.

So, in the book "*Anatomy of the Law*" L. Fuller noted that almost every society may encounter approaches that will so contradict the original assumptions shared by its members, that any reasonable judge should without doubt reject such approaches. The author presented two examples. In the first of these, a man kills his father, and in the court he says that his father was a good man who believed that his soul would go to heaven after

---

[550] See: Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p. and the subsequent analysis in the candidate's dissertation of the author: Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2009.

[551] See: Alexy R. The Dual Nature of Law // Ratio Juris. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 167–182. B. Bix has performed a quality analysis of the Alexy's approach a while ago, see: Bix B. Robert Alexy, Radbruch's Formula, and the Nature of Legal Theory // Rechtstheorie. – Vol. 37. – 2006. – PP. 139–149.

death. Consequently, "granting" death to his father, he sent him to a blessed land, to which he could never get on Earth, and such an act not only should not entail punishment, but on the contrary should be encouraged. These examples, and the concept behind them, are of key methodological importance for the reconstruction of the semantic limits of law. Therefore, let us single out the key principle of the L. Fuller's concept of law and present its main provisions that are relevant to the goals and objectives of this study.

On the one hand, the main content of L. Fuller's concept of law, in the center of which lies the idea of the "morality of law", seems to be organically, although not entirely obvious, developing an idea of the semantic limits of law. On the other hand, one of the methodological limitations of this work is the principle of studying only those phenomena that are not directly related to the basic moral restrictions on the use of law that may exist in society, and much of the semantic content of the concept of the American lawyer is based on constant references to morality. At the same time, it was not by chance that L. Fuller was not completely understood by his contemporaries, and by subsequent scholars, but his "morality," conditionally speaking, was not the same as among representatives unequivocally attributable to jusnaturalism. Hence, the core, as will be seen, is not so much the fact that this is some kind of *sui generis* "procedural morality," but that it is nothing more than fair play. But first things first.

As L. Fuller believed, the existence of various forms of law partly depends on value judgments – judgments about what should be ("*ought*" versus "*is*").[552] Each legal prescription implies a specific goal, which, in turn, determines the means for achieving such a goal, but does not justify them. This is exactly what L. Fuller draws up into the concept of "internal morality of law". The author himself explained these representations by means of an allegory about kind Rex. Having ascended to the throne, the king decided

[552] Here, as well as earlier and further on in this study, the analysis and summary of L. Fuller's main views is based on the author's candidate's thesis. See: Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2009.

to make many changes to the legal system – in his opinion, it no longer met the real needs of society. And the first thing, he canceled all the legislation in force, and he began to resolve every new case that arises *ad hoc*, trying to do without general rules, which was his first mistake. Realizing it, Rex issued new laws that contained general rules, but he decided to keep them secret from his subjects. Not publishing the laws was his second mistake. After some thought, the king published the unpublished laws, but as it turned out, all the legal norms contained in them were retrospective. As a result, they could not be taken into account with regard to future behavior, and this, of course, was his third mistake. Trying to rectify it, Rex came to such texts of laws that even the most lawyers of his kingdom in law issues were not able to understand what they were talking about, which indicated the fourth mistake. Rex made efforts to make the laws more understandable, but they were overwhelmed by internal contradictions – this was the fifth mistake. As L. Fuller notes, by this time the citizens' discontent with the activities of their king had reached the limit, and they abandoned attempts to follow the rules of behavior, which were quite difficult to follow. As you can imagine, this turn Rex angered. The king decided to make his laws more stringent and at the same time removed from them all sorts of contradictions. However, it turned out that the requirements contained in the laws were now impossible to fulfill, and the punishments were very severe. Obviously, even under the threat of the most severe punishment, it is impossible to do what cannot be done, and this was the sixth mistake of the king. He was forced to temper his ardor and began to put the laws issued by him in order. But as long as he made all the previous mistakes, the development of public relations in the kingdom continued, and the laws of a "decent look" were outdated. Accordingly, they had to be urgently changed, changes were made almost every day and several times, and therefore it turned out to be very difficult to comply with such laws. The Rex's seventh error, therefore, was associated with an excessive frequency of change. Finally, the king managed to bring the legislation in line with the requirements of reality

and begin to put it into practice. However, the subjects were discouraged when the first court decisions were published – the connection between them and the previously adopted laws could not be traced. In the kingdom there was a strong opinion that all of Rex's activity was in vain, which became completely obvious after this mistake, the eighth in a row. According to L. Fuller, King Rex, being in the darkest mood, died unexpectedly for all, and his successor, Rex II, found that power was transferred from lawyers to psychiatrists and public relations specialists to make people happy without any laws.[553]

Thus, law according to L. Fuller literally rests on two things: *on honest word* and on *common sense* – law is impossible without observing a minimum of common professional and communicative ethics, and also without generally shared ideas about reality, even if they can be very plastic. At the same time, speaking in the words of N.V. Varlamova, "in order not to fall into insoluble contradictions, Lon Fuller simply does not include in his concept of "procedural natural law" any requirements to the content of the norms forming the legal order".[554]

As follows from L. Fuller's theory, in order for any activity to be able to perceive the ethical aspect (and go to the plane of reasoning about morality of duty and morality of inspiration, and also – the main thing – "internal morality" of such activity), it is necessary that such activity has a communicative dimension. It can, however, be said that any activity potentially has such a dimension. Let us, however, give a rough, but illustrative example: a person drills a wall with an instrument. If this happens in a country house that is separated from other buildings, then this situation does not have a communicative dimension in practical terms (although, for example, if the process is captured on video and then used for teaching others, in this sense there is a communicative dimension, but it is

---

[553] Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2009. PP. 86–89.

[554] Varlamova N.V. Typology of Legal Understanding and Modern Trends in the Development of Legal Theory. M., 2010. – P. 34

not important for the abstraction implied in the example). If a person drills a wall at night and in an apartment building, in which other tenants are currently located, then this process is not only a technical action with a physical object, but also communication, clearly expressing attitude towards neighbors. We emphasize that the presence of the communicative dimension is a necessary and sufficient condition for the operation of morality, but not yet for the operation of law. For the operation of law, the communicative dimension is a necessary but not sufficient condition. As substantiated in this research, the subject of [legal] communication should have a "social currency value", acting as a generalized symbolic medium — in other words, acting as an "external referent of value" (or "*ERV*", in the terminology of S. Abrutyn) and to be potentially convertible into other similar external referents of value, while its functionality must correspond to the functionality of the central value of the legal norm.

In turn, one of the most remarkable provisions of the concept of law of R. Alexy is that a certain "claim to correctness" is inherent in law. For the context of this study, this approach is important because the claim to correctness is one of the ways to separate law from "non-law", which means that the conceptualization of the semantic limits of law can also follow this line.

Within the framework of the concept of R. Alexy, the thesis was suggested that the key characteristic of law and the fact that allows distinguishing law from non-law is the "*claim to correctness*".[555] The present study does not imply an argument for and against the conception of the German scholar as is, but if it is assumed that such a concept deserves to exist, then from the content of this study it follows that such a claim is not the only one. Earlier, we already quoted J. Huizinga, which began with the following words: "At first glance, the sphere of law, statute and justice is extremely distant from the sphere of the game. For the sacred seriousness and the vital interests of the individual and society

[555] Alexy R. The Dual Nature of Law // Ratio Juris. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 168–172.

as a whole reign in all that relates to law and justice". The phrase "sacred seriousness" itself, as it seems to us, perfectly describes both the general attitude towards legal phenomena and the individual psychological experiences of those who directly contemplate law enforcement and participate in it. In a sense, the necessary quality of the whole legal is also a **"claim to seriousness"**. A normative phenomenon that claims to correctness, but does not claim to seriousness, is not law. Comparing this observation with L. Fuller's theory of law, one can also confidently say that **"seriousness" is the ninth principle of the internal morality of law**. Both observations are a natural consequence of the concept of semantic limits of law.

Following the Fuller's logic, however, we should also note that the rule established by the hypothetical tyrant (the evil counterpart of King Rex), even if it contradicts certain moral rules, will still remain legal if it complies with the procedural "internal morality of law". As noted by L. Fuller, even a tyrant must abide by the principles of internal morality of law, if they want that their orders are obeyed. Developing ideas about the set of these principles, we note that the tyrant should attend not only to the fact that his orders do not contradict each other, are understandable, etc., but at the same time were not absurd. One of the important issues in this case, which must also be taken into account, is how the principle of "seriousness" as part of the internal morality of law corresponds to the principle that the impossible cannot be demanded. With the expressions where syntax is broken, everything is quite simple: it is not the same principle that the impossible cannot be demanded, it is a principle that stands one or two steps earlier, figuratively speaking, even the impossible cannot be demanded by means of a syntactically incorrect expression, but the core idea of this paper is different. The "deep" semantic absurdity we are interested in, which is apparent if we look into the examples of the attempts to apply law to the simulacra of mediareality, does not contradict the rules of formal logic, but to common

sense. Furthermore, such "common sense" is determined by implicit generally shared assumptions – perhaps, L. Fuller meant something like this in his "*Anatomy of the Law*".

The discourse of moral philosophy and the accompanying interpretations of the absurd in law suggest to proceed from the fact that common sense is explained and exhausted by morality, but this is not so. The empirical material relating to the medial turn, quite definitely, refutes this approach. Why morality in the situation with dynamite in *Minecraft*? It would be wrong to use a reductionist moral model and limit ourselves by it. A theoretical and sociological interpretation seems to be much more accurate, according to which the fabric of social reality is woven from threads of generalized symbolic media expressed in external referent values. It is important to emphasize that the relationship between such a model and the discourse of moral philosophy is such that these are completely different models for the description of reality. To say that morality is one of the generalized symbolic media will be wrong. The morality partly overlaps with some of the generalized symbolic media, however. This is very similar to how you can relate the system of principles of social order in the "eunomics" of L. Fuller with the types of sources of law.[556] The answer actually is "no way of doing it". These are fundamentally different models. So it is here. **Thus, in the specific meaning of this paper, law cannot be absurd – it cannot contradict common sense – otherwise law "will not appear"**.[557]

Separately, it should be noted that since the concept of the semantic limits of law allows structuring models of application, including potential legal norms, and classifying such models into cases where it will be absurd, where it will require moral "weighing" and

---

[556] Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2009. – PP. 69–72.

[557] During the discussion of the text of this dissertation at the department, A.A. Kraevsky was asked how to explain the unfair or absurd law, which, for example, prohibits the production of "explosives" in computer games or prohibiting the killing of characters in computer games. In the light of the proposed conception, such laws would first need to be assessed in terms of the "criterion of seriousness" (let us assume that the "criterion of reality", defined for a legal text is met). In this case, the assessment depends on the results of the balancing of values and the determination of the convertible socio-currency value of the respective external referents of value. It is possible to theoretically imagine conditions in which such laws would not be absurd in principle. If they are found to be absurd, it should be concluded that there is a need to "adjust" enforcement by means of legal interpretation until such time as these laws are repealed because of their absurdity

where the application of law will fully comply with common sense, to that extent **the concept is fully applicable as an analytical tool in innovative areas of lawmaking, including the legal regulation of activities in the field of robotics, big data, artificial intelligence and the internet of things**. It should be emphasized here that the ideas about the semantic limits of the law are extremely important, because they demonstrate possible limitations and weaknesses in the field of **algorithmization and automation of law** – it is good if artificial intelligence in law can accurately reproduce the syntax of deontic logic. However, for the second level semantics, this technology should also take into account the concepts of theoretical sociology about generalized symbolic media.

CONCLUSION

Let us conclude the research by summarizing its main provisions. The reason for the hypothesis on the semantic limits of law was, at first glance, a rather narrow area of problems related to determining the possibility of law interfering in the relations between players of multiplayer online games (both among themselves and with game companies). Traditionally, such issues are treated as private matters of civil and (or) information law. At the same time, we were convinced that the problem can be understood in a wider context of the theory and philosophy of law, since its essence lies in clarifying the possibilities of interpretation and application of legal norms to social relationships mediated by *media space*. This term includes not only computer-simulated spaces, but also communicative practices that are similar in their sociocultural content, including games and creativity in general. The features of the current level of development of the information society, which can be expressed in the concept of "medial turn" (we are most interested in its digital and game implications), allow conceptualizing the problem as a problem of searching and defining *the semantic limits of law*[558] in current socio-cultural conditions.

This problem correlates with the problem of both the interpretation of legal texts and application of law, and the ontology of law. From the point of view of the interpretation of law, the main question is in what cases the result of interpretation will be absurd, contrary

---

[558] From the methodological point of view, it is acceptable to consider the category of the semantic limits of law as a kind of "legal construction" in terminology, for example, of A.F. Cherdantsev and N.N. Tarasov. Actually, the letter author cites A.F. Cherdantsev in the relatively recent publication on this topic: "A variety of models in jurisprudence are legal constructions – a gnoseological category, a tool, a means of cognition of legal phenomena. Legal structure is a model of public relations regulated by law or separate elements serving as a method of cognition of law and public relations regulated by it" (the following work is quoted: Cherdantsev A.F. Logico-Linguistic Phenomena in Law, Legal Science and Practice. – Ekaterinburg, 1993. – P. 131). N.N. Tarasov himself emphasizes that "retrospectively, one can confidently assert the existence in positive law of legal structures that do not have a corresponding theoretical awareness, that take shape spontaneously and work in a latent manner". See: Tarasov N.N. Legal Constructions: Theoretical Representation and Methodological Grounds of the Research // Legal Technique. 2013. № 7 (Part 2). – P. 21. the ratio of "virtual" and "real" in the context of common sense of law, as we believe, can be considered as an example of reflection of a part of a kind of implicit legal structure.

to common sense – but not because of a violation of the rules of formal logic, but because of a violation of a different, semantic order. From the point of view of legal ontology, we are talking about the limits of law as such – in the sense in which L. Fuller spoke of this in "*Anatomy of the Law*", citing absurd examples to demonstrate the thesis that positivism depends on the denial of the relationship between law and morality because positivism itself is shaped in a certain way of constructed social reality. In the course of the study, we have successively explored possible approaches to explaining that category of absurdity that is intuitively recognized in connection with the problem of the semantic limits of law and relates, first of all, to the problem of relation of law to the artifacts of media reality, which may include simulacra. Hence, for example, attempts to reconstruct the semantic limits of law based on the philosophy of morality were not crowned with success – the moral and legal discourse is ultimately limited to the process of analyzing substantial values, but in the same statement, according to which Article 105 of the RF CrC ("Murder", one of the main examples of the study) cannot be extended to murders in computer games, it seems that the matter is different. This statement does not seem to contradict morality or be *simply* contradictory to morality, it seems meaningless – in fact, absurd or contrary to common sense. The problem is that, for all the obviousness of the answer to the modern reader (by the way, not the fact that such an assertion will be obvious to anyone in the future), there is no rational explanation of why such a question is absurd in principle. Complicating matters is the fact that, if we move from murder to theft, it is in the context of exactly the medial turn and the digital economy that reference to the absurd will no longer be convincing.

As a result, a solution to the problem was proposed and justified, based on the application of two criteria applicable to the object of the relevant social relationship (in the context of the study – the artifact of media reality), designated as "the criterion of reality" and "the criterion of seriousness". The first of these criteria is *formal*, relates to the

problem of legal interpretation, and reflects the principle by which the disputable cases of legal interpretation, which, in H. Hart's terminology, relate to the "penumbra", can be resolved. The functional relationship between the object, which forms the core meaning of the concept used in the legal text, and the object of the social relations concerned, makes it possible to consider the interpretation which implies such an object to be not absurd. The second of the proposed criteria is substantial and it is related to the problem of legal significance of the objects of social relationships. Both "family resemblance" (L. Wittgenstein) of the central and peripheral meaning of the concept used in the legal text and the legal significance are determined on the basis of the possibility of qualification of the object of social relationships as an external referent of value in the sense of theoretical sociology, correlated with certain generalized symbolic media.

In conclusion, we present one more reasoning that seems important to us. From the point of view of theoretical sociology, generalized symbolic media, corresponding external referents of value, and "procedural aspects" – for example, how a connection between them can be established – is a product of social reality. At the same time, the methodology of social constructionism indicates that *positive law* (regardless of the type of legal understanding in relation to *law in general*) is one of the tools of social construction of reality. From the social constructionist methodology, in particular, it follows that a court decision, at least one that was rendered by the highest court and is not subject to further review, should be considered as an act of constructing social reality. At the same time, other tools for structuring social relations, not necessarily related to or classified within the established paradigm of philosophy and theory of law, as well as branch disciplines, can also be involved in the social construction of reality and, as a result, in the creation of external referents of value. In the light of this theoretical observation, we believe that the "reanimation" of L. Fuller's concept, which he designated as "eunomics" (the science of "good laws" – Greek "*eu*" and "*nomos*") of the organization of society, if it does not have

significant fundamental values, it will be very informative in a propaedeutic way of explaining the principles of the application of the theoretical-sociological concept of generalized symbolic media to law.[559]

Thus, L. Fuller, in the historical result of his reasoning, proposed to abandon the division of the methods of regulating social relations into "legal" and "other". Alternative classification suggested their separation on the basis of the principle of decision making, which, in our interpretation, is an act of social construction of reality. These principles included: legislative activity, contract, custom, court (those which conventionally can be classified as related to law), but also mediation, managerial decision, vote or random decision (those that conventionally could not be classified as legal).[560] If such a decision in society becomes generally significant and generally binding, although it does not necessarily establish provisionally binding norms with these qualities, then it can be assumed that the object of implementation of the corresponding "social order principle" is an external referent of value. This way of reasoning implies that with the help of positive law one can "communicate" the social and currency value to almost any subject. However, to put it poetically, this contradicts the spirit of our methodology as a whole and takes us to the plane of the eternal dispute between positivism and jusnaturalism. Why?

The implicit premise of the entire study is as follows. **If a law enforcement decision is aimed at a public relations, the subject of which is unserious (does not have socio-currency value) and at the same time of fantasy nature (its functionality does not correspond to the functionality correlated to the core meaning of the concept-word used in the respective legal text), this decision will be absurd, and therefore it cannot be applied and (or) must be canceled**. This implicit premise obviously has second level implicit premises:

---

[559] Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2009. – PP. 69–72.

[560] Ibid.

— it is unacceptable to make law enforcement decisions in relation to those public relations, the subject of which, including (in addition to being fantasy nature), has no social currency value at the time of making such a decision. *In this case, without a doubt, we are talking about the methodology of sociological jurisprudence*.

— in some cases, law enforcement decisions cannot be applied and (or) they should be repealed even if they are legally formally in compliance with all procedural and substantive rules. *Likewise, without a doubt, we can consider this premise as appropriate to the methodology of natural law.*

With a bit of irony, it can be noted: it is very likely that we are approaching a distance of perilous proximity to substantial jusnaturalism. The danger of such proximity is due to the fact that the substantial theories of natural law are ultimately the subject of faith, and faith in the field of legal science may well turn out to be subjective. However, allow yourself an alternative interpretation, which, we assume, will allow to soften this possible blow.

In fact, this is not about substantive jusaturalism, but procedural and, as a result, another possible interpretation of the "minimum content of natural law", which places our concept of the semantic limits of law in the conditions of the medial turn in the context of the methodology of **inclusive positivism**. Positivism with sociological sense.[561] What should be said about the "minimum content of natural law"? H. Hart spoke of the biological survival of man as a greater premise of the syllogism, as a result of which we can establish such content. However, human is not only a biological being, but also a social one. **Physical abuse of the body can destroy a person as a biological being. Intellectual violence over common sense can destroy a person as a social being**. After all, absurdity

[561] Let us make an assumption that the presented concept is quite in line with the national tradition and can be correlated with the approaches laid down by L. Petrazicky, in particular, that law is constructed by the consciousness of the person and does not exist outside the consciousness. See: *Polyakov A.*, The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – P. 7.

and, especially, absurdity in law is the destruction of social reality. Thus, the semantic limits of law in the context of the medial turn, as they are considered in the present work, testify to the claim of law to seriousness, paraphrasing R. Alexy, and paraphrasing L. Fuller, on the analogous ninth principle of the “morality of law”.

LIST OF ABBREVIATIONS AND NOTATION CONVENTIONS

CAV –Code of Administrative Violations of the Russian Federation.

Children Protection Law – Federal Law No. 436-FZ of 29 December 2010 "On the Protection of Children from Information Harmful to their Health and Development".

Criteria for prohibited information – the criteria for information which is prohibited in the Russian Federation in accordance with Item 1 Part 5 Article 15 of the Information Law.

ERV – external referent of value.

FTS – Federal Tax Service of the Russian Federation.

GSM – generalized symbolic media(-um).

Information Law - Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Protection of Information".

RF – Russian Federation.

RF CC – Civil Code of the Russian Federation.

RF CrC – Criminal Code of the Russian Federation.

RF TC – Tax Code of the Russian Federation.

VAT – value added tax.

LIST OF LITERATURE

Sources in Russian language

Normative sources

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) [Electronic resource]: of 30.11.1994 No. 51–FZ (ed. of 01.01.2019). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.02.2019).

2. Civil Code of the Russian Federation (part two) [Electronic resource]: of 26.01.1996, No. 14–FZ (ed. of 30.12.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.02.2019).

3. Civil Code of the Russian Federation (part three) [Electronic resource]: of 26.11.2001, No. 146–FZ (ed. of 01.09.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.02.2019).

4. Civil Code of the Russian Federation (part four) [Electronic resource]: of 18.12.2006 No. 230–FZ (ed. of 23.05.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.02.2019).

5. Civil Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource]: of 14.11.2002 No. 138–FZ (ed. of 03.08.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.09.2018).

6. Information Security Doctrine of the Russian Federation [Electronic resource]: approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 5 December 2016 No. 646. – Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (accessed on 11.09.2019).

7. Code of Administrative Offences of the Russian Federation [Electronic resource]: of 30.12.2001 No. 195–FZ (ed. of 27.12.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.09.2018).

8. Conception of Information Security for Children [Electronic resource]: approved by the Order of the Government of the Russian Federation of 2 December 2015 No. 2471-r – Access from the legal reference system “ConsultantPlus” (accessed on 11.09.2019).

9. Tax Code of the Russian Federation (part two) [Electronic resource]: of 05.08.2000 No. 117–FZ (ed. of 25.12.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.09.2018).

10. On information, information technologies and protection of information [Electronic resource]: Federal Law of 27.07.2006 No. 149–FZ (ed. of 19.07.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.09.2018).

11. On the immortalization of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945: Federal Law of 19.05.1995, No. 80–FZ (ed. of 04.11.2014). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

12. On electronic signature: Federal Law No. 63–FZ of 06.04.2011 (ed. of 23.06.2016). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 26.01.2019).

13. On the introduction of amendments to Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation with a view to combating trafficking in pornographic products involving the use of minors and/or among minors and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 199 of 23 June 2016. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

14. On state regulation of gambling activities and on amendments to some legislative acts of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 244–FZ of 29.12.2006 (ed. of 25.12.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 21.02.2019).

15. On pledge [Electronic resource]: Law of the Russian Federation of 29.05.1992 No. 2872–1 (ed. of 01.01.2013). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.01.2019).

16. On protection of children from information harmful to their health and development [Electronic resource]: Federal Law of 29.12.2010 No. 436–FZ (ed. of 18.12.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.01.2019).

17. On consumer protection [Electronic resource]: Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300–1 (ed. of 27.09.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 11.01.2019).

18. On personal data [Electronic resource]: Federal Law No. 152–FZ of 27.07.2006 (ed. of 31.12.2017). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.09.2018).

19. On the law of treaties [Electronic resource]: Vienna Convention, concluded at Vienna on 23.05.1969 – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 12.02.2019).

20. On approval of the Criteria for evaluation of materials and (or) information required for decision–making by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Media, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Federal Service for Supervision in the Sphere of Consumer Rights Protection and Human Wellbeing, the Federal Tax Service on the inclusion of domain names and (or) indexes of pages of sites in the information and telecommunication network «Internet», as well as network addresses allowing to identify sites on the Internet containing prohibited information into a unified automated information system «Unified register of domain names, indexes of pages of sites in the information and telecommunication network «Internet» and network addresses, allowing to identify sites in the information and telecommunication network «Internet», containing information, the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation [Electronic resource]: Order of Roskomnadzor № 84, the Ministry of Internal Affairs of Russia № 292, Rospotrebnadzor № 251, the Federal Service for Consumer Rights Protection and Human Wellbeing MMV-7-2/461 @ of May 18, 2017. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.09.2018).

21. Passport of the National Project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation" [Electronic resource]: approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Minutes No. 7 of 4 June 2019. – Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of application: 11.09.2019).

22. Explanatory note for the Draft Law No. 804132–6 «On Amendments to the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» and Articles 29 and 402 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation» with regard to the establishment of obligations of search system operators when distributing information about citizens» [Electronic resource] // Legislative support system (SOZD). – [Site]. – URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/804132–6 (accessed: 21.02.2019).

23. Order of the Ministry of Sports and Tourism of the Russian Federation of 29.04.2016 No. 470 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 21.02.2019).

24. Order of the Ministry of Sports and Tourism of the Russian Federation of 16.03.2017 No. 183 in the edition of the Order of the Ministry of Sports and Tourism of the Russian Federation of 22.01.2018 No. 49 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 21.02.2019).

25. Order of the Ministry of Sports and Tourism of the Russian Federation of 05.07.2017 No. 618 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 21.02.2019).

26. Program for Development of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University until 2020", approved by the Order of the Government of the Russian Federation of 07.10.2010. (ed. on 22.11.2017) [Electronic resource]. – Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of application: 11.09.2019).

27. Order of the Committee for Science and Higher School of the Government of St. Petersburg of 07.05.2018 No. 47 [Electronic resource] // Committee for Science and Higher School of the Government of St. Petersburg. – [Website]. – URL: http://knvsh.gov.spb.ru/closedcontests/view/188/ (accessed: 08.11.2018).

28. Programme «Digital Economy of the Russian Federation», approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 28 July 2017 No. 1632-p. [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 21.02.2019).

29. Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 – 2030: approved by Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 15 May 2017. – No. 20. – Art. 2901.

30. Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]: 13.06.1996 No. 63–FZ (ed. of 27.12.2018). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

31. Criminal Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource]: 18.12.2001 No. 174–FZ (ed. of 08.01.2019). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

Legal practice

32. Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Karelia of 14.05.2013, Case No. 33–1306/2013 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

33. Appellate Ruling of the Moscow City Court of 14.03.2018, Case No. 33–10610 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

34. Appellate Ruling of the Kaliningrad Oblast' Court of 14.08.2013, Case No. 33–3468/2013 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

35. Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 04.02.2015, Case No. 33–887 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

36. Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 02.04.2013, Case No. 33–2961–2014 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

37. Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 12.11.2012, Case No. 33–10042 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

38. Appellate Ruling of the Perm Kray Court of 08.08.2012, Case No. 33–6866 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

39. Appellate Ruling of the Samara Oblast' Court of 11.09.2012, Case No. 33–8461 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

40. Appellate Ruling of the Samara Oblast' Court of 26.06.2012, Case No. 33–5960 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

41. Information on the ECtHR judgment of 20.10.2015 in the case of M'Bala M'Bala v. France (complaint No. 25239/13) [Electronic resource] // Bulletin of the European Court of Human Rights. – 2016. – No. 3. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2018).

42. Google Spain SL and Google Inc. v. the Spanish Data Protection Agency (AEPD) and Mario Costeja Gonzalez [Electronic resource] // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. – 2014. – No. 9. – P. 22–23. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2018).

43. On some issues of dispute resolution practice related to the application of Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 10.04.2008 No. 22. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

44. On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

45. On judicial practice in cases of open theft and robbery [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.03.1966 No. 31. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

46. On judicial practice in cases of theft, open theft and robbery [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 No. 29 (ed. of 16.05.2017). – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

47. On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed out of hooliganism [Electronic resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, 15.11.2007 No. 45. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.09.2018).

48. Ruling of the Basmanny District Court of Moscow of 01.06.2011, Case No. 11–43/11 and Case No. 11–115/09 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

49. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.09.2016 No. 16–KG16–30 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

50. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.04.2016 No. 308–ES15–18008, Case No. A32–35215/2014 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

51. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.03.2016, No. 308–ES15–18008 in the case No. A32–35215/2014 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

52. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.06.2004 No. 226–O «On refusal to accept for consideration the complaint of the open joint–stock company «Ufa Oil Refinery» on violation of constitutional rights and freedoms by Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation and Paragraph 3 Item 11 Article 7 of the Law of the Russian Federation «On Tax Bodies of the Russian Federation» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

53. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.06.2011 No. 684–O–O «On the refusal to accept for consideration of the complaint of citizen Shevchenko Evgeny Igorevich on the violation of his constitutional rights by Articles 1062 and 1063 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

54. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 484–O–P of 2 April 2009 on a complaint by citizens of S. M. Shimovolos, A. V. Lashmankin and D. P. Shadrin concerning violations of their constitutional rights by Part 5 Article 5 of the Federal Law «On meetings, rallies, demonstrations, marches and picketing» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

55. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.11.2006 No. 444–O «On the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation on the violation of the constitutional rights of a citizen Irina Astakhova by Sub-item 1 Item 1 Article 220 of the Tax Code of the Russian Federation» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

56. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.03.2005 No. 3–O «On the complaint of a citizen Rinat Mirgalimovich Smakov for violation of his constitutional rights by the provisions of Article 14 of the Federal Constitutional Law «On the judicial system of the Russian Federation (as amended by the Federal Constitutional Law of 15 December 2001), Item 3 Article 6.1 and Paragraph 2 Item 1 of Article 11 of the Law of the Russian Federation «On the status of judges in the Russian Federation (as amended by the Federal Law of 15 December 2001)» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

57. Ruling of the Presidium of the Moscow City Court of 18.09.2018 in Case No. 44г-259/18 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

58. Ruling of the Moscow City Court of 10.03.2011, Case No. 4g/1–1668 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

59. Ruling of the Primorsky Kray Court of 23.06.2014, Case No. 33–5131 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

60. Ruling of the St. Petersburg City Court of 18.04.2012 No. 22–2281/2012 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

61. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 18.06.2015, No. F05–7093/2015, Case No. A40–91072/14 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

62. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 12.10.2015 No. F05–13554/2015, Case No. A40–56211/14 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

63. European Court of Human Rights Ruling of 24.01.2017 «The case of Khamtokhu and Aksenchik v. the Russian Federation (complaints No. 60367/08 and 961/11) [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

64. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 07.03.2017 No. 5–P «On the case of verification of the constitutionality of Item 1 Part 3 of Article 81 and Article 401.6 of the Code

of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints of citizen A.E. Pevzner» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

65. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.06.2007 No. 8–P «On the verification of the constitutionality of Article 14.1 of the Federal Law «On burial and funeral business» and the Regulation on the burial of persons whose death occurred as a result of the suppression of their terrorist act in connection with the complaint of citizens K.I. Guziev and E.H. Karmova» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

66. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 No. 11 «On judicial practice in criminal cases on crimes of extremist orientation» [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

67. Resolution No. 32 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 20 September 2018 «On the introduction of amendments to Resolution No. 11 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2011 «On judicial practice in criminal cases involving extremist crimes». [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

68. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Mordovia of 19.04.2012 No. 44–g–7 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

69. Resolution of the Court of the Jewish Autonomous Region of 13.03.2013 in the case No. 4–A–8/2013 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 12.02.2019).

70. Decision of the Zavodoukovsky District Court of the Tyumen Region of 12 July 2016, Case No. 2–662/2016. – [Website]. – URL: https://zavodoukovsky—tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=25808719&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed: 02.10.2018).

71. Decision of the Leninsky District Court of Vladivostok of 18.06.2008, Case No. 2–228/08 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 12.02.2019).

72. Decision of the Samara Oblast' Court of 26.06.2014 No. 21–311/2014 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

73. Decision of Chertanovsky District Court of Moscow of 07.12.2018, Case No. 02-4488/2018 [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 31.01.2019).

Academic articles

74. Abubakirov, F.M. Qualifications of Inflicting Damage to Health with Application of Weapon or Subjects Used as Weapon // Russian Investigator. 2016. No. 13. P. 17–20.

75. Antonov M.V., Arkhipov V.V., Polyakov A.V. Scientific Dispute on Main Shores: XXV World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy // Proceedings of higher education institutions. Jurisprudence. 2011. No. 4 (297). P. 7–20.

76. Antonova, I.B. "Absurdity and Around": Construction of a Typological Model // Vestnik of Russian State University of Civil Engineering. Series: Political Science. History. International relations. – 2014. – No. 1 (123). – PP. 26–35.

77. Arkhipov V.V. Virtual Property: Pervasive Legal Problems in the Context of Computer Games Industry Development // Zakon. 2014. No. 9. P. 69–90.

78. Arkhipov V.V. Virtual Law: Main Problems of the New Direction of Legal Studies // Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2013. No. 2. P. 93–114.

79. Arkhipov V.V. A Serious Game: Multiplayer Online Role–Playing Games in the Focus of the Russian Law Enforcement // St. Petersburg Lawyer. St. Petersburg, 2013. No. 1. P. 56–61.

80. Arkhipov V.V. Intellectual Property in the Video Game Industry: Problems of Theory and Practice // Zakon. Moscow, 2015. No. 11. P. 61–69.

81. Arkhipov V.V., Naumov, V.B. Informational and Legal Aspects of Designing Robotics Legislation // Information Law. 2017. No. 1. P. 19–27.

82. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Artificial Intelligence and Autonomous Devices in Legal Context: on Development of the First Russian Law on Robotics // Proceedings of SPIIRAN. 2017. Issue. 6 (55). P. 46–62.

83. Arkhipov V.V. Legal Risks of Using Social Networks in Science and Education (in Russian) // Receiving, Storing and Using Information in the Electronic Environment: Public and Private Law Regulation. Collection of Materials of the International Scientific-Practical Conference. Series "Electronic Legislation" FGBU Boris Yeltsin Presidential Library; Scientific Editor N.A. Sheveleva. – St. Petersburg: 2013. – PP. 213-218.

84. Arkhipov V.V. eSports Law: Fact or Fiction? // Zakon. 2018. No. 5. P. 80–92.

85. Arkhipov V.V. Computer Games, «Magic Circle» and Semantic Limits of Law // International Journal of Cultural Research. 2019. 1 (34). P. 73–87.

86. Arkhipov V.V. Concept of Law of Lon L. Fuller // Russian Yearbook of Law Theory. 2011. No. 2–2009. – P. 708–711.

87. Arkhipov V.V. Lon Fuller on Correlation of Law and Morality // Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2004. No. 6 (257). P. 145–152.

88. Arkhipov V.V. «The Morality of Law» by Lon L. Fuller: on the Publication of the Russian Translation of the Book // Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2008. No. 5 (280). P. 113–121.

89. Arkhipov V.V., Naumov V.B. On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: the Aspects of Will and Legal Personality // Zakon. 2017. No. 5. P. 157–170.

90. Arkhipov V.V., Azizov R.F. Relations in the Internet Format Web 2.0: the Problem of the Correspondence between the Network Architecture and the Legal Regulation // Zakon. Moscow, 2014. No. 1. P. 90–104.

91. Arkhipov V.V., Naumov V.B., Pchelintsev G.A., Chirko, Ya.A. Open Concept of Regulation of the Internet of Things // Information Law. Moscow, 2016. No. 2. P. 18–25.

92. Arkhipov V.V., Naumov V.B. A Concept of Personal Data: the Interpretation Under the Development of Informational and Telecommunication Technologies // Russian Law Journal. Ekaterinburg, 2016. No. 2. P. 186–196.

93. Arkhipov V.V. Postmortem: «Anatomy of the Law» by Lon L. Fuller // Russian Yearbook of Legal Theory. 2011. No. 2–2009. P. 18–203.

94. Arkhipov V.V. Game Rules as a Normative System, or What Do Law and Game Design Have in Common // Philosophical–Literary Journal Logos. Moscow, 2015. Vol. 25. No. 1 (103). P. 214–225.

95. Arkhipov V.V. Premises of the Concept of Semantic Limits of Law in the Context of Modern Information Culture // Information Space: Ensuring Information Security and Law. Collected Academic Papers / Under edition of T.A. Polyakova, V.B. Naumov, A.V. Minbaleyev. MOSCOW: IGP RAN, 2018. P. 272–286.

96. Arkhipov V.V. Personal Data as Non-Material Values (or There is Nothing More Practical Than a Good Theory) // Zakon. 2018. No. 2. P. 52–68.

97. Arkhipov V.V., Kilinkarova E.V., Melashchenko, N.V. Problems of Legal Regulation of Trade of Goods in the Internet: From Distance Selling to the Virtual Property // Zakon. Moscow, 2014. No. 6. P. 120–143.

98. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Draft Federal Law “On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in Terms of Improving the Legal Regulation of the Relationships in the Field of Robotics" // Law and Information: Theory and Practice. Collection of Materials of the VII International Academic and Practical Conference. Series “Electronic Legislation” / Academic editor N.A. Sheveleva. Saint Petersburg: Boris Yeltsin Presidential Library, 2017. – PP. 220–228.

99. Arkhipov V.V. Semantic Limits of Law in the Conditions of the Medial Turn: from Virtual Reality to Theory of Law // Public Order and its Institutional Foundations. Proceedings of the International Academic Conference. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 2019. – PP. 56–65.

100. Akhundova L.A., Azarova E.A. Gambling as a Form of Non–Chemical Addiction in Modern Society // Innovative Science. 2016. No. 4–5 (16). P. 91–93.

101. Babkin A.V., Burkaltseva D.D., Kosten’ D.G., Vorobiev Yu.N. Formation of Digital Economy in Russia: Essence, Features, Technical Normalization, Development Problems // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2017. Vol.10. No.3. P. 9–25.

102. Bakeyeva E.V. Ontological Concept of Truth in the Context of Postnonclassical Scientific Rationality // Proceedings of Vyatsky State University. 2012. No. 4. – P. 11–18.

103. Baturin Y.M., Polubinskaya S.V. What Makes Virtual Crimes to Be Real // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 9–35.

104. Belov A.V. Information Society and Information Culture in Russia: on the Problem Setting // Proceedings of Volgograd State University. Ser. 7, Filos. – 2009. – No. 1 (9). – P. 198–200.

105. Belov S.A. Rationality of the Judicial Balancing of the Constitutional Values by Means of the Proportionality Test // Saint Petersburg Lawyer. – 2016. – No. 1. – P. 63–75.

106. Belousov A.D. To the Question of the Influence of Computer Games on the Criminal Behavior of Minors [Electronic resource] // Administrative Law and Process. 2007. No. 6. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

107. Bronzino L.Yu. Postmodernism: Essential Ideas and Their Representatives // Proceeds of MGIMO. – 2010. – No. 3. – PP. 97–105.

108. Bulygin E.V. Limits of Logic and Legal Reasoning / Bulygin E.V. Selected Works on the Theory and Philosophy of Law. Transl. from English, German, Spanish / under the scientific ed. by M.V. Antonov, E.N. Lisanyuk, S.I. Maximov. – St. Petersburg: Alef–Press, 2016. – P. 154–182.

109. Volkov O.Yu.; Volkov Yu.K. Computer Game as the Technological and Aesthetic Phenomenon of the Information Society’s Culture [Electronic resource] // Privolzhsky Scientific Bulletin.

2015. No. 6–3 (46). P. 79–82. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya–igra–kak–tehnologicheskiy–i–esteticheskiy–fenomen–kultury–informatsionnogo–obschestva (accessed: 01.10.2017).

110. Gadjiev G.A., Voinikanis E.A. Could be a Robot a Subject of Law? (in Search of the Legal Forms for a Digital Economy) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. P. 24–48.

111. Hasanov R.S. The Problems of Classification and Proving of Armed Assaults [Electronic resource] // Criminal Law. 2015. No. 1. P. 35–39. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2019).

112. Grafsky V.G. Legal Communication and Legal Communion // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. № 4. – P. 25–36.

113. Gribanov, D.V. On the Issue of Legal Theory of Cyber Environment // State and Law. 2010. No. 4. P. 57–62.

114. Gurko A. Artificial Intelligence and Copyright: a Look into the Future // Intellectual Property. Copyright and Neighboring Rights. 2017. No. 12. P. 7–18.

115. Demidova M.V. «Symbolic Capital» of P. Bourdieu and «Capital» of K. Marx // Proceedings of Vyatka State University. – 2014. – No. 11. – P. 27–32.

116. Didikin, A.B. Interpretation of the Problem of Rule Following the in the Analytical Philosophy of Law // Proceeds of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. – 2015. – No. 2. (30). – PP. 83–89.

117. Dmitrik N.A. The Limits of Legal Regulation in the Digital Age // Information Society. 2018. No. 3. P. 47–57.

118. Drokina K.V., Darbinian T.A. The Analysis of the Possibilities of Application of the Augmented Reality Technology in the Modern Conditions // International Scientific Journal «Innovation Science». 2016. No. 2. P. 114–116.

119. Efremov A.A. Trends in Development of Legal Regulation of the Information Space // Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law. 2017. Vol. 17. No. 2. P. 80–83.

120. Efremov A.A. Formation of the Concept of Information Sovereignty of the State // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 1.P. 201–215.

121. Zykov S. The Problem of Attributing Parodies to Derivative Works: Isn’t It Time to Stop the Discussion? [Electronic resource] // Copyright and Neighbouring Rights. 2017. No. 4 – Access from legal reference system “ConsultantPlus” (accessed; 24.08.2019).

122. Ivanova O.A. Gambling: Concept and Characteristics // Bulletin of the Volga University Named after V.N. Tatishchev. 2015. No. 2 (82). P. 111–117.

123. Kasatkin S.N. Explanation of Legal Concepts in the Analytical Jurisprudence of H. Hart: Methodology and Problematization // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 1. – PP. 43–71.

124. Kasatkin S.N. The Main Work of Herbert L.A. Hart (to the Publication of the Russian Edition of the Book "The Concept of Law") // Proceedings of Samara Humanitarian Academy. Series "Law". – 2007. – No. 2. – PP. 5–15.

125. Kasatkin S.N. The Removability of the "Open Texture" of Law: Three Remarks by R. Dworkin // Legal Paradigm. – 2019. – Vol. 18. – No. 1. – PP. 93–98.

126. Kozlikhin, I.Yu. On Unconventional Approaches to Law // Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2006. No. 1. P. 31–40.

127. Kozlikhin I.Yu., Polyakov A.V., Timoshina E.V. History of Political and Legal Doctrines. Textbook. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law, Saint Petersburg State University, 2007. – 856 p.

128. Korneev A.V. Interpretation of Law in the Context of Various Methods of Law Congition // Russian Law Journal. 2016. No. 8. P. 29–43.

129. Kravtsov, A.A. Use of Augmented Reality Technology for Visualization of a Virtual Object in a Real Environment [Electronic resource] // Scientific Journal of Kuban State University. 2012. No. 84. – [Site]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie–tehnologii–dopolnennoy–realnosti–dlya–vizualizatsii–virtualnogo–obekta–v–realnom–interiere (accessed: 24.01.2019).

130. Lazarev V.V. Interpretation of Law: Classics, Modernity and Postmodern // Journal of Russian Law. 2016. No. 8. – PP. 15–28.

131. Lisenkova A.A. Challenges and Opportunities of the Digital Age: the Sociocultural Aspect // Liberal Arts in Russia. 2018. Vol. 7. No. 3. – P. 217–222.

132. Loreti A. L. Wittgenstein on the Concepts of "Criterion" and "Symptom" // Philosophy of Education. – 2015. – Vol. 5 (62). – PP. 58–64.

133. Lukovskaya D.I. Subject and methodology of the history of political and legal doctrines // Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2007. No. 3. – PP. 197–211.

134. Malinova I.P. The Interpretation of Social Reality in the Lawmaking and Reform Activity [Electronic resource] // Russian Law Journal. 2012. No. 5. P. 8–14. –Access from the legal system «ConsultantPlus» (accessed: 13.01.2019).

135. Menshikova N.N. Category of Fantasy in Science // Proceedings of Chelyabinsk State University. 2008. No. 36. P. 95–102.

136. Ogleznev V.V. «Open Texture» of Legal Language // Proceedings of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2016. No. 2 (34). P. 237–243.

137. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Philosophical Views of the «Early» H. Hart and the Problems of Legal Language // Hart H.L.A. Philosophy and Legal Language. M., 2017. P. 7–26.

138. Ostanina E.A. Grounds for Joining a Multiuser Online Game – Contract with the Participation of Consumers [Electronic resource] // Law in the Internet: Collection of Articles / Ed. by Rozhkova M.A. Moscow: Statute, 2018. – Access from the legal system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

139. Petrov O.V. Actionism and Its Manifestation in the Vocal–Instrumental Compositions of John Cage // Problems of Science. 2018. No. 5 (125). P. 103–106.

140. Ponukalina O.V. Consumer Society Games: Daily Occurrence Designing // Proceedings of Saratov State Technical University. 2009. No.1. P. 1–7.

141. Potapova O.S. Computer Games in the Culture Space // Proceedings of Nizhny Novgorod University Named after N.I. Lobachevsky. 2010. No. 4 (1). P. 349–353.

142. “The Realistic Turn in Modern Epistemology, Consciousness Philosophy and Science Philosophy? Materials of the Round Table / V.A. Lektorsky, B.I. Pruzhinin, D.I. Dubrovsky, D.V. Ivanov, G.D. Levin, A.S. Karpenko, E.A. Mamchur, S.V. Pirozhkova, A.V. Rodin, N.M. Smirnova, E.O. Trufanova, E.L. Chertkova // Problems of Philosophy. – 2017. – No. 1. – PP. 5–38.

143. Savelyev A.I. Legal Nature of Virtual Objects Purchased for Real Money in Multiplayer Online Games // Civil Law Herald. 2014. No. 1. P. 127–150.

144. Semenyuta B. Online Games: Legal Nature of the Relationships // Intellectual Property. Copyright and Neighboring Rights. 2014. No. 8. P. 38–45.

145. Tarasov N.N. Legal Constructions: Theoretical Representation and Methodological Grounds of the Research // Legal Technique. 2013. № 7 (Part 2). – PP. 18–25.

146. Tendryakova M.V. Old and New Faces of the Game: Game Specifics of Virtual Space // Cultural-Historical Psychology. – 2008. – № 2. – P. 60–68.

147. Timoshina E.V. Classics, Postclassics... Neoclassics: to the Substantiation of Counter-Postmodern Program in the Legal Theory // Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2014. No. 4 (315). P. 6–24.

148. Timoshina E.V., Krayevsky A.A., Salmin D.N. Axiology of Judicial Interpretation: Means of Weighing in the Situation of Competition of Human Rights // Proceedings of Saint Petersburg University. Law. 2015. No. 3. P. 4–34.

149. Timoshina E.V. The Problem of Justiciability of Human Rights in Situations of Their Competition and the Principle of Proportionality // Proceedings of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Legal Sciences. 2017. Vol. 21. No. 4. P. 464–485.

150. Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – a Reply to Professor Hart / Transl. into Russian by V.V. Arkhipov // Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2005. No. 6. P. 124–159.

151. Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – a Reply to Professor Hart / Transl. into Russian by V.V. Arkhipov // Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2005. No. 6. P. 124–159 [Electronic resource] // Federal Legal Portal «Legal Russia». – [Site]. – URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1220794=1220794 (accessed: 24.02.2019).

152. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals / Transl. into Russian by V.V. Arkhipov // Proceedings of Higher Education Institutions. Jurisprudence. – 2005. – No. 5. – PP. 102–136.

153. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals / Transl. into Russian by V.V. Arkhipov // Philosophy and Language of Law / Herbert Lionel Adolphus Hart. – Moscow: Canon+ ROOI «Rehabilitation», 2017. – PP. 168–214 pp.

154. Chestnov, I.L. Postclassical Communicative Concept of Law as an "Invisible Collegium" // Proceeds of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2013. No. 5 (310). – P. 112–123.

155. Shvyrev, V.S. My Path into Philosophy [Electronic source] / On the Path to the Non–Classical Epistemology / edited by V.A. Lektorsky. Moscow, 2009 // Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. – [Site]. – URL: https://iphras.ru/page50109829.htm (accessed: 13.01.2019).

156. Jubilee of Dzhenevra Igorevna Lukovskaya // Proceeds of Higher Education Institutions. Jurisprudence. 2014. No. 2 (313). PP. 240–243.

157. Yakovlev B.S., Pustov S.I. History, Features and Prospects of Augmented Reality // Proceedings of Tula State University. Technical Sciences. 2013. No. 3. P. 479–484.

Monographs and other books

158. Alexeev S.S. Theory of Law. – M.: BEK Publishing House, 1995. – 320 p.

159. Arkhipov V.V. Internet Law: Textbook and Exercise Book for Bachelor's and Master's Degree. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2016. – 249 p.

160. Arkhipov V.V., Kraevsky A.A., Timoshina E.V. Theory of Law and State. Exercise Book. Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, 2015. – 201 p.

161. Bazhenova E.A. Legal Philosophy of H.L.A. Hart: Textbook / E.A. Bazhenova; Vladimir State University named after A.G. Stoletov and N.G. Stoletov. – Vladimir: Vladimir State University, 2016. – 92 p.

162. Bakhtin M.M. Author and Hero in Aesthetic Activity // Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. M.: Publishing house "Art", 1979. – 424 p.

163. Berger P., Luckmann T. Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge (in Russian). – M.: «Medium», 1995 – 323 p. [Electronic edition] // «Library of Skepticism». – [Site]. – URL: http://skepdic.ru/wp–content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf (accessed: 21.02.2019).

164. Berne E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships (in Russian). – M.: Exmo Publishing House, 2016. – 352 p.

165. Baudrillard J. Simulacra et simulation (in Russian) / Transl. from French by A. Kachalov. – Moscow: POSTUM Publishing House, 2015. – 240 p.

166. Boyko M. The Basics of Economics. – Moscow: Nobel Press, Print on Demand, 2015. – 470 p. [Electronic resource] // The Basics of Economics. – [Site]. – URL: http://azy–economiki.ru/docs/the_basics_of_Economics.pdf/_basics_of_of_Economics.pdf/ (accessed: 06.02.2019).

167. Borisov S.V., Zherebchenko A.V. Excitation of Hatred and Enmity, Humiliation of Human Dignity: Problems of Establishment and Implementation of Criminal Responsibility. Monograph / Edited by S.V. Borisov. M.: Jurisprudence, 2015. – 264 p. – Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (accessed: 10.01.2018)

168. Budylin S.L. The Case of Non–Material Fish and Other Stories. Comparativist's Notes. – M.: «Infotropics Media», 2017. – 308 p. – Accessed from the legal reference system «Garant» (accessed: 06.02.2019).

169. Bourdieu P. Practical Reason (1980) (in Russian) / Transl. from French: A.T. Bikbov, K.L. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Editing and Afterword by N.A. Shmatko. – Saint Petersburg: Aletea, 2011. – 562 p.

170. Bourdieu P. Sociology of Social Space (in Russian) / Transl. from French; General Editing of the Translation by N.A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aletea, 2007. – 288 p.

171. Bourdieu P. Economic Anthropology: a Course of Lectures at College de France (1992 – 1993) / Transl. from French by D. Kralechkin. – Moscow: Delo Publishing House, Russian Academy of National Economy and Public Administration, 2019 – 416 p.

172. Varlamova N.V. Typology of Legal Understanding and Modern Trends in the Development of Legal Theory. M., 2010. – 136 p.

173. Vaskovskiy E.V. Civilistic Methodology. The Teaching about the Interpretation and Application of Civil Laws. M., 2002. – 508 p.

174. Wittgenstein L. Selected Works (in Russian) / Transl. from English. Moscow: Publishing House «Territory of the Future», 2005. – 440 p.

175. Wittgenstein L. Philosophical Investigations (in Russian). – M.: AST – Astrel, 2010. – 347 p.

176. Wittgenstein L. Philosophical Investigations (1953) (in Russian) // Wittgenstein L. Philosophical Works. Part I. Transl. from German / Compilation and Introductory Article by M.S. Kozlova. Translation by M.S. Kozlova and Y.A. Aseev. – Moscow: Gnosis Publishing House, 1994. – 612 p.

177. Girenok F. Absurdity and Speech. Anthropology of the Imaginary. – M.: Academic Project, 2012. – 237 p.

178. Grevtsov Yu. I. Sociology of Law. Course of lectures. - St. Petersburg: Publishing house "Legal Center Press", 2001. – 312 p.

179. Demidov A.B. Phenomena of Human Existence. Minsk, 1999 [Electronic resource] / PSYLIB. - [Site]. - URL: http://psylib.org.ua/books/demid01/txt04.htm (accessed: 09.09.2019).

180. Efremov A.A. Protection of the State Sovereignty of the Russian Federation in the Information Space. Moscow: Norma, 2017. – 128 p.

181. Ivin A.A. Fundamentals of the Argumentation Theory: Textbook / A.A. Ivin. – 2nd Edition – M.: Berlin Direct-Media, 2015. – 459 p.

182. Karapetov A.G. Struggle for Recognition of Judicial Law–Making in European and American Law. Moscow: Statute, 2011. [Electronic resource]. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

183. Kelsen G. Pure Theory of Law (in Russian). 2nd edition / Transl. from German by M.V. Antonov and S.V. Lyozov. – St. Petersburg: OOO Publishing House “Alef-Press”, 2015. – P. 542 p.

184. Kozlova M.S. The Idea of «Language Games» // Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein. – M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1996. PP. 5 – 24.

185. R. Koster. A Theory of Fun for Game Design (in Russian). Moscow: DMK Press, 2018. – 288 p.

186. Lapaeva V.V. Legal Issues in K. Marx’s “Capital”. – M.: Yurid. Lit., 1982. – 120 p.

187. Mediaphilosophy XII. Game or Reality? An Effort of Computer Games Research / Under Edition by V.V. Savchuk. – St. Petersburg: Fund for the Development of Conflict Resolution Studies, 2016. – 498 p.

188. Mediaphilosophy X. Computer Games: Research Strategies / Under Edition by V.V. Savchuk. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg Philosophical Society, 2014. – 328 p.

189. Nersesyants V.S. Law – Mathematics of Freedom. Past Experience and Prospects. – M.: Lawyer, 1996. – 160 p.

190. Parsons T. System of Modern Societies (in Russian). Transl. by L.A. Sedova and A.D. Kovalev. – M., 1998 [Electronic resource] // Electronic Publication: Center of Humanitarian Technologies. 09.09.2012. – [Site]. – URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395 (accessed: 03.02.2019).

191. Pozner R.A. Economic Analysis of Law: In 2 Volumes (in Russian). Saint Petersburg: Economic School, 2004. – Vol. 2 – X + 454 p.

192. Political Science: Textbook / A.Yu. Melville [and others]. – M.: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, TC Velbi, Prospekt Publishing House, 2008. – 618 p.

193. Prodan I.S. Knowledge and Object. Justification of Common Sense. – Kharkov, 1913. – 472 p.

194. Robotics Regulation: Introduction to “Robolaw”. Legal Aspects of Robotics and Artificial Intelligence Technologies Development / V.V. Arkhipov [et al.]. Edited by A.V. Neznamov. – M.: Infotropics Media, 2018. – 232 p.

195. Savelyev A.I. Electronic Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation. 2nd Edition M.: Statute, 2016. – 640 p. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 02.10.2018).

196. Savchuk V.V. Mediaphilosophy – Rush of the Reality. Saint–Petersburg: RHGA Publishing House, 2014. – 162 p.

197. Transactions, Representation, Limitation of Claims: Article–by–Article Commentary on Articles 153 – 208 of the Civil Code of the Russian Federation / V.V. Baibak, R.S. Bevzenko, S.L. Budylin et al.; edited by A.G. Karapetov. M.: M–Logos, 2018 [Electronic edition]. 1264 p. – Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (accessed: 10.01.2018).

198. Sergeyeva O.V. Time of computer games in the ethics of modern children’s and parents’ relations / Contours of the future: technologies and innovations in the cultural context. Collective monograph / Under edition of D.I. Kuznetsova, V.V. Sergeeva, N.I. Almazova, N.V. Nikiforova. Saint Petersburg: Asterion, 2017. PP. 159–163.

199. Social space of the big city [monograph] / Editor-in-Chief G.V. Eremichev; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of FNISTs RAS. – Saint Petersburg: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences - Branch of the FNISTs RAS, 2018. – 408 p.

200. Sociological Dictionary (in Russian) / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner. – Moscow: Economics, 2004.

201. Stepin V.S. Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution. M., 2000. – 743 p.

202. Stepin V.S. Human Cognition and Culture. Saint Petersburg, 2013. – 140 p.

203. Polyakov A.V., Timoshina E.V. General Theory of Law: Textbook. – Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg State University, Publishing House of the Law Faculty of Saint Petersburg State University, 2005. – 472 p.

204. Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein. – M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1996. – 169 p.

205. Fuller L.L. Anatomy of the Law (in Russian) / Transl. from English by V.V. Arkhipov // Russian Yearbook of Law Theory. – 2009. – No. 2. – PP. 204–319.

206. Fuller L. L. The Morality of Law (in Russian) / Transl. from English by L. T. Danilova under the editorship of A. Kuryaev. – Moscow: IRISEN, 2007. – 308 p.

207. Hart, H.L.A. The Concept of Law (in Russian) / Transl. from English; under the editorship of E.V. Afonasin and S.V. Moiseev. St. Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg Saint University, 2007. – 302 p.

208. Huizinga J. Homo Ludens; Articles on the History of Culture (in Russian) / Transl. by D.V. Silvestrov; Comment. by D.E. Kharitonovich. – M.: Progress–Tradition, 1997 – 416 p.

209. Cherdantsev A.F. Logico-Linguistic Phenomena in Law, Legal Science and Practice. – Ekaterinburg, 1993. – 192 p.

Dissertations

210. Arkhipov V.V. The Concept of Law of Lon L. Fuller. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / St. Petersburg State University. Saint Petersburg, 2009.

211. Bagno Yu.V. Civil Law Regulation of the Relations Arising from Games and Betting. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Krasnodar, 2004.

212. Lopatinskaya T.D. Phenomenon of Playing in the Conditions of Virtualization of Modern Culture / Abstract of the Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Astrakhan State University, 2013. – 20 p.

213. Lukovskaya D.I. Theoretical and methodological problems of the history of political and legal teachings: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.01. – Leningrad, 1986. – 412 p.

214. Milkin–Skopets M.A. The Principle of Reasonableness in Libertarian–Legal Discourse. Historical and Legal Research. Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2010.

215. Pavlenko P.V. Civil Law Regulation of Games, Bets and Related Institutions of Civil Law (Comparative Aspect) / Abstract of the Thesis for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2009.

216. Timoshina E.V. Theory and Sociology of Law by L.I. Petrazhitsky: Genesis of Post–Classical Legal Understanding in Russian Philosophy of Law (the Beginning of the XXth Century).

Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences / Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, 2013. – 477 p.

Mass-media, blogs and other Internet sources

217. Dota 2 [Electronic resource] // Dota 2. – [Site]. – URL: http://ru.dota2.com/ (accessed: 21.02.2019).

218. Arkhipov V.V. Information Relations Within the Framework of Pokémon Go [Electronic resource] // LF Academy. – [Site]. – URL: https://lfacademy.ru/course/13479 (accessed on 24.01.2019).

219. Arkhipov V.V. Development of Law in the Conditions of the Digital Economy. Academic report at the meeting of the Academic Council of St. Petersburg State University on 30 October 2017. [Electronic resource] // YouTube. - [Website]. - URL: https://youtu.be/1B5fM9Tb00s (accessed: 11.09.2019).

220. Weber M. Politics as a Vocation and Profession (in Russian) [Electronic resource] / Weber M. Selected essays. M., 1990 // Open University. - [Site]. - URL: https://openuni.io/course/11-course-7-4/lesson/2/material/855/ (address: 02.09.2019).

221. Breaking Bad (Series, 2008 – 2013) [Electronic resource] // KinoPoisk. – [Site]. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/404900/ (accessed on 21.02.2019).

222. Commodification. What the Experts Say [Electronic resource] // Strelka Institute. - [Site]. - URL: https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification (accessed on 06.02.2019).

223. Commodification. What is Written in the Dictionary [Electronic resource] // Strelka Institute. - [Site]. - URL: https://strelka.com/ru/magazine/2016/03/28/vocabulary-commodification (accessed on 06.02.2019).

224. Russia Refused to Allow a Part of the Deadpool Comic Book to be Printed (in Russian) // Lenta.Ru. January 15, 2019 – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://lenta.ru/news/2019/01/15/deadpool/ (accessed: 15.01.2019).

225. Needle (1988) [Electronic resource] // Movie Search. – [Site]. – URL: https://www.kinopoisk.ru/film/igla–1988–42576/ (accessed on 21.02.2019).

226. Komilfo Publishing House [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://www.komilfobook.ru/ (accessed on 15.01.2019).

227. Leonov A. Killing History in Ultima Online: How Criminal Players Opposed the Developers [Electronic resource] // DTF.RU. July 5, 2018. – [Site]. – URL: https://dtf.ru/games/22604–istoriya–ubiystv–v–ultima–online–kak–igroki–prestupniki–protivostoyali–razrabotchikam (accessed on 23.01.2019).

228. Ogurtsov, A.P. Absurd [Electronic resource] // Electronic Library of IF RAS. New Philosophical Encyclopedia. - [Site]. - URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe586d0704b972adec8eae5 (accessed: 11.09.2019).

229. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Ed. 4th. M., 1997 [Electronic resource] // "Slovorod.ru". – [Site]. – URL: http://www.slovorod.ru/dic-ozhegov/ozh-s.htm#_sje (accessed: 25.07.2019).

230. Useful Games: Global Research on Interactive Entertainment. Expert Council of Game Industry and Saint Petersburg State University on Unproven Harm to Video Games // DTF. – [Website]. – URL: https://dtf.ru/gamedev/5940–poleznye–igry–mirovye–issledovaniya–interaktivnyh–razvlecheniy (accessed: 21.02.2019).

231. Legal Regulation of Relations in the Internet. Russian Perspective [Online Course] // Coursera. – [Site]. – URL: https://ru.coursera.org/learn/regulirovaniye–interneta (accessed: 08.11.2018).

232. Legal Regulation of Relations in the Internet. Russian Perspective [Online Course] // Open Education. – [Site]. – URL: https://openedu.ru/course/spbu/PRAVREG/ (accessed: 08.11.2018).

233. Top–10 Most Ridiculous Judicial Disputes in Russia [Electronic resource] // Pravo.ru. – [Site]. – URL: https://pravo.ru/story/204500/ (accessed: 28.01.2019).

234. Roskomnadzor Asked not to Ban Minecraft Because of the Recipe of Dynamite, February 03. 2017 [Electronic resource] // RBC Information Agency. – [Site]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/02/2017/58946a839a7947e35f09cc7d_and_media/03/02/2017/58946a839a7947e35f09cc7d (accessed: 04.07.2018).

235. Semyonov A. The World Market of Games Will Earn $137.9 Billion for 2018 [Electronic resource] // App2Top.ru. – [Site]. – URL: https://app2top.ru/industry/mirovoj–ry–nok–igr–zarabotaet–137–9–mlrd–za–2018–god–120106.html (accessed: 26.01.2019).

236. Smith D.V. For a Child Who Spends a Lot of Time at a Computer, Cybersports is a Way Out // Mel. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://mel.fm/mneniye_eksperta/7604295–esport_eksperta/7604295–esport (accessed: 21.01.2019).

237. Chernykh A., Karpenko M., Mironova K. Rospotrebnadzor Defeated a Superhero. Part of the Comic Book about Deadpool is not Allowed to Print in Russia // Kommersant. 15.01.2019, pp. 5. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3854153 (accessed on 15.01.2019).

238. Expert: the Volume of Digital Economy can Reach 9 Trillion Rubles by 2012 [Electronic resource] // TASS. April 6, 2018. – [Site]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/5100974/ (accessed on 26.01.2019).

239. Legal Anecdotes [Electronic resource] // Orator.ru. – [Site]. – URL: http://www.orator.ru/pr_yuridiceskie_anekdoty.html_yuridiceskie_anekdoty.html (accessed on 05.02.2019).

240. I work in Roskomnadzor [Electronic resource] // The Village. – [Site]. – URL: https://www.the–village.ru/village/people/howtobe/316129–zapreschalschik (accessed on 28.01.2019).

Sources in foreign languages

Normative sources

241. The General Data Protection Regulation (EU) 2016/679 [Electronic resource] // EUR-Lex. – [Site]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (accessed: 26.01.2019).

242. Protection of Young Persons Act (Jugendschutzgesetz, JuSchG) of 23 July 2002 [Federal Law Gazette BGBI. I p. 2730, 2003 I, p. 476] [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/fileadmin/documents/Publisher_Bereich/2017_JuSchG_englisch.pdf (accessed: 21.02.2019).

Legal practice

243. *Bragg v. Linden Research, Inc., 487 F. Supp. 2d 593 (E.D.Pa. 2007)* [Electronic resource] // U.S. Government Info Portal. – [Site]. – URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-paed-2_06-cv-04925/summary (accessed: 11.02.2019).

244. *Church of the Holy Trinity v. United States, 143 U.S. 457 (1892)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/143/457/ (accessed: 24.02.2019).

245. *MDY INDUSTRIES, LLC v. Blizzard Entertainment, 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010)* [Electronic resource] // CourtListener. – [Site]. – URL: https://www.courtlistener.com/opinion/181055/mdy-industries-llc-v-blizzard-entertainment/ (accessed: 24.02.2019).

246. *Leonard v. Pepsico, Inc., 88 F.Supp. 2d 116, (S.D.N.Y. 1999) aff'd 210 F.3d 88 (2d Cir. 2000)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/88/116/2579076/ (accessed: 28.01.2019).

247. *Chung Fook v. White, 264 U.S. 443 (1924)* [Electronic resource] // FindLaw. – [Site]. – URL: https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/264/443.html (accessed: 18.10.2018).

248. *Hackbart v. Cincinnati Bengals, Inc., 601 F.2d 516 (10th Cir. 1979)* [Electronic resource] // OpenJurist. – [Site]. – URL: https://openjurist.org/601/f2d/516/hackbart-v-cincinnati-bengals-inc (accessed: 24.02.2019).

249. *Pub. Citizen v. U.S. Dep't of Justice, 491 U.S. 440, 470-71 (1989) (Kennedy, J., concurring)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/440/ (accessed: 24.02.2019).

250. *R v Dudley and Stephens (1884) 14 QBD 273 DC* [Electronic resource] // The University of Texas at Austin. – [Site]. – URL: https://la.utexas.edu/users/jmciver/357L/QueenvDS.PDF (accessed: 28.01.2019).

251. *Re Sigsworth: Bedford v Bedford [1935] 1 Ch. 98* [Electronic resource] // E-Lawresources.co.uk. – [Site]. – URL: http://www.e-lawresources.co.uk/Re-Sigsworth.php (accessed: 18.10.2018).

252. *United States v. Kirby, 74 U.S. 482 (1868)* [Electronic resource] // Justia. – [Site]. – URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/74/482/ (accessed: 24.02.2019).

Academic articles

253. Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // Czech Sociological Review. 2015. Vol. 51. No. 3. – PP. 445 – 471.

254. Alexy R. The Dual Nature of Law // Ratio Juris. – Vol. 23. – No. 2. – 2010 – PP. 167–182.

255. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Pervasive Legal Problems of the Internet of Things and the Limits of Law: Russian Perspective // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 94–123.

256. Arkhipov V., Naumov V., The Legal Definition of Personal Data in the Regulatory Environment of the Russian Federation: Between Formal Certainty and Technological Development // Computer Law and Security Review. – Dorchester (UK), 2016. – Volume 32. – Issue 6. PP. – 868–887.

257. Arkhipov V.V., Virtual Worlds in Legal Studies. An Inquiry into the Subject of Research / 25th IVR World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy Paper [Electronic resource] // Social Sciences Research Network. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2117762 (accessed: 04.02.2019).

258. Austin J. Truth / Supplementary Volume XXIV, 1950 [Electronic resource] // Proceedings of the Aristotelian Society. The Virtual Issue No. 1. 2013. – [Site]. – URL: https://www.aristoteliansociety.org.uk/pdf/austin.pdf (accessed: 10.09.2019)

259. Bix B. Cautions and Caveats for the Application of Wittgenstein to Legal Theory [Electronic resource] / Law and Social Justice, Campbell, O'Rourke & Shier, eds, MIT Press, pp. 217–229 // Social Science Research Network. – [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=619123 (accessed: 10.09.2019).

260. Bix B. Robert Alexy, Radbruch's Formula, and the Nature of Legal Theory // Rechtstheorie. – Vol. 37. – 2006. – PP. 139–149.

261. Bix B. Radbruch's Formula and Conceptual Analysis // The American Journal of Jurisprudence. 2011. Vol. 56. PP. 45 – 57.

262. Blackwell C., Carroll J. Minecraft Economics: A Study of Wealth Inequality in a Virtual World [Electronic resource] // Social Science Research Network. – 4 June 2018. – [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=3185048 (accessed: 04.07.2018).

263. Briquel D. The Punishment of the Hellespont by Xerxes: Perception of Religious Behaviour of the Enemy in Conflict Situations [Electronic resource] // Graeco-Latina Brunensia. 2016. No. 2. P. 51. – URL: https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/136219 (accessed: 28.01.2019).

264. Castronova E. The Right to Play // New York Law School Law Review. – 2004. – Vol. 49. – No. 1. – PP. 185-210.

265. Chernilo D. The Theorization of Social Co-Ordinations in Differentiated Societies: The Theory of Generalized Symbolic Media in Parsons, Luhmann and Habermas // British Journal of Sociology. 2002. Vol. 53. Issue 3. – PP. 431 – 449.

266. Consalvo M. There is No Magic Circle [Electronic resource] // Games and Culture. – 2009. – Vol. 4, Issue 4. PP. 408 – 417. – URL: http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1555412009343575 (accessed: 02.07.2018).

267. Dalton H.L. “Disgust” and Punishment // The Yale Law Journal. 1986-1987. Vol. 96. PP. 881–913.

268. Dickerson R. Statutory Interpretation: Core Meaning and Marginal Uncertainty // Missoury Law Review. – 1964. – Vol. 29. – PP. 1–12.

269. Duxbury N. Golden Rule Reasoning, Moral Judgment, and Law // Notre Dame Law Review. 2009. Vol. 84. Issue 4. PP. 1529–1605.

270. Dworkin R. Lord Devlin and the Enforcement of Morals // The Yale Law Journal. 1965-1966. Vol. 75. P. 986–1005.

271. Fairfield J., The Language-Game of Privacy // Michigan Law Review. – 2018. – Vol. 116. Issue 6. – P. 1171.

272. Fairfield J. The Magic Circle // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law. – 2009. – No. 1 (May). – PP. 823 – 840.

273. Fuller L.L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 630-672.

274. Hamari J., Sjöblom M. What is eSports and why do people watch it? // Internet Research. – Vol. 27. – Issue 2. – PP. 211–232.

275. Hare R.M. The Promising Game // Revue Internationale de Philosophie. – 1964. – Vol. 18. – No. 70(4). – PP. 398–412. – URL: https://www.jstor.org/stable/23940466 (accessed: 26 July 2018).

276. Hart H.L.A. The Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. P. 593-629.

277. Jellum L.D. But That Is Absurd! Why Specific Absurdity Undermines Textualism // Brooklyn Law Review. 2011. Vol. 76. PP. 917–939.

278. Jiang M. Authoritarian Informationalism: China’s Approach to Internet Sovereignty // SAIS Review of International Affairs. 2010. No. 30(2). PP. 71-89. – Available at Social Science Research Network [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1702128 (accessed: 02.10.2018).

279. Jackson B.S. Towards a semiotic model of the games analogy in Jurisprudence // Droit et société. – 1991. – No. 17-18. – PP. 99 – 123. – doi: https://doi.org/10.3406/dreso.1991.1105.

280. Johnson H.M. The Generalized Symbolic Media in Parsons' Theory // Sociology & Social Research. 1973. – PP. 208 – 221.

281. Klatt M. Semantic Normativity and the Objectivity of Legal Argumentation // ARSP: Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 2004. Vol. 90. No. 1. PP. 51–65.

282. Lastowka G. The Player-Authors Project [Electronic resource] // Social Science Research Network. – 30 November 2013. – [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=2361758 (accessed: 04.07.2018).

283. Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach [Electronic resource] // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University Website. – [Site]. – URL: http://cyber.law.harvard.edu/works/lessig/finalhls.pdf (accessed: 26.01.2019).

284. MacCormick N. Legal Deduction, Legal Predicates and Expert Systems // Revue Internationale de semiotique juridique. – 1992. – Vol. 5. – P. 181–202.

285. Malaby T.M. Beyound Play: A New Approach to Games. [Electronic resource] // Social Science Research Network [Site]. – URL: https://ssrn.com/abstract=922456 (accessed: 02.07.2018).

286. Manning J.F. The Absurdity Doctrine // Harvard Law Review. 2003. Vol. 116. PP. 2387–2486.

287. Marmor A. The Pragmatics of Legal Language // Ratio Juris. – 2008. – No. 4. – PP. 423–452.

288. McIntyre J. Making the Law Explicit: The Normativity of Legal Argumentation. By Matthias Klatt // The Cambridge Law Journal. 2011. Vol. 70. No. 3. – PP. 674–676.

289. Midgley M. The Game Game // Philosophy. – 1974. – No. 189 (Jul., 1974). – PP. 231–253. – URL: https://www.jstor.org/stable/3750115 (accessed: 26 July 2018).

290. Nyberg A.K. Seal of Approval: The Origins and History of the Comics Code. Vol 1. Jackson: University Press of Mississippi, 1994. – 1228 p. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://books.google.ru/books?id=WGDschFUKRQC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed: 15.01.2019).

291. Polyakov A., The St. Petersburg School of Legal Philosophy and Russian Legal Thought // Russian Legal Realism / Ed. by Brozek B., Stanek J. and Stelmach J. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2018. – PP. 1–36.

292. Radbruch G. Statutory Lawlesness and Supra-Statutory Law (1946) // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26. No. 1. PP. 1 – 11.

293. Raessens J. The Ludic Turn in Media Theory / Lecture. 2012 [Electronic resource] / Utrecht University Repository. – [Site]. – URL: https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/255181 (accessed: 03.08.2019).

294. Rodriguez H. The Playful and the Serious: An approximation to Huizinga's *Homo Ludens* [Electronic resource] / Game Studies. The International Journal of Computer Game Research. 2006. Vol. 6. Issue 1 // "Game Studies". – [Site]. – URL: http://gamestudies.org/0601/articles/rodriges (accessed: 25.07.2019).

295. Rustad M.L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Social Science Research Network Website, URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799578 (accessed: 24.01.2019).

296. Sergeyeva O., Tsareva A., Zinoveva N., Kononova O. Social Skills Amongst MMORPG-Gamers: Empirical Study // SHS Web of Conferences. – 2018. – No. 50. PP. 1–5. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001008.

297. Stanton-Ife J. The Limits of Law [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/law-limits/ (accessed: 17.10.2018).

298. Staszewski G. Avoiding Absurdity // Indiana Law Journal. 2006. Vol. 81. PP. 1001–1065.

299. Stenros J. In Defence of Magic Circle: The Social and Mental Boundaries of Play [Electronic resource] / Proceedings of DiGRA Nordic 2012 Conference: Local and Global – Games in Culture and Society // Digital Games Research Association. – [Site]. – URL: http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/12168.43543.pdf (accessed: 06.02.2019).

300. Thacker L.E. Interpretation and Legal Theory. A. Marmor. Oxford: Clarendon Press, 1992, 193 pp. (Review) // Dalhousie Journal of Legal Studies. – 1993. – Vol. 2. – PP. 330–338.

301. Treviño J., Talcott Parsons Today. His Theory and Legacy in Contemporary Sociology / Ed. by A. Javier Treviño, Foreword by Neil J. Smelser. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001. – 261 p.

302. Turner T.S. Parsons' Concept of "Generalized Media of Social Interaction" and its Relevance for Social Anthropology // Sociological Inquiry. 1968. Vol. 38. Issue 2. – PP. 121 – 134.

303. Turner B.S., Preface to the New Edition // Parsons T., The Social System. London: Routledge, 1991. – pp. 14 – 31.

304. Van Doren J.W. Theories of Professors H.L.A. Hart and Ronald Dworkin – A Critique // Cleveland State Law Review. 1980. Vol. 279. PP. 279 – 309.

Monographs and other books

305. Brandom R.B. Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard University Press, 1994. – 741 p.

306. Caenegem R.C. van. An Historical Introduction to Private Law. 1992. – 215 p.

307. Coleman J. The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. Oxford, 2001. – 248 p.

308. Costello M.J. Secret Identity Crisis: Comic Books and the Unmasking of Cold War America. New York: Continuum. 2009. – 293 p.

309. Cotterrell R. Law, Culture and Society. Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Hampshire: Ashgate, 2006. – 205 p.

310. Devlin P. The Enforcement of Morals. – Oxford: Oxford Paperbacks, 1968. – 154 p.

311. Duranske B.T. Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds. – Chicago, Illinois: ABA Publishing, American Bar Association. – 2008. – 461 p.

312. Feinberg J. Harm to Others. New York: Oxford University Press. 1984. – 288 p.

313. Fine G.A. Shared Fantasy: Role-Playing Games as Social Worlds. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 298 p.

314. Fuller L.L. Anatomy of the Law. New York and Toronto: The New American Library, 1969. – 196 p.

315. Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven and London: Yale University Press, 1964. – 202 p.

316. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. – Boston: Northeastern University Press, 1974. – 586 p.

317. Handbook of the Sociology of Emotion: Volume II / Ed. by Stets J.E., Turner J.H. – Heidelberg, New York, London: Springer, 2014. – 578 p.

318. Hart H.L.A. The Concept of Law. – 2nd Edition. – New York: Oxford University Press, 1994. – 315 p.

319. Klatt M. Making the Law Explicit. The Normativity of Legal Communication. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2008. – 303 p.

320. Korzybski A. Science and Sanity. 5th Ed. 2nd Printing. Brooklyn, New York: Institute of General Semantics, 2000. – 825 p.

321. Lastowka G. Virtual Justice. The New Laws of Online Worlds. New Haven and London: Yale University Press. 2010.

322. Manovich L. The Language of New Media. London: MIT Press: Cambridge, Massachusets, 2001. – 202 p.

323. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. 2nd Ed. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2005. – 179 p.

324. Mill J.S. Utilitarianism, Liberty and Representative Government, London: Dent. 1920. – 393 p.

325. Parsons T., The Social System. London: Routledge, 1991. – 404 p.

326. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Oxford University Press. 1986. – 434 p.

327. Ross A. On Law and Justice (1959). – Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd., 2004. – 383 p.

328. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 326 p.

Mass-media, blogs and other Internet sources

329. 10 Weird and Wonderful Cases Every Law Student Should Know About [Electronic resource] // Oxford Royale Academy. – [Site]. – URL: https://www.oxford-royale.co.uk/articles/weird-wonderful-law-cases.html (accessed: 28.01.2019).

330. Abandonment / Comics Code Authority // Wikipedia. – [Electronic Resource]. – [Site]. URL: – https://en.wikipedia.org/wiki/Comics_Code_Authority#cite_note-3 (accessed: 15.01.2019).

331. Allen N. To Kill a Mockingbird and Huckleberry Finn banned from schools in Virginia for racism // The Telegraph. 5 Dec. 2016. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/05/kill-mockingbird-huckleberry-finn-banned-schools-virginia-racism/ (accessed: 02.10.2018).

332. Amini T., 25 Video Game Violence Studies, Summarized // Kotaku. 1/17/13 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://kotaku.com/5976781/25-video-game-violence-studies-summarized (accessed: 11.01.2019).

333. Belgium Joins the Netherlands in Ruling that Declares Some Loot Boxes Illegal [Electronic resource] // IGN. 25 Apr. 2018. – [Site]. – URL: https://www.ign.com/articles/2018/04/25/belgium-joins-the-netherlands-in-ruling-that-declares-some-loot-boxes-illegal (accessed: 25.02.2019).

334. CBLDF Case Files – Texas v. Castillo [Electronic resource] // Comic Book Legal Defense Fund. – [Site]. – URL: http://cbldf.org/about-us/case-files/cbldf-case-files/castillo/ (accessed: 21.02.2019).

335. China to Crack Down on Children's Video Gaming Time Amid Fears Over Addiction [Electronic resource] // The Telegraph. 31 August 2018. – [Site]. – URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/31/china-crack-childrens-video-gaming-time-amid-fears-addiction/ (accessed: 24.02.2019).

336. ESRB Ratings Guide [Electronic resource] // ESRB. – [Site]. – URL: http://www.esrb.org/ratings/ratings_guide.aspx (accessed: 21.02.2019).

337. Facebook. Our History [Electronic resource] // Facebook Newsroom. – [Site]. – URL: https://newsroom.fb.com/company-info/ (accessed: 26.01.2019).

338. Feinberg, Joel [Electronic resource] // Encyclopedia.com. – [Site]. – URL: https://www.encyclopedia.com/humanities/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/feinberg-joel-1926-2004 (accessed 23.01.2019).

339. Golden Rule of Interpretation / Construction [Electronic resource] // Law Aids. – [Site]. – URL: http://lawaids.blogspot.com/2010/05/golden-rule-of-interpretation-and.html?_sm_au_=iVVQtSjTJFHSQ3fP (accessed: 24.02.2019).

340. Joseph Raz [Electronic resource] // Columbia University. – [Site]. – URL: https://www.law.columbia.edu/faculty/joseph-raz (accessed: 26.01.2019).

341. Lifetime Achievement [Electronic resource] // PC Magazine. December 22, 2004. – [Site]. – URL: https://www.pcmag.com/article2/0,2817,1744159,00.asp (accessed: 23.01.2019).

342. Pokémon Go (см.: Pokémon Go [Electronic resource] // Pokémon Go. The Pokémon Company International, Inc. – [Site]. – URL: https://www.pokemongo.com/en-us/ (accessed: 24.01.2019).

343. The Comics Code of 1954 // Comic Book Legal Defense Fund. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://cbldf.org/the-comics-code-of-1954/ (accessed: 15.01.2019).

344. Deadpool // Marvel. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.marvel.com/characters/deadpool-wade-wilson (accessed: 15.01.2019).

345. Lastowka G. The New Laws of Online Worlds (Annotation) [Electronic resource] // Yale University Press. – [Site]. – URL: https://yalebooks.yale.edu/book/9780300177749/virtual-justice (accessed: 04.02.2019).

346. Lolita / The Hunger Games Reaches Another Milestone: Top 10 Censored Books // Time. Sept. 28, 2008 [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://entertainment.time.com/2011/01/06/removing-the-n-word-from-huck-finn-top-10-censored-books/slide/lolita/ (accessed: 02.10.2018).

347. Macleod C. John Stuart Mill [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (August 25, 2016). – [Site]. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/mill/ (accessed: 23.01.2018).

348. Manhunt [Electronic resource] // Rockstar Games. – [Site]. – URL: https://www.rockstargames.com/manhunt/ (accessed: 21.02.2019).

349. Morton J. Obituary: Lord Devlin [Electronic resource] // Independent. 11 August 1992. – [Site]. – URL: https://www.independent.co.uk/news/people/obituary-lord-devlin-1539619.html (accessed: 23.01.2019).

350. PEGI Age Ratings [Electronic resource] // PEGI. – [Site]. – URL: https://pegi.info/page/pegi-age-ratings (accessed: 21.02.2019).

351. M. Raei. Jean Baudrillard and the notion of modernity and media // Medium.com. Feb. 11, 2018. – [Site]. – URL: https://medium.com/@raeimohsen/jean-baudrillard-and-the-notion-of-modernity-and-media-4b5fc1a92f7c (accessed: 09.09.2019).

352. Raphael Koster [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,327570/ (accessed: 23.01.2019).

353. Report of Committee on Homosexual Offences and Prostitution (Cmnd 247). 1957 [Electronic resource] // The National Archives. – [Site]. – URL: http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C1386377 (accessed: 23.01.2019).

354. Roberts W. The Dumbest Lawsuits in Recent History [Electronic resource] // Ranker. – [Site]. – URL: https://www.ranker.com/list/the-13-dumbest-lawsuits-in-recent-history/williammtx (accessed: 28.01.2019).

355. Seriousness [Electronic resource] // The Free Dictionary. - [Site]. - URL: http://www.thefreedictionary.com/Seriousness (accessed: 25.07.2019).

356. Space Invaders. Electronic Game [Electronic resource] // Encyclopaedia Britannica. – [Site]. – URL: https://www.britannica.com/topic/Space-Invaders (accessed: 21.02.2019).

357. Thomas Reid Quotes [Electronic resource] // Goodreads. – [Site]. – URL: https://www.goodreads.com/author/quotes/17381.Thomas_Reid (accessed: 24.02.2019).

358. Udupa S., Costa E., Budka P. The Digital Turn: New Directions in Media Anthropology / Discussion Paper for the Follow-Up E-Seminar on the EASA Media Anthropology Network Panel "The Digital Turn" at the 15th European Association of Social Anthropologists (EASA) Biennal Conference, Stockholm, Sweden, 14-17 August 2018 [Electronic resource] // Media Anthropology Network. – [Site]. – URL: http://www.media-anthropology.net/file/udupa_costa_budka_digital_turn_discussion_paper.pdf (accessed: 03.08.2019)

359. Unger R. 25 Insane Court Cases That Never Should Have Made It To Court [Electronic resource] // MoneyVersed. – [Site]. – URL: http://moneyversed.com/absurd-court-cases/ (accessed: 28.01.2019).

360. USK - Unterhaultungssoftware Selbstkontrolle [Electronic resource] // USK. – [Site]. – URL: http://www.usk.de/en/ (accessed: 21.02.2019).

361. Video Gaming Industry Overview // WePC. May 2018. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: https://www.wepc.com/news/video-game-statistics/ (accessed: 11.01.2019).

362. Will Wright [Electronic resource] // MobyGames. – [Site]. – URL: https://www.mobygames.com/developer/sheet/view/developerId,4217/ (accessed: 23.01.2019).

363. Wilson M.D. Comics Bogeyman: A Look Back at 'Seduction of the Innocent' // Comic Alliance. – [Electronic resource]. – [Site]. – URL: http://comicsalliance.com/history-fredric-wertham-seduction-of-the-innocent/ (accessed: 15.01.2019).

364. YouTube Policies and Safety [Electronic resource] // YouTube. – [Site]. – URL: https://www.youtube.com/intl/en-GB/yt/about/policies/#community-guidelines (accessed: 21.02.2019).

365. Zimmerman E. Jerked Around by the Magic Circle – Clearing the Air Ten Years Later [Electronic resource] // Gamasutra. – [Site]. – URL: https://www.gamasutra.com/view/feature/135063/jerked_around_by_the_magic_circle_.php (accessed: 18.10.2018).

Annex 1. Structural flowchart of the logic of the concept of the semantic limits of law

Table 1. Structural flowchart of the logic of the concept of the semantic limits of law

Semantic limits of law		***Correspondence to the criteria***			
Criteria	***«SERIOUSNESS» –*** *«Currency value» of the object of relations (T. Parsons et al.)*	No	Yes	No[562]	Yes
	«REALITY» – *Adequacy of the functionality of the object of relations[563] (isomorphism)*	No.	No	Yes	Yes
Qualification of the result of interpretation in relation to common sense		Absurdity	Weighing of values / morality		Common sense
Practical situation example		Blocking the site with a fantasy recipe of dynamite from *Minecraft*. The subject is functionally a fantasy, and the use of dynamite in *Minecraft* has no "currency value" in the sense of the corresponding norm.	Social satire in relation to real subjects. The subject is obviously serious (conversion), but most often unrealistic. Law enforcement depends on weighing freedom of speech and other values.	Field role-playing game using real arms. The object is not serious, but functionally adequate. Weighing public danger and the right to rest / culture.	A classic "*gunman situation*" in which the robber relies on violence (encroaching on "social and currency value") and uses real weapons to obtain real money (the main subject is probably money, not weapons).

[562] In this case, it can be assumed that the "socio-currency value" does not exist as a result of a change in the convention – the J. Fairfield's principle of consent.

[563] The "seriousness" and "reality" of the subject matter of the relationship are interrelated and mutually defined criteria. The adequacy of the function should be determined in that aspect of the object in which it has currency value, and vice versa. **The analysis of the actual composition as a part of the law enforcement process should include an intellectual process of identifying the elements having "socio-currency value" and checking their functional adequacy (or vice versa depending on the situation)**. "Currency value" should be assessed from the point of view of the subject of regulation of the norm, the application of which to the relations is considered.

Annex 2. Functional flowchart of analytical process of application of the concept of the semantic limits of law ("borderline situation" of interpretation)

Table 2. Functional flowchart of analytical process of application of the concept of the semantic limits of law ("borderline situation" of interpretation)

№	Consecutive stage of the process	Description / clarification of the stage	**Practical example** (blocking of *Minecraft's website*)[564]
1.	Rational or intuitive **formulation of the hypothesis about absurdity** of the result of interpretation of the law	From the point of view of common sense philosophy, an intuitive statement of such a hypothesis in the order of things – it is obvious that "something is wrong" with the interpretation. From a more detailed point of view, it can be noted that the possibility and legitimacy of the intuitive formulation of the question can be explained by the fact that a socialized (including professional) specialist in the field of law, whose personality is the product of his social reality, at least, approximately realizes or "feels" the typical for a given society and time generalized symbolic media and can guess that this "something" may be "wrong". Doubts about the isomorphism of the subject of the relationship to the central value of the legal norm can be quite rational – the absence of a direct logical correspondence.	If the information about the blocking of the website containing the description of the recipe of the "explosive substance" from the computer game is limited, the intuitive grounds of the result of the interpretation of the relevant legal texts are seen as absurd.
2.	Identification of **the object of social relations**, the analysis of the qualities of which is necessary for the resolution of the case.	One of the most difficult stages in the concept. Any real social attitudes are complex and include several possible objects, each of which can potentially be linked to different generalized symbolic media. Thus, at this stage, the perspective of the situation is chosen. Since the key practical objectives of the concept of semantic limits of law are to propose models and structure forms for the application, interpretation and creation of a law in the area	The object of the relationship associated with the posting of such a prescription may vary, for example, the distribution of such content may be assessed in terms of intellectual property rights or freedom of creation. The possibility of blocking is faced with these values and linked to the hypothetical notion that it is "terrorist activity"

[564] A crosscutting representative example of this study. At least once, a court decision was made to restrict access to the site of the popular (and quite innocent) computer game *Minecraft*, which contained a "recipe for making dynamite" that was fictitious. Roskomnadzor itself found this decision absurd and did not block the site. For more details, see § 5 of Chapter 1 of this study.

		of "penumbra", the starting point for establishing the subject matter may be, for example, the central importance of the law, the priority of public policy and other positive (in the sense of positive law or positive morality) grounds that directly or indirectly lead to a shared value.	(whereas the absurdity - to call it the computer entertainment game process - can be seen here as elements of a grotesque). The subject of the relationship is, therefore, information about the object of the alleged terrorist activity.
3.	**"Preparation" of the core meaning of the legal norm** for further use as a reference for checking the functional adequacy of the subject of the legal relationship.	This step is based on the notion that in any rule, regardless of the degree of formal uncertainty, it is possible to identify at least one value that can be attributed to the "core" in terminology of H. Hart. Using the method of hypothesis and logical methods, *the model core meaning or the range of meanings, which can be said to be central, is analytically distinguished*, after which, if necessary, *abstraction from the details to form the idea of the function of the model core meaning is carried out*.	The core meaning of the relevant legal provision includes the distribution of such a recipe of dynamite, which can create a real explosive substance.
4.	Verification of **the functional adequacy of the subject matter of the relationship** to the core meaning of the legal norm, which is supposed to be applied in this case.	This step depends on the results of the previous steps. The selected abstract function underlying the core meaning of the relevant legal norm is *compared with the function of the object of the relationship*, which was highlighted in the second stage of the process of establishing semantic limits of law in a given situation.	The function of the recipe for dynamite in the game is compared with the function of the recipe for dynamite in "real" life. The conclusion is made about fantasy function and function of dynamite in the game. In fact, two information objects are compared. **We emphasize that the answer would be different if the function of the recipe dynamite in the game was adequate to the function of the recipe dynamite in real life.**
5.	Assessment of the **"socio-currency value"** of the subject of attitude from the point of view of theoretical and empirical sociology.	In parallel with the process of determining the functional adequacy (isomorphism, fantasy) of a relationship subject at the center of a controversial, potentially absurd situation, the subject is evaluated from the point of view of empirical sociology. The *key method is a mental experiment, ideally based on empirical data,*[565] *the convertibility of the value component of the object of*	From the point of view of empirical sociology, *and in the perspective in which we consider the object of the relationship* (see the result of Stage 2) that we have no convertible "socio-currency value". For example, there is no evidence that *Minecraft* is used by terrorists as an ideological tool.

[565] Empirical evidence of convertible currency value can be, for example, confirmed representative and relevant examples of (a) commercialization of the subject of relations (generalized symbolic media – money), the use of the subject of relations in the mobilization of social groups in political activities (generalized symbolic media – political power) and other examples of conversion into other generalized symbolic media of a high level of abstraction, as well as (b) cause-and-effect relationship between the subject of relations existing at the lower level of abstraction practices at the societal level that underlie some generalized symbolic media (e.g., the conversion of art into violence of a "monopolistic" or "quasi-monopolistic" nature as the object of a low level of abstraction that underlies political power (T. Parsons).

		the relationship, including on the basis of the notion of external referent of value, into generalized symbolic media or, where a potential media is involved, into other generalized symbolic media.	**Let us emphasize that the answer would be different if *Minecraft* was a "cult" phenomenon among terrorists in modern culture and social life. Or, for example, among the ideologists of massacres in schools. There is no empirical evidence, even indirect evidence of this at the moment (unlike, for example, some other computer games, the subject of separate discussion).**
6.	Structuring legal reasoning by **"translating" the key arguments of the analysis into the language of legal dogmatism**.	As a result of the implementation of the thinking (and, if possible and necessary, empirical) process at previous stages, formed a sociological and legal and theoretical-sociological system of arguments, justifying the application or lack of the possibility of application of the legal norm. However, it should be translated into the language of legal dogmatics in order to be included in the system of rational legal argumentation, which itself acts as an external referent of value, ensuring the functioning of the legal system as a subsystem of a general social system based on such generalized symbolic media as value commitments and, especially, influence.	The above arguments are "translated" into the language of formal-dogmatic jurisprudence in order to prepare a coherent legal reasoning. At this stage, on the basis of semantic analysis, the syntax is used explicitly. The main conclusion of the case study is that it is absurd to apply the norms that allow limiting the information about the means of carrying out terrorist activities, because the function of the subject of relations is fantasy and the subject of relations has no convertible "socio-currency value". In the "translation" into the language of formal-dogmatic jurisprudence: "*This interpretation of the legal norm is absurd, because the disposition of this norm does not cover the circumstances of the case. The subject of public relations cannot be considered as a special object of legal relations on restricting information on the methods of terrorist activities. The relevant law regulates the most important public relations, but there are no such relations in this case*". Note when the reasoning and response will change: 1) If we analyze the situation from the point

			of view of another object of relations (for relations in the field of contemporary interactive art we can highlight the object of "social-currency value"). 2) If the intra-game recipe for dynamite is functionally consistent with the actual recipe for dynamite. In this case, there is a functional adequacy and the question of the possibility of limiting such information ceases to be not relevant.[566] 3) Even if the intra-game recipe for dynamite is fantastic, but through, for example, a "language game" (the word "dynamite" is used for both), the game itself becomes a tool for the ideological influence of terrorists or other offenders (i.e., a convertible "socio-currency value" is obtained), the question of whether such information can be restricted also ceases to be not relevant.

[566] In fact, this second potential exception is very important for the whole study. *Firstly*, it can be seen as a conclusion for the right to information (the imposition of such a restriction may be legitimate because it can be reasonably justified on the condition that it is 'weighed' against freedom of information). *Second*, as a conclusion for game design (it is recommended that developers take into account the reality of the object, as this may create risks or, conversely, if it is not a dynamite and similar things, the opportunity to play). Third, as a conclusion for game studies (the isomorphism of the function of the game elements to real subjects is a necessary factor for the requalification of the product, for example, from entertainment to training).

Annex 3. The table of correspondence between expressions of legal dogma and the notions of the concept of the semantic limits of law

Table 3. The table of correspondence between expressions of legal dogma and the notions of the concept of the semantic limits of law

№	Indicative[567] expression of legal dogmatics	Concept of the theory of semantic limits of law	Clarification
1.	«Absurd interpretation [of the legal text]".	***Meaning 1***. The result of legal interpretation, which implies the application of the rule of law to public relations, the subject matter of which does not possess the qualities of "seriousness" and "reality" at the same time. ***Meaning 2***. The result of legal interpretation, which implies the application of the rule of law to public relations, the subject matter of which does not possess any of the fundamental qualities ("seriousness" or "reality"), and the result of "weighing" moral values in a given society at this stage of development excludes the application of the legal norm.	Although both law enforcement practice and individual legal texts and legal interpretation theory use the criterion of "absurdity", it is generally not disclosed in sufficient detail and specificity to be used in actual legal reasoning. Giving a clear meaning to the term "absurd" in the context of legal interpretation is one of the key objectives of this study.
2.	"The disposition [*hypothesis*/*sanction*] of the legal norm does not cover [these] facts of the case" and/or "These facts of the case are not subject to the legal regulation of this legal norm".	The subject matter of the considered relations is *fantasy* (functionally inadequate) to the central importance of the legal norm.	The "fantasy" of the object of the relationship, in terms of an isomorphic interpretation of the theory of correspondent truth and in relation to the central meaning of the legal norm, by definition means that the facts constituting the object *are not legal facts*.
3.	«Based on the meaning of the legal rule in question, it does not apply to these relations»	«The object of public relations *has "socio-currency value"*, although we cannot necessarily assert that the object is *functionally adequate to the core meaning of the legal norm*. If the object is fantasized, we need to "weigh" moral values to establish the possibility of law enforcement as a result of an expansive interpretation of the legal text».	If the subject is an external referent of value from the point of view of empirical sociology (hereinafter – "ERV") and (or) otherwise has a social currency value referring to a convertible generalized symbolic media (hereinafter – "GSM"), although it is not mentioned or implied in the legal norm directly, it can (and probably should) nevertheless be regulated by law. However, since the decision to apply the law in this case is not obvious, a rationale involving weighing up moral values is necessary.

[567] The word "indicative" in this case aims to clarify that specific expressions of legal dogma.

4.	«There is a gap in legislation and it needs to be addressed by analogy of law [*analogy of statute*]»	Similar to the above, but at the same time we can unequivocally assert that the function of the object of the relationship is inadequate (fantasy) to the function implied in the core meaning of the legal norm.	Similarly, subject to the correction of a clear understanding of the fantasy nature of the subject.
5.	«The most important social relations».	Social relations, the object of which has "socio-currency value".	According to numerous publications in the field of legal theory, there is a universal "explanation" of what can be regulated by law. Of course, the law – on the example of a common definition of law – can only regulate "the most important social relations". Of course, this is true. But the concept of semantic limits of law allows us to eliminate the amorphousness of the circle of meanings of this term and explain the principle of singling out the most important public relations through "socio-currency value".
6.	«Special object of legal relationship».[568]	External referent of value.	The special object of the legal relationship has value properties, and for law "value properties" has what reflects the "socio-currency value", converted into alternative GSM. Therefore, a special object, as a specific material or non-material object, is an ERV.
7.	«Public danger»	«Seriousness» in the meaning of the convertible «socio-currency value».	The nuance is that seriousness does not necessarily mean social danger – it means the exact opposite of it quite often. Conditionally, this contrast can be called "public good" (it seems that here we are getting closer to utilitarianism).

[568] As A.V. Polyakov and E.V. Timoshina point out: "The special object of legal relations can be considered specific material and non-material, animated and inanimate objects – carriers of value properties". See: Polyakov A.V., Timoshina E.V. General theory of law. P. 387. The above definition is given within the framework of the pluralistic theory of the object of legal relations.